

«SÖZÜM MUNDA QALİR, BARİR BU ÖZÜM...»

Scripta in memoriam

D.M. Nasilov

Коллективная монография

МОСКВА
МБА
2019

УДК 811.512.151

ББК 81.63

О-36

Авторы:

Аврутина А.С.	Дамбуева П.П.	Муртазалиев А.М.	Селютина И.Я.
Акалын Ш.Х.	Дубровина М.Э.	Напольнова Е.М.	Сыздыкова Ж.С.
Алексеева О.А.	Дыбо А.В.	<u>Насилов Д.М.</u>	Таганова М.А.
Аниеева Т.А.	Есипова А.В.	Невская И.А.	Тажибаева С.Ж.
Баджанлы Э.	Кадырова О.М.	Ниязова Г.Н.	Телицин Н.Н.
Бурыкин А.А.	Копуцу В.И.	Норманская Ю.В.	Чертыкова М.Д.
Воробьева С.Н.	Кульганек И.В.	Оганова Е.А.	Шамина Л.А.
Глашев А.А.	Кызласов И.Л.	Ольмез М.	Шарина С.И.
Гузев В.Г.	Лосева-Бахтиярова Т.В.	Пустогачева О.Н.	Шенцова И.В.
Гусейнов Г.-Р.А.-К.	Майнагашева Н.С.	Репенкова М.М.	

Рецензенты:

Севинч Учгюль д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Эрджиевского государственного университета (Кайсери, Турция)

А.В. Штанов к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО-Университета МИД РФ (Москва)

Ответственный редактор:

Е.А. Оганова (Москва)

Редакторы:

И.А. Невская (Франкфурт-на-Майне), *М.М. Репенкова* (Москва),

А.В. Чиврикова (Москва), *О.Н. Каменева* (Москва)

«Sözüm munda qalır, barİR bu özüм...». Scripta in memoriam D.M. Nasilov. Коллективная монография / отв. ред. Е.А. Оганова. — М.: ООО «Издательство МБА», 2019. — 399 с.

ISBN 978-5-6042199-1-1

Данная коллективная монография является плодом труда более тридцати авторов — тюркологов-филологов, для которых выдающийся отечественный лингвист, ученый с мировым именем, профессор, доктор филологических наук Дмитрий Михайлович Насилов (1935–2017) стал путеводной звездой в их научных изысканиях. Д.М. Насилов объединил многогранностью своего таланта отечественных и зарубежных тюркологов, которые подняли в разделах монографии актуальные проблемы современной тюркской лингвистики, литературоведения и культурологии. Отдельный раздел монографии представлен воспоминаниями о жизни и научной деятельности Д.М. Насилова.

УДК 811.512.151

ББК 81.63

ISBN 978-5-6042199-1-1

© Коллектив авторов, 2019

© Издательство МБА, 2019

«Sözüm munda qalir, barir bu özüm...»

«Слова мои останутся, а сам я ухожу...»

*(Из поэмы Ахмада-Адиба Югнаки
«Подарок истин», XII–XIII вв.)*

От редакторов

Данная коллективная монография является плодом труда более тридцати авторов — тюркологов-филологов, для которых выдающийся отечественный лингвист, ученый с мировым именем, профессор, доктор филологических наук Дмитрий Михайлович Насилов (1935–2017) стал путеводной звездой в их научных изысканиях. Д.М. Насилов объединил многогранностью своего таланта лингвистов, литературоведов, культурологов и историков, которые подняли в разделах монографии актуальные для сегодняшней тюркологии проблемы, а именно лексикологии, морфологии, грамматики, компаративистики, ономастики различных тюркских языков. Они продемонстрировали свой особый взгляд на состояние современной турецкой литературы, а также выдвинули новаторский ракурс исследования тюркского фольклора. Своими достижениями в тюркологии авторы монографии, как и ряд других отечественных и зарубежных ученых-тюркологов, во многом обязаны Д.М. Насилову — другу, наставнику-учителю, коллеге.

26 июня 2017 года, когда Д.М. Насилов ушел из жизни, навсегда останется в нашей памяти днем невосполнимой утраты.

На протяжении многих десятилетий Дмитрий Михайлович, не жалея сил, трудился на благо отечественной и мировой тюркологии и алтайского языкознания. Ему принадлежат основополагающие работы по истории тюркологии, исследования по сравнительно-исторической, описательной и теоретической грамматике тюркских языков и др. — в общей сложности более 300 работ.

Имя Д.М. Насилова известно любому тюркологу и в России, и за рубежом: достаточно назвать фундаментальный «Древнетюркский словарь», в составлении которого Дмитрий Михайлович сыграл важнейшую роль.

Дмитрий Михайлович инициировал выход в свет и был редактором энциклопедических сборников, посвященных современному состоянию алтай-

ских языков Сибири и Дальнего Востока, в том числе «Красной книги языков Российской Федерации». Всеми силами он ратовал за организацию и усовершенствование процесса просвещения младописьменных и бесписьменных народов России, создания учебных пособий и словарей, предназначенных для средних школ и профессиональных учебных заведений.

Дмитрий Михайлович был преподавателем от бога: всю жизнь он вел лекции и семинары, практические занятия в ведущих вузах России и мира. Его приезд с лекциями в университет всегда был событием и для студентов, и для преподавателей. Его занятия были поистине уникальными: они сочетали в себе глубину и всесторонний анализ исследуемого явления с легкостью подачи материала, всегда были наполнены тонким юмором, интеллигентным предупредительным отношением к слушателям — будь то именитый профессор или студент-двоечник, пришедший на третью пересдачу. С 1996 года профессор Д.М. Насилов преподавал в своей Alma Mater — Институте стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, с 2014 года и до самой смерти был заведующим кафедрой тюркской филологии Института.

Под руководством Д.М. Насилова защищено 8 диссертаций, для более чем 50 диссертаций он выступил оппонентом. При этом его работа с диссертантом, как правило, не ограничивалась оппонированием: со многими соискателями степени Дмитрия Михайловича и после защиты связывали прочные научные и дружеские нити: профессор наставлял, советовал и консультировал автора диссертации многие годы и десятилетия. Даже тогда, когда его воспитанник уже сам становился известным ученым, доктором наук, создавал свою собственную научную школу, он ощущал необходимость поддержки Дмитрия Михайловича — и всегда получал ее.

Дмитрий Михайлович был известен также и как прекрасный организатор, ведущий огромную общественную работу: многие годы он был заместителем председателя Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, главным редактором журнала «Российская тюркология», членом диссертационных советов ИСАА и Института востоковедения РАН, членом ученого совета ИСАА, членом экспертной группы по проблемам коренных языков малочисленных народов РФ при Комитете по делам национальностей Государственной Думы РФ, экспертом РГНФ, почетным членом Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu).

За свои заслуги в области тюркологии Д.М. Насилов был удостоен высшего ордена, которым награждаются ученые, и который вручает лично президент Турецкой Республики, — Государственного ордена «Лиякат». Его вручение состоялось 11 июня 2014 г.

Дмитрий Михайлович был скромным интеллигентным человеком глубокой внутренней культуры, считающим главным делом своей жизни помощь ближнему в широком смысле этого слова. Для всех его многочисленных учеников и последователей он был не просто ученым, коллегой, наставником, он

был для нас поистине родным человеком, с которым можно было обсудить любые проблемы, обрести уверенность и спокойствие. Мы жадно пили из этого источника знаний и жизненной мудрости — как жаль, что нельзя было напиться впрок... И как же нам всем не хватает сейчас его энергии, неиссякаемого оптимизма, бодрого голоса, его отеческой заботы о нас...

* * *

Эта коллективная монография составлена в знак глубокого уважения и признательности Д.М. Насилову за тот вклад, который он внес в научное и личностное развитие каждого из авторов публикуемых статей.

Монография состоит из научных статей его многочисленных последователей, отражающих широчайший круг научных интересов Д.М. Насилова, а также из воспоминаний о нем, написанных его учениками и коллегами.

Читатель обратит внимание, что имя Дмитрия Михайловича Насилова, его труды упоминаются во многих научных работах данной коллективной монографии: его ученики и последователи, даже после ухода Дмитрия Михайловича из жизни, ведут с ним научный диалог: они опираются в своих работах на теоретические положения, разработанные им, подтверждают его гениальные научные догадки и гипотезы анализом конкретного языкового материала. Это тот бесценный дар, который оставил нам Дмитрий Михайлович в своей земной жизни, — дар, которым мы хотим и должны поделиться!

Светлая память, дорогой и любимый Дмитрий Михайлович...

* * *

Редакторы выражают огромную признательность всем авторам, а также магистранту ИСАА Верховой Ксении и аспиранту ИСАА Алексеевой Ольге за неоценимую помощь в техническом редактировании данной коллективной монографии.

Список основных научных трудов Д.М. Насилова

Монографии, коллективные монографии, учебные пособия

1. Структура времён индикатива в древнеуйгурском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1963.
2. Древнетюркский словарь: словарные статьи, редактор / Д.М. Насилов и др. — Л., 1969.
3. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. — Л.: Наука ЛО, 1989. — 208 с.
4. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность / Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — М., 1989. — 32 с.
5. Expression of situational plurality in Turkic languages // Typology of Iterative Constructions. / Д.М. Насилов, Х.Ф. Исхакова, В.И. Рассадин. — München, 1997.
6. Imperative sentences in Turkic languages // Typology of imperative sentences. / Д.М. Насилов, И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова, Ш. Сафаров. — München: Lincom Press, 2001. С. 181–220.
7. Концепция модели этнической школы для коренных малочисленных народов Севера РФ / Д.М. Насилов и др. — М., 2001.
8. Карлукско-уйгурская группа: Фонетика. Глагол // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. — М., 2002. — С. 339–418.
9. Репресированная тюркология / Д.М. Насилов, Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов. — М., 2002.
10. Национальная школа: направления совершенствования структуры и содержания образования // Федеральная программа развития образования / Д.М. Насилов и др. — М., 2003.
11. Словарные статьи: *Л, М, Н, П* // Этимологический словарь тюркских языков / Д.М. Насилов и др. — М., 2003.

12. Уступительные конструкции в тюркских языках // Типология уступительных конструкций / Д.М. Насилов, И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова. — СПб.: Наука, 2004. — С. 425–452.
13. Программа лингвистического курса «Древнетюркские языки» // Программы курса турецкого языка и теоретических курсов / сост. Ю.В. Щека. — М.: ИСАА МГУ, 2005. — С. 51–54 (114 с.)
14. Программа спецкурса «Основы тюркской семантики» // Программы курса турецкого языка и теоретических курсов / сост. Ю.В. Щека. — М.: ИСАА МГУ, 2005. — С. 55–63. (114 с.)
15. К реконструкции деривационных категорий глагола // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. А.В. Дыбо, Э.Р. Тенишев. — М.: Наука, 2006. — С. 268–325. (908 с.)
16. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / Д.М. Насилов, И.А. Невская, И.В. Шенцова, Х.Ф. Исхакова. — СПб.: Наука, 2007. — С. 469–518.
17. Примерная образовательная программа по тюркским языкам для русскоязычных учащихся (1–4 классы) // Примерные программы для начального общего образования в условиях двуязычной образовательной среды / Д.М. Насилов, И.В. Андреева, З.К. Тудвасева — М.: ИНПО, 2008. — С. 77–100.
18. Турецкий язык. 5 класс. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений / Д.М. Насилов, Л.Н. Дудина, Л. Нагиева — М., Магеррамов И.А. — М.: Вентана-Граф, 2008. — 158 с.
19. Учебник азербайджанского языка для стран СНГ. — М.: Восточная литература, 2009 / Д.М. Насилов, Л.Г. Исмайлова. — 261 с.
20. Филологическое образование на начальном этапе обучения в двуязычной образовательной среде: монография / Д.М. Насилов, И.В. Андреева, З.К. Тудвасева, К.Н. Бичелдей, П.П. Дамбуева и др. — М.: ИНПО, 2009. — 376 с.
21. Таксис в тюркских языках // Типология таксисных конструкций / Д.М. Насилов, И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова. — М.: Знак, 2009. — С. 750–802.
22. Concessive constructions in Turkic Languages // Typology of Concessive Constructions. LINCOS Studies in Theoretical Linguistics 50. Lincom: Europe / Д.М. Насилов, И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова. — München, 2012. — С. 387–412.
23. Учебник узбекского языка / Ин-т стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова / Д.М. Насилов, Х.С. Мухитдинова. — М.: Вост. лит., 2012. — 391 с.
24. Образовательная программа высшего профессионального образования учебной дисциплины «Узбекский язык» («Uzbek Language») // Программы лингвистических учебных дисциплин. — М.: ИСАА, 2012. — С. 96–116.

Статьи, сообщения, персоналии

25. Заметки о передаче некоторых особенностей стиля А.П. Чехова в узбекских переводах // Труды УзГУ. Новая серия. — Самарканд, 1960. № 100.
26. К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках // Вопросы языкознания. — М., 1960, № 3. — С. 93–97.

27. О I фразеологической конференции // Вопросы языкознания / Д.М. Насилов, Л.И. Ройзензон. — М., 1960, № 2.
28. О категории деепричастий в енисейско-орхонских памятниках // Вопросы узбекского языка и литературы. — Ташкент, 1961, № 3 (на узб. яз.)
29. О некоторых сложных глагольных формах в древнетюркских языках // Труды СамГУ. Новая серия. — Самарканд, 1961, № 102.
30. К вопросу о модальных словах *ärinç*, *ärki* и *ärkän* в древнетюркских языках // Труды СамГУ. Новая серия. — Самарканд, 1961, № 102.
31. О конференции по тюркскому глаголу (г. Баку) // Вопросы языкознания. — М., 1962, № 5.
32. Перевод с тувинского: *Саган-оол*. Товарищи. В тайге // Пробуждение / Д.М. Насилов, А. Темир. — Кызыл, 1962.
33. Аналитические формы глагола с *ärür* и *ärmiş* в древнетюркских языках // Труды СамГУ. Новая серия. — Самарканд, 1963, № 129.
34. О надписи на скале Хая-Ужу // Учёные записки Тувинского НИИЯЛИ / Д.М. Насилов, З.Б. Арагачи. — Кызыл, 1963, № 10.
35. О некоторых памятниках Минусинского музея // Народы Азии и Африки. — М., 1963, № 6.
36. Формы будущего времени в древнеуйгурском языке // Труды СамГУ. Новая серия. — Самарканд, 1966, № 139.
37. Несколько замечаний о модальных частицах *ирги* и *иргин* // Учёные записки Тувинского НИИЯЛИ. — Кызыл, 1964, № 11.
38. Прошедшее время на *-jyq/-jyk* в древнеуйгурском языке // Тюркологический сборник. — М., 1966.
39. Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении // Филология и история тюркских народов. — Л., 1967.
40. Выступление на совещании // Вопросы категорий времени и наклонения. — Баку, 1968.
41. Вторая тюркологическая конференция в Ленинграде // Народы Азии и Африки / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев, Н.А. Дулина. — М., 1969, № 2.
42. О первой алтаистической конференции // Вопросы языкознания. — М., 1969, № 6.
43. Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении // Тюркологический сборник. — М., 1970.
44. О нулевых формах тюркского имени существительного // Письменные памятники и проблемы культуры / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев. — Л., 1970.
45. Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения в тюркских языках // Советская тюркология / Д.М. Насилов, В.С. Храковский. — Баку, 1970, № 5. — С. 25–35.
46. О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. — Л., 1971. — С. 366–376.
47. Типологические сопоставления в рамках сравнительно-исторического изучения отдельных грамматических категорий в тюркских языках // Советская тюркология. — Баку, 1971, № 2. — С. 59–66.

48. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности-неопределенности // Советская тюркология / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев. — Баку, 1971, № 5. — С. 21–25.
49. В.В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников // Тюркологический сборник. 1971. — М., 1972.
50. О соотношении типов изафета в турецком языке // Письменные памятники и проблемы культуры / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев. — Л., 1972.
51. Первые опыты обратных словарей // Советская тюркология. — Баку, 1972, № 4.
52. За научное глубокое изучение древнетюркских рунических памятников. Письмо в редакцию // Советская тюркология / Д.М. Насилов, И.В. Кормушин. — Баку, 1972, № 5. — С. 139–142.
53. О пассивной деривации в узбекском языке // Советская тюркология / Д.М. Насилов, В.С. Храковский. — Баку, 1972, № 6. — С. 40–49.
54. О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности // Тюркологический сборник. 1972. — М., 1973.
55. Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников // Письменные памятники Востока. 1971. — М., 1974.
56. А.Н. Самойлович о классификации тюркских языков // Советская тюркология. — Баку, 1973, № 5. — С. 76–83.
57. Публикация и комментарий: *А.Н. Самойлович*. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями // Советская тюркология. — Баку, 1973, № 5. — С. 105–110.
58. VI Тюркологическая конференция в Ленинграде // Советская тюркология / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев, Л.Ю. Тугушева, Н.А. Дулина и др. — Баку, 1973, № 5. — С. 128–135.
59. Пассив в тувинском языке // Советская тюркология / Д.М. Насилов, Н.И. Лятягина. — Баку, 1974, № 1. — С. 13–24.
60. О симпозиуме по исторической фонетике // Вопросы языкознания / Д.М. Насилов, И.В. Кормушин. — М., 1974, № 6.
61. В. Котвич о способах действия в алтайских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. 2. — М., 1975.
62. К интерпретации вспомогательных глаголов // *Bilimsel Bildiriler*. — Анкара, 1975. (на нем. языке).
63. К интерпретации именной категории числа в тюркских языках // Вопросы языкознания / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев. — М., 1975, № 3. — С. 98–111.
64. VII Тюркологическая конференция в Ленинграде // Советская тюркология / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев, Н.А. Дулина, Т.И. Султанов и др. — Баку, 1975, № 5. — С. 107–117.
65. Конструкции *-a + турур* в древнеуйгурском языке // Сибирский тюркологический сборник. — Новосибирск, 1976. — С. 42–48.
66. Ещё раз о виде в тюркских языках // *Turcologica*. — Л., 1976. — С. 111–120.
67. Памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет (обзор лингвистических публикаций) // Советская тюркология. — Баку, 1976, № 1. — С. 82–101.

68. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках // Тюркологические исследования. — М., 1976. — С. 158–167.
69. Памятники древнеуйгурского языка как объект исторической грамматики // Советская тюркология и развитие тюркских языков. — Алма-Ата, 1976.
70. А.Н. Кононов // Филологические науки. — М., 1976, № 4.
71. Из истории алтаистики (статья первая) // Советская тюркология. — Баку, 1977, № 3. — С. 77–93.
72. О Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате 1976 г. // Вопросы языкознания / Д.М. Насилов, И.В. Кормушин и др. — М., 1977, № 4.
73. В.В. Радлов и проблемы алтаистики // Советская тюркология. — Баку, 1978, № 1. — С. 96–102.
74. Об алтайской языковой общности // Тюркологический сборник, 1974. — М., 1978.
75. О жизни и творчестве С.Е. Малова // Тюркологический сборник, 1975 / Д.М. Насилов, И.В. Кормушин. — М., 1978.
76. К проблеме тождества аффиксов в алтайских языках // Тюркологический сборник, 1975. — М., 1978.
77. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. — Л., 1978. — С. 88–177.
78. К типологии выражения характера протекания действия в урало-алтайских языках // Финно-угорские народы и Восток. УЗ ТГУ. — Тарту, 1978, № 455.
79. Взгляды акад. Видемана и проф. Веске на урало-алтайскую проблему // Финно-угорские народы и Восток. УЗ ТГУ. — Тарту, 1978, № 455.
80. Из истории алтаистики (статья третья) // Советская тюркология. — Баку, 1979, № 4. — С. 94–100.
81. К прочтению абаканского памятника // Средневековый Восток / Д.М. Насилов, Д.Д. Васильев. — М., 1980.
82. Алтаистика XIX в. // Тюркологический сборник. 1977. — М., 1981.
83. Тюркский *-a* как показатель способа действия на фоне других алтайских языков // Тюркологический сборник. 1977. — М., 1981.
84. Лингвистические взгляды Алишера Навои // История лингвистических учений. — Л., 1981.
85. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев. — Баку, 1981, № 3. — С. 22–35.
86. О.Н. Бётлингк как компаративист-тюрколог // Советская тюркология. — Баку, 1982, № 4. — С. 52–66.
87. Стаив и перфект пассива в узбекском языке // Типология результативных конструкций. — Л., 1983. — С. 118–123.
88. Конструкции с модальными словами *экан* и *эмиш* в узбекском языке // Категории глагола и структура предложения. — Л., 1983.
89. Фаза прекращения процесса в узбекском языке // Советская тюркология / Д.М. Насилов, Б.Х. Ризаев. — Баку, 1983, № 4. — С. 79–91.
90. Аспектуальные значения аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. — Л., 1984. — С. 128–165.

91. О грамматическом статусе некоторых сложновербальных конструкций // Востоковедение. 9. — Л., 1984.
92. Теоретические взгляды тюркологов О.Н. Бётлингга и В.В. Радлова // Грамматические концепции в языкознании XIX века. — Л., 1985.
93. Конструкции с модусными значениями в узбекском языке // Типология конструкций с предикатными актантами. — Л., 1985.
94. Морфосемантическая этимология — ведущий принцип построения «Этимологического словаря тюркских языков» // Теория и практика этимологических исследований. — М., 1985.
95. Уровни семантической абстракции и соотношение языковой и внеязыковой семантики в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. — М., 1985. — С. 120–131.
96. К характеристике количественной аспектуальности в узбекском языке // Советская тюркология. — Баку, 1985, № 1. — С. 64–70.
97. К соотношению объективной действительности, логики и языка // Логика и язык. Сборник научных трудов / Д.М. Насилов, О.В. Маслиева. — М., 1985.
98. К понятию грамматической категории (в свете фактов тюркской морфологии) // Тюркское языкознание / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев. — Ташкент, 1985.
99. Некоторые вопросы изучения видовременной системы в урало-алтайских языках // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 188–193.
100. Предисловие // Зарубежная тюркология. Вып. 1 / Д.М. Насилов, С.Г. Кляшторный. — М., 1986.
101. К соотношению лексических и грамматических значений в тюркских языках // Turcologica. 1986. — Л., 1986.
102. Качественная аспектуальность в тюркских языках // Востоковедение. Вып. 12. Филологические исследования — Л., 1986. — С. 53–59.
103. Акциональные группы узбекских глаголов // Востоковедение. 13. — Л., 1987.
104. О грамматической интерпретации бивербальных конструкций // Советская тюркология. — Баку, 1987, № 3. — С. 10–12.
105. Включать ли в древнетюркский этимологический словарь иранские и арабские заимствования? // Теория и практика этимологических исследований / Д.М. Насилов, Л.С. Левитская. — М., 1988.
106. Некоторые проблемы тюркской диахронической морфологии и языковые особенности древнетюркских памятников // Советская тюркология. — Баку, 1988, № 2. — С. 70–74.
107. К деривационной истории тюркского аффикса *-i* // Исследования по уйгурскому языку. — Алма-Ата, 1988.
108. Г.С. Садвакасов (некролог) // Восток / Д.М. Насилов, А.М. Решетов. — М., 1992, № 4.
109. Заки Валиди и поэма «Кутадгу билиг» // Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. 11. — Уфа, 1992.
110. Телеутов язык // Красная книга языков народов России. — М., 1994.
111. Тувинцев-тоджинцев язык // Красная книга языков народов России. — М., 1994.
112. Челканцев язык // Красная книга языков народов России. — М., 1994.

113. Чулымский язык // Красная книга языков народов России. — М., 1994.
114. Шорский язык // Красная книга языков народов России / Д.М. Насилов, И.В. Шенцова. — М., 1994.
115. Алтайский язык // Государственные языки Российской Федерации: Словарь. — М., 1995.
116. Тувинский язык // Государственные языки Российской Федерации: Словарь / Д.М. Насилов, Д.А. Монгуш. — М., 1995.
117. Хакасский язык // Государственные языки Российской Федерации: Словарь / Д.М. Насилов, В.Г. Карпов. — М., 1995.
118. Вводные замечания: Алтайские языки // Контактологический словарь. — М., 1995.
119. О госпрограмме РФ по сохранению языков // Национальная школа / Д.М. Насилов, В.П. Нерознак, М.В. Орешкина. — М., 1995.
120. О двух подходах к контрастивной грамматике тюркских языков // Вопросы тюркской филологии. Вып. III. — М., 1997.
121. Предисловие // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. — СПб., 1997.
122. Языки малочисленных народов Севера // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока / Д.М. Насилов, Н.Я. Булатова, Н.Б. Вахтин. — СПб., 1997.
123. Концепция тюркского языкового типа в трудах Н.А. Баскакова // 90 лет Н.А. Баскакову: сборник. — М., 1997.
124. Sibirya Türk halkları (etnik azınlıklar) ve dilleri: Sibirya Araştırmaları. — İstanbul, 1997.
125. К квантитативной характеристике ряда глагольных признаков в турецком языке // Типология. Грамматика. Семантика. — СПб., 1998.
126. In memory of N.A. Baskakov // Turkic languages. Vol. 2, No. 2. — Wiesbaden. 1998.
127. Урало-алтайская проблема в трудах Н.С. Трубецкого // Ежегодные международные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого. — М., 1999. — С. 51–53.
128. О роли древних контактов в истории современных уйгурского и узбекского языков // Проблемы лингвистической контактологии. — М., 1999.
129. Ранние хакасско-русские языковые связи // Проблемы лингвистической контактологии / Д.М. Насилов, В.Г. Карпов. — М., 1999.
130. Корреляционная система глагольных признаков в турецком языке // Корреляционная типология. — Смоленск, 1999.
131. Значение эвиденциальности в узбекском языке // RES. Лингвистика. — М., 1999.
132. К понятию «функция» в функциональной грамматике // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. — М., 1999.
133. О близости турецкого и японского языков по квантитативным параметрам // Проблемы сравнительной лингво-культурологии. — М., 2000.
134. К соотношению «лексическое значение глагола — залог» // Язык. Глагол. Предложение. — Смоленск, 2000.
135. Заметка о форме на *-калак* в шорском языке // Чтения памяти Э.Ф. Чиспиякова. Часть 2. — Новокузнецк, 2000.

136. «Значение» и «функция» в функциональной грамматике А.В. Бондарко // Исследования по языкознанию. — СПб., 2001.
137. Языковой строй в трудах Е.Д. Поливанова // Е.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. — Смоленск, 2001.
138. Учебник родного языка в Концепции реформирования северной школы // Учебник XXI в. — СПб., 2001.
139. Государственные и родные языки в субъектах РФ и сохранение единого образовательного пространства // Полилог. — М., 2001.
140. Протоиерей Пётр Соловьёв // Евстафий. Исторический альманах. — Зарайск, 2001.
141. Телеутов язык // Языки народов России. Красная книга. — М., 2002.
142. Челканцев язык // Языки народов России. Красная книга. — М., 2002.
143. Чулымский язык // Языки народов России. Красная книга. — М., 2002.
144. Шорский язык // Языки народов России. Красная книга. — М., 2002.
145. Тувинцев-тоджинцев язык // Языки народов России. Красная книга. — М., 2002.
146. Алтайский язык // Государственные и титульные языки России. — М., 2002.
147. Тувинский язык // Государственные и титульные языки России / Д.М. Насилов, Д.А. Монгуш, О.А. Бичелдей. — М., 2002.
148. Хакасский язык // Государственные и титульные языки России / Д.М. Насилов, В.Г. Карпов. — М., 2002.
149. Сложение тюркской языковой общности и процессы её членения в свете идей Н.С. Трубецкого // Вавилонская башня: сб. статей. — М., 2002.
150. От издательства // А.Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика османотурецкого языка / Д.М. Насилов, Г.Ф. Благова. — М., 2002.
151. Проблемы плюрализма целей образования в полиэтническом образовательном пространстве России // Образование на Севере. Роль национально-регионального компонента в сохранении единства образовательного пространства России / Материалы научно-практической конференции. — М., 2002.
152. Проблемы современной тюркологии // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы конференции 10–11 апреля 2003 г. — М., 2003.
153. Проблемы и перспективы развития школьного учебника по родным языкам народов России // Региональный учебник XXI века. — Якутск, 2003. — С. 21–35.
154. Зарайск и Средняя Азия: у истоков производственной терминологии // Евстафий. Исторический альманах. — Зарайск, 2003, № 2. — С. 154–161.
155. Задачи и проблемы составления типовых программ «Родной язык» по языковым группам // Сборник материалов по подпрограмме «Научное и научно-методическое обеспечение функционирования и развития системы образования / коллектив авторов. Часть 1. — М., 2003. — С. 7–24.
156. Хакасско-русские языковые связи // Вавилонская башня-2: сб. статей / Д.М. Насилов, В.Г. Карпов. — М., 2003. — С. 28–45.
157. К типологии уступительных конструкций в узбекском языке // Вопросы тюркской филологии. Вып. V. — М., 2003.

158. К статусу «всеобщего формоизменения» в исторической грамматике // Языки Евразии: материалы конференции. — Уфа, 2003. — С.27–30.
159. О роли глагольных имён в истории тюркских языков // Вавилонская башня-3: сб. статей. — М., 2004. — С. 54–63.
160. Тенденции латинизации алфавитов в странах СНГ и ближайшего зарубежья // Полилог. — М., 2004, № 2. — С. 75–82.
161. Формирование единого (общего) образовательного пространства в аспекте функционального развития тюркских языков // Проблемы и перспективы сотрудничества государств-участников СНГ в формировании единого (общего) образовательного пространства. Труды конференции. — М., 2004.
162. Особенности учебника родного языка для коренных народов Севера // Полилог, М.: МГЛУ, 2004, № 3. — С. 133–137.
163. A.N. Samoyloviç ve Türk dillerinin sınıflandırması // Manas üniversitesi sosyal bilimler dergisi: Türkoloji özel sayısı. II. Kitap. Sayı: 11. — Bişkek, 2004. — С. 37–43.
164. S.E. Malov'un hayatı ve bilimsel çalışmaları hakkında // Manas üniversitesi sosyal bilimler dergisi: Türkoloji özel sayısı. I. Kitap. Sayı: 11 / Д.М. Насилов, И.В. Кормушин. — Bişkek, 2004. — С. 225–230.
165. Теоретические взгляды О.Н. Бётлингк // О.Н. Бётлингк и тюркское языкознание: Сб. научн. статей / отв. ред. П.А. Слепцов. — Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2005. — С. 5–30.
166. Национальная школа в общероссийском образовательном пространстве // Диалог культур: русско-татарские взаимосвязи / материалы научн.-практич. семинара Всероссийской конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VI Кирилло-Мефодиевских Чтений. 17 мая 2005. — М.–Ярославль: Ремдер, 2005. — С. 27–31.
167. In memory of Edham Rahimoviç Tenişev (1921–2004) // Turkic Languages / Ed. by L. Johanson. Wiesbaden: Harrassowitz Vrlg., 2005, V. 9, N 2 / Д.М. Насилов, К.Н. Бичелдей. — С. 163–167.
168. Глагольные имена в ранней истории тюркских языков // Вестник Вост. ин-та экономики, гуманитарных наук, управления и права. Научный ж-л. Спец. выпуск: Мир Востока. Ч. 2. — Уфа: Изд-во «Восточный ун-т», 2006. — С. 34–41.
169. Акциональность в алтайских языках: типология и «детерминанта» // Вопросы тюркской филологии. Вып. VI: материалы Дмитриевских чтений / отв. ред. Ю.В. Щека. — М.: Акад. гуманитар. исследований, 2006. — С. 80–90.
170. Выдающийся ученый-тюрколог (К 85-летию со дня рождения чл.-корр. РАН, почетн. акад. АН РБ Э.Р. Тенишева) // Вестник АН РБ.. — Уфа, Т. 11, № 2, 2006. — С. 62–65.
171. «Диван» Махмуда Кашгарского и сравнительно-историческая грамматика тюркских языков // Аспекты алтайского языкознания: материалы Тенишевских чтений / отв. ред. М.Е. Алексеев. — М.: Советский писатель, 2007. — С. 132–140.
172. Люди и природа в зеркале алтайских языков // Basileus: сб. статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева / сост. и отв. ред. И.В. Зайцев. — М.: Вост. лит., 2007. — С. 240–245.

173. Как нам быть с *ärinč*? // Тюркологический сборник. 2006 / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. — М.: Вост. лит., 2007. — С. 235–245.
174. Языки коренных малочисленных народов Севера в свете Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации // Реальность этноса. Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов: Материалы IX Международной научно-практич. конференции / под научн. ред. И.Л. Набока. — Санкт-Петербург, 27–29 марта 2007 г. — СПб.: Астерион, 2007. — С. 21–26.
175. Тюркология наших дней // Россия и Башкортостан: История отношений, состояние и перспективы. Материалы Международной научно-практич. конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России. Уфа, 5–6 июля 2007. — Уфа: Гилем, 2007. — С. 209–211.
176. Проблемы и перспективы двуязычия в дошкольных образовательных учреждениях // Русский язык в образовательном пространстве Центральноазиатского региона СНГ. — Бишкек: КРСУ. 2007, с. 42–45.
177. О форме на *-дык* в «Диване» Махмуда Кашгарского // Первый международный симпозиум по Махмуду Кашгарскому: доклады. — Лефкоша, 2008. — С. 69–72. (на турец. яз.)
178. Проектирование содержания и структуры примерных программ по родным языкам // Примерные программы для начального общего образования в условиях двуязычной образовательной среды / Д.М. Насилов, И.В. Андреева, З.К. Тудвасева. — М.: ИНПО, 2008. — С. 51–58.
179. Лингвистическая мысль // Очерки истории исламской цивилизации. Т. 1. / Д.М. Насилов, И.Г. Добродомов, А.И. Чайковская. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 254–292.
180. Obituary Ščerbak // *Turkic languages* / Д.М. Насилов, И.А. Невская. — 2008, Volume 12, Number 2. — С. 155–160.
181. Памяти А.М. Щербака (1926–2008) // Российская тюркология / Д.М. Насилов, И.А. Невская. — М.–Казань, 2009. — С. 112–115.
182. Кыпчаки в «Диване» Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник. 2007–2008. — М.: Восточная литература, 2009. — С. 284–293.
183. Некоторые рецессивные формы в карлукско-уйгурской временной парадигме // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: материалы конференции. — М.: Тезаурус, 2009. — С. 179–181.
184. Российская тюркология наших дней // Российская тюркология. — М. — Казань, 2009, № 1. — С. 3–7.
185. Туркий тилларда нисбат категориясининг семантик яруслари // Филология масалалари. — Тошкент, 2009, № 1. — С. 34–39.
186. Г.П. Мельников и проблемы тюркологии // Российская тюркология / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев. — М., 2010, № 2. — С. 35–44.
187. In memoriam Vladimir P. Nadjalkov // *Turkic languages* / Д.М. Насилов, И.А. Невская. — Volume 14, Number 2. — С. 7–13.
188. К историко-лингвистической интерпретации древнетюркских текстов // Российская тюркология. — М.–Казань, 2010, № 3. — С. 18–23.

189. Махмуд Кашгарский о языковых контактах народов Центральной Азии и Малой Азии // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Москва, 14 ноября 2011 г. / МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. — М. — С. 184–186.
190. Программный труд академика Д.Г. Тумашевой // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков / сборник материалов международной тюркологической конференции. 21–24 октября 2011 г. — Казань, 2011. — С. 9–12.
191. К публикации грамматики Иеронима Мегизера // Иероним Мегизер. Основы тюркского языка. — Казань: Магариф-Вақыт, 2012. — С. 5–9.
- 192–196. Персоналии: Э.А. Грунина, А.А. Чеченов, И.Г. Добродомов, А. Рона-Таш, Л. Юхансон // Российская тюркология / Д.М. Насилов, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Н.Н. Егоров, И.А. Невская. — М.–Казань, 2012, № 1(6). — С. 163–189.
197. Rusya Federasyonu'nda Dil Mevzuatı // Erhan Sovyetler Birliği'nin Dağılmasından Yirmi Yıl Sonra Rusya Federasyonu. Türk Dilli Halklar — Türkiye İle İlişkiler / Büyükakıncı & Eyüp Bacanlı (eds.). — Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, 2012. — S. 69–106.
198. Пять языков у Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник. 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. — М.: Вост. лит-ра, 2013. — С. 285–310.
199. К сопоставлению глагольных форм в рунических текстах // Тюркская руника: язык, история, культура (К 120-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности). Ч. 1: материалы Международной научной конференции (г. Кызыл, 10–11 июля 2013 г.). — Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2013. — С. 25–27.
200. О функционально-стилистическом статусе языка «Дивана» Махмуда Кашгарского // Международный тюркологический симпозиум, посвященный памяти выдающегося тюрколога д.ф.н., проф., акад. РАН Э.Р. Тенишева (16–19 октября 2013 г.): сборник статей. — Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2013. — С. 70–73.
201. Ю.В. Щека // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность / Д.М. Насилов, Е.А. Оганова. — М., 2013, № 5. — С. 205–209.
202. Законодательная база языковой политики в Российской Федерации // Tehlikedeki diller dergisi: Türk dilleri / Journal of endangered languages: Turkic languages, Cilt 2, sayı 2 (2013), Ankara. — S. 26–47. — URL: <http://www.dergi.tehlikedekidiller.com/index.php/TDD/issue>
203. Международная научная конференция «Рукописи — первичный источник изучения национального наследия // Вестник МГУ. Сер. 13: Востоковедение. — М., 2013, № 2. — С. 90–91.
204. Ю.В. Щека // Вестник МГУ. Сер. 13: Востоковедение / Д.М. Насилов, Е.А. Оганова. — М., 2013, № 2. — С. 92–96.
205. Индивидуально-личностное развитие школьников коренных малочисленных народов Севера // Педагогические науки / Д.М. Насилов, А.Л. Бугаева. — 2014, № 3. — С. 11.

206. Повышение квалификации учителей в северных регионах России // Среднее профессиональное образование / Д.М. Насилов, А.Л. Бугаева. — 2014, № 10. — С. 14–18.
207. К теоретическому обоснованию сопоставительного изучения языков // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. Материалы 5 Международной научно-практической конференции — Казань: Отечество, 2014. — С. 214–216.
208. Блестящий знаток турецкого языка и многогранный ученый Ю.В. Щека // Вопросы тюркской филологии: Материалы Дмитриевских чтений / Д.М. Насилов, Е.А. Оганова. — М.: ИСАА, 2014, № 10. — С. 322–332.

Тезисы

209. О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков: тезисы. — Л., 1969.
210. Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения // Статистическое и информационное изучение тюркских языков: тезисы / Д.М. Насилов, В.С. Храковский. — Алма-Ата, 1969.
211. В. Котвич о способах действия в алтайских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения: тезисы. — Элиста, 1972.
212. К типологии выражения характера протекания действия // Финно-угорские народы и Восток: тезисы. — Тарту, 1975.
213. Взгляды акад. Видемана и проф. Веске на урало-алтайскую проблему // Финно-угорские народы и Восток: тезисы. — Тарту, 1975.
214. К проблеме идентификации аффиксов // Происхождение аборигенов Сибири: тезисы. — Томск, 1976.
215. Некоторые проблемы алтаистики в связи с проблемами этногенеза народов Сибири // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири: тезисы. — Омск, 1979.
216. К понятию грамматической категории: тезисы докладов на III Всесоюзной тюркологической конференции / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев. — Ташкент, 1980.
217. Уровни семантических абстракций в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики: тезисы. — М., 1983.
218. Проблемы тюркских реконструкций: глагольность, время // Типы языковых общностей и методы их изучения: тезисы. — М., 1984.
219. Аспектуальность в теоретических и описательных грамматиках тюркских языков // Вопросы советской тюркологии: тезисы докладов на IV ВТК. — Ашхабад, 1985.
220. Глагольная лексическая акциональность и способ действия // Функционально-типологические проблемы грамматики: тезисы. — Вологда, 1986.
221. О грамматической интерпретации бивербальных конструкций в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: тезисы 29 сессии ПИАК. — Ташкент, 1986.
222. Взаимосвязи функционально-семантических полей в тюркских языках // Тюркология-88: тезисы докладов и сообщений V ВТК. — Фрунзе, 1988.

223. Алтайский языковой тип и проблемы функциональной грамматики // Экология северных народов: тезисы — Новосибирск, 1995.
224. По поводу термина «функция» в функциональной грамматике // Функциональная лингвистика: тезисы. — Симферополь, 1995.
225. Урало-алтайская проблема в трудах Н.С. Трубецкого // Евразия на перекрёстке культур: тезисы. — М., 1999.
226. Залоговость в алтайских языках // Международный симпозиум: тезисы. — М. — Элиста, 1999.
227. Языки малочисленных этносов в образовательном пространстве РФ // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: тезисы. — М., 2001.
228. О корреляции «толкование глагола — залог» // Категории глагола и структура предложения: тезисы. — СПб., 2001.
229. Некоторые аспекты реконструкции тюркских времён // 37 Международный конгресс востоковедов: тезисы. Т. 1. — М., 2004.
230. Членение тюркской языковой общности и межгрупповые контакты в ранней истории // Языковые контакты в аспекте истории / VI Международная научн. конференция по сравнительно-историческому языкознанию: тезисы. Москва, 29–31 января 2008 г. — М.: МГУ, филол. ф-т, 2008. — С. 77–78.
231. Некоторые аспекты реконструкции тюркских времён // 37 Международный конгресс востоковедов: тезисы. Т. 1. — М., 2004.
232. Современная тюркология в России // 38 Международный конгресс востоковедов (ICNAS–38), 10–15 сентября 2007: тезисы докладов. — Анкара, 2007.
233. Членение тюркской языковой общности и межгрупповые контакты в ранней истории // Языковые контакты в аспекте истории. VI Международная научн. конференция по сравнительно-историческому языкознанию: тезисы. Москва, 29–31 января 2008 г. — М.: МГУ, филол. ф-т, 2008. — С. 77–78.
234. Этноязыковая ситуация в Центральной Азии X–XI вв. по «Словарю Махмуда Кашгарского» // 8 Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. — Оренбург: ОГАУ, 2009. — С. 460–461.
235. О статусе рунической формы на *-taçy / -daçy* // От Отукена до Стамбула (720–2010): тезисы симпозиума. Стамбул, 3–5 декабря 2010 г. — Стамбул, 2010. — С. 11. (на турец. языке).
236. Эпос «Манас» и современная тюркология // Тезисы докладов Международно-научно-практической конференции «Эпос “Манас” — памятник мировой эпической культуры», 18–19 декабря 2012. — М.: ИСАА МГУ. — С. 88–91.
237. Миноритарные языки в российском образовательном пространстве // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции 16 апреля 2012 г. — М: ИСАА, 2012. — С. 223–224.

Редактирование

238. Древнетюркский словарь / сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин, И.В. Кормушин, Н.И. Летягина, Д.М. Насилов, В.М. Надеяев, Э.Р. Тенишев, Л.Ю. Тугушева, А.М. Щербак; ред. В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. — Л., 1969.

239. Красная книга языков народов России. — М., 1994.
240. Государственные языки Российской Федерации: словарь. — М., 1995.
241. Таганова М.А. Итеративность в туркменском языке / Д.М. Насилов, А. Овезов. — Ашгабат, 1995.
242. Шенцова И.В. Акциональные формы глагола в шорском языке. — Кемерово, 1997.
243. Национальная школа: тунгусо-маньчжурские языки: сборник / Д.М. Насилов, Л.М. Горелова. — М., 1997.
244. Концепция модели этнической школы для коренных малочисленных народов Севера РФ. — М., 2001.
245. Алтайская национальная школа: сборник статей. — М., 2001.
246. Типовая общеобразовательная программа по языкам тунгусо-маньчжурской группы для школ народов Севера. — М., 2001.
247. Образование. Язык. Культура: сборник статей. — М., 2002.
248. Языки народов России. Красная книга. — М., 2002.
249. Государственные и титульные языки России. — М., 2002.
250. Национальная школа. Образование. Язык. Культура. — М., 2002.
251. Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника / Д.М. Насилов, Г.Ф. Благова. — М.: Вост. лит-ра, 2005.
252. Рассадин В.И. Очерки по сложению тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. — Элиста: Изд-во КГУ, 2007.
253. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. Пратюркский период. — М.: Вост. лит-ра, 2007.
254. Вопросы тюркской филологии. Вып. VII. Материалы Дмитриевских чтений. — М.: МГУ, 2007.
255. Обучение родному (нерусскому) языку в условиях двуязычной образовательной среды. — М.: ИНПО, 2008.
256. Вопросы тюркской филологии. Вып. VIII. Материалы Дмитриевских чтений. — М.: МГУ, 2008.
257. *А.Н. Самойлович: Научная переписка. Биография* / сост., автор Г.Ф. Благова. — М.: Восточная литература, 2008.
258. Вопросы тюркской филологии. Вып. IX. Материалы Дмитриевских чтений. — М.: МГУ, 2009.
259. Формирование методической культуры учителя как фактор повышения качества преподавания и уровня знаний учащихся по родным языкам / под общей редакцией Д.М. Насилова, М.Н. Кузьмина. — М.: ИНПО, 2010.
260. Ганиев Ф.А. Толковый словарь составных глаголов татарского языка. В 2-х частях. — Казань: Изд-во МНФ «Перавита», 2011–2012. (на тат. языке).
261. Благова Г.Ф. История тюркологии второй половины XIX — начала XX века в России. — М.: Вост. лит-ра, 2012.
262. Вопросы тюркской филологии. Вып. X. Материалы Дмитриевских чтений. — М.: МГУ, 2014.
263. Древнетюркский словарь. Издание второе, пересмотренное / под ред. Д.М. Насилова, И.В. Кормушина, А.В. Дыбо, У.К. Исабековой. — Астана: изд-во «Гылым», 2016.

Рецензирование

264. Рец. на кн.: *Монгуш Д.* Формы прошедшего времени в тувинском языке // *Mitteilungen d. Institut. f. Orient Forschungen.* — Berlin, 1967, XIII, № 3.
265. Рец. на кн.: *С.Н. Иванов.* Родословное дерево // *Народы Азии и Африки* / Д.М. Насилов, В.Г. Гузев. — М., 1971, № 3.
266. Рец. на кн.: *Т. Текин.* Орхонская грамматика // *Народы Азии и Африки.* — М., 1971, № 4.
267. Рец. на кн.: *Г. Хазаи, П. Циме.* Берлинские Турфанские тексты. I. // *Советская тюркология* / Д.М. Насилов, Л.Ю. Тугушева. — Баку, 1972, № 3. — С. 120–122.
268. Рец. на кн.: *В.И. Рассадин.* Тофаларский язык // *Вопросы языкознания* / Д.М. Насилов, Н.И. Летягина. — 1973, № 3. — С. 142–145.
269. Рец. на кн.: *Ж. Какук.* Исследования по истории османского языка // *Советская тюркология.* — Баку, 1974, № 2. — С. 96–100.
270. Рец. на кн.: *Г. Хазаи.* Турецкий язык XII века // *Советская тюркология.* Баку, 1974, № 4. — С. 111–112.
271. Рец. на кн.: Орфография тюркского литературного языка // *Вопросы языкознания.* — М., 1976, № 3.
272. Рец. на кн.: *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков // *Советская тюркология.* Баку, 1977, № 1. — С. 101–106.
273. Рец. на кн.: *Г.С. Садвакасов.* Язык уйгуров Ферганской долины // *Советская этнография.* — М., 1979, № 2.
274. Рец. на кн.: *Г.С. Садвакасов.* Язык уйгуров Ферганской долины // *Коммунизм туги.* — Алма-Ата, 1979. (на уйг. языке).
275. Рец. на кн.: *В.И. Рассадин.* Морфология тофаларского языка // *Вопросы языкознания* / Д.М. Насилов, Н.И. Летягина. — М., 1981, № 6.
276. Рец. на кн.: *Ш. Текин.* Буддийская уйгурика юаньского времени // *Народы Азии и Африки.* — М., 1981, № 1.
277. Рец. на кн.: *Л. Юханссон.* Аффикс множественности в юго-восточных тюркских языках // *Советская тюркология.* Баку, 1983, № 3. — С. 89–93.
278. Рец. на кн.: *Благова Г.В.* Тюркское склонение в ареальном освещении // *Вопросы языкознания* / Д.М. Насилов, Т.-М. Гарипов. — М., 1986, № 1.
279. Рец. на кн.: *Болд Л.* Руника Монголии // *Восток* / Д.М. Насилов, И.В. Кульганек. — М., 1992, № 5.
280. Рец. на кн.: *Козинцева Н.А.* Локализованность действия в армянском языке // *Вопросы языкознания.* — М., 1993, № 2.
281. Рец. на кн.: *Благова Г.Ф.* Бабур-наме // *Известия РАН. Серия языка и литературы.* — М., 1996, № 5.
282. Рец. на кн.: *Гаджихамедов Н.Э.* Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала: Юпитер, 2000. — 382 с. // *Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии.* Вып. 3. Махачкала: ДГУ, 2001. — С. 335–344.
283. Рец. на кн.: *Литература народов России: учебное пособие* / под ред. Р.З. Хайруллина и Т.И. Зайцевой. — М., 2016.

Научное руководство

1. Суюй Ина. Деепричастные полипредикативные конструкции в уйгурском языке. 10.02.22. — М., ИСАА, 1995.
2. Белякова А.В. Методика обучения синонимике алтайского языка в 5–9 классах образовательных учреждений Республики Алтай. 13.00.02. — М., ИНПО, 2005.
3. Медведева М.А. Проблемы формирования хакасского литературного языка и его нормы. — 10.02.02. — М., ИЯ РАН, 2005. (Совместно с В.Г. Карповым).
4. Умба А.М. Функциональный подход к обучению категории падежа имени существительного тувинского языка в 5–7 классах в общеобразовательных учреждениях Республики Тыва. 13.00.02. — М., ИНПО, 2005.
5. Доржу Н. С-о. Взаимосвязанное изучение состава слова и словообразования родного и английского языков в 5–9 классах общеобразовательных учреждений Республики Тыва. 13.00.02. — М., ИНПО, 2005.
6. Муйтуева И.Н. Развитие родной речи на уровне текста учащихся 5–6 классов общеобразовательных учреждений Республики Алтай. 13.00.02. — М., ИНПО, 2005. (Совместно с Н.М. Хасановым).
7. Баджанлы Эйюп. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте: в сопоставлении с алтайским языком. 10.02.22. — М., ИСАА, 2005.
8. Володина Е.Г. Лексические заимствования из английского языка в современном турецком языке (на материале прессы). 10.02.22. — М., ИСАА, 2007.

Оппонирование

1. Гузев В.Г. Фонетика староанатолийско-тюркского языка (по материалам ленинградского списка «Сказания о Мелике данишменде»). — КД, 10.02.22. — Л., ЛГУ, 1966.
2. Нигматов Х.Г. Морфология тюркского глагола по материалам словаря Махмуда Кашгарского. — КД, 10.665. — Л., ЛГУ, 1970.
3. Бабанаров А. Разработка принципов построения словарного обеспечения турецко-русского машинного перевода. — КД, 10.02.21. — Л., ЛГУ, 1981.
4. Доржу Ч.М. Древнеуйгурские элементы в современном тувинском языке. — КД, 10.02.06. — М., ИЯ РАН, 1984.
5. Щека Ю.В. Интонология турецкого языка и проблемы ее общетеоретического обоснования. — ДД, 10.02.06. — М., ИЯ РАН, 1993.
6. Абилядаева К.М. Научные основы дифференцированного обучения русскому языку в нерусской школе (на материале 3–4 класса казахской начальной школы) — КД, 13.00.02. — М., ИНПО, 1994.
7. Карпов Г.В. Система глагола в современном хакасском языке (структурный и функциональный аспекты). — ДД, 10.02.06. — М., ИЯ РАН, 1995.
8. Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. — ДД, 10.02.06. — М., ИЯ РАН, 1997.
9. Дрон И.В. Топонимия Республики Молдова тюркского происхождения. — ДД, 10.02.20. — М., ИЯ РАН, 1997.

10. Курпешко Н.Н. Основы обучения родному (шорскому) языку в начальной школе в условиях двуязычия. — ДД, 13.00.02. — М., ИНПО, 1997.
11. Невская И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири. — ДД, 10.02.02. — Новосибирск, ИФ СО РАН, 1997.
12. Михайлова Н.И. Формы побуждения в шорском языке. — КД, 10.02.02. — Новосибирск, ИФ СО РАН, 1997.
13. Гаджихмедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке. — ДД, 10.02.06. — Махачкала, Дагпедун-т, 1998.
14. Нечаева А.И. Система обучения иностранных студентов-филологов использованию видов глагола в русской речи. — ДД, 13.00.02. — М., МГПУ, 1998.
15. Кызласова М.А. Обучение лексике хакасского литературного языка в диалектных условиях в 5–7 классах. — КД, 13.00.02. — М., ИНПО, 1999.
16. Сунчугашев Р.Д. Оронимия Хакасии. — КД, 10.02.06. — М., ИЯ РАН, 1999.
17. Псянчин Ю.В. Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка. — ДД, 10.02.02. — М., ИЯ РАН, 2000.
18. Сертчелик С. Сопоставительный анализ форм прошедшего времени в современных армянском и турецком языках. — КД, 10.02.20. — СПб., СПбГУ, 2000.
19. Абрегов А.Н. Названия растений в адыгейском языке: Синхронно-диахронный анализ. — ДД, 10.02.20. — М., ИЯ РАН, 2000.
20. Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых слов в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики. — ДД, 10.02.02. — М., ИЯ РАН, 2001.
21. Бурькин А.А. Язык малочисленного этноса в его письменной форме (на материале эвенского языка). — ДД., 10.02.02. — СПб., СПбГУ, 2001.
22. Кетенчиев М.Б. Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке. — ДД, 10.02.02 — Нальчик, КБГУ, 2001.
23. Мухтасырова Т.П. Обучение временным формам казахского глагола учащихся-казахов 5–7 классов школ Республики Алтай. — КД, 13.00.02. — М., ИНПО, 2002.
24. Грунтов И.А. Реконструкция падежной системы праалтайского языка. — КД, 10.02.22. — М., РГГУ, 2002.
25. Амырова Ж.М. Система преподавания имен прилагательных в алтайской средней школе. — КД, 13.00.02. — М., ИНПО, 2002.
26. Боргоякова Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири. — ДД, 10.02.02. — М., ИЯ РАН, 2003.
27. Алиев Тельман Асад оглы. «Сказание о хождении в Персию» Федота Котова как лингвистический источник (Реконструкция текста и его лингвистический анализ). — КД, 10.02.02. М., МГПУ, 2003.
28. Менгисанова С.Б. Арабизмы в кумыкском языке. — КД, 10.02.02. — М., ИЯ РАН, 2003.
29. Латфуллина Л.Г. Категория качественного прилагательного в современном татарском языке. — КД, 10.02.02. — М., ИЯ РАН, 2003.
30. Ондар Н.М. Парные слова в тувинском языке. — КД, 10.02.02. — М., ИЯ РАН, 2004.

31. Ёылмаз О. Категория номинализации действия в современном турецком языке. — КД, 10.02.22. — СПб., СПбГУ, 2004.
32. Нуриева Ф.Ш. Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды. — ДД, 10.02.02. — Казань, КазГУ, 2004.
33. Бембеев Е.В. Лингвистическое описание памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербентовского База-бакши». — КД, 10.02.02. — М., ИЯ РАН, 2004.
34. Даржа У. А-о. Наречия в тувинском языке. — КД, 10.02.02. — ИЯ РАН, 2005.
35. Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. — ДД, 10.02.22. — М., ИЯ РАН, 2005.
36. Нафикова З.Г. Методическая система обучения фонетике башкирского языка русскоговорящих детей 5–6 лет в условиях ДОУ. — КД, 13.00.02. — М., ИНПО, 2005.
37. Аврутина А.С. Опыт реконструкции фонологии языка древнетюркских рунических памятников. — КД, 10.02.22. — СПб., СПбГУ, 2005.
38. Рухлядев Д.В. Древнетюркские рунические надписи 8–9 вв. как памятник историографии: генезис жанра и структура текста. — КД, 07.00.09. — СПб., ИВ РАН (ЛО), 2005.
39. Тадинова Р.А. Тюркские лексические заимствования в системе северокавказских языков. — ДД, 10.02.02. — М., ИЯ РАН, 2006.
40. Джинцанова Е.А. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности на уроках калмыцкого языка в начальной школе. — КД, 13.00.02. — М., ИНПО, 2006.
41. Дубровина М.Э. Язык древнетюркских рунических памятников как источник сведений для построения модели тюркской морфологии (субстантивное словоизменение). — КД, 10.02.22. — СПб., СПбГУ, 2008.
42. Олядыкова Л.Б. Калмыцкая безэквивалентная лексика и фразеология в русских переводах произведений Давида Кугультинова. — ДД, 10.02.02. — М., 2009.
43. Убушаев Н.Н. Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и её функционирование. — ДД, 10.02.02. — М., ИЯ РАН, 2010.
44. Ульмезова Л.М. Глагольное словоизменение в турецком и карачаево-балкарском языках. — КД, 10.02.22. — СПб., СПбГУ, 2010.
45. Соян А.М. Местоименные скрепы в тувинском языке. — КД, 10.02.02. — М., ИЯ РАН, 2010.
46. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия. — ДД, 10.02.02. — Казань, ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова, 2010.
47. Гайнутдинова А.Ф. Частеречная транспозиция (субстантивизация) в татарском языке в сопоставлении с русским языком. — ДД, 10.02.02 — 10.02.20. — Казань, ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова, 2011.
48. Гусейнов Г-Р. А-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. — ДД, 10.02.02. — 10.02.01. — М., ИЯ РАН, 2011.
49. Есипова А.В. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка). — ДД, 10.02.02. — 10.02.19. — М., ИЯ РАН, 2011.
50. Казакбаева Г.А. Арабизмы в узбекском языке в прикладном и теоретическом аспектах. — КД, 10.02.02. — М, ИВ РАН, 2012.

**Из неопубликованного
наследия
Д.М. Насилова**

Д.М. НАСИЛОВ, г. Москва,
И.В. КУЛЬГАНЕК, г. Санкт-Петербург

Тюркские параллели в первых российских грамматиках монгольских языков А.В. Попова, А.А. Бобровникова

Резюме: Статья представляет собой расширенные тезисы доклада, прочитанного авторами на международной научной конференции, посвященной 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, состоявшейся в Санкт-Петербурге в 2015 г. Тезисы были опубликованы в том же году в материалах конференции. В статье дается краткий обзор состояния изучения монгольского языка в Казанском университете, где получили образование авторы первых монгольских научных грамматик — А.А. Бобровников и А.В. Попов, истоки их интереса к монгольским языкам, степень осведомленности в изучаемом предмете, предлагается общий анализ грамматик А.А. Бобровникова и А.В. Попова в контексте языкознания середины XIX в. и анализируются примеры тюркских параллелей, которые приводятся в этих грамматиках.

Ключевые слова: язык, монгольский, калмыцкий, тюркский, татарский, грамматика, языкознание, Казанский университет, Санкт-Петербургский университет, А.В. Попов, А.А. Бобровников.

Первые российские научные грамматик монгольских языков появились в Казани в середине XIX в., когда Казанский университет и Казанская духовная академия были в России ведущими центрами ориенталистики¹. К этому времени государство успешно начало осваивать Восток, поэтому нуждалось в знатоках-практиках восточных языков и в ученых-исследователях культуры восточных стран.

¹ Казанский университет был центром изучения восточных языков до открытия (1854/1855 уч. г.) в Петербургском императорском университете Факультета восточных языков. После указа Сената о прекращении преподавания восточных языков в Казанском университете и первой гимназии (22.10.1854) восточные кафедры с основной частью преподавателей, рукописей и библиотек были переведены в Петербургский университет.

Расцвету востоковедения в Казани² способствовала деятельность таких ученых, как Х.Д. Френ³, И. Халфин⁴, А.К. Казем-Бек⁵, В.П. Васильев⁶, О.М. Ковалевский⁷. Именно в Казанском университете начала функционировать первая в России кафедра монгольской словесности. Возглавляемая О.М. Ковалевским, она приобрела статус ведущего в России центра монголоведения. Здесь велась большая научная работа и готовились научно-педагогические кадры. Среди известных ее студентов — А. Бобровников, Доржи Банзаров, Галсан Гомбоев.

О.М. Ковалевский был автором первой «Грамматики монгольского языка» (1835), написанной на высоком теоретическом уровне мирового языкознания середины XIX в., в которой монгольский язык впервые был представлен как строгая языковая система. До этого времени существовали лишь словники, разговорники, сборники текстов, практические руководства. Прекрасными пособиями для написания этого труда стали привезенные им из Бурятии, Монголии и Китая монгольские рукописи и ксилографы, из которых впоследствии сформировались блестящие коллекции, не превзойденные до настоящего времени по значимости хранящихся в них уникальных сведений

² В 1769 г. в Первой казанской гимназии было официально введено преподавание татарского языка, в 1807 г. при Казанском университете открылась кафедра восточных языков. В 1828 г. она была разделена на кафедру арабско-персидскую и турецко-татарскую, в 1833 г. появилась кафедра монгольской словесности, в 1837 г. была учреждена кафедра китайского языка и словесности, в 1841 г. началось преподавание маньчжурского языка, в 1842 г. — армянского языка и санскрита, в 1846 г. открылась кафедра калмыцкого языка, возглавляемая А.В. Поповым.

³ Х.Д. Френ (1782–1851) — приглашенный из Германии первый профессор кафедры восточных языков в Казанском университете. В 1815 г. переведен в Санкт-Петербург в Академию наук. В 1818–1842 гг. возглавлял Азиатский музей. Заведование кафедрой было передано Францу Эрдману, проработавшему в университете до 1845 г.

⁴ Ибрагим Халфин (1778–1829) — известный татарский просветитель, преподавал в Первой казанской гимназии и Казанском университете татарский язык.

⁵ Александр Касимович Казем-Бек (1802–1870) — крупнейший знаток филологии, истории, права и философии стран Ближнего и Среднего Востока, начал свою научно-педагогическую деятельность в Казанском университете в 1826 г. Наиболее известна его «Грамматика турецко-татарского языка».

⁶ Василий Павлович Васильев (1818–1900) — известный российский ученый-китаист, буддолог, тибетолог после возвращения из Китая был назначен профессором по кафедре китайской и маньчжурской словесности, через год — заведующим, где поработал до 1855 г. В 1855 г. переведен в Санкт-Петербургский университет.

⁷ Осип Михайлович Ковалевский (1800–1878) — видный польско-российский монголовед, автор уникальных «Монголо-русско-французского словаря» и «Монгольской хрестоматии», а также ряда учебных пособий, не потерявших своего значения в наши дни. Окончил факультет литературы и свободных искусств Виленского университета (1821). В Казани появился как политический ссыльный (1824), где начал изучать татарский язык (преподаватель И. Хальфин), затем, будучи командированным на Восток (1829–1832), освоил монгольский, китайский и маньчжурский языки. В 1833 г. назначен заведующим кафедрой монгольской словесности. В 1855–1860 гг. — ректор Казанского университета.

по истории, религии, философии, филологии монголов. Дело О.М. Ковалевского продолжили А.В. Попов и А.А. Бобровников.

Александр Васильевич Попов (1808–1880) родился в Царицыне, закончил Казанский университет (1828). Занимался татарским, арабским, персидским языками. Принял предложение поехать вместе с О.М. Ковалевским в Иркутск и Забайкалье для изучения монгольского языка. Заслуживает внимания фрагмент из инструкции, которой были снабжены оба молодых преподавателя. В ней сказано: «При изучении предполагаемых языков не только одна теория должна быть предметом их стараний, но и настоящий выговор слов и отступления, которым подвергается разговорный язык» [Шамов 1984: 27]. В своей грамматике А.В. Попов в полной мере продемонстрировал следование этой инструкции. В 1833 г. он получил звание адъюнкта монгольской словесности и одновременно должность преподавателя монгольского языка в Первой Казанской гимназии; в 1837 г. — экстраординарного профессора; в 1848 г. — ординарного профессора монгольского языка и заведующего кафедрой калмыцкой словесности в Казанском университете. В 1855 г. он переехал в Петербург, был причислен к Министерству государственных имуществ; назначен заведующим кафедрой монгольской и калмыцкой словесности Факультета восточных языков Петербургского университета. В 1860 г. перешел на должность главного инспектора училищ Западной Сибири.

Во время педагогической деятельности А.В. Попов ощущал острую нехватку учебников, словарей. Поэтому подготовил сначала «Монгольскую хрестоматию для начинающих обучаться монгольскому языку» и «Арифметику на монгольском языке». «Грамматика калмыцкого языка» появилась в 1848 г. Она стала закономерным итогом неоднократных поездок профессора в калмыцкие степи с целью изучения калмыцкого языка, при этом большое внимание он всегда обращал на монголо-калмыцкие языковые параллели. Позже, будучи заведующим кафедрой монгольской и калмыцкой словесности, он продолжал уделять много времени сочетанию теоретического и практического преподавания языков. Он был убежден, что университет является единственным заведением, в котором «при изучении восточных языков имеются в виду и условия науки, и надобности государственного управления»⁸, как он писал в одной из своих докладных записок ректору. Ко времени издания «Грамматики» А.В. Попов был ординарным профессором монгольского языка при императорском Казанском университете, статским советником, кавалером орденов Св. Анны 3 степени и Св. Станислава 3 степени, членом Казанского Общества любителей отечественной словесности. Его «Грамматика» вместе с изданной им десятилетием ранее «Монгольской хрестоматией для начинающих обучаться монгольскому языку» стала основным учебником

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15351. Л. 2. // Цит. по: А.А. Бобровников (Н. Шаракшинова) // Российские монголоеды (XVIII — начало XX в.). — Улан-Удэ, 1997. — С. 50.

для петербургских студентов при изучении калмыцкого и монгольского языков.

Алексей Александрович Бобровников (1821–1865) имел иную личную историю жизни. Родился в Иркутске в семье священника и преподавателя⁹ монгольского языка Иркутской духовной академии. В 1842 г. закончил Иркутскую духовную семинарию, был послан в Казанскую духовную академию, где слушал лекции О.М. Ковалевского, изучал монгольский и калмыцкий языки под руководством А.В. Попова, а с 1845 г. — турецкий и татарский под руководством А.К. Казем-Бека. В Духовной академии Бобровников подружился с однокурсником Н.И. Ильминским, одним из авторов «Грамматики алтайского языка» (1869). В 1846 г. закончил Казанскую духовную академию, был зачислен преподавателем на кафедру монгольского языка, готовившую миссионеров. Ко времени написания «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» (1849) был двадцативосьмилетним бакалавром по монгольскому языку и математике Казанской духовной академии.

Оба монголиста несколько по-разному подходили к проблеме описания монгольских языков. Если А.А. Бобровников считал, что нет особой разницы между монгольским и калмыцкими языками, и именно поэтому он написал единую грамматику для обоих языков, то А.В. Попов признавал необходимым создать специальную грамматику калмыцкого языка.

«Грамматика» Бобровникова ставила своей задачей «сблизить книжный калмыцкий язык с живым разговорным». В ней содержалось больше рассуждений теоретического характера, чем в «Грамматике» Попова, которая давала материал доступно, но сжато. Труд Бобровникова высоко оценили О.М. Ковалевский, Д. Банзаров, Н.И. Ильминский, П. Савельев, Г. Гомбоев. Современники отмечали, что «Грамматика» Бобровникова отличалась от прежних грамматик, копировавших структуру европейских, и являлась плодом самостоятельных изысканий, который, как считал О.М. Ковалевский, «должен почитаться драгоценным подарком для восточной филологии», обладающим «блистательными достоинствами <...> хорошо продуманным, разрешившим много спорных доселе вопросов», в котором «есть смелые выводы и предположения, оригинальность взглядов» [Ильминский 1865: 440]. Это мнение О.М. Ковалевского Н.И. Ильминский привел в своих воспоминаниях о А.А. Бобровникове, где он также писал, что «Бобровников задался такой мыслью, что в языке не должно быть каприза, а должна быть строгая логика, и всякая форма должна иметь свой особый, резко очерченный круг употребления» [Ильминский 1865: 438]. Известно мнение преподавателя Казанской

⁹ Протоиерей Александр Бобровников известен своей первой в России грамматикой монгольского языка, предназначенной для практических целей, изданной в Петербурге в типографии Святейшего Правительственного Синода в 1935 г. Он также переводил на монгольский язык священные и богослужебные книги.

Духовной Академии, знатока монгольского, бурятского и калмыцкого языков М.Н. Загоскина, который, увидев единственно верный подход к калмыцкому и монгольскому языкам, использованный Бобровниковым в своей «Грамматике», и, полагая, что эти два языка достаточно близки друг к другу, чтобы создать единую для них грамматику, писал в «Сибирском вестнике», что «напрасно наши монголисты О.М. Ковалевский и А.В. Попов писали две разные грамматики — один монгольского, другой — калмыцкого языка» [Загоскин 1865: 9]. Труд Бобровникова стал методологическим образцом, «полезным и единственным» для «Грамматики алтайского языка», составленной членами Алтайской миссии в 1869 г., который помог проследить внутреннее значение форм, синтаксические законы, логику алтайского языка. Признание авторитета А.А. Бобровникова, получившего прекрасную лингвистическую подготовку у О.М. Ковалевского, высокая оценка научного труда, отмеченного Демидовской премией второй степени (1851), позже были подчеркнуты Э.Р. Тенишевым, который осуществил детальное сопоставление теоретических положений и методов изложения языковых фактов в этих двух грамматических трудах [Тенишев 1990: 3–11]. Особое внимание им было обращено на принципиальную разницу между объектами описания, которая заключалась в том, что в «Грамматике» Бобровникова в центре внимания был книжный литературно-письменный монгольский язык, а в «Алтайской грамматике» впервые характеризовался бесписьменный, живой разговорный тюркский язык на примере двух его диалектов (с привлечением для сравнения других алтайских наречий и тюркских языков).

И для А.В. Попова, и для А.А. Бобровникова образцом написания грамматик служил труд А.К. Казем-Бека «Общая грамматика турецко-татарского языка» [Казем-Бек 1848], которая была основана на материале литературного языка. Оба автора, характеризуя в своих грамматиках способы образования и функционирования разных частей речи, обращались в ряде случаев к сопоставлению монгольских и калмыцких языковых фактов с тюркскими. Они сравнивали образование глаголов, деепричастий, причастий, частиц, имен существительных, прилагательных. Нами было обнаружено у каждого из них не менее десяти монголо-тюркских параллелей.

В «Грамматике» А.В. Попова мы находим следующие.

Стр. 29–30 § 50. «Имена существительные, произведенные от существительных, образуются: а) через прибавление к окончаниям некоторых существительных имен наращения *чи*¹⁰, которое имеет значение действующего лица, его звания, состояния, занятия и свойства, напр.: *тёмёр* ‘железо’, *тёмёрчи* ‘кузнец’, *мал* ‘скот’, *малчи* ‘пастух рогатого скота’, *тахил* ‘жертва’, *тахилчи*

¹⁰ Здесь и далее старокалмыцкий, старомонгольский и арабский шрифты, используемые в грамматиках, опущены, оставлено имеющееся кириллическое написание. При его отсутствии в тексте грамматик мы используем принятую современную латинскую транслитерацию.

‘жертвоприноситель или жертвователь’. В тюркском языке этот род существительных имен образуется через прибавление наращения *чжи*, напр.: *юль* ‘путь’, *юльчжи* ‘путешественник’, *этмек* ‘хлеб’, *этмекчжи* ‘хлебник’, *папуш* ‘башмак’, *папушчжи* ‘башмачник’».

Стр. 32 § 52. «Некоторые имена существительные, произведенные от прилагательных, образуются через прибавление к окончаниям *сих* последних наращения *лик*, выражающего понятие отвлеченное, напр.: *баян* ‘богатый’, *баялик* ‘богатство’, *беки* ‘крепкий’, *бекилик* ‘крепость’, *өндөр* ‘высокий’, *өндөрлик* ‘высота’, *өркгөн* ‘широкий’, *өркгөлик* ‘широта’. В тюркском языке эти существительные образуются точно так же через прибавление наращений *лик* или *лык*, напр.: *зирек* ‘тонкий’, *зиреклик* ‘тонкость’, *агк* ‘белый’, *агклык* ‘белизна’».

Стр. 45 § 65. «Имена первого склонения во множественном числе принимают к окончаниям единственного наращения *нар* или *нер* (по-тюркски *ляр* и *лер*)».

Стр. 50 § 72. «Родительный падеж, означая непосредственную зависимость одного предмета от другого, выражает отношения собственности, обладания, происхождения и всегда поставляется перед тем предметом, от которого зависит. Этот падеж образуется через приложение к окончаниям именительного падежа наращений: в именах первого склонения *ин* (в тюркских наречиях *н <...>*)».

Стр. 59 § 78. «Творительный совокупительный падеж показывает совокупность или взаимность предметов; он выражается через положение после именительного падежа послеречий *луга* и *лүкгэ* (в тюркских наречиях *иле* и *бирле*), употребляемых в просторечии сокращенно *ла* и *лэ* или заменяемых наращениями *тай* или *тей*».

Стр. 76 § 83. «Прилагательные имена образуются из существительных через приложение к окончаниям последних наращений *ту*, *тү* и *та* и *тай* (в тюркских наречиях *лу* или *ли* (которым дают значение обладания или принадлежности)».

Стр. 76–78 § 84. «Некоторые прилагательные образуются из существительных имен и наречий места через прибавление к окончаниям корневых слов послеречий *daki*, *deku* и *taki*, *teki* (составленных из послеречий дательного падежа и частицы *ki*). Напр.: *yajar-taki* ‘на земле живущий, земной’, *oγtorγui-daki* ‘находящийся на небе, небесный’, *dalai-daki* ‘морской’. <...> Этот род прилагательных имен точно так же образуется и в тюркских наречиях, а именно через присоединение к существительному имени частицы местного падежа *де* и притяжательной частицы *ки* или *кги*, напр.: *делде-ки сар* ‘тайна, находящаяся в сердце или сердечная тайна’, *елимде-ки кыличж* ‘сабля, находящаяся в моей руке’».

Стр. 83 § 89. «Прилагательные имена, которых качества представляются слабее или нежнее обыкновенных, имеют уменьшительную форму; она обра-

зуется через присоединение к окончаниям коренных прилагательных имен наращений: *qan*, *ken* и *liy* (в тюркских наречиях *чжикь* и *чжик*)»).

Стр. 86–87 § 94. «Для усиления значения качества в предмете калмыки <...> 2) ставят перед прилагательными именами начальные их слоги, соединенные с конечною буквою *b*, напр.: *adali* ‘подобный’, *ab-adali* ‘совершенно подобный’, *ariyun* ‘чистый’, *ab-ariyun* ‘совершенно чистый’ <...> Таким же образом этот второй род прилагательных имен образуется и в тюркских наречиях, напр.: *дерин* ‘глубокий’, *ден-дерин* ‘очень глубокий’, *кара* ‘черный’, *кан-кара* ‘очень черный’».

Стр. 88 § 97. «Числительные имена, означающие порядок, в котором предметы следуют один за другим, называются порядочными; они образуются через присоединение к конечным гласным буквам количественных имен наращений: *duyar*, *düger* и *daki*, *deki* (в тюркских наречиях *нчжу*)».

Стр. 110–111 § 113. «Притяжательные местоимения означают принадлежность или владение каким-либо предметом. Они бывают <...> 2) образующиеся из родительного падежа и наращений *kiy* или *ken*: *minikiy* или *miniken* ‘мой собственный’, *cinikiy*, *ciniken* ‘твой собственный’. Последний вид притяжательных местоимений находится и в тюркских наречиях, например, *бенимки* ‘мой’, *сенинки* ‘твой’, *анынки* ‘его’ и проч.».

Стр. 114–115 § 125. «Страдательные глаголы показывают действие, обращенное от другого предмета на главный; они образуются из действительных и некоторых средних глаголов, имеющих значение действительных, через прибавление к своему корню, оканчивающемуся на гласные буквы, слогов *γda* или *gde*, напр.: *maytaydaqu* ‘быть хвалиму’, *ijjegdekü* ‘быть видимому’; если же глаголы оканчиваются в повелительном наклонении на согласные буквы, то принимают слоги *da*, *de*, *ta*, *te*, напр.: *oldaqu* ‘быть найдену’, *ögdekü* ‘быть отдану’. В тюркских наречиях эти глаголы образуются через прибавление к окончанию корня глагола букв *л* и *н*, напр.: *севмек* ‘любить’, *севильмек* ‘быть любимым’, *укумак* ‘читать’, *укунмак* ‘быть читанным’».

А.В. Попов обращается к тюркской грамматике и проводит сравнение образования калмыцких слов с тюркскими и в тех случаях, когда совпадения не явны. Например.

Стр. 89 § 98. «Числительные имена, означающие разделение предметов по количеству, называются разделительными; они делаются через приложение к конечным гласным количественных имен наращений *dag*, *deg* или сокращенно *d* (в тюркских наречиях *p* или *шер*)».

Стр. 90 § 99. «Числительные имена, означающие совокупность предметов, называются совокупительными; они образуются через приложение к конечным гласным количественных имен наращений *γла*, *γле* (в тюркских наречиях *лаб* или *лашибе*)».

А.В. Попов приводит параллели образования калмыцких и тюркских слов при анализе «взаимных глаголов» (стр. 116), глаголов, «кончающихся в пове-

лительном наклонении на гласные буквы в препоручительном виде» (стр. 117), «уточательных» глаголов» (стр. 121), «производных глаголов, образующихся от имен существительных, прилагательных и наречий с наращениями *ла* и *ле*», которые он называет действительными и средними, приводя в пример образование глагола *салхила* ‘пусть ветер дует’ (стр. 123), «причастий прошедших несклоняемых» (стр. 138), «причастий времени будущего» (стр. 139), деепричастий (стр. 140), «прошедших деепричастий» (стр. 140), «продолжительных деепричастий» (стр. 141), «союз *хемен*», который образован от глагола *хемеху*, полагая, что «этот союз находится и в тюркских наречиях» и происходит от глагола *димак* ‘говорить’ и употребляется точно так же, как и в калмыцком языке (стр. 201).

Все эти параллели находятся в первой части «Грамматики» — «Этимологии», имеющей восемь глав, 241 параграф, и занимающей половину всей книги. Во второй части, «Синтаксисе», состоящем из 6 глав, 85 параграфов А.В. Попов четырежды обращается к тюркской грамматике.

В первом случае, говоря об обратном порядке слов в калмыцком языке, он делает вывод, что «употребление имен существительных в таком порядке находится и в тюркских наречиях и называется *изафе*» (стр. 235). Во втором случае дело касается рассуждений о «притяжательном местоимении 3-го лица обоих чисел»¹¹. Автор выражает мнение, что частица, при помощи которой образуется местоимение, является производным «от неупотребительной формы родительного падежа личного местоимения третьего лица», что подтверждает аналогиями из тюркского языка (стр. 255). Далее он пишет, что «при отрицательных глаголах неопределенные отрицательные местоимения и числительное *ниген*, равно как и отрицательные наречия места и времени теряют отрицательное наречие *угей*. Это правило наблюдается и в тюркских наречиях» (стр. 286). Он полагает, что в калмыцких выражениях: «царевич, взявши дубину, пришел в страну, где находилось неприятельское войско» и «тот мальчик, пришедши в совершенный возраст, отправился и прибыл туда, где находился Будда» употребление причастий такое же, «какое находится и в тюркских наречиях» в таких выражениях, как: «повеления, которые дал государь», «книга, которую он написал», «место, где ты сидел» (стр. 309). И «правила о размещении слов в тюркских наречиях точно те же, какие и в калмыцком языке, так что можно переводить слово в слово с тюркских наречий на язык калмыцкий и наоборот, не только без нарушения смысла, но даже с сохранением духа этих языков» (стр. 245).

В «Грамматике» А.А. Бобровникова сопоставлений значительно меньше, но в ней не только констатируется сходство форм и значений, но и делается попытка предложить их историческое толкование.

¹¹ Обоих чисел — речь идет о единственном и множественном числе.

Стр. 96 § 189. В турецко-татарском языке монгольскому местному падежу соответствует два падежа — по Казем-беку: «... местный, образующийся через наращение *да* или *дэ*, и дательный, что мы называем конечным, образующийся в татарском через наращение *га* или *гэ*, а в турецком — *э*. В чувашском также два падежа: местный — *да* и дательный — *на*, *нэ*, или *а*, *э*. Из этого можно заключить, что и в монгольском языке в древности было на место нынешнего одного местного падежа также два и частица *а* поэтому имела значение, отличное от частиц *дур*, *тур*, *да*, *та*. Но, кажется, судя по оставшимся ныне словам, *а* служила знаком падежа местного, а *тур* — конечного или дательного».

Стр. 121–122. В § 216, посвященном «производству глаголов от имен», А.А. Бобровников, отмечая наличие «односложных корней глаголов», сопоставляет некоторые, имеющие односложные корни монгольские и татарские «родственные» глаголы, такие как: *sandaryaqu*¹² ‘ломаться’, *sönirekü* ‘погасать’, *cabciqu* ‘рубить’ <...> *jorciqu* ‘ходить’, *ukiyaqu* ‘мыть’, — приходит к убеждению, что существуют одни и те же принципы при «производстве глаголов от имен».

Стр. 140. В § 251, говоря о разделительном деепричастии, которое образуется в монгольском языке при помощи частицы *gām* и *gēm*, а в калмыцком и в разговорном монгольском «при наращении» *d*, (напр.: *ireged*, *irēd* ‘пришедши’), А.А. Бобровников пишет: «Замечательно одинаковое производство этого деепричастия с производством разделительных числительных. То же самое и в татарском языке».

Стр. 142 § 257. «Деепричастие конечное, или супин (переводимое неокончательным наклонением с частицей *чтобы*), образуется в монгольском книжном языке через наращение *ра*, *рэ*, в калмыцком и разговорном монгольском — через наращение *xā*, *кхэ*. Например: *abur-a*, *abqā* ‘чтобы взять’, *ijer-e*, *ijekē* ‘чтобы увидеть’. Сличая эту монгольскую форму с однозначней ей татарской, образуемую через наращение *рга*, нетрудно усмотреть в монгольском окончании *ра* местный падеж будущего причастия на *р*, сохранившемся в татарском языке».

Стр. 147. В § 264, в котором разговор идет об отрицательных частицах, А.А. Бобровников пишет, что «окончание *ši* калмыки употребляют после неопределенного причастия в качестве отрицательной частицы. На этом основании можно предполагать, что в этой частице *би* есть описательная форма глагола *bükü*, а *иши* отрицание. На это указывает и то обстоятельство, что как книжное *бую* в разговорном изменилось в *би*, так и книжное *бусу* обратилось в *биши* (в древних памятниках пишется *буши*). В татарском частице *биши* со-

¹² В тех случаях, когда А.А. Бобровников не предлагает написание кириллическими буквами, а дает лишь старомонгольское написание, мы используем латинскую транскрипцию, принятую для обозначения букв старомонгольского языка.

ответствует *тюгюль*, которую г. Казем-бек признает также глаголом». Далее, говоря о «частицах, употребляемых в значении прошедшего времени», таких как *bui*, *büi*, он признает наличие в татарском и монгольском языках частиц, «совершенно соответствующих» друг другу.

Стр. 188. В § 316 говорится о частицах, «имеющих форму местного падежа», к ним предлагается относить «частицы, кончающиеся на гласную с удалом¹³, каковы *qamiya* ‘где’, *edüge* ‘теперь’, *keciye* ‘когда’, *γadaa* ‘вне’. В окончании этих частиц можно видеть наращение татарской частицы дательного падежа *gā*). И далее А.А. Бобровников для выяснения «корня этих частиц» обращается к турецкому, татарскому, азербайджанскому, бурятскому, чувашскому языкам, приводит примеры функционирования их в разных словах и приходит к выводу: «Что касается до происхождения удалов и буквы *и*, то нужно заметить, что иногда буква *и* или мягкое придыхание бывает так же несущественно в словах, как и буква *н*».

Таким образом, из приведенных примеров видно, что казанские тюркологи и монголоеды тесно сотрудничали и обменивались исследовательским опытом. В целом, такие сопоставления в грамматиках, которые основывались часто на внешних сходжениях форм или общности значения, демонстрируют уровень сравнительно-исторических разработок в востоковедении середины XIX в.

Можно сказать, что это был еще «дорадловский период» развития тюркологии, еще не было грамматики О. Бётлинга, но сам по себе опыт сопоставления типологически близких языков у казанских востоковедов весьма примечателен. Созданная О.М. Ковалевским казанская школа монголоведения была ведущей в России на протяжении всего XIX в. Все последующие ученые-монголоеды связывают свое научное становление с именем О.М. Ковалевского. Он внес фундаментальный вклад как в развитие монгольского языкознания, так и в развитие ориенталистики в целом. Многие начинания профессоров и преподавателей Казанского университета и Казанской духовной академии были впоследствии развиты ориенталистами России и заслужили высокой оценки.

¹³ Т. е. с долготой.

Сокращения

ЦГИА СПб — Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга»

Литература

- Бобровников 1849 — Грамматика монголо-калмыцкого языка. Сочинение *Алексея Бобровникова*, бакалавра Казанской духовной академии. — Казань 1849.
- Загоскин 1865 — *Загоскин М.Н.* Воспоминания об А.А. Бобровникове // *Сибирский вестник*. — 1865. — № 42–43. — С. 6–9.
- Ильминский 1865 — *Ильминский Н.И.* Воспоминания об А.А. Бобровникове // *Ученые записки Казанского университета*. — Казань, 1865. — Вып. IV–VI. — С. 417–450.
- Казем-Бек 1846 — *Общая грамматика турецко-татарского языка*. Второе издание, исправленное и обогащенное многими новыми филологическими исследованиями автора, мирзы *А. Казем-Бека*. — Казань, 1846.
- Попов 1848 — *Калмыцкая грамматика*. Соч. ор. проф. *А. Попова*. — Казань, 1848.
- Тенишев 1990 — *Тенишев Э.Р.* Теоретические основы «Грамматики алтайского языка» // *Советская тюркология*. — М., 1990. — № 1.
- Шамов 1998 — *Шамов Г.Ф.* Профессор О.М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. — Казань, 1983.

Dmitriy Nasilov, Moscow,
Irina Kulganek, Saint-Petersburg

Turkic parallels in the first Russian grammars of Mongolian languages by A.V. Popov and A.A. Bobrovnikov

Summary: This article is an extended abstract of the report presented by the authors at the international scientific conference dedicated to the 180th anniversary of the Department of Turkic Philology of Saint-Petersburg State University, held in Saint-Petersburg in 2015. The abstract was published in the same year in the conference proceedings. In the context of Oriental linguistics in the middle of the XIXth century, the article provides a brief overview of the state of research on Mongolian language at the Kazan University, where the authors of the first Mongolian scientific grammars A.A. Bobrovnikov and A.V. Popov were educated. We analyze examples of parallels between Turkic and Mongolian languages, given by A.A. Bobrovnikov and A.V. Popov in their grammars.

Key words: language, Mongolian, Kalmyk, Turkic, Tatar, grammar, linguistics, Kazan University, Saint-Petersburg University, A.V. Popov, A.A. Bobrovnikov

Сведения об авторах

Насилов Дмитрий Михайлович — д.ф.н., профессор кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Кульганек Ирина Владимировна — д.ф.н., заведующая сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН; e-mail: kulgan@inbox.ru

Information about the authors

Dmitriy Nasilov — Ph.D. in philology, Professor of Turkic Philology Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Irina Kulganek — Ph.D. in philology, Head of Sector of Central Asia of Department of Central and South Asia, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; e-mail: kulgan@inbox.ru

**Научные статьи коллег,
учеников и последователей
Д.М. Насилова**

А.С. АВРУТИНА, г. Санкт-Петербург

О тюркской фонологии в европейском языкознании

Резюме: Настоящая статья посвящена обзору фонетических и фонологических работ в европейском тюркском языкознании. Очевидно, что исследования по фонологии являются краеугольным камнем всей современной европейской тюркской лингвистики с самого момента ее зарождения. Анализ трудов, написанных за историю существования вопроса и посвященных «звуковым аспектам» тюркской речи, приводит к выводу, что исследователи нередко занимаются решением проблем сугубо фонологических, подчас неверно трактуя их как проблемы фонетические.

Ключевые слова: тюркские языки, фонология тюркских языков, тюркская лингвистика, агглютинативные языки, урало-алтайские языки

Начало детального лингвистического описания тюркских языков и культуры тюркских народов было положено как в европейском, так и в отечественном востоковедении немецкими, датскими и шведскими учеными, в разное время и по разным причинам оказавшимися в России.

В этой связи уместно вспомнить историю открытия, дешифровки и изучения памятников древнетюркской рунической письменности. Впервые о рунических памятниках упоминает в своих сочинениях немецкий путешественник по Сибири (1720–1727) Д.Г. Мессершмидт, а также швед Филипп-Иоганн Страленберг, капитан армии Карла XII, попавший в плен под Полтавой, сосланный в Сибирь и занимавшийся ее изучением [Кляшторный, Лившиц 1978: 37–60].

Петербургский востоковед немецкого происхождения А.А. Шифнер занимался изучением сибирских тамг и первым выдвинул положение об автохтонном происхождении тюркских рун из тамг [Schiefner 1860: 1–2]. В 1889 г. на берегу Кокшин-Орхона (приток р. Орхон) экспедицией Н.М. Ядринцева были найдены двуязычные памятники — с руническими и китайскими надписями

на камнях — памятник в честь Кюль-Тегина и его брата Могилян-хана, известного под титулом «Бильге-каган». Двухязычная надпись сделала возможной дешифровку, которая, таким образом, была произведена 25 ноября 1893 г. датским ученым В. Томсенем. В процессе исследования он обнаружил, что отдельные знаки могут встречаться только в определенных позициях, что давало повод говорить о рядности звуков, свойственной тюркским языкам. В. Томсен сообщил о своем открытии В.В. Радлову, работавшему в России, который также вел работу по дешифровке орхоно-енисейских рукописей, и последний 19 января 1894 г. представил свой вариант перевода памятника, посвященного Кюль-Тегину, со ссылкой на В. Томсена, в докладе в Санкт-Петербургской Академии Наук.

Фундаментальные труды В.В. Радлова стали основой сравнительно-исторического изучения тюркских языков как в России, так и за рубежом. Также в его работах можно обнаружить и первые попытки типологического изучения фонологии тюркских языков [Radloff 1882a, Radloff 1882b]. Материалы В.В. Радлова легли в основу фонологических исследований тюркского материала Казанской лингвистической школы, а за рубежом его последователи образовали целое направление, надолго определившее традиции нескольких тюркологических школ.

Последователями трудов и методов В.В. Радлова в европейском тюркском языкознании стали К. Фой, К. Гренбек, Х. Педерсен, Г. Ярринг, А. Рясанен, А. Эмре, Г.И. Рамстедт, Н. Поппе, Л. Юхансон, М. Эрдал. Работы почти всех перечисленных исследователей объединяет то, что главной целью их фонологических штудий была реконструкция языка-основы путем реконструкции его фонологической системы с описанием всех системных элементов и связей.

Немецкий тюрколог Карл Фой (1856–1917) опубликовал в начале XX в. работу, посвященную тюркскому вокализму, в которой детально исследовал функционирование фонем в корневых и некорневых морфемах. Продолжая дело В.В. Радлова, К. Фой занимался исследованиями фонетического (как было принято писать в то время) строя древнетюркских рунических памятников, интерпретируя данные письма и анализируя его возможные звуковые особенности [Foy 1900: 180–215].

Следует упомянуть потомственного датского тюрколога Кару Гренбека (1901–1957), отец которого обучался у В.В. Радлова. Труды Гренбека-младшего посвящены различным аспектам алтаистики и филологии тюркских языков и среди прочего затрагивают вопросы исторической фонетики [Grønbech 1936]. Целью его работы также была реконструкция общего алтайского праязыка.

Датский лингвист Хольгер Педерсен (1867–1953) придерживался идеи родства индоевропейских и тюркских языков, а в знаковой статье по фонологии турецкого языка [Pedersen 1847: 535–561] в этой связи впервые употребил

термин «ностратический», то есть «родственный». Упомянутая статья посвящена проблемам исторической фонетики и реконструкции некоторых пратюркских согласных.

Финский лингвист Г.И. Рамстедт (1873–1950), специалист по урало-алтайским языкам, создал целую серию работ, касающихся тюрко-монгольских *фонетических* связей, вел исследования фонетико-грамматического характера, целью которых была также реконструкция тюрко-монгольского праязыка [Ramstedt 1914: 134–150; Ramstedt 1915: 66–84].

Заслуга Николая Николаевича (Николаса) Поппе (1897–1991), по мнению ряда специалистов, состоит прежде всего в том, что он первым последовательно и аккуратно применил к алтайским и тюркским языкам методику сравнительно-исторического исследования, разработанную классиками индоевропейского сравнительно-исторического языкознания [Алпатов 1996: 23]. В монографии «Сравнительная грамматика алтайских языков» он произвел реконструкцию и систематизацию гласных и согласных фонем в монгольских, тюркских и тунгусо-манчжурских языках с учетом собранного им нового лексического материала этих языков и с большим количеством собранных им примеров; среди выводов книги — краткая история развития каждой подгруппы фонем [Porre 1960].

Шведский тюрколог Гуннар Ярринг (1907–2002) занимался изучением тюркских языков Средней Азии. Его диссертация на соискание степени доктора философии была посвящена изучению фонологии тюркских языков Средней Азии, в частности, уйгурского [Jarring 1933]. Примечательно, что вслед за представителями Пражской школы он употребляет в заголовке своей диссертации немецкий термин *Lautlehre*, который чаще всего переводится как ‘фонология’ (мы находим этот термин в работах Н.С. Трубецкого в статьях этого периода и позже).

Исследование немецкого востоковеда К. Брокельмана (1868–1956) «Восточнотюркская грамматика исламских литературных языков Средней Азии» [Brockelmann 1954] посвящено фонологической интерпретации данных письменных тюркских языков Средней Азии X–XIV вв. Он рассматривает как исконно тюркские лексемы и фонемы, так и заимствованные лексемы и фонемы в совокупности, не делая различий между тюркским и арабо-персидским лексическими пластами, также предпринимает попытку реконструировать фонемы тюркского праязыка.

Финскому тюркологу и ученику Г.И. Рамстедта Арво Мартти Рясанену (1893–1976) принадлежит серия публикаций по сравнительным исследованиям современных тюркских языков, а также монография, переведенная в 1955 г. на русский язык, «Материалы по исторической фонетике тюркских языков» [Рясанен 1955].

Следует упомянуть о плеяде турецких лингвистов середины XX в., исследования которых стоят особняком в мировой тюркологической литературе,

так как в основном их работы посвящены фонетике и ценны тем, что фиксируют материал современного им литературного турецкого языка. При этом с большим сожалением приходится констатировать, что общетеоретические вопросы в турецком языкознании недостаточно разработаны. В первую очередь это связано с «трудностями перевода» классических работ по языкознанию на турецкий язык. Несмотря на то, что в турецком языке существуют два различных, достаточно новых термина для обозначения фонетики (*sesbilgisi*) и фонологии (*sesbilimi*), на практике разграничение этих понятий в турецкой лингвистической литературе разработано слабо.

Турецкий исследователь Ахмед Джеват Эмре (1878–1961), автор фундаментального труда по фонетике тюркских языков «Сравнительная грамматика тюркских наречий. Фонетика», также занимался исследованиями по алтаистике и реконструкции системы фонем пратюркского языка [Emre 1949]. Еще один турецкий фонолог Доган Аксан (1929–2010) в соавторстве с несколькими коллегами создал фундаментальный труд по фонетике современного турецкого языка, в котором детально рассмотрел и описал не только систему фонем современного турецкого языка, включая просодику, но и его морфонологическую систему. Его работа до сих пор является одним из самых полных и достоверных источников по фонетике современного турецкого языка [Aksan, Atabay, Özel, Çam, Piralı 1978]. Лингвист Омер Башкан написал первую в Турции работу, посвященную разграничению фонетики и фонологии на материале турецкого языка [Başkan 1958]. Работы таких авторов, как О. Демирджан [Demircan 1977, Demircan 1979], М. Мансуроглу [Mansuroğlu 1959], Н. Селен [Selen 1979], С. Йонель [Yönel 1974], посвящены фонологическим и даже морфонологическим вопросам, но, к сожалению, подчиняясь общей тенденции, иногда грешат неточным понятийно-терминологическим аппаратом, объединяя в одно исследование фонетический и морфонологический материал.

Среди важных трудов по тюркской фонологии следует упомянуть серию работ Дж. Клосона. Статья «The Turkish Y and related sounds» [Sir Clauson G. 1957] посвящена истории становления фонемы /y/ в фонологической системе современного турецкого языка. В статье «The initial labial sounds in the Turkish languages» [Sir Clauson G. 1961] прослеживается эволюция губных фонем в анлауте тюркских слов, начиная с текстов древнетюркских рунических памятников до современного турецкого языка.

Некоторым вопросам исторической фонологии посвящен ряд публикаций венгерского тюрколога Г. Хазай, поскольку его научные интересы были связаны с интерпретацией данных древних текстов по рукописям, а кроме того, с проблемами тюркской диалектологии [См. например: Hazay 1969, Hazay 1994, Hazay 2001]. Фонологическое освещение фактов анатолийско-тюркского языка XVII в. на основании реконструкции сведений по транскрипционным текстам дается в диссертации Г. Хазай [Hazay 1965].

Важны для диахронической фонологии и работы Д. Немета, в которых он подробно анализирует фонологический состав западно-балканских и некоторых анатолийских тюркских говоров, сохранивших остатки ранних периодов развития тюркского языка на территории Малой Азии [Németh 1956, Németh 1964].

Говоря об истории тюркской фонологии в западном языкознании, невозможно не упомянуть довольно редкий в цитированиях, однако значимый труд — диссертацию Зигрид Кляйнмихейль [Kleinmichel 1970], посвященную анализу рукописного персоязычного памятника «Марзубан-наме», переведенного на анатолийско-тюркский язык в XIV в. по заказу бея Гермияна, Сулейман-Шаха, поэтом-переводчиком Садреттином Шейхоглу с точки зрения его фонологической и морфонологической подсистем.

Монография Ларса Юхансона «Язык древнетюркских рунических памятников как ассимилирующий» является одним из основных трудов, посвященных предполагаемой диссимилиации в фонологической системе языка древнетюркских рунических памятников [Johanson 1979]. Бытующая в специальной литературе традиция анализа древнетюркских текстов, опирающаяся на видимые, внешние данные письма, дает возможность исследователям строить предположения о возможной диссимилиации. В монографии Ларс Юхансон отвергает возможность того, что язык древнетюркских рунических памятников был диссимилирующим.

Некоторое количество работ по фонологии написано Эвой Агнес Чато. Анализируя положение в языковой системе современного турецкого языка палатализованных и веляризованных фонов [k], [g] и [l], Э. Чато ссылается на положение, выдвинутое Л. Юхансоном о том, что звуковая гармония в тюркских языках носит супraseгментный характер, поэтому родная фонология языка и фонология заимствованных элементов действуют интегрированно в рамках одной системы. Эта модель нацелена на воспроизведение понятных для носителей звуков в рамках своей системы, и таким образом, заимствованные фонологические элементы функционируют по тем же правилам, что и родные. Таким образом, способность копировать, воспроизводить в понятной форме чужеродные фонологические элементы является неотъемлемым свойством родной фонологической системы носителя языка [Csato 1999]. Заимствование иноязычных элементов с точки зрения Э.А. Чато происходит так, что инородные фонологические элементы меняют свои качества, приобретая те свойства, которые удобны их функционированию в рассматриваемой фонологической системе. Например, персидское слово [gul] ‘цветок’, которое в персидском произносится с веляризованными согласными, в турецком языке приобрело значение ‘роза’ и произносится как [g’ül], став, таким образом переднерядным.

Польский лингвист Марек Стаховский является специалистом по тюркской фонологии и морфонологии. Его перу принадлежит фундаментальная

монография «История якутского вокализма» [Stachowski 1993] и серия статей по фонологии других тюркских языков [Stachowski 2013].

Турецкий исследователь Сюер Экер пишет о фонологии тюркских языков, при этом рассматривая их нередко сквозь призму влияния историко-культурных связей [Eker 2007a]. Например, в статье «Заметки относительно базовых свойств гласных фонем» он сравнивает акустические характеристики нескольких тюркских языков: турецкого, татарского, башкирского, узбекского и туркменского, в этой же статье он рассуждает о том, как в турецком языке воспринимаются чужие иноязычные фонемы (например, из арабского языка) и как языки соседних народов воспринимают фонемы турецкого языка (например, сербский язык, в котором огромное количество лексических заимствований из турецкого, как и в остальных балканских языках) [Eker 2010]. Еще одно его примечательное исследование находится на границе фонологии и социолингвистики и посвящено подсчету и анализу того, как строится реализация аллофонов турецкой фонемы /e/ в зависимости от социального статуса либо региона проживания. Автором получена любопытная фонетическая статистика [Eker 2007b].

Еще один турецкий исследователь современной турецкой фонетики демонстрирует междисциплинарный подход. Мехмет Акиф Кылыч — автор серии публикаций о проблемах реализации турецких фонем. Например, в статье, посвященной дискуссионному вопросу, существует ли в турецком языке фонема /ğ/, коль уж для нее создателями современного турецкого алфавита придумана особая графема, он доказывает, что данной фонемы не существует, т. к. не происходит работы физиологического аппарата [Kılıç 2012], что едва ли верно, так как имеет место смешение языка и речи. Еще одна его статья посвящена фонетическому анализу реализации гласных современного турецкого языка с помощью акустических приборов. Хотя примечательных выводов в этой статье не содержится, она представляет интересные количественные сведения относительно частот и форматов реализации турецких гласных в речи [Kılıç 2003].

Особо следует упомянуть турецкого лингвиста и специалиста по древним тюркским языкам Марсея Эрдала. Автор многочисленных статей по фонологии древних и современных тюркских языков, он включил обширный фонологический и морфонологический разделы в свою «Грамматику древнетюркского языка». В частности, он сопоставил язык древнетюркских рунических памятников с якутским и делает предположение, что древнетюркский вокализм мог быть представлен 16 вариантами гласных фонем (оппозиция переднерядные — заднерядные, гласные высокого и низкого подъема, огубленные — неогубленные) по аналогии с якутским [Erdal 2004: 45].

Крупнейшим молодым специалистом по тюркской фонологии в Европе в настоящий момент является итальянский тюрколог Делио В. Провербио. Фокус его научных интересов — фонологическая интерпретация данных памят-

ников различных тюркских письменностей [Proverbio 2016, Proverbio 2014a, Proverbio 2014b]. В статье, посвященной графотактическим правилам в тексте «Гадательной книги» (IX в.), Д. Проверибио анализирует употребление графемы для фонемы /a/. Д. Проверибио полагает, что графема /a/ в данном письме могла быть составляющей частью слога, которая компенсировалась в случае надобности необходимой по смыслу гласной, что отчасти напоминает положение вещей в письме древнетюркских рунических памятников [Proverbio 2014c]. Еще одна публикация Д. Проверибио посвящена тюркоязычному тексту из Эдессы, написанному западно-сирийским письмом, которое включало в себя пять вокалических знаков, заимствованных из греческого письма [Proverbio 2012].

Очевидно, что развитие сравнительно-исторического тюркского языкознания стало важной составляющей всей современной тюркской филологии, а не только отдельных ее аспектов.

Литература

- Алпатов 1996 — *Алпатов В.М.* Николай — Николас Поппе. — М., 1996.
- Кляшторный, Лившиц 1978 — *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Открытие и изучение древних тюркских и согдийских памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. — Новосибирск, 1978. — С. 37–60.
- Рясянен 1955 — *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков / Перевод с нем. А.А. Юлдашева. — М., 1955.
- Aksan, Atabay, Özel, Çam, Pıralı 1978 — *Aksan D., Atabay N., Özel S., Çam A., Pıralı N.* Türkiye Türkçesi Gelişmeli Sesbilimi. — Ankara, 1978.
- Başkan 1958 — *Başkan Ö.* Some Phonological Remarks with Special Reference to Turkish Phonemics // *Litera*. — 1958. — Vol. 5. — PP. 22–29.
- Brockelmann 1954 — *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der Islamischen Literatursprachen Mittelasiens. — Leiden, 1954.
- Csato 1999 — *Csato E.A.* Syllabic Harmony in Turkic: The Evidence of Code-copying. // *Language Encounters Across Time and Pace*. — Oslo, 1999. — PP. 346–347.
- Demircan 1977 — *Demircan Ö.* Türkiye Türkçesinde Kök-Ek Bileşmeleri. — Ankara, 1977.
- Demircan 1979 — *Demircan Ö.* Türkiye Türkçesinin Ses Düzeni Türkiye Türkçesinde Sesler. — Ankara, 1979.
- Eker 2007a — *Eker S.* Türkçenin sesbirimleri ve belirgin altsesbirimleri // *Turkology in Turkey*. — Szeged, 2007 — PP. 181–189.
- Eker 2007b — *Eker S.* Toplumdilbilgisel Gösterge Olarak /e/ // *Edebiyat ve Dil Yazıları*. Mustafa İsen'e Armağan. — Ankara, 2007. — S. 231–247.
- Eker 2010 — *Eker S.* Ünlülerin temel özellikleri üzerine birkaç not // *Turkish Studies. International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. — 2010. — Volume 5/4. — S. 305–312.
- Emre 1949 — *Emre A.C.* Türk Lehçelerinin Mukayeseli Grameri Fonetik. — İstanbul, 1949.
- Erdal 2004 — *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. — Leiden, 2004.
- Foy 1900 — *Foy K.* Türkische Vokalstunden besonders das Köktürkische und Osmanische betreffend // *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*, III, Abth. II. — Leipzig-Berlin, 1900. — PP. 180–215.

- Grønbech 1936 — *Grønbech K.* Der Türkischen Sprachbau. — Vol. I. — Copenhagen, 1936.
- Hazay 1965 — *Hazay G.* Harsanyi — Nagy Jacob Török szövegei. A XVII századi oszman-török nyelv problemái. — Budapest, 1965.
- Hazay 1969 — *Hazay G., Meyer I.* Zur historischen Morphonologie des Osmanisch-Türkischen // *Acta Orientalia*. — 1969 [1973]. — № 1. — PP. 82–104.
- Hazay 1994 — *Hazay G.* A propos des signes de vocalisation des vieux textes turcs // *Revue Roumaine de Linguistique (Hommage au Professeur Vladimir Drimba)*. — 1994. — Vol. 39. — № 2. — PP. 141–149.
- Hazay 2001 — *Hazay G.* A propos du vocalisme des mots d'emprunts dans le vieux turc Anatolien // *De Dunhuang à Istanbul. Hommage à James Russell Hamilton présenté par Louis Bazin et Peter Zieme (Silk Road Studies V)*. — Turnhout. — 2001. — PP. 67–72.
- Jarring 1933 — *Jarring G.* Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. — Leipzig, 1933.
- Johanson 1979 — *Johanson L.* Alttürkisch als «dissimilierende Sprache». — Wiesbaden, 1979.
- Kılıç 2003 — *Kılıç M.A.* Türkiye Türkçesin'deki ünlülerin sesbilgisel özellikleri // *Studies in Turkish Linguistics*. Boğaziçi University Press. — İstanbul, 2003. — S. 3–18.
- Kılıç 2012 — *Kılıç M.A., Erdem M.* Türkiye Türkçesindeki 'Yumuşak Ğ' Ünsüzünün Fonetik Analizi. // VI. Uluslararası Türk Dili Kurultay Bildirileri (20–25 Ekim 2008, Ankara, e-kitap) — Ankara, 2012. — S. 2809–2826.
- Kleinmichel 1970 — *Kleinmichel S.* Untersuchungen zu phonologischen, morphophonologischen und morphologischen Problemen im Marzuban-name. PhD. Diss. Humboldt University. — Berlin, 1970.
- Mansuroğlu 1959 — *Mansuroğlu M.* Türkiye Türkçesinde Ses Uyumu // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*. — Ankara, 1959. — S. 81–93.
- Németh 1956 — *Németh G.* Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens. — Sofia, 1956. — S. 56–59.
- Németh 1964 — *Nemeth G.* Zu den E-Lauten im Türkischen // *Studia Orientalia*, XXVIII, 14. — Helsinki, 1964.
- Pedersen H. 1847 — *Pedersen H.* Türkische Lautgesetze // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft: ZDMG / Deutsche Morgenländische Gesellschaft (1847)*. — Vol. 57. — PP. 535–561.
- Poppe 1960 — *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. Tl. — Wiesbaden, 1960.
- Proverbio 2012 — *Proverbio D.V.* A tentative (graphemically-based) reconstruction of the vowel phonology of an early 18th century Turkish-ğarşūnī text from Edessa (present-day Şanlıurfa) // *Turkic Languages*. — 2012. — Vol. 16. — PP. 200–214.
- Proverbio 2014a — *Proverbio D.V.* Further Observation on the Status of the Graphemes «qa (ka)» and «ga» in Turkic Brahmi // *Acta Orientalia*. — 2014. — Vol. 67 (2). — PP. 137–150.
- Proverbio 2014b — *Proverbio D.V.* Regular disharmonies in an early 18th century Dackeren text: a Diachronic Interpretation // *Acta Orientalia*. — 2014. — Vol. 67 (4). — PP. 407–424.
- Proverbio 2014c — *Proverbio D.V.* On some graphotactic rules exhibited by the Old Turkic Irk Bitig text: A case of incipient deglyphemization? // *Turkic Languages*. — 2014. — Vol. 18. — PP. 73–91.
- Proverbio 2016 — *Proverbio D.V.* An Old Turkic text in Tibetan script: a case of hyperphonetic transcription? // *Turkic Languages*. — 2015 [2016]. — 19/1. — PP. 8–39.
- Radloff 1882a — *Radloff W.* Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen // *Abhandlungen des Fünften Internationalen Orientalisten-Congresses gehalten zu Berlin im September 1881*. — Vol III. — Berlin, 1882. — PP. 54–70.
- Radloff 1882b — *Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen. — Leipzig, 1882.

- Ramstedt 1914 — *Ramstedt G.J.* Zur mongolisch-türkische Lautgeschichte // Keleti Szemle. — 1914. — Vol. XV. — PP. 134–150.
- Ramstedt 1915 — *Ramstedt G.J.* Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte // Keleti Szemle. — 1915. — Vol. XVI. — PP. 66–84.
- Schiefner 1860 — *Schiefner A.* Über verschiedene sibirische Eigentums-zeichen // Mélanges russes. Tirés du “Bulletin historico-philologique” et du “Bulletin” de l’Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. — T. IV. — St.-Petersbourg, 1860. — PP. 1–30.
- Selen 1979 — *Selen N.* Söyleyiş Sesbilimi, Akustik Sesbilim ve Türkiye Türkçesi. — Ankara, 1979.
- Sir Clauson G. 1957 — *Sir Clauson G.* The Turkish Y and related sounds // Studia Altaica. — Festschrift N. Poppe. — 1957. — PP. 33–45.
- Sir Clauson G. 1961 — *Sir Clauson G.* The initial labial sounds in the Turkish Languages // BSOAS. — 1961. — XXIV. — 2. — PP. 298–306.
- Stachowski 1993 — *Stachowski M.* Geschichte des Jakutischen Vokalismus. — Krakow, 1993.
- Stachowski 2013 — *Stachowski M.* On the Evolution of the Ottoman Turkish Vowel Harmony and the (il)liability of the suffix +lık // Bengü Bitig. Dursun Yıldırım Armağanı. — Ankara, 2013. — S. 551–558.
- Yönel 1974 — *Yönel S.* Türkçenin yazımsal fonemleri // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten 1973–1974. — Ankara, 1974. — S. 319–336.

Apollinaria Avrutina, Saint-Petersburg

Upon Turkic phonology in European linguistics

Summary: This article is devoted to the review of phonetic and phonological works in European Turkic linguistics. Obviously, phonology research has been the cornerstone of all modern European Turkic linguistics since its inception. Analysis of the works written during the history of the issue and devoted to the «sound aspects» of the Turkic speech leads to the conclusion that researchers often deal with solving problems of purely phonological nature, sometimes incorrectly treating them as phonetic problems.

Keywords: Turkic languages, Turkic phonology, Turkic linguistics, agglutinative languages, Ural-Altaic languages

Сведения об авторе

Аврутина Аполлинаруя Сергеевна — к.ф.н., доцент кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ); e-mail: a.avrutina@spbu.ru

Information about the author

Apollinaria Avrutina — Ph.D. in philology, Associate Professor of Department of Theory and Methods of Teaching Languages and Cultures of Asia and Africa, Saint-Petersburg State University; e-mail: a.avrutina@spbu.ru

Ш.Х. АКАЛЫН, г. Анкара (Турция)

Образование слов в турецком языке путем обновления

Резюме: Словообразование в турецком языке является одной из основных тем учебников по грамматике, однако в научной литературе эта тема разработана недостаточно. Книги по грамматике в основном посвящены турецким аффиксам и рассматривают слова, образованные путем их присоединения. Составные слова, получившиеся в результате объединения, *заимствования* рассматриваются поверхностно и занимают лишь небольшой раздел грамматики. Тем не менее, есть несколько других способов образования слов в турецком языке, которые встречаются сравнительно часто. Один из этих способов, который никогда не упоминался раньше, — *обновление*. Эта статья впервые рассматривает образование слов в турецком языке путем *обновления* и демонстрирует теорию и принципы *обновления* на примерах.

Ключевые слова: словообразование путем составления, замена слова, заимствование, народная этимология, обновление

Наиболее распространенный способ словообразования в турецком языке, который является агглютинативным языком, — это образование слова путем присоединения к его корню определенных аффиксов. *Сложение* — объединение двух или более слов в одно, *заимствования* — поступление лексики из других языков, *фонетическое словообразование* — образование слов в языке путем подражания звукам, — вот еще некоторые из способов словообразования в турецком языке. Способам словообразования в современном турецком языке был посвящен мой доклад, который я представил на XI Национальном тюркологическом конгрессе в Стамбуле [Акалын 2014]. В статье, которую мы опубликовали вместе с Г.Ч. Махмудовой в г. Баку [Акалын — Махмудова 2016], мы рассмотрели слова, которые вошли в лексику турецкого и азербайджанского языков путем *народной этимологии*. Способ словообразования, который мы назвали *обновлением*, напоминает народную этимологию, но в данном случае трансформации подвергаются не заимствованные слова, а отошедшая в историю, устаревшая лексика турецко-

го языка, которая заменяется на современную лексику, близкую по звучанию или значению.

Заимствования могут войти в лексический состав языка на основе их фонетического, семантического и структурного сходства с характерными особенностями языка получателя, а также модифицироваться путем народной этимологии [Акалын — Махмудова 2016: 10–11], под которой понимается замена неизвестного, нераспознанного слова значимыми элементами, известными фонологически и морфологически, называется *народной этимологией* [Имер и другие. 2013: 185]. Такое языковое явление довольно распространено.

Образование слов в турецком языке путем народной этимологии

Приписывание корня другому слову может быть определено как процесс сознательного или неосознанного изменения структуры слова в существующие единицы и формы языка. Обычно этот процесс требует некоторых изменений в произношении и на письме, или одновременно и там, и там. То есть, явление, когда заимствованное из чужого языка слово изменяет свою первоначальную форму и его значение переосмысливается, называется приписыванием корня. Как правило, существует два основных типа объяснения происхождения корня слова: на основе формального сходства или под влиянием семантики слова. Первый способ обычно наблюдается в названиях цветов, болезней или лекарств [Кастилло 2007, 8].

Так как определительная часть составного слова *темрихинди* (< *طمر حندي*) ‘тамаринд (индийский финик)’, заимствованного из арабского языка, была не понятна, слово в турецком языке приняло форму *демрихинди*, где первая часть слова уподобилась турецкому слову *демир* ‘железо’. Название декоративного растения *ортанджа* ‘гортензия’ произошло от французского слова *hortensia*; *панжур* — от французского слова *abat-jour*; *абдюллези* ‘осока’ со значением ‘многолетнее травянистое растение и ее плоды’ произошло от арабского слова *خباللذيد*. Эти слова являются примерами народной этимологии, они прочно вошли в общеупотребительную лексику турецкого языка и турецкий словарь [Акалын — Махмудова 2016: 835].

Создание слов в турецком языке путем обновления устаревших слов

Помимо заимствований слова, которые имеют турецкое происхождение, но не используются или забыты носителями языка, также изменяются на часто употребительные, близкие по звучанию, значению и структуре слова с яс-

ным и понятным смыслом. Этот процесс занимает долгое время. Прежде всего, вместо слов, которые имеют турецкий корень, но не известны современному носителю языка, не могут быть им поняты и расшифрованы, используются близкие по фонетическому составу, в значительной степени сходные по структуре более известные слова. Замена непонятого слова на слово с понятным смыслом путем приписывания корня может иметь обоснованные причины. Говорящий вместо устаревшего слова турецкого происхождения, значение которого ему неизвестно, использует слово, похожее по звучанию, смысл которого он может истолковать, и таким образом сам формирует значение или повторяет придуманные другими объяснения.

Например, название звезды *Чолтан*, используемое в большинстве тюркских языков, после XIV в. оказалось непонятным для носителей анатолийского турецкого языка. Вместо слова *Чолтан* стало использоваться *Чобан Йылдызы* ‘Пастушья звезда’. Объяснялось это тем, что звезда помогает пастухам находить правильный путь. Это объяснение было подкреплено некоторыми народными повествованиями. Для говорящего не важно, является ли данное слово устаревшим в родном языке или является ли заимствованием то слово, что займет его место. Обновление — это использование более понятного, удобного и объяснимого слова вместо того исконного, которое уже стало непонятным, неудобным, необъяснимым и чуждым для говорящего. Слово обновляется тогда, когда обозначаемое им еще существует, а используемый при этом показатель уже устарел, на этом этапе происходит замещение его новым показателем.

Следует отметить, что этот процесс занимает годы или даже столетия. Обновление производится чаще малосведущими людьми с ограниченным словарным запасом и поначалу считается неприемлемым и подвергается критике со стороны образованных людей с хорошим словарным запасом. Когда все люди общества принимают это обновление, слово, которое первоначально подвергалось критике как *галат* ‘неправильное’ становится *галатымешхур* ‘распространенным заблуждением’, а затем входит в лексический состав языка и в конечном итоге фиксируется в словарях. Таким образом, название этой звезды стало широко распространенным на турецком как *Чобан йылдызы* и в этом виде вошло в словарный состав турецкого языка [Акалын и другие. 2011: 556]. При этом, в то время как слово *Чолтан* использовалось самостоятельно как название звезды, после *обновления*, по причине того, что слово *чобан* ‘пастух’ имело доминирующее значение, для обозначения звезды начало использоваться словосочетание, которое в дальнейшем стало писаться в виде одного слова — *Чобанйылдызы*.

На первый взгляд невозможно установить непосредственную связь между составным словом *кулактозу* (букв. ‘ушная пудра’), которое обозначает ‘ямка за ухом, корень уха’ и словом *тоз* ‘пудра’, входящим в его состав. Но если мы узнаем, что лексема *тоз*, включенная в состав слова, происходит от слова

tëz, которое на старом турецком языке имело значение ‘корень; основной, род’ [ДТС 1969: 582–583], то поймем, что изначально существовало словосочетание *кулак тëзю* со значением ‘корень уха’; очевидно, что, когда слово *tëz* стало непонятным, недоступным для толкования и редко используемым, в процессе обновления оно было замещено словом *тоз*.

Подобные интересные явления замечены также в идиомах, фразах и словицах, в составе которых слова, которые выходят из регулярного употребления и которые не полностью осмысляются говорящими, постепенно обновляются, заменяясь на более известные и употребительные слова, которые имеют близкое звучание, структуру и значение. В текстах древнеанатолийского турецкого языка слово *таң* ‘изумительный, удивительный’ используется в значении ‘изумляться, удивляться’ в устоявшихся выражениях *таңа батмак* ~ *даңа батмак*, *таңа калмак* ~ *даңа калмак*. В результате того, что это словосочетание с течением времени стало непонятным, оно превратилось в выражение *даңа калмак* ‘оставаться замороженным (застывшим)’, что похоже по звуку и значению, но отличается по структуре. Развитие таких словосочетаний, как *таңа батмак* и превращение их в идиому, произошедшее в процессе развития языка от древнеанатолийского турецкого до османского турецкого, и затем до современного турецкого языка, является также примером обновления. Когда слово *таң* стало неизвестным, его заменило слово *тоң-* ~ *доң-* [ДТС 1969: 575], близкое ему по звучанию и структуре. Таким образом, в XVII в. это словосочетание уже использовалось в форме *доңа калмак*.

Это слово, которое обозначает ‘заморозиться (застыть) от удивления’, также подходит по значению *дон-*. Однако его структура отличается с точки зрения грамматики: *таң+*(ДАТ.ПАД.), *доң-*(ГЕРУНДИЙ).

Помимо словосочетаний обновлению подвергаются и производные слова.

В государственных учреждениях Османской империи слово *бейликчи* применялось для обозначения должности офицера дивана. В функции офицера, занимавшего эту должность, которая появилась во второй половине XVII в., входило записывать указы, эдикты султана, которые поступали в диван, находить и предоставлять решения и соглашения, которые имели отношение к документам, запрошенным великим визирем, переписывать указы султана [Пакалын 2004: 231]. Название служащего *бейликчи*, который занимался ведением переписки Османской империи, держал и вел записи кодексов и соглашений, на самом деле произошло путем обновления слова *битикчи*. Слово *битик*, которое использовалось в Османской империи до начала правления Сулеймана Великолепного (1520–1566 гг.), имело значение ‘письмо, переписка’, а *битикчи* означало ‘писец, клерк’ [Пакалын 2004: 237]. Слово, которое означало ‘книга’, образовалось с помощью аффикса *-к*, присоединившегося к глаголу *бити-*, означавшему на старом турецком ‘писать’ [ДТС 1969: 103], в старом анатолийском турецком языке использовалось в формах

битик ~ *бити* со значением ‘письмо; акт, свидетельство’ [Аксой и другие. 2004: 615-619]. Слово *битикчи*, которое использовалось до начала правления Сулеймана Великолепного, по прошествии почти ста лет стало использоваться в форме *бейликчи*, что было обновлением слова *битикчи*, которое уже стало чуждым для говорящих. В Словаре «Камус-и-тюрки» в словарных статьях, посвященных *бейликчи* и *битикчи*, поясняется, что *бейликчи* — это искаженная форма слова *битикчи* [Ш. Сами 1900: 299, 329].

Мы нашли еще одно слово, прошедшее исторический процесс *обновления* — это составное слово *карындаш*. Слово *кадаш*, которое означает ‘родственник’, использовалось, в частности, в значении ‘семья; брат’ в древнетюркском языке до того, как в письменных источниках XI в. стало рассматриваться слово *карындаш* [ДТС 1969: 401–402]. Слово *chia*, которое значит ‘семья’ и которое, по некоторым предположениям, было заимствовано из китайского языка [Клаусон 1972: 578], на древнетюркском использовалось как *ка* и с суффиксом совместимости *+даш* составляло слово *кадаш*, которое существовало в XI в. Хотя известно, что слово *карындаш* заменило слово *кадаш* [Эрен 1999: 212; Гюленсой 2007: 466–467; Нишаньян 2018: 416], процесс, как именно это произошло, не обсуждался [ДТС 1969: 427, 430]. В переходе от *кадаш* к *карындаш* нет никакой эпентезы. По нашему мнению, в результате того, что функция и значение суффикса *+даш* были очевидны и понятны, по прошествии двух столетий трудно объяснимый и непонятный корень *ка*, был объяснен приписыванием корню *кап*, которое обозначало ‘конверт, горшок’. Махмуд аль-Кашгари объясняет эту ситуацию так: «Брата, родственника называют *кадаш*, а происхождение его от *ка*’, которое означает конверт и горшок. И присоединение к нему *даш* составило *кадаш*. Это означает, что “они оба спали в одном горшке”, что является животом матери». [Аталай 2006: 407]. В «Диване люгат ат-турк» приведены как *кадаш*, так и *кадаш_и_карындаш*. Так как *ка* — корень слова *кадаш*, утратил прозрачность и стал необъяснимым, его соотнесли со словом *кап* ‘горшок’ и считали, что это обозначает *карын* ‘живот матери’, слово *кадаш* со временем обновилось в слово *карындаш*.

Особенности словообразования путем обновления

Рассмотренный выше способ словообразования путем *обновления* отличается от других способов словообразования. Прежде всего, *обновление* — это процесс образования слов, который, однако, происходит не с помощью привычных словообразовательных способов вследствие необходимости в создании нового слова. В данном случае мы имеем дело с явлением, когда уже существующее в языке слово — целиком или частично — со временем становится семантически «непроницаемым», и создается новое слово, фонетиче-

ски, семантически или структурно похожее на него. Этот процесс может длиться годами и даже веками. На фоне того, что существует старое слово, сохраняющее свою форму и семантику, в состав языка входит новое слово. В процессе формирования этого слова используются известные словообразовательные способы. Для турецкого языка это прежде всего аффиксальный способ и способ сложения. Это новое слово начинает более активно использоваться в лексическом составе языка, но при этом оно сохраняет фонетическое, семантическое или структурное сходство со старым словом. Лишь в небольшом количестве примеров, как в рассмотренном выше выражении *dona kalmak*, наблюдается изменение структуры по сравнению со старым словом.

Носители языка, не знакомые со старым словом, пытаются объяснить значение, выраженное в корне, различного рода легендами и историями. Эти истории кажутся слушателям своей эпохи весьма убедительными. Таким образом, этот способ словообразования аналогичен словообразованию на основе заимствований со схожим корневым значением. В то время как слова с иностранным корнем, которые при вхождении в лексический состав языка оказались непонятными, вводятся в язык путем фонетического уподобления их корня близкому по звучанию и понятному носителем языка корню, слова, входящие в лексический состав языка при помощи обновления, будучи для носителей языка непонятными и семантически «непроницаемыми», вытесняются другими словами, составляющими действующий лексический состав языка, — на основе их морфологического, семантического и структурного сходства с семантически «непроницаемым» словом. На каком-то этапе старое и новое слово употребляются параллельно, постепенно наблюдается более частотное использование нового слова, то есть время работает против старого слова. Как только слово становится непонятным, оно вытесняется новым словом.

Можно привести еще ряд примеров, иллюстрирующих этот процесс. В заключение можно отметить, что целесообразно рассмотреть возможность расширения раздела словообразования в грамматиках турецкого языка и включения *обновления* в качестве одного из способов образования слов, выявить другие случаи *обновления* и проанализировать такого рода слова в соответствующих исследованиях по этимологии.

Литература

- Акалын и другие. 2011 — *Akalin Ş.H., Özyetgin M., Toparlı R., Zülfikar H., Gözaydın N., Demir N., Aksu B. Türkçe Sözlük*, Türk Dil Kurumu Yayınları, — Ankara, 2011.
- Акалын 2014 — *Akalin Ş.H. “Türkçede Söz Yapma Yolları ve Sözlükselleşme”*, XI. Millî Türkoloji Kongresi (11–13 Kasım 2014) Bildirileri. — İstanbul, 2014. C. 1, s. 831–841.
- Акалын — Махмудова 2016 — *Akalin Ş.H., Mahmudova Q.Ç. “Türk ve Azərbaycan Dillərində Alınma Sözlər Hesabına Sözyaratma Üsuluna Tarixi-Müqayisəli Baxış”*, Bakı Universitetinin Xəbərləri. — Bakı, 2016. № 1, 5–13,

- Аксой и другие. 2004 — *Aksoy Ö.A. Tarama Sözlüğü*, 4. Baskı, C. 1, Türk Dil Kurumu Yayınları — Ankara, 2004.
- Аталай 2006 — *Atalay B. Kâşgarlı Mahmud Divanü Lügâti't-Türk*, Çev. C. 1, Türk Dil Kurumu Yayınları — Ankara, 2006.
- Гюленсой 2007 — *Gülensoy T. Türkiye Türkçesindeki Türkçe Kökenli Sözcüklerin Köken Bilimi Sözlüğü*, Türk Dil Kurumu Yayınları — Ankara, 2008.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. *В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак*. — Л., 1969.
- Эрен 1999 — *Eren H. Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü* — Ankara, 1999
- Имер и другие. 2013 — *İmer, K., Kocaman, A., Özsoy, A. S. Dilbilim Sözlüğü*, 2. Baskı, Boğaziçi Üniversitesi Yayınevi — İstanbul, 2013.
- Кастилло 2007 — *Castillo A. Folk Etymology as a Linguistic Phenomenon*. — Universität Münster, 2007.
- Клаусон 1972 — *Clouston G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish* — Oxford, 1972.
- Нишанийан 2018 — *Nişanyan S. Nişanyan Sözlük Çağdaş Türkçenin Etimolojisi*, Liber yayınları, — İstanbul, 2018.
- Пакалын 2004 — *Pakalın M. Z. Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü*, Millî Eğitim Bakanlığı Yayınları — İstanbul, 2004.
- Ш. Сами 1900 — *Ş. Sami, Kamus-ı Türkî*, C. 1, İkdam Matbaası — Dersaadet (İstanbul), 1317 (1900).

Şükrü Halûk Akalın, Ankara (Turkey)

Word-formation in Turkish by updating the words

Summary: Although word-formation in Turkish is one of the basic subjects of grammars, it has not been handled sufficiently in the literature. The grammar books mostly focus on the Turkish suffixes and the words derived from roots are examined. A more superficially compounds is made through mergers, while borrowings are a small part of grammar books. However, there are some ways of word-formation in Turkish. One of these is the updating that was never mentioned before. In this article, the issue of the word-formation through updating in Turkish is discussed and the theory and principles of the updating are tried to be put forward with the examples.

Keywords: Word-formation, word change, borrowing, folk etymology, updating

Сведения об авторе

Акалын Шюкрю Халюк — доктор филологических наук, профессор. Директор Прикладного и научно-исследовательского центра лексикографии Университета Хаджеттепе; e-mail: shakalin@shakalin.net, sukruhaluk.akalin@hacettepe.edu.tr

Information about the author

Şükrü Halûk Akalın — Ph. D. in philology, Professor of Hacettepe University, Director of the Application and Research Center for Lexicography (Turkey); e-mail: shakalin@shakalin.net, sukruhaluk.akalin@hacettepe.edu.tr

О.А. АЛЕКСЕЕВА, г. Москва

К проблеме межъязыковых соответствий: перевод русских полупредикативных оборотов на турецкий язык

Резюме: В статье рассматриваются основные способы перевода русских деепричастных оборотов как одного из видов полупредикативных конструкций на турецкий язык, а именно деепричастия со значением предшествования действия, одновременности совершения действия, образа или способа действия, уступки и деепричастия, передающие причинно-следственные отношения. На основании проведенного анализа разрабатывается алгоритм перевода русских деепричастий на турецкий язык.

Ключевые слова: межъязыковые соответствия, русские полупредикативные обороты, деепричастия, деепричастия в турецком языке, переводоведение

Проблема поиска межъязыковых соответствий, под которыми понимаются «сходные по семантике единицы двух языков, которые могут быть поставлены друг другу в соответствие независимо от того, часто ли они используются для взаимного перевода или могут быть использованы для перевода лишь теоретически, в некоторых специальных контекстах» [Стернин 2006: 23], является основной в современном переводоведении. В настоящее время существует огромное число работ, посвященных этой проблеме применительно к паре западноевропейский-русский язык [Рецкер 1982; Гак, Григорьев 2007; Виноградов 2009 и др.], в то же время этот вопрос практически не изучен на примере пары русский-турецкий язык, что определяет актуальность исследования.

Применительно к языковой паре русский-турецкий большое значение имеет поиск соответствий именно на уровне грамматики, так как в грамматическом строе этих языков наблюдаются существенные различия, что вызывает необходимость обращаться при переводе к значительным переводческим трансформациям. В связи с этим в рамках данной статьи поиск межъязыковых соответствий осуществляется именно на грамматическом уровне.

В статье рассмотрены способы перевода русских деепричастных оборотов как одного из видов полупредикативных конструкций на турецкий язык. Выбор объекта исследования обусловлен широким использованием деепричастий и деепричастных оборотов в русском языке и теми сложностями, с которыми сталкиваются переводчики, выполняющие перевод русских деепричастий на турецкий язык, а именно:

1. В русском языке субъект действия деепричастия всегда совпадает с субъектом действия сказуемого предложения, в отличие от турецких деепричастий, субъект действия которых может не совпадать с субъектом действия сказуемого предложения.

2. Система деепричастий русского языка менее дифференцирована по сравнению с системой деепричастий турецкого языка: турецкие деепричастия имеют больше обстоятельственно-характеризующих значений, а также одно деепричастие может одновременно передавать несколько значений.

3. Значение, выражаемое в русском языке одним деепричастием, в турецком языке могут передавать несколько деепричастий.

4. Русские деепричастия могут переводиться на турецкий язык не только при помощи соответствующих деепричастий, но и при помощи других форм и конструкций, например, развернутых оборотов.

Материалом исследования послужили аутентичные русские тексты общественно-политической тематики и их переводы на турецкий язык, выполненные носителями турецкого языка (2 человека), владеющими русским языком на продвинутом уровне и работающими в турецких СМИ.

Работа проводилась в несколько этапов:

1. Выбор примеров, содержащих полупредикативные обороты, из материалов ведущих российских СМИ.

2. Анализ переводов отобранных русских предложений на турецкий язык, выполненных носителями турецкого языка. В тех случаях, когда оба носителя при переводе русской формы или конструкции обращаются к одной и той же турецкой форме или конструкции, приводится только один вариант перевода. В ряде случаев представлен обратный перевод турецких примеров на русский язык для более наглядной демонстрации конструкций, использованных в переводе.

3. Разработка рекомендаций по переводу русских деепричастий на турецкий язык.

Деепричастия со значением предшествования действия

(1) *N, став соучастником нескольких преступлений, в 2005 году вступил в группировку «Sарal».*

Перевод носителя 1:

N, birkaç suçta iştirak ettikten sonra 2005 yılında «Saral» grubuna dahil oldu.

Носитель 1 при переводе образовал развернутое обстоятельство времени на -DİktAn sonra со значением предшествования действия от глагола *iştirak etmek* (участвовать) — *iştirak ettikten sonra*.

Перевод носителя 2:

N birçok suç olayında yer alıp 2005 yılında «Sarallar» çetesine girdi.

Носитель 2 при переводе образовал деепричастие на -İp со значением предшествования действия от глагола *yer almak* (зд. участвовать) — *yer alıp*.

(2) *Подписав соглашение о прекращении огня, правительство приступило к переговорам об установлении прочного мира.*

Перевод носителя 1:

Ateşkes anlaşmasını imzalayan hükümet, kalıcı barış müzakerelerine başladı.

Носитель 1 перевел деепричастие *подписав* при помощи причастного оборота с причастием настоящего-прошедшего времени на -An от глагола *imzalamak* (подписывать) — *imzalayan*, расположив его перед определяемым, в данном случае *hükümet* (правительство).

Перевод носителя 2:

Hükümet, ateşkes anlaşmasını imzaladıktan sonra sağlam barışı temin etmek için görüşmelere başladı.

Носитель 2 при переводе образовал развернутое обстоятельство времени на -DİktAn sonra со значением предшествования действия от глагола *imzalamak* (подписывать) — *imzaladıktan sonra*.

Деепричастия со значением одновременности совершения действия

(3) *Три человека попали в аварию, переходя дорогу напротив начальной школы имени Гази Мустафы Кемалю.*

Перевод носителя 1:

Üç kişi, Mustafa Kemal Atatürk İlkokulu karşısındaki yolu geçerken kazaya karıştı.

Носитель 1 при переводе образовал деепричастие на -iken, указывающее на одновременность совершения действия деепричастия и действия глагола-сказуемого, от глагола *geçmek* (переходить) — *geçerken*.

Перевод носителя 2:

Üç kişi, Gazi Mustafa Kemal İlkokulu karşısındaki yolu geçtiğinde kazaya uğradı.

Носитель 2 при переводе образовал от глагола *geçmek* (переходить) развернутое обстоятельство времени на -DİğİndA — *geçtiğinde*, обозначающее действие, во время совершения которого произошло другое действие, выраженное глаголом-сказуемым.

(4) *N, ответчая на вопросы во время пресс-конференции, сделал искренние и амбициозные заявления.*

Перевод носителя 1:

N, basın konferansında sorulara cevap verirken samimi ve iddialı açıklamalarda bulundu.

Носитель 1 при переводе образовал деепричастие на *-iken*, указывающее на одновременность совершения действий, выраженных деепричастием и глаголом-сказуемым, от глагола *cevap vermek* (отвечать) — *cevap verirken*.

Перевод носителя 2:

Basın toplantısında soruları cevaplayan N, samimi ve iddialı açıklamalarda bulundu.

Носитель 2 при переводе образовал причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на *-An* от глагола *cevaplamak* (отвечать) — *cevaplayan*, расположив его перед определяемым, в данном случае *N*.

(5) *Выступая в меджлисе, N заявил, что двери Турции всегда открыты для ее граждан.*

Перевод носителя 1:

Meclis'te konuşan N, Türkiye'nin kapılarının vatandaşlarına daima açık olduğunu ifade etti.

Носитель 1 при переводе образовал причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на *-An* от глагола *konuşmak* (выступать с речью) — *konuşan*, расположив его перед определяемым, в данном случае *N*.

Перевод носителя 2:

N, mecliste yaptığı konuşmada, devletin kapısının vatandaşlarına her zaman açık olduğunu belirtti.

Носитель 2 при переводе образовал словосочетание *yaptığı konuşmada* (в речи, которую он сделал), состоящее из развернутого определения с формой на *-DİĞİ* от глагола *yapmak* (делать) — *yaptığı* и определяемого *konuşma* (речь) в местном падеже *-DA*.

Деепричастия со значением образа или способа действия

В утвердительной форме

(6) *Москва встала на защиту Донбасса, сделав новое заявление касательно Малороссии.*

Перевод носителя 1: *Moskova, Malorossiya (Küçük Rusya) üzerine yeni bir açıklama yaparak Donbas'ı savunmaya kalkıştı.*

Носитель 1 при переводе образовал деепричастие образа действия на *-ArAk* от глагола *yapmak* (делать) — *yaparak*.

В отрицательной форме

(7) *N* заявил, что они оказывали продовольственную помощь беженцам, не делая различий между представителями разных религий.

Перевод носителя 1:

N, farklı din müntesipleri arasında ayırım yapmayarak mültecilere gıda yardımı sağladıklarını açıkladı.

Носитель 1 при переводе образовал от глагола *yapmak* (делать) деепричастие образа действия на -mАуArAk — *yapmayarak*, являющееся отрицательной формой деепричастия на -ArAk и обозначающее отсутствие сопутствующего действия или состояния.

Перевод носителя 2:

N dini inanç ayırımı yapmaksızın mültecilere gıda yardımında bulduklarını ifade etti.

Носитель 2 при переводе образовал от глагола *yapmak* (делать) деепричастие образа действия на -mАksІzІn — *yapmaksızın*, также обозначающее отсутствие сопутствующего действия или состояния.

(8) Большинство британцев проголосовало за выход из ЕС, не понимая, к каким последствиям это может привести.

Перевод носителя 1:

Britanyalıların çoğu hangi sonuçlara yol açabileceğini anlamadan oylarını AB'den çıkış için kullandılar.

Носитель 1 при переводе образовал от глагола *anlamak* (понимать) деепричастие на -mAdAn — *anlamadan*, значение которого рассмотрено в ходе анализа переводов примера 6.

Деепричастия, передающие причинно-следственные отношения

(9) Подписав соглашение об ассоциации с ЕС, эта страна лишает себя суверенного права по всем вопросам торговой политики, перестанет быть для нас стратегическим партнером, исчезнет как субъект международного права, поскольку все свои действия в торговой области она должна будет согласовывать с Евросоюзом.

Перевод носителя 2:

AB'yle Ortaklık Anlaşması imzalayan bu ülke ticari alandaki bütün faaliyetlerini Avrupa Birliği'yle koordineli yürütmek zorunda kalacağından bütün ticaret politikalarında kendini egemenlik hakkından mahrum bırakıyor, bizim için stratejik ortak olmaktan çıkıyor, uluslararası hukukun bir öznesi olmayı sonlandırıyor.

Носитель 2 при переводе образовал развернутый причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на -An от глагола *imzalamak* (подписывать) — *imzalayan*.

(10) *Предприниматели А и Б, заявив о своем банкротстве, нанесли заказчикам ущерб в 40 млн рублей.*

Перевод носителя 1:

İflaslarını açıklayan A ve B girişimcileri müşterilerini 40 milyon ruble zarara soktular.

Носитель 1 при переводе образовал причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на -An от глагола *açıklamak* (заявлять) — *açıklayan*.

Деепричастия со значением уступки

(11) *На словах ведя активную борьбу против ИГИЛ, США переносят основную удар на сирийскую армию.*

Перевод носителя 1:

Retorikte IŞİD'e karşı aktif bir mücadele yürüten ABD, asıl darbeyi Suriye ordusuna indiriyor.

Носитель 1 при переводе образовал причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на -An от глагола *yürütmek* (вести) — *yürüten*.

Перевод носителя 2:

ABD, sözde IŞİD'e karşı aktif bir mücadeleye devam ederken ana darbeyi Suriye ordusuna vurmaktadır.

Носитель 2 при переводе образовал от глагола *devam etmek* (продолжать) деепричастие на -iken — *devam ederken*, которое указывает на одновременность совершения действия деепричастия и действия глагола-сказуемого, а также передает значение противопоставления действия деепричастия действию глагола-сказуемого (между тем как, в то время как).

(12) *N, не являясь индивидуальным предпринимателем и не имея соответствующих документов на строительство, начал работы по возведению многоквартирного дома в Екатеринбурге.*

Перевод носителя 1:

Özel girişimci olmayan ve inşaat için gerekli belgeleri bulunmayan N, Yekaterinburg'da bir apartmanın inşaat çalışmalarına başladı.

(букв. N, не являющийся индивидуальным предпринимателем и у которого нет необходимых документов на строительство, начал работы по возведению многоквартирного дома в Екатеринбурге.)

Носитель 1 при переводе деепричастия *не являясь* образовал причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на -An в отрицательной форме от глагола *olmak* (быть, являться) — *olmayan*, при переводе деепричастия *не имея* — инверсивный причастный оборот типа *damı yanan ev*, состоящий из существительного *belgeler* (документы) с аффиксом принадлежности 3 л. ед. ч. -I/-sI и причастия настоящего-прошедшего времени на -An,

образованного от глагола *bulunmak* (находиться) в отрицательной форме — *belgeleri bulunmayan*.

Предложения с несколькими неоднородными деепричастиями

(13) *Пытаясь спровоцировать недовольство населения, некоторые продовольственные компании создают искусственные трудности в продовольственном снабжении, обвиняя в них правительство.*

Перевод носителя 1:

Halkın hoşnutsuzluğunu provoke etmeye çalışan bazı gıda şirketleri hükümeti suçlayarak gıda arzında yavaş zorluklar çıkarıyorlar.

Носитель 1 при переводе деепричастия *пытаясь* образовал причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на -An от глагола *çalışmak* (стараться) — *çalışan*, при переводе деепричастия *обвиняя* — деепричастие образа действия на -ArAk от глагола *suçlamak* (обвинять) — *suçlayarak*.

Перевод носителя 2:

Şirketler, halk arasında hoşnutsuzluk yaratmak için suni olarak yiyecek sıkıntısı çıkarıyor ve bunda hükümeti suçlu tutuyor.

Носитель 2 при переводе деепричастия *пытаясь* образовал конструкцию со значением цели на -mAk için от глагола *yaratmak* (создавать) — *yaratmak için*, при переводе деепричастия *обвиняя* — второе однородное сказуемое (первое однородное сказуемое — *çıkartıyor* зд. “создают”) в настоящем времени на -Iyor от глагола *suçlu tutmak* (обвинять) — *suçlu tutuyor*.

(14) *Опираясь на поддержку американских войск, войска Сирии вошли в Мосул, надеясь как можно быстрее освободить его от террористов.*

Перевод носителя 1:

Amerikan kuvvetlerinin desteğine güvenerek teröristlerden mümkün olduğunca hızlı bir şekilde kurtarma ümidiyle Suriye ordusu Musul'a girdi.

Носитель 1 при переводе деепричастия *опираясь* образовал деепричастие образа действия на -ArAk от глагола *güvenmek* (доверять) — *güvenerek*, при переводе деепричастия *надеясь* — одноаффиксный изафет, состоящий из отглагольного имени на -mA от глагола *kurtarmak* (спасать, освобождать), выступающего в качестве определения, и существительного *ümit* (надежда), выступающего в качестве определяемого, с послелогом *ile* (с) — *kurtarma ümidiyle*.

(15) *Решив разнообразить свой бизнес, компания Mail.ru Group запускает сервис BeepCar, бросив вызов французскому сервису BlaBlaCar.*

Перевод носителя 1:

İş alanlarını çeşitlendirme kararı aldıktan sonra Mail.ru Group şirketi, Fransız servisi BlaBlaCar'a meydan okuyan BeepCar hizmetini başlattı.

Носитель 1 при переводе деепричастия *reşiv* образовал развернутое обстоятельство времени на -DİktAn sonra со значением предшествования действия от глагола *almak* (брать, принимать) — *aldıktan sonra*, при переводе деепричастия *brosiv* — причастный оборот с причастием настоящего-прошедшего времени на -An от глагола *meydan okumak* (бросать вызов) — *meydan okuyan*.

На основании проанализированных выше и других рассмотренных нами аналогичных примеров можно сделать следующие выводы.

Деепричастия со значением предшествования действия рекомендуется переводить на турецкий язык при помощи причастия настоящего-прошедшего времени на -An (наиболее предпочтительный вариант), деепричастия на -İr либо развернутого обстоятельства времени на -DİktAn sonra.

Деепричастия со значением одновременности совершения действия рекомендуется переводить при помощи причастия настоящего-прошедшего времени на -An, деепричастия на -ArAk, деепричастия на -iken либо развернутого обстоятельства времени на -DİğİndA.

Деепричастия со значением образа или способа действия в утвердительной форме и деепричастия, передающие причинно-следственную связь, рекомендуется переводить при помощи причастия настоящего-прошедшего времени на -An либо деепричастия образа действия на -ArAk.

Деепричастия со значением образа или способа действия в отрицательной форме рекомендуется переводить с помощью деепричастий на -mAdAn, -mAkslzİn и -mAyArAk, учитывая, что употребление деепричастия на -mAdAn возможно в текстах различных стилей речи, в то время как деепричастие на -mAkslzİn больше характерно для официально-делового и публицистического стиля речи.

Деепричастия со значением уступки рекомендуется переводить при помощи причастия настоящего-прошедшего времени на -An либо деепричастия на -iken.

При переводе предложений с несколькими неоднородными деепричастиями необходимо учитывать, что для турецкого языка нехарактерно употребление нескольких деепричастий в структуре одного предложения. При переводе таких предложений следует диверсифицировать способы перевода каждого русского деепричастия: употреблять различные виды деепричастий и причастий (например, сочетать деепричастие с причастием настоящего-прошедшего времени на -An), развернутые члены предложения (например, сочетать деепричастие с развернутым обстоятельством времени на -DİktAn sonra), конструкции (например, сочетать деепричастие с конструкцией со значением цели на -mAk için) или трансформировать одно из деепричастий в глагол-сказуемое, т.е. выполнить перевод при помощи двух или более однородных сказуемых.

В ходе проведенного исследования явственно определилось, что для всех видов русских деепричастий, кроме деепричастий образа или способа действия в отрицательной форме, универсальным способом перевода на турецкий язык является причастие настоящего-прошедшего времени на -An.

Литература

- Бархударов 1975 — *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. — М., 1975.
Виноградов 2009 — *Виноградов В.С.* Перевод. Романские языки. Общие и лексические вопросы. — М., 2009.
Гак, Григорьев 2007 — *Гак В.Г., Григорьев Б.Б.* Теория и практика перевода. Французский язык. — М., 2007.
Оганова, Воробьева 2016 — *Оганова Е.А., Воробьева С.Н.* Турецкий язык: учебное пособие по переводу турецко-российской прессы. — 3-е изд. — М., 2016.
Рецкер 1982 — *Рецкер Я.И.* Пособие по переводу с английского языка на русский язык. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 1982.
Стернин 2006 — *Стернин И.А.* Контрастивная лингвистика. — М., 2006.
Шведова 1980 — Русская грамматика: в 2-х т. / *Н.Ю. Шведова, Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др.* — М., 1980.
Щека 2007 — *Щека Ю.В.* Практическая грамматика турецкого языка. — М., 2007.

Olga Alekseeva, Moscow

Upon the issues of interlingual correlations: translation of semi-predicative constructions from Russian into Turkish

Summary: The article analyzes main methods of translation of Russian adverbial participial phrases as one of the types of semi-predicative constructions into Turkish such as adverbial participles denoting precedence (priority), simultaneity, manner, concession and cause. Based on the conducted analysis, an algorithm of translation of Russian adverbial participles into Turkish has been developed.

Keywords: interlingual correlations, Russian semi-predicative constructions, adverbial participles, adverbial participles in Turkish, theory of translation

Сведения об авторе

Алексеева Ольга Андреевна — аспирант кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: worksign@yandex.ru

Information about the author

Olga Alekseeva — Ph.D. student of the Department of Turkology of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University; e-mail: worksign@yandex.ru

Т.А. АНИКЕЕВА, г. Москва

О некоторых мифологических животных в «Книге моего деда Коркута»¹

Резюме: В статье рассматриваются некоторые мифологические образы животных, упомянутые в сказании о Бамси-Бейреке в составе огузского эпоса «Книга моего деда Коркута» — собака Барак и «серый морской конь». Оба этих образа имеют в основе своей весьма древнюю основу, связанную с домусульманскими верованиями тюрков; в то же время они получают свое дальнейшее развитие и переосмысление в более поздних жанрах турецкого фольклора — в народной повести и исторических легендах.

Ключевые слова: эпос, тюрки, собака, конь, огузы, сказание об Алпамыше, Махмуд Кашгари, исторические хроники

В огузском эпосе «Книга моего деда Коркута» / «Китаб-и дедем Коркут» упомянуто множество животных, типичных для окружения кочевников: это прежде всего домашние животные и скот — овцы, собаки, лошади и верблюды различных мастей; дикие животные и птицы: соколы, онагры, лани, дикие козы, волки.

Образы обычных животных часто оказываются неоднозначными: например, одни играют большую роль в толковании сновидений героев этого эпоса²; другие же, вероятно, связаны с мифологическими воззрениями — это, прежде всего, пес по кличке Борак, и «серый морской жеребец» богатыря

¹ Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 17-01-50013-ОГН.

² Так, «черный верблюд» (*kara deve*) во сне Салор-Казана обретает явно угрожающий смысл. По современным турецким поверьям, распространенным в Анатолии, видеть во сне верблюда (а также видеть, что кусает собака), предвещает скорую смерть [Örnek 1977: 209–210]. Ездить во сне на верблюде, согласно поверьям желтых уйгуров, также ничего хорошего не предвещает [Малов 1967: 23]. Очевидно, что образ верблюда в тюркской системе снотолкований связан с плохими последствиями для видящего сон, где фигурирует этот образ (подробнее см.: [Аникеева 2019]).

Бамси-Бейрека. Все они упоминаются в одной из самых древних частей «Китаб-и дедем Коркут» — сказании о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры. Оно является одной из самых древних частей «Китаб-и дедем Коркут», будучи в то же время генетически связанным с эпосом «Алпамыш» — данный сюжет известен во многих версиях и относится к числу самых распространенных среди тюркских народов. В свою очередь, в основе эпического сказания об Алпамыше лежит архаическая богатырская сказка, элементы сюжета которой широко распространены в сказочном эпосе тюркских и монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии: ее герой, имеющий сверхъестественное происхождение, отправляется за своей невестой в далекие страны (см.: [Жирмунский 1962]).

Борак (тур. *Barak, Baracuk*) — кличка животного — собаки (или же, у В.В. Бартольда — «коня», см. далее), упомянутая в «Сказании о Бамси-Бейреке»: «*Evünüz adı dereçük degülmiyidi? İtünüz adı Barak³ degülmiyidi?*» [Ergin 2014: 147; D114 в Дрезденской рукописи: *بارق*; в Ватиканской: *براجوق*; ('Разве имя вашего дома — не Дереджук? Разве кличка вашей собаки не Барак?'). Среди различных комментаторов и издателей текста «Книги моего деда Коркута» кличку собаки принято возводить к *Бораку* (*برق*) «Словаря тюркских наречий» Махмуда Кашгарского и связанному с ним поверью: «**барак** <...> — “лохматая собака”. Среди тюрков бытует поверье, будто бы орлица, чувствующая приближение старости, откладывает два яйца и сидит на них. Из одного яйца выходит собака, которую называют **барак**, она самая быстрая в беге и самая лучшая для охоты. А из другого яйца выходит птенец — это последыш» [ал-Кашгари 2002: 358]; по некоторым данным, в неуказанных тюркских преданиях и легендах *кыл-барак* (*kıl-barak*) или *ит-барак* (*it-barak*) называлось некое племя людей с телом человека и собачьей головой [Gökuay 2000: 331]. Имя «Ит-барак» упоминается и в трудах арабских ранне-средневековых историков, писавших о тюрках: согласно Марвази, имя «Ит-барак» встречается у кыргызов [Roux 2015: 47]; так же, по Рашид ад-Дину, называлось племя, с которым воевал Огуз-каган: «Когда Огуз потерпел поражение от племени ит-барак, с которым он воевал, он остался на острове, образуемом течением двух рек, и там обосновался <...> По прошествии семнадцати лет Огуз разбил племя ит-барак и прибыл в землю Ирана и покорил [ее] области. По истечении многих лет он возвратился в свою область» ([Рашид ад-Дин 1952: 84] т. 1, раздел 1). Второй раз в «Хронике» Рашид ад-Дина

³ Барак — в Дрезденской рукописи «Книги моего деда Коркута»; Бараджук — в Ватиканской. На сегодняшний день известно о двух рукописях «Китаб-и дедем Коркут» — это так называемые Дрезденский и Ватиканский списки. Первый был обнаружен в Дрезденской Королевской библиотеке ориенталистом, дипломатом и библиофилом Г.Ф. фон Децем (1751–1817). Этот список состоит из 12 сказаний. Так называемый Ватиканский список «Книги моего деда Коркута», состоящий из 6 сказаний-*огузнаме*, был обнаружен в библиотеке Ватикана, переведен и опубликован в 1950 г. Э. Росси.

это имя встречается уже как имя пастуха собаки, спасшей от похищения сына Чингиз-хана Тулуя: «Один конный грабитель, враг из племени тайджиут, проезжал [мимо]; младший сын Чингиз-хана, [по имени Тулуй], был пятилетний мальчик, он бегал вне дома и играл. Тот тайджиут, [нагнувшись] со спины лошади, схватил его, чтобы увезти, захвативши голову [ребенка] подмышку. Мать мальчика подбежала и схватила вора за руку; прибежал [также] Кутуку и схватил [его] за другую руку, но вор [так сильно] сжимал голову царевича, [что] никаким способом не могли освободить [ребенка] из рук вора. [В этот момент] собака Барака, который пасет баранов, вскочила и кинулась на вора, и они вырвали царевича из его рук» [Там же: 108].

Иными словами, под *Бараком* Махмуд Кашгари описывает существо, которое ассоциируется с определенными мифологическими представлениями тюрков — однако, довольно неясными; с этим же именем связаны названия тюркских племен, личные имена тюрков или монголов, приводимые средневековыми арабскими хронистами.

В то же время В.В. Бартольд переводил этот пассаж «Книги Коркута» следующим образом: «Разве имя твоего дома не Дереджек? Разве имя *твоего коня* не Борак?..» (курсив мой. — Т.А.; см.: [Книга Коркута 1962: 46]). По всей видимости, здесь речь идет о вероятной контаминации в переводе В.В. Бартольда образа тюркского Борака и Бурака мусульманской мифологии — животного, которое перенесло за одну ночь пророка Мухаммада из Мекки в Иерусалим (*исра*), а также служил и другим пророкам до Мухаммада. В исламской иконографии Бурак похож на лошадь и имеет крылья, длинную спину, часто изображается с человеческим лицом [Мифы 1980: 195; And 2015: 295–300]. Надо отметить, что вопрос, каким образом *Борак*, упомянутый у Махмуда Кашгарского, соотносится с Бураком мусульманской традиции, был затронут в статье Р. Данкоффа [Dankoff 1971: 102–117], которая посвящена этимологии слова, встречающегося у Кашгари и которая, тем не менее, лишь вскользь упоминает *Борака* «Книги моего деда Коркута» (и именно как собаку, но не коня). Р. Данкофф приходит к выводу о возможном общем и крайне опосредованном происхождении этих слов из среднеперсидского *bāraq* ('волшебный конь') через тюркское *baraq* 'ездовое животное шамана' и иудео-арамейское *barqā* 'ездовое животное Мессии' [Ibid.: 117], тем самым возводя Барака «Словаря тюркских наречий» к тюркским шаманским верованиям.

Так как сказание огузского эпоса, в котором упомянуто это животное, является одним из наиболее ранних в составе «Китаб-и дедем Коркут», можно предположить, что это имя (кличка собаки) является отзвуком еще более древних мифологических представлений тюрков.

Что касается «серого морского жеребца» (*bir deniz kulunu boz aygır*) «Книги Коркута», то этот образ не до конца ясен. В сказании о Бейреке это — подарок за спасение юному богатырю от купцов, везших товары из Стамбула

и подвергшихся нападению гяуров (можно обратить внимание и на «иноземное» происхождение коня: «купцы отправились в путь, (шли) днем и ночью, прибыли в Стамбул, купили хорошие дары из редких и ценных товаров; для сына Бай-Буры они взяли серого морского жеребца»). Если сама масть богатырского коня довольно очевидна⁴, то не вполне понятна природа его связи с водой/морем. В.В. Бартольд в примечании к своему переводу «Книги Коркута» отмечает: «Как мне указал П.М. Мелиоранский, здесь, вероятно, имеется в виду мифическая “водяная” или “морская лошадь”» [Книга Коркута 1962: 266]. «Водяная лошадь» (перс. *асп-и аби*) встречается в фольклоре сартов⁵, в частности, зафиксированном Н.П. Остроумовым. Согласно поверьям, *асп-и аби* [Остроумов 1905: 169] имеет голову, похожую на лошадиную, «копыта — на копыта рогатого скота, а хвост на хвост свиньи», «изображение водяной лошади находится в сочинении “Аджаиб-уль-Махлукат”. У арабов эта лошадь называется “морской лошадейю”. В сочинении “Хаяту-ль-Хайван” говорится, что эта лошадь водится в Египетской реке» [Там же]. Интересно, что фольклорная традиция сартов-тюрок в данном случае довольно четко апеллирует к арабо-персидской книжной традиции, а именно к указанным сочинениям⁶.

Вполне вероятно, что этот образ «водяной лошади» (возможно, дракона?) в целом имеет нетюркское происхождение, и в сказаниях «Книги моего деда Коркута» контаминируется с традиционным для тюркского эпоса и древним образом волшебного богатырского (серого) коня-помощника главного героя, наделенного волшебными свойствами. Здесь можно увидеть реализацию древнейшего мотива тюркского эпоса: спутником богатыря Алпамыша является его крылатый конь *тулпар* Байчибар, а Бамси-Бейрек ездит на «сером [морском] жеребце». *Тулпар* в мифологии различных тюркских народов (у башкир, казахов, татар, киргизов) — волшебный крылатый конь, фигурирующий в эпосе и волшебных сказках; в эпосе об Алпамыше «способный на превращения и наделенный сверхчеловеческим разумом» [Жирмунский 1962:

⁴ В то же время и ее обозначение может вызвать вопросы. См., например, у Махмуда Кашгарского: «بوز ات — “серая, пепельная лошадь” — не совсем правильно. Этим словом описывают любое животное цвета между белым и рыжим...» (5192), см.: [ал-Кашгари 2005: 831].

⁵ Сарты — общее название преимущественно оседлого и отчасти тюркоязычного населения Центральной Азии в XV–XIX вв. («название туземных оседлых жителей городов и селений обл. Сырдарьинской и части Ферганской и Самаркандской», по Брокгаузу и Ефрону).

⁶ «*Аджа'иб-уль-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат*» — «Чудеса творений и диковинки существующего» — знаменитое космографическое сочинение Захарии б. Мухаммада Казвини (1203–1283) — арабского ученого и литератора, пользовавшегося большой популярностью в персидском варианте. Казвини приводит описание ряда морских существ в «*Аджа'иб-уль-махлукат*»; одно из них изображено на миниатюре соответствующей рукописи (собрание музея Топкапы, TSM A.3632): царь Ануширван смотрит на хвостатое существо с телом дракона и руками человека (см.: [Анд 2010: 274–275]). «*Хайат ал-хайаван*» — сочинение Камал ад-Дина Даамири (1344–1405).

207]; образ богатырского коня, в свою очередь неразрывно связан с культом лошади у древних тюрков (о нем см., например: [Roux 2015: 36–39]).

Вплоть до недавнего времени некоторые сказания, относящиеся к циклу «Книги моего деда Коркута», продолжали бытовать на территории современных Турции и Южного Кавказа. К ним относится и сказание о Бамси-Бейреке, которое продолжало свое дальнейшее бытование в рамках совершенно иного, гораздо более позднего жанра турецкой традиционной словесности — жанра народной повести⁷. На сегодняшний день исследования, посвященные бытованию сказания о Бамси-Бейреке в виде народной повести, практически отсутствуют. Различные версии повестей о Бейреке, бытовавшие в том или ином виде в Турции, были собраны в издании Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) 1939 г. знаменитым фольклористом Пертевом Наили Боратавом (1907–1998) и с тех пор не переиздавались: ныне даже само это издание [Boratav 1939] представляет собой библиографическую редкость. В это издание вошла так называемая «Бейшехирская» («Beuşehir rivayeti») и «Мейданская» («Meşdan rivayeti») повести, представляющие собой записанные соответственно в Бейшехире и в Мейдане близ Коньи от информантов различные варианты повести о Бейреке, два рукописных текста повести о Бейреке, хранящиеся в библиотеке Стамбульского университета под одним инвентарным номером (№ 239), а также еще несколько небольших текстов, обнаруженных П.Н. Боратавом в *джонках* — антологиях турецкой народной песенной поэзии.

Основу сюжета турецкой народной повести о Бейреке составляют приключения сына «падишаха Огузского иля» Бей Бейрека (тур. *Bey Bira, Bey Beyri, Bey Böyre, Bey Böyrek*): в сопровождении своего коня он преодолевает множество препятствий, борется с коварными врагами и добывает себе невесту по имени Ал Кавак Кызы (тур. *El Kavak Kızı*, диалект. *Dalgavaq Gızı*). Иными словами, фабула повести является достаточно традиционной и типичной для турецкого *хикайата*. В то же время народная повесть о Бейреке сохраняет ряд сюжетных особенностей, которые позволяют возводить ее к эпическому прототипу сказания о Бамси-Бейреке. Прежде всего, главный герой повести, Бейрек, появляется на свет одновременно с жеребенком, который станет его волшебным конем. В Бейшехирской повести, а также в рукопис-

⁷ Турецкая народная повесть (*hikaye, хикайат*) — жанр турецкой народной словесности, занимающий пограничное место между устной и литературной традицией. Это прозаические тексты новеллистического или фантастического содержания, некогда бытовавшие исключительно в устной форме; генетически они связаны с устной эпической традицией, а также со сказочным фольклором (волшебной сказкой), так как зачастую они представляют собой фольклоризованные версии известных на Ближнем Востоке литературных сюжетов или же — как в случае с повестью о Бейреке — часть большего эпического цикла. Документально подтвержденные свидетельства устного исполнения городской повести относятся приблизительно к периоду с XVIII в. по середину XX в. (см.: [Аникеева 2011]).

ных вариантах и в Мейданском варианте, коня Бейрека зовут Бенли-Боз, или Бенги-Боз (*Benli Boz / Bengi Boz*), что, скорее всего, напрямую восходит к *Boz Augir* Бамси-Бейрека в «Книге Коркута»⁸. Характерно, что и свое имя конь получает тогда же, когда именем нарекают его хозяина, сына падишаха. Можно сказать, что образ коня Бамси-Бейрека в цикле сказаний «Книги моего деда Коркута» получает свое дальнейшее развитие и переосмысление в более поздних жанрах турецкого фольклора — в народной повести и исторических легендах⁹.

Литература

- Ал-Кашгари 2005 — *Махмуд ал-Кашгари*. Диван лугат ат-турк / пер. и предисл. З.-А.М. Ауэзовой, индексы Р. Эрмерса. — Алматы, 2005.
- Аникеева 2011 — *Аникеева Т.А.* Турецкая городская повесть XIX в. — М., 2011.
- Аникеева 2019 — *Аникеева Т.А.* Толкование снов в тюркской фольклорной традиции и «Китаб и дедем Коркут» // Тюрко-монгольский мир: история и культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С.Г. Кляшторного. 15–16 февраля 2018 г. ИВР РАН, Санкт-Петербург. — М., 2019 (в печати).
- Гордлевский 1960 — *Гордлевский В.А.* Сказания и легенды, собранные в Турции в 1926 и 1928 гг. (серия четвертая) // *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. 1. — М., 1960. — С. 403–490.
- Жирмунский 1962 — *Жирмунский В.М.* Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. — М.-Л., 1962. — С. 131–258.
- Книга Коркута 1962 — Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. — М.-Л., 1962.
- Малов 1967 — *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. — М., 1967.
- Мифы 1980 — Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х томах. Т. 1. — М., 1980.
- Остроумов 1906 — *Остроумов Н.П.* Сказки сартов в русском изложении. — Таш., 1906.
- Рашид ад-Дин 1952 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / пер. с перс. А.Л. Хетагурова. Том 1. Кн. 1. — М.-Л., 1952.
- Стеблева 2002 — *Стеблева И.В.* Очерки турецкой мифологии. — М., 2002.
- And 2010 — *And M.* Miniatürlerle Osmanlı-İslam Mitolojyası. — İstanbul, 2010.
- Boratav 1939 — *Boratav P.N.* Bey Böyrek hikayesine ait metinler. — Ankara, 1939.
- Dankoff 1971 — *Dankoff R.* Baraq and Burāq // *Central Asiatic Journal*. Vol. 15. — No. 2 (1971). — PP. 102–117.
- Ergin 2014 — *Dede Korkut kitabı. I. Giriş, metin, tıpkobasım. Haz. Muharrem Ergin.* — 9. Baskı. — Ankara, 2014.
- Gökyay 2000 — *Demdem Korkudun Kitabı. Haz. Orhan Şaik Gökyay.* — İstanbul, 2000.
- Örnek, 1977 — *Örnek S. V.* Türk halkbilimi. — Ankara, 1977.
- Roux 2015 — *Roux J.-P.* Eski Türk mitolojisi. Çev. Sağlam M.E. — Ankara, 2015.

⁸ См., например: [Gökyay 2000: 331].

⁹ Интересно, что и святой Хызыр турецких волшебных сказок и хикаятов также иногда предстает всадником на сером коне [Gökyay 2000: 331; Стеблева 2002], а в относительно поздних турецких исторических преданиях о мусульманских святых и знаменитых дервишах, в частности Мухиэддине Араби, записанных В. Гордлевским в Конье уже в 1928 г., также фигурирует волшебный «серый конь» и таинственный всадник, помогающий путникам [Гордлевский 1960: 467].

Tatyana Anikeeva, Moscow

On some mythological animals in «The Book of Dede Korkut»

Summary: The article discusses some of the mythological images of the animals mentioned in the legend of Bamsi-Beyrek in the Oghuz epos «The Book of Dede Korkut» — the dog named Borak and the «grey sea-horse». Both of these images are based on a very ancient basis associated with the pre-Muslim beliefs of the Turks; at the same time, they receive their further development and rethinking in the later genres of Turkish folklore — in folk stories and historical legends.

Keywords: epics, the Turks, the dog, the horse, the Oghuz, the legend about Alpamysh, Mahmud Kashgari, historical records

Сведения об авторе

Аникеева Татьяна Александровна — к.ф.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; e-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

Information about the author

Tatyana Anikeeva — Ph.D. in philology, senior researcher in Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

EYÜP BACANLI, Calgary (Canada)

Extraordinary lexicalizations in Turkic languages

Summary: In this paper I deal with the extraordinarily lexicalized vocabulary of Turkic languages which are contrary to our general expectations of lexicalization on the basis of cross-linguistic data. Some of the data presented here may be claimed to be suppletive or irregular by certain linguists, who misleadingly disregard the lexemic value of the relevant units. The vocabulary examined in this paper is related to numerals, parallel or compulsory counting systems, negative senses, time words, comparative adjectives, and interrogative and adverbial proverbs. By examining extraordinary lexicalizations, I will try to outline the borders of lexicon and grammar.

Keywords: lexicalization, Turkic languages, numerals, lexicalized negation, comparative adjectives, suppletion, pro-verbs

1. Introduction

The lexical items that I will deal with in this paper do not display any suppletive or irregular relationships with another lexeme. For an irregular case, linguists look at the inflectional or derivational (form-building) paradigms of a certain lexeme. Comparing a lexeme with another semantically related lexeme or with a syntactic pattern can be functional in understanding the diachronic changes in a language but claiming irregularity on the base of such a comparison is misleading. Some of the lexical units that are examined in this paper have their own inflectional and derivational paradigms (e.g. decades of units, comparative adjectives, proverbs) while some others lack a full paradigm (e.g. lexicalized negative senses and imperative words). Those lexical items are not formed according to the well-known and expected derivational or syntactic patterns seen in the world's languages. Therefore, the paper focuses on the lexical margins of Turkic languages.

2. Derivation of decade units in Turkic languages

In a decimal system, the normal pathway for deriving decades of units other than ‘10’ is the combination of ‘unit + ten’, e.g. Old Turkic *säkiz* ‘8’, *on* ‘10’, *säkiz on* ‘80’, *toquz* ‘9’, *toquz on* ‘90’. In some languages the sequence for ‘ten’ part is opaquer, manifesting in a fusion, e.g. Karakhanid *sekiz* ‘8’, *on* ‘10’, *seksön* ‘80’, *tokuz* ‘9’, *tokson* ‘90’ [Erdal 2004: 220]. Mel’čuk [Mel’čuk 2006: 439] states that «there is no question about suppletion between the names of units and the names of tens» [for a similar assertion see, Kim 2008]. According to Mel’čuk, German units and their derivational tens are regular whereas Tatar units 2, 3, 4, 5 and their tens 20, 30, 40, 50 are in suppletive relationship:

Language	2 & 20	3 & 30	4 & 40	5 & 50
German	<i>zwei & zwanzig</i>	<i>drei & dreißig</i>	<i>vier & vierzig</i>	<i>fünf & fünfzig</i> etc.
Tatar	<i>ike & egerme</i>	<i>öç & utyz</i>	<i>dürt & qyryq</i>	<i>biş & ille</i>

Suppletion has to do with the inflectional paradigm of a lexeme, but not a semantic or word-building relation between two distinct lexemes, such as 2 and 20, 3 and 30, etc. Thus, units and their tens are different words and lexemes that cannot coexist in one and the same paradigm. «Their referential content is different and thus it is more accurate to describe them as different words rather than derivationally related suppletive forms» [cf. Veselinova 2006: 12]. Cognates of the Tatar words above exist in many Turkic languages. However, there are several languages which possess regular derivational words (or compounds) phonologically reflecting the units and ‘ten’ itself. In Tofa, like in German, all the decades of units are regularly derived, i.e. units are multiplied with ‘ten’. In Tuvan the regular forms begin with 30, in Altay, Sakha and Dolgan this begins with 40, in Khakas and Shor this begins with 60, and in Central Turkic (in Schönig’s 1999 terms) this begins with 80, see Table 1 and Table 2. In the first table, I present the numerals ‘6’, ‘7’, ‘8’, ‘9’ and their decade units. One can easily notice the capturing sub-rules between the units 6, 7 and their ‘tens’ in Central Turkic via phonological similarities. Although they were not historically derived with Turkic common term *on* ‘ten’, ‘60’ and ‘70’ in Central Turkic are derived with the suffix *-mış/-miş* (or *-pīs/-pis* in Kazakh, Noghay) that is used in only those two cardinal numbers. In all Turkic languages (including the Central Turkic), the names of 80 and 90 clearly reflect historical combinations of ‘*säkiz + on*’, ‘*tokuz + on*’.

Table 1.
Formation of ‘tens’ for ‘6’, ‘7’, ‘8’, ‘9’ in Central Turkic

Language	6 & 60	7 & 70	8 & 80	9 & 90	Sources
Orkhon & Old Uyghur	<i>altı & altmıš</i>	<i>yeti & yetmiš</i>	<i>säkiz & säkiz on</i>	<i>tokuz & tokuz on</i>	Erdal 2004: 220
Karakhanid	<i>altı & altmıš</i>	<i>yeti & yetmiš</i>	<i>säkiz & säksön</i>	<i>tokuz & tokson</i>	Erdal 2004: 220
Khorezm	<i>altı & altmıš</i>	<i>y(i)ti & yätmiš</i>	<i>sä(k)kiz & säksän</i>	<i>to(q)quz & tokson</i>	Eckmann 1998: 188
Kazakh	<i>altı & alpıs</i>	<i>žeti & žetpis</i>	<i>segiz & seksen</i>	<i>toyız & toqsan</i>	Kirchner 1998: 323–324
Noghay	<i>altı & alpıs</i>	<i>yeti & yetpis</i>	<i>segiz & seksen</i>	<i>toyız & toksan</i>	Kalmykova & Sarueva 1973: 146
Uzbek	<i>älti & ältmiš</i>	<i>yetti & yetmiš</i>	<i>säkkiz & säksän</i>	<i>toqqiz & toqsän</i>	Boeschoten 1998: 363
Turkish	<i>altı & altmıš</i>	<i>yedi & yetmiš</i>	<i>sekiz & seksen</i>	<i>dokuz & doksan</i>	Own data
Azerbaijani	<i>altı & altmıš</i>	<i>yeddi & yetmiš</i>	<i>säkkiz & säksän</i>	<i>dogguz & doxsan</i>	Shiraliev et al. 1971: 72
Turkmen	<i>alty & altmyš</i>	<i>yedi & yetmiš</i>	<i>sekiz & segsen</i>	<i>dokuz & dogsan</i>	Clark 1998: 151

In the Table 2, I will present 1 & 10, 2 & 20, 3 & 30, 4 & 40, 5 & 50 in all Turkic languages. Note that some border languages in Siberia and China have predictable decade units beginning from the different numerals. Cells including unpredictable derivatives are highlighted.

Table 2.
Formation of ‘tens’ for ‘2’, ‘3’, ‘4’ and ‘5’ in Turkic

Language	1 & 10	2 & 20	3 & 30	4 & 40	5 & 50	Sources
Orkhon	<i>bi:r & o:n</i>	<i>eki: & yegirmi</i>	<i>üč & otuz</i>	<i>tö:rt & qırq</i>	<i>bi:š & älig</i>	Tekin 1965: 170
Old Uyghur	<i>bir & on</i>	<i>eki & yigirmi</i>	<i>üč & otuz</i>	<i>tört & qırq</i>	<i>biš & ilig</i>	von Gabain 1950: 103

Karakhanid	<i>bir & on</i>	<i>iki & yigirmä</i>	<i>üç & otuz</i>	<i>tört & qırq</i>	<i>bäs & ällik</i>	Abduraxmanov 1997: 69
Khorezm	<i>bir & on</i>	<i>i(k)ki / e(k)ki & yigirmi</i>	<i>üç & o(t)tuz</i>	<i>tört & qırq</i>	<i>bäs & ällig / illig</i>	Eckmann 1998: 188
Old Kipchak	<i>bir & on</i>	<i>eki & yegirmi</i>	<i>üç & otuz</i>	<i>tört & qırq</i>	<i>beš & elli</i>	Güner 2013: 284–286
Old Anat. Turkish	<i>bir & on</i>	<i>iki & yigirmi</i>	<i>üç & otuz</i>	<i>dört & qırq</i>	<i>bäs & elli</i>	Kaymaz 1991: 10–16
Chagatay	<i>bir & on</i>	<i>i(k)ki & yigirmi</i>	<i>üç & o(t)tuz</i>	<i>tört & qırq</i>	<i>beš & ellig</i>	Eckmann 1988: 79
Ottoman Turkish	<i>bir & on</i>	<i>iki & yirmi</i>	<i>üç & otuz</i>	<i>dört & qırq</i>	<i>bäs & elli</i>	Own data
Chuvash ¹	<i>pěr & vun</i>	<i>ikě & širēm</i>	<i>viš & vātār</i>	<i>tāvāt & xērēx</i>	<i>pilěk & al(ă)</i>	Durmuş 2009: 200
Turkish	<i>bir & on</i>	<i>iki & yirmi</i>	<i>üç & otuz</i>	<i>dört & kırk</i>	<i>beş & elli</i>	Own data
Azerbaijani	<i>bir & on</i>	<i>iki & iyirmi</i>	<i>üç & otuz</i>	<i>dörd & qırq</i>	<i>beş & əlli</i>	Shiraliyev et al. 1971: 72
Turkmen	<i>bir & on</i>	<i>iki & ýigrimi</i>	<i>üç & otuz</i>	<i>dört & qyrq</i>	<i>bäş & älli</i>	Clark 1998: 151
Gagauz	<i>bir & on</i>	<i>iki & yirmi</i>	<i>üç & otuz</i>	<i>dört & kırk</i>	<i>beş & elli</i>	Pokrovskaja 1964: 122
Uzbek	<i>bir & on</i>	<i>ikki & yigirmä</i>	<i>üç & ottiz</i>	<i>tört & qırq</i>	<i>beš & ellik</i>	Boeschoten 1998: 363
Uyghur	<i>bir & on</i>	<i>ikki & yigirmä</i>	<i>üç & ottuz</i>	<i>tört & qiriq</i>	<i>bäs & ällik</i>	Sadvakasov 1997: 445
Kazakh	<i>bir & on</i>	<i>eki & žiyirma</i>	<i>üş & otiz</i>	<i>tört & qüriq</i>	<i>bes & eliw</i>	Biray et al. 2015: 90–91
Karakalpak	<i>bir & on</i>	<i>eki & žigirma</i>	<i>üş & otiz</i>	<i>tört & qırq</i>	<i>bes & elli</i>	Baskakov 1952: 226
Kirghiz	<i>bir & on</i>	<i>eki & jiyirma</i>	<i>üç & otuz</i>	<i>tört & kırk</i>	<i>beş & elü:</i>	Kasapoğlu Çengel 2005: 190

¹ I have included only the short variants of Chuvash numerals. For their syntax and context dependent formal differences see Durmuş 2009: 201.

Tatar	<i>bir & un</i>	<i>ikē & yēgērmē</i>	<i>öč & utiz</i>	<i>dürt & qüriq</i>	<i>biš & illē</i>	Berta 1998a: 290
Bashkir	<i>bir & un</i>	<i>ikē & yēgērmē</i>	<i>ös & utiö</i>	<i>dürt & qürq</i>	<i>biš & illē</i>	Berta 1998a: 290
Kumyk	<i>bir & on</i>	<i>eki & yigirma</i>	<i>üč & otuz</i>	<i>dört & qürq</i>	<i>beš & elli</i>	Dmitriev 1940: 72–73
Karachay-Balkar	<i>bir & on</i>	<i>eki & žiyirma</i>	<i>üč & otuz</i>	<i>tört & qürq</i>	<i>beš & elli</i>	Berta 1998b: 308
Crimean Tatar	<i>bir & on</i>	<i>eki & yigirmi</i>	<i>üč & otuz</i>	<i>dört & qürq</i>	<i>beš & elli</i>	Berta 1998b: 308
Noghay	<i>bir & on</i>	<i>eki & yirma</i>	<i>üš & otiz</i>	<i>dört & kirk</i>	<i>bes & elli</i>	Kalmykova & Sarueva 1973: 146
Karaim (Trakay dia.)	<i>bir & on</i>	<i>eki & igirmi</i>	<i>üč & otuz</i>	<i>dört & kix</i>	<i>beš & enli</i>	Musaev 1964: 200
Urum	<i>bir & on</i>	<i>et'i & yirim(i)</i>	<i>üč & otuz</i>	<i>dört & xix</i>	<i>beš & elli</i>	Podolsky 1985: 5, 9, 10, 16, 27, 29, 33
Sakha	<i>bi:r & uon</i>	<i>ikki & sü:rbä</i>	<i>üs & otut</i>	<i>tüört & tüört uon</i>	<i>biäs & biäs uon</i>	Korkina et al. 1982: 174
Dolgan	<i>bi:r & uon</i>	<i>ikki & hü:rbä</i>	<i>üs & otut</i>	<i>tüört & tüörd uon</i>	<i>biäs & biäh uon</i>	Ubrjatova 1985: 136
Tuvan	<i>bir & on</i>	<i>iyi & çäärbi</i>	<i>üš & üžen</i>	<i>dört & dörten</i>	<i>beš & bežen</i>	Isxakov & Pal'mbax 1961: 203
Tofa	<i>birä: & on</i>	<i>i'hi & i'hön</i>	<i>üš & üčžen</i>	<i>dört & dörtän</i>	<i>beš & bečžen</i>	Rassadin 1978: 111–112
Yellow Yugur	<i>pür & on</i>	<i>iškü & iškun</i>	<i>uŕ & u^hıŕsun</i>	<i>tört & törtun</i>	<i>pis & pisun</i>	Roos 2000: 93
Altay	<i>bir & on</i>	<i>eki & jirme</i>	<i>üč & odus</i>	<i>tört & törtön</i>	<i>beš & bežen</i>	Dyrenkova 1940: 80
Khakas	<i>pir & on</i>	<i>iki & čibirgi</i>	<i>üs & otis</i>	<i>tört & xirix</i>	<i>pis & ilig</i>	Baskakov et al. 1975: 113

Shor	<i>pir & on</i>	<i>iygi & čegerbe</i>	<i>üš & odus</i>	<i>tört & kırık</i>	<i>peš & elig</i>	Dyrenkova 1941: 102
Chulym	<i>pir & on</i>	<i>igi & čegerbe</i>	<i>üč & odus</i>	<i>tört & kırık</i>	<i>päš & e:lig</i>	Bacanlı 2012a: 75
Salar	<i>pir & on / un</i>	<i>iški & yigirmi</i>	<i>uš & otus</i>	<i>tö't & qürx</i>	<i>peš & elli</i>	Tenishev 1976b: 121
Khalaj	<i>bi: & uon</i>	<i>äkki & yirmi</i>	<i>i:č /ü:č & hottuz</i>	<i>tiert / tüört & qırq</i>	<i>bieš / beš & ällig</i>	Shcherbak 1997: 473

Only Yellow Yugur and Tofa have decade units meeting the expectations of a language which has decimal counting system. In Tuvan, a rule-based pattern begins with 30, in Sakha, Dolgan and Altay it begins with 40, whereas in the rest of the Turkic languages it begins with 60.

3. A different formation of cardinals between '10' and '30'

In Orkhon and Old Uyghur the numerals between '10' and '90', and '30' and '100' respectively, are expressed with different syntactic patterns. The first pattern reflects 'looking forward to the next decade', while the second one is the ancestral form of the modern generalized pattern. Let me explain the first pattern citing from Erdal [Erdal 2004: 220] «The runiform inscriptions and the earlier Uyghur texts form cardinals between the various decades from the second to the ninth one in anticipating fashion: First stated is the digit as starting the count from the lower decade, then the higher decade is mentioned: *tört kırık*, literally 'four forty', e.g., is '34'». There are such examples as *eki yegirmi* (lit. 'two' + 'twenty') '12', *üč yegirmi* (lit. 'three' + 'twenty') '13', *bir otuz* (lit. 'one' + 'thirty') '21', *biš otuz* (lit. 'five' + 'thirty') '25', *sekiz elig* (lit. 'eight' + 'fifty') '48', *üč altmış* (lit. 'three' + 'sixty') '53', *yiti yitmiş* (lit. 'seven' + 'seventy') '67', *bir sekiz on* (lit. 'one' + 'eighty') '71', etc. [Bacanlı 2012b: 77]. In the second pattern the word *artoqı* 'its supplement' was added between the 'ten' and 'unit'. This word was used for the numerals coming after *otuz* 'thirty', e.g. *otuz artoqı bir* (lit. 'thirty and its supplement one') '31', *qırq artoqı yiti* (lit. 'forty and its supplement seven') '47', *toquz on artoqı beš* (ninety and its supplement five) '95', etc. [Bacanlı 2012b: 77]. Tenishev [Tenishev 1988: 179] thinks that the first pattern is the original counting system going back to the Pre-Turkic era.

The first pattern is preserved in only Yellow Yugur among contemporary Turkic languages for the cardinals between '10' and '30'.

Table 3.

The counting system between ‘10’ and ‘30’ in Yellow Yugur
[Roos 2000: 92–93]

	Older system	Older system	Alternative innovative numerals
1. <i>pür</i>	11. <i>pür yiyirmi</i>	21. <i>pür o^htis</i>	21. <i>işkun pür</i>
2. <i>işki</i>	12. <i>işki yiyirmi</i>	22. <i>işki o^htis</i>	22. <i>işkun işki</i>
3. <i>uş</i>	13. <i>uş yiyirmi</i>	23. <i>uş o^htis</i>	23. <i>işkun uş</i>
4. <i>tört</i>	14. <i>tört yiyirmi</i>	24. <i>tört o^htis</i>	24. <i>işkun tört</i>
5. <i>pis</i>	15. <i>pis yiyirmi</i>	25. <i>pis o^htis</i>	25. <i>işkun pis</i>
6. <i>a^hlti</i>	16. <i>a^hlti yiyirmi</i>	26. <i>a^hlti o^htis</i>	26. <i>işkun a^hlti</i>
7. <i>yiti</i>	17. <i>yiti yiyirmi</i>	27. <i>yiti o^htis</i>	27. <i>işkun yiti</i>
8. <i>saqis</i>	18. <i>saqis yiyirmi</i>	28. <i>saqis o^htis</i>	28. <i>işkun saqis</i>
9. <i>to^hqis</i>	19. <i>to^hqis yiyirmi</i>	29. <i>to^hqis o^htis</i>	29. <i>işkun to^hqis</i>
10. <i>on</i>	20. <i>işkun</i>	30. <i>u^hçun</i>	
	cf.	31. <i>o^htis pür</i>	
	cf.	32. <i>o^htis işki</i>	

The numeral system in Yellow Yugur is more complex than we assume, since there are different sub-rules for the groups ‘11–19’ and ‘21–29’. Furthermore, both *u^hçun* and *o^htis* mean ‘thirty’, but the latter can only be used in compound numerals. Thus, *yiyirmi* ‘20’ and *o^htis* ‘30’ cannot be used alone but can only be used syntactically as in the Old Turkic counting system.

The second pattern is retained in Dolgan, but with a significant difference from the Old Turkic. *Artoqi* ‘its supplement’ in Old Turkic was used ‘30’ on, but its Dolgan cognate *orduga* is applied for the numerals between ‘10’ and ‘30’.

Table 4.

The counting system between ‘10’ and ‘30’ in Dolgan
[cf. Ubrjatova 1985: 136]

11. <i>uon orduga bi:r</i>	21. <i>hü:rbe orduga bi:r</i>
12. <i>uon orduga ikki</i>	22. <i>hü:rbe orduga ikki</i>
13. <i>uon orduga üs</i>	23. <i>hü:rbe orduga üs</i>
14. <i>uon orduga tüört</i>	24. <i>hü:rbe orduga tüört</i>
15. <i>uon orduga bies</i>	25. <i>hü:rbe orduga bies</i>
16. <i>uon orduga alta</i>	26. <i>hü:rbe orduga alta</i>
17. <i>uon orduga hette</i>	27. <i>hü:rbe orduga hette</i>
18. <i>uon orduga agis</i>	28. <i>hü:rbe orduga agis</i>
19. <i>uon orduga togus</i>	29. <i>hü:rbe orduga togus</i>
20. <i>hü:rbe</i>	30. <i>otut</i>
cf.	31. <i>otut bi:r</i>
cf.	32. <i>otut ikki</i>

4. Counting systems other than decimal ones

Some Turkic languages have parallel counting systems along with decimal ones. A vigesimal system is used in Karachay-Balkar, e.g. *žiyırma bla on* (lit. ‘twenty with ten’) ‘thirty’, *eki žiyırma* (lit. ‘two twenty’) ‘forty’, *eki žiyırma bla on* (lit. ‘two twenty with ten’) ‘fifty’, *üç žiyırma* (lit. ‘three twenty’) ‘sixty’, *üç žiyırma bla on* (lit. ‘three twenty with ten’) ‘seventy’, *tört žiyırma* (lit. ‘four twenty’) ‘eighty’, *tört žiyırma bla on* (lit. ‘four twenty with ten’) ‘ninety’, *žüs* ‘one-hundred’ [Baskakov et al. 1976: 164–165; Berta 1998b: 308; Tavkul 2000: 907]. A trigesimal system is used in Khalaj, e.g. *äkki-ottuz* (lit. ‘two thirty’) ‘sixty’, *äkki-ottuz-uon* (lit. ‘two thirty ten’) ‘seventy’, *äkki-ottuz-u-yirmi* (lit. ‘two thirty and twenty’) ‘eighty’, *i:č-ottuz ~ ü:č-ottuz* (lit. ‘three thirty’) ‘ninety’, *bieš-ottuz* (lit. ‘five thirty’) ‘one-hundred fifty’ [Doerfer 1971: 166; Shcherbak 1997: 473]. In a prayer in Dede Korkut, ‘one-hundred’ is expressed in a trigesimal way, e.g. *üç otuz on yaş-uñuz tol-sun* (three thirty ten age-2.PL.POSS. fill-3.P.IMP) ‘may your life continue a hundred years’ [Güzel 2008: 442]. In Khalaj, ‘eighty’ can be expressed in quadregesimal way, e.g. *äkki-qırq* (lit. ‘two forty’) [Doerfer 1971: 166; Shcherbak 1997: 473]. Two different versions of quinquagesimals are found in Turkmen and Salar. Turkmen has multiplied versions of ‘fifty’, whereas in Salar ‘fifty’ is used for upper decade units, e.g. Turkmen *iki elli* (lit. ‘two fifty’) ‘100’, *üç elli* (lit. ‘three fifty’) ‘150’; Salar *elli on* (lit. ‘fifty ten’) ‘sixty’, *elli yigirmi* (lit. ‘fifty twenty’) ‘seventy’, *elli otos* (lit. ‘fifty thirty’) ‘eighty’, *elli qırex* (lit. ‘fifty forty’) ‘ninety’ [Tenishev 1976b: 121]. A centesimal system exists in Kirghiz, e.g. *on bir жүз* (lit. ‘eleven hundred’) ‘1,100’, *on yeti жүз* (lit. ‘seventeen hundred’) ‘1,700’, *jüyırma жүз* (lit. ‘twenty hundred’) ‘2,000’ [Tenishev 1988: 182].

5. ‘Ten thousand’ in some Turkic languages

Beginning with Orkhon inscriptions, the notion ‘ten thousand’ has been expressed by native *tümän* and Chinese loan words in many Turkic languages. In Orkhon and Old Uyghur *tümän* clearly indicates ‘ten thousand’, e.g. *bir tümän artoqı yeti biñ* ‘one TÜMÄN and seven thousand = 17,000’, *miñ tavılqu tümän boltı* (thousand spiraea TÜMÄN become-PRET) ‘a thousand spiraeas became ten thousand’ [Clauson 1972: 507; see also von Gabain 1950: 103–104; Tekin 1965: 170; Erdal 2004: 220]. The word *tümän* was also used in the subsequent older Turkic languages such as Karakhanid, Khorezm, Old Kipchak, Ottoman, and Chagatay [Clauson 1972: 507–508; Ata 1998: 60; Eckmann 1988: 76; 1998: 188; Blagova 1997: 158; Toparlı et al. 2007: 287]. Such a large number can readily express the notions ‘too many’, ‘countless’, ‘innumerable’, ‘all kinds of’, etc., e.g. Karakhanid *tümä:n çečäk* ‘all kinds of flowers’ [Clauson 1972: 507]. Old Uyghur had also Chinese loan *ban* (< Chinese *wan*) expressing ‘ten thousand’ [Clauson 1972: 346; von Gabain 1950: 103–104]. Kazakh and Karaim have preserved the

old noun TŪMĀN with its original meaning, e.g. Kazakh *tūmen* [Koç et al. 2003: 563], Karaim Trakay dialect *tyumyan*, Galicia dialect *timen* [Musaev 1964: 200; 1997: 262]. Yellow Yugur in China has a noun expressing the same notion, *ayaq* ‘ten thousand’ [Tenishev 1976a: 37; Roos 2000: 93]. There is no note about this word’s origin. Salar, another language spoken in China, has a Chinese loan *sanzi* ~ *zanzi* ‘ten thousand’ [Tenishev 1976b: 121]. It seems that the existence of the notion ‘ten thousand’ is very related with Chinese, since Old Turkic (Orkhon and Old Uyghur) was in close contact with northern or northwestern dialects of Old Chinese.

6. Foreign even numbers in Karachay-Balkar

In Karachay-Balkar there is a parallel counting system based on ‘even numbers’ borrowed from neighboring Ossetian (an Iranian language) which, according to Baskakov et al. [Baskakov et al. 1976: 165], “is about to become extinct”.

Table 5.

Even numbers in Karachay-Balkar [Baskakov et al. 1976: 165–166]

Even number	Sense	Even number	Sense
<i>duwa</i>	‘2’	<i>čipar</i>	‘4’
<i>ixsiz</i>	‘6’	<i>as</i>	‘8’
<i>dīs</i>	‘10’	<i>duwardīs</i>	‘12’
<i>čipardīs</i>	‘14’	<i>ixxirdīs</i>	‘16’
<i>isdiš</i>	‘18’	<i>ensey</i>	‘20’
<i>duwmensey</i>	‘22’	<i>čiparmensey</i>	‘24’
<i>ixsimensey</i>	‘26’	<i>istensey</i>	‘28’
<i>ertin</i>	‘30’	<i>duwmertin</i>	‘32’
<i>čiparmertin</i>	‘34’	<i>ixsimertin</i>	‘36’
<i>istertin</i>	‘38’	<i>špor</i>	‘40’
<i>dumašpor</i>	‘42’	<i>čiparmašpor</i>	‘44’
<i>ixsimašpor</i>	‘46’	<i>istimašpor</i>	‘48’
<i>finža</i>	‘50’	<i>duwmafinža</i>	‘52’
<i>čiparmafinža</i>	‘54’	<i>ixsimafinža</i>	‘56’
<i>istifinža</i>	‘58’	<i>axšey</i>	‘60’
<i>duwmaxšey</i>	‘62’	<i>čiparmaxšey</i>	‘64’
<i>ixsimaxšey</i>	‘66’	<i>istaxšey</i>	‘68’
<i>udaži</i>	‘70’	<i>duwmawdaži</i>	‘72’
<i>čiparmawdaži</i>	‘74’	<i>ixsimawdaži</i>	‘76’
<i>istiwdaži</i>	‘78’	<i>staži</i>	‘80’
<i>duwmastaži</i>	‘82’	<i>čiparmastaži</i>	‘84’
<i>ixsimastaži</i>	‘86’	<i>ististaži</i>	‘88’
<i>nawži</i>	‘90’	<i>duwmanawži</i>	‘92’
<i>čiparmanawži</i>	‘94’	<i>ixsimanawži</i>	‘96’
<i>istinawži</i>	‘98’	<i>siđi</i>	‘100’

7. Lexicalized fractional numbers

Yarım (or *žarım*, *jarım*, *d'arım*, *čarım*), *yartı* (or *žartı*, *žartı*), *yarı*, *ke'sik* and *buçuk* are the lexical fractional numbers expressing 'half' in Turkic languages. All are originally Turkic being derived from the verbs *yar-* 'to split (something) in two', *kes-* 'to cut', *biç-* 'to saw, to cut'. *Čeyrek* (or *çeyrek*, *çarak*, *čirek*, *širek*, *čärýek*, *čěrěk*, etc.) in Central Turkic and Chuvash is a borrowing from Persian, *čeha:r yek* (lit. four one) expressing 'quarter, one fourth'. Sakha *čiepper*, Altay and Khakas *četvert'* are borrowed from Russian (*četvert'*) expressing 'quarter, one fourth'.

The first extraordinary lexicalization of fractional numbers relates to notion 'one and a half'. Sakha borrowed Russian *poltora* and adapted it as *baltara*: 'one and a half' [Korkina et al. 1982: 186]. Altay has *büdüin d'arım* (lit. whole + half) 'one and a half', although *bir* 'one' exists and the other halves are formed with regular units, e.g. *eki d'arım* 'two and a half', *üč d'arım* 'three and a half', etc. [Dyrenkova 1940: 88]. Some other languages which are in contact with Russian have also borrowed other lexical fractional numbers from Russian, e.g. Chuvash *ušmuškä* (< Russian *ošmuška*) 'an eighth' [Durmuş 2009: 215]; Sakha *tiriet* (< Russian *tret'*) 'a third', *ohumuoxa* (< Russian *ošmuška*) 'an eighth' [Korkina et al. 1982: 186]; Tofa *mušmu:qa* ~ *ošmu:ška* (< Russian *ošmuška*) 'an eighth' [Rasadin 1978: 129].

8. Lexicalized negative senses in Turkic languages

Lexicalization of negative senses has been examined by Veselinova [Veselinova 2013], where she also mentions the background of the issue in linguistic literature. According to her research, senses such as 'I don't know', 'I don't want', 'I don't need', 'not.be able to', 'not.be', 'not.need' tend to lexicalize in world languages. Middle English *nam* (< *ne am*) 'am not', *nill* (< *ne will*) 'will not', Modern English *dunno* 'I don't know', Serbian *neču* 'I don't want', Mele Fila *mustakina* 'not like', Nunggubuyu = *ariba* 'not see', etc. [Veselinova 2013]. In Turkic languages too, there are items listed in the lexicon that should be learned rote. In all Turkic languages *YOQ* or its cognates express 'not existing; absent' as opposed to lexical existential *BAR* or its cognates 'existing, present'². As there is a wide range of work about the common negative word *YOQ* in turkological literature, I will not mention its cognates here. Most of the data I will present here are related to expressions such as 'I don't know', whereas some others are concerned with negative senses like 'I don't need', 'you don't need', 'cannot do; impossible', 'not be able to'. They are mostly fused and as lexical unites are sometimes structurally quite opaque.

² Another misleading claim of suppletion (similar to claims on Turkic units and their decade units) is made on Turkish existential *var* and non-existential *yok*. One of them was the author of this paper [see, Bacanlı 2011: 5], who once followed Dressler [Dressler 1985: 334] on this issue.

Table 6.
List of lexicalized negative senses in Turkic languages

Language	Word	Origin	Sense	Source
Karakhanid	<i>nämä</i>	with interrogative root <i>nä</i> ‘what’	‘I don’t know’	Clauson 1972: 777; Dankoff & Kelly 1984: 272
Gagauz	<i>bämnaşi</i>	<i>Bilmäm nä şey!</i> ‘I don’t know what kind of thing!’	‘I don’t know’	Pokrovskaja 1964: 148
Turkish	<i>ne arar</i>	<i>Ne arar!</i> (what look for-PRES)	Smb is completely lacking in smt	Own data
Southwestern Turkish dialects	<i>nep, neben, nemben, nemen, nemmen</i>	<i>Ne bileyim!</i> ‘How would I know’	‘I don’t know’	Derleme Sözlüğü 1993: 3245, 3246, 3249
Southwestern Turkish dialects	<i>ne:niyen, ni:neyim, neynem, neynim</i>	<i>Ne eyleyeyim!</i> ‘What would I do’	‘I don’t need’	Derleme Sözlüğü 1993: 3252
Turkish dialects (Manisa)	<i>nenceñ</i>	<i>Ne eyleyeceksin!</i> ‘What would you do’	‘you don’t need’	İmdat Demir (p.c.)
Uyghur	<i>ta</i>	unknown	‘I don’t know’	Asiye Uygur (p.c.)
Tatar	<i>bělmem</i>	<i>bělmesmin</i>	‘I don’t know’	Maxmutova et al. 1977: 145
Tuvan	<i>ta, taŋ</i>	unknown	‘I don’t know’	Tenishev (ed.) 1968: 400, 406
Tofa	<i>taŋ</i>	unknown	‘I don’t know’	Rassadin 1978: 12
Altay	<i>ta</i>	unknown	‘I don’t know’	Gürsoy Naskali & Duranlı 1999: 164
Khakas	<i>ta</i>	unknown	‘I don’t know’	Anzhiganova et al. 2006: 566
Yellow Yugur	<i>kəyoq</i>	<i>Kə + yoq</i> ‘this + non-existing’	‘S/he cannot do (without)’	Roos 2000: 95
	<i>yata-</i>	unknown	‘cannot, not be able to’	Roos 2000: 135

9. Lexicalized imperatives in Turkic languages

There are also lexicalized imperatives, in some of which the original formation cannot be traced back. As lexicalized negative senses, they are also found in the lexicon. Except the verb *akİR-* in Altay, which has a defective paradigm consisting of three imperative forms, they are not used as verbs and are out of conjugation.

Table 7.

List of lexicalized imperatives in Turkic languages

Language	Word	Origin	Sense	Source
Turkish	<i>haydi</i>	Old EXCL <i>hay</i> + the verb <i>de-</i> ‘say’	‘Come on!’, ‘Go on!’	Own data
Turkish dialects	<i>mä, ma, mah</i>	unknown	‘Take it!’, ‘There you are!’	Derleme Sözlüğü 1993: 3146
Uyghur	<i>eke</i>	The verb <i>ekel-</i> ‘bring’	‘Bring (it to) me!’	Necip 1995: 111
Kirghiz	<i>kele</i>	unknown	‘Give (it to) me!’	Judaxin 1985, Vol. I: 369
Tuvan	<i>deden</i>	Possibly from the verb <i>de-</i> ‘to say’	‘Tell me!’	Tenishev (ed.) 1968: 152
Altay	<i>akİR</i> (2.sg) <i>akİRar</i> (2.pl)	The verb <i>akİR-</i> with defective paradigm	‘Hold on!, Wait!’	Gürsoy Naskali & Duranlı 1999: 22, 133
	<i>me</i>	unknown	‘Take it!’, ‘Take and leave’	

10. Formation of extraordinary time vocabulary in Turkic languages

Some Turkic languages have special vocabulary items referring to time. They are extraordinarily lexicalized since the languages, where they exist, already have syntactic patterns corresponding to ‘last year’, ‘next year’, ‘the year before last year’, ‘the day after tomorrow’, ‘24 hours’, etc. The most common time word found in many Turkic languages, is *BİLDİR* ‘last year’. Chuvash is distinctive in having many complicated words referring to time.

Table 8.
List of extraordinary time vocabulary in Turkic languages

Language	Word	Sense	Source
Old Uyghur, Karakhanid	<i>arqun</i>	‘next year’	Clauson 1972: 216
Karakhanid	<i>bıldır, bildur</i>	‘last year’	Dankoff & Kelly 1985: 72
	<i>izi (or İzi)</i>	‘year after next’	Dankoff & Kelly 1985: 38
Khorezm	<i>bıldır, bildur</i>	‘last year’	Ata 2002: 59
Old Kipchak	<i>biltir</i>	‘last year’	Clauson 1972: 334
Chagatay	<i>bultur</i>	‘last year’	Clauson 1972: 334
Ottoman Turkish	<i>buldur, bıldır</i>	‘last year’	Clauson 1972: 334
Chuvash	<i>pěltěr</i>	‘last year’	Durmuş 2009: 131
	<i>višėmsul</i>	‘year before last year’	Andreev et al. 1985: 80
	<i>višmine</i>	‘day after tomorrow’	Andreev et al. 1985: 80
	<i>višėmkun</i>	‘day before yesterday’	Andreev et al. 1985: 80
	<i>távatmine</i>	‘three days later from now’ (lit. four days)	Andreev et al. 1985: 449
Turkish dialects	<i>bıldır</i>	‘last year’	Own data
Turkish dialects	<i>öte:n, öta:n</i>	‘day before yesterday’	Derleme Sözlüğü 1993: 3357
Turkish dialects (Denizli)	<i>bu salı, geça:n</i>	‘year before last year’	Own data
Azerbaijani	<i>bildir</i>	‘last year’	Orucov et al. 2006, Vol. I: 303
Turkmen	<i>birigün /bi:rü:n/</i>	‘day after tomorrow’	Clark 1998: 361
	<i>bildir</i>	‘last year’	Tekin et al. 1995: 67, 71
Gagauz	<i>bıldır</i>	‘last year’	Pokrovskaja 1964: 262
Uyghur	<i>ügün, ögün</i>	‘day after tomorrow’	Necip 1995: 304, 444
	<i>bultur</i>	‘last year’	Necip 1995: 52
Kazakh	<i>biltir</i>	‘last year’	Koç et al. 2003: 102
Kirghiz	<i>biltir</i>	‘last year’	Judaxin 1985, Vol. I: 171
Karakalpak	<i>biltir, erten(ine)</i>	‘last year’	Uyghur 2010: 153
Tatar	<i>biltir</i>	‘last year’	Öner 2007: 715
Bashkir	<i>biltir</i>	‘last year’	Yazıcı Ersoy 2007b: 770
Kumyk	<i>biltir</i>	‘last year’	Dmitriev 1940: 92
Karachay-Balkar	<i>biltir</i>	‘last year’	Tavkul 2000: 121

Noghay	<i>biltir</i>	‘last year’	Kalmykova & Sarueva 1973: 185
Crimean Tatar	<i>biltir</i>	‘last year’	Yüksel 2007: 848
Urum	<i>biltir</i>	‘last year’	Podolskiy 1985: 5
Karaim	<i>biltir</i>	‘last year’	Baskakov et al. 1974: 145
Sakha	<i>bilir̄i.n</i>	‘last year’	Böhtlink 1851: 137
	<i>su:kka</i>	‘a day’, ‘24 hours’	https://sakhatyla.ru/
Dolgan	<i>bilir̄i.n</i>	‘last year’	Li 2010: 106
Altay	<i>konok</i>	‘a day’, ‘24 hours’	Gürsoy Naskali & Duranlı 1999: 40, 117
	<i>biltir</i>	‘last year’	
Tuvan	<i>xonuk</i>	‘a day’, ‘24 hours’	https://tyvan.ru/
Khakas	<i>piltir</i>	‘last year’	Anzhiganova et al. 2006: 411
Yellow Yugur	<i>piltir</i>	‘last year’	Tenishev 1976a: 57
Khalaj	<i>bildir</i>	‘last year’	Doerfer 1971: 47
	<i>yengi</i>	‘next year’	

11. Lexical comparative adjectives in Turkic languages

Comparative adjectives in Turkic languages occur generally syntactically, although some languages have a comparative suffix *-rak*. However, this suffix is a derivative and is not applied to all adjectives, even in the languages where it is relatively productive. Its functional scope differs crosslinguistically, e.g. being less functional in Karakhanid and Azerbaijani and more productive in Chagatay and Kazakh. Examples: Karakhanid *bädük-räk* ‘bigger’, *süçig-räk* ‘sweeter, tastier’ [Argunşah & Sağol Yükksekaya 2014: 59]; Khorezm *ädgü-räk* (form *ädgü* ‘good’) ‘better’, *kiçig-räk* ‘smaller’ [Eckmann 1998: 188]; Old Kipchak *az-raq* ‘fewer; less’, *yaxşı-raq* ‘better’ [von Gabain 1998: 107]; Chagatay *arıy-raq* ‘cleaner’, *inčkä-räk* ‘thinner’ [Argunşah 2013: 106]; Uzbek *yaxşı-roq* ‘(somewhat) better’, *arzon-roq* ‘cheaper’ [Bodrogligeti 2003: 345–346]; Kazakh *ülken-irek* ‘bigger’ [Kirchner 1998: 322]; Tatar *küp-räk* (from *küp* ‘many’) ‘more’, *az-raq* ‘fewer; less’ [Öner 2007: 712], Turkmen *sücü-rek* ‘sweeter’, *uly-rak* ‘bigger, older’ [Clark 1998: 147] etc. Turkic languages have adverbs for expressing comparative adjectives in a syntactic (periphrastic) manner: Turkish *daha iyi* (lit. more + good) ‘better’, *daha sevimli* ‘more sympathetic’ (own data); Azerbaijani *daha dogru* ‘more right/correct’, *daha maraqlı* ‘more interesting’ [Shiraliev et al. 1971: 69]; Altay *onoñ biik* (lit. more + high) ‘higher’, *onoñ uzak* (lit. more + far) ‘farther’ (own data); Tuvan *ulam dürgen* (lit. more + fast) ‘faster, more quickly’ [Tenishev (ed.)

1968: 438]. In almost all Turkic languages ablative case appears in the core of the comparative structures, e.g. Karakalpak *mun-an artıq* (this-ABL better) ‘better than this’ [Baskakov 1952: 211]; Turkish *bahar-dan (daha) hoş* (spring-ABL [more] nice) ‘nicer than the spring’ (own data); Turkmen *alma-dan gymmat(rak)* (apple-ABL expensive[more]) ‘more expensive than an apple’ [Clark 1998: 147]; Altay *ok-toŋ türgen* (arrow-ABL fast) ‘faster than an arrow’ [Dyrenkova 1940: 77], etc. However, Lena Turkic, which lacks a comparative suffix or periphrastic device, has a comparative case suffix *-TA:γAr*, e.g. Sakha *aya-ta:γar* (father-COMP) ‘than a father’, *bie-te:γer* (mare-COMP) ‘than a mare’ [Krueger 1962: 89]; Dolgan *on-no:gor* (it-COMP) ‘than it’, *ir̄ia-g-ina:gar* (song-2.SG.POSS-COMP) ‘than your song’ [Ubrjatova 1985: 124].

The lexical comparative adjectives that I will present here, are similar to English *optimal* ‘best’, Italian *superiore* ‘superior, higher’, *maggiore* ‘bigger’, which are not used in grammatical comparative structures [cf. Bobaljik 2012: 111]. Turkic lexical comparative adjectives have the capacity of expressing comparison, but they can still accept the comparative suffix or be used in periphrastic constructions, e.g. Karakhanid *yig-rek* (from *yig* ‘better’) ‘better; the best’, Old Anatolian Turkish *äksük-räk* (from *äksük* ‘less’) ‘less’, Turkish *daha fazla (fazla)* ‘more’, *daha beter (beter)* ‘worse’, Uyghur *ävzäl-räk* (from *ävzäl* ‘better’) ‘better’, Uzbek *artıq-roq* (from *artıq* ‘more’) ‘more’ etc. My data is extracted from grammatical descriptions, dictionaries and questionnaire feedbacks for individual Turkic languages. *Artık* ‘more’ and *yeg* ‘better’ are originally Turkic and the latter can be traced back to Orkhon Turkic. In Kazakh, Karakalpak, Sakha, Altay the adjective *artık* (or *artıq*, *orduk*) is used to express the comparative senses of both ‘more’ (as comparative of ‘much’ and ‘many’) and ‘better’. The adjective *beter* ‘worse’ is a Persian loanword that is very extensively used in Central Turkic. In some languages there are Arabic loan adjectives like *efdal* or *ävzäl* ‘better’, *evlä* ‘better’, *fazla* ‘more’. Note that, both *artık* and *fazla* may also mean ‘excessive; redundant’ in some other contexts.

Table 9.

The list of lexical comparatives in Turkic languages

Language	Related adjectives	Sense	Lexical comparatives	Sense	Source
Orkhon, Old Uyghur	<i>edgü, yaqšï</i>	‘good’	<i>yeg</i>	‘better’	Clouston 1972: 909
Karakhanid	<i>edgü, yaxšï</i>				
Ottoman	<i>eyü, iyi</i>				
Old Anatolian Turkish	<i>az</i>	‘little’	<i>äksük</i>	‘less’	Own data

Turkish	<i>iyi</i>	‘good’	<i>yeğ</i>	‘better’	Own data
		‘good’	<i>evlâ</i>	‘better’	Own data
		‘good’	<i>efdal</i> (religious)	‘better’	Own data
	<i>kötü</i>	‘bad’	<i>beter</i>	‘worse’	Own data
	<i>çok</i>	‘much, many’	<i>fazla</i>	‘more’	Own data
Azerbaijani	<i>yaxşı, eyi</i>	‘good’	<i>yey</i>	‘better’	Orucov et al. 2006, Vol IV: 594
	<i>yaman</i>	‘bad’	<i>betər</i>	‘worse’	Orucov et al. 2006, Vol I: 259
Turkmen	<i>köp</i>	‘many, much’	<i>artyk, bes-beter, beter</i>	‘more’	Tekin et al. 1995: 34; questionnaire feedback
	<i>yaman</i>	‘bad’	<i>beter</i>	‘worse’	Tekin et al. 1995: 61
Uzbek	<i>yâmon</i>	‘bad’	<i>battar</i>	‘worse’	Akobirov et al. 1959: 55, 143
	<i>küp</i>	‘many, much’	<i>ártiq(roq)</i>	‘worse’	Akobirov et al. 1959: 231, 307
Uyghur	<i>köp</i>	‘many’	<i>artuk</i>	‘more’	Necip 1995: 17, 206
	<i>yaxşı</i>	‘good’	<i>ävzäl(räk)</i>	‘better’	Necip 1995: 119, 455
	<i>yaman</i>	‘bad’	<i>bättär</i>	‘worse’	Necip 1995: 37, 457
Kazakh	<i>köp</i>	‘many’	<i>ártiq</i>	‘more’	Questionnaire feedback
	<i>žaqsi</i>	‘good’	<i>ártiq</i>	‘better’	
	<i>žaman</i>	‘bad’	<i>beter</i>	‘worse’	
Karakalpak	<i>köp</i>	‘many, much’	<i>ártiq</i>	‘more’	Baskakov 1952: 211
	<i>žaqsi</i>	‘good’	<i>ártiq</i>	‘better’	
	<i>žaman</i>	‘bad’	<i>beter</i>	‘worse’	

Tatar	<i>küp</i>	‘many’	<i>artıq</i>	‘more’	Questionnaire feedback
Kumyk, Noghay	<i>köp</i>	‘many’	<i>artıq</i>	‘more’	Questionnaire feedback
Karaim	<i>yaman</i>	‘bad’	<i>bätär</i>	‘worse’	Baskakov et al. 1974: 153, 224
Sakha	<i>elbex</i>	‘many, much’	<i>orduk</i>	‘more’	Korkina et al. 1982: 203;
	<i>üčügey</i>	‘good’	<i>orduk</i>	‘better’	www.sakhatyla.ru
Tuvan	<i>eki</i>	‘good’	<i>dä.re</i>	‘better’	Tenishev (ed.) 1968: 196–197, 609
Altay	<i>köp</i>	‘many’	<i>artık</i>	‘more’	Dyrenkova 1940: 78; questionnaire feedback
	<i>d’akšī</i>	‘good’	<i>artık</i>	‘better’	
Khalaj	??	??	<i>artuq</i>	‘more’	Doerfer 1971: 49; 1988: 109–110
	<i>havul</i>	‘good’	<i>yäg</i>	‘better’	

12. Pro-verbs in Turkic languages

Pro-verbs, as part of pro-forms (like anaphor or pro-constituent), refer to verbs which substitute for another verb in the sentence or discourse [cf. Richards & Schmidt 2002: 426; Kullavanijaya 2005: 877–878; Crystal 2008: 389, 390; Demirci 2014]. Turkic languages are rich in interrogative pro-verbs, but some languages also have pro-verbs derived with pro-adverbs and a light verb expressing ‘to do’. The light verb can be *yap-*, *eyle-* or *işlä-* ‘to do’ in Oghuz group (including Salar) and neighboring Kipchak languages, *yasa-* in Urum, *qil-* in Yellow Yugur, *qin-* in Tofa, *et-* in Kazakh, Kirghiz, Altay, Gagauz and Salar. It is not clear whether Sakha *xaya-*, Tuvan *kanča-* and Tofa *kanja-* had a light verb in the original form or not. The interrogative root is also different in Turkic languages. In Oghuz and neighboring Kipchak languages *nä* (*ne*, *naŋ*) is used, whereas Kipchak and Siberian languages have roots as [qa], [qan], [xa], etc. *Ču* as a loan word from Mongol (*yu*) ‘what’ exists in only Sayan group. I will first present interrogative pro-verbs, most of which were diachronically compounds consisting of an interrogative word (or root) and a light verb which typically means ‘to do’ and subsequently fused.

Table 10.
The list of interrogative pro-verbs in Turkic languages

Language	INTER. pro-verb	Origin	Source
Ottoman Turkish	<i>neylä-</i>	<i>nä + eylä-</i> ‘what + do’	Dilçin 1983: 157
Turkish	<i>n’ap-</i>	<i>ne + yap-</i> ‘what + do’	Own data
Turkish	<i>neyle-</i>	<i>ne + eyle-</i> ‘what + do’	Own data
Turkish (Konya) dialects	<i>nör-</i>	<i>ne + (iş) gör-</i> ‘what + do / work’	http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_bts&view=bts
Turkish dialects	<i>nişlä-</i>	<i>ne + işlä-</i> ‘what + do / work’	Dilçin 1983: 158
Gagauz	<i>nestet-</i>	<i>nestä + et-</i> ‘what + do’	Pokrovskaja 1964: 148
Crimean Tatar	<i>nişlä-</i>	<i>ne + işlä-</i> ‘what + do / work’	Yüksel 2007: 862
Urum	<i>na:p-</i>	<i>ne yap-</i> ‘what + do’	Garkavets 2000: 308
	<i>na:sa- ~ nasa-</i>	<i>ne + yasa-</i> ‘what + do’	Garkavets 2000: 308
	<i>nele-</i>	<i>ne + eyle-</i> ‘what + do’	Garkavets 2000: 314
Kazakh	<i>qayt-</i>	<i>qalay + et-</i> ‘how + do’	Koç & Doğan 2004: 127
Kirghiz	<i>kant-</i>	<i>kanday + et-</i> ‘how + do’	Judaxin 1965: 340
Sakha	<i>xaya:-</i>	<i>xaya + Ø</i> ‘which + Ø verb’	Korkina et al. 1982: 198
Tuvan	<i>kança</i> ³	<i>kanča + Ø</i> ‘how + Ø verb’	Tatarincev 2004: 86–87
Tofa	<i>kanja-</i>	<i>kanja + Ø</i> ‘how + Ø verb’	cf. Rassadin 1978: 257
	<i>čo:n-</i>	<i>ču + ?gün-</i> ‘what + do’	
Altay	<i>kanayt-</i>	<i>kanay + et-</i> ‘how + do’	Dyrenkova 1940: 100
Yellow Yugur	<i>niyil-, nayil-, nal-</i>	<i>ne + kil</i> ‘what + do’	Roos 2000: 111, 325
Salar	<i>na’h-</i>	<i>naŋ + et-/eh-</i> ‘what + do’	Simon 2018: 21

³ This verb has three stems based on the suffix it is supposed to combine. *Kanča-r* (what to do-FUT) ‘what are we supposed to do now?’, *kançal-dī-ŋ* (what to do-PRET-2.SG) ‘what did you do?’, *kančan-gan* (what to do-PERF) ‘what have you done?’ [Isxakov & Pal’mbox 1961: 229–231].

Kazakh *qayt-* (< *qalay et-*) and Kirghiz *kant-* (< *kanday et-*) are pronounced with palatal /tʲ/ and thus still combine with the allomorphs bearing front vowel, however a similar verb in Altay *kanayt-* (< *kanay et-*) have been totally regularized, e.g. Kazakh *qayt-e-m*, Kirghiz *kant-e-m*, Altay *kanayd-ar-ım* ‘what am I supposed to do (now, in such a case)?’.

Some Turkic languages also have pro-verbs derived from manner adverbs and a light verb.

Table 11.
The list of adverbial pro-verbs in Turkic languages

Language	Pro-verb	Origin	Sense	Source
Turkmen	<i>beyt-</i>	<i>beyle et-</i>	‘to do like this’	Tekin et al. 1995: 63, 606
	<i>šeyt-</i>	<i>šeyle et-</i>	‘to do like that’	
Kazakh	<i>büyt-</i>	<i>bulay et-</i>	‘to do like this’	Koç & Doğan 2004: 127
	<i>söyt- ~ süyt-</i>	<i>solay et-</i>	‘to do just like that, to do so’	
	<i>öyt- ~ iyt-</i>	<i>olay et-</i>	‘to do like that’	
	<i>östi-</i>	<i>olay iste-</i>	‘to do like that’	
	<i>östkiz-</i>	<i>olay istetkiz-</i>	‘to make someone to do like that’	
Kirghiz	<i>mint- ~ münt-</i>	<i>munday et-</i>	‘to do like this’	Judaxin 1985, Vol I: 56–57, 171, 190, 340, 369; Vol II: 29, 86, 232
	<i>tigint-</i>	<i>tigindey et-</i>	‘to do just like that’	
	<i>ant-</i>	<i>anday et-</i>	‘to do like that’	
	<i>ošent-</i>	<i>ošunday et-</i>	‘to do like that’	
Altay	<i>mīnayt- ~ munayt-</i>	<i>mīnay et-</i>	‘to do like this’	Dyrenkova 1940: 97
	<i>anayt-</i>	<i>anay et-</i>	‘to do like that’	
Tofa	<i>mīnĵa-</i>	<i>mīnĵa + ∅</i>	‘to do like this’	Rassadin 1978: 257
	<i>īnĵa-</i>	<i>īnĵa + ∅</i>	‘to do like that’	

Turkish pro-verb *ş’apmak* ‘to do a thingy, to do a thingamajig’ is used frequently to refer to any verb that would be pronounced imminently, an action which is not remembered yet properly or is used as a euphemism.

Conclusions

Lexicalization of abovementioned vocabulary is functional in that they are more expressive and more compact (except the numerals in Dolgan) than the usual or expected patterns. Their expressiveness, compactness, and their semantic relation with another lexeme or syntactic pattern sometimes lead linguists to make misleading assertions such as a ‘suppletive’ or ‘irregular’ relationship. Although some of them, such as the decade units, are contrary to our general expectations from a language having a decimal counting system, they are not in a paradigmatic relationship, e.g. *kırk* ‘forty’ in Turkish is not an allomorph of *dört* ‘four’ (compare Russian words *sorok* ‘forty’ and *četyre* ‘four’). The extraordinary lexicalizations in this paper can be dichotomized into two groups: ‘compulsory ones’ and ‘optional ones’. Compulsory vocabulary relates to the decade units, the numerals between 10 and 20 in Yellow Yugur and the numerals between 11–30 in Dolgan, fractional numbers, interrogative proverbs in Sakha, Tuvan and Tofa, adverbial proverbs in Tofa, imperative verbs in Altay; whereas the optional ones concern the numerals between 20 and 30 in Yellow Yugur, parallel counting systems other than decimal, expressions of ‘ten thousand’, even numbers in Karachay-Balkar, most of the negative senses, imperative words, time vocabulary, comparative adjectives, most of the pro-verbs. Due to a lack of enough comparative data, it is hard to decide whether the negative words in Salar are optional or not. Finally, optionality of the given vocabulary should not be conceived as absolute free variation in any circumstances with rule-based patterns, but rather as interchangeability with each other in certain circumstances.

Abbreviations

- ABL — ablative
- COMP — comparative
- FUT — future
- IMP — imperative
- INTER — interrogative
- P — person
- PERF — perfect
- PL — plural
- POSS — possessive
- PRES — present
- PRET — preterit
- SG — singular

Acknowledgements: I would like to thank to IIE-Scholar Rescue Fund and The University of Calgary for the joint fellowship they granted me.

References

- Akobirov et al. 1959 — *Akobirov S.F., Magrufov Z.M., Xorjaxonov A.T.* Uzbeksko-russkij slovar'. — Moscow, 1959.
- Andreev et al. 1985 — *Andreev I.A., Gorshkov A.E., Ivanov A.I., Kotleev V.I., Pavlov I.P., Petrov N.P., Sergeev V.I., Sergeev I.T., Skvorcov M.I., Us'kin A.S., Fedorov G.I., Caplina R.I.* Chuvashsko-russkij slovar'. — Moscow, 1985.
- Anzhiganova et al. 2006 — *Anzhiganova O.P., Baskakov N.A., Borgojakov M.I., Inkizhekova-Grekul A.I., Patachakova D.F., Subrakova O.V., Beloglazov P.Je., Kaskarakova Z.Je., Kyzlasov A.S., Sunchugashev R.D., Chermukova M.D.* Xakassko-Russkij Slovar'. — Novosibirsk, 2006.
- Argunşah & Sağol Yüksekaya 2014 — *Argunşah M., Sağol Yüksekaya G.* Karahanlıca, Harezmce, Kıpçakça Dersleri. — 3. baskı. — İstanbul, 2014.
- Argunşah 2013 — *Argunşah M.* Çağatay Türkçesi. — İstanbul, 2013.
- Ata 1998 — *Ata A.* Nehcü'l-Feradis III Dizin-Sözlük. — Ankara, 1998.
- Ata 2002 — *Ata A.* Harezm Altın Ordu Türkçesi. — İstanbul, 2002.
- Bacanlı 2011 — *Bacanlı E.* Inflectional suppletion in Turkic languages // *Folia Linguistica Historica*, 32. — 2011. — PP. 1–42.
- Bacanlı 2012a — *Bacanlı E.* Çulım Türkleri ve Dilleri // *Tehlikedeki Diller Dergisi* 1/1. — 2012. — S. 67–84.
- Bacanlı 2012b — *Bacanlı E.* Geçmişten Günümüze Türkçenin Sayıları ve Sayma Sistemleri // *Bilim ve Teknik*, Kasım–2012. — 2012. — S. 56–58.
- Baskakov et al. 1975 — *Baskakov N.A., Borgojakov M.I., Grekul A.I., Donidze G.I., Patachakova D.F.* Grammatika xakasskogo jazyka. — Moscow, 1975.
- Baskakov et al. 1976 — *Baskakov N.A., Abdullaev A.Z., Axmatov I.X., Budaev A.J., Gochieva S.A., Zhaboev M.T., Sozaev B.T., Sottaev A.X., Urusbiev I.X., Xabichev M.A., Xadzhliliev I.X.* Grammatika karachaevo-balkarskogo jazyka. — Nal'chik, 1976.
- Baskakov 1952 — *Baskakov N.A.* Karakalpaksij jazyk II. Fonetika i morfologija. Chast' pervaja. — Moscow, 1952.
- Baskakov et al. 1974 — *Baskakov N.A., Dubinskij A., Zajonchkovskij A., Zajonchkovskij B., Izhublatova R.M., Isxakova X.F., Musaev K., Shapshal S.Sh.* Karaimsko-russko-pol'skij slovar'. — Moscow, 1974.
- Berta 1998a — *Berta Á.* Tatar and Bashkir // *The Turkic Languages* / Lars Johanson & Éva Á. Csató (eds.). — London & New York, 1998. — PP. 283–300.
- Berta 1998b — *Berta Á.* West Kipchak Languages // *The Turkic Languages* / Lars Johanson & Éva Á. Csató (eds.). — London & New York, 1998. — PP. 301–317.
- Biray et al. 2015 — *Biray N., Ayan E., Ercilasun Kurmangaliyeva G.* Çağdaş Kazak Türkçesi. Ses — Şekil — Cümle Bilgisi — Metinler. — İstanbul, 2015.
- Blagova 1997 — *Blagova G.F.* Chagatayskij jazyk // *Jazyki Mira* / E.R. Tenishev (ed.). — Moscow, 1997. — PP. 148–159.
- Bobaljik 2012 — *Bobaljik J.D.* Universals in comparative morphology. Suppletion, superlatives, and the structure of words. — Cambridge and London, 2012.
- Bodrogligeti 2003 — *Bodrogligeti A.J.E.* An Academic Reference Grammar of Modern Literary Uzbek V. I–II. — Los Angeles, 2003.
- Boeschoten 1998 — *Boeschoten H.* 1998. Uzbek // *The Turkic Languages* / Lars Johanson & Éva Á. Csató (eds.). — London & New York, 1998. — PP. 357–378.
- Böhtlink 1851 — *Böhtlink O.* Über die Sprache der Jakuten. Theil 2. Jakutisch-Deutsches Wörterbuch. — Sankt Peterburg, 1851.
- Clark 1998 — *Clark L.* Turkmen Reference Grammar. — Wiesbaden, 1998.
- Clauson 1972 — *Clauson Sir G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. — Oxford, 1972.

- Crystal 2008 — *Crystal D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics (The sixth edition). — Oxford, 2008.
- Dankoff & Kelly 1984 — *Dankoff R., Kelly J.* Maḥmūd al-Kāšgarī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk) — Part II and Part III. — Harvard University Printing Office, 1985.
- Demirci 2014 — *Demirci K.* Pro-forms: Are Pronouns Alone in the Function of Representation? // *Bilig* 68. — 2014. — PP. 97–116.
- Derleme Sözlüğü 1993 — *Derleme Sözlüğü.* — Vol. I., IX. A, L–R. — Ankara, 1993.
- Dilçin 1983 — *Dilçin C.* Yeni Tarama Sözlüğü. — Ankara, 1983.
- Dmitriev 1940 — *Dmitriev N.K.* Grammatika kumykskogo jazyka. — Moscow & Leningrad: Izdatelstvo Nauka, 1940.
- Doerfer 1971 — *Doerfer G.* Khalaj Materials (with the collaboration of Wolfram Hesse, Hartwig Scheinhardt, Semih Tezcan). — Bloomington, 1971.
- Dressler 1985 — *Dressler W.U.* On the predictiveness of Natural Morphology // *Journal of Linguistics* 21. — 1985. — PP. 321–337.
- Durmuş 2009 — *Durmuş O.* Çuvaşçanın Şekil Bilgisi. [Unpublished PhD Thesis] — Edirne, 2009.
- Dyrenkova 1940 — *Dyrenkova N.P.* Grammatika Oyrotskogo Jazyka. — Moscow & Leningrad, 1940.
- Eckmann 1988 — *Eckmann J.* Çağatayca El Kitabı (Translated from English to Turkish by Günay Karaağaç). — İstanbul, 1988.
- Eckmann 1998 — *Eckmann J.* Harezmi Türkçesi // *Tarihi Türk Şiveleri* (3. baskı) / Mehmet Akalın (ed.). — Ankara, 1998. — PP. 173–210.
- Erdal 2004 — *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. — Leiden & Boston, 2004.
- Garkavets 2000 — *Garkavets O.* Urumskij Slovar'. — Alma-Ata, 2000.
- Güner 2013 — *Güner G.* Kıpçak Türkçesi Grameri. — İstanbul, 2013.
- Gürsoy Naskali & Duranlı 1999 — *Gürsoy Naskali E., Duranlı M.* Altayca-Türkçe Sözlük. — Ankara, 1999.
- Güzel 2008 — *Güzel A.* Dede Korkut Hikayeleri Bağlamında Dua // *Turkish Studies* 3/2. — 1985. — PP. 438–446.
- Isxakov & Pal'mbax 1961 — *Isxakov F.G., Pal'mbax A.A.* Grammatika tuvinskogo jazyka. Fonetika i morfologija. — Moscow, 1961.
- Judaxin 1985 — *Judaxin K.K.* Kirgizsko-Russkiy Slovar'. Volume I–II. — Moscow, 1985.
- Kalmykova & Sarueva 1973 — *Kalmykova S.A., Sarueva M.F.* Grammatika nogajskogo jazyka. — Cherkessk, 1973.
- Kasapoğlu Çengel 2005 — *Kasapoğlu Çengel H.* Kırgız Türkçesi Grameri. — Ankara, 2005.
- Kaymaz 1991 — *Kaymaz Z.* Eski Anadolu Türkçesinde Sayı Adları ve Kullanılışları // *TDAY Belleten.* — 1991. — PP. 9–17.
- Kim 2008 — *Kim D.* On the Formation of the Numerals of Tens in Altaic Languages // *Altai Hakpo*, 18. — 2008. — PP. 183–196.
- Kirchner 1998 — *Kirchner M.* Kazakh and Karakalpak // *The Turkic Languages* / Lars Johanson & Éva Á. Csató (eds.). — London & New York, 1998. — PP. 318–322.
- Koç et al. 2003 — *Koç K., Bayniyazov A., Başkapan V.* Kazak Türkçesi Türkiye Türkçesi Sözlüğü. — Ankara, 2003.
- Koç & Doğan 2004 — *Koç K., Doğan O.* Kazak Türkçesi Grameri. — Ankara, 2004.
- Korkina et al. 1982 — *Korkina E.I., Ubrjatova E.I., Xaritonov L.N., Petrov H.E.* Grammatika sovremennoego jakutskogo literaturnogo jazyka. — Moscow, 1982.
- Krueger 1962 — *Krueger J.R.* Yakut Manual. — Bloomington, 1962.
- Kullavanijaya 2005 — *Kullavanijaya P.* Pro-forms // *Encyclopedia of Linguistics* / Philipp Strazny (ed.). — New York & Oxon, 2005. — PP. 877–878.
- Li 2010 — *Li Y.S.* A Study of Dolgan. — South Korea, 2010.

- Maxmutova et al. 1977 — *Maxmutova L.T., Möxämmädiev M.G., Sabirov K.S., Xanbikova Sh.S.* Tatar tëlänëñ aňlatmalı süzlëğë III, A–Y (edited by comission). — Kazan, 1977.
- Mel'čuk 2006 — *Mel'čuk I.* Aspects of the theory of morphology / David Beck (ed.). — Berlin & New York, 2006.
- Musaev 1997 — *Musaev K.M.* Karaimskiy jazyk // Jazyki mira. Tjurkskie jazyki / E.R. Tenishev (ed.). — Moscow, 1997. — PP. 254–264.
- Musaev 1964 — *Musaev K.M.* Grammatika karaimskogo jazyka. Fonetika i morfologija. — Moscow, 1964.
- Necip 1995 — *Necip E.N.* Yeni Uygur Türkçesi Sözlüğü (Ruşçadan çeviren: İklil Kurban). — Ankara, 1995.
- Orucov et al. 2006 — *Orucov Ə., Abdullayev B., Rəhimzadə N.* Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. — Bakı, 2006.
- Öner 2007 — *Öner M.* Tatar Türkçesi // Türk Lehçeleri Grameri / Ahmet B. Ercilasun (ed.). — Ankara, 2007. — PP. 681–748.
- Podolskiy 1985 — *Podolskiy B.* A Greek Tatar-English Glossary. — Wiesbaden, 1985.
- Pokrovskaja 1964 — *Pokrovskaja L.A.* Grammatika gagauzskogo jazyka. Fonetika i morfologiya. — Moscow, 1964.
- Rassadin 1978 — *Rassadin V.I.* Morfologija tofalarskogo jazyka v sravnitel'nom osveshchenii. — Moscow, 1978.
- Richards & Schmidt 2002 — *Richards J.C., Schmidt R.* Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. — London and New York, 2002.
- Roos 2000 — *Roos M.E.* The Western Yugur (Yellow Uygur) Language. Grammar, Text, Vocabulary. [Unpublished PhD Thesis] — Leiden, 2000.
- Sadvakasov 1997 — *Sadvakasov G.S.* Ujgurskij jazyk // Jazyki mira. Tjurkskie jazyki / E.R. Tenishev (ed.). — Moscow, 1997. — PP. 437–450.
- Shcherbak 1997 — *Shcherbak A.M.* Xaladzhijskij jazyk // Jazyki mira. Tjurkskie jazyki / E.R. Tenishev (ed.). — Moscow, 1997. — PP. 470–476.
- Schönig 1999 — *Schönig C.* The internal division of modern Turkic and its historical implications // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1999. — 52 (1). — PP. 63–95.
- Simon 2018 — *Simon C.* Evidential modalities in Salar. The development of a Tibetan-like egophoric category // Turkic Languages, 22. — 2018. — PP. 3–35.
- Shiraliev et al. 1971 — *Shiraliev M.Sh., Sevortjan E.V., Budagova Z.I., Aslanov V.I., Alekperov A.K.* Grammatika azerbajdzhanskogo jazyka. Fonetika, morfologiya i sintaksis. — Bakı, 1971.
- Tatarincev 2004 — *Tatarincev B.I.* Etimologičeskij slovar tuvinskogo jazyka. — Tom III, K, L / D.A. Mongush (ed.). — Novosibirsk, 2004.
- Tavkul 2000 — *Tavkul U.* Karaçay-Malkar Türkçesi Sözlüğü. — Ankara, 2000.
- Tekin 1965 — *Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. PhD Thesis, University of California. — Los Angeles, 1965.
- Tekin et al. 1995 — *Tekin T., Ölmez M., Ceylan E., Eker S.* Türkmençe-Türkçe Sözlük. — Ankara, 1995.
- Tenishev (ed.) 1968 — *Tenishev E.R.* (ed.) Tuvinsko-russkij slovar'. — Moscow, 1968.
- Tenishev 1976a — *Tenishev E.R.* Stroj saryg-jugurskogo jazyka. — Moscow, 1976.
- Tenishev 1976b — *Tenishev E.R.* Stroj salarskogo jazyka. — Moscow, 1976.
- Tenishev 1988 — *Tenishev E.R.* Imja chislitel'noe // Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika tjurkskix jazykov. Morfologija. / E.R. Tenishev (ed.). — Moscow, 1988. — PP. 162–201.
- Toparlı et al. 2007 — *Toparlı R., Hanifi V., Karaatlı R.* Kıpçak Türkçesi Sözlüğü. — Ankara, 2007.
- Ubrjatova 1985 — *Ubrjatova E.I.* Jazyk noril'skix dolgan / M.I. Cheremisina (ed.). — Novosibirsk, 1985.
- Uygur 2010 — *Uygur C.V.* Karakalpak Türkçesi Grameri. — İstanbul, 2010.

- Veselinova 2006 — *Veselinova L.N.* Suppletion in Verb Paradigms. — Amsterdam & Philadelphia, 2006.
- Veselinova 2013 — *Veselinova L.N.* Lexicalization of negative senses: A crosslinguistic study // 10th Biennial Conference of the Association for Linguistic Typology (ALT 10). — Leipzig, Germany: Leipzig University/Max Plank Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.
- von Gabain 1950 — *von Gabain A.* Alttürkische Grammatik. — mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. — Leipzig, 1950.
- von Gabain 1998 — *von Gabain A.* Codex Cumanicus'un Dili // Tarihi Türk Şiveleri / Mehmet Akalın (ed.). — 3. baskı. — Ankara, 1998. — PP. 67–109.
- Yazıcı Ersoy 2007b — *Yazıcı Ersoy H.* Başkurt Türkçesi // Türk Lehçeleri Grameri / Ahmet B. Ercilasun (ed.). — Ankara, 2007. — PP. 751–809.
- Yüksel 2007 — *Yüksel Z.* Kırım-Tatar Türkçesi // Türk Lehçeleri Grameri / Ahmet B. Ercilasun (ed.). — Ankara, 2007. — PP. 813–882.

Online sources

http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_bts&view=bts (access date 19 June 2018)

<https://tyvan.ru/> (access date 25 June 2018)

<https://sakhaty1a.ru/> (access date 25 June 2018)

Эйюп Баджанлы, г. Калгари (Канада)

Нестандартная лексикализация в тюркских языках

Резюме: В статье автор рассматривает примеры нестандартной лексикализации в тюркских языках, противоречащие ожидаемым способам лексикализации, основанным на межъязыковых данных. Ряд лингвистов относит некоторые из представленных примеров к супплетивным или нерегулярным формам, так как они не учитывают лексическое значение соответствующих единиц. Примеры, рассмотренные в настоящей статье, включают числительные, параллельные или регулярные системы счета, отрицание, слова со значением времени, прилагательные в сравнительной степени, вопросительные и адвербиальные анафорические формы глагола. Путем изучения примеров нестандартной лексикализации автор делает попытку провести границу между лексикой и грамматикой.

Ключевые слова: лексикализация, тюркские языки, числительные, лексикализованное отрицание, прилагательные в сравнительной степени, супплетивизм, анафорические формы глагола

Information about the author

Eyüp Bacanlı — Adjunct Associated Professor of School of Languages, Linguistics, Literatures and Cultures, University of Calgary (Canada); e-mail: eyup.bacanlı@ucalgary.ca

Сведения об авторе

Эйюп Баджанлы — адъюнкт-доцент Школы языков, лингвистики, литератур и культур, Университет Калгари (Канада); e-mail: eyup.bacanlı@ucalgary.ca

А. А. БУРЫКИН, г. Санкт-Петербург

**Д.М. Насилов и алтайские этимологии:
статьи «Этимологического словаря
тюркских языков» Э.В. Севортяна,
Выпуск 7**

Резюме: Статья освещает работу Д.М. Насилова над этимологией тюркской лексики в составленных им статьях «Этимологического словаря тюркских языков» Э.В. Севортяна, который был университетским учителем Д.М. Насилова. Автор стремится показать работу Д.М. Насилова в области сравнительно-исторического изучения лексики тюркских языков и отмечает те возможности, которые разыскания Д.М. Насилова открывают для общеалтайской фонологической и лексической реконструкции и сравнительно-исторического изучения алтайских языков во всем многообразии его проблематики. Материал словаря Э.В. Севортяна рассматривается в общем контексте современных этимологических словарей тюркских языков, обсуждаются приемы этимологической интерпретации тюркской лексики, применяемые тюркологами-этимологами.

Ключевые слова: тюркские языки, словари, лексика, алтайские языки, этимология, семантика, заимствования

«Этимологический словарь тюркских языков» Э.В. Севортяна (1901–1978), над которым, как известно, работал коллектив единомышленников и последователей выдающегося отечественного тюрколога, занимает особое место среди исторических и этимологических словарей тюркских языков.

Замысел автора этого словаря сложен. Это словарь общетюркской и межтюркской лексики с внешними параллелями из языков, соседних с тюркскими языками и включаемых в алтайскую семью. Существенная особенность в сравнительно-исторических основаниях словаря, начатого Э.В. Севортяном (см. о нем [Тенишев 2006]) и сотрудниками его коллектива — это сочувст-

венное отношение к алтайской теории как теории родственных связей тюркских языков и установка словаря, предполагающая максимально детализованное раскрытие морфологической структуры общетюркских и межтюркских основ.

Так уж сложилось, что над словарем, вошедшим в историю науки как словарь Э.В. Севортыяна, работали три поколения тюркологов: первое поколение — Э.В. Севортыян и его ровесники, второе — непосредственные ученики Э.В. Севортыяна по ИСАА, в том числе Д.М. Насилов, третье — А.В. Дыбо и ее единомышленники. Тем не менее, как показывает изучение новых выпусков словаря, авторам удается выдерживать основные установки автора и первоначального авторского коллектива словаря. При таком подходе, явно унаследованном от автора, которого надо отнести к сторонникам алтайской теории в том виде, какой она имела в 1960–1970 гг., словарь не оказывается перегруженным материалами из других алтайских языков, которые почти сплошь без комментариев приводились в известных этимологических словарях чувашского языка В.Г. Егорова и М.Р. Федотова. Довольно редко и большей частью в редакторских примечаниях в новых томах «Этимологического словаря тюркских языков» Э.В. Севортыяна приводятся этимологические решения, найденные авторским коллективом «Этимологического словаря алтайских языков» [EDAL 2003]. Вместе с тем, что важно, в нем и не могло найтись места для «контра-алтаистических» решений, которыми отмечен словарь тувинского языка Б.И. Татаринцева [Бурыкин 2016] и которые вызваны к жизни отчасти устаревшей методикой этимологических исследований для тюркского материала, режущей и без того краткие, как иногда говорят, «трехзвучные» тюркские корни как колбасу на однофонемные ломтики-аффиксы отчасти ярым неприятием алтайской теории и новизны ее результатов.

Словарные статьи, подготовленные как оригинальные материалы для новых томов «Этимологического словаря тюркских языков» Э.В. Севортыяна, подписаны инициалами их авторов. Среди них мы находим 49 этимологических статей, подписанных буквами Д.Н. — инициалами Д.М. Насилова.

Лексический материал тюркских языков, доставшийся Д.М. Насилову при дальнейшей пост-авторской работе над этимологическим словарем Э.В. Севортыяна или избранный им для работы над статьями этого этимологического словаря, может быть, не столь эффектен, как общетюркская лексика, представленная в разработке Э.В. Севортыяна в выпуске 1, или лексика из 110-словного списка М. Сводеша, уже снабженная параллелями из других алтайских языков, в выпуске 9 [Дыбо 2013]. Едва ли его ждет объемное цитирование в исследованиях по тюркской лексике, но он тем не менее необыкновенно интересен. Трудность того, что остается непроработанным в масштабном этимологическом словаре, очевидна: чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть материалы книги Г.В. Попова о якутских словах, для которых параллели не обнаруживаются или обнаруживаются с большим трудом, остав-

ляя нерешенные проблемы даже в специальных монографиях [Попов 1986]. В отношении данного словаря с его авторской концепцией и внутренней идеологией, ориентированной на минимализацию этимологических конфликтов в отдаленной перспективе, отыскание той золотой середины, к которой стремился в своих алтаистических (включающих монгольский и тунгусо-маньчжурский материал) статьях Э.В. Севортыян, такая задача для продолжателей словаря была исключительно трудной. Сразу же нужно сказать, что Д.М. Насилов, будучи убежденным алтаистом, не стремился насаждать свой взгляд на соотношения алтайских языков или демонстрировать свои разыскания (далеко не все из тех лингвистов, кто убежден в родстве индоевропейских языков, сами занимаются проблемами индоевропейского языкознания), в то время как некоторые другие продолжатели словаря Э.В. Севортыяна исподволь размещают в его статьях видение собственной научной идеологии¹.

Д.М. Насилов является автором 49 статей в 7 выпуске словаря Э.В. Севортыяна. Эти статьи разнотипны по характеру материала — от общетюркской лексики до явных и прозрачных заимствований, однако в части статей представлен материал, весьма поучительный для этимологических исследований и ценный для внешних сравнений.

Всесторонне исследована Д.М. Насиловым лексема *ла:чын* ‘сокол’ [ЭСТЯ, 7: 6–9], о которой автор пишет: «Широкий ареал распространения слова свидетельствует о культурно-хозяйственной значимости ловчих птиц для многих народов, и как культурное слово оно могло восходить к некоторому древнему для ряда языков источнику» [ЭСТЯ, 7: 9]. Однозначно ясно, что для монгольских языков слово *начин* ‘сокол’, хотя и не является тюркским по происхождению [ЭСТЯ, 7: 7], имеет тюркский источник, поскольку монгольские языки менее толерантны к начальному *л*, нежели тюркские. В настоящее время имеется специальное этнографическое исследование на тему соколиной охоты у тюрков [Симаков 2000], содержащее отдельные термины такой охоты.

Столь же сложно установить источник слова *лөк* ‘одногорбый верблюд’ [ЭСТЯ, 7: 9–11]. В этой статье Д.М. Насилов со ссылкой на С.Е. Яхонтова приводит кит. *luo⁴tuo⁴* ‘верблюд’ (в новых словарях дается *luo⁴tuo* без указания тона на втором слоге). Хотя, как указано, первый иероглиф не является обозначением верблюда, все иероглифы с чтением *luo⁴* имеют среднекитай-

¹ Так, статьи, подготовленные для этого словаря В.И. Рассадным (1939–2017) и помеченные в 5 и 6 выпусках словаря инициалами «В.Р.», в основной массе представляют очевидные монгольские заимствования в тюркских языках, причем не всегда имеющие репрезентативный ареал. Так, тунгусо-маньчжурские, монгольские и тюркские формы, группируемые вокруг тюрк. *қанжыга* ‘торока’ [ЭСТЯ 5: 254–255], справедливо признаются монголизмами, однако др.-тюрк. *qasiq* ‘мех, бурдюк, турсук из конской шкуры’ [ДТС: 457], превращающий сближение в общеалтайскую лексему, не замечается. Ср.: «Турсук. м. башкирк. киргизск. ‘малый кожаный мех, обычно из трех клиньев коневины, с окоровок или задних ног, для кумыса; его возят в тороках...’» [Даль 1909: стлб. 874]. *Торока* и *турсук* — явный перенос по смежности (метонимия).

ское чтение *lâk* [Ким 1983: 62], что само по себе очень близко к тюркской лексеме. Ни Н.А. Баскаков [Баскаков 1987, 1988], ни И.Н. Шервашидзе [Шервашидзе 1989] не приводят этого слова в качестве старых китайских заимствований в тюркских языках.

Очень содержательна статья *Май* ‘жир’ [ЭСТЯ, 7: 14–15]. Д.М. Насилов пишет: «*Май* как обозначение жирового продукта в языках сосуществует со словом *йаг* в тех же значениях (см. *ЙА:F* ‘любое жирное вещество’ [ЭСТЯ, 4: 58–59]) или заменяет его» [ЭСТЯ, 7: 15]. Остается некоторая досада от того, что, исходя из материалов двух статей словаря, не удается выделить те значения, которые присущи языкам народов, исповедующих ислам и не употребляющих в пищу свиное мясо и сало.

Слово *Маңыз* ‘мозг, мозг в костях’ справедливо отмечено Д.М. Насиловым как фарсизм [ЭСТЯ, 7: 45]. Слово *Марал* ‘лань, газель’ вполне оправданно охарактеризовано им же как монгольское заимствование [ЭСТЯ, 7: 45–46].

К статье *Матур* ‘герой, смелый, храбрый’ [ЭСТЯ, 7: 46–47], где, разумеется, автором привлечено монг. *bagatur* ‘герой, богатырь’, напрашиваются некоторые дополнения: ср. эвенск. *ма:-тур* ‘добытчик’ (*ма:-* ‘убить, добыть’), *зэбутур* ‘обжора’ (*зэб-* ‘есть’) [Цинциус 1947: 56, 262]. Суффикс этого слова соотносим с монгольским суффиксом относительной степени качества *-втар/-втэр*, и конечное *-р* указывает на его нетунгусский характер (в тунгусо-маньчжурских языках все ауслатные согласные, как правило, заменяются согласным *-н*, за исключением самых поздних заимствований).

В статье *Махав*^о ‘дурак, шепелявый, глупый’ [ЭСТЯ, 7: 47–49] Д.М. Насилов справедливо отмечает: «Ограниченный ареал распространения слов, устойчивая семантика и словообразовательная пассивность заставляют видеть здесь заимствования, вероятно, из монг. языков, причем есть все основания предполагать несколько исходных форм для тюрк. слов» [ЭСТЯ, 7: 49]. Монгольский источник прослеживается и для тунгусо-маньчжурских сходно звучащих форм: *муку- II* — с монгольскими параллелями [ССТМЯ, 1: 552–553].

О слове *Мең I* ‘родимое пятно, родинка’ [ЭСТЯ, 7: 55–56] Д.М. Насилов пишет: «Можно предположить существование гомогенной тюркско-монгольской формы, поскольку современные монг. языки сохранили ее, а в тюрк. с первых ее фиксаций представлены соотносительные варианты, отражающие фонетическое развитие на тюрк. почве» [ЭСТЯ, 7: 56]. Для формы *Меңиз* ‘лицо, щеки’ [ЭСТЯ, 7: 58–61] предполагаются связи с *Мең I* и примерами из других алтайских языков. Как известно, все тюркские формы с начальным *м-* вызывают особые трудности при этимологизировании.

Лексема *Мешкэ* ‘гриб’ [ЭСТЯ, 7: 63–64], как явствует из итогов ее анализа Д.М. Насиловым, — регионально ограниченная тюркская лексема. Однако она обнаруживает интересную параллель в тунгусо-маньчжурских языках: ороч. *питиуэ* ~ *пи:тигэ* ‘трут, трутник, трутовик, гриб (на березовом стволе)’, уд. *питигэ* ‘губка (лиственничная)’, ульч. *пити* ‘трут, трутник, трутовик,

гриб', орок. *nit'ë* ~ *nit'uga* 'трут, трутник, трутовик, гриб', нан. *пичихэ* (н) *фичхэ* 'гриб' [ССТМЯ, 2: 39]. Судя по всему, мы встречаемся с необычным случаем — заимствованием редкой тюркской лексемы в тунгусо-маньчжурские языки в таком ее облике, который близок к пратюркскому архетипу или представляет собой пратюркскую диалектную форму.

Интересная разработка Д.М. Насилова — статья *Мэ:з* 'железа, желвак' [ЭСТЯ, 7: 64–66], в которой присутствуют редкие формы: хак. *мир*, *мирт*, *мирси*, туркм. *берч*, алт. *перч* и др. Автор пишет: «При возможной фонетической схожести корня-основы **бэр-/мэр-* остаются морфологические элементы (деривационные аффиксы?), требующие объяснения» [ЭСТЯ, 7: 65].

Такова вполне корректная постановка вопроса в рамках аппарата сравнительно-исторического языкознания: те части лексем двух или нескольких языков, которые не удается отождествить, рассматриваются как морфологические элементы. Однако новые разыскания в области сравнительно-исторической фонетики алтайских языков нашли неморфологическое решение обсуждаемых проблем, которое позволяет считать родство алтайских языков более близким, чем предполагалось ранее. Оказалось, что в архаических сочетаниях согласных, которые практически без изменения сохраняются в монгольских и (с оговорками) в тунгусо-маньчжурских языках, в тюркских языках отмечается тотальное выпадение первого согласного [Бурыкин 1999]. Среди примеров на выпадение первого согласного из сочетания имеется и пара монг. *булчирхай* 'железа' — тюрк. *bez* 'железа'². Об объяснениях этих

² Приведем список аналогичных примеров, данный в нашей работе [Бурыкин 1999]: п.-мо. *olbu*, бур. *олбо* 'белка-летяга' — тув. *авырган* 'белка-летяга' (п.-мо. *ob* 'белка-летяга' < тюрк., хотя такого слова нет в современных тюркских языках), монг. *aldar* 'слава, имя', т.-ма. *алду* 'звук, известие', — тюрк. *at* 'имя, слава'; монг. *aldu-* 'упустить, уронить' — тюрк. *at-* 'стрелять', 'бросать'; монг. *kelberi* 'форма, вид' — тюрк. *kep* 'форма, вид'; мо. *keb*, *хэв* — тюркизм); бур. *ондоли* 'родник', эвен. *о:нди* 'вода' — тюрк. *özük* 'водоем'; монг. *gulduri-* 'течь, струиться' — тюрк. *qid-*, *qij-* 'лить'; монг. *baiča* 'утес', эвенк. *байту* 'скала' — алт. *межелик*, тув. *мажалык* 'сопка'; монг. *γanzuγan* 'горока', эвенк. *ганзука* 'горока' — тюрк. *qasuq* 'мех, бурдюк, турсук'; монг. *šinži-* 'внимательно посмотреть, изучать' — тюрк. *sez-* 'чувствовать, ощущать'; мо. *elžigen* 'осел' — тюрк. *ešäk* 'осел'; мо. *zulzagan* 'поросенок' солонг. *зилча(н)* 'поросенок' — тюрк. *čoçuq* 'поросенок'; монг. *žilberke-* 'привязаться' — тюрк. *sev-* 'любить'; монг. *čolčung* 'опухоль, т.-ма. *чилчун* 'опухоль' — тюрк. *šiš* 'опухоль'; маньчж. *алчухан* 'лодыжка', монг. *alču* 'вогнутая сторона кости голени' — тюрк. *aşuq* 'лодыжка' (ср. также маньчж. *ганчухан* 'лодыжка' — алтайск. *кажык* 'лодыжка'); монг. *bulžara-* 'разваривать' — тюрк. *bış-* 'развариваться'; монг. *belčir*, *bulčarxai* 'железа' — тюрк. *bez* 'железа'; мо. *xabčigina-* 'бегать из стороны в сторону' — тюрк. *qač-* 'бегать'; мо. *nabči* 'лист' — тюрк. *jaš* 'зелень'; мо. *balčing* 'орнамент' — тюрк. *bezäk* 'украшение'; монг. *asxa-* 'лить', т.-ма. *napgo-* 'шуметь (о дожде)' — тюрк. *aq-* 'течь'; мо. *barkira-*, т.-ма. *баркира-* 'реветь' — тюрк. *baqir-* 'реветь'; мо. *židku-* 'тянуть' — тюрк. *ček-* 'тянуть'; мо. *togosun* 'грязь, пыль', т.-ма. *та:кса* 'глина, пыль' — тюрк. *toz*, *tuz* 'пыль'; монг. *songgina*, маньчж. *сонгина* 'лук дикий' — тюрк. *sogun* 'лук'; калм. *хэрм* 'лодка' — тюрк. *keme*, *kemi* 'лодка, судно'; монг. *buselegür*, дагур. *бэслэ:р* 'поясница' — тюрк. *bel* 'поясница'; монг. *örügen* 'помещение, комната' — тюрк. *ög* 'дом';

соответствий Е.А. Хелимский писал: «... при объяснении значительной части примеров с чередованием $l \sim \check{s}$ следует учитывать возможность развития \check{s} из групп согласных $l\check{c}$, lz , lb , lg » [Хелимский 2007: 266]. Здесь, однако, нужна одна оговорка: возможны три интерпретации соответствий $l+x$ (согласный из приведенных сочетаний) $\sim \check{s}$: 1) $l_2 > \check{s}$; 2) $l + x > \check{s}$; 3) $l > \#, x + \check{c}, z, > \check{s}, z^3$. Те, кто писал об этом, не определялись с выбором в этих «трех соснах», мы придерживаемся третьей возможной интерпретации, для которой падение плавных перед среднеязычными является частным случаем падения первого согласного в сочетаниях согласных.

В монгольско-казахском словаре Б. Базылхана монгольское слово *булчирхай* имеет перевод *без* ‘железа’ [Базылхан 1981: 94]; в монгольском языке есть также слово *бяцуу* ‘шишка, нарост, волдырь’. Эвенк. диал. *бичэ:кэ:й* ‘селезенка’ [ССТМЯ, 1: 86] — монгольское слово, попавшее к эвенкам через якутский язык. Формы из южносибирских тюркских языков, приведенные Д.М. Насиловым — это, скорее всего, пратюркские диалектизмы, сохранившиеся в отдельных языках вне систем соответствий, но без суффиксов.

Разбирая слово *Мэ:ме* ‘женская грудь, вымя’ [ЭСТЯ, 7: 66–67] Д.М. Насилов указывает на мнение ряда авторов о принадлежности его к лепетной лексике, но не настаивает на нем, и это справедливо, потому что в первой же статье Словаря «АБА» Э.В. Севортян дает довольно жесткую отповедь попыткам свести тюркские термины родства к лепетной лексике (создаваемой взрослыми для детей, со ссылкой на Ж. Вандриеса) [ЭСТЯ, 1: 57–58].

Ми:н- ‘садиться верхом, садиться на коня’ [ЭСТЯ, 7: 68–70] и *Миндер* ‘подушка’ [ЭСТЯ, 7: 70–72], по мнению Д.М. Насилова — два редких собственно тюркских слова, с чем определенно следует согласиться.

Статья *Миң I* ‘тысяча’ [ЭСТЯ, 7: 72–74] явно связана с тюркским и монгольским *mingyan* ‘тысяча’, и Д.М. Насилов, следуя за Д. Клосоном, полагает, что форма *mingyan* в монгольских языках «тюркская по происхождению первого периода заимствований» [ЭСТЯ, 7: 73]. Тюрко-монгольские соответст-

монг. *elxeg* ‘сито, решето’ — тюрк. *ek-* ‘сеять, сыпать’, и *elgä-* ‘сеять, просеивать’ (последняя форма, видимо, заимствована из монгольских языков) и мн. др. Соответствия этого типа в принципе известны: А.М. Щербак писал: «... в тюркских же языках их (глаголов, относимых А.М. Щербаком к изобразительным — А.Б.) несравненно больше и, что важно, они составляют вместе с другими типами изобразительных слов единую, взаимосвязанную систему, ср.: кирг. *baqyr-* и *baqilda-* ‘орать, горланить’, *barqyra-* и *barqylda-* ‘громко кричать; голосить» [Щербак 1986: 52]. Первая форма для киргизского языка — явный монголизм, чего нельзя сказать о второй. Как можно было не заметить регулярное соответствие примеров типа монг. *barkira-* и тюрк. *baqir-* — совершенно непонятно; возможно, контра-алтаисты либо не понимают основ сравнительно исторического языкознания, либо, уже убедившись в собственном фиаско при опровержении алтайской теории, просто вводят читателей в заблуждение.

³ Согласный *b* в сочетании *lb* — возможно, общеалтайский **p* в постконсонантной позиции, утрачиваемый здесь в других группах языков, но сохраняющийся в монгольских языках; согласный *g*, возможно, рефлекс какого-то древнего сибиланта.

вия типа *mingyan* ~ *ming* в выстраиваемой нами системе уже не могут считаться признаками заимствований, а их несистемность внутри тривиальных тюрко-монгольских соответствий уже не может служить стратифицирующим признаком для тюркизмов в монгольских языках, как считалось ранее [Щербак 1974]. Под «Первым периодом» заимствований, очевидно, следует понимать тюрко-монгольские параллели, где монгольская лексема имеет конечное *-n*. Однако поскольку ныне уже не только невозможно принимать всерьез то, что формы типа монг. *elžigen* ‘осел’ могли быть заимствования из тюрк. *ešäk*, но и то, что монг. *хонин* ‘овца’ могут быть заимствованы из тюрк. **qoñ*; иначе придется признать, что монг. *алдар* ‘слава, имя’ заимствовано из тюрк. *а:т* ‘имя, слава’ с непонятным наращением.

Изящны и информативны статьи Д.М. Насилова *Ми:ши* ‘высокосортная дубленая козья кожа’ [ЭСТЯ, 7: 74–76] — иранизм, *Мо:нча* ‘баня’ [ЭСТЯ, 7: 79–80] — заимствование из русского языка, *Мо:р* ‘фиолетовый’ [ЭСТЯ, 7: 80–81] — заимствование из греческого языка. Эти статьи являют собой очень основательные и эффектные разработки иноязычных заимствований в тюркских языках.

К некоторым статьям, посвященным собственно тюркским лексемам, мы можем сделать некоторые добавления. Так, слово *Мө:жек* ‘насекомое’ [ЭСТЯ, 7: 81–83], может связываться с эвен. *магдили* ‘червь, насекомое, ракушка’ (ср. *мугди-* ‘извиваться’ [ССТМЯ, 1: 549]), отражающим более ранний облик слова. К статье *Мө:й* ‘паук’ [ЭСТЯ, 7: 83–85], похоже, имеет отношение нег. *балчуха* ‘клещ’, ульч. *балчукса*, нан. *палтоха* ‘клещ’ [ССТМЯ, 1: 71]: надо иметь в виду, что клещи относятся не к насекомым, а к паукообразным. В качестве внешнего материала к статье *Муйуш* ‘угол’ [ЭСТЯ, 7: 86–88] можно указать на эвенк. и др. *Муйэ* ‘край, окраина, рубеж, граница’ [ССТМЯ, 1: 551].

Для слова *Муң* ‘печаль’ [ЭСТЯ, 7: 89–93] в дополнение к статье хочется привести маньчж. *мунахун* ‘угрюмый, суровый, угрюмо, сурово’ [ССТМЯ, 1: 556]. Д.М. Насилов отмечает: «Широкие словообразовательные потенции и разнообразие, но близкие по семантике словообразовательные средства свидетельствуют о большой древности рассматриваемой основы и ее органичности в тюрк. языках» [ЭСТЯ, 7: 93]. Похоже, что маньчжурская лексема может быть старым тюркизмом.

Статья *Мурт* ‘усы’ [ЭСТЯ, 7: 93–94] содержит отсылку к статье *Быйык* ‘усы’ [ЭСТЯ, 2: 304]. Если эти две тюркские лексемы гомогенны, то они явно связаны с эвенк. *гургакта*, нан. *бозакта* ‘борода, усы’ [ССТМЯ, 1: 173]. Для тунгусо-маньчжурских языков соответствия *г* ~ *б* являются нерегулярными, а в корреспонденции инлаутных *-рз-* ~ *з* усматривается присутствие интердентального *д*. Однако пока трудно ответить на вопрос, что перед нами — общеалтайская лексема, утраченная монгольскими языками [монг. *сахал* ‘борода’ — тюркское заимствование), или старый тюркизм в тунгусо-маньчжурских языках.

К статье *МУйн* ‘изъян’ [ЭСТЯ, 7: 94–95] напрашивается дополнение в виде изолированного эвенк. *буйак*- ‘портить’ [ССТМЯ, 1: 103] — как можно предполагать, тюркизм в эвенском языке, изменения в котором в сравнении с тунгусо-маньчжурскими языками очень напоминают то, что мы видим в общетюркском состоянии при сравнении его с общемонгольским состоянием. Предположительно с этой тюркской лексемой можно связывать тунгусо-маньчжурские слова: эвен. *мукай* ‘нужда’ [ССТМЯ, 1: 552] и эвенк. *мукчика* ‘долг’ [ССТМЯ, 1: 553].

Исключительно информативна статья *Мылтық* ‘ружье’ [ЭСТЯ, 7: 100–102]. При ее чтении можно убедиться в том, что название ручного огнестрельного оружия происходит от названия фитиля — перс.-араб. *fatila* ‘фитиль’, хотя автор приводит все имеющиеся этимологические версии для этого слова и завершает статью словами: «Предполагая связь *мылтық* с производящими основами перс.-тадж. *мил* или узб. *милт*, в то же время нельзя исключать взаимодействия образования *мылтық* с обозначением для фитиля (**biltə* и пр.), представленного в тех же языках, а также и в монгольских» [ЭСТЯ, 7: 102]. Судя по всему, в названии ружья в тюркских языках реализуется та же словообразовательная модель, что в рус. *кремневка* (название ружья по характеру предмета или устройства, производящего выстрел).

В словарных статьях *Нақ* ‘как раз’ [ЭСТЯ, 7: 103] и *Нә*: вопросит. мест. ‘что?’ [ЭСТЯ, 7: 103–105] содержатся отсылки к материалу других алтайских языков, что делает их ценными для исторической фонетики и морфологии алтайских языков.

Лексемы *Палчық* ‘грязь’ и *Балкаш* ‘кочковатое болотистое место; топь’ (казах. уст.) [ЭСТЯ, 7: 109–112] представлены и описаны исчерпывающим образом; можно только указать на их присутствие в топонимике: от названия озера Балхаш до московской улицы Балчуг [Баскаков 1979: 20–29]: ранее — [Никонов 1966: 42–43; Мурзаев 1984: 70].

Слово *Петеке* ‘зоб (у птиц)’ [ЭСТЯ, 7: 115–116], по мнению Д.М. Насилова, монголизм, и в этом с ним невозможно не согласиться.

Привлекает внимание статья *Пишик* ‘кошка, кот’ [ЭСТЯ, 7: 116–119], где автор в выборе между иранским заимствованием и изобразительным словом склоняется в пользу первого решения. К форме *мачы*, находящейся внутри этой же статьи словаря, можно привести чеш. *тачка* ‘кошка’, косвенно указывающее на потенциально индоевропейский характер лексемы.

Слово *Погача* ‘пирог’ [ЭСТЯ, 7: 119–120] интересно своей культурной семантикой и широким ареалом распространения в восточной Европе. Д.М. Насилов пишет: «Таким образом, этимология тюрк. форм, в которых отмечена вариация корневого гласного *-о-* ~ *-у-*, лишней раз свидетельствует о сложности межъязыковых связей контактирующих ареалов» [ЭСТЯ, 7: 120].

Общетюркский глагол *Поз-* ‘разрушать, разбирать на части’ [ЭСТЯ, 7: 120–123] рассматривается Д.М. Насиловым на фоне исключительно тюркского словарного материала, и, что уже становится непривычным, не обнаруживает параллелей в других алтайских языках. Пожалуй, с ним может связываться только маньчж. *биза-* ‘ломаться’ [ССТМЯ, 1: 81], но и данное слово выглядит как тюркское заимствование в маньчжурском языке.

В отношении статьи *Порса-* ‘вонять’ [ЭСТЯ, 7: 123–124] самое интересное заключается в авторском комментарии: «Наиболее распространенным по языкам является дериват от данного глагола, образованный с помощью афф. *-(а)қ* — *борсы-қ/борсу-қ* ‘барсук’; см. *ПОРСУ±* ‘барсук’ ниже. Однако имеются и другие этимологии указанного названия животного» [ЭСТЯ, 7: 124]. В статье *Порсуқ* ‘барсук’ [ЭСТЯ, 7: 124–126] обращается внимание на туркменскую форму *торсуқ* [ЭСТЯ, 7: 125] — обратим также внимание на монгольские слова *дорго* ‘барсук’, *зорх* ‘барсук-самец’, бур. *дорго(н)* ‘барсук’, калм. *зорхн* ‘барсук’; эти дублиеты, весьма сходные друг с другом, видимо, являются старыми диалектными филиациями одного слова. Эвенк. *дороко:н* ‘барсук’ и его аналоги в тунгусо-маньчжурских языках [ССТМЯ, 1: 217] соответствуют монгольским формам с начальным *д-* в самом архаическом облике без озвончения *-к-* и без выпадения срединного гласного. С этими же формами соотносится выводимое из них нивхское *торк* ‘барсук’; нельзя сказать, заимствовано или это слово из тунгусо-маньчжурских языков или оно является тунгусско-нивхским.

Таким образом, названия барсука с начальным *д-* (в нивхском *т-* < **д-*) встречаются в трех группах алтайских языков и в нивхском языке, в то время как те же названия с начальным *б* < **п* — только в тюркских языках: калм. *борсг*, отмеченное у Рамстедта [ЭСТЯ, 7: 126], очевидно, тюркизм. В.И. Рассадин, не замечая монгольских форм с *д-* и *з-*, повторяет версию об образовании тюрк. *борсуқ* от *борсу-* ‘вонять’ [Рассадин 2008, 2: 114], не упоминая ни др.-тюрк. *torsuq*, ни монг. *дорокон* ~ *дорго(н)*. К сожалению, этимология, сводящая название барсука к имени от приводимого выше глагола, при всей подкупающей простоте невероятна, ср.: «Трусость, недоверчивость и глупость — отличительные признаки барсука; кроме того, он очень чистоплотен. Этим часто пользуется лисица, которая, забравшись в барсучью нору, обливает ее своею вонючей мочой и тем заставляет хозяина покинуть свое жилище, которым и овладевает» [ЭСБЕ 1893, 3: 115–116].

Словарная статья *Порт* ‘хрупкий’ [ЭСТЯ, 7: 126–128] содержит богатый фактический материал с детальным морфологическим анализом. Из внешних параллелей к ней можно привести лишь эвенк. *бурги* ‘разбить’ [ССТМЯ, 1: 112].

В статье *Пу:да-* ‘обрезать, подчищать дерево (от веток)’ [ЭСТЯ, 7: 128–130] отмечается связь глагольной основы с тюркским *бутак* ‘ветвь’ и монг.

buta ‘кусты, заросли’ [ЭСТЯ, 7: 130]. Бурятские глаголы *буталха* ‘раздробить’, *бутарха* ‘разбиваться’, едва ли имеют связь с тюркским глаголом.

Из тунгусо-маньчжурского материала, очевидно, с рассматриваемой тюркской лексемой связано эвенк. *мучуктэ*, эвен. мучит (заднерядная огласовка) ‘хвоя’ [ССТМЯ, 1: 562]; приводимые там же якутские формы заимствованы из эвенкийского языка. Редкость и рассогласованность эвенкийской и эвенской форм побуждают видеть в них древние тюркские заимствования, хорошо сохранившие морфологическую структуру **бута-к-та*, в дальнейшем двухморфемный комплекс, возможно, как отглагольное имя, сохранился во многих языках, а трехморфемный комплекс, содержащий какой-то показатель множественности, был полностью утрачен.

В статье *Пыслак* ‘местный сыр’ [ЭСТЯ, 7: 130–131] Д.М. Насилов пишет: «Следует обратить внимание на возможность контаминации основы *быш-* ‘взбивать’ с основой *биш-* ‘вариться’ (см. *БИШ-* ‘вариться’ [ЭСТЯ, 2: 161–164]); ср., например, значение в хак. языке ‘прессованный творог из кипяченого молока’. Интересна также уйг. форма *тишил-шақ*, ясно показывающая отглагольное происхождение» [ЭСТЯ, 7, 131]. Ср. монг. *бяцайх* ‘расплаваться, разлагаться’, *бяцганах* ‘зыбиться, шевелиться, колыхаться (о чем-либо студенистом)’, *бяцгар* ‘расплавчатый, мягкий, студенистый’ и эвенк. *билчарагар* ‘полноводный’ [ССТМЯ, 1: 83]. Эти формы дают возможность реконструировать глагольную или глагольно-адъективную основу **билча-* ‘растекаться, расплаваться, размягчаться, развариваться’, отражениями которой в тюркских языках являются формы *биш-* ‘вариться’ и *быш-* ‘созревать’, формы, в которых выпал преконсонантный *л*, а следующий за ним согласный *-ч-* превратился в *-ш-* и оказался в ауслаутной позиции.

49 словарных статей, подготовленных Д.М. Насиловым, — небольшая часть из объемного и еще не законченного «Этимологического словаря тюркских языков», по своему содержанию оказываются связанными с актуальными проблемами тюркологии: в них автору и его читателям приходится обращаться к проблемам сравнительно-исторической фонетики, словообразования, морфологии, исторической семантики и истории слов. Весьма непростые проблемы преподносят исследователям и заимствования; как межгрупповые, так и заимствования из неалтайских языков, то есть отдельных групп индоевропейских языков, китайского языка, возможно, каких-то неизвестных языков. Д.М. Насилов при работе над статьями «Этимологического словаря тюркских языков» проявил себя как тюрколог-универсал, выражая свое мнение без ущемления позиций своих предшественников и оставляя должное место идеям тюркологии и алтаистики.

Сокращенные обозначения языков

Алт. — алтайский	Солонск. — солонский
Араб. — арабский	Тадж. — таджикский
Башкирск. — башкирский	Тув. — тувинский
Бур. — бурятский	Туркм. — туркменский
Дагур. — дагурский	Т.-ма. — тунгусо-маньчжурский
Калм. — калмыцкий	Тюрк. — тюркский
Кит. — китайский	Уд. — удэгейский
Кирг. — киргизский	Узб. — узбекский
Маньчж. — маньчжурский	Уйг. — уйгурский
Монг. — монгольский	Ульч. — ульчский
Нан. — нанайский	Хак. — хакасский
Нег. — негидальский	Чеш. — чешский
Ороч. — орочский	Эвенк. — эвенкийский
П-мо. — письменно-монгольский	Эвен. — эвенский
Перс. — персидский	

Литература

- Базылхан 1981 — *Базылхан Б.* Монголша-казақша сөздік. — Уланбаатар, 1981.
- Баскаков 1979 — *Баскаков Н.А.* Тюркизмы в названиях московских улиц // Советская тюркология. — 1979. — № 2. — С. 20–29.
- Баскаков 1987 — *Баскаков Н.А.* К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // Советская Тюркология. — 1987. — № 1. — С. 69–75.
- Баскаков 1988 — *Баскаков Н.А.* К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // *Turcica et Orientalia. Studies in honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday.* — Stockholm, 1988. — PP. 1–8.
- Бурыкин 1999 — *Бурыкин А.А.* Роль тюркских языков Алтая и Южной Сибири в исследовании родственных связей алтайских языков // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность (к 350-летию ойротской письменности). Материалы Межд. научн. конф. (5–7 октября 1998 г., г. Горно-Алтайск). — Горно-Алтайск, 1999. — С. 13–17.
- Бурыкин 2016 — *Бурыкин А.А.* Тюрко-монгольская проблематика и этимологические словари монгольских и тюркских языков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сборник научных трудов / Рос. акад. наук, Калмыц. научный центр РАН. — Вып. 4. — Элиста, 2016. — С. 152–167.
- Даль 1909 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 4. — 3-е изд. — СПб, 1909.
- ДТС — Древнетюркский словарь / ред. *Д.М. Насилов, И.В. Кормушин, А.В. Дыбо, У.К. Исабекова.* — Изд. 2-е, пересмотренное. — Астана, 2016.
- Дыбо 2013 — *Дыбо А.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. — Астана, 2013.
- Ким 1983 — *Ким Ф.С.* Фонетический словарь китайских иероглифов. — М., 1983.
- Мурзаев 1984 — *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. — М., 1984.
- Никонов 1966 — *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. — М., 1966.
- Попов 1986 — *Попов Г.В.* Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. — Якутск, 1986.
- Рассадин 2008 — *Рассадин В.И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. — Элиста, 2008.

- Симаков 2000 — *Симаков Г.Н.* Культ хищных птиц у народов Средней Азии и Казахстана. На примере соколиной охоты. Дисс... докт. ист. наук. — СПб., 2000.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / ред. *В.И. Цинциус*. — Т. I–II. — Л., 1975, 1977.
- Тенишев 2006 — *Тенишев Э.Р.* Э.В. Севортян (к 100-летию со дня рождения) // Тенишев Э.Р. Избранные труды. Книга 2. — Уфа, 2006. — С. 368–376.
- Хелимский 2007 — *Хелимский Е.А.* Происхождение древнетюркского чередования г ~ з и дилемма «ротацизма-зетацизма» // Хелимский Е.А. Компаративистика. Уралистика. — М., 2007. — С. 256–266.
- Цинциус 1947 — *Цинциус В.И.* Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. — Л., 1947.
- Шервашидзе 1989 — *Шервашидзе И.Н.* Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // Вопросы языкознания. — 1989. — № 2. — С. 54–92.
- Щербак 1974 — *Щербак А.М.* О причинах структурно-фонетических расхождений в тюрко-монгольских лексических параллелях // Исследования по восточной филологии. — М., 1974. — С. 340–350.
- Щербак 1986 — *Щербак А.М.* Тюрко-монгольские языковые связи (к проблеме взаимодействия и смешения языков) // Вопросы языкознания. — 1986. — № 2. — С. 47–59.
- ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 82+4 тома. — СПб., 1890–1907.
- ЭСТЯ — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Вып. 1–7. — М., 1978–2003.
- EDAL — *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* An Etymological dictionary of the Altaic languages. — Vol. 1–3. — Leiden, 2003.

Alexey Burykin, Saint-Petersburg

**D.M. Nasilov and Altai etymologies:
entries of «Etymological dictionary of Turkic languages»
by E.V. Sevortyan, issue 7**

Summary: The article describes the work of D.M. Nasilov on the etymology of the Turkic vocabulary presented in the entries of «Etymological dictionary of Turkic languages» edited by E.V. Sevortyan who was a university teacher of D.M. Nasilov. The author seeks to show the significance of the work done by D.M. Nasilov for comparative-historical studies of the Turkic lexicon as well as for Altaic phonological and lexical reconstructions and Altaic comparative-historical studies as a whole. The author presents the material of E.V. Sevortyan's dictionary in the general context of modern etymological dictionaries of Turkic languages and discusses methods of etymological analysis of the Turkic lexicon applied by turcologists.

Keywords: Turkic languages, dictionaries, vocabulary, Altaic languages, etymology, semantics, loanwords

Сведения об авторе

Бурькин Алексей Алексеевич — д.ф.н., д.и.н., ведущий научный сотрудник словарного отдела Института лингвистических исследований Российской академии наук; e-mail: albury@mail.ru

Information about the author

Alexey Burykin — Ph.D. in philology, Ph.D. in history, leading researcher of Dictionary Department of Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; e-mail: albury@mail.ru

А.А. ГЛАШЕВ, г. Москва

Алтайская гипотеза против алтайской теории?

Резюме: «Алтайская теория» (теория генетического родства алтайских языков) вновь проверяется на прочность и верность. Новые исследования в области археологии и генетики, как минимум, ставят новые важные вопросы, остающиеся пока без ответа, и заставляют вновь подвергнуть проверке аргументы в пользу верности «алтайской теории». Такая необходимость появилась ввиду новых серьезных аргументов против «алтайской гипотезы» (теории генетического родства тюркоязычных народов, с одной стороны, и монгольских и тунгусо-манчжурских народов, с другой).

Ключевые слова: «алтайская теория», «алтайская гипотеза», археологическое обоснование «алтайской теории», ДНК исследования тюркоязычных и монгольских народов, палео-ДНК

А М. Щербак в свое время заметил: «Об алтайской гипотезе¹, в рамках которой устанавливается родство между тюркскими и монгольскими языками, написано так много, что возникают сомнения в целесообразности продолжения дискуссии, тем более что уже выразилось скептическое отношение к возможности решения алтайской проблемы вообще» [Щербак 1986: 47]. Этот тезис был бы все еще справедлив, если бы не появились новые значительные работы, способные вновь пошатнуть «здание алтайской теории». Как и прежде, «битва титанов» (сторонников «алтайской теории» и ее противников) вновь набирает обороты, так как теперь к этой битве подключились крупные археологи и генетики, хотя ранее еще в 40-е гг. не менее авторитетные исследователи-историки (не лингвисты) уже полемизировали с коллегами по данному вопросу, несмотря на то, что эта полемика напрямую не касалась самой «алтайской теории» (теории генетического род-

¹ Здесь А.М. Щербак употребляет «алтайская гипотеза», хотя правильнее было бы использовать «алтайская теория», которая и связана с вопросом родства языков, а не народов.

ства алтайских языков). Так, О. Менхен-Хельфен приводил серьезные аргументы против тождества азиатских сюн-ну (хун-ну) и европейских гуннов, отвергая появление тюркского элемента впервые из Центральной Азии в результате миграции хун-ну на Запад [Maenchen-Helfen 1945: 224–243]. Но на самом деле противники «алтайской теории» появились уже на заре ее создания, и «война» эта никогда не прекращалась [Щербак 1959: 52; Böhrling 1851: XXXIV].

Мнение о недоказанности «алтайской теории» поддерживали крупные алтаисты (В. Котвич, Ю. Немец, Г. Дерфер, Л. Лигети, Дж. Клосон, В.И. Рассадин, А.М. Щербак). Одним из главных противников «алтайской теории» был английский востоковед Дж. Клосон, который красочно высказался в свое время о том, что «алтайская теория, согласно которой тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки генетически связаны, еще жива, но уже на издыхании ведет свою последнюю и бесславную битву». Тем не менее битва эта все еще продолжается. Основные свои доводы он изложил в двух статьях: «Аргумент против алтайской теории» («The case against the Altaic theory») и «Лексико-статистическая оценка алтайской теории» («A lexicostatistical appraisal of the Altaic theory»). В последней статье Дж. Клосон приходит к выводу: «Результаты применения лексико-статистических методов к оценке “алтайской” теории можно суммировать следующим образом: 1. В течение исторического периода монгольские языки оставались исключительно стойкими к изменениям, а тюркские — сверхстойкими. Вряд ли можно полагать, что эта устойчивость — недавнее явление; 2. Тюркские языки и маньчжурский, по всей очевидности, не связаны генетически, так как их основной словарь (basic vocabulary) не совпадает; 3. После исключения слов, которые наверняка можно признать заимствованными, общие элементы в тюркском и монгольском основном словаре составят не более 2% от основного словаря, причем эти общие слова легче объяснить заимствованиями, чем как свидетельство генетических связей, особенно если учесть сказанное выше в пункте 1. После подобных же исключений общие элементы в монгольском и маньчжурском основном словаре не превысят 3,5% от всего лексического состава, причем эти слова могут быть легче объяснены как лексические заимствования, чем как свидетельство генетических связей, если учесть приведенный пункт 1 и тот известный факт, что в маньчжурском много китайских и монгольских заимствований» [Клосон 1969: 40–41]. Дж. Клосон также отмечал, что самыми ранними значительными памятниками древнетюркского языка являются орхонские надписи первой половины VIII в., а наиболее ранним заметным памятником монгольского языка является «Сокровенное сказание монголов», составленное около 1240 г. частично из более раннего материала (но насколько более раннего неизвестно), что не позволяет пока говорить о значительно более ранних возможных генетических взаимоотношениях этих двух языков, а памятники на обоих языках ранее VIII в. для тюркского

языка и ранее XIII в. для монгольского языка настолько незначительны, что позволяют лишь идентифицировать отдельные племена как говорившие на том или ином языке в определенное время. Имеющиеся свидетельства зачастую настолько не ясны, что вызывают больше вопросов, чем дают ответы. Эта работа Дж. Клосона была подвергнута критике рядом алтаистов [Суник 1976: 18].

Однако подобные взгляды поддерживались и другими крупными специалистами по алтайским языкам, например К. Гренбеком, который считал, что генетическое родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков еще не установлено [Clauson 1969: 181]. Другой крупный языковед Л. Лигети отмечал, что происхождение от одного общего алтайского языка языков тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских (не говоря уже о корейском, а также о других возможных отношениях) вплоть до наших дней еще не получила безукоризненного обоснования. Алтайская языковая общность, по его мнению, не доказана, так как это сделано, например, в отношении языков индоевропейских или финно-угорских. Это по его мнению может иметь две причины: либо действительно алтайские языки не восходят к общему праязыку и, следовательно, они не являются родственными, либо они родственные, но их обличье, известное теперь (или же обличье более древнее), явилось результатом эволюции столь специальной и неравномерной, что их родство не может быть доказано сообразно известным моделям (индоевропейских, финно-угорских и т.д.), и ничто не указывает нам с достоверностью на путь, ведущий к праязыковой общности [Лигети 1971: 31]. Иными словами, Л. Лигети считает, что проблема алтайской общности в ближайшее время вряд ли будет решена окончательно.

В начале XXI в. эта проблема вновь актуализировалась после выхода в свет новых фундаментальных работ крупных археологов, касающихся напрямую уже «алтайской гипотезы» (теории генетического родства тюркских народов, с одной стороны и монгольских и тунгусо-маньчжурских народов, с другой), а также открытий генетиков. Так, И.Л. Кызласов в своей капитальной работе «Алтаистика и археология» в результате скрупулезных исследований наиболее консервативного археологического материала (конструкция жилищ и их обустройство) заключает: «Археология встает на сторону тех языковедов, которые улавливают в близости языков процессы давнего и длительного воздействия изначально разнородных культур, в итоге приведшего к сложению “специфической тюркско-монгольской языковой общности контакционного типа”, по своему содержанию не имеющей ничего общего со связями генетическими. Уводя от поздней культурной близости тюркских и монгольских народов, этнографами и историками наших дней относимой к одному хозяйственно-культурному типу, археологические разработки показывают, как с углублением в века убывают черты современного сходства. Тем самым, результат изучения наиболее значимых основ древней матери-

альной культуры вторит алтаистам, отрицающим генетическое родство языков» [Кызласов 2011: 206].

Еще больше усилили эти тенденции против «алтайской теории» последние исследования в области палеогенетики и генетики современных тюркоязычных народов, которые поставили новые важные вопросы не только перед этнологами и историками, но и перед лингвистами. Согласно этим исследованиям, теперь термин «алтайский» вообще следует сузить до включения в него только тюркоязычных народов, ибо остальные народы алтайской языковой общности генетически сильно отличаются от тюркоязычных народов и эти народы не могут происходить от одного предка. Если мажорными гаплогруппами (Y-ДНК) тюркоязычных народов являются R1b и R1a, то у монголов Монголии и Китая — мажорные C и O, у бурятов — C и N, у тунгусо-маньчжурских C, у финно-угорских N; у ненцев N, японцев D и O; у корейцев O, у айнов D. Еще больше вопросов появилось после появления результатов по палео-ДНК (Y хромосома) скифов и сарматов, андроновской, афанасьевской, тагарской культур [Keyser и др. 2009: 395–410]. Как оказалось, азиатские скифы, а также сарматы были носителями гаплогруппы R1a в более чем 90% случаев, причем ее азиатских субкладов (Z-93), которые сегодня обнаруживаются главным образом у тюркоязычных народов: татары, чуваша, карачаево-балкарцы, башкиры, казахи, киргизы, хакасы, алтайцы, уйгуры [Klyosov, Faleeva 2017: 17–21]. Андроновская и тагарская культуры представлены главным образом носителями гаплогруппы R1a1 [Morten 2015: 167–171; Keyser и др. 2009: 395–410]. Большинство мужчин афанасьевской культуры принадлежало к одной субгаплогруппе R1b1a1a [Hollard и др. 2018: 2–8]. В фундаментальном исследовании «Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe» («Происхождение, демография и наследники номадов железного века евразийских степей») авторы делают вывод: «Относительно наследия номадов Железного века, мы должны сказать, что современные этнические группы с близкой генетической связью со скифскими племенами главным образом проживают в той географической среде, где расположены исследованные скифские могилы, что говорит о непрерывности населения на этих территориях в исторические времена. Современные потомки западных скифских племен обнаружены среди различных этнических групп Кавказа и Центральной Азии, в то время как потомки восточных скифов, как оказывается, обнаружены на более обширной территории, но почти исключительно только среди тюркоязычных народов (ранее бывших номадами), особенно тех, **которые говорят на кыпчакских языках**» [Unterländer и др. 2017: 8]. R1a возникла около 25 тыс. лет назад [Underhill и др. 2015: 124–131] в результате мутации гаплогруппы R1, произошедшей у мужчины, жившего около 22–25 тыс. лет назад предположительно в Азии. Из нее выделили субклады, в том числе Z-93, Z2123. Субклады эти распространены в Азии и на Кавказе, особенно Z2123. После тестирования ДНК

из скифских захоронений оказалось, что скифы (как азиатские, так и европейские) были преимущественно носителями Y-хромосомной R1a в основном с кладом Z2123 [Wolfgang Haak 2015: 2–4]. Нельзя не коснуться новых исследований и по сарматам. Ранний сармат из Покровки (V–II вв. до н. э.) на юго-западном Урале имел Y-хромосомную гаплогруппу R1b1a2a2-CTS1078 (по Таганкину R1b-Y21707*) [Unterländer и др. 2017: 1–4]. У позднесарматских образцов из Чёрного Яра и из Темясовских курганов (Башкирия) обнаружены Y-хромосомная гаплогруппа R1a1a-Z93 (YP3920 и FGC48758) [Krzewińska 2018: 1–7]. У сарматов I в. н.э. из могильника Чеботарев V в зоне аэропорта «Южный» под Ростовом-на-Дону обнаружены Y-хромосомная гаплогруппа R1a1a1b2a2b2b и R1a1a1b2a2a3, из могильника Несветай II Y-хромосомные гаплогруппа и клады R1, R1a1a1b2a2-Z2124, Q1b1a3a, из могильника Камышеватский X - Y-хромосомная гаплогруппа R [Underhill 2015: 124–131]. В свете изложенного еще больше вопросов появилось после того как были опубликованы данные по осетинам, у которых практически не обнаружили гаплогруппу R1a (два случая на более чем 300 тестированных) и которые являются в абсолютном большинстве случаев представителями гаплогруппы G2a1. Эти данные подтверждаются и исследованиями антропологов. По таким показателям, как затылочный индекс (ЗИ), клиновидно-верхнечелюстной шов (КВШ), заднескуловой шов (ЗСШ), подглазничный узор типа II (ПГУ II) и индекс поперечного небного шва (ИПНШ) осетины сильно отличаются от сарматских черепов Заволжья, Приуралья и Сибири [Громов, Моисеев 2004: 217–222]. Перед алтаистами встали два вопроса: является ли факт значительного наличия азиатских («скифских») субкладов практически у всех тюркоязычных народов результатом перехода их индоевропейских предков на тюркский язык или носители этих азиатских субкладов в древности были тюркоязычными и именно они принесли тюркскую речь в Центральную Азию? Нужно сказать, что абсолютное большинство исследователей (этнологов, историков и особенно лингвистов) пока отвечают утвердительно на первый вопрос, старательно воздерживаясь от обсуждения второго, и аргументы, как всегда, приводятся ими тоже весомые, тем более что, если даже будет доказано отсутствие генетического родства между народами, это отнюдь не означает автоматически отсутствие генетического родства языков, на которых они говорят. Однако от этого вопросов не стало меньше. Тем более что сегодня «на Западе, особенно в США, распространена идея о том, что сравнительно-исторический метод устарел, что родство языков можно доказывать и иными способами, скажем **через массовое фронтальное исследование всей лексики** сразу многих сравниваемых языков, без кропотливого установления регулярных соответствий, или же **через расшифровку геномов носителей тех или иных языков**» [Алпатов 2011: 31–32]. Конечно, несмотря на эти результаты, пока еще рано делать на их основе далеко идущие выводы в лингвистике. Предстоит еще титанический труд по систематизации

и правильной интерпретации этих важных исследований. Тем более что исследования продолжаются и уточняются. О чем можно неоспоримо сегодня сказать, так это о том, что исследования генетиков доказали: народы Евразии не только воевали, но и смешивались, и у каждого тюркоязычного народа есть свой существенный местный этнический элемент, а объединяет их как раз большой процент гаплогруппы R1a. Пока еще рано говорить о том, представителей какой именно гаплогруппы следует считать субстратом в формировании тюркоязычных народов: R1a или иной? В любом случае бросается в глаза существенная разница между генофондом тюркоязычных народов, с одной стороны, и остальных «алтайских народов», с другой.

Не удивительно, что И.Л. Кызласов приходит к выводу: «Ради постижения изначальной истории и отыскания прародины, тюркскую языковую семью, как мы видели, следует отчленить от алтайской и, рассматривая самостоятельно, детально заняться лингвистически и археологически той длительной и сложной историей, которая была пройдена наиболее ранними тюркскими народами и их по-настоящему древними предками. ... Понятно, что такой подход меняет взгляд на начальные этапы истории тюркских народов, размещение их прародины и ее этнокультурное окружение. ... Некоторые аргументы такого рода, изложенные мною ранее, указывают на западно-азиатское происхождение тюркоязычных народов» [Кызласов 2011: 209]. В этой связи нельзя не привести слова И.М. Дьяконова: «Так кончается миф о громадной роли арийских культуртрегеров в древней Передней Азии; сознание того, что смертельный удар ему нанесен в Германии, удовлетворяет чувству поэтической справедливости. Конечно, те ученые, которые приложили руки к созданию арийского мифа, не могли подозревать, как страшно он будет использован впоследствии, с перенесением самого понятия “арийцев” на другой индоевропейский народ и на мифическую расу. Но легкомыслие и конъюнктурные соображения в обращении с научными фактами всегда оборачиваются фальсификацией и всегда мстят за себя. Не пора ли и нам, историкам, вслед за физиками, и техниками задуматься об ответственности ученых перед человечеством. Для человечества одинаково вредно, когда отрицают понятия “нежелательные” племена там, где они были, и когда сочиняют “желательные” племена там, где их не было» [Дьяконов 1970: 62]. Выдержит ли очередной удар «алтайская теория»?

Литература

- Алпатов 2011 — *Алпатов В.А.* Еще раз об алтайской проблеме // Тюркологический сб. 2009–2010. — М., 2011. — С. 31–32.
- Громов 2004 — *Громов А.В., Мусеев В.Г.* Краниоскопия населения Западной и Южной Сибири: география и хронология // Расы и народы / Ин-т этнологии и антропологии РАН. — М., 2004. — Вып. 30. — С. 217–222.

- Дьяконов 1970 — *Дьяконов И.М.* Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // ВДИ. — 1970, № 4. — С. 39–63.
- Лигети 1971 — *Лигети Л.* Алтайская теория и лексикостатистика // Вопросы языкознания. — 1971, № 3. — С. 21–33.
- Суник 1976 — *Суник О.П.* К актуальным проблемам алтаистики // Вопросы языкознания. — 1976, № 1. — С. 16–30.
- Щербак 1986 — *Щербак А.М.* Тюркско-монгольские языковые связи (К проблеме взаимодействия и смешения языков) // Вопросы языкознания. — 1986, № 4. — С. 47–59.
- Щербак 1959 — *Щербак А.М.* Об алтайской гипотезе в языкознании // Вопросы языкознания. — 1959, № 6.
- Böhtlingk 1851 — *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. — St. Petersburg. 1851. XXXIV.
- Clauson 1959 — *Clauson G.* The case against the Altaic theory // CAJ. — Vol. III, 1959, № 3.
- Clauson 1968 — *Clauson G.* A lexicostatistical appraisal of the Altaic theory // CAJ. — Vol. XIII, 1968, № 1.
- Klyosov 2017 — *Klyosov Anatole A., Faleeva Tatiana.* Excavated DNA from Two Khazar Burials // Advances in Anthropology. — 18 January 2017, 7. — P. 17–21.
- Maenchen-Helfen 1945 — *Maenchen-Helfen O.* The Huns and the Hsiung-nu // Byzantion. Vol. XXII, 1945; *Его же.* The legend of origin of the Huns // Byzantion. — Vol. XVII, 1945. — P. 222–243.
- Ënder 2017 — *Ënder Martina Unterla u др.* Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe // Nature Communications. — 03 Mar 2017 DOI: 10.1038/ncomms14615.
- Underhill 2015 — *Underhill Peter A. u др.* The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a // European Journal of Human Genetics. — 2015. Vol. 23. P. 124–131; *См. также:* European Journal of Human Genetics (2014), 1–8; Sharma, S; Rai, E; Sharma, P; Jena, M; Singh, S; Darvishi, K; Bhat, AK; Bhanwer, AJ; et al. (2009); The Indian origin of paternal haplogroup R1a1(*) substantiates the autochthonous origin of Brahmins and the caste system // Journal of Human Genetics. 54(1): 47–55.
- Hollard 2018 — *Hollard Clémence u др.* New genetic evidence of affinities and discontinuities between bronze age Siberian populations, 2018 // Physical Anthropology. — 26 April 2018. DOI: 10.1002/ajpa.23607
- Keyser 2009 — *Keyser Christine, Bouakaze Caroline u др.* Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Human Genetics. Ed. David N. Cooper, Thomas J. Hudson. — 2009. Vol. 126, iss. 3. — P. 395–410.
- Haak Wolfgang u др.* Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. Nature 522(7555) March 2015.
- Krzewińska 2018 — *Krzewińska Maja u др.* Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads. — 2018.
- Афанасьев 2018 — *Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С.* Северокавказские аланы по данным палеогенетики // Этногенез и этническая история народов Кавказа. — Грозный. 2018. — С. 180–191.

Ahmat Glashev, Moscow

Altai hypothesis against Altai theory?

Summary: the Altai theory (theory of genetic affinity of the Altai languages) is tested for endurance and truthfulness once again. New researches in the sphere of archeology and genetics at least raise new important questions which are unanswered so far and make us test arguments proving the truthfulness of the Altai theory.

The necessity of such a research appeared due to the new serious arguments against the Altai hypothesis (theory of the genetic relationships of the peoples speaking the Turkic languages from one side and the peoples speaking the Tungus-Manchu languages from the other).

Keywords: Altai theory, Altai hypothesis, archeological grounds for the Altai theory, DNA-analysis of Turkic speaking and Mongolian peoples, paleo-DNA

Сведения об авторе

Глашев Ахмат Алабиевич — главный редактор журнала «Вопросы тюркологии», директор Института тюркологии (г. Москва); e-mail: a.glashev@mail.ru

Information about the author

Ahmat Glashev — Chief editor of the journal «Turcology problems», Director of Institute of Turcology (Moscow); e-mail: a.glashev@mail.ru

В.Г. ГУЗЕВ, г. Санкт-Петербург,
Д.М. НАСИЛОВ, г. Москва

К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках¹

Вопрос о категории числа продолжает оставаться одним из актуальнейших вопросов теоретической грамматики тюркских языков, о чем свидетельствует обилие работ по этой проблеме, появившихся за последние годы. Анализ существующих разработок этой категории показывает, что общим для них является положение, согласно которому эта категория представлена двумя формами: формой мн. числа, образуемой с помощью показателя *-lar*, и противопоставляемой ей формой без этого показателя, которая рассматривается как форма ед. (или неопределенного) числа и часто как форма с нулевым показателем. Далее детально описываются значения каждой из этих форм и делаются попытки обнаружить взаимную противопоставленность их семантики.

Признание формы без показателя формой ед. (неопределенного, общего) числа и наличия взаимной противопоставленности форм, а также утверждение, что слово без *-lar* имеет нулевой показатель (т. е. показатель ед. или неопределенного, общего числа), принимаются в исследованиях обычно без аргументации и предстают как некие аксиомы, имеющие силу применительно к тюркским языкам и лежащие в основе существующих концепций.

Признание формы без *-lar* ед. числом уживается с констатацией факта, что она может обозначать как единичный предмет, так и множество предме-

¹ Статья была опубликована в журнале «Вопросы языкознания». — 1975. — № 3. — С. 98–111.

тов². Противоречие, которое очевидно в такой трактовке, оправдывается обычно своеобразием семантики этой формы существительного. Представляется, что такое объяснение недостаточно для снятия указанного противоречия. Интересна попытка К.М. Любимова разрешить его путем квалификации рассматриваемой формы как формы неопределенного числа³. Из способности формы без *-lar* соотноситься как с одним, так и с множеством предметов автор делает справедливый вывод, что ее никак нельзя считать формой ед. числа. Но эта ее способность в то же время, по нашему мнению, не дает оснований приписывать ей значение особого, неопределенного числа. Наиболее корректным выводом был бы, по-видимому, следующий: форма без *-lar* вообще индифферентна к количеству передаваемых существительным предметов и едва ли является одной из форм категории числа.

Этот вывод, если он верен, поставил бы под сомнение справедливость самого противопоставления имени с *-lar* и имени без *-lar* как двух соотносительных форм категории числа; и в этой связи сомнительным оказалось бы и мнение о наличии у формы без *-lar* нулевого показателя числа.

Такие выводы могут показаться, на первый взгляд, парадоксальными, противоречащими установившимся в тюркологии представлениям. Но обнаружение противоречия между сложившимися концепциями и исследуемым материалом является необходимой предпосылкой для дальнейшего более адекватного познания предмета. Из имеющихся исследований видно, что названные аксиомы уже исчерпали свои возможности. Содержащиеся в тюркологической литературе многочисленные наблюдения, гипотезы, догадки, а также интенсивные типологические исследования последних лет и работы о числе в других языках⁴, как нам кажется, являются реальным основанием для новых попыток осмысления категории числа.

Каковы же источники происхождения отмеченных выше аксиом? Признание формы без показателя *-lar* формой ед. числа, т. е. членом парадигмы

² См., например: Дмитриев Н.К. Категория числа // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология. — М., 1956. — С. 68–71; Иванов С.Н. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. — Ташкент, 1969. — С. 31–48; Kowalski T. Zur semantischen Funktion des Plural- suffixes *-lar*, *-lär* in den Türksprachen. — Krakow, 1936. — S. 1–2; Yietze H.-P., Plural, Dual und Nominalklassen in altaischen Sprachen // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Ges.-Spracnwiss. Reihe, XVIII. 3. — 1969.

³ Любимов К.М. О числовом значении нулевой формы тюркских существительных // Советская тюркология. — № 5. — 1972. — С. 80–81.

⁴ Настоящая работа в значительной мере базируется на концепции С.Д. Кацнельсона; см.: Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. — Л., 1972. — С. 27–35, 73–77. См. также: Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. — М., 1971; Мельников Г.П. Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. — М., 1969; Он же. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. — М., 1971.

категории числа, предполагает, что каждое имя всегда выступает в одной из форм этой категории. Но такое утверждение справедливо лишь для языков, где категория числа выполняет не только содержательные функции, связанные с количественным различием предметов, но также и формальную синтаксическую функцию согласования в числе существительных и согласуемых с ними слов (атрибутов и предикатов), которая делает категорию числа одним из средств образования синтаксических структур. Наличие обеих функций у категории числа особенно очевидно во флективных языках, представителем которых является, в частности, русский. Категория числа в этом языке в своей согласовательной функции является всеобъемлющей и охватывает не только все существительные, но и согласуемые с ними слова⁵. Именно эта функция обуславливает то, что каждое существительное без исключения формально стоит в одной из грамматических форм числа и, следовательно, существительное не в форме мн. числа выступает как форма ед. числа или с особым формантом, или с нулевым показателем, т. е. со значимым отсутствием форманта. На этой основе, создаваемой согласовательной функцией, зиждется формальная оппозиция «ед. число — мн. число».

Содержательная функция, основанная на количественном различии предметов и сводимая к квантитативной актуализации имени, имеет сравнительно узкую сферу применения, охватывающую лишь имена нарицательные и из них только такие, которые обозначают поддающиеся счету предметы⁶. Следовательно, эта функция реализуется далеко не во всех случаях употребления существительных в отличие от формальной функции, благодаря которой имя существительное во флективных языках не мыслится вне категории числа. Таким образом, числовая форма имени существительного в таких языках совсем не обязательно сигнализирует о его квантитативной актуализированности.

Изложенные особенности категории числа во флективных языках полностью оправдывают те положения, которые выше были определены нами как аксиоматичные, и согласуются с материалом, в частности, русского языка.

К тюркским языкам эти положения были бы применимы, если бы было показано, что в них категория числа имеет те же функции, что и во флективных языках. Однако в тюркском языкознании, наоборот, подчеркивается: «Синтаксическое же употребление множественного числа и его семантика подчиняются особым нормам, которые отличаются от норм русского и других индоевропейских языков»⁷.

⁵ Кацнельсон С.Д. Указ. соч. — С. 27–28; Реформатский А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики. Сб. статей к 75-летию акад. И.И. Мещанинова. — М.–Л., 1960. — С. 392–393.

⁶ Кацнельсон С.Д. Указ. соч. — С. 28.

⁷ Дмитриев Н.К. Указ. соч. — С. 65.

Как известно, в тюркских языках категория числа не используется для организации или оформления связи слов, для соединения их в большие, чем слово, единства. Показатели этой категории нет оснований включать в число аффиксов с реляционными функциями. Именно поэтому в тюркологической литературе, насколько нам известно, никем не доказан согласовательный характер категории числа у имен, по крайней мере в сфере атрибутивных слово-сочетаний⁸.

В то же время тюркские языки имеют в сфере имен грамматические средства, отражающие количественные характеристики предметов, и, по-видимому, все исследователи едины в том, что с помощью аффикса *-lar* обозначается множество предметов.

Таким образом, тюркские грамматические средства выражения количества предметов отличаются от соответствующих средств флективных языков отсутствием у них формальной согласовательной функции, которая могла бы оправдать применимость к тюркским языкам вышеперечисленных аксиом. По-видимому, механизм функционирования этих средств должен быть иным по сравнению с флективными языками. Принятие этих аксиом в тюркском языкознании представляется переносом особенностей числа флективных языков на тюркскую языковую почву. Факты подобных переносов неоднократно отмечались в тюркологической литературе⁹. Таким образом, в тюркском языкознании, по-видимому, назрела необходимость при изучении категории числа отказаться от устоявшихся аксиом, навеянных грамматикой флективных языков, и продолжать разработку учения об этой категории как исключительно содержательной по своим функциям.

В настоящее время в литературе накоплен достаточный фактический материал, который отражает функционирование имен существительных в формах, имеющих отношение к категории числа. Главной задачей сейчас представляется более последовательное и адекватное осмысление уже известных фактов.

В предлагаемой работе предпринимается попытка объяснить тюркский механизм функционирования грамматических средств выражения количества, опираясь на изложенное выше понимание их функций.

Итак, из способности существительного без показателя *-lar* обозначать как единичный предмет, так и множество предметов, следует сделать вывод,

⁸ В настоящей работе не затрагивается вопрос об отношениях между подлежащим и сказуемым предложения с точки зрения категории числа.

⁹ См.: Иванов С.Н. Указ. соч. — С. 16–18; Севортян Э.В. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике // Советская тюркология. — № 3. — 1970. — С. 7–9; Баскаков Н.А. Основные задачи историко-типологического изучения грамматики тюркских языков // Тюркологический сборник. — М., 1970. — С. 81. Ср. также: Коротков Н.Н., Панфилов В.З. О типологии грамматических категорий // Вопросы языкознания. — 1965. — № 1. — С. 46.

что оно само по себе «не выражает ни единичности, ни множественности»¹⁰, т. е. не несет никакой информации о количестве обозначаемых предметов. Так, из турецкого предложения, взятого вне контекста, — *Dün bizde misafir vardı* ‘У нас вчера был гость (или: были гости)’ — слушающий не может заключить, идет ли речь об одном госте или о некоем множестве гостей¹¹.

Если из контекста или из ситуации известно, что речь идет о некоем множестве обозначаемых предметов, оно может не получать никакого формального выражения у существительного. Обратимся к примеру: *Päs bir javuz islü ‘avrat ävinä konuk oldy, vä ol ‘avratuñ fahişä karavaşlary varydy, ol karavaşuñ birisi javlak xubidi*¹² ‘Затем отшельник стал гостем в доме женщины, занимавшейся дурными делами. А у той женщины были рабыни легкого поведения; одна из тех рабынь была очень красивой’. В этом отрывке количественная характеристика предметов, обозначаемых именами, совершенно очевидна, однако сочетания *ol ‘avratuñ* и *ol karavaşuñ* соотносятся первое с единичным предметом, второе — со множеством предметов. Следует подчеркнуть, что существительные в этих сочетаниях актуализованы в плане соотнесенности с конкретными предметами с помощью указательного местоимения *ol*, и тем не менее без показателей числа они индифферентны к количеству обозначаемых предметов.

Таким образом, в примерах подобного типа количественная характеристика никак не выводится из формы имени, а следует из контекста или общей речевой ситуации. Отметим, что нередко исследователи считают, что указательные местоимения подчеркивают значение единичности имен¹³. Однако в сочетаниях с указательными местоимениями (см. пример), как и с аффиксами принадлежности, значения единичности или множественности выводятся из самой ситуации, но подчеркиваются местоимениями благодаря их выделительной функции, усиливающей любую характеристику предмета, в том числе и количественную.

Наиболее ярко индифферентность тюркского имени к количественной характеристике предметов проявляется в тех случаях, когда количество (множество) прямо выражается лексическим способом, т. е. с помощью числительных или слов-кванторов типа *много, мало*: *beş kitap* ‘пять книг’, *çok (az) kitap* ‘много (мало) книг’ (см. об этом ниже).

¹⁰ Кацнельсон С.Д. Указ. соч. — С. 33; ср.: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1938. — С. 139.

¹¹ См. аналогичные примеры: Соколов С.А. Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями // Советская тюркология. — 1970. — № 4. — С. 74–75; Любимов К.М. Указ. соч. — С. 81–82.

¹² Zajączkowski A. Studja nad jgzykiem staroosmanskim. I. Kalila i Dimna. — Krakow, 1934. — С. 14.

¹³ См., например: Сергеев В.И. Лексический способ выражения множественности в чувашском языке // Советская тюркология. — № 3. — 1973. — С. 5.

Рассматриваемое свойство тюркского имени позволяет ему обозначать предмет в разных ситуациях: в одних он реально может быть уникальным, в других быть представленным единично или во множестве, в одних он определен, в других — неопределенный. Но из соотносимости существительного с различными ситуациями совсем нельзя делать вывод о многообразии его значений и приписывать содержание ситуации семантике формы имени. Поэтому, например, приводимые Т. Ковальским пять значений слова *at* ‘лошадь’ без показателя множественности¹⁴ представляют собой лишь обобщенные характеристики типов ситуаций, с которыми оно может соотноситься. Именно соотносимость одной формы со множеством ситуаций должна истолковываться как доказательство ее индифферентности к этим типам ситуаций. Не принимая называемые Т. Ковальским пять случаев употребления формы без показателя множественности в качестве ее значений, нельзя тем не менее не видеть рационального зерна в утверждении автора, что такая форма представляет собой «прежде всего родовое название (*Gattungsname*) без какого бы то ни было различия рода, числа и определенности», и что последние или в случае необходимости должны быть выражены с помощью особых языковых средств, или же должны выводиться из соответствующего контекста¹⁵. Здесь нельзя согласиться только с тем, что рассматриваемая форма имени «прежде всего» — родовое название, ибо имя индифферентно также и к тому, передает ли оно конкретный предмет или родовое название, что доказывается аналогичным ходом рассуждений.

По тем же причинам, видимо, следует отказаться от широко известных утверждений, что форма без показателя множественности имеет значения собирательности, неопределенной, или совокупной, или сплошной, или нечленимой множественности. Эти количественные характеристики предметов, несомненно, могут в определенных случаях выражаться этой формой, но отнюдь не входят в ее грамматическое значение.

Индифферентность формы существительного без показателя множественности к количественным характеристикам обозначаемых предметов обязательно предполагает наличие в языке специальных средств, которые при необходимости выражали бы эти количественные характеристики, т. е. как множество, так и единичность — объективные наиболее общие количественные различия предметов: один — не один. Поскольку в самой реальности отнюдь не все объекты поддаются счету, естественно ожидать, что и в тюркских языках механизм выражения количества предметов своему основному

¹⁴ Kowalski T. Указ. соч. — С. 4.

¹⁵ Там же. Аналогичные свойства имени, т. е. индифферентность к перечисленным значениям, отмечены в языках, не имеющих грамматической категории числа; см.: Jensen H. Die sprachliche Kategorie des Numerus // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Ges.-Sprachwiss. Reihe. — Jg. 1. Hf. 3. — 1951–1952. — С. 7–8; Erhart A. Pluralformen und Pluralität. AO. — 41(3). — 1973. — С. 247–248.

назначению отвечает лишь в сфере так называемых считаемых имен, которые «обозначают предметы, образующие счетное множество»¹⁶. Однако надо иметь в виду, что понятия считаемых и несчитаемых имен, по-видимому, в значительной мере относительны. Ведь известно, что и многие так называемые несчитаемые имена могут в отдельных случаях обозначать считаемые предметы и получать формы числа. Кроме того, понятия считаемых и несчитаемых имен применительно к тюркским языкам нуждаются в специальном уточнении, так как состав этих разрядов в некоторой степени зависит от языковой структуры¹⁷.

Аффикс множественности *-lar*, «известный на протяжении всей доступной изучению истории тюркских языков» и встречающийся «в различных фонетических вариантах во всех тюркских языках, за исключением чувашского языка, где ему функционально соответствует аффикс *-sem*»¹⁸, представляет собой единственное синтетическое морфологическое средство выражения релевантной для высказывания множественности предметов: *at + -lar* ‘лошади’.

Представляется, что в качестве средства выражения релевантной единичности выступает слово *bir*, полифункциональный элемент, морфологический статус которого в сфере грамматического использования еще не получил в тюркском языкознании однозначной комплексной квалификации и нуждается в специальном рассмотрении. Выражение значения единичности путем определения имени существительного числительным *один* представляет собой явление, известное исследователям ряда неиндоевропейских языков¹⁹.

Несомненно, что с решением вопроса о грамматическом статусе слова *bir* как выразителе единичности, тесно связана интерпретация и самого грамматического механизма выражения количественных характеристик существительного в тюркских языках: либо признание в этих языках грамматической категории числа, либо признание в них лишь формы множественности с формантом *-lar*. Таким образом, в какой мере словосочетание «*bir* ‘один’ + существительное» в случае выражения с помощью этого сочетания единичности в современных тюркских языках является грамматикализированным, должно быть предметом специального рассмотрения на материале каждого конкретного языка. Есть две возможности: 1) в указанном качестве слово *bir* выступает как специальный грамматический показатель единичности; 2) это — числительное *один*, которое используется для лексического выражения количества, подобно другим количественным числительным.

¹⁶ Кацнельсон С.Д. Указ. соч. — С. 28; см. также: Иванов С.Н. Указ. соч. — С. 45.

¹⁷ См.: Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958. — С. 217–218, 229–233.

¹⁸ Кононов А.Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Сравнительно-исторический этюд. — Л., 1969. — С. 3, 29.

¹⁹ См.: Erhart A. Указ. соч. — С. 248; Jensen H. Указ. соч. — С. 8.

Рассмотрим вопрос о категории числа, исходя из посылки, что *bir* — грамматический показатель. В литературе указываются случаи грамматикализации *bir*, например, в качестве показателя неопределенности²⁰, о чем свидетельствует утеря им собственного ударения и превращение в проклитику, ср. тур. *bir ev* ‘какой-то дом’.

Показатели единичности и множественности составляют функциональный ряд морфологических средств, объединяемых их семантической соотносимостью как выразителей количественных характеристик предметов²¹. Именно только указанная функционально-семантическая общность позволяет отграничить значения единичности у *bir* и множественности у *-lar* в качестве их числовых категориальных значений от прочих значений этих показателей.

Но множество — понятие емкое. Исследователи пишут об определенном и неопределенном (совокупном), раздельном и нераздельном (сплошном), членимом и нечленимом, о распределенном, о тотальном множестве и т. д. Но и здесь следует отличать передаваемые формой ситуативные характеристики предметов от обязательно и всегда выражаемых ею, входящих в ее грамматическое значение обобщенных количественных значений, т. е. от грамматических значений формы с показателем *-lar*.

Если исходить из противопоставленности формы с *bir* и формы с *-lar* как выразителей количественных характеристик, логично полагать, что грамматическое значение последней противоположно значению единичности и представляет собою значение «счетного множества», понимаемого как неединичность считаемых предметов. По-видимому, это значение следует признать наиболее общим, присутствующим во всех случаях категориальных употреблений этой формы. Но предпосылкой считаемости предметов является, с одной стороны, их «расчлененность, или, что то же, дискретность», а с другой — их качественная однородность, приравненность друг к другу в каком-либо отношении. Таким образом, счетное множество по своей природе раздельно, дискретно и состоит из однородных единиц²². Отсюда понятно, почему исследователи обнаруживают у показателя

²⁰ См.: Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.–Л., 1956. — С. 168; Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.–Л., 1960. — С. 75, 89; ср.: Иванов С.Н. Указ. соч. — С. 32. Использование *bir* в качестве показателя неопределенности в настоящей статье не рассматривается, хотя, вероятно, такое использование смыкается с его функционированием в качестве показателя единичности. В связи с этим не анализируются примеры типа *bir şeyler* ‘нечто, многое’, *bir yerlerde* ‘где-то, кое-где’ и т. п., в которых, по мнению авторов, *bir* выступает выразителем неопределенности.

²¹ Ср.: «Мы предпочитаем определять морфологическую категорию как ряды словоформ, объединенных категориальной функцией» (Кацнельсон С.Д. Указ. соч. — С. 27).

²² Кацнельсон С.Д. Указ. соч. — С. 28. Ср. также: Супрун А., Норман Б. Историко-типологическая характеристика на някои граматически категории // Език и литература. — 1974. — № 3. — С. 43.

-lar значение так называемого раздельного, или членимого, множества, которое, однако, едва ли является его основным значением. Раздельность и членимость — это прежде всего свойства, присущие самому с ч е т н о м у м н о ж е с т в у, обозначение которого и составляет, по-видимому, категориальное значение этого показателя.

Из сказанного вытекает, что поскольку расчлененность производна от значения счетного множества, грамматическое значение тюркской категории числа едва ли сводится к противопоставлению значений «расчлененность — нерасчлененность (совокупность)». С изложенных позиций вызывает также сомнение утверждение, что показатель *-lar* в обозримой истории тюркских языков имел некогда значение абстрактной собирательной множественности²³.

Прочие значения рассматриваемых показателей, хотя и являются близкими значениям единичности — множественности, представляются лежащими вне этой категории. Иными словами, только своими соотносимыми значениями единичности и множественности *bir* и *-lar* объединяются как ряд морфологических показателей грамматической категории числа, работающей исключительно в сфере считаемых имен. Из сказанного вытекает, что т ю р к с к а я категория числа ограничивается, с одной стороны, указанным семантическим содержанием ее показателей, с другой — семантическим полем имен, обозначающих считаемые предметы, поэтому анализ этой категории с необходимостью предполагает учет отмеченных границ.

Исключительно содержательный характер форм единичности — множественности, конституирующих категорию числа, их ориентация на выражение реальной единичности или множественности обуславливает следующий механизм их функционирования: в каждом случае использования формы для передачи количественной характеристики предметов она отражает реальную единичность или множественность, но не наоборот, ибо реальные количественные характеристики предметов не обязательно выражаются с помощью *bir* и *-lar* и даже вообще не обязательно эксплицируются в высказывании. В случаях, когда количественная информация выражена лексическими средствами или выводится из ситуации, контекста и т. д., использование этих показателей с точки зрения механизма языка становится избыточным. Вследствие этого они или оказываются факультативными, или могут употребляться только в ином значении. Факультативными они могут быть также и тогда, когда количественные характеристики предметов несущественны для сооб-

²³ См., например: Grönbech K. Der türkische Sprachbau. — Köpenhagen, 1936. — С. 57–83; Серебренников Б.А. Существовали ли в протоуральском языке именные классы // Вопросы языкознания. — 1969. — № 3. — С. 12–23; Серебренников Б.А. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-lar* в тюркских языках // Советская тюркология. — 1970. — № 1. — С. 49–53; Щербак А.М. Формы числа у имен в тюркских языках // Вопросы языкознания. — 1970. — № 3. — С. 96–99.

щения²⁴. В тех же случаях, когда эти показатели выступают как единственные средства выражения количественной характеристики — при наличии необходимости в выражении последней — их употребление обязательно.

По-видимому, механизм функционирования *bir* и *-lar* как показателей единичности и множественности не может быть правильно понят, если их не осознавать как морфологические средства квантификации, существующие наряду с другими средствами, к которым прибегает язык. Так, поскольку высказывание *Dün bizde misafir vardı* ‘У нас вчера был гость’ (или: ‘были гости’) не несет количественной информации, последнюю можно передать следующими фразами: а) *Dün bizde beş (az, çok) misafir(ler) vardı* ‘Вчера у нас было пять (мало, много) гостей’; б) *Dün bizde bir misafir vardı* ‘Вчера у нас был один гость’; в) *Dün bizde misafirler vardı* ‘Вчера у нас были гости’.

В примере (а), где для выражения количественной информации используются лексические средства, показатель *-lar* как показатель множественности избыточен. В примерах (б) и (в) рассматриваемые показатели являются единственными выразителями количества и не могут быть опущены без нарушения смысла.

Следует также иметь в виду, что и в сфере считаемых имен категория числа не всегда является релевантной. В случае актуализации отвлеченно-предметных или предметно-качественных значений существительного эта категория оказывается иррелевантной в силу принципиальной несовместимости количественных представлений с этими значениями²⁵. При таком употреблении имя не может получать показателей единичности — множественности, примером чего являются компоненты — определения изафетных конструкций I типа (*taş bina* ‘каменное здание’). Попутно заметим, что в изафете II компонент-определение может выступать и в тех, и в других значениях, поэтому в случае актуализации конкретно-предметных значений он может выступать в форме множественности (Ср. в турецком языке: *demir yolu* ‘железная дорога’, но *ressamlar cemiyeti* ‘общество художников’)²⁶. Во втором примере форма множественности, по-видимому, может рассматриваться как средство обозначения класса предметов «в совокупности его элементов»²⁷.

²⁴ Разумеется, в зоне факультативности показатели под влиянием языков иного строя могут в современных тюркских языках использоваться с повышенной частотностью, как, например, *-lar* у имен с числительными больше одного в азербайджанском и караимском языках, где этот аффикс, по-видимому, не приобретает дополнительных значений. См.: Kowalski T. Указ. соч. — С. 2; Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. — М., 1969. — С. 36, 44, 94; Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. — М., 1973. — С. 299–301.

²⁵ См.: Гузев В.Г., Насилов Д.М. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности — неопределенности // Советская тюркология. — 1971. — № 5. — С. 22–23.

²⁶ См.: Гузев В.Г., Насилов Д.М. О соотношении типов изафета в турецком языке // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. — М., 1972. — С. 183.

²⁷ Кацнельсон С.Д. Указ. соч. — С. 31.

Класс предметов может быть представлен не только множеством составляющих его единиц, но и понятием, основанном на наиболее общих признаках предмета, т. е. именем в отвлеченно-предметном значении, при котором количественные характеристики иррелевантны. Именно поэтому в случаях, когда компонент-определение обозначает класс предметов, он может представлять собою имя как с показателем множественности, так и без показателя и вне категории числа: ср. тур. *Sovyetler Birliđi* 'Советский Союз ~ Союз Советов' и *Sovyet ülkesi* 'Страна Советов ~ Советская страна'. Вполне вероятно, что предпочтительность того или иного варианта определяется фактами не грамматического, а стилистического или узуального порядка. Здесь следует напомнить мнение С.Д. Кацнельсона, что «функция выделения родовых понятий противоречит основной функции форм числа», ибо «при выделении родовых понятий формы числа теряют свое актуализирующее свойство <...>»²⁸. Так что границы категориального использования формы множественности, возможно, еще более узкие, чем те, которые были определены выше. Во всяком случае, недостаточно сказать, что категория числа ограничивается семантикой показателей и сферой имен, обозначающих считаеваемые предметы. В сфере последних она релевантна лишь в зоне их конкретно-предметных значений.

Представляется, что взаимоотношения формы единичности и множественности, с одной стороны, и формы без показателя, с другой, могут служить примером асимметричности соотносительных грамматических форм, когда маркированный член соотношения выражает некий признак, который немаркированный член оставляет невыраженным²⁹. В нашем случае как форма единичности, так и форма множественности, каждая в отдельности, выступает по отношению к форме без показателей как маркированный член. Последняя оставляет невыраженными количественные признаки предметов³⁰. Графически данное соотношение можно представить так:

<i>at</i> Форма без показателей, немаркированный член	{	<i>bir at</i> Форма единичности <i>atlar</i> Форма множественности	}	Формы с показателями категории числа, маркированные формы

Но основой соотносительности форм *at* — *bir at* — *atlar*, ввиду содержательного характера тюркской категории числа, может быть только лексическое значение существительного. И отсутствие показателей в форме *at* озна-

²⁸ Там же.

²⁹ Jacobson R. Zur Struktur des russischen Verbuns // Readings in linguistics. II. — Chicago-London, 1966. — С. 22–23.

³⁰ Ср.: Кумахов М.А. Число и грамматика // Вопросы языкознания. — 1969. — № 4. — С. 69; Erhart A. Указ. соч. — С. 248.

чает отсутствие у нее количественных значений и наличие только номинативного содержания. В таком же флективном языке, как русский, формы *конь* — *кони* соотнесены не только на основе общего лексического значения, но и на основе формально-грамматической функции обеих форм. Отсутствие показателя мн. числа в форме *конь* является, в отличие от тюркской формы, значимым: оно, с одной стороны, сигнализирует о принадлежности этой формы к одному из двух типов согласующих классов (синтаксически значимая форма ед. числа), с другой, выступает потенциальным выразителем единичности предмета³¹, которая, как отмечалось, может быть и релевантной, и нерелевантной для высказывания.

Таким образом, формы без показателей мн. числа во флективных языках и в агглютинирующих (таких, как тюркские) предстают в совершенно разных качествах. Если к первым, для которых характерны словоизменительные категории, имеющие облигаторное применение, приложимо положение: «Появление в языке хотя бы одной материально выраженной словоизменительной формы автоматически приводит к осознанию противостоящей ей основной формы слова как обладающей добавочным грамматическим значением (нулевая форма)»³², то в отношении тюркских языков о нулевой форме какой-либо категории, видимо, правомерно говорить «<...> лишь в том случае, если такая нулевая форма выражает одно из тех частных значений этой грамматической категории, которые не выражаются ни одним из ее специальных показателей»³³. В русском языке слово типа *конь* — это форма ед. числа с нулевым показателем. Но поскольку форма *at* не несет какой-либо количественной информации, т. е. не имеет сама по себе категориального значения числа и не выполняет согласовательной функции, то, очевидно, ее нельзя рассматривать в качестве нулевой формы категории числа³⁴.

Анализ различий в механизме категорий числа во флективных и агглютинирующих языках еще раз подтверждает мысль, что свойства той или иной категории находятся в прямой зависимости от особенностей строя языка³⁵. Говоря об этом, можно также указать на наличие в русском языке так называемых *pluralia tantum*, слов со «связанной», лексикализованной формой числа, которых нет в тюркских языках. Существование *pluralia tantum* обусловлено согласовательной функцией русской категории числа, которой не имеет тюрк-

³¹ См.: Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970. — С. 322–323.

³² Коротков Н.Н., Панфилов В.З. Указ. соч. — С. 37.

³³ Там же. — С. 42–43.

³⁴ Авторы настоящей работы ранее придерживались широко распространенной в тюркологии точки зрения о нулевом показателе числа в *at*. См.: Гузев В.Г., Насилов Д.М. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного... — С. 23.

³⁵ См., например: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. — М., 1972. — С. 210 и ср.; Коротков Н.Н., Панфилов В.З. Указ. соч. — С. 37; Типология грамматических категорий // Мещаниновские чтения 1973. Тезисы докладов. — М., 1973.

ская категория числа³⁶, и, насколько нам известно, исследователи тюркских языков не отмечают случаев лексикализации форм множественности.

Итак, то, что называют категорией числа в тюркских языках, имеет исключительно содержательный характер и в своей категориальной семантике «единичность — множественность» функционирует в сфере считаемых имен, выступающих в конкретно-предметных значениях. Естественно полагать, что иное использование показателей *bir* и *-lar* находится за пределами собственно количественной характеристики предметов и может рассматриваться как не категориальное³⁷. Ниже будет показано, что этот вывод в общем справедлив, хотя здесь, по-видимому, неизбежны уточнения, если учитывать отмеченную выше неразработанность вопроса о границах между считаемыми и несчитаемыми именами применительно к тюркским языкам.

В тюркологической литературе описаны многочисленные случаи использования аффикса *-lar* с несчитаемыми именами³⁸, т. е. именами вещественными и абстрактными, а также с именами, обозначающими единственные в своем роде предметы, со словами, имеющими «плюримальное значение»³⁹, с именами собственными. Обозначаемые такими именами предметы в принципе не нуждаются в количественных характеристиках. Поэтому употребление таких имен с показателем *-lar* воспринимается либо как следствие некоторого изменения лексического значения слов, которое, по всей вероятности, происходит в результате столкновения семантики несчитаемых имен с идеей множества, либо как реализация иных значений показателя *-lar*, родственных значению множественности.

В качестве примеров назовем случаи выражения таких значений, как: 1) различных сортов, разновидностей вещества: кирг. *күйүчү майлар* 'горючие масла'; 2) обилия вещества: тур. *sokağın tozları içinde* 'в сплошной уличной пыли' (из примеров А.Н. Кононова); 3) распределенности в пространстве: *suvlar akar* 'вода течет в разных местах' (из примеров Т. Ковальского); 4) интенсивности свойств обозначаемых именем явлений: тур. *uzun sıkıntılar içinde* 'в томительной тоске', *karanlıklar içinde* 'в непроглядной темноте' (из примеров А.Н. Кононова); 5) «расширения рамок пространственных и временных понятий», приблизительности: тур. *yükseklerde* '[где-то] на большой

³⁶ См.: Кацнельсон С.Д. Указ. соч. — С. 29; Реформатский А.А. Указ. соч. — С. 391–393; ср.: Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — С. 67.

³⁷ Использование терминов «категориальные» и «некатегориальные» значения является чисто условным и преследует единственную цель отграничить значения рассматриваемых показателей, в которых они выступают в случае выражения единичности и множественности, от их прочих значений. По-видимому, возможно использование в этом смысле иных терминов.

³⁸ См.: Kowalski Т. Указ. соч. — С. 8–22; Дмитриев Н.К. Указ. соч. — С. 68–70; Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — С. 68–71; Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. — С. 78–81; Иванов С.Н. Указ. соч. — С. 40–44 и др.

³⁹ Kowalski Т. Указ. соч. — С. 15–16.

высоте', *hafta başlarında* '[примерно] в начале недели'⁴⁰; 6) ласкательных значений: башк. *кояшкайларым* 'мое солнышко'⁴¹; 7) почтительности, вежливости, уважения: тур. *paşa hazretleri* 'его превосходительство паша' (из примеров С.А. Соколова); узб. *бувимнинг беллари оғрияпти* 'У моей бабушки болит поясница' (из примеров А.Н. Кононова).

Напомним также, что имена собственные с показателем *-lar* способны обозначать лиц, сравниваемых с лицом, которое называется (узб. *Новоийлар* 'такие поэты, такие люди, как Навои', из примеров А.Н. Кононова), или обозначать семью именем одного из ее членов (узб. *Рахимовлар* 'Рахимовы', из примеров А.Н. Кононова). Аффикс *-lar* при именах с количественными числительными или иными кванторами, и возможно, при личных местоимениях 1 и 2-го лица мн. числа, являясь излишним с точки зрения выражения множественности, также выступает в одном из своих других значений — как средство подчеркивания индивидуальности, уникальности и своеобразия каждого предмета, включаемого в данное множество⁴²; тур. *yedi Meş aleciler* 'семь писателей, объединившихся вокруг журнала «Факел»' (из примеров А.Н. Кононова); тур. *giderek, sadece saflarımıza katılmakla kalmadılar bizlere de destek oldular*⁴³ 'Со временем они [крестьяне] не только вошли в наши ряды, но и стали для нас опорой'; ст.-узб. *үч оқлар сол болсунлар* 'Три стрелы пусть полетят в левую сторону' (из примеров С.Н. Иванова).

Перечисление всех случаев некатегориального использования показателя *-lar* и их осмысление не входят в задачу настоящей статьи и должны быть предметом специального исследования. Отметим, что тюркские языки в этой сфере следуют общеязыковой типологии, что подтверждается сравнением с аналогичными явлениями в других языках мира⁴⁴.

Разумеется, сферу некатегориального (с точки зрения категории числа) использования имеет также и форма единичности, которая, однако, пока не привлекалась к рассмотрению в интересующем нас аспекте⁴⁵. По-видимому, слово *bir* как один из кванторов должно вызывать у несчитаемых существительных смещение лексических значений того же порядка, что и показатель

⁴⁰ Соколов С.А. Указ. соч. — С. 78–79.

⁴¹ Дмитриев Н.К. Указ. соч. — С. 70.

⁴² См.: Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — С. 68, 70–71; Иванов С.Н. Указ. соч. — С. 39–40.

⁴³ Che Guevara. Savaş anıları. — İstanbul, 1968. — С. 213.

⁴⁴ Ср.: Виноградов В.В., Русский язык. — М., 1972. — С. 131–138; Есперсен О. Указ. соч. — С. 220–233; Кацнельсон С.Д. Указ. соч. — С. 29–31.

⁴⁵ Ср., например: Жабоев Т.М. О слове *бир* (один) в карачаево-балкарском языке // Вестн. Кабард.-Балкарск. НИИ. — Нальчик, 1970. — № 2; Бекбергенов А. «Бир» санлыгының мәнилери х;эм цолланьлыуы // Исследования по каракалпакскому языку. — Нукус, 1971; Летягина Н.И. Слово *бир* в тувинском языке // Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ. — Кызыл, 1973. — № 16; Беглярбекова А.А. Артиклевая функция родительного, винительного падежей и слова *бир* в современном азербайджанском языке. АКД. — М., 1971.

-lar, хотя и противоположное по знаку. Если *-lar* у имен с вещественным значением может выражать различные сорта, разновидности вещества или его обилие, то *bir* способно, в частности, указывать на небольшое, ограниченное количество вещества: ср. тур. *bir çay içmek* ‘выпить стакан чаю’, *bir rakımızı iç bari* ‘выпей хоть рюмочку раки с нами’; на вещество одного определенного рода, с конкретными характеристиками, вытекающими из его отношений с данной ситуацией: тур. *kâh esmer derisini şişiren bir kan gözlerinin kenarına kadar fırlıyor, kâh dişlerinin arasında ezilen dudakları bile bembeyaz oluyordu* (S. Ali) ‘То кровь [отчаяния], вздувавшая его смуглую кожу, заливала [все его лицо] до самых уголков глаз, то даже его губы, зажатые зубами, становились совершенно белыми’ (последние два примера авторам любезно предоставил С.Н. Иванов).

Отметим наряду с этим, что есть случаи использования показателей *bir* и *-lar* в качестве показателей субстантивированности слова. Например: тур. *büyükler* ‘взрослые’ (от *büyük* ‘большой, старший’), *gençler* ‘юноши’ и *bir genç* ‘молодой человек’ (от *genç* ‘молодой, юный’).

Таким образом, показатели *bir* и *-lar*, каждый в отдельности, используются в разнообразных функциях. На фоне этого функционального многообразия их употребление для выражения единичности и множественности предстает как ограниченная узкими рамками сфера категориального использования.

Предложенная выше интерпретация тюркской категории числа основывается на посылке, что *bir* — грамматический показатель единичности. Необходимо также учитывать возможность решения интересующей нас проблемы, исходя из второй из упомянутых выше допустимых посылок: слово *bir* в интересующей нас функции — числительное ‘один’.

Действительно, есть основания думать, что грамматические функции у слова *bir* вторичны и сформировались на базе его исконной лексико-грамматической сущности как числительного ‘один’. Эти грамматические функции могли возникнуть в ходе исторического развития тюркских языков, и, следовательно, можно себе представить такое состояние этих языков, когда *bir* совершенно не использовалось как грамматическое средство.

Если исключить слово *bir* из арсенала грамматических средств, то придется признать, что аффикс *-lar* оказывается единственным морфологическим показателем, служащим для выражения количества предметов, а другие средства не грамматичны. Поскольку понятие категории предлагает наличие минимум двух форм, составляющих функциональный ряд, то у нас не будет оснований говорить о грамматической категории числа. Можно лишь говорить о форме множественности с показателем *-lar*.

Механизм выражения языком количественных характеристик выглядит в таком случае следующим образом. Основная форма индифферентна к количеству обозначаемых предметов; множество при необходимости может пере-

даваться специальным грамматическим показателем *-lar*, а единичность, как и другие конкретные количества, лексическим способом, т. е. с помощью числительного.

Такое положение для тюркских языков не должно казаться необычным, ибо оно имеет многочисленные типологические параллели в языках изолирующего и агглютинирующего строя, например, в китайском, японском, классическом тибетском, бирманском, индонезийском, нивхском⁴⁶.

Итак, исходя из первой посылки, мы пришли к выводу о том, что тюркская категория числа конституируется функциональным рядом форм с *bir* — *-lar*. Исходя из второй посылки, заключаем, что речь может идти не о категории числа, а лишь о форме множественности.

Представляется, что оба вывода не исключают друг друга, а справедливы для разных этапов эволюции тюркских языков. На более ранних этапах могла наличествовать лишь форма множественности, которая позднее стала членом функционального ряда, возникшего в результате приобретения числительным *bir* свойств грамматического показателя. Возникновение у *bir* этих свойств могло быть связано со становлением семантической оппозиции «единичность — множественность» в условиях наличия морфологического способа выражения множественности (*-lar*) и индифферентности основной формы к количественным характеристикам предметов.

Из сказанного ясно, что при реконструкции праязыкового состояния нельзя исключать вероятности описанного пути развития. Простая интерполяция форм «единственного» и «множественного» числа в традиционном понимании в праязыковое состояние едва ли правомерна.

Изложенная интерпретация тюркского языкового механизма выражения количества представляет собой попытку вскрыть важнейшие и универсальные свойства этого механизма, которые вытекают из особенностей строя тюркских языков как языков агглютинирующих. Описанный механизм, вероятно, реализуется в конкретных языках с разной степенью полноты, что определяется тем, насколько тот или иной язык сохраняет в неприкосновенности исконно тюркские черты своей грамматики, прежде всего в сфере значений грамматических форм. Известно, что тюркские языки в течение многих веков подвергались и подвергаются влиянию языков иного строя. Такое влияние, вторгаясь в сферу семантики грамматических форм, не могло

⁴⁶ См.: Кацнельсон С.Д. Указ. соч. — С. 33–35; Jensen H. Указ. соч. — С. 7–8; см. также: Холодович А.А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Уч. зап. ЛГУ. Серия филол. Наук. — 1946. — № 10; Шор Р.О., Чемоданов Н.С. Введение в языковедение. — М., 1945. — С. 117; Парфионович Ю.М. Тибетский письменный язык. — М., 1970. — С. 68–70; Янсон Р.А. Служебные слова при имени существительном в бирманском языке. АКД. — Л., 1968. — С. 8–9; Kaden K. Der Ausdruck von Mehrzahlverhältnissen in der modernen chinesischen Sprache // Schriften zur Phonetik. Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. — Berlin, 1964. — 9. — С. 18–32, 124–129, 208–216; Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. Ч. 1. — М.–Л., 1962. — С. 40, 91–93, 97–101.

не приводить к изменениям их функциональных свойств. Поэтому авторы отдают себе отчет в том, что в каждом языке механизм выражения количества будет несколько отличен от описанного. Но адекватное описание его немислимо без вскрытия его исконной природы и выяснения тех идиотнических черт, которые возникли под воздействием конкретных условий развития языка. Чем древнее тюркский языковой памятник, тем больше вероятность обнаружить в нем этот механизм и тем более своеобразным последний будет казаться на фоне состояния современных языков. Не случайно исследователи отмечают, что в языке древнейших тюркских памятников — орхоненисейских — показатели числа используются крайне редко. Тем не менее и в современных языках исконно тюркский механизм выражения количественных характеристик предметов отчетливо дает о себе знать в многочисленных случаях употребления формы существительного без показателей *bir* или *-lar* при выражении единичности или счетного множества.

Принципы, положенные в основу этой, отличной от традиционной, интерпретации тюркского языкового механизма выражения количественных характеристик у имен существительных и находящиеся, по мнению авторов, в соответствии с типологическими особенностями агглютинативных языков, могут оказаться полезными и при последующем осмыслении других явлений, категорий тюркской грамматики (возможно, таких, как соотношение форм действительного и косвенных залогов, изъявительного и косвенных наклонений и др.).

Viktor Guzev, Sankt-Peterburg,
Dmitriy Nasilov, Moscow

Upon the interpretation of the category of number of nouns in the Turkic languages

Сведения об авторах

Гузев Виктор Григорьевич — д.ф.н., профессор кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ); e-mail: v.guzev@spbu.ru

Насилов Дмитрий Михайлович — д.ф.н., профессор кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Information about the authors

Victor Guzev — Ph.D. in philology, Professor of Turkic Philology Department, Saint-Petersburg State University; e-mail: v.guzev@spbu.ru

Dmitriy Nasilov — Ph.D. in philology, Professor of Turkic Philology Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

В.Г. ГУЗЕВ, Н.Н. ТЕЛИЦИН,
г. Санкт-Петербург

Турецкие залого и понятие «залог»

Резюме: При определении категории залога в разных языках с единых позиций теоретическое языкознание нуждается в общей теории залога, которая бы опиралась на материал разноструктурных языков и включала понятия залоговая форма и категория, залоговые отношения. Учитывая наличие в языках разных средств передачи взаимоотношения действий с предметами, представляется целесообразным понимать под залогом глагольное морфологическое средство передачи только определенной разновидности взаимоотношений действий с предметами: активности, возвратности, взаимности, страдательности, побудительности.

Ключевые слова: категория залога, теоретическое языкознание, глагольное морфологическое средство, взаимоотношения действий с предметами

Как свидетельствует история осмысления залоговых форм глагола, попытки ученых наталкивались на господствующие в теоретическом языкознании недостатки, предубеждения или попросту ошибочные истолкования материала. Так, например, едва ли можно адекватно трактовать языковую форму или категорию, если игнорировать ее коммуникативное предназначение (например, полагать, что функция залогов — делать глаголы непереходными), если смешивать понятия «языковая система» и «речь» и соответственно языковые и речевые единицы, если не различать продуктивные залоговые словоформы и глаголы, возникшие в результате лексикализации залоговых форм (легко, например, поддаться иллюзии, что все русские глаголы с суффиксом *-ся* являются формами возвратного залога).

Самым важным открытием Бодуэна де Куртенэ (1845–1929) является разграничение понятий «язык» (по терминологии Л.В. Щербы «языковая система» [Щерба 1974: 24–39]) и «речь», которое чаще всего связывают с именем Ф. де Соссюра [Бодуэн де Куртенэ 1963: 67–95]. Согласно этой точки зрения,

язык (языковая система), является частью «языковленной» (Бодуэн) мыслительной деятельности, идеальным механизмом, неотделимым от коммуникативной деятельности, знанием. Речь — это материальный знак (слово) или некоторое множество знаков, используемых для коммуникации, т. е. передачи индивидами какого-либо мыслительного содержания [Мельников 1978а: 32–51]. В частности, многие ученые до сих пор не замечают различия между значением (семантемой, единицей языковой системы), которое трактуется как абстрактный образ, отражение какого-либо элемента реальной действительности, и смыслом, т. е. мыслительным содержанием, передаваемым в актах коммуникации. Хотя многие лингвисты до сих пор пренебрежительно относятся к учению Бодуэна, формы и категории залога, как представляется, невозможно понять без принятия во внимание взглядов этого ученого.

Непризнание существования различия между продуктивными залоговыми формами и их лексикализацией, между их значениями и передаваемыми ими смыслами, или же точка зрения, согласно которой значения залога зависят от значений глагольных основ, или же понятие «значения предложения», все это — проявление смешения понятий «язык» и «речь», «значение» и «смысл» [см.: Мещанинов 1948: 118–134].

Тяготение к традиционным, устаревшим концепциям, связанным со структурными единицами морфологии и синтаксиса в области лексемообразования и словоизменения, поставило лингвистов в тупик при попытке интерпретации отношений между возвратным залогом и невозвратными глаголами в русском языке, сдерживает проведение исследований в перспективном направлении, а сама эта дилемма препятствует развитию ожидаемого прогресса.

Тем не менее в современных лингвистических работах все-таки наблюдаются попытки развития бодуэновского учения. В этом отношении в первую очередь заслуживает упоминания имя Л.В. Щербы, который сформулировал упомянутое выше понятие «языковая система» (язык). Также отродно отметить появление таких понятий, как «словоформа» (речевая единица) [Смирницкий 1952: 182–203], «монема» [Martinet 1960: 19–21; Мельников 1978б: 255], введенное для обозначения минимальной двусторонней значимой единицы языка; «грамматическая форма» [Реформатский 1996: 261], означающее морфологическую структурную единицу языковой системы, а также других, разработанных на должном лингвистическом уровне понятий.

Едва ли удачной можно признавать появившуюся в отечественном языкознании в 1970 г. трактовку залога, сформулированную И.А. Мельчуком, А.А. Холодовичем и В.С. Храковским как теория, претендующая стать универсальной [КЗ 1970: 1–65; ЛЭС 1990: 161–162; Храковский 1991: 141–180]. Она игнорирует иные точки зрения, достижения развивающегося учения о языке и историю вопроса. Центральное понятие этой теории означено термином *диатеза*, которая понимается или как «схема соответствия между еди-

ницами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» [Холодович 1979: 277–292] или структура соответствия между «ролями» связанных с действием предметов (производитель действия, объект) и членами предложения, называющими эти предметы [ЛЭС 1990: 161–162]. Залог определяется как «грамматически маркированная в глаголе диатеза» [Там же].

В языках имеются разные категории, отражающие и передающие связи действий с предметами (например, глагольное управление, категория принадлежности агглютинативных языков). Оправданно полагать, что значения глагольных форм и категорий отражают и соответственно передают в актах коммуникации информацию о свойствах или связях действий (как элементов объективной реальности). Для залога и диатезы (греческое терминологическое название залога) авторами упомянутой концепции сделано исключение. «Соответствие между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» может быть предметом интереса любознательного исследователя, но само по себе едва ли имеет отношение к морфологической категории.

Авторы никак не обосновывают причину, по которой «диатеза» в их трактовке может оказываться «маркированной» в глаголе. Было бы менее туманно и ближе к истине полагать, что в глагольной форме «маркируется» информация о связях, в которые вступает действие, т. е. что залоговые формы глагола передают связи действий с предметами, к чему, собственно, и пришло русское языкознание.

В лингвистической литературе анализируются следующие залоговые категории: **действительный (актив), страдательный (пассив), возвратный (рефлексив), взаимный (совместный), понудительный (побудительный, каузатив)** [см.: ПТГЗ 1978: 5–277; ТФГ 1991: 125–271].

Турецкий глагол имеет четыре залоговые формы, каждая из которых в языковой системе снабжена собственной морфемой, а в речи — соответствующим суффиксом (или, как предпочитают говорить тюркологи, «аффиксом»). **Возвратный** залог имеет морфемы $-(I)n/-(U)n$, **взаимный (совместный)** залог — $-(I)\text{ş}/-(U)\text{ş}$, **страдательный** залог — $-(I)n/-(U)n$ и $-(I)l/-(U)l$, **понудительный** залог — $-Dir/-DUr$ и $-t$.

При рассмотрении вопроса о действительном залоге в турецком языке необходимо учитывать следующее. В тюркологической науке все глубже осознается существенное структурное различие между агглютинативными и флективными языками, которое, как в настоящее время становится все более ясным, проявляется и в речи.

В индоевропейском языкознании принято следующее представление: «В залоговые системы каждого языка обычно входит морфологически исходная форма активного действительного, основного) залога (актива), когда субъект действия, напр. в рус. яз., выступает в им. п. и занимает позицию

подлежащего, а объект действия выступает в вин. п. и занимает позицию прямого дополнения (“*рабочие строят дом*”). Выделяются также морфологически производные формы З.» [Храковский 1990: 160–161].

В отношении же агглютинативных языков справедливо иное представление: то, что с точки зрения закреплённой в языковой системе картины мира является само собой разумеющимся, не нуждается в специальном выражении. Поскольку агентивная связь действия и предмета признаётся обычной, нормальной, само собой разумеющейся, нет и необходимости в языковых средствах сигнализации о ней. Это означает, что сама по себе глагольная основа без залогового показателя индифферентна к характеру отношений между действием и связанным с ним предметом.

Ранее уже приходилось констатировать, что лексемы и служебные морфемы в тюркских языках характеризуются «относительной функциональной автономностью» [Гузев, Насилов 1981: 32]. В этом отношении морфемы мало чем отличаются от служебных лексем (послелогов, союзов, многих частиц и т. п.). Присущая им некоторая необязательность и употребление показателей одной и той же категории (в данном случае залоговых) друг с другом в одной и той же словоформе (*Mektup yaz+dir+il+di* ‘Письмо было написано по воле [кого-либо]’) имеет следствием неопозитивный характер отношений между составляющими категорию формами. Отсутствие материального показателя у слова в речи отнюдь не замещается значимым отсутствием, и, следовательно, неаффирированная основа не обладает соответствующим служебным значением и не имеет отношения к категории, конституируемой рядом форм с родственными, однородными значениями. При этом каждая форма имеет собственную морфему, реализуемую в речи в виде аффикса.

Если бы в тюркских языках был действительный залог, то он, очевидно, имел бы агентивное значение, т. е. означал бы активное отношение между действием и предметом и сигнализировал бы о том, что предмет есть агенс, производитель действия.

Отсутствие аффикса какой-либо категории в речи на агглютинативном языке означает, что или в морфологической подсистеме языка соответствующая категория не существует [Гузев, Насилов 1975: 98–111; Еловков, Касевич 1979: 71–77], или она наличествует, но не употреблена говорящим при построении высказывания. Лишенная залогового показателя основа глагола в языковой системе не имеет залогового значения, а в речи она оказывается пригодной для передачи в качестве смыслов по воле говорящего различных соотношений действий с предметами. Например, *Göçtük yurdun kadri konduk yurtta bilinir* [Aksoy 1971: 288] ‘Ценность страны, откуда переселились, познаётся в стране, куда обосновались’; *icecek su* ‘вода для питья’; *Oturacak yerim yok* ‘Мне негде сесть’ и т. п. В приведенных примерах предмет *yurt* и *su* являются не субъектами, а объектами связанного с ними действия; а *yer* указывает на место, где происходит действие. Однако для того, чтобы утвер-

ждать, что в турецком языке существует действительный залог, передаваемый нулевой морфемой, необходимо не только физическое наличие аффикса, но и характерная для флективных языков обязательная передача агентивной связи предмета и действия.

Агентивная связь предмета (производителя) и производимого им действия (например, *Tavşan yiyor* ‘Заяц ест’, *Ders başladı* ‘Урок начался’, *Öğrenciler geldi* ‘Студенты пришли’ и т. п.) с позиции турецкой картины мира воспринимается как естественное, само собой разумеющееся явление, которое не нуждается в выражении *языковыми средствами*, но, разумеется, передается смысловым содержанием в речи. *Поскольку в турецком формообразовании нулевые показатели не используются, и лишенная словоизменительной морфемы лексема не является грамматической формой, нельзя говорить о наличии в этом языке действительного залога.*

Что же касается значений, имеющих в турецком языке залогов, то, как и в других языках, **форма возвратного залога** сигнализирует о том, что между действием и его производителем помимо агентивной имеет место какая-либо иная/дополнительная (прямая или косвенная) связь. Другими словами, возвратный залог включает формы, в которых действие, осуществляемое производителем, каким-либо образом воздействует на него самого или сохраняет с ним какую-нибудь иную связь: *Çocuk giy+in+iyor* ‘Ребенок одевается’, *Çocuk gez+in+iyor* ‘Ребенок прогуливается’ и т. п.

Взаимный залог представлен глагольными формами, значение которых сигнализирует о множестве (более одного) производителей действия: *Çocuklar çimenlerde koş+uş+tular* (Vasif Öngören) ‘Дети [все вместе] бегали по лужайкам’.

Страдательный залог, как и в некоторых других языках [Серебрянников 1974: 217–219], является языковым средством, имеющим не одно, а два значения: первое, сигнализирующее о том, что предмет, связанный с действием, воспринимать не как производителя, а как объект (значение, проявляющееся при сопоставлении выражений типа: *Koyun ye+r* ‘Баран ест’ и *Koyun ye+n+ir* ‘Барана едят’); второе — неопределенно-личное представление, как средство, позволяющее не называть производителя действия (например, *Burada yüksek sesle konuş+ul+maz* ‘Здесь громко не разговаривают’ и т. п.). Таким образом, под страдательным залогом понимается совокупность глагольных форм, значение которых указывает или на то, что связанный с действием предмет является не субъектом, а объектом, или же на то, что производителем действия может выступить любое лицо.

Значение **понудительного залога** в турецком языке: передает указание на то, что действие связано с предметом, который побуждается к совершению указанного действия. Так, например, в предложении *Bu hadise bana her şeyi unut+tur+du* ‘Это событие заставило меня все позабыть’ действие *unutmak* ‘забывать’ связано с предметом (местоимение *bana* ‘меня’), побуждаемым

к совершению этого действия. Другими словами, это — глагольная форма, сигнализирующая о связи действия с предметом, который побуждается к совершению называемого глагольной основой действия.

В пяти значениях четырех рассмотренных залогов турецкого языка есть общее: их значение отражает и сигнализирует об *определенных связях* действия и предмета. На основании этого общего семантического содержания рассматриваемые формы глагола конституируют категорию залога.

Образования в турецком языке, внешне представляющие собой различные глагольные залоговые формы (т. е. возвратные, взаимные и страдательные) с одним (!) *медиальным* значением, под которым представляется правомерной передача следующих свойств действия: 1) производитель сам совершает действие, 2) действие не является переходным, 3) действие представляет собой изменение во внешнем или внутреннем состоянии предмета [Виноградов 1972: 488–501; Бенвенист 1974: 188]. Они едва ли должны признаваться залоговыми формами. Сказанное, возможно, также справедливо и в отношении образований с медиальным значением в русском языке (*обрушиваться, изменяться, проясняться и т. п.*). Они тоже могут трактоваться как самостоятельные глаголы с медиальным значением.

В русской языковой системе категория залога имеет менее ясную структуру (всего лишь один материальный показатель *-ся*), но учение об этой категории имеет глубокие корни. Попытки осмысления залоговых форм и их предназначения были достаточно основательно изучены и обобщены В.В. Виноградовым [Виноградов 1972: 476–511]. Термин «залог» (перевод греческого *diathesis* ‘расположение, состояние’, т. е. отношение субъекта к действию) употребляется уже в древнейших грамматиках церковнославянского, а затем и русского языков [Виноградов 1972: 476]. В понятие залога вкладывалось и вкладывается разнообразное и подчас противоречивое лексико-семантическое содержание.

По определению академика В.В. Виноградова, включение в категорию залога в современном русском языке образований с показателем *-ся* (как это видно на примере глагола *одевать+ся*), а также невозвратного глагола «*одевать*» (т. е. не включающего рассматриваемый показатель) происходит из-за разницы технических средств, другими словами, внешних форм [Виноградов 1972: 494]. В русской лингвистике под «возвратными глаголами» понимается большое количество самостоятельных глагольных лексем, которые, несмотря на показатель *-ся*, не имеют отношения к возвратному залого. Эту ситуацию нельзя оставлять без внимания. Фактически Виноградов характеризовал категорию залога в русском языке как «клубок» образований различных типов, лексических (словообразовательных) и грамматических (словоизменительных) явлений [Виноградов 1972: 501].

Естественно ожидать, что клубок этих сложных проблем должен и будет решаться постепенно, по мере совершенствования теории грамматики, по ме-

ре прояснения передачи информации об отношениях между действиями и предметами, углубления понимания залоговых механизмов различных языков.

К настоящему времени было высказано много точек зрения о залогах в русском языке. Особый интерес заслуживает предположение В.В. Виноградова о том, что залоговая форма глагола в русском языке передает «нюансы общего понятия», отражающего отношения между действием и его субъектом или объектом, взаимосвязи между основой и формой с «возвратным» аффиксом [Виноградов 1972: 494]. Эту продуктивную мысль можно понять следующим образом: поскольку мыслительное отражение/образы *возвратных, взаимных* и *страдательных* связей действий с предметами онтологически и семантически близки друг другу, они могут смешиваться обыденным мышлением человека, отражаться одним значением в языковой системе и по меньшей мере тремя перечисленными смыслами в речи. В таком случае, мы были бы должны признать, что в русском языке существуют только две залоговые формы, т. е. активная (без суффикса *-ся*) и «совокупная» (с суффиксом *-ся*). Согласно наиболее распространенному мнению (которое является полной противоположностью вышеизложенного), на основании информации, передаваемой «возвратными глаголами» иных индоевропейских языков (латинского и других) [см.: Исаченко 1960: 345–408] в русском языке выделяются возвратный, совместный и страдательный залоговые формы [Ахманова 2007: 152–154].

Опять же, из-за наличия в русском языке свойственных индоевропейским флективным языкам нулевых морфем (функциональный нуль, значимое отсутствие), признается существование действительного залога, выраженного нулевой морфемой, сообщающего о связанном с действием предмете, субъекте указанного действия: например, *Заяц ест*.

По нашему предположению, в русском языке посредством единого значения общего (совокупного) залога проявляются следующие отношения между предметом и действием:

1. Возвратные отношения: производимое субъектом действие каким-либо образом воздействует на сам субъект или же объект прямо (*Он одевает+ся*) или косвенно (*Он прогуливает+ся*) связан с этим действием.

2. Взаимные отношения: Действие связано с множеством производителей (например, *встречать+ся, обцать+ся, драть+ся*).

3. Страдательные отношения: Предмет, связанный с действием, является объектом последнего (например, *Работа выполняет+ся лучшими мастерами*). Страдательные отношения в русском языке иногда передаются финитными формами глагола. С другой стороны, они чаще передаются причастиями и деепричастиями [ГРЯ 1960: 502–504].

Образования, которые трактуются в русском языкознании как «средний» (медиальный) и «общий залог», на наш взгляд, залогами не являются. Такие являются лексикализованными глаголами.

Медиальный «залог» трактуется как глагольная форма, сигнализирующая об изменении во внешнем или внутреннем состоянии: например, *Дом обрушил+ся*, *Ребенок родил+ся*. [см.: Виноградов 1972: 253–258, 267–290; Бенвенист 1974: 188]. Однако подобное значение может передаваться и глаголами, не имеющими отношения к залогам, например, глаголы *падать*, *вставать*, *расти* и т. п. Значение медиальных глаголов не отражает *соотношение действия и предмета* и, следовательно, не может трактоваться как залоговое значение [Бенвенист 1974: 184–191].

Общий «залог» понимается как форма глагола, передающая внутреннее состояние субъекта или его субъективное действие: *волновать+ся*, *боять+ся*, *смеять+ся* и т. п. [Ахманова 2007: 153]. Во-первых, подобные образования по своей семантике функционируют в ряду непроизводных глаголов *переживать*, *горевать*, *дрожать* и т. п., и могут трактоваться не как залоговая форма, а как лексема. Во-вторых, по мнению Ф.Ф. Фортунатова, если в русском языке отсутствуют основы, от которых образован «возвратный глагол», то единицы типа *боять+ся*, *смеять+ся* не могут пониматься как залоговые формы [Виноградов 1972: 482–483].

Таким образом, термином «возвратные глаголы» в русском языкознании наряду с залоговыми формами, передающими возвратные, совместные и страдательные связи, означает и большое количество глаголов с аффиксом *-ся*, не имеющих отношения к залогам, например, *дивиться*, *догадываться*, *рыться*, *ухитряться* и т. п.

Сопоставление залогов русского и турецкого языков позволяет высказать следующие предположения:

Признаваемые залогами формы глаголов разноструктурных языков передают всего лишь пять так или иначе одних и тех же связей между действием и предметом.

При обращении к материалу различных языков мы убеждаемся, что в английском языке, например, возвратные отношения передаются лексическим способом (т. е. отсутствует возвратный залог); а при передаче страдательных отношений используется аналитическая форма страдательного залога (*He is loved by them* ‘Он любим ими’) [Смирницкий 1959: 264].

Во французском языке существуют: возвратный (*Christophe s'enfonce dans son lit* ‘Кристоф погружается в свою кровать’ /R. Rolland, «Jean-Christophe»/); страдательный (*Cette fois, il est fouetté* ‘На этот раз он наказан’ /R. Rolland, «Jean-Christophe»/) и взаимный (*Les beaux esprits se rencontrent* [поговорка] ‘Великие умы находят общий язык’) залогом. Те же залогом есть и в немецком языке: *Ich rasiere mich* ‘Я бреюсь’ (возвратный), *Wir versammeln uns* ‘Мы собираемся’ (взаимный); *Das Haus wird gebaut* ‘Дом строится’ (страдательный). В родственном русскому болгарском языке система залогов не отличается от русской: одна форма передает три типа отношений (возвратность, взаимность и страдательность), например, *Аз се бръсна* ‘Я бреюсь’ (возврат-

ность), *Ние се събираме* 'Мы собираемся' (взаимность), *Къщата се строи* 'Дом строится' (страдательность).

Синтетическая форма понудительного залога в приведенных языках не встречается. Можно говорить о наличии аналитической формы понудительного залога в английском и французском языках, где используются конструкции, состоящие из глагола «делать» и смыслового глагола (англ. *make laugh*, фр. *faire rire* 'смешить, заставлять улыбаться').

Передача одних и тех же связей действий с предметами морфологическими средствами в типологически различных и неродственных языках, а также наличие схожих инструментов в других индоевропейских флективных и агглютинативных языках дает основание допускать, что их следует трактовать как одну из важных языковых фреквенталий или универсалий.

В свете вышесказанного приходится констатировать: для того, чтобы трактовать категорию залога в разных языках с единых позиций, теоретическое языкознание нуждается в опирающейся на материал разноструктурных языков общей теории залога, включающей понятия залоговая форма и категория, залоговые отношения.

Анализ залогов в разноструктурных языках дает возможность уточнить принятую нами раньше трактовку понятия «залог» как *глагольную форму, передающую отношения между действиями и предметами* [Гузев 2015: 129], которая в свете сказанного представляется *недостаточной*, поскольку такие отношения выражаются другими глагольными средствами. Учитывая наличие в языках разных средств передачи взаимоотношения действий с предметами, представляется целесообразным пересмотреть понятие «залог» путем его сужения и под залогом понимать **глагольное морфологическое средство передачи только (признаваемой грамматистами) определенной разновидности взаимоотношений действий с предметами: активности, возвратности, взаимности, страдательности, побудительности** и, возможно, других, если таковые будут обнаружены.

Литература

- Ахманова 2007 — Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 2007.
Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. — Москва, 1974.
Бодуэн де Куртенэ 1963 — Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. — М., 1963. — С. 67–95.
Виноградов 1972 — Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). — Изд. 2-е. — М., 1972. — С. 488–501.
ГРЯ 1960 — Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология. — М., 1960. — С. 502–504.
Гузев 2015 — Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб., 2015.

- Гузов, Насилов 1975 — *Гузов В.Г., Насилов Д.М.* К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. — М., 1975. — С. 98–111.
- Гузов, Насилов 1981 — *Гузов В.Г., Насилов Д.М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. — 1981. — № 3. — С. 22–35.
- Еловков, Касевич 1979 — *Еловков Д.И., Касевич В.Б.* Некоторые проблемы лингвистики в свете материала языков Юго-Восточной Азии // Вестник ЛГУ. — № 8. — Л., 1979. — С. 71–77.
- Исаченко 1960 — *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч.2. — Братислава, 1960.
- КЗ 1970 — Категория залога. Материалы конференции. — Ленинград, 1970.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
- Мельников 1978а — *Мельников Г.П.* Бодуэновское понимание системности языка // Языковая практика и теория языка. Вып. 2. — М., 1978. — С. 32–51.
- Мельников 1978б — *Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. — М., 1978.
- Мещанинов 1948 — *Мещанинов И.И.* Глагол. — М.–Л., 1948.
- ПТГЗ 1978 — Проблемы теории грамматического залога. — Л., 1978.
- Реформатский 1996 — *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. — М., 1996.
- Серебренников 1974 — *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974.
- Смирницкий 1952 — *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове: проблема «отдельности» слова // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. — М., 1952. — С. 182–203.
- Смирницкий 1959 — *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. — М., 1959.
- ТФГ 1991 — Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. — СПб., 1991.
- Холодович 1979 — *Холодович А.А.* Залог. I: Определение. Исчисление // Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. — Л., 1979. — С. 277–292.
- Храковский 1991 — *Храковский В.С.* Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. — СПб., 1991. — С. 141–180.
- Храковский 1990 — *Храковский В.С.* Залог // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 160–161.
- Щерба 1974 — *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974. — С. 24–39.
- Aksoy 1971 — *Aksoy Ö.A.* Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. II Deyimler Sözlüğü. — İstanbul, 1971.
- Martinet 1978 — *Martinet A.* Eléments de linguistique générale. — Paris, 1960.

Viktor Guzev, Nikolay Telitsin, Saint-Petersburg

Turkic voices and concept of «voice»

Summary: For determining, the category of voice in individual languages theoretical linguistics needs a general theory of voice based on the material of languages with different structure that should include the concepts of voice form and category, and voice relations.

Keywords: category of voice, theoretical linguistics, verbal morphological means, relations of actions with objects

Сведения об авторах

Гузев Виктор Григорьевич — д.ф.н., профессор, профессор кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: vgguzev@gmail.com

Телицин Николай Николаевич — к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: nnt@orient.pu.ru

Information about the authors

Viktor Guzev — Ph.D. in philology, Professor of Department of Turkic Philology, Saint-Petersburg State University; e-mail: vgguzev@gmail.com

Nikolay Telitsin — Ph.D. in philology, Associate Professor, Head of Department of Turkic Philology; e-mail: nnt@orient.pu.ru

Г.-Р.А.-К. ГУСЕЙНОВ, г. Махачкала

Булгарская и средневековая тюркская ономастика и этнонимика в историческом контексте древних ареальных взаимоотношений славянских и северокавказских тюркских языков

Резюме: В статье рассматривается булгарская и средневековая тюркская ономастика и этнонимика, получившие отражение в древнерусском языке и восходящие к северокавказским тюркским (преимущественно кумыкскому) языкам. Их анализ производится в историко-этимологическом и ареальном аспектах.

Ключевые слова: тюркский, славянский, кумыкский, древнерусский языки, ономастика, этнонимика, ареальный аспект, историко-этимологический аспект

1. Аспекты хронологии булгаризмов славянских языков

По данной проблеме известны различные мнения. Одни исследователи полагают, что они подразделяются на слова, усвоенные: 1) ранее VIII–IX вв. из дунайско-булгарского в южнославянские языки и получившие отражение в памятниках старославянского/церковнославянского (литературного, т. е. светского) языка, распространившегося также среди восточных и части западных славян (при этом их вхождение в праславянский считается невозможным по формальным (хронологическим) соображениям); 2) из волжско-булгарского в восточнославянские языки после возвышения Волжско-Булгарского государства и частично проникшие через них в западнославянские языки, особенно польский [Дыбо 2009: 59].

Другие относят к числу недостатков хронологии тюркских заимствований в славянских языках ориентацию исключительно на данные письменных источников (ср. в предшествующем изложении). Эти авторы указывают, в част-

ности, на необходимость учета регулярных внутриславянских соответствий, как, например, рефлексии сочетания *-ъл-* в интерконсонантной позиции при хронологизации слова *толмач* в славянских языках [Добродомов 1974: 23].

Однако и такой подход представляется не всегда достаточно убедительным, как, например, мнение о том, что лексема *estroGin, estriGin* ‘серьга, застежка’ из грекографичной дунайско-булгарской надписи из Преслава (‘кольчуг’ (?) — Ж. Дени, ‘панцирей’ — Фр. Альтхайм), возводящаяся к тюрк. **isyrğa*, считается ввиду типично южнославянского развития **sr > str* «фонетической изоглоссой, распространившейся из славянских языков на тюркский болгарский» в VII–IX вв. — времени «начала контакта болгар и южных славян до момента написания памятника» [Мудрак 2005: 84, 87].

Представляется возможной в данном случае и другая интерпретация. Во-первых, данный процесс является не только древним общеславянским, но и присущим другим (германским и балтийским) индоевропейским языкам [Климов 1964: 109–110; Бошкович 1984: 121]. Во-вторых, обще-, межтюрк. *surğa* ‘серьга’, известное и кумыкскому языку, но при чув. *sǎrka*, тоже может быть мотивировано в корневой части не только *as-ır* ‘заставить висеть’, но условно и восточнотюркскими кирг. *as-tır-*, узб. *as-tir-* [ЭСТЯ 2003: 415, 416] (ср. выше *estri-/estro-*), где обще-, межтюрк. *as-* ‘вешать’ при более позднем чув. *us-* ‘спускать’ [ЭСТЯ 1974: 192]. Здесь же *-tir* — аффикс понудительного залога, известный в числе некоторых тюркских и кумыкскому языку, но более древний, чем формы с широким гласным, выступающим в чувашском и якутском языках [Щербак 1981: 116, 117, 118]. Все это позволяет предполагать собственно тюркский (булгарский диалектный ?) источник данного слова.

Кроме того, наличие общеславянских тюркизмов, представленных почти во всех славянских языках, а также существование до IX в. (и даже XII в.) праславянской языковой общности снимает, в принципе, вышеупомянутое положение о невозможности вхождения болгаризмов в праславянский язык по тем же формальным (хронологическим) соображениям. Имея же в виду известность мнения о локализации прародины славян на Среднем Дунае, в Паннонии (авары, обосновавшиеся здесь, как указывал О.Н. Трубочев [Трубочев 2003: 330, 254], «всюду заставляли уже славян»), она могла быть местом, где происходило заимствование праславянских болгаризмов до заселения Паннонии венграми с 896 г. и крушения в конце VIII в. Аварского каганата, часть территории которого в начале IX в. заняли болгары. Причем подобная датировка также соответствует, но уже традиционному отнесению распада праславянского языка к середине I тыс. н. э. и даже VI–VII вв. [Гусейнов 2010а: 9].

Примечательно, что и в эту более раннюю пору пребывания праславян на среднем Дунае, в Паннонии, документируется, в принципе, первой половиной V в. и на материале тюркских языков. В этом случае следует принять во внимание получившие отражение у Приска Панийского и Иордана лексические свидетельства их древнейших контактов с гуннами — заимствования из

славянского в гуннский (*μέδος* ‘мед’ и *strava(m)* ‘тризна’). Об обратном влиянии говорит упоминаемое у тех же авторов *κάμιον* ‘напиток из ячменя’, ‘ячменное пиво’ [Гусейнов, Мугумова 2015: 376] при том, что в отношении генезиса лексемы *strava(m)* известны и иные мнения [Бубенок 2010].

Приняв во внимание уже сложившуюся традицию привлечения к этногенетическим исследованиям геногеографических данных, следует обратить внимание на ДНК скелета гуннского периода из Венгрии. Он был датирован второй третью V в. (!), и его исследование показало, что он имел Y-хромосомную гаплогруппу L, или, точнее, Q-L54, субклада которой была обнаружена в Азербайджане (ок. 6 тыс. лет назад). L представлена в дагестанских и нахских популяциях: у хваршин на уровне 12%, чамалальцев — 4% (Западный Нагорный Дагестан), аварцев — 1-2,6% (Центральный Нагорный Дагестан), ингушей — 3,2%, чеченцев — 7,2% (у последних, по преимуществу среди тейпов, ареально смежных горному Дагестану, представлено L3). Q известен в наибольшей степени у лакцев (8%) в Центральном Нагорном Дагестане, а также у нынешних даргинцев-кайтагцев (Восточный Среднегорный Дагестан) и ботлихцев (Западный Нагорный Дагестан), составляя уровень ниже 3%. У чеченцев — Q1a — примерно в том же ареале, что L3. Причем среди (вай)нахов гаплогруппа L(-M20) более распространена (5,2%), чем у дагестанцев (в среднем 0,8%) [Раджабов 2017: 13; Гаплогруппа_L_(Y-ДНК); Юнусбаев 2006: 14; Дибирова 2011: 12 табл. 3; Chechen-Noahche DNA].

Исходя из переднеазиатской локализации тюркской прародины, согласно одному из вариантов которой она размещается в Восточном Закавказье в VII–V тыс. до н. э., а затем было заселено западное, включая Дагестан, побережье Каспия, где проживают носители кумыкского языка [Гусейнов 2015: 89], представляется возможным предполагать дальнейшую достаточно раннюю миграцию пратюрков из Закавказья на север. Здесь, на Северном Кавказе и Дагестане, у переместившихся сюда впоследствии носителей собственно дагестанских и вайнахских языков (см. выше) могли отложиться в качестве субстрата вышеупомянутые гаплогруппы, особенно L.

Дополнительный аргумент — «гипотеза о центральноазиатском происхождении европейских гуннов так и не нашла подтверждения ни в языковом, ни в археологическом материале». Это дает основание историкам полагать, что с середины III в. начинаются миграции гуннов (точнее, хонов [Гусейнов 2014a]) с Северного Кавказа в Нижнее Подонье, а также и в Северное Причерноморье [Семенов 2017: 219, 222].

Отсюда они, надо полагать, продвинулись в Паннонию при том, что протоболгары были известны на Северном Кавказе еще во II в. до н. э. [Гусейнов 2013б: 66–67]. Среди них могли быть и непосредственные предки кумыков, если принять во внимание упоминание в «Естественной истории» Плиния Старшего (77 г. н. э.) укрепления Кумания в Дарьяльском проходе [Гусейнов 2014б: 23]. С этим наименованием может быть связано самоназвание кумы-

ков (*qom-uq* < др.-булг. **qon-* > (*hon* — см. выше хон) *qom-an*), известное с до-золотоордынской эпохи, которое представляло собой огузированное в дальнейшем болгарское население, сохранявшееся в Заднепровье (Боняк в последующем изложении), а также на Северо-Восточном Кавказе и Дагестане, где еще в 1254 г. было известно Куманское царство, а до этого, в 1245–1246 гг., Плано Карпини упоминает здесь комуков [Гусейнов 2010а: 7, 32, 55, 61].

Кроме того, сравнительно недавно было высказано мнение, согласно которому Булгария Кубрата, восставшего против авар в 635 г., также находилась в близком Паннонии регионе — в районе Днепра, а не Кубани [Рона-Таш 2005: 116–117], откуда, как традиционно полагают, ушли на Балканы создавшие здесь в 679 г. под предводительством Аспаруха свое государство болгары (хоногуры). Последние, будучи одним из протокумыкских хонских болгарских субэтнических подразделений, каковыми, вероятно, и были до этого европейские гунны, вновь продвинулись сюда под хазарским давлением к середине VII в., затем в области, ареально смежные исторической Венгрии, а также в Поволжье с территории Северо-Восточного Кавказа и Дагестана. В пределах последних двух регионов сосредотачивается область первичной локализации древних болгарских диалектов [Гусейнов 2010а: 9, 32; Гусейнов 2014б: 20, 24].

Тем самым начало возникновения (пра)славянско-(древне)болгарских связей связано с тем, что мигрировавшие с территории своей переднеазиатской прародины древние болгары, иначе, будущие европейские гунны — хоны — болгарские племенные группировки, известные на Северном Кавказе еще во II в. до н. э. (здесь же с I в. н. э. упоминаются и другие болгары (предки современных кумыков) — куманы) мигрируют с середины III в. с Северного Кавказа в Северное Причерноморье. В Паннонии к первой половине V в. они устанавливают контакты с продвинувшимися сюда славянами, что подтверждается языковыми данными. К середине VII в. вторая волна болгар — хоногуры — мигрирует с Северного Кавказа на Балканы, а также далее в Паннонию.

2. Булгаризмы, получившие отражение в средневековых исторических источниках и памятниках

2.1. К числу лексических (ономастических) свидетельств более поздней второй миграции на Балканы болгар — предков современных кумыков — следует отнести отражение антропонима Пашенек (другие варианты [Шихсаидов и др. 1993: 29]), сына Хакана, в средневековой кумыкской исторической хронике «Дербенд-Наме». Он обнаруживает близость к одному из булгаризмов болгарского языка, относящихся к терминам родства, — пашеног [Коев 1969: 208]. Обе вышеупомянутые формы следует признать старейшими ввиду близости к чув. *puZ'ana* 'своjak' [ЭСТЯ 1978: 24; Сравн.-ист. гр. ТЯ 2001: 310] — сохранения инлаутного -š и ауслаутного -q/-γ, которые в чуваш-

ском лишь после XIV–XV вв. были либо утрачены, либо имело место $\check{s} > \acute{s}$ [Сравн.-ист. гр. ТЯ 2002: 680, 705].

Это позволяет предполагать бытование данной лексемы в период арабско-хазарских войн VII–VIII вв., с событиями которой связано упоминание этого антропонима в данном историческом памятнике. Кроме того, в числе ранних булгаризмов венгерского языка обнаруживаются лексические формы, присущие региону Северо-Восточного Кавказа и Дагестана [Гусейнов 2014б; Дыбо 2010], что предполагает миграцию носителей соответствующих языков в Паннонию до переселения сюда венгров, т. е. до IX–X вв.

2.2. На связь с рассматриваемым регионом (возможно, локализацию в нем) указывает патроним Андж-оглы — название одного из кыпчакских племен, впервые упомянутого в летописи, составленной при мамлюкском эмире Бейбарсе (1260–1277) [Ушницкий 2009: 46]. Оно восходит к наименованию известного до сих пор в районе г. Махачкалы (традиционное название Анжи) древнекумыкского ойконима и хоронима Анжи (<*Анчи), получившего отражение в эпосе «Манас» («Анжиян»), в эпиграфике (Андж –1318–1319 гг.), топонимике Дагестана и Северо-Восточного Кавказа (ср. чеч. ойконим Элистанжи <*Алистанжи) [Гусейнов 2002–2003].

Об изначальной древности пребывания здесь древнекумыкского (булгарского — см. выше) населения свидетельствует то, что корень ойконима Анжи может восходить к потенциально булгарскому (чувашскому с развитием пратюрк. $-*j >$ чув. $-n$ [Сравн.-ист. гр. ТЯ 2006: 42–43]) репрезентату пратюрк. $*e\eta / *i\eta / eg / ij$ ‘склон’ [ЭСТЯ 1974: 756] + пратюрк. $i\check{c}(i)$ ‘внутренность (чего-либо)’. При этом имеет место незакономерное в отношении консонантизма чув. $\acute{a}\check{s}$ ‘нутро’ [Щербак 1970: 170] и последующим, характерным для чувашского озвончением $-č > -d\check{z}$ перед i, u [Дыбо 2007: 14 табл. 2; Сравн.-ист. гр. ТЯ 2006: 16 прим. 12], т. е. ‘склона внутренность’. Последнее соответствует отмеченному выше расположению данного ойконима, а о древности его бытования свидетельствует, наряду с упоминанием в «Дербенд-Наме» (см. выше), аналогичное название древнекумыкского эпоса «Анжи-Наме», также посвященного борьбе с арабскими завоевателями в VII–VIII вв. (осада арабами в 713–714 гг. крепости Анжи [Алиев 2001: 271]).

2.3. В летописном контексте «Слова о полку Игореве» получило, как известно, отражение название рода Тарг-ол-ове [Баскаков 1985: 79], представитель которого по имени Чилбук взял в плен раненого Игоря Святославича (за него поручился хан Кончак), но оно не упоминается среди кыпчакских племен [Плетнева 1990: 94]. Это название может быть возведено к кумыкскому ойконимому *Taryu*, находящемуся в ареальной смежности с Анжи (см. выше) и известному с 716–717 гг. в армянских источниках как «гуннский (хонский, ср. выше хоногуры) город» [Гусейнов 2010а: 63] с булгароязычным (см. ниже) населением. При этом др.-русск. ТАРГОЛ-ОВЕ (им. п. ед. ч.) <*Taryu-lu < Taryu > инг. Таргим при исходном *Tar-γun, где корневая часть tur- ‘стоять’

(чув. (булг.) *tār-*), откуда пратюрк.**tur-a* ‘укрытие, крепость’ [Сравн.-ист. гр. ТЯ 2001: 486; ЭСТЯ 1980: 296–297], аффиксальная часть праформы *-уун* — показатель имени действия [Щербак 1977: 173]. В свою очередь, антропоним Чилбук, еще не становившийся предметом специального рассмотрения, из летописного контекста «Слова» может быть соотнесен с усеченным вариантом др.-тюрк. *çil-başı* ‘придворный чин и титул’ («*Qutadyu bilig*» — 1069–1070 гг.) + др.-тюрк. субстантивный уменьшительный аффикс *-uq* [ДТС 1969: 148, 660], который используется в качестве антропоформанта, например, в татарском [Хазиева 2007: 19] и тюркских языках Северного Кавказа, например, в карачаево-балкарском [Алиева 2008: 68].

3. Куманские булгаризмы, получившие отражение в средневековых исторических памятниках

Булгарский элемент был известен и среди половцев, точнее, куман (см. выше), на что одним из первых обратил внимание И.Г. Добродомов [Добродомов 1966: 12] в связи с именем хана ШАРУКАНА из «Слова о полку Игореве». Его косвенное отражение усматривается в отчестве былинного Тугарина Змиевича — прозвища его современника (левобережно-днепровского союзника) хана Тугоркана, отразившегося в ойкониме Змиев Харьковской области Украины. При этом хан ШАРУКАН, известный также в русских былинах как Шарк-великан [Мавродина 1983: 73] и упоминавшийся в русских источниках с 1068 по 1107 гг., был главой восточного (донецко-приморского, Черная Кумания) объединения половцев, дедом Кончака, отцом Сырчана и ушедшего в Грузию Атрака [Плетнева 1990: 57, 97]. Это позволяет предполагать сохранение в исторической Черной Кумании, подобно заднепровским (Приднестровье и Приднепровье) команам (см. ниже Боняк) Белой Кумании, булгарского этнического элемента, на что, возможно, указывают и варианты имени Сырчана, отразившиеся в древнерусских источниках: СЪРЧАН~САРЧАН~САРЪЧАН [Баскаков 1985: 89], но при допущении отражения в них редукции широкого а > у(ь), подобно булгаризмам венгерского языка [Сравн.-ист. гр. ТЯ 2002: 255]. Кроме того, былинное прозвище Тугарина неверного «Задолище», которое коррелирует с древнекумыкским обозначением «Издолище» заднепровского хана Боняка (см. ниже), указывает, возможно, и на его более древнее «задонское» происхождение [Гусейнов 2010б: 52].

4. Куманские булгаризмы, усвоенные через огузское посредство

К ним относится имя предводителя днепровских половцев Боняк (коман) (в русских источниках с 1096 по 1113 гг.), контролировавшего земли от Днепра до Буга и даже до Днестра [Плетнева 1990: 52], которое обнаружива-

ет непосредственную близость к совпадающему с архетипом тат. мишар. *bōn'* 'шея' с более поздней модификацией **mōn'* [ЭСТЯ 1978: 180, 181] + уменьшительный аффикс *-ak* [Щербак 1977: 101]. Его собственно болгарский вариант отразился, по всей видимости, в византийских источниках (1090 г.), в которых он известен как *Maniak* [Баскаков 1985: 83]. В нем *-ni-* может передавать соответственно мягкий *-n'*-(ср. кум. прозвищное *Bonij*) < пратюрк. **boj(u)n'* > чув. *mъ j, mъ jj* — 'шея' [Сравн.-ист. гр. ТЯ 2006: 40], анлаутный *m-* — результат позиционной назализации начального *b-* по огузскому (азербайджанскому) типу [Дыбо 2007: 40], так как Анна Комнина, именуя Боняка Маниак, указывает, что язык куманов тот же, что и у печенегов. Это дает основание С.А. Плетневой полагать, что «у куманов мог быть общепринят печенежский язык, поскольку... в западные орды влилось много печенежского населения» [Плетнева 1990: 72].

На возможность (о)гузского происхождения имени Маниак указывает и вышеупомянутое прозвище Боняка — Издолище, известное в русском фольклоре. Оно могло иметь древнекумыкский источник и возведено в этом случае к упоминаемому в кумыкских героических песнях-йырах названию р. Дон — Анадол (досл. 'мать Дон/Дол'), т. е. 'из (с) Дона', так как переход *-n > -l* известен кумыкским диалектам [Гусейнов 2010б: 52]. Неслучайно, видимо, Куманам из имен погибших в 1103 г. князей, относящихся к группировке Боняка [Плетнева 1990: 45], соотносят с Куман [Баскаков 1985: 86].

5. Антропоним болгарского или собственно кыпчакского происхождения, получивший отражение в историческом источнике

Название рода (орды) Бурчевичей, занимавшей господствующее положение в Приднепровском [Энци. Сл. о полку Игор. 1995: 1] или Донецком [Баскаков 1985: 82] регионе, известно в летописном контексте «Слова о полку Игореве». Оно, как и Андж-оглы, относится к числу кыпчакских племен, впервые упомянуто в форме Бурджоглы в летописи, составленной при мамлюкском эмире Бейбарсе (1260–1277) [Ушницкий 2009: 46], относившемся к этому роду. Этот патроним обычно отождествляется либо с апеллятивом *burč, burdž, burc, bürc, bürdž, burš, bürš* 'башня, цитадель', либо с тюрк. *bürčü, bürče, bürči, bürsä, birce, bürsö, börgö* 'блоха', поддерживаемым древнеуйгурским антропонимом *Bürčij* [Гаркавец 2010: 75].

Специальное рассмотрение истории взаимоотношений кум. ист. Бюрчбий 'блоха-князь, или князь блох', которые жили, по преданиям, в области распространения северного кумыкского диалекта — хасавюртовского [Гусейнов 2002–2003: 36–37], и названий средневековых египетских правящих мамлюкских династий Бахритов и Бурджитов позволило придти к выводу,

что последние имеют древнее кумыкско-карачаево-балкарское происхождение периода их северокавказской общности [Гусейнов 2013а].

Вместе с тем не исключено формирование этого рода на болгарском (ввиду отмеченных вариантов его локализации в Приднепровье или на Донце — исторических пределах Белой и Черной Кумании) этническом субстрате. Ср. передачу в древнерусских источниках с анлаутным *-q > -χ и редуцированным до нуля ауслаутным *-q, характерным для болгаризмов венгерского языка [Сравн.-ист. гр. ТЯ 2002: 693], имени одного из относящихся к Бурчевичам героев «Слова о полку Игореве» ГЗАК: КЪЗА~ХОЗ~КОЗА~ГЗА~ИЗАЙ БИЛЮКОВИЧ (1169, 1185, 1193 гг.) [Баскаков 1985: 83]. При этом варианты с инлаутным -о- могут отражать прояснившийся -*Ъ-, который следует признать в этом случае первичным, но при неясности отвечающего ему этимологического гласного.

6. Лексические формы болгарского и огузских языков, получившие отражение в исторических источниках

Упомянутое в «Повести временных лет» под 1022 г. имя касожского предводителя РЕДЕДЯ, ибо они, по данным Ал-Масуди, не желали «назначить царя, чтобы он правил ими» [Алемань 2003: 350], может представлять собой метатезный в первой части вариант присущего огузским (азерб. *är*, туркм. *ä:r* ‘мужчина’, ‘муж’) языкам апеллятива праторкского характера [Сравн.-ист. гр. ТЯ 2001: 661] + нарицательное общемятурк. *дәде*, дидей ‘отец’, известный в первой форме главным образом огузским языкам [ЭСТЯ 1980: 212], т. е. ‘муж-отец’ (‘вождь’). Последний компонент, возможно, входит в первую часть настенной надписи (граффити) XII в. № 149 в киевской Софии, в которой автор называет себя *ДАДИЛЬЦЕ КАСОЖ-ИЧЬ ТЪМ[О]УТОРО[КА](НЬЦЬ)* [Зализняк 2008: 213 прим. 41]. *КАСОЖ-ИЧЬ* восходит к этнониму КАСОГЪ, традиционно отождествляемому с адыгами и упоминаемому в «Повести временных лет» в связи с событиями 965 г., связанными с древнерусским Тмутараканским княжеством на Западном Предкавказье и имеет болгарское происхождение [Гусейнов 2010а: 54], как и эндоэтноним адыг [Гусейнов 2013б: 64–65], *ДАДИЛЬЦЕ* может представлять собой при допущении вставочного -ль- (древне)русский уменьшительно-ласкательный суффикс -ец(е), выступающий после сочетаний «согласная +j|» или мягкая сонорная» [Русск. грам. 1980: 1, 211–212]. Тем более, что в этом храме уже было обнаружено тюрко(огузско)-славянское двуязычное граффити более раннего — XI в. — времени, принадлежавшее огузам-торкам, черным клобукам — союзникам Киевской Руси [Прицак 1988].

Мнение об адыгском происхождении антропонима РЕДЕДЯ было впервые высказано Ш. Бекмурзиным-Ногмовым — автором «Истории Адыгей-

ского народа», но, как было отмечено Н.С. Трубецким, «весь рассказ был сочинен автором книги, за исключением припева, являющегося искажением припева адыгейских свадебных песен — “Уоредэ”». Последний обнаруживает сходство с припевом русских свадебных песен — «Уредеди», «Уряди» и алтайских — «*ойрыд*» [Энци. Сл. о полку Игор. 1995: 4].

Однако, как полагал А.К. Шагиров, вышеупомянутый адыгский свадебный рефрен «никакого отношения к имени летописного Редеди, разумеется, не имеет <...> источником заимствования для русских свадебных песен послужила адыгская свадебная песня, а сходство с алт. *ойрыд* носит случайный характер ввиду междометного происхождения обоих слов» [Шагиров 1973: 368, 371]. Недостаточно убедительным был признан и другой вариант адыгской фольклорной интерпретации соответствующих событий [Виноградов 2002].

7. Древний кыпчакизм, получивший отражение в историческом источнике

Его упоминание связано с первым приходом в 1055 г. половцев, название которых понимается, подобно этнонимам куман и кумык, не на основе цветового признака, но могло быть получено в результате лабиализации из **полевец* (< поле) не ранее XII в. [Гусейнов 2010а: 62]. Поэтому, как полагают, речь идет о приходе на Русь кыпчаков. Об этом говорит имя их предводителя БЛУШ < общетюрк. **bulu* — ‘плотно обволакивать атмосферу (о тумане)’, ‘охватывать’ (>*булут* ‘облако’ [ЭСТЯ 1978: 263–264]) + кум., к.-балк., куман. аффикс *-ш* [Щербак 1977: 163–164; Хабичев 1971: 143] с характерной для кыпчакских, в т. ч. карачаево-балкарского, ногайского и терского (северного) диалекта кумыкского [Гаджиева 1979: 13–14], языков редуцией гласного *-и-* первого слога [Щербак 1970: 63]. Другой вариант этимона (из др.-русск. БОЛУШ ‘помощь’ [Баскаков 1985: 83]) при допущении прояснения редуцированного в исходном *БЪЛУШ, который может отражать кыпчакское произношение этого слова с редуцированным гласным *-и-* первого слога [Щербак 1970: 63].

Оно наблюдается также в карачаево-балкарском, ногайском языках и терском (северном) диалекте кумыкского [Гаджиева 1979: 13–14]. Тот же характерный для кыпчакских языков процесс редукции гласного *-и-* первого слога мог иметь место и в имени представителя орды Бурчевичей — Аклан, которое возводится к *aq* ‘белый, честный’+ *ulan* ‘юноша, мальчик’ [Баскаков 1985: 80].

Рассмотренные лексические факты являются документированными по большей части свидетельствами дозолотоордынской истории ареальных взаимоотношений древнерусского и северокавказских тюркских языков, главным образом, в лице кумыкского. Немаловажно и то, что относящаяся к ней и проанализированная в предшествующем изложении булгарская и средневе-

ковая тюркская ономастика и этнонимика в подавляющем большинстве случаев документирована и получила отражение в памятниках не только древнерусского, но и отчасти кумыкского языка. Дальнейшее изучение соответствующих связей может составить предмет специального исследования.

Литература

- Алемань 2003 — *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых источниках. — М., 2003.
- Алиев 2001 — *Алиев К.М.* Таргу–Наме. Лексикон. — Махачкала, 2001.
- Алиева 2008 — *Алиева З.И.* Формирование карачаево-балкарских имен // Вестник РУДН. Серия Лингвистика — 2008. — № 1. — С. 66–74.
- Баскаков 1985 — *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». — М., 1985.
- Бошкович 1984 — *Бошкович Р.* Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. — М., 1984.
- Бубенок 2010 — *Бубенок О.Б.* Термин *strava* в «Гетике» Иордана (к вопросу о семантике и происхождении слова) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 2010. — Вып. XVI. — С. 376–398.
- Виноградов 2002 — *Виноградов В.Б.* Тмутаракано-касожские связи в фольклорном отражении // Сборник Русского исторического общества. От Тмутаракани до Тамани. — М., 2002. — № 4 (152). — С. 179–182.
- Гаджиева 1979 — *Гаджиева Н.З.* Тюркоязычные ареалы Кавказа. — М., 1979.
- Гаплогруппа_L_(Y-ДНК) // [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_L_\(Y-ДНК\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_L_(Y-ДНК)) (дата обращения 10.09.2017).
- Гаркавец 2010 — *Гаркавец А.Н.* Бейбарс (619–676/1222–1277) // Вопросы тюркологии. — М., 2010. — С. 64–104.
- Гусейнов 2002–2003 — *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Об ойкониме Анжи // Вести Кумыкского научно-культурного общества. — Махачкала, 2002–2003. — Вып. 8–10. — С. 36–39.
- Гусейнов 2010a — *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. — Махачкала, 2010 (а).
- Гусейнов 2010б — *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Антропонимика русских былин в контексте ее древних отношений с тюркскими языками Северо-Восточного Кавказа // Материалы Международной научной конференции «Проблемы общей и региональной ономастики». — Майкоп, 2010. — С. 52–56 (б).
- Гусейнов 2013a — *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Кумыкские Бурчэбии и мамлюки Египта // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...). — Казань, 2013. — С. 175–185 (а).
- Гусейнов 2013б — *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Об области первоначального расселения протоболгар и происхождении их названия по историко-лингвистическим данным // *Academie bulgare des sciences.Linguistique balkanique.* — София. L II (2013), 2–3. — С. 59–71 (б).
- Гусейнов 2014a — *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Об этноязыковой принадлежности восточно-кавказских гуннов (хонов) // Материалы Международной научной конференции «Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве». — Махачкала, 2014. — С. 100–101(а).
- Гусейнов 2014б — *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Сравнительный анализ булгаризмов языков венгерского, Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в историко-этимологическом и ареальном контексте // Российская тюркология. — 2014. — № 2 (11). — С. 20–26 (б).
- Гусейнов 2015 — *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Некоторые языковые и фольклорные материалы к вопросу о переднеазиатской прародине тюркских народов в контексте проблемы кумыкского лингвоэтногенеза // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (V Бодуэновские чтения). Труды и материалы. — Казань, 2015. — Т. 2. — С. 89–92.

- Гусейнов, Мугумова 2015 — *Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л.* Некоторые проблемы истории русского языка в трудах А.А. Шахматова в контекстах его древних и раннесредневековых взаимоотношений с тюркскими (булгарскими) языками: ареальный и историко-этимологический аспекты // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. — СПб., 2015. — С. 375–382.
- Дибирова 2011 — *Дибирова Х.Д.* Роль географической подразделенности и лингвистического родства в формировании генетического разнообразия населения Кавказа (по данным об Y хромосоме): автореф. дис....канд. биол. наук. — М., 2011.
- Добродомов 1966 — *Добродомов И.Г.* История лексики тюркского происхождения в русском языке (на материале «Повести временных лет»): автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 1966.
- Добродомов 1974 — *Добродомов И.Г.* Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках: автореф. дис.... докт. филол. наук. — М., 1974.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
- Дыбо 2007 — *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. — М., 2007.
- Дыбо 2009 — *Дыбо А.В.* Булгары и славяне: фонетические явления в ранних заимствованиях // К 60-летию А.Ф. Журавлева. — М., 2009. — С. 56–84.
- Дыбо 2010 — *Дыбо А.В.* Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen.* — Hamburg, 2010. — Band 32/33.– Ss. 71–120.
- Зализняк 2008 — *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста.– М., 2008.
- Климов 1964 — *Климов Г.А.* Этимологический словарь картвельских языков. — М., 1964.
- Коев 1969 — *Коев И.* Следы быта и языка праболгар в болгарской народной культуре // Уч. зап. НИИ при Совете министров Чувашской АССР. — Чебоксары, 1969. — Вып. 47. — С. 204–210.
- Мавродина 1983 — *Мавродина Р.М.* Киевская Русь и кочевники. — Л., 1983.
- Мудрак 2005 — *Мудрак О.А.* Заметки о языке и культуре дунайских булгар // *Orientalia et Classica.* Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Аспекты компаративистики. — М., 2005. — Вып. VI. — С. 83–103.
- Плетнева 1990 — *Плетнева С.А.* Половцы.– М., 1990.
- Прицак 1988 — *Прицак О.И.* Тюрко-славянское двуязычное граффити XI столетия из собора св. Софии в Киеве // Вопросы языкознания. — 1988. — № 2. — С. 49–61.
- Раджабов 2017 — *Раджабов М.О.* генетическое освещение некоторых темных вопросов этнических историй коренных народов Дагестана // Четвертые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти Р.М. Магомедова. — Махачкала, 2017. — С. 12–14.
- Рона-Таш 2005 — *Рона-Таш А.* Хазары и мадьяры // Евреи и славяне. Хазары. — Иерусалим–М., 2005. — С. 111–124.
- Русск. грам. 1980 — Русская грамматика. — М., 1980. — Т. I.
- Семенов 2017 — *Семенов И.Г.* К этногенезу кавказских и европейских гуннов // Четвертые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти Р.М. Магомедова. — Махачкала, 2017. — С. 219–222.
- Сравн.-ист. гр. ТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 2001.
- Сравн.-ист. гр. ТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 2002.
- Сравн.-ист. гр. ТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 2006.
- Трубачев 2003 — *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. — М., 2003.
- Ушницкий 2009 — *Ушницкий В.В.* Средневековые народы Центральной Азии (Вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен). — Казань, 2009.

- Хабичев 1971 — *Хабичев М.А.* Карачаево-балкарское именное словообразование. — Черкесск, 1971.
- Хазиева 2007 — *Хазиева Г.С.* Историко-лингвистический анализ татарских мужских личных имен: автореф. дисс...канд. филол. наук. — Казань, 2007.
- Шагиров 1973 — *Шагиров А.К.* Этимологический разбор кабардинской песенной фразы *уэрей-дэ рейдэ оу* (или *у-э-э) редэдэ махуэ* // *Этимология* 1971. — М., 1973. — С. 368–371.
- Шихсаидов и др. 1993 — *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. — М., 1993.
- Щербак 1970 — *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., 1970.
- Щербак 1977 — *Щербак А.М.* Сравнительная морфология тюркских языков. — М., 1977.
- Щербак 1981 — *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. — Л., 1981.
- Энци. Сл. О полку Игор. 1995 — *Энциклопедия «Слова о полку Игореве».* — СПб., 1995. — Т. 1–5. // <http://www.feb-web.ru/slovenec/es/default.asp> (дата обращения 10.09.2017).
- ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1974.
- ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1978.
- ЭСТЯ 1980 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1980.
- ЭСТЯ 2003 — *Этимологический словарь тюркских языков.* — М., 2003.
- Юнусбаев 2006 — *Юнусбаев Б.Б.* Популяционно-генетическое исследование народов Дагестана по данным о полиморфизме Y-хромосомы и ALU-инсерций: автореф. дисс...канд. биол. наук. — Уфа, 2006.
- Chechen-Noahche DNA Project // <https://www.familytreedna.com/public/chechen-noahcho/default.aspx?section=yresults> (дата обращения 12.09.2017).

G.-R.A.-K. Guseynov, Makhachkala

Bulgar and medieval Turkic onomastics and ethnonymics in historical context of ancient areal relationships of Slavic and North Caucasian Turkic languages

Summary: The article considers the Bulgar and the medieval Turkic onomastics and ethnonymics, which have been reflected in the Old Russian language and ascend to the North Caucasian Turkic (mainly Kumyk) languages. The analysis is conducted in historical, etymological and areal aspects.

Key words: Turkic languages, Slavic languages, Kumyk language, Old Russian language, onomastics, ethnonymics, areal aspect, historical and etymological aspect

Сведения об авторе

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович — д.ф.н., профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета; e-mail: garun48@mail.ru

Information about the author

Garun-Rashid Guseynov — Ph.D. in philology, Professor of Department of Russian language, Daghestan State University; e-mail: garun48@mail.ru

М.Э. ДУБРОВИНА, г. Санкт-Петербург

**О синхронических и диахронических явлениях в языке
(на примере турецких форм с показателями *-dik* и *-diđi*)**

Резюме: Анализ турецкой речи дает основания предположить, что в этом языке имеют место две различные морфологические формы — форма *-dik* и форма *-diđi*. С первого взгляда может показаться, что обе эти формы носитель языка свободно производит в момент разговора, руководствуясь известными ему правилами словоизменения. Однако исследования, основанные на синхроническом и диахроническом методах лингвистического анализа, позволяют заключить, что в синхронии турецкого языка словоформы с показателем *-dik*, употребленные без аффикса принадлежности, не являются продуктивными средствами. Такие словоформы представляют собой либо уже ставшие самостоятельными слова, лексикализовавшиеся образования, либо архаичные средства, которые коммуникант извлекает из своей памяти уже готовыми, не производя их в момент высказывания.

Ключевые слова: предложения с развернутыми компонентами в турецком языке, глагольные имена в турецком языке, причастия в турецком языке

Некотрые исследователи, занимающиеся турецким языком, высказывают мнение, согласно которому в этом языке выделяется две формы с идентичным показателем: форма *-dik*, употребляющаяся в речи без аффикса принадлежности, и форма *-dik* с аффиксом принадлежности. В соответствии с указанным представлением, морфологическая форма *-dik* без аффикса принадлежности входит в категорию причастий вместе с формами *-(y)an*, *-miđ* и т. д. [Щека 2007: 284], а форма *-dik* с аффиксом принадлежности относится к сфере синтаксиса, т. е. представляет собой некий «развернутый компонент». Другими словами, когда речь идет о словоформах, которые образуются при помощи *-dik* без аффикса принадлежности, имеются в виду такие, как *beklenmedik*, между тем, как словоформы, типа *piřirdiđimiz*, *yazdıđım*

и т. д. выносятся за пределы морфологии в область синтаксиса. Столкнувшись с подобной позицией, автор статьи задумался, насколько правомерно, во-первых, отделять форму *-dik* от формы *-diği* и включать их в разные словоизменительные категории, а, во-вторых, если и обнаруживать в речи словоформы с показателем *-dik*, употребленные без аффикса принадлежности, то считать их продуктивными словоизменительными образованиями.

Прежде всего, необходимо указать на то, что в основе таких предположений явно лежит «упрощение», причиной которого является, по-видимому, некий лингвистический позитивизм, опирающийся, в основном, на смысл этих словоформ в переводе/интерпретации на европейские языки, прежде всего, на русский. При всем желании автору настоящей статьи не удается обнаружить какие-либо иные факторы для подобных выводов. Действительно, слова типа *beklenmedik* легко переводятся на русский язык одним словом ‘неожиданный’, словоформы же типа *pişirdiğimiz* и т. д. не находят легкого перевода, ведь соответствием им становится целое предикативное словосочетание ‘который мы приготовили’. Однако в отечественном тюркском языкознании неоднократно высказывались мнения об ошибочности позитивистского подхода к анализу языкового материала. В настоящем исследовании под лингвистическим позитивизмом вслед за В.Г. Гузевым понимается ограничение лингвистами своего исследования «лишь систематизацией и обобщением наблюдаемых в речи фактов и отказ от стремления проникнуть в скрытый от прямого наблюдения языковой механизм» [Гузев 2015: 35]. Занимаясь обработкой текстового материала, созданного на новом, неизвестном исследователю языке, необходимо помнить о том, что перед ним только результат устной или письменной речевой деятельности, т. е. **«речь» коммуниканта**, посредством которой он стремится выразить определенное мыслительное содержание (смысл), и для такого выражения использует определенные языковые средства. Исходя же из практически общепризнанного разделения понятий «язык» и «речь», введенного в научный обиход И.А. Бодуэном де Куртене и Ф. де Соссюром, исследователь должен стремиться к тому, чтобы на основании многочисленных и в каждом случае конкретных речевых фактов, прийти к обобщенной модели, пребывающей в языковой системе. Фактически язык — это некий находящийся в психике индивида механизм, который предназначен для обеспечения коммуникации [Мельников 1977: 227]. Говоря «предназначенный для обеспечения коммуникации», автор подразумевает, что языковой механизм и все его составляющие (как подсистемы, так и все их единицы) возникли для того, чтобы быть средствами, с помощью которых человек получает возможность передать другому человеку все то, что он хочет, т. е. все, что возникает в его мышлении. В нашем понимании, все то, что человек передает вербальным путем, является смыслом (мыслительным содержанием), однако для того, чтобы быть переданным другому человеку данное мыслительное содержание подвергается кодировке, в которой участвуют

языковые единицы (фонемы, морфемы, лексемы). В подобном разделении функций и видится собственно различие языка и речи. Язык — это механизм, обладающий специальными средствами для кодировки и декодировки смыслов, поставляемых человеческим мышлением, тогда как речь — это материальный результат подобной операции, цепочка материальных знаков, несущих некий заданный смысл. Под материальным в данном случае понимается «воспринимаемый» визуальным или слуховым органами чувств.

Анализируя турецкую речь, исследователь наталкивается на естественный вопрос: действительно ли в современном турецком языке существуют две разные морфологические формы *-dik* — одна с аффиксом принадлежности, а другая — без него? Ответить на него можно только путем проникновения в глубь самой тюркской языковой системы, опираясь на достижения предшествующих исследований, в том числе и в области сравнительно-исторического языкознания.

Одним из аспектов сравнительно-исторического метода является изучение синхронных срезов, засвидетельствованных в живых языках или памятниках. Однако, как писал С.Н. Иванов, «каждый синхронный срез представляет собой совокупность данных, свидетельствующих не только о фиксируемой структуре языка, но также и о предшествующих его состояниях» [Иванов 1973: 9]. Следовательно, те средства, которыми пользуется говорящий на современном турецком языке, по своей продуктивности и производительности могут относиться к разным этапам становления языка, кроме того многие из них могут восприниматься системой уже как устаревшие, архаичные формы.

Одним из путей при определении статуса (лексического/морфологического) той или иной формы в синхронии языка является рассмотрение того, как данная форма функционировала в предшествующих языковых срезах. Если мы обратимся к древнетюркским памятникам рунической письменности, то уже в них мы сможем встретить форму с показателем *-dik*:

1. *Kağanym bän özüm(1) bilgä Toñuquq ötüntük(2) ötünç+im (POSS.1SG) +in (ACC) (3) äsidü bärtil (Tq, 15)*. ‘Мой каган выслушал просьбу, которую **испросил** я, мудрый Тоньюк’.

В этом примере аффикс *-tük*, соотносимый с турецким показателем *-dik*, употреблен без аффикса принадлежности. Является ли этот факт подтверждением идеи о том, что в турецком языке существует самостоятельная форма *-dik*, которая в случае употребления без аффикса принадлежности входит в категорию причастий? На наш взгляд, едва ли. Синхрония языка древнетюркских рунических памятников (далее — язык ДТРП) демонстрирует регулярное употребление этой формы в речи в виде словоформ с аналогичным показателем, **лишенных притяжательного аффикса**. Подобное употребление согласуется с нормами того времени, которые регулируют правила употребления глагольно-именных форм в атрибутивной позиции. Отсутствие аффик-

са принадлежности наблюдается и в случае употребления формы с показателем *-муš*. Необходимо отметить, что в языке ДТРП форма *-дыq* и форма *-муš* представляют собой глагольно-именные формы с близкими функциями, одна из которых — выступать в качестве глагольных атрибутивов.

2. *Anča kazganmyš(1) itmis(2) ilimiz törümüz ärti* (Kt, 22). ‘Таким был племенной союз, **приобретенный** нами, и закон (власть), нами **созданный**’.

В первом примере в качестве атрибутивного словосочетания выступает конструкция, состоящая из трех компонентов:

bän özüm(1) ötüntük(2) ötünč+im (POSS.ISG) ‘букв. я сам(1) испрошенная(2) просьба+моя(3)’.

Во втором примере присутствуют два словосочетания, каждое из двух компонентов:

Kazgan+myš(1) il+imiz(POSS.IPL)(2) ‘букв.: который приобретен(1) племенной союз+наш(2)’,

It+mis(1) törü+miz (POSS.IPL)(2) ‘букв. который создан(1) закон+наш(2)’.

Систематизируя фактический материал древнетюркских языков, можно заключить, что атрибутивные конструкции с глагольно-именными формами образовывались в речи по определенной схеме:

субъект действия(1) + глагольная форма(2) + определяемый предмет (снабженный аффиксом принадлежности)(3)

Однако по схожей схеме до сих пор образуются аналогичные конструкции и в некоторых современных тюркских языках, например, в якутском. В этом языке повсеместно продолжает употребляться конструкция, в которой глагольно-именная форма лишена аффикса принадлежности, ибо он присоединяется к определяемому слову.

3. *Мин(1) суруйбут(2) киһим(3)*
‘я(1)+написанный/писавший(2)+человек+мой(3)’.

Здесь также необходимо сделать оговорку, что якутская форма *-быт* функционально тождественна турецкой форме *-dik*, древнетюркским формам *-дыq* и *-муš*. Вследствие чего выводы относительно функционирования одной из этих форм могут распространяться и на функционирование всех перечисленных.

Е.И. Убрятова, анализируя приведенное выше высказывание, приводит два различных его перевода: 1) ‘мой написавший человек’; 2) ‘человек, которому я написал’ [Убрятова 1950: 45].

Эти факты вновь позволяют говорить о существовании некоей близости якутского языка к языку ДТРП, однако важным основанием подобной близости является то, что якутский язык до сегодняшнего времени продолжает сохранять структуру, максимально приближенную к структурам древних языков. Но если в якутском языке такая конструкция продолжает отражать **синхронное** состояние языковой системы, то для турецкого языка подобные явления, бесспорно, уже потеряли статус живого продуктивного средства и стали восприниматься как архаичные.

Тем не менее, причины для построения таких конструкций коренятся в чем-то общем, очевидно, в каком-то универсальном законе. Одним из лингвистов, который пытался проникнуть в суть таких общих универсальных законов тюркских языков, был Г.П. Мельников (1928–2000). Согласно одной из его гипотез, устройство тюркских языков таково, что, несмотря на наличие морфологических показателей, ведущим грамматическим способом в речи является безаффиксное соположение. Именно посредством соположения в речи выражаются, прежде всего, атрибутивные отношения, причем конструкции могут состоять как из двух, так и из трех слов. В примере *bän özüm ötüntük ötünčim* четыре слова, однако, логических компонентов — три, и можно предположить, что это словосочетание «вырастает» из исконно безаффиксного сочетания трех слов.

1. Производитель действия — *bän* ‘я’

2. Глагольная форма-атрибутив — *ötüntük* ‘которую просят, которая испрошена’

3. Определяемое слово — *ötünč* ‘просьба’

Тем не менее, уже на стадии языка ДТРП и близкого ему по структуре якутского языка подобная конструкция претерпевает изменение и усложняется. Чем вызваны эти изменения? Как известно, любой язык — это адаптивная система, которая стремится к максимально эффективному выполнению своей основной функции — передачи информации. Автор полностью разделяет убеждения тех лингвистов, для которых синхрония и диахрония в языке составляют тесно связанные и зачастую неотделимые друг от друга явления. По мнению Р. Якобсона, не очень верно отождествлять синхронию и статику, как это делал Ф. де Соссюр: поскольку язык определяется как объект, статический по своей природе. Динамика рассматривается как неотъемлемое свойство языка в любой момент его существования, в том числе и в его синхронии [ЛЭС 1990: 451]. При характеристике синхронного состояния языка необходимо указывать на «слабые» и «сильные» звенья в системе, на утрачиваемое в системе и только зарождающееся, на ядро и периферию [ЛЭС 1990: 452].

Таким образом, вследствие естественного развития языков происходит постепенное усложнение рассматриваемой конструкции: появляется необходимость связать имеющиеся компоненты морфологически, дабы избежать

многозначности или непонимания. В качестве такого связующего элемента начинает использоваться аффикс принадлежности, который сначала занимает свою естественную позицию — у определяемого слова (объекта в притяжательной связи). Так, по нашему мнению, возникает следующая в диахроническом ряду конструкция: *мин суруйбут кихи+м*.

Форма принадлежности является средством сигнализации о такой соотнесенности двух предметов, которая истолкована говорящим как притяжательная. Однако на практике, в речи, функции средств притяжательности нередко выходят за рамки выражения собственно притяжательной связи. Аффиксы принадлежности в сочетании с глагольными формами, выступающими в определительной функции, взяли на себя по сути роль передачи логического субъекта действия. То есть ‘мой «написанный» человек’ постепенно превращается в ‘человек, которому написал я’.

Но в современном турецком языке рассматриваемая атрибутивная конструкция с глагольной формой получила дальнейшее развитие. Конструкция, взятая за образец *мин суруйбут кихим*, в современном турецком языке выглядела бы так:

мин+GEN(1) суруйбут+POSS.ISG(2) кихи(3)
 ‘букв. мой(1) которому написал я(2) человек(3)’.

Что изменилось в современном турецком языке по сравнению с древнетюркским или якутским языками? Во-первых, возникает и начинает регулярно использоваться родительный падеж, который также позволяет уточнить, конкретизировать передаваемую семантику (вместо ‘я’ употребляется форма обладателя ‘мой’). Во-вторых, аффикс принадлежности перемещается от определяемого слова непосредственно к самой глагольной форме, что повышает его эффективность, так как происходит сужение выражаемого смысла (знак, указывающий на производителя действия, употребляется непосредственно с глагольной формой, выражающей это действие). Другими словами, современная турецкая форма *-diği* — это диахронический вариант, следующий за формой *-dik* в речевых высказываниях.

Таким образом, автор, обобщив факты употребления формы *-dik* и аналогичных ей глагольно-именных форм в языке руники, в якутском и современном турецком языках, предлагает некий диахронический ряд, демонстрирующий порядок возникновения и стадии развития рассматриваемых атрибутивных конструкций:

1. *bän ötüntük ötünč*
2. *bän ötüntük ötünč + POSS.ISG*
3. *bän+ GEN ötüntük ötünč + POSS.ISG*
4. *bän+ GEN ötüntük+ POSS.ISG ötünč*

Проведенное исследование дает возможность сделать следующие заключения:

Во-первых, в современном турецком языке нет оснований для того, чтобы выделять две омонимичные словоизменительные формы, входящие в две разные категории — форму *-dik* и форму *-diği*, т. к. диахронически это одна и та же форма.

Во-вторых, для синхронного состояния литературного турецкого языка производительным является только тот вариант, когда в атрибутивных конструкциях форма *-dik* используется с аффиксом принадлежности. В современном языке форма *-dik* без аффикса принадлежности едва ли представляет собой словоизменительную форму. Она или подвергается лексикализации, как в случае со словом *beklenmedik* и становится самостоятельным словом, который входит в словарь, или употребляется в застывших словосочетаниях, типа *oturduk yer*, которые в синхронии языка воспринимаются уже как **реликтовые**.

4. *Acaba açıklayabilir miydi, neden böyle hiç **olmadık** anlarda zihninin ve benliğinin kapkara endişe bulutlarının etkisi altında kaldığını? (EŞ A 59)* ‘Интересно, она смогла бы объяснить, почему в такие **ничего не значащие** мгновения ее сознание и личность находятся под влиянием черных туч беспокойства?’

5. *Dosdoğru bana doğru yürüdü, kulağıma fısıldayarak **beklenmedik** bir misafirimiz olduğunu haber verdi (EŞ A 65)*. ‘Он направился прямо ко мне и, прошептав на ухо, сообщил, что у нас **нежданные** гости’.

6. *Kıskançlığıyla baş edemeyen Onur, Şehrazat için **umulmadık** bir yola başvurur* (из аннотации к фильму «*Bin bir gece*»). ‘Онур, будучи не в состоянии справиться со своей ревностью, обращается к **неожиданному** для Шехразад способу поведения’.

В-третьих, на современном синхронном этапе турецкого языка, нормативными (продуктивными и производительными) являются словоформы, в которых показатель *-dik* сочетается с аффиксом принадлежности. В связи с этим, форму *-diği* (*-dik*+POSS) необходимо трактовать как словоизменительную форму, входящую в категорию глагольно-именных форм, т. е. в качестве морфологического, а не синтаксического средства, точно так же, как и любую другую глагольно-именную форму, типа причастий.

7. *Ancak hiç beklemediği bir şekilde karşısına Zahara'nın kişisel web sitesi çıktı (EŞ A 65)*. ‘Однако совсем неожиданным для нее образом (букв.: образом, **который она совсем не ждала**), перед ней появилась личная веб-страница Захары’.

Все приведенные выводы правомерны и для глагольно-именной формы с показателем *-(y)acak*. Как демонстрирует фактический материал, форма *-(y)acak* без аффикса принадлежности продолжает употребляться в застывших конструкциях, которые, по мнению автора, представляют собой синтаксические реликты, т. к. отражают один из указанных архаичных этапов в истории развития рассматриваемых атрибутивных словосочетаний:

8. *Okuyacak bir şeyim yok* (хрестоматийный пример). ‘Мне нечего читать’.

В современном турецком языке существуют реликтовые формы, относящиеся к предшествующим периодам развития языка. Здесь позволительно говорить о синтаксических архаичных словосочетаниях, в которых словоформы *-dik* и зачастую *-(y)acak* употребляются без аффиксов принадлежности. Вследствие того, что формы внутри этих конструкций не являются продуктивными словоизменительными формами, их свойства уже не отражают текущего состояния языковой системы, и не могут быть привлечены в качестве оснований для лингвистического анализа текущего (синхронного) состояния языка и различных выводов относительно него.

ГЛОССЫ

POSS.1SG — показатель принадлежности 1 л. ед. ч.

POSS.1PL — показатель принадлежности 1 л. мн. ч.

Сокращения

EŞ A — Şafak Elif. Aşk. — İstanbul, 2014.

Литература

Гузев 2015 — Гузев В.Г. К вопросу о неискоренимости лингвистического позитивизма и о структурных единицах синтаксиса // *Alkış bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov*. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова. — М., 2015. — С. 35–41.

Иванов 1973 — Иванов С.Н. О сохранении в строе языка его прежних состояний // *Советская тюркология*. — 1973. — № 6. — С. 9–16.

ЛЭС 1990 — *Лингвистический энциклопедический словарь*. / Ред. Ярцева В.Н. — М., 1990.

Мельников 1977 — Мельников Г.П. Язык и речь с позиций системной лингвистики // *Язык и речь*. — 1977. — С. 201–243.

Убрятова 1950 — Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. I. Простое предложение. — М.–Л., 1950.

Щека 2007 — Щека Ю.В. Практическая грамматика турецкого языка. — М., 2007.

Margarita Dubrovina, Saint-Petersburg

**Upon the issue of synchronic and diachronic phenomena in language
(a study of Turkish forms with *-dik* and *-diği*)**

Summary: The analysis of Turkish speech suggests that there are two different morphological forms in this language — a *-dik* form and a *-diği* form. At first glance it may seem that both of these forms are freely produced by native speakers at the time of the conversation, guided by known rules of grammar. However, studies based on diachronic and synchronic methods of linguistic analysis allow to conclude that in the synchrony of the Turkish language word forms with the *-dik* index used without an affix of belonging, are not productive. Such word forms are either already independent words, included in the dictionary, or archaic forms, which the communicant retrieves from his memory in a fixed form, not producing them at the time of utterance.

Keywords: detailed components of the proposal in Turkish, subordinate clause in Turkish, the verbal names in Turkish, participle in Turkish

Сведения об авторе

Дубровина Маргарита Эмильевна — к.ф.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ); e-mail: maggydu@rambler.ru

Information about the author

Margarita Dubrovina — Ph.D. in philology, Associate Professor of Saint-Petersburg State University; e-mail: maggydu@rambler.ru

А.В. ЕСИПОВА, г. Новокузнецк

**Конверсия в тюркских языках.
История вопроса.
Концепция А.А. Юлдашева**

Резюме: Проблема конверсии до сих пор относится в тюркологии к дискуссионным. Трансформация слов одной части речи в другую без участия материально выраженных морфем рассматривается А.А. Юлдашевым как словообразовательное явление конверсии, имеющее как свои закономерности, так и словообразовательные модели.

Ключевые слова: общее языкознание, тюркология, способ словообразования, конверсия, словообразовательные модели

Конверсия — это трансформация слов одной части речи в другую без участия материально выраженных морфем. В результате конверсии появляются слова разных частей речи, тождественные по форме и близкие по значению. Например, шор. *артық* ‘избыток’, *артық* ‘лишний’, *артық* ‘больше’ и т. п. Таких слов немало в разных языках, однако конверсия до сих пор неоднозначно воспринимается исследователями тюркских языков. В понятие «конверсия» вкладывается разное содержание. Одни тюркологи понимают конверсию как способ словообразования, другие — нет. А.М. Щербак вообще не признает наличие в тюркских языках конверсии. Он считает, что это явление связано с изначальным синкретизмом основ и расширенным функциональным использованием отдельных групп существительных и прилагательных [Щербак 1991: 164].

Первоначально господствовала вторая точка зрения. Одни ее представители считали конверсию функциональным явлением грамматического порядка, которое не затрагивает ни исконной категориальной принадлежности слова, ни его тождества. Другие рассматривали ее как остаточное явление бывшего синкретизма тюркских корневых морфем. Н.К. Дмитриев признавал нали-

чие в языке слов, способных употребляться в двух или трех функциях. Такие слова (прилагательно-существительные, существительно-прилагательные и т. п.) функционируют то в роли одной, то в роли другой части речи, однако принадлежат только к одной из них, которая выделяется по этимологическому признаку.

Подробный анализ точек зрения на конверсию содержится, по нашему мнению, в статье А.А. Юлдашева «Конверсия в тюркских языках и ее отражение в словарях» [Юлдашев 1970]. Автор отмечает:

1) противоречивость и недостаточную обоснованность существующих концепций;

2) избирательность в подходе к отбору фактического материала: к анализу привлекается только тот материал, который подтверждает взгляды автора, специально или произвольно игнорирующего остальной материал (или его часть), идущий с выдвигаемым постулатом вразрез;

3) некритичное отношение последователей данных направлений как к теоретическим положениям принимаемых ими концепций, так и к анализу накопленного фактического материала, содержащегося в грамматических описаниях и словарях;

4) признание лексикографами омонимии, возникшей на почве полисемии, и отрицание самой возможности нарушения тождества слова при конверсии.

Кроме того, по мнению А.А. Юлдашева, исследователи не обременяют себя критической оценкой отражения предлагаемых ими теорий в словарях. «Признание качественных преобразований слова под воздействием его функций в одних случаях и отрицание этого в аналогичных других функциях при отсутствии единства мнений по частным аспектам проблемы, а также и в целом, <...> приводит к невообразимому разнобою в лексикографировании и грамматическом описании огромного слоя лексики» [Юлдашев 1970: 75].

В 50-х гг. XX в. возникает новый взгляд на конверсию как на спонтанную лексико-грамматическую омонимию. Многие языковеды поддерживают ее, разделяя одновременно какую-либо из противоположных точек зрения. Постепенно формируется понимание конверсии как способа словообразования. По мнению А.А. Юлдашева, тюркологи относят конверсию к способам словообразования на том основании, что:

1) вопреки утверждению некоторых исследователей конверсия не идет на убыль, а наоборот, развивается, вовлекая в сферу словообразования и заимствования и производные слова;

2) как и состав производных, образованных посредством других способов словообразования, состав конверсированных слов в разных языках различен и расходится все больше и больше;

3) в числе неоспоримых омонимов, содержащихся в словарях разных типов, в том числе в специальных словарях омонимов тюркских языков, существенную часть составляют такие пары слов, как башк. *küs* ‘переселиться’, ‘перекочевывать’ : *küs* ‘рой’; *aŋra* ‘глупый’ : *aŋra* ‘глупец’; *χrom* ‘хром (наименование кожи)’ : *χrom* ‘хромовый’ (*χrom kün*), ‘хромовые сапоги’ и др., которые определенно возникли в сравнительно поздний период времени и с лексической точки зрения имеют между собой мало общего;

4) как и при любом способе словообразования, производящей основой при конверсии служит лишь строго определенный разряд слов, в связи с чем ни одна часть речи ни в одном из тюркских языков не может быть конвертирована сколько-нибудь широко и, тем более, полностью;

5) существуют модели организованной конверсии слов определенного семантического профиля [Юлдашев 1970: 76–78].

Наиболее глубоко явления конверсии исследованы, на наш взгляд, А.А. Юлдашевым; однако, как показал анализ работ по тюркскому словообразованию, тюркологи практически не опираются на разработанные автором положения. Рассматривая конверсию преимущественно на материале башкирского языка, ученый подробно описывает процессы создания слова с новым значением. Он отмечает, что приемом смены части речи «пользуются, чтобы выразить потенциально возможное, ранее не фиксировавшееся значение слова, отличное от обычных его значений, связанных с иными условиями функционирования слова» [Юлдашев 1970: 72]. Изоляцию этого, нового, значения слова обеспечивает целый ряд средств. Первостепенное значение из них имеет новая функция слова, т. е. синтаксическая позиция слова, в которой оно используется вопреки своим прежним категориальным свойствам. Новая синтаксическая позиция предполагает и новые категориальные свойства, которыми обладают слова, способные ее занимать в соответствии с существующими нормами языка. Если слово в новой функции употребляется так же регулярно, как и в своей первичной функции, то происходит закрепление данной функции за этим словом и, как следствие, отрыв слова от своих прежних функций и значений. Данное слово приобретает новые конструктивные связи, которые не совместимы с прежними связями и характеризуют по языковым нормам абсолютно другой класс слов, чем тот, к которому оно относится по происхождению. Новообразование воспринимается уже не как аналог слов, употребляющихся в данной функции на «законном» основании, но как равноправное слово, имеющее одинаковые с ними права для использования по данному синтаксическому назначению при различии лишь индивидуального лексического значения и зависящей от него сочетаемости с другими словами.

Затем новое слово начинает использоваться в остальных синтаксических позициях, характерных для данной части речи. При этом происходит и мор-

фологическое его освоение. Так, например, имена существительные, образованные от имен прилагательных, начинают изменяться по падежам, числам и принимать притяжательные аффиксы. По мере синтаксического освоения слова происходит его морфологическое освоение, не зависящее от синтаксиса. Так, прилагательное башк. *qaynar* ‘горячий’, восходящее к причастию, выступает в обеих возможных для прилагательного позициях и имеет форму интенсива, свойственную этой части речи и не закрепленную синтаксически: *qaynarayaq* ‘горячее, более горячий’.

Грамматическая адаптация слова идет параллельно с адаптацией его лексического значения к новым условиям реализации. Она тоже происходит под давлением синтаксических норм, но зависит от собственных семантических потенций слова.

Как справедливо утверждает А.А. Юлдашев, синтаксическая функция слова — это не только выполнение им роли члена предложения, но и его отношение с другими членами предложения, которые взаимодействуют с ним по местоположению, морфологическому оформлению и конструктивным свойствам в соответствии с действующими нормами словосочетания. В таком понимании синтаксическая функция слова является едва ли не основным универсальным формальным признаком отнесения слова к той или иной части речи. Если слово на равных началах регулярно выступает в рядах различных частей речи, выполняя на общих основаниях их синтаксические функции, обладая конструктивными свойствами и формами, закрепленными за данными частями речи, то нет никаких оснований считать его одной и той же частью речи [Юлдашев 1970: 74].

Тожественные слова относятся к разным частям речи, если они удовлетворяют следующим двум признакам:

1. Проявляют различные лексические значения [там же]: башк. *altin* ‘золото’ → *altin* ‘золотой’; *yäy* ‘лето’ → *yäy* ‘летний’; *uqiusi* ‘ученик’ → *uqiusi* ‘учащийся’.

2. Все факторы, способствующие осмыслению конвертированного слова и его закреплению в составе другой части речи в качестве стабильной самостоятельной лексической единицы, так или иначе действуют в совокупности и в соответствии с нормами языка, регулирующими этот процесс с самого начала до завершения. Нет конверсии как словообразовательного процесса вне реальных норм языка. Этот существенный фактор представляет собой «едва ли не основное мерило омонимии как следствия становления, формирования и развития новой семасиологической системы во главе с новым значением слова и ее постепенного размежевания, отрыва от его, слова, прежней семасиологической системы» [Юлдашев 1970: 75]. Конверсия, как и собственно лексическая омонимия, связана с разрушением тождества слова.

Конверсия охватывает только слова определенного семантического профиля и происходит по сложившимся моделям. Так, в прилагательные не могут переходить (конвертироваться) существительные с ярко выраженным предметным значением, а также абстрактные существительные. В то же время конверсия в прилагательные имен существительных, обозначающих материал, времена года, названия живых существ по свойству, носит регулярный характер [там же]. Например: башк. *balli* ‘воск’ → *balli* ‘восковой’; *bīyala* ‘стекло’ → *bīyala* ‘стеклянный’; *qış* ‘зима’ → *qış* ‘зимний’; *bala* ‘детеныш’ → *bala* ‘детский’.

Конверсия имеет осознанный организованный характер. Например, переосмысление глагольных форм на $=\langle a \rangle\check{s}$ / $=\langle e \rangle\check{s}$ перешло в сравнительно активный организованный прием создания имен типа башк. *butališ* ‘путаница’, ‘суматоха’; *talaš* ‘ссора’, ‘раздор’, ‘известный’; *tibeš* ‘биение (например, сердца)’; *totaš* ‘сплошной’, ‘слитный’, ‘соединенный’. Регулярно происходит трансформация названий лиц по свойству. Например, башк. *alyot* ‘глупец’ (от *alyot* ‘бестолковый’); *ȳärip* ‘урод’, ‘калека’ (от *ȳärip* ‘уродливый’); *ilaq* ‘плакса’ (от *ilaq* ‘плаксивый’); *yomarqay* ‘угодник’, ‘подхалим’ (от *yomarqay* ‘угодливый’); *qarun* ‘скряга’, ‘скупец’ (от *qarun* ‘жадный’, ‘скупой’); *mut* ‘хитрец’, ‘плут’ (от *mut* ‘хитрый’, ‘плутоватый’); *hulun* ‘красавец’ (от *hulun* ‘красивый’); *matur* ‘красавец’ (от *matur* ‘красивый’) и т. п. [Юлдашев 1970: 78].

В современных тюркских языках, например, в башкирском, татарском и др., существует противоположная тенденция преобразования названий лиц по свойству в название свойства: башк. *bašqort* ‘башкир’ → *bašqort* ‘башкирский’; *tatar* ‘татарин’ → *tatar* ‘татарский’; *batir* ‘герой’ → *batir* ‘храбрый’, ‘мужественный’; *došman* ‘враг’ → *došman* ‘вражеский’. По мнению А.А. Юлдашева, здесь прослеживается не единичная эволюция значений, как это наблюдаем в словах типа башк. *tuȳan* ‘родной человек’ (< *tuȳan* ‘родной, родственник’, *ber tuȳan* ‘родной по крови’ < *tuȳan* ‘родившийся’), а целенаправленный, осознанный процесс создания слов с производным значением по стереотипному образцу, минуя синтаксис. Широко используемая в тюркских языках трансформация одной части речи в другую перерастает в регулярную модель, которая регламентирует и словообразовательный процесс, и принадлежность новообразования к той или иной части речи, а это свидетельствует о том, что конверсия по своему существу сознательное словообразование [Юлдашев 1970: 79].

Посредством конверсии образуются слова разных частей речи. В башкирском языке, например, она служит для образования слов почти всех знаменательных и экспрессивно-эмоциональных частей речи (кроме подражательных слов), а также всех служебных слов [Ишбаев 2000: 87]. В татарском языке слова, перешедшие в другие части речи, являются существительными, прилагательными, наречиями, послелогоми, междометиями, частицами и союзами [Ганиев 1995: 216].

Существует мнение, что конверсия относится к продуктивным способам словообразования в ряде тюркских языков. Конверсированные слова играют важную роль в пополнении лексики новыми единицами. Есть и другая точка зрения. Ряд ученых считает, что конверсия носит ограниченный характер.

Очевидно, что оценка какого-либо языкового явления как высоко- или малопродуктивного, распространенного широко или нет, не исключает наличия этого явления в языке. Как убедительно показал А.А. Юлдашев, решающим является появление в языке нового слова, омонимичного уже существующему и возглавляющего новую семасиологическую систему, которое выполняет на общих основаниях синтаксические функции другой части речи, обладает конструктивными свойствами и формами, закрепленными за данной частью речи, и образовано по определенной словообразовательной модели.

Литература

- Ганиев 1995 — *Ганиев Ф.А.* Словообразование // Татарская грамматика. В 3 т. — Казань, 1995. — Т. 1. — С. 188–521.
- Ишбаев 2000 — *Ишбаев К.Г.* Башкирский язык. Морфология. Словообразование: учеб. пособие. — Уфа, 2000.
- Щербак 1991 — *Щербак А.М.* Есть ли в тюркских языках конверсия? // Исследование языковых систем в синхронии и диахронии. К 70-летию Э.Р. Тенишева. — М., 1991. — С. 159–164.
- Юлдашев 1970 — *Юлдашев А.А.* Конверсия в тюркских языках и ее отражение в словарях // Сов. тюркология. — 1970. — № 1. — С. 70–81.

Alisa Esipova, Novokuznetsk

Conversion in Turkic languages. History of discussion. Conception of A.A. Yuldashev

Summary: The problem of conversion in Turkic languages is a controversial and much discussed question. A.A. Yuldashev considers a transformation of a word belonging to one part of speech into a word of another part of speech without using material morphemes as conversion, a derivational phenomenon that has its own regularities as well as word-building patterns.

Трансформация слов одной части речи в другую без участия материально выраженных морфем рассматривается А.А. Юлдашевым как словообразовательное явление конверсии, имеющее как свои закономерности, так и словообразовательные модели.

Keywords: general linguistics, Turkology, word formation, conversion, word-building patterns

Сведения об авторе

Есипова Алиса Васильевна — д.ф.н., доцент, член Российского комитета тюркологов; e-mail: aves7760@mail.ru

Information about the author

Alisa Esipova — Ph.D. in philology, Associated Professor, member of Russian Committee of Turkologists; e-mail: aves7760@mail.ru

О.М. КАДЫРОВА, г. Москва

Направления исследований турецких деепричастий в работах турецких авторов¹

Резюме: Статья содержит краткий обзор работ турецких авторов, посвященных деепричастиям турецкого языка. Перечисляются направления исследований, проведенных за период с 1969 по 2015 гг.

Ключевые слова: деепричастие, конверб, турецкое языкознание, турецкий язык, инфинитные формы, история языкознания

Турецкие деепричастия — явление специфическое и неоднозначное. Существует множество определений и подходов к их классификации. Но активный интерес турецких языковедов к деепричастиям родного языка можно отметить лишь в последние два десятилетия. Например, М. Хенгирмен в монографии по грамматике упоминает всего несколько часто встречающихся инфинитных адвербиальных форм, называя их, как принято в турецкой лингвистической традиции, *ulaç* ‘соединитель’ [Hengirmen 2006]. По-видимому, такая ситуация была обусловлена тем, что в турецкой научной лингвистической науке до конца XIX в. господствовал арабцентризм; в этот период выделялось всего три части речи: *isim* ‘имя’, *fiil* ‘глагол’, *edat* ‘служебное слово’, что замедлило развитие лингвистической мысли в отношении данного явления языка.

В настоящий момент идет поиск подходящего термина на турецком языке для обозначения деепричастий, а также разработка определения этого яв-

¹ Дмитрий Михайлович Насилов был моим преподавателем в ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова в 1996–1999 гг. На всю жизнь я осталась ему благодарна за полученные знания по истории алтаистики и увлекательные занятия языками древнетюркской письменности.

ния. Т.Н. Генджан определяет деепричастия как *bağyelim* ‘связующее действие’ (синоним *ulaç*), как «отглагольное образование, связующее образуемое им предложение с другим предложением» [Gencan 1979]. З. Коркмаз [Korkmaz 1992: 178] и Т. Бангуоглу [Banguoğlu 1986: 427], используя термин *zarf-fiil* ‘наречие-глагол’, утверждают, что это особая форма глагола, выступающая в функции наречия. З. Коркмаз в морфологической системе турецкого языка относит аффиксы деепричастий к имяобразующим, т.е. к образующим наречия от глаголов [Korkmaz 2009: 67, 76, 78, 87, 95, 96]. Исследователь также приводит нескольких «наречно-глагольных» форм в разделе «*Zarf*» ‘Наречие’ [Korkmaz 2009: 483–486]. Х. Эдискюн определяет такие конструкции как *bağ-fiil* ‘связующие глаголы’, выполняющие функции союзов, соединяя части сложного предложения, и функции глаголов, реализуя валентности на субъект, объект и косвенное дополнение [Ediskün 1992: 252]. Г. Гюльсевин вслед за З. Коркмаз и Т. Бангуоглу видит в рассматриваемых формах скорее наречия, чем глаголы, вводя термин *geçici zarf* ‘непостоянное наречие’, имея в виду «наречия, которые образуются от глаголов посредством определенных аффиксов, но не входят в заголовки словарных статей» [Gülsevin 2012: 126]. Тем самым, общепринятого термина пока нет, но наиболее частотен термин *zarf-fiil* ‘наречие-глагол’.

В турецкой лингвистике обращается внимание и на определение семантических функций турецких деепричастий и на частотность употребления тех или иных форм. Ф.Ч. Йылдырым имеет ряд работ, посвященных семантическим функциям турецких деепричастий [Yıldırım 2005, 2009, 2011, 2012, 2015]. Проведя ряд исследований семантики *ulaç* методом анкетирования, Ф.Ч. Йылдырым пришла к выводу о необходимости внесения изменений в грамматические справочники и учебники турецкого языка, т.к. по данным анкет, формы имели более широкие значения, нежели в дидактической литературе [Yıldırım 2012]. Временной семантикой деепричастий и проблемой связи акцентуации и смысла в деепричастных конструкциях занимается И.А. Айдемир [Aydemir 2007, 2012]. В работах, написанных на турецком языке, Ф.Ч. Йылдырым использует термин *ulaç*, И.А. Айдемир — *zarf-fiil*, а в текстах на английском языке оба автора прибегают к термину *converb* ‘конверб, деепричастие’. В работах турецких авторов 2000-х гг. термин *zarf-fiil* занимает лидирующие позиции, то есть деепричастные формы рассматриваются как разновидность наречий.

Функции морфемы *-ken* в современном литературном языке описывались М. Айдын [Aydin 2000]. С.А. Чапан провел анкетирование детей дошкольного возраста и выявил, что при существовании множества деепричастных форм малыши 4-х лет употребляют только формы на *-ken*, *-(y)Inca* и *-(y)Ip*, а к 5 годам в детскую речь включаются формы на *-(y)ArAk*, *-DIğIndA*, *-DiktAn sonra* [Çapan 2013].

Турецкими учеными разрабатывается также проблема этимологии деепричастных форм и их диалектального распространения и варьирования. З. Коркмаз и О. Дурмуш описали этимологию деепричастия на *-(y)ArAk* [Korkmaz 1969; Durmuş 2012]. К.А. Хаджиолова изучала употребление форм на *-ken* в анатолийских говорах XIII–XVI вв. [Nasıoğlu 1970]. Ф.С. Байрактар занималась темой употребления *-ken* в тракийском и ромейском диалектах [Bayraktar 2013]. В. Джошкун и Л. Карахан занимаются исследованием деепричастных форм в современных диалектах турецкого языка [Coşkun 1999; Karahan 1994, 2014]. Х. Кахйа отметила употребление более чем 30 деепричастных форм в караманском диалекте турецкого языка [Kahya 2008].

Пока не выработана единая классификация турецких деепричастий, принятая как в работах исследователей, так и в справочных изданиях, также нет единства мнений и по числу самих деепричастных форм. М. Хенгирмен указывает 22 формы [Hengirmen 2006: 254–256], Г. Гюльсевин выделяет *basit* ‘простые’ и *birleşik* ‘сложные (или составные)’ деепричастия, из которых 95 форм относятся автором к сложным [Gülsevin 2012]. К. Тикен в [Tiken 2009] указывает более 100 форм, демонстрируя то, что структура турецкого языка позволяет постоянно производить новые формальные способы выражения обстоятельственного смысла.

Необходимо отметить фундаментальный труд О. Дениз-Йылмаз «Категория номинализации действия в турецком языке», вышедший на русском языке в г. Санкт-Петербург под редакцией В.Г. Гузева [Гузов 2006]. Вслед за В.Г. Гузевым, Н.Н. Телициным, М.Ш. Маматовой и Н.Э. Гаджихмедовым автор предлагает классификацию турецких глагольных форм в рамках концепции вторичной репрезентации. Раздел деепричастий включает «неизменяемые формы», «спрягаемые инфинитные формы», «финитные обстоятельственные глагольные формы», а также «спрягаемые морфолого-лексические образования» [Дениз-Йылмаз 2006: 72]. В список включаются более 100 форм. О. Дениз-Йылмаз не ограничивается классификацией деепричастий по способу образования. Автор также классифицирует формы по их синтаксическому и коммуникативному предназначению.

На сегодняшний день можно сказать, что в работах турецких авторов наиболее подходящим эквивалентом русского понятия *деепричастие* является термин *zarf-fiil*. В англоязычных текстах, написанных турецкими тюркологами, эквивалентом *zarf-fiil* чаще всего бывает *converb*. Путем поиска определения и, соответственно, выделения части речи *zarf-fiil* в ее состав было включено более 100 форм. Семантика этих форм столь многогранна, что над ее описанием трудятся многие исследователи. Основными направлениями исследований турецких авторов можно назвать проблемы классификации, семантики и этимологии деепричастных форм.

Литература

- Гузев 2006 — *Гузев В.Г.* Опыт разработки теоретических основ описания тюркского функционального синтаксиса // Востокведение. Филологические исследования. — СПб, 2006. — Вып. 27. — С. 40–63.
- Дениз-Йылмаз 2006 — *Дениз-Йылмаз О.* Категория номинализации действия в турецком языке. — СПб, 2006.
- Aydemir 2007 — *Aydemir İ.A.* Zur aspektuellen Interpretation von Kon-verbialsätzen im Altai-Tuwinischen // Einheit und Vielfalt in der türkischen Welt, Materialien der 5. Deutschen Turkologenkonferenz Universität Mainz, 4.–7. Oktober 2002. (Turcologica 69.) / Hendrik Boeschoten & Heidi Stein (Yay.). — Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. — S. 230–237.
- Aydemir 2012 — *Aydemir İ.A.* Türkiye Türkçesinde Zarf-fiil Cümlelerinde Sözcük Sıralaması Üzerine // *Gazi Türkiyat*. — Güz 2012/11 — S. 227–233.
- Aydın 2000 — *Aydın M.* Anadolu Ağızlarında İken~ken zarf-fiilinin kullanımı ve görevleri // *Türk Dili*. — 2000. — S. 588. (Aralık 2000). — S. 639–645.
- Banguoğlu 1986 — *Banguoğlu T.* Türkçenin Grameri. — Ankara (Türkiye), 1986.
- Bayraktar 2013. — *Bayraktar F.S.* Trakya ve Rumeli Türkçesi Ağızlarında İken Zarf Fiilinin İşlevleri. Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. — 2013. — № 2/4. — S. 69–83.
- Coşkun 1999 — *Coşkun V.* Türk Lehçelerinde Zaman Kavramı Taşıyan -p Zarf - Fiil Eki. // *Türk Dünyası. Dil ve Edebiyat Dergisi*. — Sayı 7. (Bahar 1999). — S. 173–192.
- Çapan 2013 — *Çapan S. A.* An Analysis Of Converb Use In Turkish-speaking Pre-school children // *Turkish Studies — International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. — V. 8/3. Winter 2013. — Ankara (Turkey). — PP. 101–110.
- Durmuş 2012 — *Durmuş O.* {-y)ArAk} Zarf-fiil Ekinin Kökeni Üzerine // *Türkbilg.* — 2012. — S. 23. — S. 19–60.
- Ediskün 1992 — *Ediskün H.* Türk Dilbilgisi. — İstanbul, 1992.
- Gencan 1979 — *Gencan T.N.* Dilbilgisi. — 4. Baskı. — Ankara, 1979.
- Gülsevin 2012 — *Gülsevin G.* Türkiye Türkçesinde Birleşik Zarf-fiiller // *Sosyal Bilimler Dergisi*. — 2012. — S. 125–144.
- Hacılova 1970 — *Hacılova K.A.* Türkçede İKEN'nin Durumu ve Fonksiyonu (XIII.–XVI. Yüzyıllarında) // *Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi*. — 1970. — S. 1–8.
- Hengirmen 2006 — *Hengirmen M.* Türkçe Temel Dilbilgisi. — Ankara, 2006. — S. 254–266.
- Kahya 2008 — *Kahya H.* Karamanlıca zarf-fiil eklerinden örnekler // *Selçuk Üniversitesi Fen-Edebiyat Dergisi*. — № 19. — Konya, 2008. — S. 131–152.
- Karahan 1994 — *Karahan L.* Anadolu Ağızlarında Kullanılan Bazı Zarf Fiil Ekleri // *Türk Kültürü Araştırmaları*. — 1994. — № XXXII 1–2. — S. 216–219.
- Karahan 2014 — *Karahan L.* Türkiye Türkçesi Ağızlarında {-I} Zarf-fiil Ekli İkillemeler // VIII. Milletlerarası Türkoloji Kongresi, 30 Eylül–04 Ekim 2013, İstanbul, Bildiri Kitabı. — C. II. — İstanbul, 2014. — S. 75–84.
- Korkmaz 1969 — *Korkmaz Z.* Türkçede -arak/-erek Zarf-fiil (gerundium) Ekinin Yapısı Üzerine // *TDAY*. — Belleten 1968. — Ankara, 1969. — S. 259–269.
- Korkmaz 1992 — *Korkmaz Z.* Gramer Terimleri Sözlüğü. — Ankara, 1992.
- Korkmaz 2009 — *Korkmaz Z.* Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi). — 3. Baskı. — Ankara, 2009.
- Tiken 2009 — *Tiken K.* Türkiye Türkçesinde Basit ve Birleşik Zarf-fiillerin İfadesi ve İşlevleri // *Ç.Ü. Türkoloji-Makale Bilgi Sistemi* // http://www.tdk.gov.tr/images/css/TDA/1999/1999_18_Tiken.pdf (дата обращения: 10.09. 2015)
- Yıldırım 2005 — *Yıldırım F.Ç.* Türkçede Zaman Anlatan Ulaçların Görünüş Özellikleri // *Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi*. — İstanbul, 2005. — S. 51–62.

- Yıldırım 2009 — *Yıldırım F.Ç.* Türkçede Zaman-Tarz-Neden-Sonuç İlişkilerinin Ulaş Ekleriyle Belirginleştirilmesi: Sıklık Yüzdeleri ve Uzman Uyumlarına Dayalı Anket Sonuçları // *Dil Dergisi*. — 2009. — № 146. (Ekim-Kasım-Aralık 2009.) — S. 25–39.
- Yıldırım 2011 — *Yıldırım F.Ç.* Zamansal İçirme İlişkilerini Belirginleştiren Ulaş Eklerinin Belirteç Tümceciklerinin ve Temel Tümcenin Eylem Kılımları ile Olan Etkileşimleri // *Dilbilim Araştırmaları* // <http://www.academia.edu/8389365/zamansal> (дата обращения 10.09.2015).
- Yıldırım 2012 — *Yıldırım F.Ç.* Ulaş Eklerinin Uzmanlar Arası Uyuma Dayanan Bir Değerlendirmesi // 5. Uluslararası Türkçenin Eğitimi-Öğretimi Kurultayı 05–06 Temmuz 2012 // <http://www.academia.edu/8389206/ULAÇ> (дата обращения 10.09.2015).
- Yıldırım 2015 — *Yıldırım F.Ç.* Subjectivity in Complex Sentences: The Effects of Converbs to Causal Relations // *Dil Eğitimi ve Araştırmaları Dergisi*. — 2015. — № 1 (1). (Nisan 2015.) — S. 1–13.

Olga Kadyrova, Moscow

Directions of research on Turkish converbs in Turkish Linguistics

Summary: The article contains a brief overview of works written by Turkish authors and devoted to the category of Turkish converbs (gerunds). The analyzed researches were carried out in the period from 1969 till 2015.

Keywords: Turkish gerund, converb, Turkish linguistics, Turkish language, nonfinite forms, history of linguistics

Сведения об авторе

Кадырова Ольга Михайловна — младший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института Востоковедения Российской Академии Наук (ИВ РАН); e-mail: alfabem@yandex.ru

Information about the author

Olga Kadyrova — junior researcher of Department of Asian and African languages of Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences; e-mail: alfabem@yandex.ru

И.А. КЫЗЛАСОВ, г. Москва

К поискам культурных прототипов азиатских рунических надписей: индоевропейские возможности

Резюме: Пережитки тесных культурных контактов с древними индоевропейскими народами проявляются у тюрков Южной Сибири в облике енисейских рунических эпитафий и их деревянных протографов, обрядах сожжения умерших и поклонении корове, выражении *säkiz adaqlıy barım*, отразившем систематику живых существ по количеству ног и обозначающем стельных коров. Все это указывает на западноазиатскую прародину тюркских народов, предшествовавшую их появлению в Срединной Азии.

Ключевые слова: древние индоевропейцы, тюрки, памятники енисейского рунического письма

Расположение на стелах строк енисейских эпитафий, во-первых, и порядок их прочтения от нижней к верхней, во-вторых, отразили форму их ритуально консервативных протографов. Это позволило умозрительно реконструировать облик древнейших тюркских рунических книг-связок [Кызласов 1998б], которые находят близкие аналогии среди существовавших древних форм письменных документов не только на Дальнем [Кызласов 1998б: 77–79], но и, как выяснилось, на Ближнем Востоке.

В начале того же I тыс. до н. э., к которому принадлежат наиболее ранние свидетельства существования китайских *фанцэ*, писцы Месопотамии, отступив от древней шумерской традиции глиняных табличек, стали писать на узких деревянных планках, покрытых воском. Обнаруженный набор таких дощечек представлял собою их сомкнутые ряды, соединенные по двум концам кожаными ремешками, «так что они раскрывались, как ширмы». Специалисты по культуре Двуречья не могут ныне решить, было ли это подражанием чужеземной технике письма или местным изобретением. «Не исключено, что это был арамейский способ письма, существовавший еще до того, как аккадские писцы начали применять его для клинописи, и что с потерей этих недол-

говечных книг, возможно, погибла вся арамейская литература в Месопотамии» [Оппенгейм 1980: 249].

Совершенно также пропала, вероятно, и ранняя литература, использовавшая азиатское руническое письмо. Учитывая особенности его алфавита и внутренней истории рунической письменности, наиболее вероятно, восходящей к неизвестной ныне древней семитской системе слогового письма [Кызласов 1994: 105–142; 1998а: 75–81], западно-азиатское направление поисков прототипов деревянных древнетюркских документов представляется мне предпочтительным. Приведу соображения в пользу еще более раннего существования деревянных письменных документов в Малой Азии.

Лувийское иероглифическое письмо применялось в Хеттском царстве одновременно с рано заимствованной северо-месопотамской клинописью [Фридрих 1979: 75, 83–85], однако сложилась иероглифика, возможно, ранее этого [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 888 прим. 1]: памятники ее известны с XVI в. до н. э. Полагают, что в отличие от клинописи, материалом для рисуночного письма служила не глина, а дерево. Поэтому «большая часть иероглифических текстов II тысячелетия до н. э., записывавшихся на деревянных табличках, по всей видимости, до нас не дошла» [Ардзинба 2015: 31]. В текстах собственно хеттского языка, памятники которого относят к XVIII–XIII вв. до н. э., сохранились даже специальные термины, обозначавшие ‘надписи на дереве’ и ‘писцов на дереве’. Многие хеттские клинописные тексты возникли как перепись иероглифических документов знаками иной формы. Об этом свидетельствует применение в клинописных табличках устойчивого выражения ‘согласно деревянной надписи’, а то и указания: «это — чистовая (т. е. ‘начисто переписанная’) таблица в соответствии с первоначальной надписью на дереве» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 888–890; Ардзинба 2015: 31]. В дополнение к этому в 2011 г. В. Ваал было «ясно и убедительно продемонстрировано различие между двумя хеттскими глаголами, один из которых обозначал письмо на глиняных табличках, а другой — на деревянных» [Сидельцев 2012: 162]. Памятники лувийского иероглифического письма и, следует думать, запись на дереве пережили падение самого Хеттского царства и встречены в связанной с ним Северной Сирии, у излучины Евфрата, в слоях X–VIII вв. до н. э.

В целом древнее своеобразие ближневосточной формы письменных документов сохранялось, по крайней мере, до раннеисламской эпохи. Еще в VI–VII вв. в Аравии для письма применяли тонкие кожаные полоски, похожие на ремни, и черенки пальмовых листьев. Вместе с тем кораническая традиция в интересующей нас сфере, кроме плоских камней, упоминает еще лопатки и ребра животных [Резван 2000: 50]. Все эти естественные узкие материалы для письма вполне соответствуют форме тех первобытных рунических документов, которые восстановлены в ходе исследования.

Раннее средневековье Средней Азии также знало письмо на плоских и узких бирках. В обиходе для этого широко использовался естественный мате-

риал. Так, на городище Пенджикент — остатков города, существовавшего до первой половины VIII в. — среди 98 предметов с надписями, найденных до 2006 г., встречены 12 согдийских дипинти, сделанных на ребрах домашних животных [Маршак, Распопова 2002: 25; Распопова 2017].

Очевидно, в раннесредневековой письменной культуре тюркских народов Южной Сибири и Центральной Азии встретились и уживались две древних традиции изготовления документов и книг из связанных деревянных планок: ближне- и дальневосточная.

Как бы то ни было, рассмотренные материалы позволяют заключить, что тюркоязычные народы заимствовали руническое письмо вместе с формой письменных документов. Облик их (как и построение самого алфавита, и порядок письма) очень архаичный (типологически восходящий к концу эпохи бронзы — не позднее X–IX вв. до н. э.), а виды довольно многочисленны и, вероятно, восходят к нескольким культурным традициям Западной и Восточной Азии (рис. 1): деревянные четырехгранные стержни (и, можно думать, круглые палочки); плоские дощечки (широкие, иногда снабжавшиеся с одной стороны ручкой, а также узкие); снизки таких дощечек, снабженных отверстиями для шнура; связки узких планок с зарубками при одном шнуре; связки планок двумя шнурами.

Не приходится думать, что эта реконструкция представляет все многообразие письменных материалов, документов и книг, известных тюркоязычным народам раннего средневековья. Изложенные наблюдения вычлениют только наиболее древние, можно сказать, исконные формы документов, общие для начальных видов азиатского рунического письма. Сегодня нет никакой возможности указать, когда и где они вошли в быт тюркоязычного мира, но, судя по облику рунических эпитафий, все они сохранялись, по крайней мере, в культовой практике еще в раннем средневековье.

Изначальной техникой письма, связанной с этими документами, судя по всему, была резьба, но она, должно быть, очень рано дополнилась применением пера и чернил — об этом говорит форма самих составляющих азбуку рунических знаков [Кызласов 1994: 143–153]. Восстановленный облик древнейших тюркских документов и книг позволяет связать поиски прародины рунических письменностей не только с их буквенной системой, но и с определенными видами письменных памятников, отыскивать сформировавшие их культуры, районы и эпохи.

Вторым поисковым признаком прародины азиатского рунического письма тюркских народов оказалась несомненно связанная с древнейшей формой письменных документов архаичная традиция размещения культовых надписей горизонтальными строками, читающимися от нижней к верхней. Насколько удалось проследить, история письменности сегодня не предоставляет исторических подобий и прототипов манере письма такой восходящей лесенкой, оказавшейся характерной для эпитафийных памятников как орхонского, так и енисейского письма [Кызласов 1998б: 68–74].

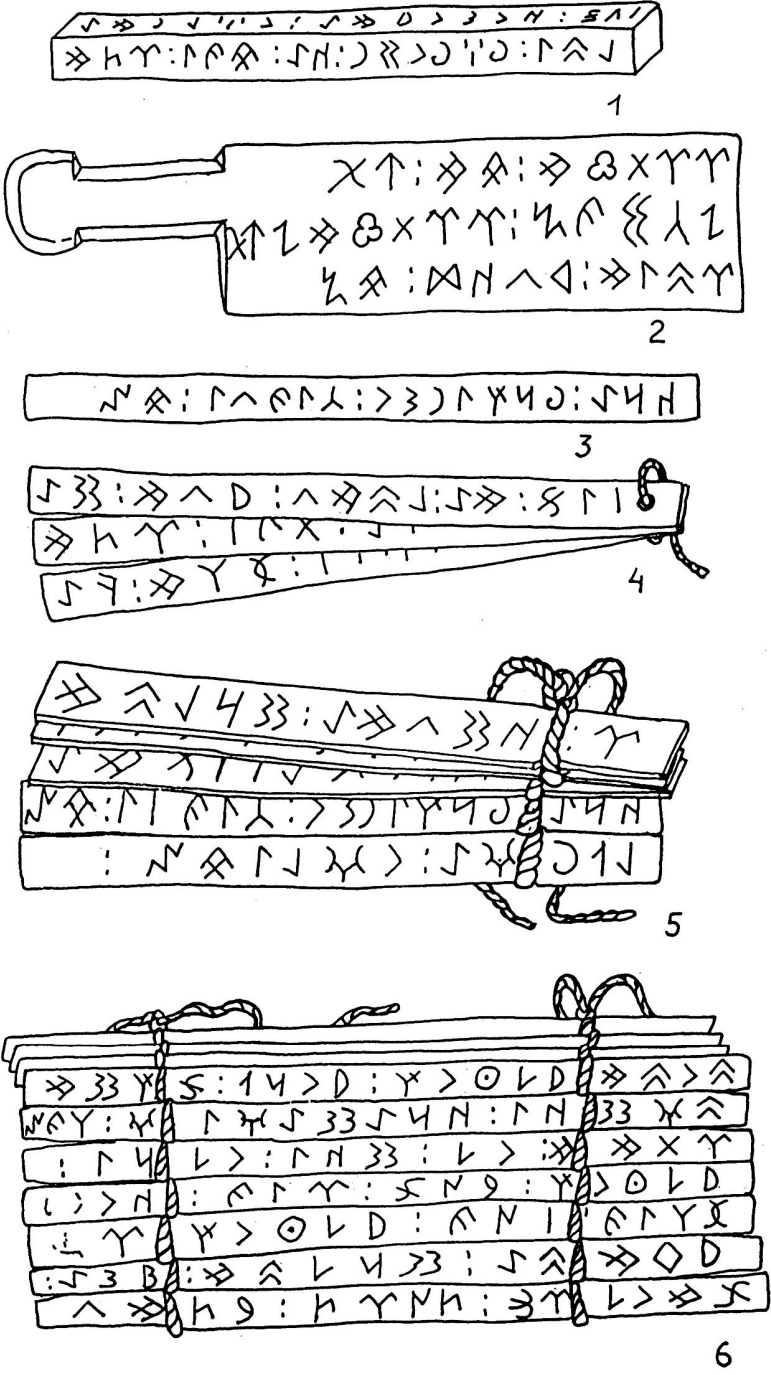

Рис. 1

Аналогично направленные повествования возможно, однако, встретить в сюжетных композициях древнего изобразительного искусства. Так, уже с периода Урук или с начала периода Джамдет-Наср (начало III тыс. до н. э.) в Шумере одним из главных способов передачи последовательной связи сцен становится их многоярусное горизонтальное размещение. Вопреки привычному для нас восприятию верхнего ряда как первого, и в изображениях на предметах, и в рельефах каменных стел сюжетная последовательность здесь иная. Как было показано [Афанасьева 1978], на деле изображаемое действие развивается от нижнего яруса к верхнему, нередко приобретая спиралевидную направленность¹. Именно такую последовательность строк (включая бустрофедон) мы и встречаем в культовых эпитафийных надписях енисейского и орхонского письма.

Следует сказать, что в отличие от рунических текстов, повествование в шумерских линейных композициях начинается от левого нижнего угла и (исключая смену направления по ярусам) всякий раз развивается слева направо.

Описанный прием размещения повествовательных композиций присущ шумерскому искусству на всем протяжении его существования. Он также применяется в дальнейшем, на протяжении многих веков, иными народами Древнего Востока — от Аккада до Ассирии [Афанасьева 1978: 28, 31 прим. 31, 32 прим. 40].

Объективности ради, обратим поиск за пределы Западной Азии — к многочисленной культовой скульптуре рубежа бронзового и раннего железного веков Монголии и Южного Алтая, к так называемым оленным камням. Это каменные столбы фаллической формы, сплошь покрытые изображениями причудливых оленей, поднимающимися по изваянию спиралью или устремленных к вершине вертикально. Смысл образов и композиций остается непонятым, но детали плотного размещения фигур дают иногда возможность проследить очередность их высекания. Строгой закономерности здесь нет: нередко характерно нанесение сначала нижней зооморфной фигуры, а затем последовательно всех вышележащих [Волков 2002: табл. 5, 1, 3, 8, 2, 10, 17 и др., 116, 127, 2, 132], но столь же часто видна и обратная последовательность нанесения — от верхнего изображения к нижнему [Волков 2002: табл. 4, 1, 40, 1, 2 и др.]. Иной раз оба приема встречаются на разных сторонах одного камня. Дело, вероятно, в том, что, судя по их размещению, олени фигуры наносились на стелу не сразу, а после высекания основных изображений: кругов наверху и пояса либо оружия внизу камня (см., например: [Волков 2002: табл. 107, 109–114, 116–118 и др.]).

¹ В связи с изложенным укажем на размещение бустрофедоном хеттских иероглифических надписей начала II — начала I тыс. до н. э. Однако, насколько известно, смена строк в них всюду происходит сверху вниз [Фридрих 1979: 84, рис. 64а–69].

Разумеется, ныне нет данных для прямого возведения к древней традиции малоазийского индоевропейского письма на дереве культовых деревянных документов азиатской рунической письменности. Но возможность поиска прототипов последних в Западной Азии, высказанная в общей форме, не противоречит иным культурным особенностям, явно связывающим пратюркскую культуру с индоевропейским миром.

К этим признакам былой, можно сказать, первичной западноазиатской прародины тюркских народов древности относятся новые культурные черты, принесенные в Сибирь и Центральную Азию кыргызами (гянгунями) во II в. до н. э. и, несколько позднее, кланом ашина. Наиболее показательны здесь две долго существовавших особенности: сжигание умерших (характерное для древних хеттов, греков, германцев, славян, индусов, прочих индоевропейцев) и поклонение корове — возведение первопретка гянгуней к браку бога с коровой, происхождение ашина от трех братьев, приведенных на Алтай коровой [Кызласов 2009; 2010а; 2010б; 2014].

Не следует ли отнести к былой культурной близости и наблюдаемую в обоих обществах довольно редкую систему правления, при которой носителями власти являлся не единоличный правитель, а правящая семейная пара? Так, в отличие от окружающих стран, было в Хеттском государстве, где наряду с царем властвовала царица. Оба носили хаттские титулы (*табарна* или *лабарна* и *таваннана*) — наследие более раннего этапа развития Малой Азии III тыс. до н. э. [Ардзинба 2015: 32, 33]. Вспомним здесь о том, что в эпоху рунического письма и, можно думать, ранее этого, каган в глазах тюркских народов не был самодержцем: власть принадлежала не ему (как часто думают), а кагану и его супруге (*катун*) — подобно небу, где царствовали Тенгри и Умай, на земле правила семейная пара. По смерти государя его преемник, дабы стать законным правителем, должен был жениться на овдовевшей *катун*. В Уйгурском каганате статус *катун* был даже заметно выше тюркского: имя правительницы высекалось на камне рядом с каганским [Терхинская стела, строка 1]. Этой системы правления не знали дальневосточная и смежные с нею традиции.

Учитывая древнее индоевропейское наследие, принесенное на Саяно-Алтайское нагорье первым достоверно тюркоязычным населением, получаем неожиданную возможность правдоподобно объяснить одну из загадок енисейских надгробных текстов.

В четырех эпитафиях (Е 10, 10; Е 11, 3; Е 42, 6 [Малов 1952: 25–28, 30, 31, 77], Е 96, 1 [Кормушин 1997: 148; 2008: 157]) встречается словосочетание ✨ ✨ Ч ђ ђс ђ АЗЗ З ђ Г I, написание которого в памятниках колеблется согласно нормам рунической орфографии, но читалось и читается одинаково: *s(ä)k(i)z (a)d(a)ql(i)γ b(a)r(i)m(i)m*. На стеле Элегест I (Е 10) оно входит в подчиненную параллелизму фразу, являющую соотносительность и неизменное соответствие двух составляющих ее понятий:

ᠵᠢᠯᠻᠢᠳᠠᠳᠠᠯᠢᠬᠡ ᠪᠠᠷᠢᠮᠤ : ᠰᠠᠵᠢᠵᠢᠬᠢᠵᠢ : ᠠᠳᠠᠳᠠᠯᠢᠬᠡ ᠪᠠᠷᠢᠮᠤ
 tört (a)d(a)q : jilq(i)m : s(ä)k(i)z (a)d(a)ql(i)γ : b(ar)(i)m(i)m².

И хотя оба обозначения скота обычно имели обобщающий смысл, словом *jilqī* преимущественно называли табун лошадей, а *barim* — коров. Однако, если выражение ‘мой четвероногий скот’, под которым понимались кони, воспринималось нормально, то ‘мой восьминогий скот’, примененное самостоятельно также в Е 11 и, особенно, Е 42, казалось исследователям странным.

Трудности истолкования преодолевались различно, но в целом подход был един: тюркологи старались уйти от прямого содержания фразы *säkiz adaqlïy barim*, отыскивая производное значение, то ли для определения, то ли для определяемого. А. Вамбери и П.М. Мелиоранский с разной степенью уверенности видели в *adaq* и *adaqlïy* подобие чагадайскому *atayliγ ~ adayliγ* ‘обещанное’, т. е. ‘посвященное, предназначенное в жертву (животное)’ [Малов 1952: 28, 31].

Другой подход проявился в стремлении избежать для определяемого *barim* значения ‘скот’. При первом же прочтении стелы с реки Бегире (Е 11), осуществлявшегося по эстампажу В.А. Ошуркова, В.В. Радлов пробовал по-иному воспринять один из вполне ясных рунических знаков, «исправляя <...> *барытым* на *бармадум*» [Малов 1936: 271]. Такому прочтению последовал А.Н. Бернштам в книге 1946 г., редактором которой был С.Е. Малов, десятилетием ранее доказательно отвергший сам подход, но, сохраняя уважение к учителю, не посчитавший возможным изменить авторскую позицию историка.

Внешне этимологически надежным выглядит предложенное для *barim* значение ‘имущество’ [Кормушин 1997: 148, 167, 168 (строка 4), 235–237 (строка 11), 272–275 (строка 10), 284, 285]. Можно думать, что в этом понимании сказалось влияние словника Махмуда Кашгарского, которым занимался ученый, но в работе с енисейскими памятниками понимание слов *säkiz adaqlïy barim* как ‘восьминогое имущество’ влечет весьма сложные искусственные построения. Нет оснований видеть в этом выражении ‘юрты, устанавливаемые на восьми опорах’ [Кормушин 1997: 275], как и обозначение «больших восьмистенных переносных юрт кочевников, ухаживающих за скотом феодала, почему оказалось возможным парное сочетание имущество (= юрты) + скот, лошади» [Кормушин 2008: 287, 288, 317]. Со всем этим не согласуются ни контекст надписей, ни факты истории местной культуры.

В надписи Бай-Булун I (Е 42, 6 [Кормушин 1997: строка 4]) начертано
 ᠵᠢᠯᠻᠢᠳᠠᠳᠠᠯᠢᠬᠡ ᠪᠠᠷᠢᠮᠤ : ᠰᠠᠵᠢᠵᠢᠬᠢᠵᠢ : ᠠᠳᠠᠳᠠᠯᠢᠬᠡ ᠪᠠᠷᠢᠮᠤ —

² Построение показывает, что выражение было устойчивым, что позволяет в уцелевшей части строки на стеле Хемчик-Бом (Е 96, 1: *s(ä)k(i)z : (a)d(a)ql(i)γ b(ar)(i)m(i)m tö/ü <...>* [Васильев 1983: 41, 76, 119]), видеть числительное *tört*, восстанавливая и последующее *adaq* : *jilqim* [Кормушин 1997: 146, 147, 148; 2008: 157, 288, 327].

речь идет о принадлежащей умершему тысяче восьминогого *barim*. Учитывая исторические реалии того времени (скажем, аильную систему расселения и отсутствие данных о податном населении), о ‘тысячах моих восьминогих владений (юрт)’ [Кормушин 1997: 167, 168 строка 4]³ или ‘больших восьмистенных переносных юртах’ — имущества самого ли умершего аристократа, подчиненных ли ему пастухов и коневодов — говорить не приходится: нет подобных гипербол в енисейских надписях. Обратившись к словарю [Кормушин 2008: 318], в трех эпитафиях встречаем по тысяче мужей, покинутых умершим (князья были тысячниками, что реально), в двух оставшихся случаях речь идет о лошадях (будь то одна тысяча или шесть). Многочисленность скота, содержавшегося на Енисее, подчеркивает и китайская хроника «Синь Таншу» [Бичурин 1951: 35 1, 352]: «<...> коровы наиболее многочисленны; у богатых земледельцев достигают несколько тысяч (голов)» (перевод уточнен: [Кюннер 1951: 8, 9], чему вторит энциклопедия «Тайпин хуаньюйцзи»: «<...> коровы наиболее многочисленны. Богатые семьи имеют 2–3 тысячи голов» [Кюннер 1951: 9; ср. 1961: 59]).

В истории южносибирского, как и в целом тюркского жилища не находит себе места и образно уподобляемая скоту ‘восьминогая юрта’. По имеющимся данным, многоугольные, обычно 6-ти и 8-мигранные формы действительно появляются на Саяно-Алтае лишь с приходом тюркоязычного населения. Изначально они, вероятно, восходят к древним столбовым конструкциям, но уже на рубеже н. э. прежде всего характеризуют срубное домостроительство. К стационарным постройкам принадлежат и те из них, что имеют опоры — при технике заплота горизонтальные бревна, полубревна или доски вставляются в пазы столбов, вкопанных в землю. Однако в традиционной культуре лишь каркасно-столбовые временные жилища типа *odax/omag* сравнивались с конем (и назывались у хакасов *am ub*) именно потому, что наиболее часто имели не 6, а лишь 4 столба [Кыласов 2011: 77–105, 109–111]. Переносные войлочные юрты ассоциировались у тюркских народов совсем с иными образами: недаром каждое раздвижное звено решетчатых их стенок (*kerege*) именуют ‘крылом’ (*qanat*). Народная систематика выделяет 6-канатные, 8-канатные и более, так же как и 4-канатные юрты.

Учем также, что число углов жилища, будь оно войлочным или бревенчатым, характеризовало достаток владельца: 6-тиугольные и 8-миугольные принадлежали простолюдинам, 10-, 12-угольные и более — отличали знать. Считал ли аристократ, удостоенный памятной эпитафийной стелы, своим имуществом жилища подданных, пристало ли ему причислять таковые к основным жизненным утратам, проявлявшим его состоятельность? Не вложить бы здесь наши представления в тексты средневековья.

³ При истолковании превращающихся в конкретную излишне смелую реконструкцию социального устройства общества: «тысячи юрт зависимых скотоводов, ухаживавших за многотысячными его стадами» [Кормушин 2008: 130].

Семантическая парность выражения *tört adaq jilqim säkiz adaqlıy barimim* содержит в себе истинное значение фразы, поскольку последующее соотносится с предшествующим. А этимология слова *barim* все ставит на свое место, ибо не ‘имущество’, ‘богатство’, ‘достояние’ уподоблялось скоту, напротив — ‘скот’ входил в общий состав всего нажитого [ЭСТЯ 1978: 62]. Подобное развитие прошло и содержание слова *mal*, приобретшее еще и значение ‘товар’. Когда ‘имущество’ входит в парное сочетание [ДТС 1969: 84], его характер определяется предшествующим словом: *ayı barim* ‘драгоценности и все нажитое, богатство’, *eb barim* ‘жилище и вся утварь, обиталище’.

С.Е. Малов поначалу стремился понять прямой смысл выражения *säkiz adaqlıy barim* и, впервые публикуя Е 42, рационалистически объяснял его различием крупных домашних животных — непарнокопытных (лошади) и парнокопытных (коровы): «Я перевожу, — писал исследователь, — ‘восьминогий (восьмикопытный) рогатый скот’» [Малов 1936: 271]. В дальнейшем тюрколог, подробно излагая мнения предшественников и современников — лингвистов и историков, оказался и остался единственным исследователем, который в трактовке интересующего нас выражения опирался на реальные соответствия, существующие в фольклоре тюркских народов [Малов 1936: 272; 1952: 28, 31, 77], наделяющих шести-, семи- или восьминогостью не только быстрых, но и сытых лошадей, а также мощных сказочных быков.

Авторы Древнетюркского словаря целиком восприняли такое понимание: «*säkiz adaqlıy* (букв. восьминогий) упитанный, сытый, жирный, тучный (о домашних животных): *biñ säkiz adaqlıy barimim* <...> *bökmädım* я не наслаждался <...> [в отношении] своего имущества — тысячи [голов] жирного [скота] (Е 42, 6)» [ДТС 1969: 494], «*barim* 1. скот: *säkiz adaqlıy barimiy ücün jilqı tükäti bardım* за [своим] восьминогим скотом я ездил на конях (Е 11, 3); *biñ säkiz adaqlıy barimim* тысяча восьминогого рогатого скота моего (Е 42, 6)», вторым значением для *barim* давая ‘имущество’ [ДТС 1969: 84]⁴. Таким же образом значение слова (*bary-m*: «а) скот — ен[исейский]; б) имущество <...>») понимала и Л.С. Левицкая [СИГТЯ 1997: 326].

Э.Р. Тенишев позднее продолжил поиск объяснения для выражения *säkiz adaqlıy* (досл. ‘восьминогий’), которое он определил как загадочное. Исследователь подробно разобрал случаи его употребления, привел объяснения и материалы тюркологов на этот счет, отдав предпочтение разработкам С.Е. Малова, а также по-новому рассмотрел оппозицию *tört adaqlıy* — *säkiz adaqlıy* как различия в зрительном восприятии человеком разного хода коня. В итоге возникло предположение, что «“четвероногий” был символом рабочего животного (лошади и т.п.), а “восьминогий” — символом скачущего животного (лошади-

⁴ И.В. Кормушин [2008: 287, 288] называет автором первого примера Л.Ю. Тугушеву, а второго — Э.Р. Тенишеву, но в самом словаре [ДТС 1969: IV] статьи на буквы *s* отнесены к Л.В. Дмитриевой (на что указывает и Э.Р. Тенишев [СИГТЯ 1997: 585]), на *ba-* к Э.Р. Тенишеву, а их редактора — к Д.М. Насилову и Э.Р. Тенишеву соответственно.

скакуна и т.д.)» и, поскольку в живых языках нет и ранее, видимо, не было единого термина для скакуна, пратюрки в данном случае «воспользовались древним способом образной номинации» [СИГТЯ 1997: 585, 586].

В мифопоэтическом смысле такое восприятие подтверждается не только примерами тюркоязычного мира, но и далекими от него культурными явлениями эпохи рунического письма. Как известно, в скандинавской мифологии существует принадлежавший Одину восьминогий конь с говорящим именем Слейпнир (‘Скользящий’) [Мелетинский 1982а: 67; 1982в: 456]. Изображение всадника на таком восьминогом коне, въезжающего в вальхаллу, находим на шведском руническом камне из Тьянгвиде (о. Готланд), поставленном в честь Хьёрулфа / Йорлуфа в VIII–IX вв. [Мелетинский 1982б: 241; Корсун 2014].

Однако вернемся здесь к тому индоевропейскому духовному наследию, которое достигло долин Енисея во II–I вв. до н. э. с тюркоязычными кыргызами-гянгунями и выразилось в их поклонении корове. В дальнейшем это поклонение в Древнехакасском государстве, непрерывно возглавлявшемся кыргызами, сохранялось столь явно и долго, что достигло эпохи енисейских рунических эпитафий и было отмечено не только китайскими, но и персидскими источниками (Юян цзацзу, IX в.; Гардизи, XI в. — см.: [Кызласов Л.Р. 1984: 32, 147]).

В древнеиндийских ритуалах приносимая в жертву стельная корова именовалась ‘восьминогой’, богам даровали ее саму и ее плод. Обычай считают общеиндоевропейским, поскольку такой же обряд жертвоприношения существовал в древнем Риме. В термине же ‘восьминогий’ находят проявление специфики индоевропейской классификации живых существ по числу ног: ‘двуногие’ (люди), ‘четвероногие’ (домашние животные) и др. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 571, 572 прим. 1]. Эту систему членения живого мира, отразившуюся в манихейских и буддийских рукописях⁵, тюркологи уже заметили: *eki adaqlıy* характеризует в них людей, *tört adaqlıy* — четвероногих животных [ДТС 1969: 9]. Есть в этой словарной статье и отсылка к *säkiz adaqlıy*, которая оказалась не формально-лексической, а провидческой.

В енисейских эпитафийных надписях речь и идет о стельных коровах, как об особом проявлении благоденствия стад⁶. И фразу ✨ ✨ Ч Д : Ц Ч Л З Ч У І : ✨ Л Ч Д : Л З И У Н И *tört adaq jılqım säkiz adaqlıy barımım*, буквально означающую ‘мои табуны четвероногих (лошадей), мои стада восьминогих (коров)’, следует переводить ‘мои конские табуны и мои стельные коровы’,

⁵ Ради полноты восприятия культурной среды эпохи отметим, что официальный статус манихейства в Древнехакасском государстве, как и углубленное знакомство его представителей с буддизмом, ныне доказан историческими, археологическими и рунологическими источниками [Кызласов Л.Р. 1984; 1998 и др.].

⁶ Особое отношение к корове, производящей молодняк и вскармливающей его, вполне понятно. Уже в древнехеттских «Законах» (§ 67) ее ценность определялась вполне конкретно: за одну украденную корову давали 12 быков [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 572].

а выражение :> > ᠮ ᠨ :ᠵᠢ ᠷ ᠶ :ᠠᠵᠰ ᠰ ᠶ ᠤ ᠤ ᠶ ᠬ : *biñ säkiz adaqlïy barimim* — ‘тысяча моих стельных коров’ и т.д.

Отнюдь неслучайно рунические камнеписные памятники сохранили и иную архаичнейшую лексику, рисующую пратюркское общество красками бронзового века [Кызласов 2014].

Литература

- Ардзинба 2015 — *Ардзинба В.Г.* Собрание трудов в 3-х тт. Том I. Древняя Малая Азия: История и культура. — М., 2015 (переиздание работы 1989 г.).
- Афанасьева 1978 — *Афанасьева В.К.* К проблеме толкования шумерских рельефов // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. — Л., 1978.
- Бичурин 1951 — *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т. 1. — М.–Л., 1950.
- Васильев 1983 — *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. — Л., 1983.
- Волков 2002 — *Волков В.В.* Оленные камни Монголии. — М., 2002.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. — Т. II. — Тбилиси, 1984.
- ДТС — Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. — Л., 1969.
- Кормушин 1997 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. — М., 1997.
- Кормушин 2008 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. — М., 2008.
- Корсун 2014 — *Корсун А.* Рунические камни // http://polit.ru/article/2014/01/03/ps_runes1/
- Кызласов 1994 — *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994.
- Кызласов 1998а — *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. — 1998. — № 1. — С. 71–83.
- Кызласов 1998б — *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. — 1998. — № 2. — С. 68–84.
- Кызласов 2009 — *Кызласов И.Л.* Два этапа пратюркского культурогенеза // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. — М., 2009. — С. 167–172.
- Кызласов 2010а — *Кызласов И.Л.* К основам изучения тюркских народов древности // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сариниди (Труды Маргианской экспедиции). — СПб., 2010. — С. 547–552.
- Кызласов 2010б — *Кызласов И.Л.* Индоевропейские признаки тюркской прародины // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. — Самарканд, 2010. — Вып. 11. — С. 33–39.
- Кызласов 2011 — *Кызласов И.Л.* Алтаистика и археология. — М., 2011.
- Кызласов 2014 — *Кызласов И.Л.* Там ли мы ищем пратюркские народы? // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. — Астана, 2014. — С. 415–429.
- Кызласов Л.Р. 1984 — *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века. — М., 1984.
- Кызласов Л.Р. 1998 — *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. — 1998. — № 3. — С. 8–35.

- Кюнер 1951 — *Кюнер Н.В.* Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII–VIII вв. н.э. // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. — Абакан, 1951. — С. 3–16.
- Кюнер 1961 — *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961.
- Малов 1936 — *Малов С.Е.* Новые памятники с турецкими рунами // Язык и мышление, 1936. — Вып. VI–VII. — С. 251–279.
- Малов 1952 — *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. — М.–Л., 1952.
- Маршак, Распопова 2002 — *Маршак Б.И., Распопова В.И.* Краткий отчет о работах Пенджикентской археологической экспедиции в 2001 г. // Отчетная археологическая сессия [Гос. Эрмитажа] за 2001 год. — СПб., 2002. — С. 24–25.
- Мелетинский 1982а — *Мелетинский Е.М.* Локи // Мифы народов мира. — М., 1982. — Т. 2. — С. 67–69.
- Мелетинский 1982б — *Мелетинский Е.М.* Один // Мифы народов мира. — М., 1982. — Т. 2. — С. 243–241.
- Мелетинский 1982в — *Мелетинский Е.М.* Слейпнир // Мифы народов мира. — М., 1982. — Т. 2. — С. 456.
- Оппенхейм 1980 — *Оппенхейм А.Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. — М., 1980.
- Распопова 2017 — *Распопова В.И.* Эпиграфика Пенджикента (из раскопок 1947–2006 гг.). — СПб., 2017.
- Резван 2000 — *Резван Е.А.* Коран и его толкования. Тексты, переводы, комментарии. — СПб., 2000.
- СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. — М., 1997.
- Сидельцев 2012 — *Сидельцев А.В.* Восьмой хеттологический конгресс. Варшава, 5–9 сентября 2011 г. // Вопросы языкового родства. — 2012. — № 7. — С. 161–163.
- Фридрих 1979 — *Фридрих И.* История письма. — М., 1979.
- ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». — М., 1978.

Igor Kyzlasov, Moscow

Searching for cultural prototypes of Asian runic inscriptions: Indo-European opportunities

Summary: Remnants of close cultural contacts of South Siberian Turks with ancient Indo-European people manifest themselves in the shape of the Yenisei runic epitaphs and their wooden protographs, the ceremonies of burning of the dead, worshiping cows and in the expression *säkiz adaqlıy barım* reflecting the systematization of living beings by the number of their legs and designating pregnant cows. All this indicates the West-Asian ancestral home of the Turkic peoples preceding their emergence in Central Asia.

Keywords: ancient Indo-Europeans, Turkic peoples, monuments of Yenisei runic writing

Сведения об авторе

Кызласов Игорь Леонидович — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института археологии РАН; e-mail: kyzlasovil@mail.ru

Information about the author

Igor Kyzlasov — Ph.D. in history, leading researcher of Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; e-mail: kyzlasovil@mail.ru

Т. В. ЛОСЕВА-БАХТИЯРОВА, г. Москва

Предикаты горения в узбекском языке

Резюме: Данная работа посвящена вычленению и исследованию предикатов горения, перешедших в болевую лексику узбекского языка путем метафорического переноса. Нами было определено, одним или разными глаголами (и именными конструкциями) передаются физический и душевный дискомфорт, связанный с ощущениями горения, и существует ли при этом разница в синтаксических конструкциях. В поле «горение» мы выделили основные глаголы — то есть наиболее часто переходящие в болевую лексику, и периферийные. Мы также проследили сочетаемость глаголов и имен с частями тела или органами, испытывающими неприятные ощущения, и ситуацией, их вызывающей.

Ключевые слова: горение, физическая боль, душевная боль, синтаксическая конструкция

Данная работа посвящена исследованию глагольных и именных предикатов, связанных с ситуацией телесного дискомфорта, вызванного ощущениями горения, жара, на материале узбекского языка.

Как правило, глагольное семантическое поле в языке довольно многочисленно (ср. глаголы движения, речи и т. д.). Изучение семантического поля «боль» в других языках мира показывает, что собственно глаголов боли всего несколько (1–2, максимум 5): ср. в русском — один: *болеть*; в английском — два: *to ache* и *to hurt*; в немецком — тоже два: *schmerzen* и *wehtun*. Специфика лексической зоны «боли» в том, что основная масса болевой лексики заимствуется из других полей путем метафорического переноса: горения, движения, деформации и пр. «Именно такого рода картина — с некоторыми вариациями в конкретных языках — и претендует, по-видимому, на универсальность: в поле боли есть небольшое “ядро” — максимум из нескольких собственно болевых глаголов (которые, кстати, как правило, представляют собой довольно близкие и не очень четко различающиеся квазисинонимы), а все остальные противопоставления обслуживаются в нем переносными значениями

“гастарбайтеров” из других семантических классов» [Концепт боль в типологическом освещении 2009: 9].

Данный этап нашего исследования лексики боли в узбекском языке посвящен вычленению предикатов горения. Предметом исследования также являются имена, относящиеся к этому полю.

В основном работа ведется в синхронном аспекте, но с привлечением этимологических данных, а значит, выхода на диахронический аспект.

К группе метафор горения относятся передающие неприятные физические ощущения, вызванные как внешним воздействием: огонь, солнце, высокие или очень низкие температуры, химические вещества, специи, так и внутренними процессами: жар, давление, сильные эмоции. Это гореть, жечь, кипеть, вариться, печься.

В узбекском языке данные глаголы неоднородны в своей частотности перехода в область болевой лексики. Наиболее продуктивным здесь является глагол «гореть», который на узбекском материале передается исконно тюркским глаголом *yonmoq* [ЭСТЯ 1989: 112–113]. Это неопредельный глагол из класса стативных предикатов. Его исходное значение — ‘горение’, ‘повреждение огнем’: *o'tin yaxshi yonmoqda* ‘дрова хорошо горят’; или же ‘источник света, тепла’: *hamma lampochkalar charaqlab yonmoqda* ‘все лампочки ярко горят’.

При переходе в болевую зону синтаксическая конструкция сохраняется: источник боли оформляется исходным падежом, а часть тела или орган, испытывающие боль, занимают позицию подлежащего и ставятся в основном падеже: *terim quyoshdan yonyapti* ‘моя кожа горит на солнце (от солнца)’.

В случае ощущения горения, связанного с внутренними процессами, источник ощущений может не указываться: *a'zoyi badanim yonib ketayotir* ‘у меня все тело горит, меня лихорадит’. Таким образом, здесь мы имеем дело с зависимостью синтаксической конструкции от места и причины боли. Глагол-сказуемое, как правило, стоит в форме настоящего времени данного момента или настоящего длительного времени, показывая тем самым продолжительный характер неприятных ощущений.

«Гореть» применимо к поверхности кожи и органам, имеющим слизистую: язык, глаза, горло. То есть мы видим ограничение на сочетаемость с конкретным списком частей тела или органов — в отличие от специальных глаголов боли, употребляемых с любыми частями тела или органами.

Для передачи внутреннего жара, температуры в узбекском языке могут употребляться слова *ich* ‘нутро, внутренности’ и *jigar* ‘печень’ — орган, занимающий в тюркской культуре особое значение и в переносном смысле нередко называющий сердце. *Jigar* также является вместилищем чувств, эмоций. Таким образом, глагол «гореть» может передавать и душевные переживания: *jigarim yondi* ‘мое сердце сгорело’; *jigar so'xta* ‘огорченный, с разбитым сердцем, пораженный в самое сердце’ (*so'xta* ‘сгоревший; нагар’). При-

менительно к душевной сфере, глагол *yonmoq* употребляется, как мы видим, чаще в значении сильного любовного чувства и страдания от него. Интересно отметить, что при описании других не очень приятных чувств и эмоций: сгорать от ревности, стыда, волнения, употребляются другие предикаты, имеющие, однако, в своем составе слова, относящиеся к лексике горения, например: *uyalganimdan qipqizil olov bo'ldim* 'я сгорел от стыда', досл. 'от стыда я стал красным-красным огнем'.

Названия иных внутренних органов с данным глаголом не сочетаются.

Синтаксическая конструкция при обозначении душевной боли та же, что и при физической. Переходя в новое семантическое поле — зону «боли» — глагол *yonmoq* сохраняет падежное управление, принятое в своем исходном значении.

Подобное воздействие температур или веществ может повлечь за собой изменение цвета части тела, на которую оно оказывается. «Гореть» в значении 'краснеть' в узбекском языке передается глаголом *qizarmoq*: *yuzlari sovuqdan qizarib ketdi* 'лица загорелись (= покраснели) от мороза/холода'. Это верно и в случае, когда источником изменения цвета является не физический, а душевный дискомфорт.

Ощущение горения, жара выражается также именными конструкциями: слова 'жар, жара, температура' + слово *bor* 'есть, имеется', при этом лицо оформляется аффиксом принадлежности: *isitmam bor* 'у меня жар'. Другой вариант того же выражения: *issig'im/isitmam baland*, досл. 'моя температура высокая'.

От этих основ образованы глаголы *isitmalamoq* 'температурировать, быть в жару': *kech paytda isitmalab, boshi og'rib qaytdi* 'вечером он вернулся с температурой и головной болью'; *issiqlamoq* 'разгорячиться, распариться (от жары)': *yo'lda ular issiqlab ketib to'nlarini echdilar* 'в пути, разгорячившись, они сняли халаты'.

Интересно отметить, что в отличие от рассмотренных выше примеров, переносные значения слова *issiq* в узбекском языке имеют положительную окраску: 'красивый, приятный, милый': *yor ko'ziga issiq ko'rinay, balki ishqi oshar degansan* 'ты говорила: я хочу показаться красивой возлюбленному, может быть, он полюбит меня сильнее'. Ср. с эпитетом «красна девица» в русском языке. «Красная» означает не только, вернее, не в первую очередь, 'красивая', но и 'скромная, стыдливая < зардевшаяся от стыда', то есть приобретает прямую связь с цветом, появившемся в результате душевного волнения.

Ситуации употребления следующего по продуктивности глагола из этого поля — «жечь» — примерно схожи с описанными применительно к глаголу «гореть»: *oftob terimni kuydirdi* 'солнце обожгло мою кожу'. Глагол *quydirmoq* также исконно тюркского происхождения. Синтаксическая конструкция следующая: в роли подлежащего в данном случае выступает причина неприят-

ных ощущений, а часть тела или орган, их испытывающие, занимают позицию дополнения. Если же причина не указывается, в позицию подлежащего переходит название части тела или органа.

Как и *yonmoq*, *quydirmoq* передает и душевную боль, связанную опять же с любовным чувством: *u meni kuydirib ketdi* ‘он причинил мне большое горе’; *u meni ishq o'tida kuydirdi* ‘он меня сжег в пламени любви’. Здесь испытывающий боль занимает позицию прямого дополнения — как и в случае с физической болью.

Следующие два глагола: «печься» и «кипеть» — можно отнести к периферии болевой лексики, так как они связаны только с одной ситуацией, вызывающей болевые, неприятные ощущения: воздействие высоких температур.

Значение ‘печься’ в узбекском языке передается формой действительного залога уже знакомого нам глагола: *kuymoq*, либо сочетанием *oftob o'tmoq*: *boshimdan oftob o'tib ketdi* ‘мне напекло голову на солнце’, досл. ‘солнце прошло по моей голове’. Здесь часть тела, подвергающаяся воздействию, стоит в исходном падеже — это связано с особенностью падежного управления глагола *o'tmoq*, основное значение которого ‘переходить, проходить по/через’.

Глагол *kuymoq* используется также для описания эмоционального состояния: ‘исстрадаться’: *aytsam — tilim kuyadi*, *aytmasam — dilim (kuyadi)* ‘скажу — язык спечется, не скажу — душа’.

В составе парной конструкции с *kuymoq* в этом значении употребляется глагол *pishmoq* ‘вариться, готовиться, печься’, который самостоятельно в болевую сферу в узбекском языке не перешел: *kuyib-pishib so'zlamog* ‘говорить, сильно волнуйся, переживая’.

Следующий глагол «кипеть»: *qaynamoq* употребляется как в прямом, так и в переносном значении: *suv qaynayapti* ‘вода кипит’, *ish qaynab turibdi* ‘работа кипит, бурлит’.

В болевой сфере данный глагол сочетается только с названиями головы и мозга: *boshim qaynayapti* ‘голова кипит’. Но его деривант *qaynash* ‘изжога’ означает неприятные ощущения в желудке, таким образом, на узбекском материале ‘желудок кипит’ — ср. в русском языке в этом случае используется деривант от глагола «жечь».

Qaynamoq гораздо более употребим для выражения эмоциональных состояний, здесь в качестве субъекта выступают сердце, душа и кровь: *yuragim qaynab toshdi* ‘в сердце у меня закипело’; *qoni qaynadi* ‘он рассердился’, досл. ‘кровь его закипела’.

В данном случае синтаксическая конструкция та же, что и при физическом дискомфорте: субъект стоит в основном падеже, лицо оформляется аффиксом принадлежности.

Случаи болевого использования других глаголов из поля горение: «тлеть» и «накаляться» в узбекском языке нами отмечены не были.

Литература

- Концепт боль в типологическом освещении 2009 — *Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Резникова Т.И.* Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // Концепт боль в типологическом освещении. — Киев, 2009.
- Русско-узбекский словарь 1954 — Русско-узбекский словарь. — М., 1954.
- Узбекско-русский и русско-узбекский словарь 2017 — Узбекско-русский и русско-узбекский словарь. — Ташкент, 2017.
- Узбекско-русский словарь 1959 — Узбекско-русский словарь. — М., 1959.
- ЭСТЯ 1989 — *Севортыян Э.В., Левитская Л.С.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». — М., 1989.
- ЭСТЯ 2000 — *Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ». — М., 2000.
- ЭСТЯ 2003 — *Насилов Д.М., Левитская Л.С., Благова Г.Ф.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». — М., 2003.
- Ruscha-O'zbekcha va o'zbekcha-ruscha lug'at. — Toshkent, 2011.

Tanem Loseva-Bakhtiyarova, Moscow

Predicates of burning in Uzbek language

Summary: In this work the author tries to single out and investigate predicates of burning in the Uzbek language that moved into the lexical zone of pain. The author analyzes if physical pain and mental anguish have the same or different ways of representation. The article considers possibility to combine the verbs and nouns with parts of body or organs and situations that causes pain.

Key words: burning, physical pain, mental anguish, syntactic construction

Сведения об авторе

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: uni_philology@yahoo.com

Information about the author

Tanem Loseva-Bakhtiyarova — Ph.D. in philology, Associate Professor of Turkic Philology Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: uni_philology@yahoo.com

Н.С. МАЙНАГАШЕВА, г. Абакан

О влиянии языковой ситуации на развитие литературного процесса Хакасии

Резюме: Современный литературный процесс Хакасии (1990–2017 гг.) характеризуется все большим обращением национальных писателей к неродному (русскому) языку как к языку творчества. Художественные произведения, созданные хакасско-русскими билингвами в последние 20 лет (преимущественно в 1990–2000-е гг.), представляют собой целый пласт национальной литературы. Языковая ситуация в республике и социально-политические процессы, происходящие в целом в стране и республике, непосредственно влияют на развитие национальной литературы, в том числе и на выбор языка творчества хакасских авторов.

Ключевые слова: билингвизм, художественный билингвизм, литературный процесс, творчество хакасских писателей-билингвов, языковая ситуация

Многие исследователи отмечают, что в XXI в., в период всемирной глобализации, унификации, во всем мире сокращается число языков, диалектов. Языковая ситуация в Республике Хакасия за последние тридцать-сорок лет также претерпела различные изменения. Исследователями хакасского языка отмечено «критическое положение кызыльского диалекта, функционирование которого продлится 20–30 лет» [Сунчугашев, Чебочакова 2014: 154], признан исчезающим койбальский диалект, который при описании этапов формирования общенародного хакасского (а потом и литературного) языка почти всегда имел «неясный статус» [Каксин 2013: 32]. Также наблюдается снижение количества хакасов, владеющих шорским и качинским диалектами. По сведениям В. Кривоногова, «в общей численности хакасов старше 7 лет носители сагайского диалекта составили 52,6%, качинского — 13,6%, смешанного качинско-сагайского — 1,7%, кызыльского — 2,2%, шорского — 4,4%, койбальского говора — 1,9%, еще 3,0% владеют

более чем одним диалектом, а 20,6% не владеют никаким диалектом — это те, кто вообще не говорит или очень плохо говорит по-хакасски» [Кривоногов 2011: 75].

Так, например, если в 1950–1970-е гг. языковой ассимиляции были подвержены городские жители и жители сел северных районов (Орджоникидзевский, Ширинский), районных центров, то в последние десятилетия и в селах с хакасским населением в языковой коммуникации предпочтение отдается русскому языку. Так, например, из беседы с учителями села Болганово Аскизского района известно, что из 92 учащихся-хакасов всего 6 детей владеют родным языком. Такая же ситуация в наиболее крупных населенных пунктах, где компактно проживают хакасы: с. Аршаново Алтайского района, с. Усть-Есь, п. Бельтырское Аскизского района, с. Таштып, с. Матур Таштыпского района и многих других хакасских сел. Естественно, владение родным языком младшим поколением является одним из важных показателей витальности языка. В связи с достаточно низким уровнем социальной функциональности хакасского языка в республике молодежь не стремится к овладению языком своего народа. Сегодня учатся в школах дети-хакасы, чьи родители уже не владеют хакасским языком. Роль старших родственников в языковой компетенции ребенка очень высока. Утеряна поколенная передача языка в семье, бабушками и дедушками не сказываются сказки, легенды, предания, не загадываются загадки детям на хакасском языке. А такое повседневно-бытовое общение способно сохранить язык, передать его молодым. Но сегодня мы видим: реальные коммуникативные потребности большинства современных хакасов таковы, что хакасский язык не является для них необходимым. Несомненно, образование является одним из основных факторов сохранения и развития языка. Воспитанию хакасско-русских билингвов и повышению языковой идентичности личности способствуют образование на родном языке в начальных классах и двуязычное образование в средней школе. По данным Министерства образования и науки Республики Хакасия, сегодня в школах республики хакасскому языку обучается более 7 тысяч детей, владеющих языком всего около 1,5 тысяч. Наблюдения говорят о том, что хакасский язык теряет устойчивость и в сельской местности. Дети с раннего возраста овладевают русским языком, общаясь между собой на русском языке или на русском и хакасском языках.

Хакасско-русское двуязычие начало развиваться более трехсот лет назад, с 1707 г., т. е. с момента присоединения Хакасии к Российскому государству. Постепенно межкультурный контакт и совместное проживание двух народов привели к широкому и глубокому освоению хакасами русского как языка межнационального общения. В сложившихся социально-исторических и культурных условиях билингвизм стал естественным для представителей коренной нации республики, хотя уровень владения русским языком среди хакасов в разное время было неодинаковым. Как отмечал М.И. Боргояков, по переписи

си 1970 г. 65,5% хакасов были двуязычными, а 18,2% хакасского населения или не владели, или слабо владели русским языком [Боргояков 1973: 257]. Спустя три десятка лет языковая картина в Хакасии существенно изменилась. В.П. Кривоногов, исследовав этнические и языковые процессы в республике за последние тридцать лет, отмечает: «Русский язык используется отнюдь не только при межнациональном общении, но и при общении между самими хакасами, причем позиции русского языка за 30 лет еще больше укрепились» [Кривоногов 2011: 150]. Подобная ситуация типична для многих региональных языков Российской Федерации. Если в 1970-е гг. среди хакасов наблюдалось одинаковое знание родного и русского языков (билингвизм превалировал над монолингвизмом — знанием одного родного языка), то сейчас большая часть подрастающего поколения не владеет родным языком, некоторые понимают, но не говорят и не развивают знание языка. Количество хакасов-монолингвов, владеющих только русским языком, продолжает расти.

1990-е гг. в Хакасии характеризуются изменениями в области политической, экономической и социальной жизни: в 1991 г. Хакасская автономная область приобрела статус республики, принят закон о хакасском языке как государственном. Несомненно, социально-политические процессы влияют на формирование языковой ситуации в республике. Хотя хакасский язык признан вторым государственным, сфера его функционирования остается ограниченной. Хакасский язык используется все реже, и если 30 лет назад было определенное равновесие двух языков в обиходе хакасов, то сейчас «перевес русского языка в общении стал явным и подавляющим» [Кривоногов 2011: 139].

Развитие новых информационных технологий в XXI в. вносит существенные изменения в личное языковое пространство. Активное употребление в этой сфере русского языка становится широко распространенным. В публичных выступлениях представителей хакасского народа также наблюдается смещение в сторону русского языка. Большинство хакасов не владеет чистой родной речью. Сложно обстоят дела с восприятием хакасской устной публичной речи. Причем специалисты отмечают, что это не зависит от уровня владения языком. «Кроме уровня владения в данной коммуникативной ситуации значительную роль играет фактор доминирующего языка, проникающего и в более глубинные участки языкового сознания нерусских, а также, безусловно, чисто лингвистические проблемы: снижение культуры речи, нарушение и недостаточная кодификация литературных норм» [Васильева, Дегтярева и др. 2013: 234]. Действительно, сфера функционирования хакасского языка становится все уже. Навыки чтения на родном языке, обретенные в школе, у многих со временем теряются, так как хакасский язык становится языком только устного общения в быту, в семье.

Некоторая часть хакасоязычного населения выражает недовольство по поводу единственной газеты на хакасском языке: они не понимают язык газеты, поэтому не выписывают и не читают ее. Как показывают результаты со-

циологических исследований, большая часть хакасов газеты и журналы читает преимущественно на русском языке. Приводим результаты опроса В. Кривоногова в 2008–2009 гг.: 32,9% сагайцев читают газеты на русском, 3,2% — на хакасском, 46,7% качинцев — на русском, 1,3% — на хакасском. Художественную литературу на русском языке читают: сагайцы — 39,1%, качинцы — 24,3%, койбалы — 56,0%, шорцы — 28,8%, кызыльцы — 14,9%. Художественную литературу на хакасском языке читает всего 24% взрослого населения. Как правило, эти представители этноса изучали родной язык в школе (и/или в вузе) и овладели литературным языком. На данном примере несложно понять, что требуются кардинальные меры в сфере языковой политики в республике, которые бы сохраняли и развивали симметричный билингвизм как результат взаимодействия культур двух народов. Поэтому нужны глубинные исследования языковых процессов в республике по выявлению этноязыкового самочувствия хакасов и прогнозированию дальнейшей судьбы хакасского языка.

Неблагоприятная ситуация с хакасским языком сказывается на развитии национальной литературы (о том, что литература сохраняет и развивает язык, думаю, здесь нет надобности говорить), так как молодых авторов, талантливо пишущих на хакасском языке, нет, отсутствует их даже самое малое количество. Так, региональный тур Всероссийской олимпиады школьников и студентов по государственному языкам республик Российской Федерации под эгидой русского языка (2016 г.) показал, что дети-хакасы значительно затрудняются в переводе текста с русского на хакасский, а задание написать эссе на хакасском языке у них вызывает большие затруднения. Если учитывать, что на олимпиадах по хакасскому языку и литературе участвуют те, кто среди учащихся 15–18 лет лучше всех владеет языком, то здесь обнаруживаем, что у большинства участников овладение образностью родного (хакасского) языка наблюдается на низком уровне.

Как правило, языковая компетенция личности закладывается в детстве и является социально обусловленной, а языки обучения и воспитания в семье и школе формируют двуязычие, и рассматриваются как «стратегические, прогнозирующие направление и интенсивность языковых процессов в будущем» [Васильева 2013: 34]. Опыт и практика мировой художественной литературы показывает, что у многоязычных писателей, большинство из которых в совершенстве владело несколькими языками с раннего возраста, обращение к другой языковой системе не только не исключено, но чрезвычайно распространено. Исследователи утверждают, что подобное обращение к другим языкам в процессе письма становится «замечательным источником лингвистической креативности», а смешение языков определяет «особую стилистическую силу и оригинальность писателей, которые приобрели известность и снискали литературную славу, творя на чужом языке» [Анохина 2010: 16], как это было с Набоковым, Чораном, Беккетом и др.

Первые общественные деятели, писатели, выходцы из народов Сибири также имели двуязычный творческий опыт. Одним из таких билингвов был священник-миссионер, талантливый публицист И.М. Штыгашев (1861–1915), стоявший у истоков письменной литературы хакасов, алтайцев и шорцев.

Современный литературный процесс Хакасии (1990–2015 гг.) характеризуется все большим обращением национальных писателей к неродному (русскому) языку как к языку творчества. Художественные произведения, созданные хакасско-русскими билингвами в последние 20 лет (преимущественно в 1990–2000-е гг.), представляют собой целый пласт национальной литературы. Хакасские авторы создают на русском языке художественные произведения, разные по жанру, тематике и стилю. Исследование творчества хакасско-русских билингвов — носителей двух культур — значимо для понимания менталитета, идентификации бикультурной личности, а также выделения проблем национальной литературы хакасов в условиях исчезновения хакасского языка. Но как же языковая ассимиляция влияет на развитие национальной литературы, что диктует выбор языка творчества двуязычного писателя и как взаимодействие языков воздействует на творческий процесс?

Исследуя отдельные стороны литературного двуязычия в Хакасии, мы провели опрос двуязычных писателей Хакасии (интервью с Г.Г. Казачиновой, В.К. Татаровой, А.В. Курбижековой, Л.В. Костяковой, Сибдей Томом, А.Е. Султрековым, И.П. Топоевым и др.), изучили тексты их произведений на хакасском и русском языках, авторские переводы, если таковые имеются. Непосредственное общение с двуязычными авторами (глубинное интервью) нами использовано как один из методов исследования проблемы. Такая форма общения позволяет выявить истинное отношение респондента к обсуждаемому вопросу. В результате нами выявлены формы и характерные черты хакасско-русского литературного билингвизма. Нами выявлены следующие типы литературного билингвизма (на основе классификации Ч.Г. Гусейнова): 1) параллельное творчество на родном и русском языках без самоперевода (С. Том, Л.В. Костякова, Паин Саа); 2) творчество на родном языке с последующим авторским переводом на русский (М.Р. Баинов, В.Г. Майнашев, Г.Г. Казачинова, В.К. Татарова, В.Г. Шулбаева, И.П. Топоев, А.И. Чапрай, О.П. Шулбаев, А.Е. Султреков, С.Е. Карачаков, А.В. Курбижекова); 3) творчество на русском языке с последующим переводом на родной (А. Чапрай); 4) творчество исключительно на русском языке (Г.М. Маерков). Первые три группы наиболее характерны для хакасских двуязычных авторов. Во второй группе авторов, у многих из них наблюдается временный переход с двуязычия на одноязычное русское или национальное творчество, при котором произведение не переводится автором с хакасского на русский или с русского на хакасский.

При отнесении писателя к той или иной группе билингвов достаточно важными представляются собственные признания писателей о специфике

национального мироощущения и генных начал художественного мышления. Приоритетное значение в вопросе об «этнохудожественной атрибутивности творчества» двуязычного автора, по мнению Р.П. Васильевой, должно иметь «национальное самосознание писателя» [Васильева 1991: 7]. У поэта Г.М. Маеркова язык творчества — русский, но влияние стихии родного языка налицо, так как он владеет диалектной формой хакасского языка. Детство будущего поэта прошло в селе Таштып, где хакасоязычное население в меньшинстве. Дома общались на кызыльском диалекте, в официальной обстановке необходимо было говорить на русском языке. Хакасский литературный язык Г. Маерков практически не изучал. После школы окончил историко-филологический факультет Абаканского государственного педагогического института, работал учителем истории в школах, а также в районных отделах народного образования. Социальные, биографические и творческие факторы переплелись в его судьбе так, что призвали его к творчеству на русском языке. По содержанию его творчества понимаем, что это глубоко самобытный национальный поэт.

Поэт Александр Баинов (Паин Саа) до 5 лет общался на хакасском языке с бабушкой. Но вся его сознательная жизнь прошла в русскоязычной среде. В 60 лет он заново выучил родной язык и достиг больших успехов, начав писать стихи на двух языках. Большинство же из вышеперечисленных хакасских авторов росли и воспитывались в хакаско-русской двуязычной среде с 10–12 лет, и свое литературное творчество начинали на родном языке. Творчество на русском языке ими воспринимается и оценивается чаще всего как возможность выхода к широкому читателю, а также в этом они видят особую форму деятельности, позволяющую осуществить духовный обмен между двумя культурами и способствующую лучшему пониманию между народами. Так, например, М.Р. Баинов, классик хакасской литературы, талантливый поэт, знаток хакасского языка, к русскому языку как к языку творчества обратился в последнем сборнике «Дорога — вечная тревога» [Баинов 2000]. Здесь хакасский поэт открывает русскоязычному читателю особенности мировосприятия, осмысления и образного отображения мира своего народа. В произведениях М. Баинова на русском языке наблюдается регулярное обращение к национальной фольклорно-стилевой системе на всех уровнях поэтических текстов: образно-идеологическом, сюжетном и ассоциативно-фонном. Многие его произведения на русском языке имеют наложение хакасской фольклорной эстетики: автор в свои тексты активно вводит образы героев народного эпоса, легенд и преданий. Также активно он вводит в свои русскоязычные тексты этнографизмы (*аал, той, кёк сын, сеек-сеек* и др.), которые в русскоязычном художественном тексте являются продуктивным способом выражения национального начала и, следовательно, реализации национально-художественного стиля. Поэты подбирают такие этнографизмы, которые удачно ложатся в рифму с русскими словами. Например, у М. Баинова:

Как горный дух,
я свистнувши сквозь зубы,
Бреду в столовую.
В висках железный гул.
Но там сижу, как **ир** на именинах,
Налей-ка, повар,
полный **югюре**.
Две порции по праву,
как мужчина,
Прошу второе,
чтобы с картофельным **пюре**

[Баинов 2000: 9].

Творчество национальных писателей на двух языках — сложное явление, имеющее ряд особенностей и отражающее специфику современного литературного процесса Хакасии. Интересно понять, осмыслить как сам процесс речемыслительной деятельности билингвальной личности, так и конечный его продукт — русскоязычный текст нерусского писателя. Также важно выявление специфики передачи национальной картины мира средствами другого, неродного, языка. И кто наиболее ясно может об этом рассказать, как не сами двуязычные авторы? Так, если одним двуязычным авторам творчество на родном и русском языках без перевода принципиально важно и концептуально (Сибдей Том), другим творчество на родном языке доставляет удовольствие и дает творческое удовлетворение, и они хотели бы по возможности как можно больше писать на родном языке, развивая его в художественных текстах (Г.Г. Казачинова, Л.В. Костякова, И.П. Топоев, А.Е. Султреков). Эти писатели считают, что мысль, выраженная на родном языке, более полная, емкая, исчерпывающая. Самоперевод для многих современных национальных авторов — «вынужденный» творческий процесс. Писать на русском языке или переводить с родного на русский им приходится, чтобы «быть услышанным» и земляками, не знающими родной язык, и российским читателем. Например, А.Е. Султреков одну из своих книг («Сэнсэй») на русский язык перевел по просьбе читателей. «Я сам сделал подстрочный перевод, но переводчика не нашлось. В книжном издательстве посоветовали внести редакторские правки и издать. Так и сделал», — говорит он в интервью. — «Двуязычные авторы могут писать на двух языках, но я люблю писать на хакасском языке, это мне ближе» [Майнагашева 2014]. В.К. Татарова отмечает, что не принципиально важно, на каком языке писать — на каком языке рождаются поэтические образы, на таком и создается произведение.

Данный вопрос не исчерпан и требует дальнейших исследований. Заключая, отметим, что языковая ситуация в республике и социально-политические

процессы, происходящие в целом в стране и республике, непосредственно влияют на развитие национальной литературы, в том числе и на выбор языка творчества хакасских авторов. Подтверждением тому служит такой факт: если 30 лет назад наблюдалось равновесие двух языков в обиходе хакасов, и двуязычные хакасские писатели не обращались к русскому языку как к языку творчества, то на данный момент большинство писателей пишут на русском языке не без ущерба для родного языка. Это также связано со снижением читательской компетенции хакасоязычного населения, утерей навыков чтения на родном языке. Выбор языка творчества существенно зависит от идентификационных параметров творческой личности писателя.

Литература

- Анохина 2010 — *Анохина О.Д., Великанова Н.П.* Мультилингвизм в процессе творческого письма // Мультилингвизм и генезис текста. Материалы международного симпозиума 3–5 октября 2007. — М., 2010. — С. 11–18.
- Баинов 2000 — *Баинов М.Р.* Дорога — вечная тревога. Стихи и поэмы. — Абакан: Хакасское книжное издательство, 2000.
- Боргояков 1973 — *Боргояков М.И.* Развитие двуязычия в Хакасии // Торжество ленинской национальной политики. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. — Абакан, 1973. — С. 246–258.
- Васильева 1991 — *Васильева Р.П.* Художественный билингвизм в мордовской литературе и его национально-стилевая природа. Автореферат дисс... к.филол.н. — Саранск, 1991.
- Васильева, Дегтярева и др. 2013 — *Васильева Р.И., Дегтярева М.Г., Иванова Н.И., Семенова Л.Н.* Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. — Новосибирск, 2013.
- Каксин 2013 — *Каксин А.Д.* Хакасы: культурные традиции и их трансформация (конец XX — начало XXI в.). — Абакан, 2013.
- Кривоногов 2011 — *Кривоногов В.П.* Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. — Абакан, 2011.
- Майнагашева 2014 — *Майнагашева Н.С.* Личный архив. Аудиозаписи интервью с писателями Хакасии: 2012–2014 гг.
- Сунчугашев, Чебочакова 2014 — *Сунчугашев Р.Д., Чебочакова И.М.* Кызыльский диалект хакасского языка: современное состояние, проблемы, перспективы // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2014. — № 2 (75). — С. 148–154.

Nina Maynagashева, Abakan

Influence of sociolinguistic situation on development of literary process in Khakassia

Summary: Modern literary processes in Khakassia (1990–2017) are characterized by an increasing growth of literary works in a non-native language (Russian) created by ethnically Khakas writers. These works, created by Khakas-Russian bilingual writers within the last 20 years (in the 1990ies–2000ies), represent a significant corpus of the Khakas literature. The linguistic situation in the Repub-

lic Khakassia and sociopolitical processes going on in the country as a whole and in Khakassia directly influence the development of the Khakas literature, including the choice of a language for their literary works by Khakass authors.

Keywords: bilingualism, artistic bilingualism, literary process, creative work, Khakass-Russian-bilinguals, Khakas writers, sociolinguistic situation

Сведения об авторе

Майнагашева Нина Семеновна — к.ф.н., ведущий научный сотрудник сектора литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; e-mail: Nina_71@inbox.ru

Information about the author

Nina Maynagasheva — Ph.D. in philology, leading researcher of Department of Literature, Khakas Research Institute of Khakas Language, Literature and History; e-mail: Nina_71@inbox.ru

А.М. МУРТАЗАЛИЕВ, г. Махачкала

Дагестан в годы Гражданской войны в «Кавказских воспоминаниях» турецкого эмиссара Мустафы Бутбая

Резюме: Дневниковые записи турецкого эмиссара Мустафы Бутбая сделаны на Северном Кавказе в период с февраля по август 1920 г. В них описана политическая обстановка, социально-экономическая и культурная жизнь населения края в эпоху Гражданской войны. Даны портреты общественно-политических, религиозных деятелей Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии, Абхазии, представлявших различные движущие силы, партии, политические течения. Являясь одновременно историческим документом и литературным памятником, записки турецкого эмиссара рассмотрены в статье как ценный источник по истории, культуре, географии, этнографии и языку народов Северного Кавказа. Воспоминания Мустафы Бутбая дополняют картину Гражданской войны на Северном Кавказе в начале XX в.

Ключевые слова: Турция, эмиссар, Мустафа Бутбай, Гражданская война, дневниковые записи, Дагестан, Северный Кавказ

Бурные события, происходившие в Дагестане в годы Гражданской войны, нашли отражение в турецкой литературе в виде дневниковых записей, мемуарных сочинений, разделов в исторических трудах. Авторами этих произведений, как правило, выступают турецкие офицеры, разведчики, эмиссары — непосредственные участники событий на Кавказе и в Дагестане в отмеченный период. Одним из них является Мустафа Бутбай, писатель, педагог, историк и разведчик, автор дневниковых записей «Кавказские воспоминания» [Бутбай 1990], которые он вел тайно во время своего пребывания на Кавказе в феврале — июне 1920 г. «Впервые обнаруженные и изданные в 1990 г. в Анкаре Ахмедом Джевдетом Джанбулатом, они являются не только уникальным документом, проливающим свет на многие неизвестные страницы Дагестана и Чечни, но и увлекательнейшим повествованием, почти детективным сюжетом» [Murtazali].

Книга Мустафы Бутбая, которую на русский язык перевел известный азербайджанский ученый, академик Зия Буниятов, впервые была издана в 1993 г. в серии «Библиотека журнала “Наш Дагестан”» [Бутбай 1993]. Содержащиеся в ней материалы имеют большое значение для научного изучения прошлого Дагестана в один из самых трагических периодов его истории — в годы Гражданской войны.

Дневниковые записи Мустафы Бутбая — это не сухой перечень событий, в них ощущается душа автора, который эмоциональным, живым, ярким языком описывает свое шестимесячное пребывание на Кавказе, жизнь северокавказского социума в эпоху великих потрясений. При этом внутренний мир автора раскрывается в его оценках тех или иных явлений, фактов дагестанской действительности, в стремлении вникнуть в их содержание, понять их природу. Реалистическое описание того, что автор наблюдал лично, многообразие и разносторонность содержания придают дневниковым записям особую ценность. Будучи человеком для своего времени достаточно образованным и искушенным в политических делах, Мустафа Бутбай проявляет неподдельную любознательность, умение видеть и анализировать происходящее вокруг. Делая акцент на описании общественно-политической обстановки на Кавказе, расстановке и состоянии различных сил и групп, втянутых в водоворот Гражданской войны, оценке известных общественных, политических и религиозных деятелей описываемого периода, автор особо выделяет явления и стороны жизни, которые отвечают интересам Турции, ее стратегическим целям на Кавказе.

Наряду с этим дневники содержат интересные сведения о населенных пунктах Кавказа и Дагестана, об этнографии, истории, культуре и языке народов, проживающих здесь. Искренность повествователя, его наблюдательность, достоверность приводимых фактов и сочувственное отношение ко всему происходящему — несомненное достоинство «Кавказских воспоминаний», представляющих собой ценный источниковедческий материал.

Свои записи Мустафа Бутбай делал в пути, фиксируя все, что видел и слышал. Сам автор, обращаясь к читателю, пишет: «Мое путешествие на Кавказ было мучительным и опасным, но для меня оно остается удивительным. Условия же поездки были таковы, что возможностей для ежедневных записей я не имел. Для того, чтобы спасти от исчезновения все то, что осталось в моей памяти и в маленькой записной книжке, я через 13 лет переписал, т. к. считал себя обязанным ознакомить с записями тех, кто придет после меня. Поэтому эти записи не являются ни романом, ни, тем более, описанием путешествия. Это только дневниковые записи» [Бутбай 1990: 5].

Мустафа Бутбай и его товарищи начали свое путешествие на Кавказ 2 февраля 1920 г., отплыв из Стамбула на пароходе «Гюльнихаль». Проехав через территории Грузии и Азербайджана, останавливаясь в разных городах и населенных пунктах, таких как Батуми, Тбилиси, Баку и пр., пережив ряд при-

ключений, связанных с риском для жизни, лишь через месяц они достигли границ Дагестана. Здесь их подстерегали трудности и опасности, с которыми они столкнулись с первого же дня путешествия.

Проехав с юга на север по предгорной и горной (центральной) части нашего края, Мустафа Бутбай делает интересные, хотя иногда и субъективные наблюдения о его географии, о социально-экономической и политической жизни населения. Вот, например, его мнение о Дагестане и дагестанцах: «Дагестан — это название горной страны. Местные жители в основном бедный люд. Там плодородны только долины. Очень много фруктов. Их села похожи на турецкие села в долине Анкары и Коньи. Дома стоят вроде один на другом и в полном беспорядке. Однако по сравнению с напоминающими кротовые норы азербайджанскими селами <...> дагестанские дома весьма приглядны» [Бутбай 1990: 28].

В ходе путешествия автор стремится точнее уловить и зафиксировать детали, нюансы маршрута своей маленькой группы. Это приближает читателя к описываемым событиям, позволяет ему понять и максимально вникнуть в их содержание. Так, он фиксирует, например, названия почти всех сел, населенных пунктов Дагестана, в которых ему пришлось побывать, из чего видно, что маршрут Мустафы Бутбая и его спутников пролегал через такие аулы, как Марага, Чияхна, Маджалис, Акуша, Леваши, Хунзах, Холут (?), Гуниб, Глох, Анди, Гагатли, Муни и еще ряд аулов без названий. Кроме того, турецкому эмиссару удалось побывать и в г. Темир-Хан-Шуре.

Повествуя о посещении этих аулов, автор в первую очередь подчеркивает то главное, что характерно для этих населенных пунктов. Так, об ауле Марага он пишет, что это было не село, а орлиное гнездо, где каждый дом стоял или на скале, или на краю пропасти. В том же ключе, но несколько шире описан Маджалис: «Это село расположено на крутой возвышенности и имеет естественную неприступность. Вообще большинство дагестанских сел построено в таких труднодоступных местах. Их можно защищать малыми силами. Этих людей постоянные войны вынудили выбрать для обитания именно такие места» [Бутбай 1990: 15].

Несколько эмоционально описан Гуниб, символизирующий в глазах турецкого эмиссара мужество, героизм горцев, их стремление к свободе и независимости: «Гуниб расположен на высокой горной вершине. Русские протянули прекрасное шоссе до расположенного на вершине аула. Левая сторона этого вьющегося как змея шоссе обращена в сторону глубокого ущелья и для безопасности ограждена столбами. На разных участках этого пути к вершине стоят памятные каменные столбы. Гора Гуниб является самой высокой среди окружающих ее гор. На вершине ее расположены основательно построенные казармы и прекрасные помещения для офицеров <...> Гуниб и его окрестности такие же величественные, какими были сражения за него. Я был потрясен величием окружающей Гуниб местности» [Бутбай 1990: 24].

Особое внимание в дневниковых записях уделено образам известных дагестанцев — представителей различных военно-политических и религиозных сил, социальных и национальных групп. Тон и содержание описания того или иного деятеля зависит, как правило, от личности последнего, его статуса и роли в общественно-политической жизни Дагестана и, наконец, степени и характера контакта с автором воспоминаний. Ценность авторских оценок заключается и в том, что содержащиеся в них детали, факты, штрихи дополняют общеизвестные сведения о конкретной личности как о гражданине и политике, способствуют коррекции взглядов читателя на его место и роль в истории Страны гор.

Вот, например, небольшая зарисовка о Гайдаре Баммате, к которому автор явно испытывает позитивные чувства: «Хайдар Баммат из кумыков. Очень умный юный джентльмен. Имеет совершенное образование. Кроме русского, прекрасно владеет французским и немецким языками. Приятной наружности, соответствующего роста и телосложения, он вызывает у собеседника приятное о себе впечатление. Он самый яркий приверженец независимости и является самым активным членом общества» [Бутбай 1990: 9].

Несколько сухоовато оценена личность другого известного дагестанского деятеля — Джелалудина Коркмасова: «Джелал Коркмасов по национальности татарин <...> Он крепко держался за свой идеализм <...> Сегодня Джелал стоит во главе большевистской власти в Дагестане <...> С виду он был сторонником независимости Кавказа, однако по сути — нет! Он считает, что народ еще не достиг политической зрелости» [Бутбай 1990: 34].

Интересны наблюдения автора об одном из лидеров контрреволюции Дагестана полковнике Кайтмазе Алиханове: «По пути в Ведено нам надо было зайти в крепость Хунзах. Эта крепость находилась в руках царского полковника, местного князя Кайтмаза Алиханова. Алиханов — по своей природе враг большевиков <...> Не встретиться с этим человеком было опасно и противоречило бы нашим целям. Оказывается, Алиханов и Узун-хаджи были врагами. <...>Алиханов был с жителями аула (Хунзах — А.М.) в плохих отношениях. Естественно, аульчане были большевиками, а он — меньшевик» [Бутбай 1990: 23, 25].

В воспоминаниях турецкого эмиссара особо выделяется одна социальная группа дагестанцев — это авторитетные религиозные деятели. В тот период ключевые позиции в вопросах, касающихся политического устройства Дагестана, его будущего, занимали Али-Гаджи Акушинский, Нажмудин Гочинский и Узун-хаджи.

С шейхом Али-Гаджи автору посчастливилось познакомиться лично, будучи принятым им у себя в селении Акуша. Встреча с известным религиозным деятелем, как можно судить по словам Мустафы Бутбая, произвела на него приятное впечатление: «Али-ходжа <...> был известным в Южном Дагестане человеком, авторитетным шейхом и имамом <...> несмотря на свои

семьдесят с лишним лет, он был дальновидным и здравомыслящим человеком» [Бутбай 1990: 22–23].

Отношение к личности Нажмудина Гоцинского у турецкого эмиссара субъективно-негативное, т. к. оно базируется на слухах, отрывочных сведениях об имаме, которые имели хождение среди определенной части дагестанского общества: «Нажмудин — один из известных и богатых мулл Дагестана. Я слышал, что у него одна забота — увеличение количества овец. Свои личные интересы он иногда ставил выше интересов народа, и потому народ его возненавидел. В последнее время сторонники большевиков в аулах растащили его овец» [Бутбай 1990: 27].

С большим уважением, симпатией, почти в одических тонах говорится в дневниковых записях о шейхе Узун-хаджи, которого автор сравнивает с самим имамом Шамилем: «В день моего пребывания в Ведено я застал Узун-хаджи на смертном одре. Я очень расстроился и опечалился, увидев в таком положении современного шейха Шамиля Кавказа, ибо таким был этот благословенный и храбрый человек. Царское правительство сослало в Сибирь этого человека чести. Долгие годы провел в ссылке этот прославленный среди горцев патриот. И его смерть сейчас принесет большую потерю для Кавказа» [Бутбай 1990: 31].

Наряду с известными историческими персонажами, в воспоминаниях представлены и несколько простых дагестанцев, с которыми судьба свела автора в его трудном путешествии. Говоря о них мимоходом, несколькими словами или предложениями, автор в своих оценках стремится подчеркнуть то существенное, знаковое в их образе, чем они запомнились ему, оставили в его памяти след. Например: «Перейдя через Хунзахские горы, мы легко добрались до аула Тлох <...> Остановились в доме молодого человека по имени Идрис <...> Я подарил ему свою фотографию, чтобы осталась на память об этих днях» [Бутбай 1990: 28]. «Нас к себе домой пригласил шейх Мухамад, происходивший из рода шейха Хамзы <...> Их род по происхождению аварский» [Бутбай 1990: 39].

Мустафа Бутбай старается писать объективно, с тактом о любом человеке, независимо от того, кто он, каких взглядов придерживается. Но есть среди них один горец, о котором автор отзывается с особой теплотой и благодарностью — это лакец Герай, активный представитель партии протурецки настроенных дагестанцев. Жизнь этого молодого человека и ее драматический финал — типичная судьба многих дагестанцев, воевавших в годы Гражданской войны на стороне антибольшевистских сил: «Вместе с Абубекиром Плиевым мы отправились в Ведено. С собой взяли знакомых всем проводников. Их было четверо. Старший был мужественный кумухец Герай. Я хочу с благодарностью вспомнить этих уважаемых и героических дагестанцев и их помощь. Они за свои деньги и на своих конях сопровождали нас, как братья, по всему этому длинному и изматывающему пути <...>

После возвращения в Турцию я узнал и очень был опечален, что кумухец Герай был замучен большевиками. Пусть помилует его Аллах! Он является

одной из жертв независимости Кавказа. Герай имел большие заслуги в действиях турецких войск на Кавказе и был награжден боевой медалью, которую он постоянно и с гордостью носил на груди. Он был примером для всех горцев своей молчаливостью, отвагой и героизмом. Он убил двух внезапно напавших на него большевиков, но и сам пал за веру. Село Куба в царское время долго имело самоуправление, и потому большевики жестоко расправились с ним» [Бутбай 1990: 23].

Одной из острых проблем, которую поднимает Мустафа Бутбай в своем произведении, является тема северокавказской интеллигенции. На протяжении всего повествования на ней сконцентрировано авторское внимание, что подчеркивает ее идейно-эстетическую ценность в решении задач, поставленных в воспоминаниях. Из них выясняется, что еще в Турции Мустафа Бутбай встречался с представителями Северного Кавказа. Это были известные политические деятели Абдулмеджид Чермоев, Гайдар Баммат, Симон Басария и др. В результате у автора сложилось в целом позитивное мнение об этих и других политических лицах, их деятельности, а через них — и о роли северокавказской интеллигенции в происходящих событиях. Именно в европейски образованной части горских народов он видел ту силу, которая была способна возглавить и вести северокавказское общество по пути свободы и независимости.

Однако уже в начале своего пути, в Тбилиси, у автора наступает момент разочарования. Столкнувшись здесь с разными представителями северокавказской интеллигенции, наблюдая их в повседневной жизни, видя, как они проводят время, Мустафа Бутбай приходит к выводу, что их не особенно волновал вопрос о независимости родного края. С этого момента меняется позиция турецкого эмиссара в отношении северокавказской интеллигенции, происходит эволюция его взглядов в сторону разочарования ее местом и ролью в происходящих событиях. Политическая близорукость и пассивность ее представителей, их безответственность и пренебрежение интересами народа вызывают у Мустафы Бутбая негативную реакцию, что естественным образом отражается на его оценках — они отрицательны, более того, уничижительны. Главную причину краха идей политической и национальной самостоятельности Кавказа Мустафа Бутбай связывает с той позицией, которую заняла кавказская интеллигенция, в частности ее лидеры, жившие больше своими, корыстными интересами, нежели интересами родины и народа.

Дневниковые записи Мустафы Бутбая интересны и в этнографическом плане. Несмотря на то что основной целью его путешествия по Кавказу было изучение сложившейся здесь общественно-политической и военной обстановки, он, как было сказано, не упускал случая обратить внимание на быт, культуру, традиции, психологию, языки местного населения. Так, наблюдая за аварским, андийским и другими дагестанскими языками, Мустафа Бутбай приходит к выводу, что на слух самым приятным является чеченский язык. От внимательного взгляда турецкого эмиссара не ускользает также факт, что

в 20-х гг. прошлого века на Северо-Восточном Кавказе еще крепки были позиции арабского языка. Он «в Дагестане и Чеченистане был средством общения, и в каждом ауле было несколько человек, говоривших и писавших по-арабски» [Бутбай 1990: 41].

Благодаря «Кавказским воспоминаниям» Мустафы Бутбая сегодня историческая наука располагает ценным мемуарно-документальным источником по истории Дагестана и Северного Кавказа, этнографии, быту, культуре и языку северокавказских народов в начале XX века, в эпоху Гражданской войны. Книга турецкого эмиссара внесла свой несомненный вклад в кавказоведение и представляет большой интерес как для профессиональных исследователей, так и для тех, кто интересуется историей Северо-Кавказского региона в один из его драматических периодов развития.

Литература

Бутбай 1993 — *Бутбай Мустафа*. Воспоминания о Кавказе: записки турецкого разведчика. — Махачкала, 1993.

Butbay 1990 — *Butbay M. Kafkasya Hatıraları*. — Ankara, 1990.

Murtazali — Murtazali // www.murtazali.livejournal.com/158526.html (дата обращения: 21.01.2017).

Ahmet Murtazaliev, Makhachkala

Dagestan during Russian Civil War in «The Caucasian Memoirs» of Turkish emissary Mustafa Butbay

Summary: The diary entries of Turkish emissary Mustafa Butbay were made in the North Caucasus in the period from February to August 1920. They describe the political situation, socio-economic and cultural life of the population in the period of the Civil War. The portraits of public, political, religious figures of Dagestan, Chechnya, Ingushetia, Ossetia, Abkhazia representing various driving forces, parties, political trends are given there. Being both a historical document and a literary monument, the notes of the Turkish emissary are considered in the article as a valuable source for the history, culture, geography, ethnography and language of the peoples of the North Caucasus. Memoirs of Mustafa Butbay add facts and details to the picture of the Civil War in the North Caucasus in the early twentieth century.

Keywords: Turkey, emissary, Mustafa Butbay, Civil War, diary entries, Dagestan, North Caucasus

Сведения об авторе

Муртазалиев Ахмед Магомедович — д.ф.н., заведующий отделом ИЯЛИ ДНЦ РАН; e-mail: ahmurt@mail.ru

Information about the author

Ahmet Murtazaliev — Ph.D. in philology, Head of Department of Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences; e-mail: ahmurt@mail.ru

Е.М. НАПОЛЬНОВА, г. Стамбул (Турция)

О некоторых явлениях вторичной номинации в современном турецком языке

Резюме: Процессы вторичной номинации постоянно происходят во всех языках и заключаются в использовании существующей языковой единицы (лексемы, словосочетания, предложения) для именованя нового явления действительности. Прагматический характер номинации обуславливает необходимость именованя новых технических средств и способов их использования. В этой связи в статье рассматриваются отдельные явления в сфере номинации технических средств (телефона, транспорта) в современном турецком языке.

Ключевые слова: вторичная номинация, турецкий язык

Процесс номинации, то есть образования языковых единиц, предназначенных для именованя коммуникативно значимых элементов окружающей действительности, постоянно идет во всех языках. Языковые механизмы именованя и закрепления наименований фрагментов действительности исследуются в рамках теории номинации. В соответствии со сравнительно-историческим методологическим подходом в теории номинации, представленным в работах Н.Д. Арутюновой, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой и других российских лингвистов, номинация делится на первичную и вторичную. Происхождение имен, возникших в результате первичной номинации, в современных языках может быть прослежено только путем этимологических исследований. Первичная номинация на настоящем этапе является крайне редким явлением в языках, и, как следствие экономичности языка, основными способами формирования новых слов и понятий являются вторичная номинация и заимствования. Вторичная номинация заключается в использовании существующей языковой единицы для именованя нового явления действительности и может осуществляться с использованием слово-

образовательных, семантических (развитие семантической структуры многозначного слова) и синтаксических средств: «Языковая техника вторичной номинации обеспечивается внутренними ресурсами языка — самим устройством языкового кода, его многоуровневой системой тождеств и различий элементов и правил их организации — с одной стороны, а с другой — взаимодействием номинативного (классифицирующего в своей основе) и коммуникативного (синтезирующего) аспектов речевой деятельности, где функциональные тождества и различия преобладают над структурно-семантическими» [Телия 1981: 157]. Понимание механизмов вторичной номинации важно с точки зрения не только лингвистики, но и исследования процессов мышления человека.

Что касается заимствований, то часто наблюдаемым явлением становится искажение в заимствующем языке исконного значения иноязычного слова вследствие различных факторов — контекста конкретного заимствования, отсутствия у заимствования субъектно-объектных и идиоматических связей в заимствующем языке, неправильной трактовки слова носителями заимствующего языка [Ягфарова 2014], семантической «конкуренции» со словами в заимствующем языке и др.

В настоящее время лингвисты включают в состав номинативных языковых средств не только лексемы, но и словосочетания и предложения. Хотя вторичная номинация может носить как языковой, так и речевой характер, речевая деятельность признается естественной средой для новых знаковых функций наименований [Телия 1981: 133], а «в языке закрепляются, как правило, такие вторичные наименования, которые представляют собой наиболее закономерные для системы данного языка способы именования и восполняют недостающие в нем номинативные средства» [Телия 1981: 129].

Что касается турецкого языка (ТЯ), то некоторые особенности процессов номинализации обусловлены его структурой и историей формирования. Общенациональный ТЯ, предназначенный для использования во всех коммуникативных сферах, стал результатом начатой в 1932 г. языковой революции. Ее задача была заявлена как освобождение от арабо-персидских заимствований, которыми изобилует староосманский. Вместо них в язык директивно вводились древние тюркские лексемы или их производные, поиском в тюркских памятниках и «конструированием» которых руководило основанное с этой целью Турецкое лингвистическое общество (*Türk Dil Kurumu*; первоначальное название *Türk Dili Tetkik Cemiyeti* ‘Общество исследований турецкого языка / тюркских языков’). Процесс словотворчества настолько закрепился в культурно-языковом сознании, что активно продолжается в настоящее время и носит достаточно хаотический характер: идет активное «продуцирование» не только специальной терминологии, но и общеупотребительных слов, и при этом зачастую не учитывается в должной степени семантика как корневых морфем, так и словообразовательных показателей, отсутствует регулирую-

щий орган, не ведется соответствующих языковых исследований и регистрации неологизмов. В первичном своем понимании борьба за чистоту языка преследовала не только языковые, но и определенные культурно-политические цели (освобождение от исламского влияния), которые постепенно были утрачены, а процесс со временем затронул и заимствования из других языков, главным образом из английского, активно начавшие проникать в ТЯ с развитием технических средств и международной коммуникации.

Выявление во внешнем мире реалий, которые должны получить названия, обусловлено прагматически: «называя предметы, явления окружающей действительности, их признаки и качества, мы тем самым закрепляем в сознании все то, что существенно для познания реального мира, для общественной практики» [СН: 258] и получаем возможность использовать их имена в коммуникативных актах. Для бытового языка важны прежде всего названия объектов, используемых в повседневной жизни, и именование способов их использования: «Говорение — это по преимуществу соотнесение новых образов с уже “снятыми” в языке аналогичными образцами, существующими в форме языковых единиц. Приложение готовых языковых значений к новым образцам — это и есть реальные процессы функционирования языка, в которых происходит подгонка и приспособление значений слов и синтаксических конструкций к тому, что обозначается в данном высказывании, а тем самым всегда существует возможность переосмысления значений» [Телия 1981: 133].

Привычным явлением последних десятилетий стало появление новых технических средств, использование которых требует номинации осуществляемых при этом действий. Одним из них является телефон. Современная конструкция и функции этого гаджета существенно отличаются от первоначальных, вследствие чего потребовались языковые средства для «маркирования» двух аппаратов — не-мобильного и мобильного и, метонимически, соответствующих телефонных номеров. Два выражения — *ev telefon-u* (дом телефон-POSS3SG) ‘домашний телефон’ и *iş telefon-u* (работа телефон-POSS3SG) ‘рабочий телефон’ — были объединены в *sabit telefon* (постоянный телефон) (от араб. *thābt* ‘фиксированный, неизменный’), а для мобильного телефона по этой же модели возникло наименование *cep telefon-u* (карман телефон-POSS3SG) ‘сотовый телефон’. В трех приведенных названиях типов телефонов определение выражено именем существительным.

Требование лаконичности, свойственное в особенности разговорному языку, зачастую приводит к отсечению определяемого слова и закреплению значения всего словосочетания за определением — ср. русск. *гостиная (комната), кондитерская (лавка)* и др., где взаимосвязь с исходным словосочетанием не теряется полностью благодаря выраженной в окончании прилагательного категории грамматического рода. Для ТЯ такая «языковая техника» в целом не свойственна вследствие отсутствия средств выражения синтаксической связи в слове-определении, однако в случае с сотовым телефоном под

влиянием стремления к максимальной экономичности номинация осуществилась нестандартным путем: отсечение ключевого (определяемого) слова привело к тому, что, как представляется, можно считать специфическим способом вторичной номинации: существительное-определение *ser* ‘карман’ (от ар. *jayb*) приняло на себя семантику всего словосочетания, полностью утратив свою собственную, и приобрело устойчивое значение ‘сотовый телефон’, которое отмечено в [ТДК].

Свидетельством формирования нового лексического значения у существительного *ser* является наличие у него новых синтаксических связей, «унаследованных» от исходного словосочетания:

- (1) *Ben-i ser-ten ara*
я-ACC карман-ABL искать
‘Позвони мне с сотового’ или ‘Позвони мне на сотовый’;
- (2) *Ceb-in yok mu?*
карман-POSS2SG не иметься Q
‘У тебя нет сотового телефона?’;
- (3) *Ceb-in kaç?*
карман-2SG сколько
‘Какой у тебя номер сотового?’.

Основными внеязыковыми факторами, сделавшими возможной такую «народную номинацию», является очень высокая степень использования этого гаджета и характерное для такого пути номинации стремление отражать в наименовании наиболее яркий признак именуемого объекта [Ягфарова 2014: 2507], которым, в отличие от заимствованного в русский из английского *мобильный*, является его «местонахождение» по аналогии с домашним и рабочим телефонами. Этот пример подтверждает тезис, касающийся вторичной косвенной номинации, о том, что преобладание прагматического фактора в номинативном акте может приводить к значительному отходу от опосредующего значения [Телия 1981: 122].

Укажем, что это редкий, но не единственный пример такого способа номинации в ТЯ: в современном ТЯ английское заимствование *sömestr* ‘семестр’ (в [ТДК] не отмечено; от англ. *semester*) утратило исходное значение и приобрело антонимичное ему значение ‘зимние каникулы’ за счет усечения словосочетания *sömestr tatil-i* (семестр каникулы-POSS3SG) ‘зимние каникулы’:

- (4) *Sömestr-de nereye gid-il-ir?*
семестр-LOCкуда идти/ехать-PASS-AOR
‘Куда можно поехать/пойти в зимние каникулы?’.

В отличие от сотового телефона такая трансформация значения стала возможной вследствие заимствованного характера этого слова, как следст-

вие — отсутствия у него мотивировки в ТЯ, а также наличия турецкого синонима *dönem* ‘период; семестр’. Кроме того, источником словосочетания ‘зимние каникулы’, скорее всего, стала университетская среда, что подтверждает высказанную А. Вежицкой [Вежицкая 1999: 687] мысль об отличительной особенности языка высших учебных заведений, заключающейся в изменениях языковых правил.

Стремлением к лаконичности, что особенно важно в отношении слов с высокой частотностью употребления в разговорном языке, обусловлена практически полная замена сложного глагола *telefon et-* (телефон AUX) на глагол *ara-* ‘звонить’ с первичным значением ‘искать’.

Еще одним отличием современных телефонов стал способ набора номера. В отношении старых телефонов в ТЯ использовался глагол, в первичном значении отражающий движение диска — *çevir-* ‘поворачивать’:

- (5) *yanlış numara çevir-en insan-ı tersle*
 неправильный номер поворачивать-CV человек-ACC грубить
 ‘грубить человеку, неправильно набравшему номер телефона’.

Вследствие своей мотивировки в современном ТЯ этот глагол часто заменяется на *tuşla-* (от *tuş* ‘кнопка, клавиша’, от фр. *touche* ‘клавиша’), *gir-* ‘вводить (данные)’ или вышеназванный *ara-*:

- (6) *Dahili numara-yı bil-iyor-sa-nız lütfen*
 внутренний номер-ACC знать-PRS-COND-2PL пожалуйста
tuşla-yınız
 нажимать.на.клавиши-2PL
 ‘Пожалуйста, наберите внутренний номер (телефона), если вы его знаете’;
- (7) “0” *ile birlikte ara-yacağ-ınız numara-yı gir-in*
 «ноль» с вместе искать-SAF-2PL номер-ACC входить-2PL
 ‘Наберите ноль, а затем нужный вам номер телефона’;
- (8) *Hangi numarayı ara-dı-n?*
 который номер-ACC искать-PST-2SG
 ‘Какой номер ты набирал?’, ‘По какому номеру ты звонил?’.

Один из трех названных глаголов — глагол пространственного перемещения *gir-* с первичным значением ‘входить, въезжать’ — в ТЯ является непереходным. Использование *gir-* в значении ‘вводить (данные)’ в сочетании с аккумулятивом в отношении электронного оборудования обусловлено не естественным расширением семантики исходного глагола, а калькированием с английского названия клавиши ENTER, что потребовало возникновения новой валентности. В связи с этим возникает вопрос о том, как следует расценивать этот случай — как полисемию или омонимию?

Можно предположить, что с конструкцией телефонного аппарата связано изменение в семантике еще одного глагола. В значении ‘дозвониться’ стан-

дартно использовался глагол *düş-ür-* (падать-CAUS) с первичным значением ‘уронить’, что было обусловлено наличием фразеологизма *hat düş-tü* (линия падать-PST) ‘произошло соединение’ (значение 33 в [TDK]).

Хотя мотивировка этого значения в настоящее время не очевидна, его возникновение могло быть связано с какой-то конструктивной особенностью телефонного оборудования. Важно, что в настоящее время этот глагол используется только людьми среднего и старшего возраста, а в речи молодых людей он полностью вытеснен глаголом *ulaş-* ‘добираться, достигать’:

- (9) *Dün ona ulaş-a-ma-dı-m*
 вчера он-DAT достигать-ABIL-NEG-PST-1SG
 ‘Вчера я не смог ему дозвониться’.

То, насколько форма и способ работы приборов могут визуализировать соответствующие представления и изменять форму соответствующих высказываний, видно также и на следующем примере. Новое поколение молодежи называют «цифровыми от рождения», одним из следствий чего является формирование быстрых реакций на зрительные стимулы, которые являются определяющими форму высказывания даже в ущерб языковому узусу, так как кодировка информации в мозгу происходит несколько иначе, чем у старших поколений. Правильное указание на приблизительное время в первой половине каждого часа строится по-турецки в форме «десять (минут) проходит два (часа)» (в 2 ч. 10 мин. и 14 ч. 10 мин.), а во второй половине каждого часа — в форме «до трех (часов) есть десять (минут)» (в 2 ч. 50 мин. и 14 ч. 50 мин.). Форма этих высказываний соответствует тому, что человек видит на циферблате аналоговых часов. Распространение цифровых часов не визуализирует время в форме, необходимой для такого высказывания, вследствие чего в настоящее время на протяжении всего соответствующего часа стали обычными выражения в форме, характерной для первой половины часа («сорок два (минуты) проходят два (часа)» — в 2 ч. 42 мин. и 14 ч. 42 мин.).

По той же причине происходит еще одно изменение в выражении времени. Для указания на время 12 ч. 30 мин. стандартно использовалась лексема *yarım* ‘половина (менее единицы)’, а не *buçuk* ‘половина (более единицы)’:

- (10) *Yarım-da buluş-alım*
 половина.меньше.единицы-LOC встречаться-OPT
 ‘Давай встретимся в половине первого’.

Информация, считываемая с экрана цифровых часов, обусловила изменение формы и этого высказывания: в настоящее время, особенно в речи молодежи, выражение *on iki buçuk-ta* (десять два половина.больше.единицы-LOC) ‘в половине первого’ практически полностью вытеснило узуальное *yarım-da*.

Другой технической сферой, с которой большинство людей сталкивается ежедневно, являются транспортные средства. Их непосредственная связь

с пространственным перемещением человека приводит к тому, что в отношении них в разных языках при определенных условиях могут использоваться «человеческие» глаголы перемещения (например, русск. *автобус пришел*). С другой стороны, «у глаголов движения семантические процессы тесно связаны с изменением характера субъекта действия, что влечет за собой различные движения внутри глагольного класса, его внутреннее развитие» [Копорская 1996: 118]. Это общее положение распространяется и на ТЯ.

Глагол *kalk-* (др.-тюрк. *qali-* ‘подниматься, взлетать; прыгать, скакать; подпрыгивать; вздыбливаться, вставать на дыбы’ [ДТС: 411], в дословных переводах ниже — ‘вставать’) и родственные лексемы в других тюркских языках в самом общем смысле описывают направленное вверх движение — «подниматься», часто резкое (формы интенсивного действия от *qal-* ‘вставать, подниматься’ при помощи афф. *q-* [ЭСТЯ 1997: 224–226]). В ТЯ в первичном значении *kalk-* описывает вставание с места человека и животных, и распространилось на транспортные средства регулярного сообщения (автобус, поезд и т. д.) в значении ‘отправляться’. В значении *kalk-* присутствует компонент «ограниченности подъема по высоте», с чем связана сочетаемость только с одним падежом — аблативом — в значении начальной точки перемещения.

Как показывают собранные нами примеры, из искусственных летающих объектов этот глагол в финитной форме регулярно сочетается только с самолетом:

(11) *saat 17.00'-de kalk-ma-sı gerek-en uçak*
 час 17.00-LOC вставать-NMLZ-POSS3SG долженствовать-PC самолет
 ‘самолет, который должен вылететь в 17.00’,

(12) *157 yolcu-su bulun-an uçak kalk-ma-ya*
 157 пассажир-POSS3SG находиться-PC самолет вставать-NMLZ-DAT
hazırlan-ırken <...>
 готовиться-CV
 ‘Когда самолет с 157 пассажирами на борту готовился взлететь <...>’.

Сочетание с другими типами летающих объектов зафиксировано для отглагольного имени на *-iş* — *kalk-ış*:

(13) *Füze kalk-ış-t-ni izle*
 ракета вставать-NMLZ-POSS3SG-ACC следить
 ‘Наблюдай за взлетом ракеты’,

(!) но не с отглагольным именем на *-ma*: *kalk-ma-sı-nı*,

(14) *gemi-den kalk-ış yap-ma-ya çalış-an helikopter*
 корабль-ABL вставать-NMLZ делать-NMLZ-DAT работать-PC
 ‘вертолет, пытающийся взлететь с корабля’,

(!) т. е. букв. ‘пытающийся сделать взлет’, но нельзя с отглагольным именем на *-ma*: *kalk-ma-ya*,

- (15) *balon kalk-ış alan-ı*
 шар вставать-NMLZ площадка-POSS3SG
 ‘стартовая площадка для воздушного шара’,

(!) но не с отглагольным именем на *-ma*: *kalk-ma*.

Данное явление, после приведенных нами примеров, подтверждено носителями-преподавателями ТЯ, хотя сами они не обращали на него внимания. В [ТДК] нет указаний на сочетаемость *kalkış*, значение которого поясняется только как *kalk-ma ı̇ş-i* (вставить-NMLZ дело-POSS3SG).

Разница в описании начального момента движения разных видов летающих аппаратов объясняется тем, что из всех них только самолет представляет собой транспортное средство, используемое для пассажирского сообщения, и включение его в сферу сочетаемости глагола *kalk-* является стандартным выражением момента отправления, а не начала движения вообще:

- (16) *tren / otobüs / vapur kalk-ıyor*
 поезд / автобус / пароход отправляться-PRS
 ‘поезд / автобус / пароход отправляется’,

при невозможности, например,

- (17) **bisiklet kalkıyor*
 ‘велосипед отправляется’

(ср. русск. *ходить, идти* о регулярных транспортных средствах, но **мотоцикл ходит, идет*). В результате характерной для современного ТЯ активизации глагольного имени на *-ış* [Напольнова 2018], можно говорить о том, что *kalkış* лексикализировалось в значении ‘старт, взлет’ (антоним *iniş* ‘посадка’) и, судя по единичным примерам, постепенно приводит к модификации значения и расширению лексической сочетаемости самого глагола:

- (18) *Kalk-ış-ta Vettel ve Alonso bir-bir-ler-i-yle*
 вставить-NMLZ-LOC Феттель и Алонсо один-один-PL-POSS3SG-INS
uğraş-ırken 3.sıra-dan kalk-an Massa
 заниматься-CV третий очередь-ABL вставить-PC Масса
liderliğ-e otur-du
 лидерство-DAT садиться-PST
 ‘Пока на старте Феттель и Алонсо боролись друг с другом, стартовавший с третьей позиции Масса захватил лидерство’ (о гонках Формулы-1),
- (19) *füze kalk-tığ-ı zaman*
 ракета вставить-SAF-POSS3SG время
 ‘когда взлетает ракета’.

С развитием транспортных средств связано еще одно изменение в семантике глаголов пространственного перемещения. Лошадь играла особую роль в кочевой культуре, которая определила то, что в разных тюркских языках

посадка на лошадь описывается специальным глаголом *bin-* [Тенишев 1961: 267–268]. Спуск с лошади в ТЯ описывается глаголом *in-*, имеющим также более широкое значение ‘опускаться’. Как следствие такого способа номинации этих двух действий в ТЯ посадка в транспортное средство и высадка из него описывается аналогично лошади:

(20) *tren-e bin-*
поезд-DAT садиться.на.лошадь
‘садиться в поезд’,

(21) *tren-den in-*
поезд-ABL опускаться
‘выходить из поезда’.

В семантике *bin-* превалирует компонент способа усаживания на лошадь, а *in-* чаще используется в общем значении движения вниз. Однако в настоящее время широко распространенным городским общественным транспортом в Турции стало метро, посадка и высадка из которого осуществляется в направлениях, противоположных традиционным. Этот фактор должен был отразиться в способе номинации движения, и это произошло следующим образом. Посадка в метро, как и в другие транспортные средства, описывается «специализированным» *bin-*, однако ввиду того, что более значимым компонентом семантики *in-* является указание на направление движения вниз, в отношении метро этот глагол оказался заменен на *çık-* ‘выходить’:

(22) *metro-ya bin-*
метро-DAT садиться.на.лошадь
‘садиться в метро’,

(23) *metro-dan çık-*
метро-ABL выходить
‘выходить из метро’.

Еще один пример из сферы транспорта. «Стандартными» каузативными глаголами пространственного перемещения являются *getir-* ‘приводить, приносить, привозить’ и *götür-* ‘уводить, уносить, увозить’. Оба эти глагола, аналогично некаузативным *gel-* ‘приходить, приезжать’ и *git-* ‘ехать, уходить, уезжать’, не проводят различий по способу перемещения и имеют дейктическую функцию. При этом, в отличие от некаузативного *git-* ‘ехать’, каузативный *götür-* не может употребляться недейктически в первичном пространственном значении в ситуации прямого дейксиса. В ТЯ имеется также недейктический каузативный глагол перемещения *ulaş-tır-* (достигать-CAUS) ‘доставлять’: семантика которого предполагает достижение объектом не просто конечной точки, а цели перемещения.

Широкое использование автомобилей как личного и общественного транспортного средства обусловило потребность в каузативном глаголе про-

странственного перемещения, значение которого не включало бы ограничивающие его использование семантические компоненты дейктичности и целедостижения. В качестве такого глагола ТЯ «выбрал» *birak-* с первичными значениями ‘оставлять, класть, забывать, отпускать’. Ввиду возникшей новой языковой потребности — выражения помощи, оказываемой водителем автомобиля пассажиру в достижении последним некой точки — глагол *birak-* в сочетании с дательным падежом стал широко использоваться в разговорном языке в каузативном значении пространственного перемещения на транспортном средстве (в [ТДК] это значение не отмечено), близком к русск. *забросить, подбросить, подвезти*:

(24) — *Nasil gel-di-n?* — *Baba-m birak-ti*
 как приезжать-PST-2SG. папа-POSS1SG оставлять-PST
 ‘— На чем ты приехал? — Папа завез.’

(25) *Biz-i Kadıköy'-e birak-ır mi-sin* (например, шоферу такси)
 мы-ACC Кадыкёй-DAT оставлять-AOR Q-2SG
 ‘Довезите нас (пожалуйста) до Кадыкёй’.

Таким образом, ТЯ демонстрирует ряд интересных примеров вторичной номинации, связанных со спецификой способов использования новых технических средств. Одной из языковых причин возможности таких изменений стала низкая степень нормированности ТЯ.

ГЛОССЫ

- ABIL — модальность возможности
- ABL — отложительный падеж (аблатив)
- ACC — винительный падеж (аккузатив)
- AOR — аорист (настоящее-будущее время)
- AUX — вспомогательный глагол
- CAUS — понудительный залог
- COND — условная модальность
- CV — деепричастие (конверб)
- DAT — дательный падеж (датив)
- INS — инструментальный падеж (инструментатив)
- LOC — местный падеж (локатив)
- NEG — отрицание
- NMLZ — имя действия
- OPT — желательное наклонение (оптатив)
- PASS — пассивный залог (пассив)
- PC — причастие
- PL — множественное число
- POSS — посессивный показатель
- PRS — настоящее время
- PST — прошедшее время
- Q — вопросительная частица

SAF — показатель субстантивно-адъективной формы

SG — единственное число

1 — первое лицо

2 — второе лицо

3 — третье лицо

Литература

- Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. *А.Д. Шмелева*, ред. *Т.В. Булыгина*. — М., 1999.
- ДТС — Древнетюркский словарь / Ред. *В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак*. — М.-Л., 1969.
- Копорская 1996 — *Копорская Е.С.* «Семантический архетип» глаголов физического движения в его отношении к строению глагольного класса // Словарь. Грамматика. Текст. — М., 1996. — С. 112–120.
- Напольнова 2018 — *Напольнова Е.М.* Отглагольное имя на *-ış* и развитие семантики турецких глаголов // Вопросы тюркской филологии XII. — М., 2018. — С. 79–94.
- СН — Способы номинации в современном русском языке [Текст] / Отв. ред. *Д.Н. Шмелев*. — М., 1982.
- Телия 1981 — *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. — М., 1981.
- Тенишев Э.Р. — *Тенишев Э.Р.* Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961. — С. 232–293.
- ЭСТЯ 1997 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ». — М., 1997.
- Ягфарова Г.Н. — *Ягфарова Г.Н.* О факторах, влияющих на процесс номинации в языке // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 12 (часть 11). — С. 2505–2508.
- ТДК — официальный сайт Турецкого лингвистического общества // <http://www.tdk.gov.tr/> (дата обращения 22.02.2019).

Elena Napolnova, Istanbul (Turkey)

Some phenomena of secondary nomination in modern Turkish language

Summary: The process of secondary nomination constantly occurs in all languages and consist of the use of an existing linguistic unit (lexemes, phrases, sentences) to name the new reality phenomenon. The pragmatic nature of the nomination makes it necessary to name new technical means and ways of their use. In this regard, the article deals with certain phenomena in the field of nomination of technical means (telephone, transport) in the modern Turkish language.

Keywords: secondary nomination, Turkish language

Сведения об авторе

Напольнова Елена Марковна — к.ф.н., доцент университета Озйегин (Турция); e-mail: elenapolnova@yahoo.com

Information about the author

Elena Napolnova — Ph.D. in philology, Associated Professor of Özyeğin University (Turkey); e-mail: elenapolnova@yahoo.com

И. А. НЕВСКАЯ, г. Новосибирск,
г. Франкфурт (Германия),
С. Ж. ТАЖИБАЕВА, г. Нурсултан (Казахстан)

Социолингвистическая ситуация тюркских этносов Казахстана: создание базы данных

Резюме: Казахстанский тюркский лингвистический ландшафт представляет собой интересный объект для проведения социолингвистических и лингвокультурогических исследований. В Казахстане проживают представители 24 тюркских этносов, сохранившие особенности родного языка, самобытной культуры. Создание базы данных социолингвистического исследования по тюркским этносам Казахстана было выполнено в Казахстане в рамках международного проекта «Взаимодействие тюркских языков и культур в постсоветском Казахстане».

Ключевые слова: Казахстан, тюркские этносы, тюркские языки, социолингвистическое исследование, база данных, визуализация, диаспора, Ассамблея народа Казахстана

Вводные замечания

В 2012 г. на конференции в Берлине нами был сделан доклад «The endangered Turkic Languages in Kazakhstan». В работе конференции приняли участие Д.М. Насилов, И.В. Кормушин, А.В. Дыбо и другие российские тюркологи. В ходе обсуждения доклада Дмитрий Михайлович Насилов высказал ценные замечания, дал рекомендации, которые легли в основу дальнейших исследований в рамках международного проекта «Interaction of Turkic Languages and Cultures in the post-Soviet Kazakhstan» («Взаимодействие тюркских языков и культур в постсоветском Казахстане»). Создание базы для проведения социолингвистических исследований является одним из результатов проекта, который финансировался фондом «Фольксваген» в 2013–2018 гг.

1. Тюркский мир Казахстана: общие сведения о тюркских языках, функционирующих в Казахстане

Тюркский мир современного Казахстана представлен 24 тюркскими этническими группами, языки которых распространены также в Российской Федерации, Монголии, Китае, в Республике Узбекистан, в Азербайджанской Республике, в Туркменистане, в Республике Молдова, а также в других регионах Евразии. Положение языков различно — от полноценно функционирующих государственных языков до миноритарных языков, находящихся под угрозой исчезновения. Проживающие в Казахстане тюркские этносы можно разделить на следующие группы с точки зрения их положения в казахстанском обществе и перспектив развития:

- крупные, активно развивающиеся диаспоры (узбеки, уйгуры, турки, азербайджанцы, кыргызы и каракалпаки). Их языки за пределами Казахстана имеют свою территорию, представляют численное большинство носителей, т. е. являются мажоритарными [Trudgill 2003: 43; Сулейменова 2007: 26];
- относительно крупные диаспоры с отрицательным демографическим трендом (казанские татары, башкиры, чувашы, туркмены, балкарцы, крымские татары, карачаевцы);
- малочисленные диаспоральные группы (гагаузы, кумыки, ногайцы, караимы, хакасы, алтайцы, якуты, шорцы, тувинцы, крымчаки, долганы).

Часть диаспор второй и третьей группы имеют свои административные территории, в том числе и республики в составе РФ, и являются в них мажоритарными этносами, но большинство диаспор этих групп являются миноритарными этносами даже на своей административной территории, или же ее вообще не имеют.

В настоящее время тюркские этносы в Казахстане в целом успешно решают задачу сохранения своего культурного наследия, активно участвуя при этом в процессе общегражданской интеграции. Казахское государство создает для этого все необходимые условия.

Особенности менталитета этносов, населяющих Казахстан, в сочетании с продуманной государственной политикой, позволили сформировать специфическую культуру неконфликтного поведения в гетерогенном обществе. Как результат, культурно-языковое многообразие в независимом Казахстане стало фактором не расслоения и дезинтеграции общества, но напротив, его духовного обогащения и успешного поступательного развития. Правительство страны проводит последовательную политику, направленную на достижение реального гражданского равноправия между представителями всех этнических групп, представленных в Казахстане — в том числе, тюркских. К числу таких мер можно отнести, прежде всего:

— создание в 1995 г. Ассамблеи народа Казахстана (АНК), уникального института, объединяющего этнокультурные организации и, координируя их работу, таким образом, обеспечивающего конструктивное взаимодействие этнически сознательных групп граждан между собой и с государством;

— обеспечение возможности поддержания этнических культур, включая возможность получения среднего образования на родных языках; из числа тюркских этносов, проживающих в РК, данной возможностью на данный момент пользуются узбеки и уйгуры;

— выплата компенсаций представителям этносов, депортированным в Казахстан в 1939–1944 гг.;

— введение квоты при поступлении в вузы для представителей малочисленных этносов по линии АНК.

Языки и культура тюркских этносов являются предметом глубокого интереса и дальнейшего исследования как для научного сообщества Казахстана, так и в целом для мировой тюркологии. Проведения социолингвистического и лингвокультурологического исследования является особенно актуальным.

Актуальной задачей казахстанской тюркологии является документирование исчезающих языков. С лингвистической карты Казахстана исчез тофаларский язык. В настоящее время в Казахстане на грани исчезновения находятся бесписьменные варианты турецкого языка [Nevskaya, Tazhibayeva 2015a; Nevskaya, Tazhibayeva 2015b].

Во время проведения международного проекта нам не удалось найти сведений о представителях редких тюркских этносов и языков, таких как каримский, крымчакский, хотя в соответствии с переписью населения 2009 г. отмечается положительная динамика в их приросте [АРКС 2010].

2. Результаты социолингвистического исследования

В рамках международного проекта «Взаимодействие тюркских языков и культур в пост-советском Казахстане» было проведено широкомасштабное социолингвистическое исследование по всем регионам Казахстана в местах компактного проживания различных тюркских этносов. Социолингвистические данные международного проекта находятся на веб-сайте проекта www.tyurki.weebly.com в рубрике «Результаты анкетирования».

2.1 Вопросы анкеты

Вопросы анкеты включают следующие разделы: самоидентификация, этническая и национальная принадлежность по паспорту; определение национальности в межнациональных браках; история семьи (история миграции

семьи); языковая компетентность, использование языков в различных ситуациях; поддержка государством языков тюркских этносов (преподавание в школе, средства массовой информации и др.); уровень образованности и др. Анкета заполняется на бумажном или электронном носителе. Заполненные на бумажных носителях результаты переносились на сайт (см. рисунок 1).

А. Жалпы мәлімет және этникалық таным / Общая информация и этническое самоопределение

Мы Тюрки

А-1. Жасыңыз (Сіздің жасыңыз нешеде) / Возраст (сколько Вам исполнилось лет)

Выбрать ▾

А-2. Қай елдің азаматы болып табыласыз / Гражданином какой страны вы являетесь

Казахстан

Рисунок 1.
Пример анкеты в электронном варианте

2.2 Аналитическая обработка социолингвистических данных

Результаты анкетирования были обработаны в режиме on-line благодаря программе визуализации, которая является открытой и доступной в использовании для всех заинтересованных лиц. Данные базы хранятся в табличной форме в формате EXCEL, как это показано на рисунке 2.

На рисунке 3 представлена визуализация использования базы данных в формате EXCEL.

Поиск ответов на запросы исследователя можно осуществить при помощи фильтрации. Это наиболее быстрый и простой способ нахождения подмножества данных и работы с ним в диапазоне ячеек или в столбце таблицы. В отфильтрованных данных отображаются только строки, соответствующие заданным условиям, а ненужные строки скрываются. На рисунке 4 показана иллюстрация использования фильтра для выявления количества респондентов, записанных по паспорту узбеками.

Отметка времени	Жасыңыз (Сіздің жас)	Қай елдің азаматы бол	Сіз қай этноста жата	Төлужат бойынша / По паспорту	Өзіндік таным бойы	Ұлты / Национально	Сіздің өнегіздігі / Ва
17.09.2013 15:20:37	46	Қазақстан	түркі	түркі хемшілғы	түркі хемшілғы	түркі	түркі хемшілғы
17.09.2013 15:59:51	46	Қазақстан	қарачаевцы	қарачаевцы	қарачаевцы	қарачаевцы	қарачаевцы
17.09.2013 17:07:50	19	Қазақстан	қарачаевцы	қарачаевцы	қарачаевцы	қарачаевцы	қарачаевцы
17.09.2013 17:32:55	75	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
18.09.2013 10:22:22	19	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
18.09.2013 11:11:31	52	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
18.09.2013 11:34:32	48	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
18.09.2013 11:47:47	73	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
18.09.2013 11:59:08	75	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
18.09.2013 12:28:44	33	Қазақстан	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки
18.09.2013 12:40:06	26	Қазақстан	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки
18.09.2013 12:48:56	27	Қазақстан	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки
18.09.2013 13:24:51	28	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
18.09.2013 15:24:18	21	Қазақстан	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки
18.09.2013 16:05:36	14	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
18.09.2013 18:20:46	55	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
18.09.2013 18:41:21	75	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
18.09.2013 18:57:32	25	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
18.09.2013 19:11:14	40	Қазақстан	татары	татары	татары	татары	татары
19.09.2013 9:28:11	57	Қазақстан	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки
19.09.2013 9:37:49	54	Қазақстан	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки	узбеки

Рисунок 2.
 Ответы респондентов в табличной форме

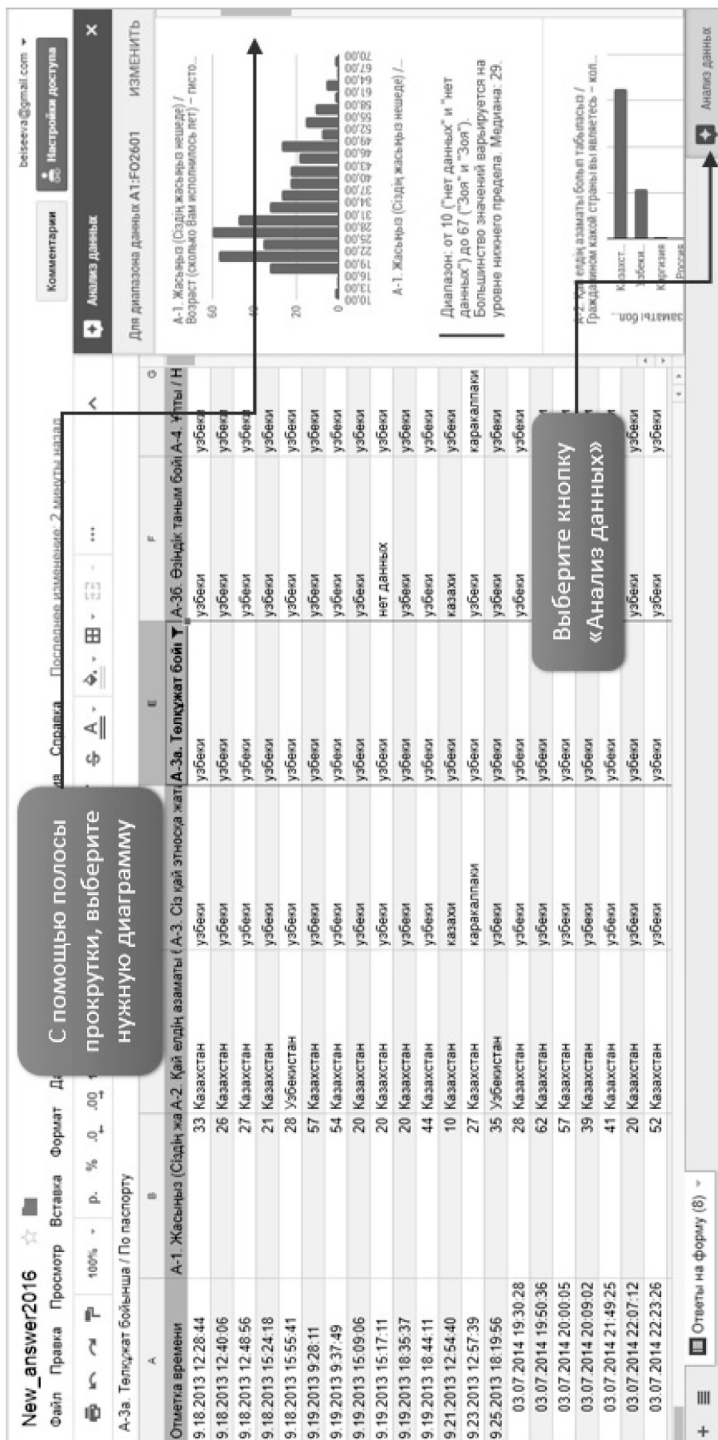

Рисунок 3.
База данных в формате EXCEL

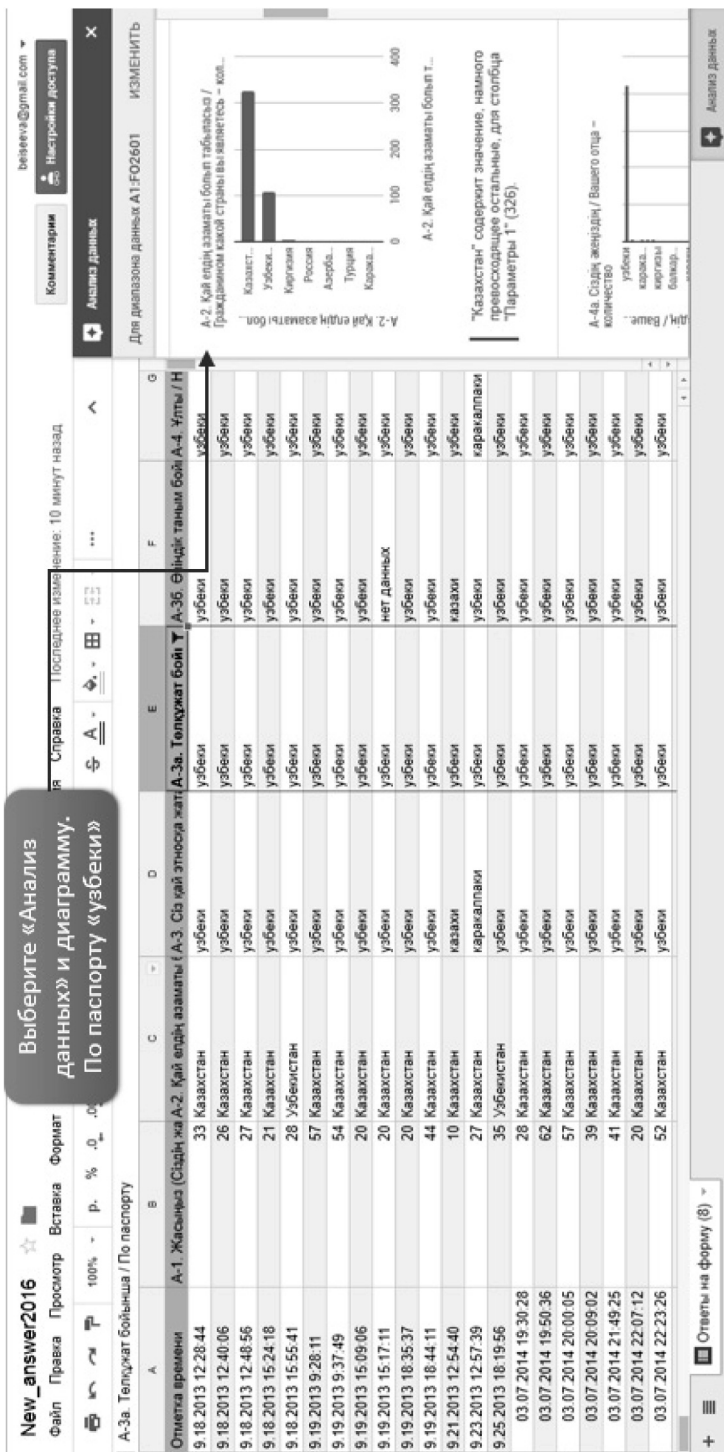

Рисунок 4. Фильтрация ответов респондентов

Табличная форма для отображения результатов с применением фильтров является наглядной, однако неудобство заключается в том, что фильтрацию по каждому параметру необходимо проводить вручную, а не автоматически. Автоматическая визуализация данных позволяет экономить время исследователя. На конкретный запрос исследователя появляются диаграммы с цифровыми данными. Поэтому для представления данных в виде диаграмм и графиков с применением того же фильтра была разработана автоматическая визуализация данных, составленная при помощи инструментов Google Chart API, основанных на языке программирования JavaScript. Эту работу выполнила участница проекта программист Жанар Бейсева.

На рисунке 5 представлена оболочка раздела сайта, в котором выполнена визуализация данных. Все данные были разделены на 6 подгрупп для удобства проведения визуализации. В том случае, когда выбирается национальность, фильтр автоматически выводит данные респондентов этого этноса, участвовавших в анкетировании, как это показано на рисунке 5.

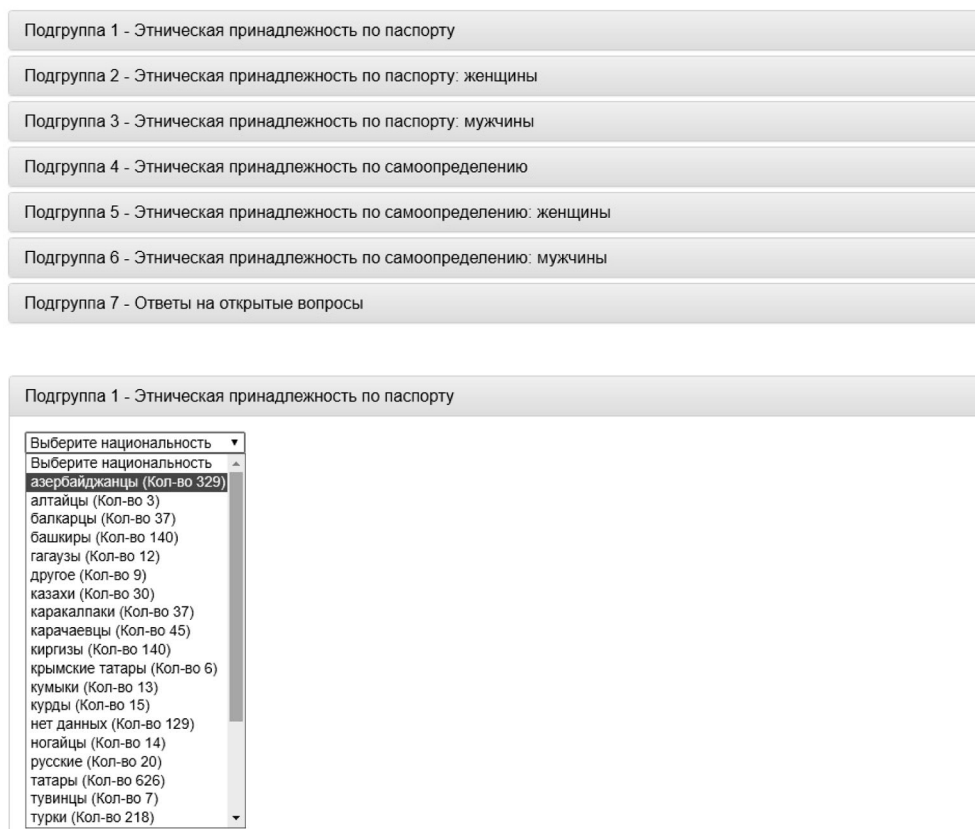

Рисунок 5.
Оболочка визуализации базы данных

На рисунке 6 визуализированы ответы представителей турецкой диаспоры на вопрос «Ваша национальность по самоопределению».

Рисунок 6.

Ответы респондентов на вопрос А3-б «Ваша национальность по самоопределению»

Расселение представителей тюркских этносов визуализируются на карте Казахстана. 218 респондентов анкеты являлись представителями турецкой этнической группы. На рисунке 7 обозначены регионы их проживания.

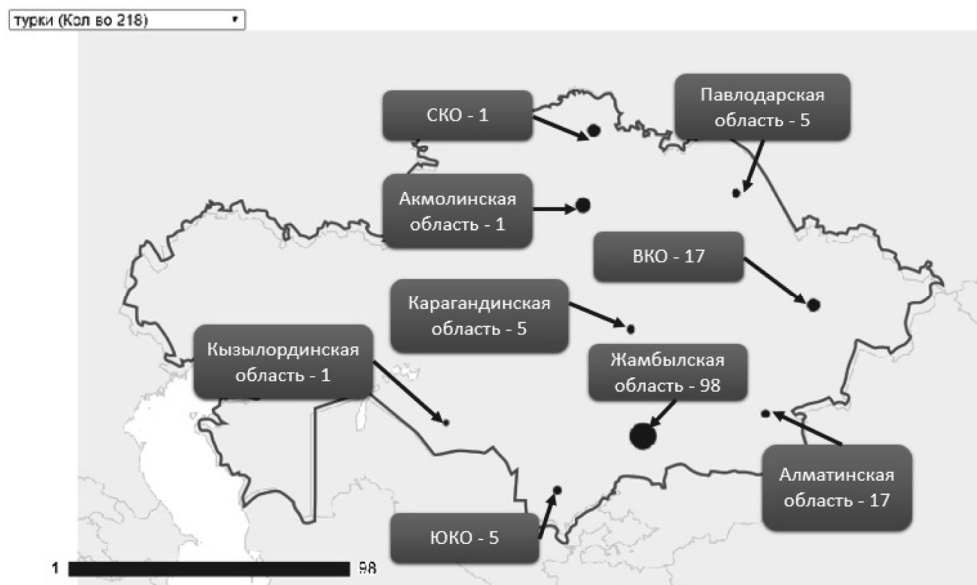

Рисунок 7.

Количество респондентов, участвовавших в анкетировании, по регионам проживания (СКО — Северо-Казахстанская область, ЮКО — Южно-Казахстанская область)

На рисунке 8 визуализированы данные, указывающие на процентное соотношение представителей малочисленных этносов, участвовавших в анкетировании.

Количественное соотношение представителей малочисленных этносов, участвовавших в анкетировании

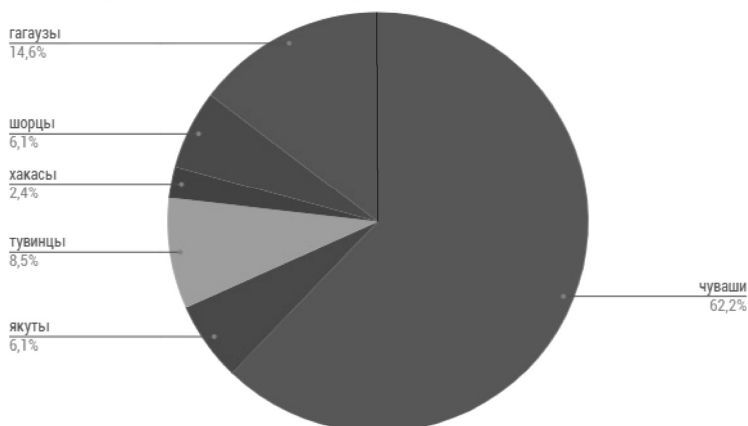

Рисунок 8.

Визуализация данных по миноритарным этносам

В базе данных существует множество параметров, которые можно указать посредством строки запроса. Например, на рисунке 9 визуализированы данные, касающиеся вопросов, связанных с языками, на которых говорят с детьми-школьниками в уйгурских семьях.

Языки, на которых говорят в семье с детьми-школьниками

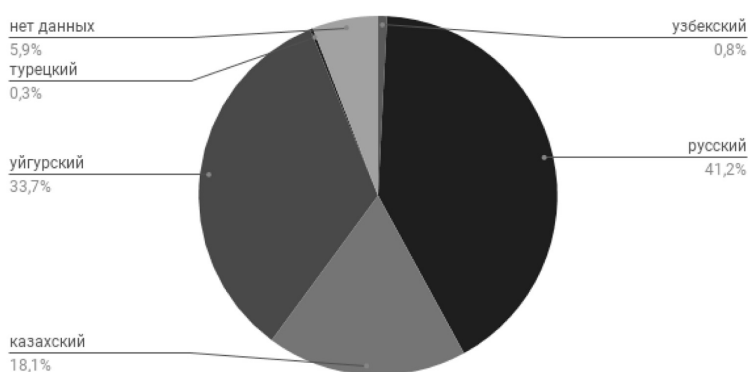

Рисунок 9.

Языки, на которых говорят с детьми-школьниками в уйгурских семьях

Результаты обработки данных показали, что в уйгурских семьях первое место в общении с детьми-школьниками занимает не родной уйгурский (33,7), а русский язык (41,2%). Русский язык занимает доминантное положение в уйгурских семьях и в общении со взрослыми. Взрослые между собой предпочитают говорить на двух языках: русском и уйгурском — 46 респондентов (24,6%), только на уйгурском говорят 36 (19,3%) респондентов, только на русском — 38 (20,3%); на трех языках (казахском, русском и уйгурском) — 20 (10,7%), на казахском языке между собой говорят 12 (6,4%) респондентов, казахско-уйгурское двуязычие используют 12 (6,4%).

Уйгуры Казахстана, как правило, трехязычны, хорошо владеют русским и казахским языками. В Казахстане с советских времен сохранено преподавание на уйгурском языке в 14 уйгурских средних школах. Издается газета на уйгурском языке «Уйгур авазы».

Прокручивая визуализацию данных вниз, можно увидеть новые диаграммы, соответствующие запросам «Религия», «Занимаемая должность или род занятий», «Язык, который используется с людьми других национальностей», «Язык, который используется в общественном транспорте, на приеме у врача и т. д.». На рисунке 10 представлены диаграммы по запросам у представителей татарской диаспоры Казахстана по следующим вопросам анкеты: «Этническая принадлежность по самоопределению», «Национальность матери», «Религия», «Занимаемая должность или род занятий».

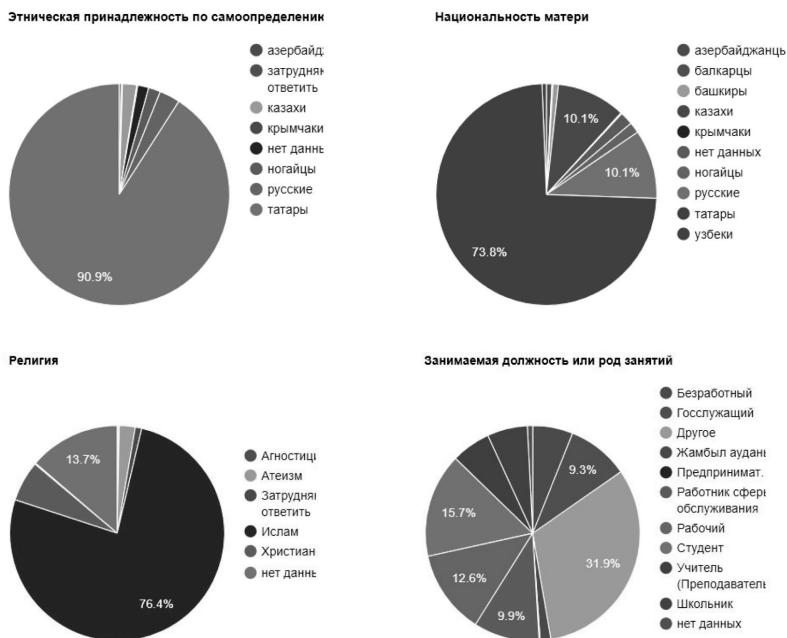

Рисунок 10.
Визуализация данных по отдельным вопросам

В анкете были вопросы с открытым и закрытым выбором ответов. В числе открытых вопросов есть такие, которые требовали от респондента подробного описания. Например: «Какие традиции характерны для Вашего этноса?», «Как Вы празднуете различные народные праздники?» Процедура обработки открытых вопросов достаточно трудоемка, их невозможно визуализировать в виде диаграмм. Ответы на такие вопросы были представлены на сайте в виде списка, как это показано на рисунке 11.

Подгруппа 7 - Ответы на открытые вопросы

турки (Кол-во 262)

3-1. Сіздің этносыңызға қандай дәстүрлер тән? / Какие	Д-4в. Қашан көшіп келді? / Когда произошло переселение?
1 «Кна геджесы», «Курбан байрам» и т.д.	1 -
2 «Хна геджесы», «Курбан байрам», «Айт» и т.д.	2 1940-х
3 Баланың тууына, жерлеуге, үйлену тойларына байланысты	3 1943-1944
4 Бешік той, Үйлену той, келін тусіру, хна түні, шербет түні, т дайындауы	4 1944
Бешік той, Үйлену той, келін тусіру, хна түні, шербет түні, т дайындауы, жаңадан түскен келін ата енесіне бірінші балас кепіншектер Қажылықтан келген кісінің алдында ормалсыз	5 1947
6 Все турецкие	6 2005
7 Гостеприимство, веселый характер и дружелюбие	7 2007
8 Гостеприимство, строгие традиции	8 2010
9 Гостеприимство, строгие традиции в отношении к женщине	9 В годы ВОВ
10 Гостеприимство, строгие традиции и уважение к женскому г	10 Давно
11 День молодежи, Секер байрам, Курбан байрам, Наурыз	11 нет данных
12 Духовные	
13 Духовные, ритуалы свадеб похороны	
14 Ислам	
15 Курбан айт	
16 Курбан айт, наурыз, айт	
17 Курбан байрам	
Д-4г. Көшіп келу себебін көрсетіңіз / Укажите причину пере	Д-5б. Өзеңіз кішкентай кезінде үйіңде қай тілде сөйлеген?

Рисунок 11.
Ответы респондентов на открытые вопросы

Необходимо отметить, что данная информационная система открыта для всех заинтересованных лиц, позволяет пополнять, обрабатывать новые данные и применять их в решении исследовательских задач.

Литература

- АРКС 2010 — Агентство Республики Казахстан по статистике. Архив: Национальный состав населения Республики Казахстан и его областей (том 1). Численность населения по областям, городам и районам, полу и отдельным возрастным группам, отдельным этносам на 1 января 2010 года.
- Сулейменова 2007 — Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аханова Д.Х. Языки народов Казахстана. Социолнгвистический справочник. — Астана, 2007.

- Nevskaya, Tazhibayeva 2015b — *Nevskaya I., Tazhibayeva S.* Turkic Languages of Kazakhstan: Problems and research perspectives // *Turkic Languages*, 2014. — Volume 16. — № 1/2. — PP. 289–302.
- Nevskaya, Tazhibayeva 2015a — *Nevskaya I., Tazhibayeva S.* Sociolinguistic situation of Oguz Turks in post-Soviet Kazakhstan In: *Oguzlar // Dilleri, Tarihleri ve Kültürleri*. — Ankara, 2015. — PP. 321–334.
- Trudgill 2003 — *Trudgill P.* A Glossary of Sociolinguistics. — Oxford, 2003.

Irina Nevskaya, Frankfurt (Germany), Novosibirsk,
Saule Tazhibayeva, Nursultan (Kazakhstan)

Sociolinguistic situation of Turkic ethnicities of Kazakhstan: data base creation

Summary: Kazakhstan is a very interesting area for conducting sociolinguistic and linguacultural research. There are 24 Turkic ethnicities currently residing in contemporary Kazakhstan. Numerous Turkic ethnicities have preserved the peculiarities of their native language, original cultural background, and national traditions. A sociolinguistic electronic database was created for the first time in Kazakhstan within the framework of the international project «Interaction of Turkic languages and cultures in post-Soviet Kazakhstan».

Keywords: Kazakhstan, Turkic ethnicities, Turkic languages, sociolinguistic research, database, visualization, diaspora, Assembly of People of Kazakhstan

Сведения об авторах

Невская Ирина Анатольевна — д.ф.н., профессор Института эмпирических исследований Франкфуртского университета имени Й. Гете, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, Новосибирск; e-mail: nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Тажибаева Сауле Жаксылыкбаевна — д.ф.н., профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (ЕНУ); e-mail: tazhibaeva_szh@enu.kz

Information about the authors

Irina Nevskaya — Ph.D. in philology, Professor of Institute of Empirical Linguistics, Frankfurt University, chief researcher of Institute of Philology, Siberian Division of Russian Academy of Sciences; e-mail: nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Saule Tyzhibayeva — Ph.D. in philology, Professor of Gumilyov-Eurasian National University; e-mail: tazhibaeva_szh@enu.kz

Г.Н. НИЯЗОВА, г. Тюмень

Сибирско-татарские и огузские лексические параллели

Резюме: В статье рассматриваются связи языка сибирских татар с тюркскими языками огузской группы. Выявляются лексические параллели, являющиеся результатом древнего родства языков и исторического взаимодействия народов. Наблюдаются параллели в наименованиях объектов материальной и духовной культуры.

Ключевые слова: лексика материальной культуры, язык сибирских татар, огузские языки, лексические параллели

Все тюркские языки образуют группу близкородственных языков, характеризующуюся общими генетическими и типологическими чертами, которые выражаются в чрезвычайной близости их грамматического строя и словарного состава.

Язык сибирских татар относится к кыпчакской группе тюркских языков. Он сохраняет некоторые прототюркские и восточнотюркские черты. Наряду с этим, в языке сибирских татар встречается ряд лексических параллелей с тюркскими языками огузской группы (в частности, с турецким, туркменским, азербайджанским, крымскотатарским языками), которые отражают древнее состояние тюркских языков, т.е. очень ранние связи кыпчакских и огузских языков. Возможно также, что некоторые из этих общих слов попали в язык сибирских татар намного позднее, в процессе исламизации и контактов с арабоязычной и персидской литературой.

Лексические параллели встречаются в различных наименованиях объектов материальной и духовной культуры. Рассмотрим их на примере объектов материальной культуры.

Сиб.-тат. *түшәк* ‘тюфяк, перина’ [Тумашева 1992: 221]. Слово образовано от глагола *түшә-* ‘стелить’ + афф. -к. Оно имеется в тур. *döşek* [Нов. тур.-рус. сл. 2009: 124], туркм. *дүшек* [Туркм.-рус. сл. 1968: 294], аз. *дөшәк* ‘тюфяк’, ‘матрац’ [Аз.-рус. сл. 1941: 115]. Употребляется также в языках: чув. *түшек* [Чув.-рус. сл. 1985: 505], тат. лит. *түшәк* [Тат.-рус. сл. 1966: 581], башк. *түшәк* [Башк.-рус. сл. 1958: 558], ног. *тоьсек* [Ног.-рус. сл. 1963: 362], к. калп. *төсек* [Рус.-к. калп. сл. 1967: 741], каз. *төсек* [Каз.-рус. сл. 2002: 336], караим. *төшек* [Караим.-рус.-польск. сл. 1974: 512], кир. *төшөк* [Рус.-кир. сл. 1957: 615], узб. *тушак* [Узб.-рус. сл. 1941: 486], кум. *төшек* ‘перина; тюфяк; матрац’ [Кум.-рус. сл. 2011: 299], а также в тюркских языках Южной Сибири: алт. *төжөк* [Алт.-рус. сл. 2015: 125], хак. *төзек* [Хак.-рус. сл. 1953: 234], тув. *дөжөк* ‘постель’, ‘подстилка’ [Татаринцев 2002: 226], шор. *төжөк* ‘постель’ [Шор.-рус. сл. 1993: 55] и в др.-тюрк. *tüšäk/töšäk* ‘постель’ [ДТС 1969: 600, 582]. Можно предположить, что это слово имелось уже в прототюркском языке. Из тюркских языков заимствовано в русский язык — *тюфяк* (в русских диалектах — *тюшак* [Аникин 1997: 578]).

Сиб.-тат. *кимә/кәмә/киймә* ‘лодка’. В языках огузской группы: туркм. *gämi*, тур. *gemi*, аз. *gəmi*, крым.-тат. *геми* ‘судно, корабль’ [Крым.-тат.-рус.-укр. сл. 2002: 119]. Ср.: тат. лит. *көймә*, кир., каз., ног., к. калп. *кеме*, кум. *геме*, уйг., чув. *киме*, шор. *кэбэ*, тув. *хеме* [Тув.-рус. сл. 1968: 545], хак. *киме*, алт. *кеме* ‘лодка’, ‘судно, корабль’. Оно имеется также в др.-тюрк. *ketä*, *keti* ‘лодка, судно’. М. Рэсэнен восстанавливает праформу слова в виде *kämi* [ЭС-ТЯ 1980: 38]. Можно предположить, что это слово также относится к прототюркскому словарному запасу.

Сиб.-тат. *төймә/тәмә/түмә* ‘пуговица’. Оно имеется также в др.-тюрк. *tügmä* ‘пуговица (завязка)’ < др.-тюрк. глаголу *tüg-* ‘завязать, затягивать’. В языках огузской группы: тур. *düğme*, туркм. *дүвме*, крым.-тат. *дөгме* ‘пуговица’, аз. *дүймә* ‘пуговица’, ‘кнопка’. Ср.: тат. лит. *төймә* ‘пуговица’, ‘бусы’, ‘брошь’, кум., каз., к. калп. *түйме*, кир. *түймө*, башк. *түймә*, уйг. *түгмә*, узб. *тугмә* ‘пуговица’, ‘кнопка’, ‘брошь’, ‘завязка’. Очевидно, что это слово уже имелось в прототюркском языке.

Сиб.-тат. *мунцақ/муыйнцақ* ‘бусы’. Лексема образована на основе названия части тела, около которого они носятся: *муыйн* ~ *пуйын* ‘шея’ + афф. -цақ. В туркм. *моонжук*, аз. *мунжук*, тур. *бонжук* ‘бусы’, ‘ожерелье’, ‘бисер’, крым.-тат. *боюнджакъ* ‘бусы, монисто’. Ср.: каз., к. калп. *моншақ*, хак. *мончых*, уйг. *мончақ*, *мончых*, узб. *мунчок*, ног. *мойыншақ* ‘бусы’, ‘ожерелье’, ‘бисер’, хак. *мойынчах* ‘ошейник’, шор. *мунчук* ‘бусы’, тув. *мончук* ‘нарост (у животных)’, ‘серьга (у козы)’, имеет параллель в монг. *молсог* ‘кисть, украшение, подвеска’, *топсиу*, *топсау* ‘большая красная, служащая украшением кисточка, свисающая с лошадиной шеи или груди; подгрудок’ [ЭСТЯ 2003: 73]. В др.-тюрк. *топсақ*, *топсиқ* ‘бусы, ожерелье’, ‘талисман, амулет’. Исследователями также предлагалась китайская этимология (не свободная от

проблем): др.-кит. *miən-t' šju* > тюрк. *min-či* с последующим осмыслением *-či* как уменьшительного суффикса [Аникин 1997: 395]. Возможно, что данное слово было заимствовано в прототюркский период.

Сиб.-тат. *табақ* означает 'тарелка'. Распространено и в других тюркских языках: узб. *тобок* 'чашка; миска', ног. *табак* 'миска; таз', к. калп. *табак* 'деревянное блюдо', 'тарелка', 'чашка', тур. *tabak* 'тарелка', туркм. *табак* 'чашка, миска, тарелка', аз. *табаг* 'лоток; деревянный поднос', крым.-тат. *табакъ* 'блюдо', тув. *тавак* 'блюдо; тарелка; миска; таз', шор. *табақ* 'блюдо (кушание)', алт. *табак* 'большое блюдо, тазик', хак. *табах* 'тарелка, блюдо'. По мнению исследователей, данное слово восходит к арабскому *tabaq* 'тарелка', через тюркский язык вошло и в монгольские языки: монг. *tabaq*, калм. *tawaq*, бур. *таваг* 'тарелка; чашка; блюдо', а также в русские диалекты, где *таваг* 'большое самодельное блюдо' [Аникин 1997: 540]. Вероятно, что данное слово было заимствовано в прототюркский период.

Таким образом, наблюдаемая лексическая общность языка сибирских татар с языками огузской группы обусловлена закономерно их общим историческим наследием — либо путем сохранения исконной лексики, либо наличием очень ранних заимствований, которые уже были в прототюркском языке. Языки кыпчакской и огузской групп сохранили явления, восходящие к раннему периоду развития.

Сокращения

- аз. — азербайджанский язык
- алт. — алтайский язык
- башк. — башкирский язык
- др.-кит. — древнекитайский язык
- др.-тюрк. — древнетюркский язык
- к. калп. — каракалпакский язык
- каз. — казахский язык
- караим. — караимский язык
- кир. — киргизский язык
- крым.-тат. — крымскотатарский язык
- кум. — кумыкский язык
- монг. — монгольский язык
- ног. — ногайский язык
- сиб.-тат. — сибирско-татарский язык
- тат. лит. — татарский литературный язык
- тув. — тувинский язык
- тур. — турецкий язык
- туркм. — туркменский язык
- узб. — узбекский язык
- уйг. — уйгурский язык

хак. — хакасский язык
чув. — чувашский язык
шор. — шорский язык

Литература

- Аз.-рус. сл. 1941 — Азербайджанско-русский словарь / ред. *Г. Гусейнов*. — Баку, 1941.
- Алт.-рус. сл. 2015 — Алтайско-русский словарь / ред. *Н.А. Тенукова*. — Горно-Алтайск, 2015.
- Аникин 1997 — *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. — М.–Новосибирск, 1997.
- Башк.-рус. сл. 1958 — Башкирско-русский словарь: около 22 000 слов. — М., 1958.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред. *В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак*. — Л., 1969.
- Дыбо 2007 — *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. — М., 2007.
- Каз.-рус. сл. 2002 — Казахско-русский, русско-казахский словарь. — Алматы, 2002.
- Караим.-рус.-польск. сл. 1974 — Караимско-русско-польский словарь: 17 400 слов / ред. *Н.А. Баскаков, А. Зайончковский, С.М. Шапшал*. — М., 1974.
- Крым.-тат.-рус.-укр. сл. 2002 — Крымскотатарско-русско-украинский словарь / сост. *А.Н. Гаркавец, С.М. Усеинов*. — Симферополь, 2002.
- Кум.-рус. сл. 2011 — Кумыкско-русский словарь: более 30 000 слов / ред. *Б.М. Бамматов*. — Махачкала, 2011.
- Нов. тур.-рус. сл. 2009 — Новый турецко-русский, русско-турецкий словарь. — М., 2009.
- Ног.-рус. сл. 1963 — Ногайско-русский словарь: около 15 000 слов / ред. *Н.А. Баскаков*. — М., 1963.
- Рус.-к. калп. сл. 1967 — Русско-каракалпакский словарь: около 47 000 слов / ред. *Н.А. Баскаков*. — М., 1967.
- Рус.-кир. сл. 1957 — Русско-кыргызский словарь: 51 000 слов / ред. *К.К. Юдахин*. — М., 1957.
- Татаринцев 2000 — *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. 1: А–Б. — Новосибирск, 2000.
- Татаринцев 2002 — *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. 2: Д, Ё, И, Й. — Новосибирск, 2002.
- Тат.-рус. сл. 1966 — Татарско-русский словарь: около 38 000 слов. — М., 1966.
- Тув.-рус. сл. 1968 — Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / ред. *Э.Р. Тенишев*. — М., 1968.
- Тумашева 1992 — *Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. — Казань, 1992.
- Тур.-рус. сл. 1977 — Турецко-русский словарь / ред. *А.Н. Баскаков, Н.П. Голубева, А.А. Камилева* и др. — М., 1977.
- Туркм.-рус. сл. 1968 — Туркменско-русский словарь / ред. *Н.А. Баскаков, Б.А. Каррыев, М.Я. Хамзаев*. — М., 1968.
- Узб.-рус. сл. 1941 — Узбекско-русский словарь / ред. *Т.Н. Кары-Ниязов, А.К. Боровков*. — Ташкент, 1941.
- Уйг.-рус. сл. 1961 — Уйгурско-русский словарь: около 16 000 слов / ред. *Ш. Кибиров, Ю. Цунвазо*. — Алма-Ата, 1961.
- Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. — В 4 т. — М., 1987.
- Хак.-рус. сл. 1953 — Хакасско-русский словарь: около 14 000 слов / сост. *Н.А. Баскаков, А.И. Инкижекова-Грекул*. — М., 1953.
- Чув.-рус. сл. 1985 — Чувашско-русский словарь: около 40 000 слов / ред. *М.И. Скворцов*. — М., 1985.

Шор.-рус. сл. 1993 — Шорско-русский и русско-шорский словарь / сост. Н.Н. Курпешко-Таннагашева, Ф.Я. Апонькин. — Кемерово, 1993.

ЭСТЯ 1980 — Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'В', 'Г', 'Д'. — М., 1980.

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы 'Л', 'М', 'Н', 'П', 'С' — М., 2003.

Gulnara Niyazova, Tyumen

Siberian Tatar and Oguz lexical parallels

Summary: This article considers relations between the language of the Siberian Tatars and Turkic languages of the Oguz group. The article reveals lexical parallels which are the result of the common origin of these languages and of historical contacts of nations and observes these parallels in the names of objects of material and intellectual culture.

Keywords: vocabulary of material culture, Siberian Tatar language, Oguz languages, lexical parallels

Сведения об авторе

Ниязова Гульнара Наилевна — к.ф.н., Тюменский государственный университет; e-mail: niyazovag@mail.ru

Information about the author

Gulnara Niyazova — Ph.D. in philology, Tyumen State University; e-mail: niyazovag@mail.ru

Ю.В. НОРМАНСКАЯ, г. Москва

Первые кириллические учебные издания на узбекском языке и их диалектная принадлежность¹

Резюме: в статье рассматривается диалектная принадлежность двух кириллических книг: Наливкин В.П. «Учебное руководство по изучению сартовского языка», Самарканд, 1898; Беляев И.А. «Руководство к изучению сартовского языка. Т. 1: Общий курс / Сост. по методу Туссена и Лангеншейдта», Ташкент, 1896, которые использовались в Туркестанской учительской семинарии. Анализ графико-фонетических особенностей в этих книгах показывает, что в их основе лежат самаркандско-бухарские говоры, при этом в обеих книгах присутствуют дублетные формы и определенная часть недублетных форм: в [Хрестоматия 1887], например, слова с рефлексацией ПТю **a > o* в структурах **CaCaC*, **aCaC*, **CaCa*, указывающие на ферганские диалекты. Факт цитирования этих форм в виде дублетов указывает, что авторы осознавали одновременное использование двух диалектных норм. Интересно, что в рассматриваемых книгах нет диагностических признаков ташкентских говоров, отличающих их от ферганских и

¹ Эта статья посвящается памяти Д.М. Насилова, который принимал живое участие в начале нашей работы по изучению первых кириллических книг: приносил литературу по узбекским диалектам, консультировал по их особенностям и поддерживал само начинание изучать первые кириллические книги на узбекском языке, которые ранее не привлекали внимание ученых. На последних «Дмитриевских чтениях», где председательствовал Д.М. Насилов, мы совместно с А.В. Дыбо представили доклад «Диалектная принадлежность первого узбекского словаря В.П. Наливкина». Далее при подготовке настоящей статьи мы сосредоточились на анализе двух других кириллических книг, которые представляются нам наиболее важными для изучения истории узбекского литературного языка. К сожалению, эту работу пришлось завершать уже без советов и консультаций Дмитрия Михайловича, но была возможность постоянно обращаться к его очерку по фонетике карлукско-уйгурской группы в [Региональные реконструкции 2002]. Оказалось, что все выявленные нами диалектные признаки на материале первых кириллических книг не противоречат, а только позволяют подтвердить те данные, которые собрал Д.М. Насилов. В качестве знака продолжения и развития его дела, мы рады возможности опубликовать нашу работу в сборнике памяти Дмитрия Михайловича.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № РФФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков».

самаркандских диалектов и подробно рассмотренных в [Шаабдурахманов 1966]: рефлексии *o-o* в структурах **CaCaC*, **aCaC*, **CaCa*, отпадения ауслатных согласных *-p*, *-k*, *-h*, *-й*.

Ключевые слова: узбекский язык, диалекты, первые кириллические книги, графика, фонетика

В научной литературе, посвященной изучению диалектов узбекского языка, периоду становления литературного языка, фактически не упоминаются первые кириллические книги, созданные на узбекском языке до 1917 г. В [Решетов 1958: 22] указывается, что носители узбекского языка вплоть до конца первой четверти XX в. пользовались арабским алфавитом. В Википедии также приводятся сведения, соответствующие этим данным, там отмечается, что «до начала XX в. на территории Бухарского ханства и Хорезмского (Хивинского) государства литературными языками были персидский и чагатайский (староузбекский)». Далее в [Решетов 1958: 22–29] подробно описываются дискуссии об опорном диалекте для создания узбекского литературного языка, которые очень активно велись на протяжении ряда лет, начиная с 1925 г. Консервативно настроенная часть узбекской интеллигенции предлагала принять в качестве литературного узбекского языка язык письменных памятников XIV–XV вв. Отдельные реформаторы предлагали в качестве основы литературного узбекского языка кыпчакские «джекающие» говоры на том основании, что они наиболее многочисленны. В.В. Решетов пишет, что был период времени, когда «сингармонистические говоры отдельных кишлачных поселений нормировали литературный узбекский язык. И лишь после 1937 г. стандарт произношения был закреплён за городской диалектной десингармонистической основой, которая представляет собой карлукско-чигиле-уйгурскую языковую общность — единый комплекс, в который входили говоры Ташкента, Намангана, Андижана, Ферганы, Самарканда и другие» (см. подробнее [Решетов 1958: 29–30]).

В.В. Решетов [Решетов 1958] и другие авторы (см., например, [Шаабдурахманов 1966; Ишаев 1968] и библиографию в этих статьях) никак не упоминают о значении первых кириллических книг для процесса становления литературного узбекского языка несмотря на то, что они были написаны кириллическими буквами и должны были отражать особенности диалектов. Что это были за книги? На каком диалекте они были написаны? С какой целью? Каково их значение для истории становления литературного языка? На эти вопросы мы постараемся ответить в настоящей статье.

Как указывается в [Германова 2016], «одной из ключевых фигур в комплексном научном изучении Туркестана был Владимир Петрович Наливкин — выдающийся востоковед, военный, общественный деятель, этнограф и лингвист Туркестана. По образному выражению В.В. Бартольда, «едва ли не лучший знаток языка и быта сартов из русских». Вместе с женой и детьми

Наливкин семь лет прожил, оторванный от благ цивилизации, в кишлаке Наманганского уезда Ферганской области, где методом погружения в языковую среду в совершенстве овладел узбекским, таджикским и казахским языками. По отзывам современников, «супруги Наливкины усвоили узбекский язык в такой тонкости, какая не достигается учебниками и школами. Знанием живой разговорной речи узбекского и таджикского языков Владимир Петрович поражал солидных ученых и востоковедов». В сотрудничестве с женой М.В. Наливкиной Владимир Петрович предпринял первую попытку научного изучения узбекского языка по говорам Ферганской долины; фактически, это был первый опыт диалектологического изучения узбекского языка, см. [Наливкин, Наливкина 1884; Хрестоматия 1887]».

Наиболее развернутый доступный нам перечень первых кириллических книг, составленных Владимиром Петровичем Наливкиным (1852–1918), мы находим в «Педагогическом энциклопедическом словаре». Там указывается, что он «составил первый русско-сартовский и сартовско-русский словарь с кратким очерком грамматики сартовского языка (совместно с женой М.В. Наливкиной, издан в Казани в 1884 г.), “Азбуку для русско-мусульманских школ” (2 изд. 1886). Эти книги положили начало школьной литературе для изучения русскими узбекского языка и узбеками русского. Преподавал (до 1890 г.) в Туркестанской учительской семинарии, для нее подготовил “Сартовско-персидскую хрестоматию” (1887, 2 изд. 1896) и “Учебное руководство по изучению сартовского языка” (1898, 2 изд. 1911)».

Итак, как следует из этого описания, первые книги В.П. Наливкина были подготовлены на наречии Наманганского уезда [Русско-сартовский словарь 1884] и на Андиганском наречии [Грамматика 1884]. Но далее В.П. Наливкин стал преподавать в Туркестанской учительской семинарии и подготовил [Учебное руководство 1898] и [Хрестоматия 1887]. В этой семинарии, открытой в 1879 г. в г. Ташкенте, велась подготовка учителей для местных школ, в ней обучались как дети русских переселенцев, так и коренные узбеки. Можно предположить, что их обучали узбекскому диалекту, который выполнял роль литературного языка того времени. Был ли это язык, совпадавший с чагатайским (староузбекским), который, как указывает В.В. Решетов [Решетов 1958: 22], был литературным языком того времени?

Некоторый анализ истории преподавания и изучения узбекского языка в Туркестанской учительской семинарии дан в [Германова 2016]. Выясняется, что там были подготовлены не только книги В.П. Наливкина. «Н.П. Остроумовым² была создана своеобразная лингвистическая лаборатория при семинарии. Сосредоточение высокоодаренных интеллектуальных кадров препода-

² Николай Петрович Остроумов — выдающийся просветитель Средней Азии, «патриарх туркестановедения», «лучший знаток ислама в Туркестане», ученик Н.И. Ильминского и Г.С. Саблукова, был назначен директором Туркестанской учительской семинарии в 1879 г. [Германова 2016].

вателей в Туркестанской учительской семинарии, занимающихся одновременно научным изучением края, позволили создать уникальную систему образования по подготовке специалистов, имена которых были хорошо известны в России и за ее пределами. К числу выдающихся выпускников Туркестанской учительской семинарии, учеников Н.П. Остроумова и В.П. Наливкина, принадлежали блестящие лингвисты, историки, этнографы с мировой известностью, такие, как М.С. Андреев, П.Е. Кузнецов, В.Л. Вяткин, С.М. Лапин, К.К. Юдахин, П.П. Иванов и другие, положившие начало целым научным направлениям, а также видные среднеазиатские политики, учителя». С 1883 по 1917 гг. Н.П. Остроумов был редактором «Туркестанской туземной газеты», издаваемой в Ташкенте. При его участии были изданы на узбекском языке произведения А.С. Пушкина («Сказка о рыбаке и рыбке»), Л.Н. Толстого («Чем люди живы»), брошюры «Краткая история древнего Египта», «Жизнь Колумба», «О пользе наук», «Рассказы из физической географии», «Географическая карта всех частей света» и другие книги. В период с 1885 по 1886 г. он по поручению Британского библейского общества перевел на узбекский язык четыре книги Евангелия, напечатанные затем в 1891 г. в Лейпциге. М.С. Андреев, который был «прекрасным знатоком узбекского языка, его бухарско-ташкентского диалектов», издал «Руководство для первоначального обучения сартовскому языку в Ташкентском реальном училище» (Ташкент, 1896). В 1895 г. в Самарканде С. Лапин издает «Карманный русско-узбекский словарь. 4000 слов для обыденного разговора с оседлыми туземцами Туркестанского края с приложением краткой грамматики узбекского языка». Эта работа имела успех: в 1899 г. вышло второе, а в 1907 г. — третье издание словаря.

К сожалению, в современной исторической и лингвистической научной литературе, посвященной первым кириллическим книгам, нам не удалось найти упоминаний об Иване Александровиче Беляеве, который, по словам академика А.Н. Самойловича, умер в 1920 г. (документально не подтверждено), а дата его рождения, к сожалению, исследователями еще не установлена. Обучавшийся в 1901–1905 гг. на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета студент И.А. Беляев был командирован в Туркестанский край для изучения каракалпакского языка, где собрал богатый материал, изданный полностью через 14 лет. Позже И.А. Беляев работал учителем сартовского (узбекского) и персидского языков Туркестанской учительской семинарии и подготовил «Руководство к изучению сартовского языка. Т. 1: Общий курс / Сост. по методу Туссена и Лангеншейдта», которое было опубликовано в Ташкенте в 1896 г., 2 издание — в 1906 г.

Итак, можно видеть, что, начиная с 1873 г., на диалектах узбекского языка было подготовлено несколько десятков кириллических книг. Возможно, что у нас имеются еще далеко не полные сведения об этих изданиях, потому что и информацию о них пришлось собирать по крупицам из разных источ-

ников. Ранее эти книги, насколько нам известно, не были проанализированы тюркологами с точки зрения особенностей отраженных в них диалектов. Представляется, что это весьма перспективное направление научной деятельности, которое позволит существенно расширить наши знания об истории узбекского языка и его диалектов.

В настоящей статье мы бы хотели остановиться на обзоре диалектных особенностей двух доступных нам изданий, подготовленных для обучения студентов Туркестанской учительской семинарии: В.П. Наливкин «Сартовско-персидская хрестоматия», 1887 (конкорданс этой книги представлен <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1716/6/perspective/1716/7/edit>) и И.А. Беляев «Руководство к изучению сартовского языка. Т. 1: Общий курс / Сост. по методу Туссена и Лангеншейдта», 1896 (конкорданс этой книги представлен <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1716/5598/perspective/1716/560/0/edit>).

Представляется, что их анализ важен для понимания истории литературного узбекского языка. Именно они могут показать, какой диалект использовался в качестве литературного в Ташкенте в конце XIX в.

По [Решетов 1958] в узбекском языке выделяются 3 крупные диалектные группы разного происхождения: огузское, кыпчакское, карлукско-чигильско-уйгурское наречие.

Огузское наречие узбекского языка по [Решетов 1958: 30] с точки зрения фонетики отличает:

- 1) наличие контрастирующих пар гласных ($y — \ddot{y}$, $o — \ddot{o}$, $ы — и$, $a — \text{э}$);
- 2) долгих и кратких гласных ($u — u:$; $a — a:$; $o — o:$; $y — y:$);
- 3) сохранение пратюркских звонких согласных $*d-$, $*g-$ в анлауте;
- 4) максимально смягченные $k — k'$, $z — z'$;
- 5) падение начального $b-$ в глаголе *бол* > *ол* 'становиться'.

Кыпчакское наречие узбекского языка по [Решетов 1958: 24] характеризуется:

- 1) наличием контрастирующих пар гласных ($y — \ddot{y}$, $o — \ddot{o}$, $ы — и$, $a — \text{э}$) и, в связи с этим, сохранением сингармонизма;
- 2) дифтонгизацией начальных гласных верхне-среднего подъема;
- 3) наличием дифтонгического сочетания *ий*, например, в словах *ийт* 'собака', *бийт* 'вошь';
- 4) отсутствием различия кратких и долгих гласных;
- 5) переходом начального $\ddot{y}-$ > *дж-*, например, *йол* > *джол* 'дорога';
- 6) переходом $z > v$, например, *таг* > *тав* 'гора', *агыз* > *авуз* 'рот';
- 7) озвончение n , k , q в интервокальной позиции, например *қан* > *қаби* 'мешок';
- 8) падение конечных q , k , например, *сарық* > *сары* 'желтый';
- 9) спонтанное появление $x-$ в начале слова, например, *айван* > *хайван*.

Рассматриваемые нами книги не имеют вышеперечисленных признаков. Соответственно, можно сделать вывод, что они написаны на карлукско-чигильско-уйгурском наречии. Как указывал Д.М. Насилов в [Региональные реконструкции 2002: 348], «все говоры, относящиеся к карлукскому наречию узбекского языка, в области вокализма тяготеют к одному из трех известных типов: ташкентскому, ферганскому или самаркандско-бухарскому типам. Для ташкентской группы характерно отсутствие контрастирующих по открытости пар гласных и употребление вместо них гласных смешанного ряда; в ферганском типе, наоборот, отмечается еще в ряде случаев сингармонистических вариантов гласных, самаркандско-бухарский тип отличается нейтрализацией сингармонистических оппозиций и особым качеством широкой фонемы *a* во всех слогах».

Действительно, и в рассматриваемых нами книгах [Наливкин 1887; Беляев 1896] различия касаются, в первую очередь, системы гласных графем. Рассмотрим их с точки зрения различий, перечисленных Д.М. Насиловым, для ташкентского, ферганского и самаркандско-бухарского говоров. Как указывается в [Решетов 1958: 33] у литературного узбекского языка «внешняя звуковая сторона <...> в общих чертах соответствует произносительным особенностям ташкентского говора». Таким образом, анализируя литературные параллели слов, приведенные в он-лайн словарях на lingvodoc.ispras.ru для слов из первых книг [Наливкин 1887; Беляев 1896], мы считаем, что они соответствуют ташкентскому говору. Ниже приведем примеры систематических отличий, выявленных нами от ташкентского говора в книгах [Наливкин 1887; Беляев 1896].

Гласные графемы

ПТю	лит. узб.	[Беляев 1896]	[Наливкин 1887]
* <i>a</i> , * <i>a</i>	<i>О</i>	<i>a/(o)</i>	<i>a/o</i>
* <i>o</i>	Ў	<i>o/y</i>	<i>o/y</i>
* <i>ö</i>	Ў	<i>y/ö к_, т_</i>	<i>o/y</i>
* <i>u</i>	<i>У</i>	<i>У</i>	<i>у</i>
* <i>ü</i>	<i>У</i>	<i>У</i>	<i>у</i>
* <i>i</i>	<i>И</i>	<i>u/ы к_, т_</i>	<i>u/ы к_, т_</i>
* <i>e</i> , * <i>e</i>	<i>Е</i>	<i>ä/u</i>	<i>e/u</i>
* <i>i</i>	<i>И</i>	<i>И</i>	<i>и</i>

Из этой таблицы видно, что большинство пратюркских гласных имеют два разных рефлекса, при этом в обеих книгах, но особенно часто в [Наливкин 1887] многие слова имеют дублиеты с разными гласными, которые пока-

зывают, что речь идет, вероятно, о разных говорных или диалектных вариантах. Отметим, что рефлексация пратюркских фонем в рассматриваемых книгах довольно сходна. Как будет показано ниже, особые отражения согласных, отличные от узбекского литературного языка, встречаются в книгах значительно реже, чем особенности отражения гласных графем, при этом в большинстве случаев они приводятся только в виде дублетов по отношению к формам, совпадающим с литературным языком. Далее мы рассмотрим графические черты, которые являются диагностическими для определения диалектной принадлежности рассматриваемых книг, и кратко перечислим изоглоссы, которые встречаются во всех диалектах. Кроме описаний современных наречий для такой работы наиболее информативными являются словари диалектов, поэтому при работе мы опирались на словарь ташкентского говора (<http://www.indiana.edu/~ctild/TashkentDialectDictionary/A>), также привлекали словари первых книг, локализация которых известна: для самаркандского диалекта [Лапин 1895], для бухарского [Olufsen 1905], для наманганского ферганского [Наливкин 1884], поскольку именно в них отражены особенности диалектов того времени, важные для определения локализации говоров, которые легли в основу книг [Наливкин 1887; Беляев 1896]. Как можно видеть из таблицы:

1) В книге [Беляев 1896] в позициях после *к_*, *т_* присутствует гласная графема *ö*, которая соответствует ПТю **ö* по реконструкции [EDAL], не зафиксированная в лит. узб. и в [Наливкин 1887], например:

— ПТю **Kökrek* > [Беляев 1896] *көкрак* ‘грудной’; лит. узб. *кўкрак*; бухар. *kukrak*, самар. *кукряк*;

— ПТю **gör* / **gör* > [Беляев 1896] *көрмак* ‘видеть’; [Наливкин 1887] *курмак*; лит. узб. *кўрмоқ*; бухар. *kör-*, *kur-*; самар. *курмяк*; ташк. *ko'ruvdik* ‘мы видели’;

— ПТю **dört* > [Беляев 1896] *төрт* ‘четыре’; [Наливкин 1887] *турт*; лит. узб. *тўрт*; бухар. *tört*; самар. *турт-*; ташк. *to'rt*.

Но следует отметить, что *ö* у [Беляев 1896] характерно не для всех рефлексов ПТю **ö*, примерно в 50% таких слов представлено *у*, сближающее эти формы с книгой [Наливкин 1887]: например, [Беляев 1896] *куйнак* ‘рубашка’ < ПТю **köjje-lek* > лит. узб. *кўйлак* ‘рубашка’; [Беляев 1896] *бури*, [Наливкин 1887] *бури* ‘волк’ < ПТю **börü* > лит. узб. *бўри*. Из привлекаемых к рассмотрению словарей графема *ö* отмечена только в словаре **бухарского говора** самаркандско-бухарского диалекта [Olufsen 1905], что интересно, там эта графема появляется в тех же позициях после *к_*, *т_*.

2) Для книг [Беляев 1896; Наливкин 1887] характерно сохранение ПТю **a*, в [Беляев 1896] *a* сохраняется примерно в 60% случаев, а в 30% **a* > *o*,

в подавляющем большинстве случаев формы с $o < \text{ПТю } *a$ даются только в качестве дублетов:

— ПТю $*K(i)\bar{a}l >$ [Беляев 1896] *каш, кош* ‘бровь’; лит. узб. *кош*; [Беляев 1896]; бухар. *kaš, kâš*; самар. *каш*;

— ПТю $*s(i)ač >$ [Беляев 1896; Наливкин 1887] *сач, соч* ‘волос’, [Наливкин] *сач, чач*; лит. узб. *соч*; бухар. *sâč*; самар. *чач, сач*; ташк. *soch*;

— ПТю $*ba\bar{l}\check{c} >$ [Беляев 1896; Наливкин 1887] *баш, бош* ‘голова’; лит. узб. *бош*; бухар. *baš, bâš*; самар. *баш*.

Для словарей к текстам в [Наливкин 1887] вообще не характерны случаи, когда $*a > o$, либо a сохраняется, либо чаще для рефлексов лексем с ПТю $*a$ даются дублетные формы с a и o в первом слоге. Как известно (см. [Решетов 1958: 33]), «оканье» связывают с **ташкентским и отчасти ферганским** диалектом, употребление же a в первом слоге соответствующих слов, как отмечено в [Решетов 1958:33–34; Региональные реконструкции 2002: 348], свойственно говорам **самаркандско-бухарского типа**. Представляется, что наличие в обеих рассматриваемых книгах дублетных форм, данных через запятую, свидетельствует о том, что их авторы ориентировались на наличие двух произносительных норм в Ташкенте в конце XIX в., одна из которых была, очевидно, самаркандско-бухарской, а принадлежность второй нормы к ферганскому или ташкентскому наречию мы постараемся установить ниже.

3) Как указывал еще Е.Д. Поливанов, особые реализации гласных в словах структуры $*CaCaC$ являются диагностическими приметам разных карлукских диалектов. В статье [Шаабдурахманов 1966] продолжается исследование этой темы. Он пишет, что релевантными для определения диалектной принадлежности говора также являются и корни типа $*aCaC$, $*CaCa$. Их рефлексия следующая: в ташкентских словах такой структуры $*a-a > \text{э-э}$, в ферганском диалекте, например, в андижанском говоре, $*a-a > \text{э-а}$, в самаркандском диалекте $*a-a > \text{а-э}$, $a-a$ [Шаабдурахманов 1966: 49; Решетов 1958: 33–34]. Рассмотрим, как реализуются исконные слова такой структуры в [Беляев 1896, Наливкин 1887]:

Реализация самаркандского типа:

— ПТю $*jAman$ ‘плохой’ $>$ [Беляев 1896] *јаман*, лит. узб. *ёмон*; бухар. *јатāп, јэтāп*; самар. *јман*;

— ПТю $*jA\eta gak$ ‘орех’ $>$ [Наливкин 1887] *янгак*, лит. узб. *ёнгок*;

— ПТю $*si\bar{a}rapan$ ‘солома’ $>$ [Наливкин 1887] *самон, саман*; бухар. *satāп; satāп*;

— [Наливкин 1887] *казан, казон* ‘котел’; лит. узб. *қозон*; бухар. *kazāп*; самар. *казан*;

— ПТю $*sakal$ ‘борода’ $>$ [Беляев 1896] *сакол*, лит. узб. *сокол*; самар. *сакал*.

Реализация самаркандского и ферганского типов в качестве дублетов:

— ПТю **(i)āka* ‘брат’ > [Беляев 1896] *ага*, [Наливкин 1887] *ока, ака, ака*; лит. узб. *o’ga*;

— ПТю **biarṇak* ‘палец’ > [Беляев 1896] *бармак*, [Наливкин 1887] *бормак, бармак*, лит. узб. *бармоқ*;

— ПТю **bar* ‘идти’ > [Наливкин 1887] *бормак, бармак*, лит. узб. *бормоқ*; бухар. *bār-*; самар. *бармак*.

Итак, видно, что в рассматриваемых первых книгах встречаются диалектные реализации **самаркандского** типа в обеих книгах, а в [Наливкин 1887] еще в качестве дублетов у ряда слов зафиксированы **ферганские** реализации.

4) В позиции после *к-* в обеих книгах, а в [Наливкин 1887] еще после *т-* ПТю **i* в первом слоге может реализовываться как *ы*, например:

— ПТю **Kil* ‘делать’ > [Беляев 1896; Наливкин 1887] *кылмак*; лит. узб. *кылмоқ*; самар. *кылмак*;

— ПТю **dirṇa-k* ‘ноготь’ > [Наливкин 1887] *тырнак, тырнаг*; [Беляев 1896] *тірнак*; лит. узб. *тирноқ*; бухар. *tirnak*; самар. *tirnak*.

В остальных позициях ПТю **i* > *и*. Отметим, что и в других первых книгах (см. выше) в позиции после *к-* иногда появляется *ы*, ср. самар. *кылмак* ‘делать’, ферг. *кыш* ‘зима’, тогда как в других позициях употребляется *и*.

5) В рассматриваемых книгах присутствуют различия в рефлексации ПТю **e, *e:* в книге [Беляев 1896] основным рефлексом является *ä*, а в книге [Наливкин 1887] — *e*. Обратим внимание на то, что рефлексация *ä* < ПТю **e, *e:* встречается также в словаре **бухарского говора** [Olufsen 1905], а *e* в остальных словарях: самаркандского диалекта [Лапин 1895], ферганского диалекта [Наливкин 1884], ташкентского диалекта. При этом в обеих книгах [Наливкин 1887; Беляев 1896] присутствуют примеры с рефлексацией *и* < ПТю **e, *e:*, в большинстве случаев в качестве дублетных форм, например:

— [Наливкин 1887] *чиляк, челек*, лит. узб. *челак* ‘ведро’; бухар. *čälak*; самар. *чиляк*; ферг. *чиляк, челек*;

— [Наливкин 1887] *бермак, бирмак*, [Беляев 1896] *бірмак*, лит. узб. *бермоқ* ‘давать’; бухар. *bir-*; самар. *бермяк*; ферг. *бирмак*;

— [Наливкин 1887] *тибмак, тепмак*, лит. узб. *тепмоқ* ‘лягать’; самар. *тепмяк*;

— [Беляев 1896] *är, ip*, [Наливкин 1887] *ир*, лит. узб. *эр* ‘муж’; бухар. *är*; самар. *ер*; ташк. *ер*; ферг. *ир*;

— [Беляев 1896] *jär*, [Наливкин 1887] *бир, йир*, лит. узб. *ер* ‘место, земля’; самар. *іер*; ферг. *йир*.

По этим дублетным примерам видно, что часто дублетные формы по рефлексии *e//u* в [Наливкин 1887] скоррелированы с особенностями вокализма и консонантизма: например, в форме *чиляк* нет сингармонизма, а в форме *челек* есть; в форме *тибмак* — звонкое *б*, *тепмак* — *п* глухое. При этом дублетное отражение ПТю **e* > *e//u* присутствуют в словарях на бухарском, самаркандском, ферганском диалектах, см. [Лапин 1895; Olufsen 1905; Наливкин 1884], поэтому это, видимо, не являлось специфической рефлексией какого-либо диалекта.

б) Как видно из таблицы, ПТю **o* также имеет двойное отражение в рассматриваемых первых книгах, которое в [Наливкин 1887] совпадает с отражением ПТю **ö*. Есть несколько случаев, когда в [Наливкин 1887] рефлексии *o//y* представлены в качестве дублетов:

— [Наливкин 1887] *тукмак*, *токмак*, лит. узб. *тўкмоқ* ‘проливать’; самар. *тукмяк*;

— ПТю **doŋur* > [Наливкин 1887] *дунгуз*, *донгуз*, [Беляев 1896] *тунгуз*, лит. узб. *тўнгуз* ‘свинья’; бухар. *toŋus*, *doŋus*; ферг. *донгуз*.

Но в большинстве случаев дублеты отсутствуют, например:

— [Наливкин 1887; Беляев 1896] *токкуз*; лит. узб. *тўккиз* ‘девять’; бухар. *tokus*, *dokus*; ферг. *токуз*; ташк. *to'qqiz*;

— ПТю **otur* > [Наливкин 1887; Беляев 1896] *отуз*, лит. узб. *ўттиз* ‘тридцать’; бухар. *otus*; ферг. *отуз*.

Подчеркнем, что часто реализация ПТю **o* > *o* или, наоборот, в *u* не совпадает в обеих книгах, ср., например:

— ПТю **Kol* > [Беляев 1896] *кушмак*; [Наливкин 1887] *кошмак*; лит. узб. *кўшмоқ* ‘соединять, запрягать’; самар. *кошмак*;

— ПТю **jöl* > [Беляев 1896] *юл*; [Наливкин 1887] *юл*; лит. узб. *йўл*; бухар. *jål*; самар. *юл*; ферг. *юл*.

Отметим, что аналогичная двойная рефлексия отмечается и в [Лапин 1895; Наливкин 1884]. Возможно, что такая передача связана с отличным от русского языка качеством *u*, в которое переходит ПТю **o*, которое фактически занимает среднее положение между *u* и *o* русского языка. Нельзя исключить и тот факт, что в этот период шел переход от **o* > *u*, в любом случае, представляется, что эти дублеты не связаны с диалектным варьированием.

Согласные графемы

В [Наливкин 1887] также отмечены дублетные формы слов по консонантизму в исконной лексике, которые в п. 1–2 указывают на принадлежность этих форм к ферганскому или ташкентскому диалектам (см. [Региональные

реконструкции 2002]), дублиеты из п. 3–4 в XIX в., видимо, встречались и в самаркандско-бухарских диалектах:

1) -к//г на конце слова в соответствии с лит. узб. -к, например:

— [Наливкин 1887] *иссык, иссыг*; [Беляев 1896] *иссык*; лит. узб. *иссиќ* ‘горячий’; самар. *иссык*; ферг. *иссык* < ПТю **isig* / **isig*;

— [Наливкин 1887] *тырнак, тырнаг*; лит. узб. *тирноќ* ‘коготь’; бухар. *tirnak*; самар. *tirnak*; < ПТю **dirŋa-k*;

— [Наливкин 1887] *мишиќ, мишиг*; лит. узб. *мушук* ‘кошка’; ферг. *мишиќ*; ташк. *mushuv, mushu:(v)* < ПТю **biŋl(ik)*;

— [Наливкин 1887] *аяќ, ояќ, аяг*; лит. узб. *оёќ* ‘нога’; бухар. *ajak*; самар. *аяќ*; ташк. *оуо*: < ПТю **adak*;

— [Наливкин 1887] *ќулак, ќулаг*; [Беляев 1896] *ќулак*; лит. узб. *ќулоќ* ‘ухо’; бухар. *kulak*; самар., ферг. *ќулак* < ПТю **Kul-kak*.

По [Региональные реконструкции 2002: 376] диалектное соответствие -у для литературного -г встречается в ферганских и ташкентских говорах в качестве одного из возможных рефлексов, однако позиции ее появления не вполне ясны и в рассмотренных словарях не выявлены, в ферганском словаре [Наливкин 1884] зафиксирован только один пример такого типа: *так, тог* ‘ягода’.

2) в//у в позиции середины и конца слова в соответствии с лит. узб. в, такие дублиеты встречаются в [Наливкин 1887] в незначительном количестве слов, а в [Беляев 1896] представлено несколько случаев просто употребления у в соответствии с лит. узб. в, например:

— [Наливкин 1887] *шавќ, шаук*; лит. узб. *шавќ* ‘восторг’;

— [Наливкин 1887] *тавќ, таук*; лит. узб. *товуќ* ‘ошейник’; бухар. *tauќ, tawuќ*;

— [Беляев 1896] *маут*; лит. узб. *мовут* ‘сукно’; бухар. *taut*; самар. *маут*;

— [Беляев 1896] *бирар*; лит. узб. *биров* ‘некто’.

По [Региональные реконструкции 2002: 376] такое диалектное соответствие характерно также для ферганских и ташкентских говоров.

3) В [Наливкин 1887] встречаются случаи соответствия с-//ч-, иногда просто ч- vs. лит. узб. s- в случае наличия аффрикаты во втором слоге:

— [Наливкин 1887] *сач, чач*; [Беляев 1896] *сач, соч*; лит. узб. *сач* ‘волос’; бухар. *sâč*; самар. *чач, сач*; ташк. *soch*; < ПТю **s(i)ač*;

— [Наливкин 1887] *чичќан*; лит. узб. *сичќон* ‘мышь’; ташк. *chichkon*; бухар. *чичќан* < ПТю **sičgan*;

— [Наливкин 1887] *чочмаќ, чачмаќ*; лит. узб. *сочмоќ* ‘сеять’; самар. *чачмаќ*.

По [Региональные реконструкции 2002: 376] такое диалектное соответствие характерно также для ферганских и ташкентских говоров. Но, как показывают материалы первых словарей в XIX в., эта рефлексия встречалась и в самаркандско-бухарских словарях.

4) *n//б* в любой позиции в слове в соответствии с лит. узб. *n*, например:

— [Наливкин 1887] *тибмак, тепмак*; лит. узб. *тепмоқ* ‘лягать’; самар. *тепмяк*;

— [Наливкин 1887] *каб, кап*; [Беляев 1896] *кан*; лит. узб. *кoн* ‘мешок’; самар. *кан*; < ПТю **kāp*;

— [Наливкин 1887] *иб, ин*; [Беляев 1896] лит. узб. *ин* ‘нитка’; самар. *йиб*; бухар. *јір*; < ПТю **jip* / **jip*;

— [Наливкин 1887] *бичан, пчан*; лит. узб. *пичан*; бухар. *р̣āп, р̣āп* ‘сено’; самар. *пчан*.

Можно отметить, что в самаркандском словаре также присутствует форма с озвончением на конце слова *йиб* ‘нитка’.

Сингармонизм

1) В книгах [Беляев 1896, Наливкин 1887] присутствует в большинстве случаев сингармонизм по огубленности такого типа: если в первом слоге огубленный гласный, то узкий гласный второго слога также становится огубленным, например:

— [Беляев 1896; Наливкин 1887] *тоққуз* ‘девять’, лит. узб. *тўққиз*; бухар. *tokus, dokus*; ферг. *тоқуз*; ташк. *to'qqiz*;

— [Беляев 1896] *тунгуз* ‘свинья’, [Наливкин 1887] *дунгуз, донгуз*, лит. узб. *тўнғиз*; бухар. *tonğus, donğus*; ферг. *Донгуз*;

— [Беляев 1896] *утургузмак* ‘посадить’, лит. узб. *ўтирғизмоқ*; самар. *утурмак*;

— [Наливкин 1887] *кугурчак* ‘кукла’, лит. узб. *қўғирчок*; бухар. *kugurčak*; самар. *кугурчак*;

— [Наливкин 1887] *кумур* ‘уголь’, лит. узб. *кўмир*; бухар. *kumir*; самар. *кумур*; ферг. *кумыр*.

Обращает на себя внимание тот факт, что аналогичное явление последовательно представлено в самаркандском и бухарском словарях. В ферганском словаре [Наливкин 1884] такой сингармонизм после *y* на последующем узком присутствует примерно в 70% случаев. В ташкентском словаре он стабильно отсутствует. Таким образом, представляется, что эта черта в рассматриваемых книгах свидетельствует в пользу их **самаркандско-бухарской диалектной основы**.

В [Региональные реконструкции 2002: 353] также указывается, что такая «лабиализация» характерна для говоров **самаркандско-бухарского типа**, в диалектах ферганского типа, в которых присутствует сингармонизм, он распространяется и на широкие гласные, ср. [Региональные реконструкции 2002: 351], а в рассматриваемых книгах этого не происходит. Интересно, что и в рассматриваемых книгах, и в словарях бухарского и самаркандского диалектов сингармонизм отсутствует в позиции после *y* < ПТю **ü*, **ö*, например:

— ПТю **börü* ‘волк’ > [Беляев 1896] *бурй*; [Наливкин 1887] *бури* ‘волк’; лит. узб. *бўри*; бухар. *huri*; самар. *бури*;

— ПТю **tülki* / *tilkü* ‘лиса’ > [Беляев 1896] *тулки*; лит. узб. *тулки*; бухар. *tulki*; самар. *тульки*; ташк. *tulki*.

2) В [Беляев 1896] в исконной лексике³ представлен последовательный сингармонизм для гласных заднего ряда. Если в первом слоге гласный заднего ряда, то во втором слоге не встречается употребление гласного переднего ряда; в [Наливкин 1887] в этой позиции обычно представлены либо дублетные формы, либо формы с сингармонизмом, но есть и ряд десингармонистических форм:

— [Беляев 1896] *ярым* ‘половина’, [Наливкин 1887] *ярымъ*, *ярим*, лит. узб. *ярим*; бухар. *jarim*; ферг. *ярым*;

— [Беляев 1896; Наливкин 1887] *алтмыш* ‘шестьдесят’; лит. узб. *олтмиш*; самар. *алтмыш*; бухар. *altmas*, *altmash*; ферг. *алты* ‘шесть’;

— [Беляев 1896] *отлык* ‘конный’, лит. узб. *отлик*; самар. *атлык*; бухар. *aitlek*;

— [Беляев 1896; Наливкин 1887] *карын* ‘чрево, живот’, лит. узб. *қорин*; самар. *карун*; бухар. *karin*;

— [Наливкин 1887] *ташиб*; лит. узб. *тошиб* ‘разливать’;

Можно отметить, что сингармонизм последовательно представлен в самаркандском и ферганском словарях, десингармонистические формы встречаются в бухарском словаре, в ташкентском словаре сингармонизм отсутствует. Таким образом, эта черта в первых книгах свидетельствует в пользу **самаркандско-бухарской или ферганской диалектной основы**.

3) При этом если в первом слоге представлен гласный переднего ряда, то в [Беляев 1896] отсутствует сингармонизм: *көрмак* ‘видеть’, *ишанмак* ‘верить’, *иссык* ‘жаркий’, *бйродар* ‘брат’, а в [Наливкин 1887] сингармонизм в таких словах тоже обычно отсутствует: *тиры* ‘кожа’, *иссык*, *иссыг* ‘теплый, горячий’, *йймак* ‘есть’, *бейтоб* ‘больной’, но иногда есть сингармонистиче-

³ За исключением местоимений *санин* ‘твой’, *манин* ‘мой’.

ские дублетные формы: ср. [Наливкин 1887] *киче, кича* ‘вчера’, лит. узб. *кеча*; [Наливкин 1887] *челек, чияк* ‘ведро’, лит. узб. *челак*. Аналогичные десингармонистические формы представлены и в других первых книгах, поэтому они не являются диагностическими для определения диалекта.

Итак, подводя итоги анализа графики первых кириллических учебных пособий [Наливкин 1887; Беляев 1896], видимо, можно считать установленным, что в их основе лежат самаркандско-бухарские говоры, при этом в обеих книгах присутствуют дублетные формы и определенная часть недублетных форм в [Наливкин 1887], например, слова с рефлексацией ПТю **a > o* в структурах **CaCaC*, **aCaC*, **CaCa*, указывающие на ферганские диалекты. Факт цитирования этих форм в виде дублетов указывает, что авторы осознавали одновременное использование двух диалектных норм. Интересно, что в рассматриваемых книгах нет диагностических признаков ташкентских говоров, отличающих их от ферганских и самаркандских диалектов и подробно рассмотренных в [Шаабдурахманов 1966]: рефлексации *o-o* в структурах **CaCaC*, **aCaC*, **CaCa*, отпадения ауслатных согласных *-p*, *-k*, *-h*, *-i*.

Таким образом, первые кириллические книги на узбекском языке дают нам интересные исторические данные о доминировании самаркандско-бухарских диалектов в Ташкенте в конце XIX в. Вероятно, именно поэтому в 1926 г. орфографическая конференция проголосовала большинством голосов за наличие сингармонизма в узбекском литературном языке. Как было показано выше, сингармонизм присутствовал и в первых кириллических книгах, и в самаркандско-бухарских говорах. Поэтому не вполне справедливыми кажутся высказывания В.В. Решетова в статье, посвященной становлению узбекского литературного языка, где он пишет, что сингармонизм «отсутствует в городских говорах, которые, несмотря на открытое и активное сопротивление сторонников сингармонизма, оказались определяющими в наши дни» [Решетов 1958: 26]. Вероятно, за сопротивлением стояла борьба за влияния между представителями ташкентской и самаркандско-бухарской интеллигенции, в результате которой победа осталась за Ташкентом, куда была в 1930 г. перенесена столица из Самарканда и чей говор стал фонетической основой для литературного языка. Но становится ясно, что произошло это менее ста лет назад, а ранее на самаркандско-бухарском диалекте русскими учеными была развита кириллическая письменность, подготовлено несколько десятков книг, дальнейшее изучение которых позволит глубже понять историю узбекского языка и народа.

Список сокращений

бухар. — бухарский диалект узбекского языка
 лит.узб. — литературный узбекский язык
 ПТю — пратюркский язык
 самар. — самаркандский диалект узбекского языка
 ташк. — ташкентский диалект узбекского
 ферг. — ферганский диалект узбекского

Литература

- Беляев 1896 — *Беляев И.А.* Руководство к изучению сартовского языка. Т. 1: Общий курс. Сост. по методе Туссена и Лангеншейдта. — Ташкент, 1896.
- Германова 2016 — *Германова В.* У истоков литературного узбекского языка // <https://vesti.uz/u-istokov-uzbekskogo-literaturnogo-yazyka/> (дата обращения 20.05.2019).
- Грамматика 1884 — *Наливкин В.П.* Грамматика сартского языка Андижанского наречия. — Казань, 1884.
- Ишаев 1968 — *Ишаев А.* О состоянии диалектологической работы в Узбекистане // Вопросы диалектологии тюркских языков. — Фрунзе, 1968. — С. 135–140.
- Лапин 1895 — *Лапин С.А.* Карманный русско-узбекский словарь. 4000 слов для обыденного разговора с оседлыми туземцами Туркестанского края с приложением краткой грамматики узбекского языка. — Самарканд, 1895.
- Наливкин, Наливкина 1884 — *Наливкин В., Наливкина М.* Русско-сартский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов с приложением краткой грамматики по наречиям наманганского уезда. Казань, 1884.
- Наливкин 1887 — *Наливкин В.П.* Сартовско-персидская хрестоматия. — Самарканд, 1887.
- Региональные реконструкции 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Ред. *Э.П. Тенишев.* — М., 2002.
- Решетов 1958 — *Решетов В.В.* Опорный диалект при образовании узбекского национального языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. — Баку, 1958. — С. 22–36.
- Учебное руководство 1898 — *Наливкин В.П.* Учебное руководство по изучению сартовского языка. — Самарканд, 1898.
- Шаабдурахманов 1966 — *Шаабдурахманов Ш.* Некоторые фонетические особенности ташкентского диалекта // Вопросы диалектологии тюркских языков. — Баку, 1966. — С. 48–54.
- Olufsen 1905 — A Vocabulary of the dialect of Bokhara by O. Olufsen. — Nordisk Vorlag, 1905.

Julia Normanskaya, Moscow

The first Cyrillic books in Uzbek language and their dialectal origin

Summary: The article is devoted to the dialectal affiliation of the two Cyrillic books Nalivkin V.P. Study manual of Sartov's language. Samarkand, 1898. 333 p., Belyaev I.A. Guide to the study of the Sartov's language. Vol. 1: General course / Comp. by the method of Toussaint and Langensheidt, Tashkent, 1896. 104 p., which were used in the Turkestan teachers' Seminary. The analysis of grapho-phonetic features in these books shows that they are based on Samarkand-Bukhara dialects. Both books contain doublet forms and a certain part of non-doublet forms in [Nalivkin 1887], for example, words with reflexion of Proto-Turkic *a > o in the structures *CaCaC, *aCaC, *CaCa indicating

Ferghana dialects. The fact of citing these forms as doublets indicates that the authors were aware of the simultaneous use of two dialect norms. Interesting, the books have no diagnostic signs of Tashkent dialects that distinguish them from Ferghana and Samarkand dialects, for example: reflexation o in the structures *CaCaC, *aCaC, *CaCa, falling auslaut consonants -p, -k, -h, -y.

Keywords: Uzbek, dialects, first Cyrillic books, graphics, phonetics

Сведения об авторе

Норманская Юлия Викторовна — д.ф.н., ведущий научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, Москва; e-mail: julianor@mail.ru

Information about the author

Julia Normanskaya — Doctor of philology, chief researcher of Institute of Linguistic of Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: julianor@mail.ru

Е.А. ОГАНОВА, С.Н. ВОРОБЬЕВА, г. Москва

Поэтика любовной лирики турецкого певца-ашыка Караджаоглана

Резюме: Данная статья посвящена исследованию основных мотивов и образов любовной лирики известного турецкого ашыка XVII в. Караджаоглана. На конкретных примерах рассматривается реализация мотива восхваления и любования красотой возлюбленной, мотива неверности героини, мотива расставания, мотива сомнения в чувствах возлюбленной, мотива обиды девушки на любимого и пр. и связанная с этими мотивами система образов: соловья, розы, журавля, «горящего сердца», «израненной души», пейзажных зарисовок (заснеженные горы, легкий ветерок и пр.). Отдельно анализируются художественные средства создания портрета красавицы. В заключении делаются выводы о художественной перекличке мотивов и образов поэзии Караджаоглана с тюркскими фольклорными традициями и выявляется характер их авторской интерпретации.

Ключевые слова: турецкая ашыкская поэзия, тюркский фольклор, любовные мотивы, портрет возлюбленной

Ашыкская поэзия — устное индивидуально-авторское творчество¹ турецких народных певцов-поэтов, зародившееся в XIII–XIV вв. в лоне фольклорной традиции и связанное с ней своим происхождением, устным характером распространения и сферой бытования. Впитывая и осваивая художественные достижения фольклора, ашыкская поэзия одновременно теснейшим образом взаимодействовала с диванной литературой и литературой *текке*², что обусловило богатство и разнообразие ее жанровой системы,

¹ Подробнее об ашыкской поэзии как индивидуально-авторском творчестве см. [Воробьева 2012: 68–77].

² Литература *текке* — термин, использующийся в турецком литературоведении для обозначения поэтического творчества адептов многочисленных братств, преимущественно суфийского толка (алеви, бекташи, календери, накшибенди, хальвети, джелвети и др.).

стилистических приемов, палитры мотивов и образов, выстраивание которых относится к XVII в., признанному российскими и турецкими литературоведами «золотой эпохой» ашыкского творчества.

К этому периоду относится появление в ашыкской поэзии самых значительных за всю ее историю фигур, чье влияние распространяется на творчество ашыков последующих веков: Ашык Омер, Ашык Гариб, Гевхери, Караджаоглан, Кайыкчи Кул Мустафа, Кятиби, Эрчишли Эмрах и др. Некоторые из этих ашыков, как например, Ашык Омер, Гевхери, Кятиби, активно подражают в своих песнях диванным поэтам: они не только используют мотивы и лексику диванной поэзии, но и вводят в жанровый арсенал ашыкской поэзии такие жанры, как *газель*³, *касыда*⁴, *рубай*⁵ и др., составляют диваны своих произведений. Наряду с поэтами, чье творчество, словно мост, соединяет берега диванной и ашыкской поэзии, можно выделить группу ашыков, которые не испытали на себе значительного влияния классической литературы и в своем творчестве опирались преимущественно на фольклорную традицию: Кул Мустафа, Эрчишли Эмрах и наиболее прославленный турецкий поэт-певец — Караджаоглан, песни которого исследователи справедливо считают вершиной ашыкской поэтической традиции не только XVII в., но и всего ее временного континуума.

Караджаоглан, родившийся в Адане и происходивший из туркмен Малой Азии, большую часть жизни, предположительно, провел в окрестностях Чукурова, Мараша и Газиантепа. Не желавший жениться на предложенной ему невесте Караджаоглан рано покинул родные края и пустился в странствия, обойдя много анатолийских городов и деревень, а также побывав на Аравийском полуострове и на Балканах. «Можно предположить, что жизнь Караджаоглана была бурной, полной превратностей, он принимал участие в военных походах, находился в составе янычарского войска. В то же время с его именем связана трогательная любовная история — любовь ашыка к красавице Каракыз, о которой он тосковал всю жизнь и рядом с которой оказался лишь в могиле — несчастных влюбленных похоронили вместе» [Боролина, Оганова 2010: 254–255].

Творческий репертуар Караджаоглана широк: певцу-поэту принадлежат пейзажные зарисовки, разгульные песни, славящие радости вина и пирушек, героические песни, созданные во время его военных походов, песни-жалобы, в которых описываются тяготы странствий и испытания, которые преподносит герою злодейка-судьба. Однако вершиной творчества Караджаоглана являются его любовные песни. Анализу мотивов и поэтической образности его любовной лирики и посвящена данная статья.

³ *Газель* — лирическое стихотворение преимущественно любовного и философского содержания.

⁴ *Касыда* — лирико-эпическое стихотворение чаще всего панегирического характера.

⁵ *Рубай* — форма лирической поэзии философского содержания.

Одним из основных мотивов любовной лирики Караджаоглана является мотив сильной, всепоглощающей любви, любви-страсти, а также мотив неизбежности любовного чувства. Герой откровенно признается: «Я люблю тебя всей душой» («*Ben seni severim can ile candan*»); «Я люблю тебя уже целую вечность» («*Ben seni severim ezel ezeli*»); «Я не уберег свое сердце от любви к тебе» («*Canımı esirgemem yarım senden*») и др. Искренний, не стесняющийся своих чувств герой просит такой же открытости в чувствах и от своей возлюбленной, неоднократно в песнях поэта встречается призыв отбросить скромность и предаться прекрасному чувству любви. «Приоткрой свой хиджаб» («*Hıcap perdesini kaldır aradan*»), — молит герой красавицу. В этой связи интересно отметить, что мотив снятия покрывала с лица возлюбленной был чрезвычайно характерен для суфийской поэзии, в которой главным инструментом познания истины-Бога была любовь, а любимая символизировала божественную субстанцию, с которой стремился слиться суфий. Поэтому данный мотив в контексте суфийской поэзии «однозначно интерпретировался как акт приобщения познающего к сокровенному смыслу бытия» [Ардашников, Рейснер 1996: 59]. Караджаоглан же, в отличие от своих предшественников — ашыков-суфиев Юнуса Эмре (XIII–XIV), Пир Султана Абдала (XVI), Оксюза Деда (XVI) и др., — описывая земную любовь и используя традиционные для суфийской поэтической системы образы-символы, уходит от их религиозного подтекста.

Другим основополагающим мотивом любовной лирики Караджаоглана является мотив описания и восхваления красоты возлюбленной. Прежде всего, стоит упомянуть песню, начинающуюся со строки «Послушай, милая моя любимая, я воздам тебе хвалу» («*Dinle sevdiceğim, mehdinedeyim*»). В этой песне ашык воссоздает образ юной красавицы, прекрасной, словно весенняя роза или четырнадцатидневная луна, она совершеннее райской девы, создана по велению высших сил и спустилась на землю с неба:

«Ты подняла рукава шелковой рубашки,
Твои руки сверкают словно солнце, любимая...
Я не встречал ангела, подобного тебе»

(«*Melek gömleğini attın bilekten
Güneş gibi parlar kolun sevdiğim...
Ben melek görmedim senden ziyade*») [Öztelli 2005: 234].

Из многочисленных песен, посвященных любованию и восхищению красавицей, складывается ее образ. Часть эпитетов и сравнений взято ашыком из фольклора и диванной лирики: героиня излучает озаряющий все вокруг свет, она недосыгаема и неуловима для героя — эту идею передают сравнения с луной, солнцем, звездой или плеядой звезд; внеземную красоту любимой

подчеркивают сравнения с пери или гурией; коснуться ее губ — значит, испить святой воды в раю или вкусить меда; губы-вишни возлюбленной скрывают жемчужные, перламутровые или коралловые зубы; ее черные локоны, как волнистые шелковые нити, спускающиеся на белоснежную шею, благоухают маслом розы («Я узнаю свою любимую по ее аромату» / «*Ben yarimi kokusundan bilirim*» /; «Твои локоны для меня словно виселица» / «*Zülfün teline asılam dar deyî*» / [Öztelli 2005: 245]); ресницы, окаймляющие ее карие, или черные как уголь, глаза, длинны будто кинжалы, которые впиваются в сердце героя; брови похожи на полумесяц или на натянутый лук, а взгляд красавицы способен лишить жизни («Твои глаза дороже всех земель Грузии // Одного взгляда довольно, чтобы превратить мир в руины» / «*Gürcistan ilini değer gözlerin // Bir bakışta eylen harab cihan*» / [Öztelli 2005: 234]); жестокость и стремление любимой украсть сердце поклонника отражены в сравнениях с палачом и разбойником; трепетная, грациозная фигура, изящные движения любимой напоминают герою газель или лань, которые являются вожделенной добычей любого охотника, а вот сравнения с выпью, горлицей или соколом меняет роль героини: теперь она становится охотником, желающим заполучить сердце юноши.

Среди наиболее устойчивых образов любовной лирики Караджаоглана следует выделить пару соловей–роза: герой часто сравнивает себя с парящим в небе соловьем, стремящимся к розе, или же уподобляет свое чувство розе, «раскрывшейся в стужу», убежища от которой герой ищет у своей возлюбленной, способной уберечь любовь от лютых морозов; герой тоскует в разлуке с любимой, как соловей тоскует по розе («Соловей отлучен от розы, а я — от любимой» / «*Bülbül gülden ben yarimden ayrıldım*») и др. В обращении к этой паре образов прослеживается непосредственная фольклорная основа творчества ашыка. В фольклоре тюркских народов нередко обыгрывается мотив взаимодействия розы и соловья. Так, в турецких народных песнях *мани* этот мотив может актуализироваться следующим образом: роза распускается — к девушке приходит любовь, роза вянет — девушка погибает или покидает своего милого, соловей опускается на шип — чувство юноши не находит ответа и др. [Плач лани 1965: 7]. Интересно указание турецкого фольклориста и литературоведа Исмаила Кайнака о том, что и в XX в. в турецких деревнях можно было встретить обращение «моя роза» (*gülüm*), адресованное возлюбленной [Каунак 1976: 6].

Ряд песен поэта посвящен воспеванию пленяющей в мгновение ока родинки на белоснежной шее любимой. Эту родинку герой не обменял бы ни на какие богатства:

«Цена той родинке — вся Грузия,
Цена той родинке — вся Индия,
Цена той родинке — вся Аравия»

(«*Bir benin bahası Gürcü Gürcüstan
Bir benin bahası Hind-ü Hindistan
Bir benin bahası şol Arabistan*») [Öztelli 2005: 387].

Заметим, что любование родинкой красавицы — мотив, широко представленный как в турецкой фольклорной песенной традиции, так и в ближневосточной суфийской поэзии.

Для воплощения мотива совершенства красоты возлюбленной поэт применяет «каллиграфическую» терминологию:

«Я сравнил ее брови с “лям” и “элиф”,
Она сожгла мое сердце, бросила его в пламень»

(«*Kaşların benzettim ilame elife
Yaktı yüreğimi tuttu yalifa*») [Öztelli 2005: 296];

«Свой взгляд Элиф, как знак “элиф”, вонзает,
Меня “элифом” жжет сейчас Элиф» [Короглы 1983: 83]⁶.

«*Elif kaşlarını çatar / Gamzesi sineme batar*» [www.antoloji.com/elif-siiri/]

Караджаоглан привносит в ашыкскую поэзию и ряд оригинальных тропов: изящная линия шеи и груди красавицы позволяет сравнить ее с голубкой, уточкой или маленькой верблюдицей; героиня способна приносить счастье своему возлюбленному, как это делает птица-гамаюн или куропатка, которая согласно поверью сулит охотнику удачной охоты, если встретится ему в лесу; герой называет любимую имамом в надежде, что после его смерти она проведет его в последний путь, и хотя бы так он сможет оказаться рядом с ней; разрушительный характер красоты героини передается через сравнение с ветром, который сметает все на своем пути, или Дунаем — мощной рекой, воды которой таят в себе опасность; цвет «ангельского лика» возлюбленной так же нежен, как цвет пшеницы, краски ее лица будто были взяты у тысячи цветов; голос сравним с пением горлицы. Караджаоглан в своих песнях столь же нежно и любовно описывает и девушек невысокого роста, не отличающихся тонкой талией и длинной шеей, обычных крестьянок, которые встречаются на пути странствующему поэту, например, перед нами может предстать и девушка, которую мы застаем за плетением ковра.

Певец-поэт детально вырисовывает одежду красавицы: на ней могут быть надеты жилет, льняная рубашка, фартук, бархатные шаровары, лагорская шаль или длинное до пят голубое, зеленое или белое платье из сукна или сит-

⁶ Стихотворные фрагменты, приведенные из сборника [Короглы 1983], даны в переводе Н. Гребнева. Во всех остальных случаях перевод на русский язык принадлежит авторам статьи.

ца, «энтари⁷ европейских цветов»; на ногах у нее желтые пабучи, деревянные сандалии, йемени⁸ или мести⁹; украшают девушку браслеты, серьги, пояс, цветы и заколки в волосах; обычно она носит сеточку, скрывающую лицо, вуаль или феску; руки окрашены хной.

Отдельным поводом для восхищения лирического героя служит походка красавицы: в большинстве его песен она описывается как «плавная», «легкая». Нередко в творчестве Караджаоглана можно встретить и такие сравнения: красавица ходит, слегка покачиваясь, словно лебедь, плывущий по озеру, или кипарис, раскачивающийся на ветру, а может подпрыгивать, будто маленькая куропатка.

Интересно отметить, что Караджаоглан впервые в ашыкской традиции прямо называет имена своих возлюбленных: Айше, Дендю, Дене, Дюрийе, Дженнет, Суна, Элиф, Эсма, Эмине, Хасанбал, Хатидже, Мерьем, Зейнеп, Султан и др.

Главными героинями песен Караджаоглана становятся армянки, грузинки, гречанки, европейки, арабки, также часто, будучи оторванным от своей родины, он с тоской вспоминает и красавиц своего племени.

Традиционным как для народной, так и для ашыкской поэзии является мотив преодоления трудностей любви, который многомерно расцвечен в творчестве Караджаоглана: чтобы добиться заветного признания, его лирический герой готов преодолеть любые трудности; рад следовать за возлюбленной повсюду: стать обувью для ее прелестных ножек, платьем, обвивающим ее тонкий стан, любым украшением, с которым она неразлучна, золотым поясом на ее талии, розой, которой девушка украшает волосы, «льняным платком», что повязывает на шею, «сурьмой в заветном пузырьке»:

«Я буду твоими сапожками, если их наденешь,
А ты их каблукками смело ступай в грязь»

(«Çizme olam ayağına geyersen
Ökçesin de çamurlara bas gelin») [Öztelli 2005, 45].

Большая группа песен Караджаоглана представляет собой актуализацию мотива обиды девушки на своего любимого. Растерянный герой ищет утешения у природы, раскрывает ей тайну своей грусти. Образ журавлиной стаи, который появляется в таких песнях, символизирует печаль влюбленного. «О, журавль, моя любимая обиделась на меня», — восклицает герой. Отметим, что обращение к журавлям нередко встречается и в *тюркю* и также связано с чувством тоски и грусти:

⁷ *Энтари* — турецкое национальное платье.

⁸ Туфли без каблуков с острыми загнутыми вверх носками.

⁹ Вид сафьяновых домашних сапожек.

«Изогнуты крылья моих журавлей
И зыбки, как клятвы любимой моей» [Плач лани 1965: 23].

Другая группа мотивов формируется вокруг сомнения героя Караджаоглана в чувствах красавицы: «Почему ты заставила меня поверить ложным словам?» («*Niçin beni yalan sözle kandırdın*»); «Не любовь была, наверное, твоей целью» («*Sevmek değil imiş senin muradın*»), — жалуется он. Его обида доходит до обвинений красавицы в жестокости: «Клянусь Богом, ты жестока, моя несравненная возлюбленная» («*Vallahi yamansın yaman sevdiğim*»). От отчаяния, охватывающего его сердце, он готов умереть и завещает похоронить себя где-нибудь у дороги, чтобы хотя бы прохожий, будь то богач или бедняк, пожалел несчастного влюбленного. Так же и герой *тюркю* просит смерти, раз ему не суждено быть с любимой:

«Зачем поверил, что меня ты любишь?..
Не для того ль глаза ты насурмила,
Чтобы они дотла меня сожгли?..
Пусть обнимет меня могила, если ты обнять не могла»

Или же, обращаясь к слушателям в *мани*, предупреждает:

«Если вскоре сойду я в могилу,
Знайте все: любовь тому виной» [Плач лани 1965: 27].

Отдельное место занимает мотив расставания с любимой — неизбежный в творчестве поэта-кочевника Караджаоглана. Песни, в которых реализуется этот мотив, полны грусти и безысходности. Перед нами возникает образ страдающего влюбленного, для которого «шербет расставания» горше яда, он просит утешения и молит любимую исполнить ему *мани*. Герой, кажется, уже и не рад, что так преданно любит. «Какую боль, какое горе мне ты принесешь еще, моя отрада?» («*Sevdiğim senin yüzünden // Neler gelecek başıma?*») — вопрошает он. Далее герой начинает рисовать в воображении ранящие сердце картины: юноша больше не увидит ни брови, похожие на смычок скрипки, ни алые, словно яблоки, щеки, ни карие, будто уголь, глаза; он покинет родной край, а любимой будет владеть кто-то другой, вскоре она станет невестой, а потом и женой. Герой не в силах вынести боли расставания, ему так горько, что кажется, пришло время умирать, мир становится тесен, влюбленный потерял сам себя.

Уже будучи на чужбине, герой молит возлюбленную приходить к нему хотя бы во сне. В одной из песен он признается, что часто в дни разлуки ему видятся глаза и руки любимой, а иногда герой и вовсе не может заснуть, в такие ночи он зовет красавицу: «Приди, посидим, учтивая, послушная, //

О многом поговорим... // Приди, мы найдем убежище у Аллаха» («*Gelip oturalım edebi uslu // İkimiz arası pek muhabbetli... // Gel sevdiğim sığınalım Subhana*»); «Утри своими локонами кровь и слезы, что текут из моего сердца» («*Gözümden akattım kan ile yaşı // Zülfünün teliyle sil*») [Öztelli 2005: 239].

В тесной связи с мотивом разлуки находится следующий образный ряд: у поэта «горит сердце» — теперь не символ любви, каким он являлся в песнях, построенных на мотиве признания в любовных чувствах, но символ отчаяния; герой признается, что «его сердце будто распалось на две половины, одна из которых осталась у возлюбленной», в унисон этому возникает образ «продырявленной насквозь груди», «черной груди»; мир возлюбленного «рассыпается на части», он горестно восклицает «Мой саван скроен, могила вырыта... приди скорее» («*Kefenim biçildi kabrim kazıldı... gel*»); герой зачастую предстает в образе серого волка, раненного стрелой, или еще совсем маленького сокола, который угодил в капкан, — так и сердце героя попало в ловушку любимой.

Чувства героя подчеркиваются образом виноградника (традиционное место встречи влюбленных и в народных песнях), превратившегося в руины, или сада, где теперь вместо фиалок тропинки устилают лишь сухие листья.

Особую роль в реализации мотива разлуки с любимой играет образ гор: покрытые снегом («белоснежные горы», «белоснежные вершины») или густым туманом, они могут служить фоном для описания расставания, могут же, как и в народных песнях, разлучать героев:

«Моя любимая осталась по ту сторону гор,
На одной стороне растут тюльпаны, на другой — гиацинты»

(«*Sevdiğim dağların salında kaldı
Bir yanı lale de bir yanı sümbül*») [Öztelli 2005: 85].

С мотивом разлуки связан и мотив предопределенности: герой ясно осознает необходимость расстаться («Любить друг друга — счастье, // но пришло время расстаться» / «*Sevişmesi hoştur // amma ayrılması zaman şimdi*»), понимает, что так было завещано небесами, и просит любимую не удерживать его, поскольку сам Аллах пожелал, чтобы их дороги разошлись: «Наши с тобой пути развел Аллах» («*Yolunu yolundan ayırdı Gani*»). Развязанный пояс, поникший взгляд, платок, которым любимая прикрывает лицо, — вот и все, что видит герой, наблюдая, как возлюбленная покидает его.

В ряде песен Караджаоглана мотив разлуки связан с мотивом несчастной любви: девушка, которая свела с ума героя, нисколько не дорожит им, она отказалась от его любви. «Время не высушит мои слезы» («*Akar gözüm yaşı bir dem silinmez*»), — восклицает герой. Доведенный до отчаяния, он желает ей худшего:

«Пусть судьба твоя окажется хуже моей,
Если я умру, пусть другие владеют тобой»

(«*Felek benden beter etsin halini
Ben ölürsem yadlar sarsın belini*») [Öztelli 2005: 63].

В чужом краю у влюбленного нет крова, жизнь кажется ему «нелепого нелепей», нет с ним рядом милой, и герой заявляет, что готов стать дервишем, чтобы найти ее, но оказывается, у него нет и дервишских отрепий, и тогда жизнь становится ему совсем не мила:

«Нет жизни в этом мире Караджаоглану,
Душу покинули последние силы.
Я болен, нужно мне лекарство,
Но легкой смерти мне тоже не дано»

(«*Fani Karacoğlan fani
Toprak emer tatlı canı
Hastalandım ilaç hani
Bir acısız ölüm de yok*») [Öztelli 2005: 263].

Разделенный с любимой герой часто просит передать от него привет красавице. Мотив передачи весточки встречается, в частности, в песнях, начинающихся строкой «Передай от меня привет моей возлюбленной» («*Benden selam eyle sevgili yare*»). Влюбленный жаждет, чтобы милая хоть на часок пришла к нему, тогда она поймет, насколько изранено его сердце, сможет утешить сладкими речами, заключит в объятия. Если же герой умрет от ран, не дождавшись любимой, он желает, чтобы красавица похоронила его. В другой песне возникает образ предрассветного ветра-вестника, которого влюбленный просит рассказать милой о тоске его сердца: «Что любимая скажет, расспроси ее, предрассветный ветерок» («*Sevdiğim ne söyler sor seher yeli*»). Образ ветерка-вестника под влиянием Караджаоглана стали использовать позже и другие ашыки, например, такие как Эрзурумлу Эмрах (XIX), Рухсати (XIX), Дертли (XIX) и др.

Если в одних песнях герой покидает возлюбленную, то в других зовет ее убежать с ним в Караман, Эрзурум или далекие арабские страны. Пытаясь уговорить любимую, влюбленный рисует живописные картины весенней природы: дует ветерок, тает снег в горах, высыхают дороги, долины покрываются тюльпанами и гиацинтами, перпеваются соловьи, блеют молодые барашки — пейзажные описания вообще крайне характерны для творчества Караджаоглана. Ашык часто использует образы анатолийской природы, чтобы передать свои душевные переживания: он признается, что потушить пожар его сердца способен лишь селевой поток, потоки его слез сравнимы лишь с рекой Джейхан и др.

Еще одним часто встречающимся в песнях Караджаоглана мотивом является мотив случайной встречи героем девушки или девушек, гуляющих у источника, озера или на тропинке. Лирический герой поражен их красотой:

«В поле я увидел трех красавиц,
Они словно молодые ростки, одна другой краше,
Я потерял голову, ноги мои подкосились,
Брови их, словно молодой месяц, глаза как у серны»

(«*Barçın yaylasında üç güzel gördüm
Birbirinden üstün şivga fidandır
Aklım şaştı garip belim büküldü
Kaşlar hilal gözler ahu cerandır*») [Öztelli 2005: 157].

С мотивом случайной встречи переплетается мотив свидания. В этой связи особо стоит отметить песни Караджаоглана, начинающиеся со строки «Утром я заглянул к красавице» («*Sabahtan uğradım ben bir güzele*»), большая часть которых написана в форме диалога — так называемые «деиш» (букв. словопрение, переключка). Девушка называет героя «грешным рабом», «неверным» или «любимым», принимает его, дает ему кров, поит его водой, животельную силу которой влюбленный сравнивает с райской водой.

Встречается у Караджаоглана и мотив раскаяния: герой жалуется, что не смог удержать любимую:

«В нашу деревушку
Прибежала маленькая лань,
Детеныш разлучен со своим домом,
Каждый день льет горькие слезы...
Я так старался, но не смог ее удержать
Не смог завоевать любимой»

(«*Bir küçük ceran geldi
Bizim köyün yöresine
Bir yavru tardan ayrılmış
Her gün ağlar çirasına...
Çok çalıştım tutamadım
Bir yavrucuk katamadım*») [<http://www.turkuyurdu.com/karacaoglan/>]

Герой, испытывающий смертельные муки, болен, ждет приближения смертного часа. В груди зияет кровоточащая рана, потоком текут кровь и слезы:

«Я плачу словно соловей несчастный,
Мне тесно в двух мирах, приди скорей!..
Ты видишь, я в слезах, приди скорей!» [Короглы 1983: 83];

«Я погиб от тоски
Мир теперь так тесен»

(«*Hasretinden oldum helek
Dardır başa cihan şimdi*»);

«Нет мне покоя, я плачу надрывно»

(«*Çok ağladım kıldım zarı*») [Öztelli 2005: 76]

Как мы видим, Караджаоглан, обрабатывая в своих песнях большое количество разнообразных любовных мотивов, описывает любовь во всех ее проявлениях, передает тонкие оттенки чувств, моменты душевных терзаний и радостей. Большая часть этих мотивов включается в арсенал любовной ашыкской лирики и находит свое продолжение в песнях ашыков последующих веков.

Разворачивая тот или иной мотив и вплетая в него образы, Караджаоглан, обращается к разным источникам турецкой словесности: помимо фольклорных средств художественной выразительности, которые составляют основу его творческой палитры, певец-поэт обращается к образам, почерпнутым из диванной и суфийской поэзии, тем самым демонстрируя синкретичность и разнообразие ашыкского искусства.

Создавать живые и яркие образы ашыку удастся за счет детальной прорисовки ситуации или портрета с включением бытовых деталей из жизни туркменских племен, в частности, в описании костюма героини, с упоминанием имен и национальностей, а также необычных сравнений и эпитетов, впервые встречающихся в ашыкской поэзии. В результате ашык создает целую галерею женских образов, в которой присутствуют не только «шаблонные» красавицы, похожие на образы диванной поэзии, но и обычные жительницы деревень и кочевий.

Творчество Караджаоглана привнесло в ашыкскую поэзию и во всю турецкую словесность культ живого непосредственного чувства, искренность и точность описываемых переживаний, нежность и «прозрачность» образов, музыкальность звучания, живую разговорную интонацию. Именно поэтому творчество ашыка по-прежнему пользуется большой популярностью в Турции и вдохновляет представителей различных видов современного искусства. В частности, ашыку и его творчеству посвящены пьесы турецких драматургов Динчера Сюмера и Сабахаттина Энгина, а также три фильма: «Караджаоглан» (1955), «Сулящая беду любовь Караджаоглана» (1959), «Караджаоглан» (1966); в честь Караджаоглана проводятся международные семинары, концерты и конкурсы [Sakaoğlu 2004: 221]. Не остаются равнодушными к песням ашыка и популярные музыканты. Так, известная турецкая поп-группа «Badem» создала несколько песен на стихи Караджаоглана: на текст «Красавица, назы-

вающая меня чернооки» («*Bana kara diyen dilber*») группа сочинила песню «Черны ли глаза?» («*Kara değil mi?*»), а лирический шедевр «Тихонько сыплет мелкий снег» («*İncecikten bir kar yağar*») послужил основой создания песни «Элиф, Элиф» («*Elif, Elif*») [Воробьева 2013: 23].

Литература

- Ардашникова, Рейснер 1996 — Ардашникова А.Н., Рейснер М.Л. История литературы Ирана в послемонгольское время (XIII–XVII вв.). — М., 1996.
- Боролина, Оганова 2010 — Боролина И.В., Оганова Е.А. Турецкая ашыкская поэзия. — М., 2010.
- Воробьева 2012 — Воробьева С.Н. О месте ашыкской поэзии в средневековой турецкой словесности // Вестник московского университета. Сер. 13. Востоковедение. — 2012. — № 2. — С. 68–77.
- Воробьева 2013 — Воробьева С.Н. Средневековое турецкое ашыкское творчество: типология и поэтика. Дисс. ... к.ф.н. — М., 2013.
- Короглы 1983 — Короглы Х.Г. Турецкая ашыкская поэзия. — М., 1983.
- Плач лани 1965 — Плач лани. Турецкая народная поэзия в переводах Н. Гребнева / сост., предисл. и примеч. И.В. Боролиной. — М., 1965.
- Kaynak 1976 — Kaynak İ. Aleksandr Sergeevič Puşkin'de Türk-İslam kültürünün izleri. — Ankara, 1976.
- Sakaoğlu 2004 — Sakaoğlu S. Karacaoğlan. — Ankara, 2004.
- Öztelli 2005 — Öztelli C. Karacaoğlan. Bütün şiirleri. — Ankara, 2005.

Интернет-ресурсы

- www.antoloji.com/elif-siiri/ (дата обращения 23.01.18).
- www.turkuyurdu.com/karacaoğlan/ (дата обращения 23.01.18).

Elena Oganova, Svetlana Vorobyeva, Moscow

Poetics of love lyrics of Turkish ashik Karacaoğlan

Summary: The article is devoted to the research of main motives and poetic images of love poems created by the famous Turkish ashik Karacaoğlan (XVII c.). The authors dwell on such motives as motive of praising and admiring beauty of the beloved, motive of her infidelity, motive of separation, motive of doubting the frankness of her feelings etc. and a system of poetic images connected with realization of these motives: nightingale, rose, crane, «burning heart», «wounded soul», pictures of nature (snowed mountains, light wind etc.). The authors pay a special attention to the means of describing the beloved. In the end the authors make some conclusions about interinfluence of motives and poetic images of Karacaoğlan's poetry with Turkish folk traditions and the way of their individual interpretation.

Key words: Turkish ashik poetry, Turkish folklore, love motives, portrait of beloved

Сведения об авторах

Оганова Елена Александровна — к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ova8@yandex.ru

Воробьева Светлана Николаевна — к.ф.н., востоковед; e-mail: svetlanavorobyova@yandex.ru

Information about the authors

Elena Oganova — Ph.D. in philology, Associated Professor of Turkic Philology Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ova8@yandex.ru

Svetlana Vorobyeva — Ph.D. in philology, orientalist; e-mail: svetlanavorobyova@yandex.ru

M. ÖLMEZ, İstanbul (Türkiye)

Eski Uygurca *körşi*'nin günümüz Türk ve Moğol dillerindeki karşılığı *körşi* 'komşu'

Özet: Eski Uygurcanın sözvarlığı 1970 yılına kadar yapılan çalışmalara göre çok iyi ortaya konmuştu. Ancak 1970'ten sonra, özellikle Japonya ve Almanya'da bu sahada çok yeni ve kapsamlı metin yayımları yapıldı. Dolayısıyla Sir Gerard Clauson'un «Eski Türkçe Sözlük»'ü ile «Drevnetyurkskiy slovar»'da karşımıza çıkmayan çok sayıda yeni kelime ile karşılaştık. Bunlardan birisi de 'komşu; karşısında, hemen yanında' anlamında olan *körşi* sözüdür. Bu söz bugün Kalmuk, Halha ve Buryat Moğolcasında yaşadığı gibi Moğol Yazı Dilinde de görülür. Günümüz Türk dillerinde ise Kıpçak grubu Türk dillerinde, Kazakça, Baraba Tatarcası, Tatarca, Başkurtça ve Çuvaşçada (Tatarcadan ödünçleme) görülür. Özellikle Kazakçada şekil, kelimenin Moğolcadan geri ödünçleme olduğunu gösterir. Makalede, Eski Türkçe üzerine hazırlanan sözlük çalışmalarında yer verilmeyen 14 veriye yer verilmiştir.

Anahtar: Eski Uygurca, leksikoloji, ödünçleme, geri ödünçleme, Kazakça

*Dost insan, yardımsever hoca
D. Nasilov'un aziz hatrasına*

Eski Uygurcanın sözvarlığına ilişkin bilgilerimiz 1970 sonrası yayımlanan yeni ve kapsamlı metinlerle, gramer ve sözlük çalışmalarıyla artmış ve genişlemiştir. Burada değineceğim kelime Eski Türkçenin en önemli iki sözlüğünde, «Drevnetyurksiy Slovar» ile EDPT'de geçmeyen bir kelimedir. Her iki sözlük de sahanın en önemli ve kapsamlı iki çalışması da olsa o döneme kadar yayımlanmış metinlerle sınırlıdır. Tabii her iki sözlükte de «Altun Yaruk Sudur»'un neredeyse bütün sözvarlığına yer verilir ancak «Maitrisimit», «Xuanzang Biyografisi», «Daşakarmapathāvadānamālā» gibi hacimli eserlerin bütünlüklü sözvarlığı bu sözlüklerde yer almaz.

Burada ele alacağım kelime, ***körşi*** aslında iki kez Eski Türk şiirinde geçer. Ancak R. R. Arat kelimeyi çevirmeden bırakır ve «10₁₁ *şanlığ . . . tapduları körşi*» kelimelerinin mânası tesbit edilemediğinden, bu mısraın tercümesi de yapılamamaktadır. *körşi* için bk. 13₁₀₇ : *körşi yoriğ*. notunu düşer [ETŞ s. 361].

Şimdi önce yayın yıllarına göre kelimeimize yer verilen çalışmalara ve açıklamalara geçelim:

1) Eski Türk Şiiri, 1965

10. 10-11 *şasın öt erig edgü nomlarlıg // şanlıg belgüliğ tapduları körşi* «<...>sasana öğüt nasihat ve iyi törelerin şan ve işaret tapduları körşi» [ETŞ s. 84–85].

13.107-108 *körşi yoriğ samadılıg küç küsünler üze // köni tuyunmaklıg küçüg köñül.çe yıgalım* «*körşi* tavrı samadhi gücü kuvveti ile doğru nüfuz etme gücünü gönül arzusuna göre toplayalım» [ETŞ s. 140–141].

2) İnsadi Sutra, 1974

körşi ikinci kez BT III'te iki kez görülür:

kalıgqa körşi kurikärlär karaknuñ kıvın täg bälğürdi «<...> gegenüber diesen Türmen Götter-paläste wurden wier die Wonne des Augapfels sichtbar» [BT III 940–941].

añar körşi kurikärlär «ihnen gegenüber Götterpaläste» [BT III 956].

BT III'ün sözlük kısmında kelime «***körşi*** entgegensetzt (zu *kör-*)» şeklinde ele alınır [BT III 91b]. Açıklama kısmında da «***körşi*** 'entgegensetzt, gegenüberstellt'. Wahrscheinlich entstanden aus *kör-üs-i*; die gleiche Bildung hat auch *qarşı* 'zuwider, gegenüberliegend', das aus *qarış-* 'sich vwerfeinden' entstanden ist. Andere Beispiele für *körşi*: ETŞ 10/11, 13/107» bilgisine yer verilir [BT III Komm. 940, s. 66].

3) Shogaito 1993:

tuşlı körşi 「對面」 'karşılaşma, karşı karşıya gelme' <...>: *inçip umamış tæg tugurgalı artokrak iraktaki tıdıgılg tuğuglugug öçä tükätmäkig tugmadukug ulatı tuşlı körşi ärmäz alku ädläriğ körkdäşiğ* <...> 而不能生極遠障隔已滅未生及不對面一切物像 «ayrıca çok uzaktaki engelli₂ yok edişi, doğmamayı ve karşılaşmayan bütün maddeleri (ve) şekilleri doğuramamış gibi» [B1631 Shōgaito 1993, 古代ウイグル文 『俱舍論実義疏の研究』 II, s. 119].

4) Zieme 2007:

körşi'ye yer verilen dördüncü metin yayını P. Zieme'ye aittir. Zieme'nin alıntılacağı metin aslında aşağıda ek olarak sunacağım metinde de geçmektedir:

[1] *duk säkiz çaiti-lıg iz orukug temäk sav kizläklig yöriğ-lär ordusı m(a)hayan nomug tegüçi söz birlä köş körşi tetir* «The saying about the traces of the eight holy *caityas* is comparable and parallel to the word about the Mahāyāna teaching, the palace of the secret meanings» [Zieme 2007: 165–172].

5) Yayınlanmamış metinlerde geçen örnekler:

Yukarıda yer verilen örnekler dışında, henüz yayımlanmamış dört ayrı metin parçasında daha *körşi* geçmektedir. Hocam Klaus Röhrborn'un bana verdiği, Xuanzang menine bağlı söz konusu parçaları 27 yıl kadar evvel (1992–1993) okumuş ve çalışmışsam da metinle ilgili soruları henüz tam olarak çözemediğimden dolayı o dönem yayımlama imkanı bulamadım. Daha sonra söz konusu metinleri bir kez de meslektaşım Ablet Semet ile birlikte çalıştım. Bu çalışma ile vardığımız sonuçları ve geçici metin yayımlarını şu an başka bir yayın organında baskıya vermek üzereyiz. *koş* ile birlikte *koş körşi* söz konusu yazıda ele alınmaktadır. Bu sebeple aşağıda sadece konumuz gereği olan kısa bölümlere yer veriyorum:

1. Mainz 841 [TM. 487-i] recto? verso?: 5 *änätkäk yerinjä ötgäli tegüçi söz birlä köş körşi tetir* (4-6. Satırlar)

2. Mainz 847 [TI.D.-4] verso: 1 *[tüpgärü altı kizläglic] yöriüglär ordo <...> tegüçi söz birlä köş körşi tetir* (recto 16 — verso 1)

3. Mainz 847 [TI.D.-4] recto: 2 *<...> seziklär temäk sav bädük tıdıglar temäk söz birlä köş körşi ärür* (1-3)

4. Mainz 847 [TI.D.-4] recto: 5 *tumanlayu <tolup> temäk sav bulıtlayu örtüldi tegüçi söz birlä köş körşi tetir* (3-5)

5. Mainz 847 [TI.D.-4] recto: 15 *<...> temäk sav tüşrük ujıklarıg te[mäk] söz birlä köş körşi [tetir]* (14-15)

6. Mainz 819a: 1 *<...> körşisin uçuz bil[gülüg] üçün s[akın] madımız* (1-2)

7. Mainz 819b: 1 *<...> [koş] körşi [tetir]*

8. Mainz 819b: 4 *[ı]dok säkiz çaitilig [i]z orokug temäk sav kizläglic yöriüglär ordosı m(a)hayan nomug tegüçi söz birlä köş körşi tetir* [1-4; → Zieme 2007]

9. U¹ 1304b recto (?): 4 *bi[lgä] biliglig köldä temäk sav aşnuku .../ ulug y(a)ruklug ärür köñüllüg kalıgta tegüçi söz birlä köş körşi tetir* (1-4)

Peki *körşi* nedir? *körşi* yukarıdaki örneklere de bakılırsa ‘karşı, karşısında, hemen yanında, komşu’ anlamlarında bir sözdür. «Uigurisches Wörterbuch» ile OTWF’de benzer anlamlar verilir. BT III’teki örneğe *aña / añar* maddesinde değinen UW NB ‘gegenüber’ anlamını verir [UW NB II.1 200]. OTWF’de ise ‘with a view on ..., in view of / ...i gören, ... manzaralı’ anlamı verilir; ayrıca OTWF’de *körşi*’nin EDPT ve DTS’de geçmediği, BT III ile ETŞ’de *körşi* ile karşılaştığı kaydedilir, *kör-üş-* fiilinden *-i* gerundium ekiyle türediği kaydedilir [OTWF 343, § 3.118 *-I* and *-šI*]. Aşağıda yer verdiğimiz üzere, P. Zieme kelimeye ‘metafor’ anlamını verir.

Yukarıdaki, 8. satırdaki bölüm [Mainz 819b] P. Zieme tarafından 2007 yılında ele alınmıştı. P. Zieme «In the Uigur literature the term appears infrequently. Therefore I would like to mention the so-called *koş körşi* ‘metaphor’ — text related

¹ «Mainz» ve «U» kısaltmalı Uyurca metinler için bk. <http://turfan.bbaw.de/dta/>

to the Xuanzang Biography <...>» notunu düşer ve metnin Ablet Semet tarafından yayına hazırlanmakta olduğunu da belirtir [Zieme 2007: 165, 171].

Bildiğim kadarıyla, toplamda 14 defa Eski Uygurca metinlerde görülen *körşi*'ye sonra ne olmuştur? *körşi* Eski Uygurca sonrası tarihi metinlerde görülmez. Ancak günümüz Kıpçak dillerinden Kazakçada ve Baraba Tatarcasında görülür. Hatta kelimeye daha W. Radloff'un sözlüğünde rastlarız:

Radloff:

көршү 1) сосед — der Nachbar; 2) ближний — der Nächste [CC 163.7; Wb II 1266]. Radloff'un yer verdiği Codex Cumanicus'a ait veriyi teyit edemedim. Baraba Tatarcası içinse Dmitriyeva'dan örnek verebilirim:

Baraba Tatarcası:

Пөчәси сөзни ечиндә төта алмый көршиләринә сөйләгән «Его жена не смогла сдержать слова [и] рассказала [всё] своим соседям» [Dmitriyeva 1981: 109, 112].

көрши / көрши сосед (Сл II 1266 **көршү**) [Dmitriyeva 1981: 162].

Kazakça:

Kazakça veriye gelince, bu veriyi ilk defa işiterek öğrendiğimi, konuşma esnasında duyduğumu, ilk defa Kazak meslektaşlarımla konuşma esnasında farketdiğimi belirtmem gerekir. Sözlüklere müracaat ettiğimde ise *körşi* her üç bölgede, Kazakistan, Çin Altayı ve Moğolistan Altayındaki Kazakçada buluruz:

Çin:

көрши 邻居, 邻舍; *körşi oturuw* 与.....为邻; *körşi el* 邻国 [Qaz-HanS: 330b].

鄰 *lin* 'qoңsı, körşi, körşi-qolañ; jaqın, irgeles, qanattas, sıbaylas, körşiles'.

鄰邦 *linbang* 'көрши el, körşiles el, körşiles memleket, körşi'.

鄰居 *linju* 'qoңsı, körşi, körşi-qolañ, körşiles' [Han-QazS 704a].

Moğolistan:

көрши 'хөрш'; ~*миздің үйү* 'манай хөршийн гэр' [Bazılhan 159b].

Kazakistan:

көрши 'komşu; yan yana olma, birbirine yakın olma'

көрши-қолаң 'konu komşu, bütün komşular'

көршілес 'komşu, birbirine yakın'

көршілестік 'komşuluk'

көршілік 'komşu olma durumu, komşuluk' [Koç, Kenan 250a].

Көрші 2 зат. *Көршілес, есіктес немесе үйме-үй тұратын адам, қоңсы.* Біздің көршіміз — Серік, Бақыт, Жанат, Озат деген балаларда баратын болды. Иргелес екі үйде тұратынымыз сияқты, поезда да қатар екі купеге орналастық (Ә. Нұршайықов. Батыр). Екі үйдің арасында үй жоқ: жас келіншек қолы қалт етсе көршінікіне бір кіріп шығуға асығады (З. Шүкіров. Изгілік) —Мына кісі менің Петербургтегі пәтерлес көршім — Мұрат Мұсабаев

(А. Сатаев). Акын Мырзатай үйі мен Күлән үйі көрші, Күлән бұл үйге келіп кетіп жүреді (Б. Соқпақбаев. Бастан кеш) [KazTilTüsS 211b].

Көрші 1. Үйлері қатарлас, есіктес тұратын адам, қоңсы. **2.** Кеңістіктегі немесе жазықтықтағы екі объектінің басқалардан гөрі бір-біріне жақын орналасуы. -*бөлме* Мемлекет [KazTilS 329b].

Көрші (Сем.: Көкп., Ақс., Көкш., Чқал., Уәлих.) Ауылдас. Оның үстіне көршілер түгел жиналды, олардың ішінде жастар жоққа тән еді (Сем., Көкп.). [Аймақтық 343a]

körşi üzerine Kazakça bir makalede örnek cümlede dahi rastlayabiliriz: *körşimiz tınış* ‘our neighbour is quiet’. [Aqtaу, Gulayhan 2016: 47].

Kazak Scat havayollarının 2019 Nisan ayı, aylık dergisinde komşu ülkelere seyahati ele alan bir yazının başlığı: **Көрші елдердегі демалыс** ‘komşu ülkelerde tatil’ [Аспан No 3 (59)].

Kırgızca:

Kelimeyi Yudahin’in Kırgızca — Rusça Sözlük’ünde bulamayız, ancak *Rusça-Kırgızca Sözlük*’te buluruz:

сосед қоңшу, кошуна, көршү

соседить <...> көршү болуу

соседний <...> көршү

соседство <...> көршүлүк [Yudahin 1957 810a].

Tatarca:

Kelime Tatarcada **күрше** olup ‘komşu’, ‘komşu köy’, ‘komşu kızı’, ‘komşu hakkı’ vb. Zengin bir kullanım alanına sahiptir. Tatarcadaki kullanımların benzerini Başkurtça ve Çuvaşçada da görürüz. Çuvaşça şekiller (çeşitli Çuvaşça ekler ile) her haliyle Tatarcadan alıntı olarak görünmektedir.

КҮРШЕ 1) сосед / komşu; || соседний, соседский / komşuluk, komşu; **күрше авыл** соседняя деревня / komşu köy; **күрше хакы** добрососедские отношения, этика соседства / komşu hakkı, komşuluk ahlakı, iyi komşuluk ilişkileri; 2) перен. / deyim см. **яңаша, эргәдәш; күрше почмаклар** соседние углы *мат.* / komşu köşeler (matematikte); **күрше тавыгы күркә булып күренә погов.** в чужих руках ломоть всегда толще / başkasının elindeki ekmek dilimi her zaman daha kalın görünür (букв. курица соседа кажется индейкой / harfiyen: komşunun tavuğu hindi görünür ‘komşunun tavuğu komşuya kaz görünür’) [TatRSI 341b].

Аyrıca *kürşe-kolan, kürşe-külen, kürşeλεκ, kürşe-tire* kullanımları da vardır.

Başkurtça:

Başkurtçada *kürşe қатın* ‘komşu kadın’; *kürşe қızı* ‘komşu kızı’; *kürşe bulıw* ‘komşu olmak’; *kürşe torow* ‘komşu olarak yaşamak’; *kürşe haқи — teңri haқи*

'komşu hakkı Tanrı hakkı'; *kürşe avıl* 'komşu köy'; *kürşe öy* 'komşu ev' gibi yaugin bir kullanımı vardır:

күрше 1. сосед || соседский / komşu; **күрше катын** соседка / komşu kadın; **күрше кызы** соседская дочь / komşu kızı; **күрше булуу** соседствовать, быть соседом / komşu olmak; **күрше тороу** жить с соседями, соседствовать / komşu yaşamak, komşu olarak yaşamak; **ут күрше** самый близкий, рядом живущий сосед / en yakın, hemen yanında yaşayan komşu; **күрше хақы - таңре хақы погов.** добрососедские отношения превыше всего / komşu hakkı — Tanrı hakkı, 'iyi komşuluk her şeyden önemlidir' 2. соседний; **күрше ауыл** соседняя деревня / komşu köy; **күрше өй** соседний дом / komşu ev.

Çuvaşça:

Kelime Tatarcadan Çuvaşçaya da geçmiş olmalı[ÇuvRSI 201b]:

күршĕ / kürşĕ сосед || соседский, соседний / komşu; **ырă** ~ добрый сосед / iyi komşu; ~ **ял** соседняя деревня / komşu köy; **юнашар хваттерти** ~ сосед по квартире / ev arkadaşı; ~ **семне килĕштерсе пурăн** ладить с соседями / komşularla iyi geçinmek; ~ **сĕр кун сук, вилсен те кирлĕ посл.** без соседа и дня не проживешь, даже после смерти нужен сосед / komşusuz bir gün bile yaşayamazsın, ölüm sonrası bile komşu lazımdır ('komşu komşunun külüne muhtaçtır').

күршĕ-аршă / kürşĕ-arşă *собир.* Соседи / konu-komşu, komşular; ~**аякри тăвантан паха посл.** [добрые] соседи дороже дальних родичей / [iyi] komşu uzak akrabadan daha değerlidir.

күршĕ-кўп → **күршĕ-аршă**

күршĕлĕх / kürşĕlĕh соседство / komşuluk; **ырă** ~ добрососедство / iyi komşuluk

күршĕллĕ / kürşĕllĕ соседний, смежный || в соседстве / bitişik, yan yana; komşulukta; **ырă** ~ **хутшăнусем** добрососедские отношения / iyi komşuluk ilişkileri; **пирĕнне** ~ **государство** сопредельное государство / sınırdaş ülkeler, hudut komşusu olan ülkeler; **пирĕн картишсем**~ наши двory смежные, примыкают друг к другу / bahçe (avlu)larımız bitişik, bitişik, yan yana; ~**пурăн** жить в соседстве *с кем-л.* / biriyle komşu olarak yaşamak, komşusu olmak

күршĕри / kürşĕri соседний, смежный / komşu, komşular; bitişik; ~ **кĕл** соседний дом / komşu ev; ~ **район** соседний район / komşu bölge, sınırdaş bölge.

Moğolcada *körşi*

körşi Moğol yazı dilinde, Buryatçada ve Çağdaş Moğolca da görülür. Kalmukçada ve Orta Moğolca kaynaklarda kelimeye rastlayamadım:

Klasik Moğolca / Moğol Yazı Dili:

körşi, körşi(n) komşu, komşuluk / сосѣдъ, сосѣдство [Kowalewski 2647a].

körşi ügei ulaşılamaz, sınırsız / недостигаемый, недостижимый; безконечный безпредѣльный ([Kowalewski 2647a].

körşi(n) komşu, komşuluk; *ail körşi ulus* ‘komşu ülke’ [Lessing 490b].

Halha:

хөрш neighbours; neighboring; **айл хөрш** neighboring [Hangin 675a].

Buryat:

хүршэ 1. (мн. *хүршэнэр* редко *хүршэд*) сосед / komşu; *хүршэ эхэнэр* соседка / komşu kadın; *хүрше ёһоной һайн харилсаан* добрососедские отношения / iyi komşuluk ilişkileri; *хүршэ ёһоор* как сосед, по-соседски / komşu olarak, komşu gibi; *һайн хүршэнэрэй гуримаар* по-добрососедски / iyi bir komşu gibi, iyi komşu olarak; *хүршэ һуулга* соседство / komşuluk; *хүршэ байха* (или *һууха*) соседить, жить по соседству / komşuluk yapmak, komşu olarak yaşamak; *хүршэ байлга* соседство / komşuluk; 2. *атр.* соседний; *хүршэ область* соседний район / komşu bölge, sınırdaş bölge; *хүршэ оронууд* соседние страны / komşu ülkeler [Çeremisov 628a].

Sonuç

Eski Uygurcada görülen kelime nasıl oluyor da Orta Türkçede görülmüyor? Moğolca kelime ile Uygurca ve Türk dillerindeki kelimelerin bağı nedir? Bana göre Orta Türkçede kelime kullanılmamış, unutulmuş olmalı. Büyük bir ihtimalle Eski Uygurcadan Moğol yazı diline geçen kelime daha sonra Moğolcadan geri ödünçleme (re-borrowings) yoluyla Türk dillerine, özellikle Kıpçak dillerine girmiştir. Kelimenin Moğolcadan geri ödünçleme olduğu görüşüm ise Kazakçada -ş- ile kullanılıyor olmasıdır. Bilindiği gibi Ortak Türkçe söz içi ve söz sonundaki ş ünsüzleri Kazakçada s olarak görülür, oysa burada ş iledir. Böylesi durumlara ancak ödünç veya alıntı kelimelerde rastlanır.

Kaynakça

- Aqtaý, Gulayhan 2016 — Kazakh Adjectives Denoting Human Properties // Turk Dilleri Araştırmaları / Festschrift für Henryk Jankowski, 26.01.2016. — 41–52, s. 47.
- Aspan 2019 — Аспан. Борт журналы / Бортовой журнал / In-flight magazine. — Scatt Airlines, 2019. — No 3 (59) апрель 2019.
- Аумақтық 2005 — Қазақ тілінің аймақтық сөздігі. — Алматы 2005.
- BaşRSI 1996 — Башкирско-русский словарь / под ред. З.Г. Ураксина. — Москва, 1996.
- Bazılhan 1977 — *Базылхан, Б.* Казах-Монгол толь. — Улаанбаатар, 1977.
- BT III 1974: — *Tezcan, Semih.* Das uigurische Insadi-Sūtra. — Berlin, 1974.
- Çeremisov 1974 — Бурятско-русский словарь / под ред. К.М. Черемисова. — Москва, 1973.
- ÇuvRSI 1985 — Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. — Москва, 1985.
- Dmitriyeva 1981 — *Дмитриева Л.В.* Язык барабинских татар. — Ленинград, 1981.
- DTS — *Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М.* Древнетюркский словарь. — Ленинград, 1969.

- EDPT — *Clauson, Sir Gerard*. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford, 1972.
- ETŞ 1965 — *Arat, R. Rahmeti*. Eski Türk Şiiri. — Ankara, 1965.
- Han-QazS 1979 — *Ҳанзуша-Қазақша Sozdik*. — Urimci, 1979.
- Hangin 1986 — *Hangin, Gombojab* (et alii). A Modern Mongolian-English Dictionary. — Indiana University, 1986.
- KazTilS — Қазақ тілінің сөздігі. — Алматы, 1999.
- KazTilTüsS — *Ысқақов А.Ы.* Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. — Алматы, 1999.
- Koç 2003 — *Koç, Kenan*. Қазақша-Түрікше сөздік / Kazak Türkçesi-Türkiye Türkçesi Sözlüğü. — Ankara, 2003.
- Kowalewski 1944 — *Ковалевский О.М.* Монгольско-русско-французский словарь. — Казань, 1844–1849.
- Lessing 1960 — *Lessing, Ferdinand D.* Mongolian-English Dictionary. — Berkeley and Los Angeles, 1960.
- OTWF — *Erdal, Marcel*. Old Turkic word formation. A Functional Approach to the Lexicon I-II. — Wiesbaden, 1991.
- Qaz-HanS — Қазақша-Ҳанзуша Sozdik. — Urimci, 1979.
- Yudahin 1985 — Русско-киргизский словарь / под ред. К.К. Юдахина. — Москва, 1985.
- Shogaito — *Shōgaito Masahiro*. Studies in the Uighur Version of the Abhidharmakośabhāṣya-tīkā Tattvārthā, Volume I, Text, Translation and Commentary; Volume II, Text, Translation, Commentary and Glossary; Volume III, Facsimile Text with Introduction. — Shokado, 1993
- TatRSI — Татарско-русский словарь. — Москва, 1966.
- UW NB II.1 — *Röhrborn, Klaus*. Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien, – Neubearbeitung – II. Nomina-Pronomina-Partikeln. Band 1: a – asvik. — Stuttgart, 2015.
- Wb — *Radloff, Wilhelm*. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte / Опыт словаря тюркских наречий. — Sanktpeterburg', I: 1893, II: 1899, III: 1905, IV: 1911 (I-IV Leiden 1960; Moskva I.1/2-IV.1/2 1963).
- Zieme 2007 — *Zieme, Peter*. Caitya Veneration — an Uigur Manuscript with Portraits of Donors // Journal of Inner Asian Art and Archaeology, vol. 2. — 2007. — 165–172.

Мехмет Ольмез, г. Стамбул (Турция)

Древнеуйгурское *körşi*

в современных тюркских и монгольских языках

Словарный запас староуйгурского языка был тщательно изучен в исследованиях, опубликованных до 1970 г. Однако после 1970-х гг. особенно в Японии и Германии было издано большое количество новых работ, в которых данная проблема широко освещена. Вследствие этого было выявлено множество слов, не зафиксированных в «Древнетюркском словаре» и «Старотюркском словаре» Джерарда Клосона. Одним из этих слов является *körşi* 'сосед, соседний, по соседству'. Это слово сохранилось в калмыцком, халха-монгольском, бурятском языках, а также встречается в монгольском литературном языке. Среди современных тюркских языков слово встречается в языках кыпчакской группы, например, в казахском, татарском, башкирском и чувашском (в последнем является заимствованием из татарского) языках, в барабинском диалекте татарского языка. Форма данного слова в казахском языке указывает на обратное заимствование. В настоящую статью вошли 14 словарных единиц, которые не упоминаются в лексикологических исследованиях по древнетюркским языкам.

Ключевые слова: староуйгурский язык, лексикология, заимствование, обратное заимствование, казахский язык

Yazar bilgisi

Mehmet Ölmez — doktor, İstanbul Üniversitesi profesörü, Societas Uralo-Altaica (Hamburg / Göttingen), The Academy of Europe kuruluşlarının üyesi; e-mail: olmez.mehmet@gmail.com

Информация об авторе

Мехмет Ольмез — д.ф.н., профессор Стамбульского университета, член обществ «Societas Uralo-Altaica» (Гамбург / Гёттинген), «The Academy of Europe»; e-mail: olmez.mehmet@gmail.com

М.М. РЕПЕНКОВА, г. Москва

Архитектоника повести Айше Кулин «Бесконечное настоящее время»

Резюме: В статье рассматриваются композиционные особенности повести А. Кулин «Бесконечное настоящее время» (1998), которые исследуются на сюжетном и образном уровнях. Необычность хронотопа (игра со временем и пространством) вкупе с психологической мотивировкой образов и остротой поднимаемых социальных проблем позволяют говорить о доминанте беллетристического кода в этом произведении писательницы.

Ключевые слова: Айше Кулин, турецкая беллетристика, хронотоп, драматизация повествования

Айше Кулин (род. в 1941 г.) — одна из наиболее популярных национальных прозаиков последних десятилетий, чье имя стоит в одном ряду с именами таких известных турецких писателей-беллетристов, как Ахмет Умит, Искендер Пала, Джанан Тан, Инджи Арал. Турецкие критики считают, что поэтику романов, повестей и рассказов А. Кулин определяет «яркость образов и плавная повествовательность стиля» [Çelik 2000: 283], «автобиографизм и приверженность к нарративизму» [Gündüz 2007: 510]. Кроме того, они отмечают «вклад писательницы в развитие жанра турецкого автобиографического романа» [Işık 2005: 693]. С мнением национальных критиков соглашается отечественный исследователь творчества А. Кулин Л.В. Софронова, подчеркивающая, что жанр романа-биографии/автобиографии «стал популярным в турецкой современной литературе благодаря активной творческой деятельности сценаристки, театрального режиссера-постановщика, телережиссера Айше Кулин, которая начала писательскую карьеру еще в 1980-е гг.» [Софронова 2012: 55]. Рассматривая в основном автобиографические романы А. Кулин, Л.В. Софронова вписывает их в парадигму массовой литературы: «<...> Эксплуатация этого жанра массовой

литературой связана с тем, что рассказ о жизни реального лица благодаря документальному посылу придает всему сказанному ореол достоверности, позволяет навязывать манеру поведения в определенных ситуациях исподволь, избежав назидательности. Современная биография — это не биография жизни, а биография успеха, так как в современной жизни успех ставится во главу угла и ценится выше моральных ценностей. Перу А. Кулин принадлежат романы в основном автобиографического характера» [Софронова 2012: 56]. Здесь мы позволим себе не согласиться с мнением исследователя. Категоричное отнесение всех произведений А. Кулин к массовой литературе представляется малоубедительным. Существует достаточно большой пласт романов, повестей и рассказов писательницы, которые не подходят под определение «массовой литературы» (романы — «Фюрейа» («Füreya» 1999), «Севдалинка» («Sevdalinka» 1999), «Мост» («Köprü» 2001), «Прощание» («Veda» 2008); повести и рассказы из сборника «Бесшумные рассказы» («Sessiz öyküler» 2012)) и др.

Сборник «Бесшумные рассказы» составлен из произведений «малой прозы» А. Кулин, написанных в 1980–1990-е гг. — рассказы «Розовощекий» («Gülizar» 1984), «Поверни свое лицо к солнцу» («Güneşe Dön Yüzünü» 1984), повести «Фотографии “Фото Сабах”» («Foto Sabah Resimleri» 1996), «Бесконечное настоящее время» («Geniş zamanlar» 1998) и др. Поэтические особенности повести «Бесконечное настоящее время» являются объектом исследования в данной статье.

Сюжетная канва повести выстраивается на основе повествования от первого лица, которое ведет главная героиня Айла. Бросается в глаза отсутствие экспозиции. Это приводит к тому, что читатель сразу же погружается в гущу событий, о которых рассказывает личный повествователь. Героиня описывает то, что происходило с ней до момента рассказывания так, как если бы эти события происходили сейчас, совпадая с моментом речи. Она просыпается утром в своей лондонской квартире после бурно проведенной ночи и никак не может восстановить в памяти то, что с ней случилось накануне. Настоящее время создает эмоциональный тон повествования, нагнетая напряженность и заставляя читателя предположить, что с женщиной произошло что-то ужасное, что она встревожена, потеряна и находится в нервном напряжении. «Утром я просыпаюсь на диване в гостиной. Одеяло и подушка валяются на полу. На кресле одиноко красуется вчерашняя одежда. Голова раскалывается. Во рту словно яд. В дверях комнаты застыл верзила, рост которого кажется пятиметровым. Похоже, что белесое лицо и белобрысые вихры этого парня никогда не видели солнца. Цвет его кожи отливает белизной, напоминающей парное молоко. Прислонившись к дверному косяку, он щурит свои опухшие синие глаза и пытается выдавить из себя улыбку» [Kulin 2012: 2].

В повести функция настоящего времени на *-yor* заключается в усилении ощущения трагизма происходящего, в драматизации действия. Настоящее

время словно бы «втягивает» в себя прошлое, замещает его собой, преподнося прошедшие события в трагическом ракурсе сегодняшнего дня. В форме все того же времени на *-yor* подаются и события, которые, как представляет себе героиня, произойдут с ней в будущем. Они также овеяны атмосферой безысходности и тоски. Настоящее время, таким образом, аккумулирует в себе остальные времена и приобретает параметры бесконечно продолжающегося времени: кроме настоящего нет ничего, что и подчеркивается названием повести¹.

А. Кулин драматизирует повествование и короткими, обрывочными фразами: «Беру одежду. Иду в ванную. Сначала я окатываю себя ледяной водой. Полощу рот. Встаю под душ. Холодная вода, касаясь моего тела, обжигает словно искрами огня. Вздрагиваю. Нужно вспомнить. Я должна вспомнить, что случилось вчера ночью. Потом нужно выставить за дверь этого негодяя, который бродит по моей квартире. Завернувшись в банный халат, я чувствую, что моя голова все еще раскаляется, что внутри она совершенно пуста» [ibid.].

Героиня никак не может объяснить все то, что происходит вокруг нее — разбросанные по квартире вещи, ощущение пустоты и ненужности жизни, нахождение рядом с ней постороннего мужчины (как впоследствии выясняется, имя мужчины — Джерри, а познакомили их английские друзья Айлы), который явно ей неприятен. Постепенно в памяти Айлы начинают восстанавливаться события прошлого. Они также подаются в форме настоящего времени на *-yor*, поэтому читателю сначала трудно выстроить их в хронологическую последовательность. Ясно лишь одно, что присутствуют два пласта воспоминаний: более ранний, связанный с жизнью героини в Турции, и более поздний, связанный с ее жизнью в Англии. Эти пласты постоянно переплетаются, запутывая читателя.

И все же из потока воспоминаний Айлы выстраивается история ее прошлой непростой жизни. Она является представительницей довольно состоятельных слоев турецкого общества. Десять лет назад героиня разошлась с мужем и вместе с сыном переехала в Англию. Здесь, в Лондоне сын учится в престижном колледже, а Айла, сохраняя свои прежние привычки, ведет светский образ жизни. Но такая жизнь в определенный момент времени начинает ее тяготить. Она ощущает одиночество на чужбине, скучает по матери и друзьям, которые остались в Стамбуле. Вчерашний телефонный разговор с матерью окончательно выводит ее из состояния душевного равновесия.

Воспоминания о том разговоре, после которого она отправилась с английскими приятелями (семейной парой Сэлли и Дэвидом и их знакомым Джер-

¹ Дословный перевод названия повести «Множество времен» или «Бесконечное количество времен» заменен в статье на «Бесконечное настоящее время», что наиболее адекватно передает идею произведения.

ри) в кино, а затем в русский ресторан в центре Лондона, перемешиваются с воспоминаниями о ее прошлой стамбульской жизни. В ней у Айлы была счастливая семья. Она взяла в дом служанку Фатик — женщину бедную, живущую в трущобах геджеконду². Фатик пришла к ней не одна, а с дочерью Зехрой, которую Айла начала опекать: она помогла девушке закончить сначала школу, а потом медицинское училище, попыталась устроить ее личную жизнь (выдать замуж за врача больницы, в которой работала Зехра). Айла была полна уверенности в том, что сможет изменить жизнь девушки к лучшему, что хорошее образование поможет той вырваться из нищеты.

Из воспоминаний Айлы отчетливо прорисовываются линии жизни двух стамбульских семейств и их женщин: богатое аристократическое семейство Айлы и нищая семья Фатики и Зехры. В какой-то момент судьбы женщин пересекаются. Айла и Зехра, несмотря на разницу в возрасте, дружат, верят в возможное будущее счастье. Но в один из дней их надежды на счастье рушатся. От Айлы уходит к ее близкой подруге муж. А Зехру выдает замуж за нелюбимого человека пьяница отец, так и не разрешив девушке поступить в университет. Мать Зехры с горечью повторяет, что беднякам никогда не выбраться из нищеты, что каждый достоин своей судьбы: «Каждый петух находит пару на своей помойке» [ibid.: 23]. Жизнь Зехры заканчивается трагически — ее убивает муж. Именно об этом накануне вечером и узнает Айла по телефону от своей матери в лондонской квартире. Трагическое известие настолько расстраивает героиню, что она пытается «утопить горе в вине».

Настоящее время, вмещающее в себя разные пласты прошлого в виде воспоминаний героини, актуализирует важнейшую социальную проблему современной Турции — положение женщины в семье и обществе. К какому бы социальному слою не принадлежала женщина, по мнению автора рассказа, судьба ее трагична и эта трагичность заранее предопределена. Данная проблема художественно реализуется в судьбах главной героини и ее подруг — Фатики и Зехры, о которых повествует Айла. Повествование Айлы — это эмоционально наполненный внутренний монолог: «Так вот, значит, как обстоят дела в геджеконду. У молодых женщин из этих кварталов как правило жизнь не складывается. Они словно богом забытые существа. Ими не интересуются ни собственные мужья, ни общество. Даже журналисты, вечно гоняющиеся за сенсациями, не воспринимают жизнь этих несчастных как сенсацию и не заглядывают в подобные места. А женщинам из геджеконду, ну что тут поделать, остается только уповать на молитвы да волшебные амулеты. Они обхаживают мужей, отправляя их на заработки. А те постоянно унижают, бьют свои вторые половины, издеваются над ними. Они бросают жен-

² Геджеконду — районы, возводимые на окраинах больших турецких городов в основном приезжими из деревни. По турецким законам жилище, пусть даже и построенное за одну ночь из коробок, тряпок, газет и т.п., нельзя сносить. Этим и пользовались нищие мигранты, приживаясь на долгие годы в подобных трущобах.

щин беременными без какой-либо поддержки или заставляют работать до потери сознания. Об этом Фатик рассказывала так бесстрастно, что меня просто бросало в дрожь и охватывала безнадежность. В голову лезли мысли о том, что в нашей стране у женщин нет ни прошлого, ни будущего. Словно живут они в бесконечном настоящем времени. Только в настоящем, так было вчера, так будет завтра, так есть сегодня. Так было и так будет. Ничего и никогда не изменится» [ibid.: 12].

Размышления героини о собственной жизни часто переходят в диалог с самой собой: «Да, он (Джерри — *М.Р.*) верно говорит, стоит мне увидеть потрескивающие огромные поленья в камине, как во мне сразу пробуждаются горькие чувства. Правда? Да, правда. В горле вдруг застывает комок, а глаза наполняются слезами. Мне приходится сглатывать слюну, чтобы не заплакать. Но почему именно камин вызывает во мне такие эмоции? Не знаю, наверное, потому, что его огонь напоминает мне о счастливом прошлом, о моем стамбульском доме с большим камином. А разве не он обернулся для меня обманом и пустотой? Разве не в нем прошли впустую годы моей молодости? Нет, те годы не прошли впустую, ведь это были годы, отданные любимому человеку. Но разве я не закрыла ту страницу своей жизни? Разве я, пережив бесчисленные любовные связи, ощутив себя опустошенной и раскаявшейся, не научилась отказываться от жалости к себе? Все так. Может быть, именно поэтому и возник передо мной этот лондонский белобрысый верзила, с помощью которого я хотела отомстить всему свету за свою поруганную честь» [ibid.: 6].

Образ Айлы лишен статики. На протяжении развития действия он подвергается существенным изменениям. Так из молодой, счастливой, самоуверенной стамбульской светской львицы она превращается в потерявшую веру в себя и окружающих, живущую на чужбине и оплакивающую свою судьбу женщину средних лет. Произошедшие с героиней изменения призвана подчеркнуть и ее портретная характеристика. Как правило, это отдельные штрихи внешности, в которых намеренно гиперболизируется нынешняя внешняя непривлекательность Айлы: «Мне вдруг бросается в глаза чужое лицо в зеркале. Оно бледное и злобное, как у вампира. Нет, нет, как у отвратительной, страшной ведьмы» [ibid.: 9].

Отсутствуют развернутые портреты и у других героев. Но в деталях их внешнего вида всегда ощущается отношение Айлы — личного повествователя — к тем, о ком она рассказывает: «У нее (Зехры — *М.Р.*) было круглое, улыбающееся лицо, строго смотрящие карие глаза и темные, как шелк, каштановые волосы» [ibid.]. «На самом деле Зехра была безответственная и не отличалась покладистым характером, зато она была очень сообразительной. Если бы она родилась не в самом бедном районе Гюльтепе, а в той атмосфере, где жили мы, она бы легко смогла получить высокие баллы в средней школе» [ibid.].

У Зехры, как и у ее матери, широко открытые, добрые глаза. В этих глазах, как неоднократно подчеркивает Айла, отражается наивная вера девушки в силу молитв от сглаза и «разную другую ерунду, навеянную народными суевериями» [ibid.: 10]. В трудную для Айлы минуту — в период ее развода с мужем — Зехра всячески пытается поддержать свою покровительницу и подругу действенными в ее понимании способами:

«— Я прочту молочную молитву, сестра, — говорит Зехра.

— А что это такое, моя девочка?

— Это то, что должно помочь. Молитва принесет благополучие в ваш дом. Я и маме скажу, пусть тоже почитает, когда придет.

— Да не верю я в такие вещи.

— Даже если не веришь, мы все равно прочтем. Хуже-то не будет, — в ее голосе слышится мольба.

— Эх, если бы было возможно удержать такими молитвами брак, никто бы тогда не разводился.

— Дай-то бог, всё наладится и радость вернется в твое сердце, сестра.

— Ты не печалься за меня, Зехра, я в порядке» [ibid.].

В отличие от дочери, Фатик не питает иллюзий относительно возможности изменить свою жизнь к лучшему. Натруженные руки, изможденное тяжелой работой тело, горькая складка губ свидетельствуют о нелегкой жизни Фатик, к которой она привыкла и которую она воспринимает как должное. Неграмотную Фатик удивляет стремление дочери к учебе, поэтому она часто обращается к дочери с такими словами: «Зачем тебе учиться? Будь ты богатой, будь бедной, а долю-то женскую не изменить» [ibid.: 13]. Айла относится к Фатих снисходительно-критически. Это отчетливо проявляется в ее высказываниях: «Разве можно ждать большего от этого темного и забитого существа, вся жизнь которого проходит в потакании прихотям мужа» [ibid.: 14].

Другая проблема, поднятая в повести — это проблема чужбины, неприятие турчанкой западного образа жизни и западной культуры. Проблема выражается, главным образом, в противостоянии Айлы и ее английского приятеля Джерри. Это противостояние проявляется в их спорах по любому, даже самому пустячному поводу, например, пить или не пить чай с молоком:

«— Интересно, есть ли у тебя в доме молоко? — спрашивает Джерри.

— Нет, — резко отвечаю я.

— Ну, может в холодильнике немного осталось? Пойду, посмотрю.

— Не трать напрасно время, не ходи. Молока нет.

— Ты что, вообще не держишь молока в доме?

— Нет.

— А почему?

- Молоко пьют дети, а я не ребенок.
- Чтобы налить в чай...
- Чай пьют без молока.
- И с молоком пьют. Мы — англичане — добавляем молоко в чай.
- А мы нет. Молоко в чай добавляют те, кто не умеет наслаждаться вкусом чая» [ibid.: 2].

В диалогах Айлы и Джерри пустяшный вопрос о молоке в чае перерастает в проблему противостояния двух культур — Востока и Запада, проблеме взаимоотношения чувств и разума. Джерри упрекает Айлу в том, что турки не умеют правильно пить чай, и вообще многое, чего не умеют делать. Айла не терпит упреков Джерри и отвечает ему резко и вызывающе, стараясь защитить свой народ и свою культуру:

- «— Вы англичане — рационалисты, всё на свете можете просчитать. Только чай пить не умеете.
- А вы, значит, умеете? — Джерри злится и не скрывает этого.
- Конечно, да. Мы и еще русские.
- Давай посмотрим, что вы еще умеете делать лучше нас? — в его голосе звучит насмешка.
- Много чего умеем.
- Например?
- Например, умеем чувствовать и любить друг друга» [ibid.].

Описывая Джерри, Айла видит в нем только негативные черты, начиная от его внешности и кончая характером. Постоянно акцентируя внимание на его высоком росте и белизне кожи, она фактически доводит эти черты до абсурда, делает негативными. То есть нейтральные по своим изначальным параметрам эпитеты, превращает в эмоционально окрашенные вершины текста с резко отрицательной коннотацией: «Он все еще цепляется к молоку. Господи, какой же пустой и какой длинный человек!» [ibid.: 5]. Или: «Джерри! Этот мужчина с белой кожей, который так жадно поедает пищу!» [ibid.: 7]; «Этот долговязый английский джентльмен не должен был подорвать моего доверия» [ibid.: 8].

Из диалогов Айлы и Джерри, из монологической речи Айлы становится ясно, героиня хотела бы видеть на месте Джерри турка, который был бы близок ей по культуре и образу мыслей. Айла сожалеет о расставании с мужем и о том, что их развела судьба, что ей приходится жить в одиночестве с чужими людьми в Лондоне. В то же время можно сказать, что в повести Айлы отсутствуют какие-либо прямые объяснения собственных поступков, ее выводы, относительно того, что происходит вокруг. Она предоставляет читателю самому делать выводы, не вынося оценок происходящему.

В заключение следует сказать, что композиция повести «Бесконечное настоящее время» достаточно сложна. При отсутствии линейно развивающейся событийной линии, сюжет двигают аллюзии и ассоциативные связи, раздвигающие художественное пространство (Лондон — Стамбул) и позволяющие играть с художественным временем. Стрела времени как бы останавливается и замирает на настоящем, представляющимся бесконечным и трагедийным по своей сути. Трагедийное начало настоящего времени определяют серьезные социальные проблемы, переживаемые героями повести и подаваемые в глубинном психологическом ракурсе.

Литература

- Софронова 2012 — *Софронова Л.В.* Массовая литература как продукт глобализации (размышления о жанровом многообразии современной прозы Турции) // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. — 2012. — № 2. — С. 51–58.
- Çelik 2000 — *Çelik Y.* Roman 1920–1990 // *Türk Edebiyatı Tarihi*. 4. — Ankara, 2000. — S. 213–427.
- Gündüz 2007 — *Gündüz O.* Cumhuriyet Dönemi Türk Romanı // *Yeni Türk Edebiyatı 1839–2000*. — Ankara, 2007. — S. 379–512.
- Işık 2005 — *Işık İ.* Encyclopedia of Turkish Authors. 2. — Ankara, 2005. — S. 693–697.
- Kulin 2012 — *Kulin A.* Geniş zamanlar // *Sessiz Öyküler*. — İstanbul, 2012. — S. 2–30.

Maria Repenkova, Moscow

Architectonics of story «Infinite present time» by Ayşe Kulin

Summary: The article discusses the poetological features of the story «Infinite present time» (1998) by A. Kulin, which are studied on narrative-compositional and image-bearing levels. The unusual chronotopos (playing with time and space), along with the psychological motivation of the characters and the acute social problems make it possible to state that the fictional code is dominant in this work of A. Kulin.

Key words: Ayşe Kulin, Turkish fiction, chronotopos, dramatization of narration

Сведения об авторе

Репенкова Мария Михайловна — д.ф.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mmrepenkova@rambler.ru

Information about the author

Maria Repenkova — Ph.D. in philology, Associate Professor, Head of Turkic Philology Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: mmrepenkova@rambler.ru

И.Я. СЕЛЮТИНА, г. Новосибирск

Фонологические системы в тюркских языках Южной Сибири: к проблеме языковой сложности

Резюме: Проблема языковой сложности, актуализировавшаяся в начале XXI в., разрабатывается в статье на материале фонико-фонологических систем тюркских языков южносибирского региона. Сопоставительный анализ вокальных систем выявил три группы идиомов: наименьшей степенью сложности характеризуются языки и диалекты Алтая, хакасский и шорский; тувинская и тофская системы, включающие единицы, маркированные признаками фарингализованности и имеющие наибольшее количество фонем, имеют максимальную степень парадигматической сложности. Консонантные системы шорского, барабинско-татарского и тувинского языков также являются наиболее сложноорганизованными. Самая сложная сингармоническая система (СС) функционирует в тувинском языке, хакасский язык реализует СС с наименьшей сложностью; СС остальных языков занимают промежуточное положение между тувинским и хакасским на шкале объективной синтагматической сложности. Выявленные закономерности свидетельствуют о положительной корреляции уровня сложности фонологических и морфонологических систем и степени устойчивости языков.

Ключевые слова: тюркские языки Южной Сибири, фонетика, фонология, вокализм, консонантизм, сингармонизм, языковая сложность

Введение

Цель статьи — определение абсолютной (объективной) сложности фонико-фонологических систем в тюркских языках южносибирского региона на современном синхронном срезе.

Работа базируется на результатах инструментального изучения (с обязательным учетом предшествующих описательных исследований) звуковых систем языков народов Сибири и сопредельных регионов, полученных фонетистами Сибири в русле единой теоретической и методологической концеп-

ции В.М. Надеяева и введенных в информационное пространство лингвистики путем публикаций описательного и сопоставительно-типологического характера [см. список публикаций: <http://www.philology.nsc.ru/departments/lefi/index.php>].

В современной лингвистике показатели языковой сложности рассматриваются в качестве одного из индикаторов типологического классифицирования. Проблема лингвистической сложности, поднимавшаяся в научной литературе с 1970-х гг., в начале XXI в. привлекла внимание ученых в связи с пересмотром конкретных результатов изучения истории и типологии языков и приобрела статус одного из наиболее перспективных направлений. В острополемиической дискуссии, нашедшей отражение в работах Дж. МакУортера [McWhorter 2001], Ваутера Кюстера [Kusters 2003], Эстена Даля [Dahl 2004], Райана Шостеда [Shosted 2006], Элисон Рэй и Джорджа Грейса [Wray, Grace 2007], Гэри Лупяна и Рика Дейла [Lupyan, Dale 2009], Питера Традгила [Trudgill 2011], было опровергнуто доминирующее в лингвистике представление о языках мира как характеризующихся одинаковой и неизменной сложностью [Sampson 2009]: языки можно не только ранжировать по степени сложности, но и измерить ее количественно [Бердичевский 2012].

В соответствии с задачами нашего исследования наибольший интерес представляет критерий оценки языковой сложности, предложенный МакУортером: фонемный инвентарь тем сложнее, чем больше в нем типологически маркированных, т. е. редко встречающихся в языках мира, фонем. Функционирование маркированных фонем, характеризующихся наличием коррелятивного признака, предполагает наличие немаркированных членов оппозиций, более сложную систему фонологических противопоставлений.

Для измерения языковой сложности мы используем также предложенный Дж. Николз список формально-количественных параметров, характеризующих как системную (парадигматическую), так и структурную (синтагматическую) сложность [Nichols 2009]. Системная сложность определяется: 1) количеством элементов (фонем, тонов, родов, падежей, и т. п.) в каждой подсистеме; 2) количеством парадигматических вариантов (степеней свободы) для каждого элемента: аллофонов, алломорфов, словоизменительных классов. Показателями структурной сложности являются: 1) количество комбинаций элементов на разных уровнях, случаи согласования, валентности и т. п.; 2) ограничения на употребление элементов и их сочетаний. Поверхностная же сложность — это произносительная длина языковых единиц при их употреблении в речи.

Сопоставительный анализ фонико-фонологических систем в современных тюркских языках, диалектах и говорах Южной Сибири проводился на материалах по алтайскому [Чумакаева 1976; 1978; Шалданова 2007], теленгитскому [Машталир 1984; Бидинова 2015; 2017; Алмадакова 2016], бачатско-телеутскому [Гаврилин 1984], кумандинскому [Селютина 1983; 1998],

чалканскому [Кокорин 1982; Кирсанова 2003; Федина 2008], тубинскому (тубаларскому) [Петькин, Чумакаева 1989; Сарбашева 2004], хакасскому [Кыштымова 2001; Субракова 2006], шорскому [Бородкина 1977; Уртегешев 2002; 2006], барабинско-татарскому [Тумашева 1968; Уртегешев и др. 2003; Рыжикова 2005; 2007], чулымско-тюркскому [Бирюкович 1979; Уртегешев 2016], калмакскому [Уртегешев, Бабыкова 2005]; тувинскому [Бичелдей 1979; 2001; Дамбыра 2005; Кечил-оол 2006] и тофскому (тофаларскому) [Наделяев 1969; Рассадин 2014] языкам.

1. Характеристика вокальных систем южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности

Применение метода количественного подсчета единиц инвентарей фонем с учетом релевантных признаков, организующих системы, позволило построить иерархию их парадигматической сложности. Выявлены три группы южносибирских тюркских идиомов: в первую группу входят языки и диалекты, вокальные реестры которых представлены лишь фонемами-монофтонгами (от 14 до 17 фонем); во вторую — языки и диалекты, вокальные инвентари которых включают как монофтонги, так и дифтонги (от 19 до 23 фонем); в третью — идиомы, имеющие вокализм, представленный только фонемами-монофтонгами, — «чистыми», фарингализованными и назализованными (от 24 до 32 единиц) [Селютина 2017а].

В первой группе — идиомы Алтая (кроме тубинского турочакского и теленгитского улаганского), хакасский и шорский; во второй — тубинский турочакский, барабинско-татарский и теленгитский улаганский; в третьей языки байкало-саянского этноареала — тувинский и тофский.

Языки второй группы (тубинский турочакский, барабинско-татарский и теленгитский улаганский) занимают промежуточное положение между языками с наименьшей степенью сложности (большинство идиомов Алтая, хакасский и шорский), с одной стороны, и языками с максимальной степенью сложности — тувинским и тофским, с другой.

Тувинская и тофская вокальные системы, структурируемые не только оппозицией по квантитативным параметрам, но и включающие единицы, маркированные признаками фарингализованности (и назализованности?), и имеющие наибольшее количество фонем, характеризуются максимальной для тюркских языков Южной Сибири степенью парадигматической сложности.

Истоки более высокого уровня сложности языка туба по сравнению с большинством других идиомов Алтая следует искать в этногенезе тубинцев, предки которых составили вместе с тувинцами и карагасами (тофами) большой племенной союз Туба и усвоили язык, близкий к древнегузскому

и древнеуйгурскому [Баскаков 1969: 317]. На взаимосвязи предков улаганских теленгитов и тувинцев указывают топонимы, происхождение которых сами теленгиты связывают с обитанием на этой территории тувинцев [Алмадакова 2016: 20]. О генетической близости теленгитов и тувинцев свидетельствуют краниологические данные [Тур, Тишкин 2001].

Распределение южносибирских тюркских языков на группы, отличающиеся различной степенью парадигматической сложности, детерминировано спецификой структурно-таксономической организации вокальных систем, алгоритмами реализации взаимосвязей и взаимообусловленностей их единиц.

2. Характеристика консонантных систем южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности

Изучение объективной сложности консонантных систем в южносибирских тюркских языках с точки зрения артикуляторной сложности субстантного признака, принятого языком в качестве базовой структурно-таксономической характеристики, консонантные системы шорского, барабинско-татарского и тувинского языков, организованные противопоставлением по напряженности, следует квалифицировать как более сложные по сравнению с системами согласных в алтайском, кумандинском, чалканском, тубинском и хакасском языках, где в основу положена оппозиция по количественным характеристикам единиц, а также по сравнению с калмакской системой согласных, структурируемой по признаку глухости / звонкости [Селютина 2016].

Исходя из положения Мак-Уортера о том, что степень сложности фонемного инвентаря коррелирует с количеством входящих в него маркированных фонем, следует заключить, что консонантные системы шорского, барабинско-татарского и тувинского языков относятся к числу наиболее сложноорганизованных, поскольку включают классы фонем, маркированных признаками, не востребованными в сопоставляемых языках. В ряду тюркских языков Южной Сибири более высокой степенью парадигматической сложности характеризуется консонантизм шорского и барабинско-татарского языков, фонологические системы которых организованы оппозицией единиц по глоттализованности / неглоттализованности, а также тувинский консонантизм, в системе которого противопоставление по указанному признаку реализуется как аллофоническое.

В отличие от шорского, барабинско-татарского и тувинского языков, консонантные системы алтайского, кумандинского, чалканского, тубинского, хакасского и калмакского языков не содержат классов согласных, противопоставленных по параметрам глоттализованности / неглоттализованности, что указывает на относительно меньшую степень фонико-фонологической парадигматической сложности в этих языках.

Более высокий уровень фонетического разнообразия в шорском, барабинско-татарском и тувинском языках определяется также тем, что консонантные системы в этих языках базируются не только на основном фонологическом признаке, но и на дополнительных релевантных параметрах. В шорском языке сопутствующими дифференциальными признаками являются степень напряженности, фарингализация и длительность, в барабинско-татарском уровень напряженности коррелирует с основным конститутивно-дифференциальным признаком (КДП) согласных — отсутствием / наличием дополнительной фарингализованной артикуляции. В тувинском консонантизме дополнительным по отношению к параметру напряженности структурирующим признаком является аспирация.

В отличие от языков, в которых одним из основных системообразующих признаков консонантизма является артикуляторная напряженность, коррелирующая с глоттализированностью, алтайский, кумандинский, чалканский, тувинский, хакасский и калмакский языки имеют системы не столь сложноорганизованные, базирующиеся лишь на одном КДП — степени длительности или глухости / звонкости единиц.

3. Характеристика сингармонических систем южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности

Сопоставительный анализ сингармонических систем в южносибирских тюркских языках свидетельствует о том, что при всем многообразии форм их реализации они подчиняются общим тенденциям развития, свойственным урало-алтайским языкам агглютинативного типа.

При оценке уровня объективной (абсолютной) языковой сложности с опорой на список параметров, предложенный Дж. Николз, было установлено, что наиболее сложная сингармоническая система (СС) функционирует в тувинском языке, хакасский язык реализует сингармоническую систему с наименьшей фонологической сложностью; СС остальных языков занимают промежуточное положение между тувинским и хакасским языками на шкале объективной сложности [Селютина 2017б].

Тувинская сингармоническая система структурирована максимальным для тюркских языков Южной Сибири количеством коррелятивных признаков: палатальный, лабиальный, фарингальный. Хакасский литературный язык использует СС стяженного типа: в системе сингармоническую релевантность сохраняет лишь палатальный признак. Сингармонические системы остальных языков и диалектов — переходные от полных к стяженным с различной степенью выраженности утраты лабиального коррелятивного признака.

Поверхностный количественный анализ сингармонических систем свидетельствует о том, что в ареале распространения южносибирских тюркских

языков активно развиваются процессы, направленные на упрощение сингармонических систем, — как за счет унификации алгоритмов реализации палатального сингармонизма, так и за счет сокращения сферы функционирования губной гармонии, вплоть до полного ее разрушения в хакасском литературном языке. На фоне генетически и исторически близких языков Южной Сибири СС киргизского языка, сыгравшего в историческом прошлом значительную роль в формировании южносибирских тюркских языков, является наиболее полной, с минимально выраженными тенденциями к распаду губной гармонии гласных.

С другой стороны, в тюркских языках Южной Сибири констатируются различные стадии развития фонетических процессов, блокирующих автоматизм действия законов сингармонизма и детерминирующих усложнение сингармонических систем.

К их числу следует отнести формирование наряду с мягким и твердым функциональными рядами сингармонически нейтрального ряда, возможно, обусловленного процессами деполяризации, нивелировки артикуляторных характеристик единиц, происходящими в системе южносибирского вокализма.

Усложняет дихотомическую систему палатального сингармонизма (твердый ряд / мягкий ряд) и формирование в рамках мягкорядной гармонии двух подсистем, дифференциация которых обусловлена субстантной базой (гласные переднего / непереднего артикуляционных рядов) и фонотактическими закономерностями. При сохранении мягкорядности словоформы в целом, аккомодационные правила распространяются в пределах слога, а не слова, что может свидетельствовать о развитии ступенчатого сингармонизма.

Трансформация алгоритмов реализации законов сингармонизма, усложняющая сингармонические системы, наблюдается также в би- и политематических словах, в аналитических грамматических конструкциях с незавершенным процессом синтеза, в неполностью ассимилированных заимствованиях.

Слом сингармонических алгоритмов формирования звукового облика словоформ, повышающий языковую сложность, может быть обусловлен рядом фонетических факторов: наличием в звуковой оси твердорядной словоформы среднеязычных согласных, требующих появления в постпозиции мягкорядного гласного; функционированием в системе вокализма дифтонгов наряду с монофтонгами; различными трансформациями в правилах реализации консонантной гармонии.

Две разнонаправленные тенденции, фиксируемые в современных южносибирских тюркских языках: оптимизация плана выражения, упрощение структуры сингармонических систем, ведущее к сокращению кода, устранению избыточности в языке, экономии усилий при речепроизводстве, с одной стороны, и формирующиеся в силу различных внутриязыковых причин отклонения от четких сингармонических моделей, действующих в автоматиче-

ском режиме, с другой стороны, ведут к затруднению аудитивного восприятия смысла высказывания, создают сложности на перцептивном уровне.

В условиях перестройки сингармонических систем достижение целей в процессе коммуникации осуществляется за счет включения компенсаторных механизмов, облегчающих восприятие речи: маркированием начала слова акустической четкостью гласных первого корневого слога на фоне редуцированных аффиксальных гласных, большим многообразием вокализма начального слога слова, ограничением на употребление консонантов и запретом на консонантные сочетания в анлауте, спецификой фонотактических закономерностей, служащих пограничными сигналами и др.

Иерархия сингармонических систем южносибирских тюркских языков, базирующаяся на параметрах синтагматической сложности, в целом совпадает с выводами, полученными при анализе вокальных и консонантных систем в этих языках в аспекте их парадигматической сложности. Выявленные закономерности свидетельствуют о положительной корреляции уровня сложности фонологических и морфонологических систем и степени устойчивости языков.

Заключение

Консонантные и вокальные системы в южносибирских тюркских языках являются системами с более высокой степенью объективной парадигматической сложности по сравнению с индоевропейскими языками: для передачи сопоставимого объема информации носителям сибирских языков приходится пользоваться более сложноорганизованной системой.

В языках Сибири как на фоническом, так и на фонологическом уровнях актуализируются те артикуляторные параметры, а системы базируются на тех оппозициях, которые не востребованы в индоевропейских языках либо находятся на периферии систем. Высокая функциональная нагруженность гортанно-глоточного отдела речевого аппарата, наличие фарингально-ларингальных консонантов и вокальных единиц, высокая частотность веларно-увулярных артикуляций в функционально твердорядных словоформах, а также межзубноязычных и среднеязычно-межзубноязычных согласных (наряду с заднеязычными) в сингармонически мягкорядных словоформах, наличие увулярных вибрантов, оппозиция глоттализированных и неглоттализированных единиц в шорской и барабинско-татарской консонантных системах и корреляция фарингализованных и нефарингализованных вариантов согласных фонем (в зависимости от сингармонического типа словоформы) в тувинском, развитость класса среднеязычных согласных — все указанное богатство артикуляций сосуществует в звуковых системах южносибирских тюркских языков наряду с универсальными для языков мира классами губных, переднеязычных, заднеязычных согласных, а также гласных, не усложненных дополнительной глоттализированной окраской.

По мнению Д. Мак-Уортера, чем моложе язык, тем он проще, чем старше, тем сложнее. На наш взгляд, процессы развития средств плана выражения и плана содержания не только не всегда совпадают, но и могут быть разнонаправленными. И, кроме того, язык развивается циклически: периоды относительно спокойного развития по пути упрощения, оптимизации, при котором трансформации обусловлены причинами имманентного характера, сменяются периодами активных преобразований, катализаторами которых являются этнические и языковые взаимодействия, — такие взрывы, как правило, ведут к усложнению системы, может быть, к контаминации систем, различающихся типологически. Затем наступает период «созревания» языка (Э. Даль), избавления систем от эклектики, консолидации их вокруг базовых системобразующих признаков.

Литература

- Алмадакова 2016 — *Алмадакова Н.Д.* Язык теленгитов: очерки по фонетике и морфологии в сопоставительном аспекте. — Горно-Алтайск, 2016.
- Баскаков 1969 — *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. — М., 1969.
- Бердичевский 2012 — *Бердичевский А.* Языковая сложность (Language Complexity) // Вопросы языкознания. — 2012. — № 5. — С. 101–124.
- Бидинова 2015 — *Бидинова А.К.* Категория принадлежности в кош-агачском и улаганском говорах теленгитского диалекта алтайского языка // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 3. — С. 241–247.
- Бидинова 2017 — *Бидинова А.К.* Теленгитский диалект в системе южных диалектов алтайского языка: дис. ... к.ф.н. — Новосибирск, 2017.
- Бирюкович 1979 — *Бирюкович Р.М.* Звуковой строй чулымско-тюркского языка. — М., 1979.
- Бичелдей 1979 — *Бичелдей К.А.* Назализованные гласные современного тувинского языка // Исследования звуковых систем сибирских языков. — Новосибирск, 1979. — С. 29–34.
- Бичелдей 2001 — *Бичелдей К.А.* Фарингализация в тувинском языке. — М., 2001.
- Бородкина 1977 — *Бородкина И.П.* Состав гласных в мрасском диалекте шорского языка // Языки народов Сибири. — Кемерово, 1977. — С. 11–20.
- Гаврилин 1984 — *Гаврилин Н.В.* Реестр гласных фонем в языке бачатских телеутов // Фонетика языков Сибири. — Новосибирск, 1984. — С. 67–73.
- Дамбыра 2005 — *Дамбыра И.Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. — Новосибирск, 2005.
- Кечил-оол 2006 — *Кечил-оол С.В.* Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. — Новосибирск, 2006.
- Кирсанова 2003 — *Кирсанова Н.А.* Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). — Новосибирск, 2003.
- Кокорин 1982 — *Кокорин В.Н.* Вокализм в языке чалканцев (по экспериментальным данным): автореф. дис. ... к.ф.н. — Алма-Ата, 1982.
- Кыштымова 2001 — *Кыштымова Г.В.* Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. — Новосибирск, 2001.
- Машталир 1984 — *Машталир С.И.* Состав гласных фонем в теленгитском диалекте алтайского языка // Фонетика языков Сибири. — Новосибирск, 1984. — С. 74–78.
- Наделяев 1969 — *Наделяев В.М.* Особенности звуковой системы языка тофов // Материалы конф. «Этногенез народов Северной Азии». — Новосибирск, 1969. — Вып. 1. — С. 235–236.

- Петькин, Чумакаева 1989 — *Петькин Г.А., Чумакаева М.Ч.* Количественные характеристики гласных тубинского диалекта алтайского языка в моносиллабах // Звуковые системы сибирских языков. — Новосибирск, 1989. — С. 26–45.
- Рассадин 2014 — *Рассадин В.И.* Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. — Элиста, 2014.
- Рыжикова 2005 — *Рыжикова Т.Р.* Консонантизм языка барабинских татар: Сопоставительно-типологический аспект. — Новосибирск, 2005.
- Рыжикова 2007 — *Рыжикова Т.Р.* Изучение звуковой системы языка барабинских татар: к проблеме выделения фонем // Тумашевские чтения: Актуальные проблемы тюркологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию академика Д. Г. Тумашевой. — Тюмень, 2007. — С. 168–173.
- Сарбашева 2004 — *Сарбашева С.Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). — Новосибирск, 2004.
- Селютина 1983 — *Селютина И.Я.* Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. — Новосибирск, 1983.
- Селютина 1998 — Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1998.
- Селютина 2016 — *Селютина И.Я.* Характеристика консонантных систем южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности // Сибирский филологический журнал. — 2016. — № 2. — С. 196–210.
- Селютина 2017а — *Селютина И.Я.* Характеристика вокальных систем южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2017. — Т. 16. — № 2: Филология. — С. 57–73.
- Селютина 2017б — *Селютина И.Я.* Принципы организации сингармонических систем в южносибирских тюркских языках как индикаторы языковой сложности // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2017. — Т. 15. — № 4. — С. 5–24.
- Субракова 2006 — *Субракова В.В.* Система согласных сагайского диалекта хакасского языка. — Новосибирск, 2006.
- Тумашева 1968 — *Тумашева Д.Г.* Язык сибирских татар (часть вторая). — Казань, 1968.
- Тур, Тишкин 2001 — *Тур С.С., Тишкин А.А.* К вопросу о происхождении северных алтайцев и шорцев // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Нальчик, 2001. — С. 185–188.
- Уртегешев 2002 — *Уртегешев Н.С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). — Новосибирск, 2002.
- Уртегешев 2006 — *Уртегешев Н.С.* Длительность гласных в шорском языке // Proceedings of the 7th Seoul International Altaistic Conference. — Seoul, 2006. — PP. 265–273.
- Уртегешев 2016 — *Уртегешев Н.С.* Фонетика чулымско-тюркского языка по записям 70-х годов XX века // Урало-Алтайские исследования. — 2016. — № 1 (20). — С. 105–110.
- Уртегешев, Бабыкова 2006 — *Уртегешев Н.С., Бабыкова С.А.* Консонантизм в языке калмаков // Гуманитарные науки в Сибири. — 2005. — № 4. — С. 88–90.
- Уртегешев, Селютина, Рыжикова, Вильданов 2003 — *Уртегешев Н.С., Селютина И.Я., Рыжикова Т.Р., Вильданов А.З.* Язык барабинских татар // Языки коренных народов Сибири. — Новосибирск, 2003. — Вып. 10. Экспедиционные материалы. — С. 78–106.
- Федина 2008 — *Федина Н.Н.* Фонетика чалканского языка // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. — СПб., 2008. — С. 318–328.
- Чумакаева 1976 — *Чумакаева М.Ч.* Фонемный состав алтайского литературного языка // Вопросы алтайского языкознания. — Горно-Алтайск, 1976. — С. 61–70.
- Чумакаева 1978 — *Чумакаева М.Ч.* Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). — Горно-Алтайск, 1978.
- Шалданова 2007 — *Шалданова А.А.* Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. — Новосибирск, 2007.
- Dahl 2004 — *Dahl Ö.* The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity. — Amsterdam, 2004.

- Kusters 2003 — *Kusters W.* Linguistic Complexity: The Influence of Social Change on Verbal Inflection. — Utrecht, 2003.
- Lupyan, Dale 2010 — *Lupyan G., Dale R.* Language structure is partly determined by social structure // PLoS One. — 2010. — Vol. 5. — № 1. — 2010.
- McWhorter 2001 — *McWhorter J.* The world's simplest grammars are creole grammars // Linguistic Typology. — 2001. — Vol. 5. Iss. 2–3. — PP. 213–310.
- Nichols 2009 — *Nichols J.* Linguistic complexity: A comprehensive definition and survey // Language Complexity as an Evolving Variable. — Oxford, 2009. — PP. 110–125.
- Sampson 2009 — *Sampson G.* A linguistic axiom challenged // Language complexity as an evolving variable. — Oxford, 2009. — PP. 1–18.
- Shosted 2006 — *Shosted R.* Correlating complexity: a typological approach // Linguistic Typology. — 2006. — Vol. 10. — PP. 1–40.
- Trudgill 2011 — *Trudgill P.* Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity. — Oxford, 2011.
- Wray, Grace 2007 — *Wray A., Grace G.* The consequences of talking to strangers: Evolutionary corollaries of socio-linguistic influences on linguistic form // Lingua. — 2007. — Vol. 117. — № 3. — PP. 543–578.

Iraida Selyutina, Novosibirsk

Phonological systems in Turkic languages of South Siberia: problem of language complexity

Summary: The problem of the language complexity, which was actualized in the beginning of the XXI century, is elaborated in the article on the material of the phonetic-phonological systems of the South Siberian Turkic languages. A comparative analysis of the vocalic systems has revealed three groups of idioms: the lowest level of complexity is characteristic of the Altai, Khakas and Shor languages and dialects; the Tuvan and Tofan systems, which include pharyngealized units and have the largest number of phonemes, have the maximum degree of paradigmatic complexity. The consonant systems of the Shor, Baraba-Tatar and Tuvan languages are also the most complex ones. The most complex system of synharmony functions in Tuvan; the Khakas synharmony system has the lowest complexity; synharmony systems of other languages occupy intermediate positions between Tuvan and Khakas on the scale of the syntagmatic complexity. The revealed regularities correlate with the level of phonological and morphological complexity and the degree of language stability.

Keywords: language complexity, the Turkic languages of South Siberia, phonetics, phonology, vocalism, consonantism, synharmony

Сведения об авторе

Селютина Ираида Яковлевна — д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИФЛ СО РАН); e-mail: siya_irina@mail.ru

Information about the author

Iraida Selyutina — Ph.D. in philology, Professor, chief researcher at Institute of Philology, Siberian Division of Russian Academy of Sciences; e-mail: siya_irina@mail.ru

М.А. ТАГАНОВА, г. Ашхабад (Туркменистан)

Об особенностях сложных слов в туркменском языке

Резюме: Сложные слова как один из продуктивных и древних способов словообразования занимают особое место в процессе пополнения лексики тюркских языков, в частности туркменского языка. В тюркологии написано достаточное количество работ, посвященных сложным словам, однако остаются вопросы, недостаточно исследованные на материале отдельно взятых языков. Статья посвящается некоторым особенностям сложных слов в туркменском языке, на которые посоветовал обратить пристальное внимание Дмитрий Михайлович Насилов.

Ключевые слова: туркменский язык, сложные слова, словообразование, тюркские языки, правописание сложных слов

Тюркологи посвятили много работ образованию сложных слов. Ими установлены критерии выявления сложных слов, их отличия от словосочетаний, способы образования и др.

Образованию сложных слов в туркменском языкознании посвящены разделы грамматик [TDG 1999: 33–39; ГТЯ 1970: 131–137] и работы таких лингвистов, как П. Азимов [Azimow 1969], Х. Байлиев [Baýlyýew 1981], Р. Бердыев [Berdiýew 1958], А. Борджаков [Bojjakow 1993] и др.

В науке существует мнение, что образование сложных слов как наиболее древняя форма словообразования берет свое начало из глубины веков. Ученые отмечают, что они сформировались «еще в период тюрко-монгольской языковой общности, ведь основосложение в этих языках имеет много общего, вплоть до материального совпадения моделей неполного повтора основы и повтора с изменением основы» [Наделяев 1998: 40–41]. Языковые факты, подтверждающие это мнение, можно найти часто в различных названиях, которые встречаются не только в фольклоре, но и в современной речи. Примером могут служить туркменские собственные и нарицательные имена, на-

пример, *Görogly* — собственное мужское имя, имя главного героя всемирно известного эпоса «Героглы», досл. *gör* ‘могила’ и *ogly* ‘его сын’; *Annaoraz* — собственное мужское имя, досл. *anna* ‘пятница’ и *Oraz* — собственное мужское имя, со значением ‘огонь’; *Aýgül* — собственное женское имя, досл. *aý* ‘луна’ и *gül* ‘цветок’; *Dordepel* — кличка коня, досл. *dor* ‘гнедой’ и *depel* ‘отметина; серый’; *Gyrat* — кличка коня Героглы, досл. *gyr* ‘сивый; чалый; стальной’ и *at* ‘конь’; *Gökdepe* — название местности, досл. *gök* ‘зеленый’ и *depe* ‘холм’; *Akbaý* — кличка собаки, досл. *ak* ‘белый’ и *baý* ‘богатый’; *gelinbarmak* — название одного из сортов винограда, досл. *gelin* ‘невеста’ и *barmak* ‘палец’; *kellebaşayak* — название блюда, досл. *kelle* ‘голова’, *baş* ‘голова’ и *aýak* ‘нога’; *unaş* — название блюда, домашняя лапша, досл. *un* ‘мука’ и *aş* ‘лапша, еда’; *düýeguş* ‘страус’, досл. *düýe* ‘верблюд’ и *guş* ‘птица’; *ikiatýok* ‘кукушка’, досл. *iki* ‘два’, *at* ‘конь’ и *ýok* ‘нет’; *goňurbaş* — название травы ‘мятлик’, досл. *goňur* ‘коричневый’ и *baş* ‘голова’.

В «Грамматике туркменского языка» говорится, что в сложных словах «сочетающиеся основы приобретают единую смысловую целостность, хотя исторически восходят к синтаксическим сочетаниям именных основ с именами или именных основ с глаголами» [ГТЯ 1970: 131].

Значит, в образовании сложных слов участвует словосложение, известное как «один из способов словообразования, состоящий в морфологическом соединении двух или более корней (основ)» [ЛЭС 1990: 469]. Словосложение, в свою очередь, «занимает промежуточное положение между морфологическим и синтаксическим способами сочетания единиц языка, обладая чертами того или другого» [Там же].

В.Г. Гузев использует также термин словосложение, когда говорит об образовании глаголов, поясняя его так: «Словосложение — продуктивный и употребительный способ глагольного лексеобразования, посредством которого создаются составные лексические единицы, носители значений, или отражающих усложненные ситуации, или содержащих дополнительные акционсартовые характеристики действия; 1) <...> *bizim koca kayak gözle kaş arasynda yapılıp çatıldı* <...> (НВ АБВ, 12) ‘<...> наша большая лодка **была изготовлена** в один миг <...>» [Гузев 2015: 127–128].

В туркменском языкознании достаточно хорошо изучен вопрос о правилах правописания сложных слов [TDOS 1989: 15–16; TDOS 2016: 24–25], которые в основном заключаются в следующих моментах:

1. Все сложные личные имена пишутся слитно (*Amangül* ‘Амангуль’, *Geldimyrat* ‘Гельдимурад’). При этом сделано несколько примечаний: 1) слова, вошедшие в словарный запас туркменского языка через русский язык, пишутся, сохраняя орфографию русского языка (*Nýu-Ýork* ‘Нью-Йорк’, *Petropawłowsk-Kamçatskiý* ‘Петропавловск-Камчатский’, *Sen-Simon* ‘Сен-Симон’, *Don-Kihot* ‘Дон-Кихот’); 2) если второй компонент сложного слова

содержит аффикс третьего лица, тогда сложное слово пишется отдельно (*Murgap derýasy* ‘река Мургаб’, *Kazbek dagy* ‘гора Казбек’, *Dnepr derýasy* ‘река Днепр’); 3) если на стыке сложных слов находятся две гласные буквы, одна из которых в разговорной речи может не произноситься, на письме отражаются обе (*Annaoraz* ‘Аннаораз’, а не *Annoraz*; *Almaata* ‘Алмаата’, а не *Almata*; *Köneürgenç* ‘Куняургенч’, а не *Könürgenç*).

2. Соединенные ударением, претерпевшие фонетические изменения и обозначающие новое значение слова пишутся слитно (*ýekegapan* ‘кабан, вепрь’, *gözdaňdy* ‘жмурки’, *atagzy* ‘клещи; кусачки, щипцы, острогубцы’), но имеются исключения, согласно которым: 1) если гласные в речи не произносятся, то они не отражаются и на письме (*ikatýok* ‘кукушка’, а не *ikiatýok*); 2) не выпадают гласные, заимствованные через русский язык (*awiaotrýad* ‘авиаотряд’, *radioaktiw* ‘радиоактив’).

3. Слитно пишутся такие сложные глаголы, как *guýubermek* ‘начать лить’, *alybermek* ‘начать брать’, *turubilmek* ‘смочь подняться’, *durabilmek* ‘смочь стоять’.

4. Раздельно пишутся сложные слова, в состав которых входят следующие лексемы: *kädi* ‘тыква’, *don* ‘халат’, *ýol* ‘дорога, путь’, *darak* ‘расческа’, *torba* ‘торба, мешочек, сумка’ (*suw kädi* ‘сорт тыквы, которую использовали как сосуд для воды; тыква-горлянка’, *daş kädi* ‘сорт сладкой тыквы с твердой кожурой’; *ýüpek don* ‘шелковый халат’, *gyrmyzy don* ‘красный шелковый мужской халат’; *demir ýol* ‘железная дорога’, *araba ýol* ‘дорога для повозки’; *ýüň darak* ‘гребень для расчесывания шерсти’, *dokma darak* ‘ткацкая расческа’; *duz torba* ‘мешочек для соли’, *at torba* ‘торба для коня’ и т. п.).

5. Сложные числительные пишутся раздельно (*on bir* ‘одиннадцать’, *on bäs* ‘пятнадцать’, *on dokuz* ‘девятнадцать’, *iki ýüz ýigirmi bäs* ‘двести двадцать пять’).

6. Парные слова пишутся через дефис (*köne-sana* ‘старье’, *oglan-uşak* ‘дети’, *gaty-guty* ‘недоеденные и зачерствелые куски, остатки’, *aňry-bäri* ‘туда-сюда’, *düzüm-düzüm* ‘как нанизанные’, *gel-git* ‘приход-уход’, *otur-tur* досл. ‘садись-вставай’ (имеется в виду мелкая работа по дому), *bäs-on* ‘пятнадцать’). В таких парных словах, как *iru-giç* ‘рано-поздно’, *azu-köp* ‘мало-много’, *gyzu-juwan* ‘девушки-парни’, *keýpi-sapa* ‘наслаждение’, *ahy-zar* ‘печаль, грусть’ к первой части присоединяются союзные аффиксы (*u*, *y*, *i*), а после них ставится дефис.

7. Ставится дефис между частями превосходной степени прилагательных, оканчивающимися на *m*, *p*, *s* (*göm-gök* ‘очень синий’, *gas-gaty* ‘очень твердый’, *dos-dogry* ‘очень прямой’, *ap-ak* ‘очень белый’, *gyp-gyzyl* ‘очень красный’).

8. В парных словах такие аффиксы, как *-a/-e*, *-ba/-be*, *-da/-de*, *-dan/-den*, *-ma/-me*, *-ha/-hä* присоединяются к первой части, и после них ставится дефис (*basa-bas* ‘давка, толкотня’, *göçe-göç* ‘постоянные перекочевки, переселение’, *ýylba-ýyl* ‘ежегодно’, *günbe-gün* ‘каждый день’, *obama-oba* ‘по селам’, *öýme-öý*

‘по домам’, *gütde-güt* ‘звук удара обо что-то’, *alha-al* ‘расхватывание, растаскивание’, *sürhäsür* ‘скакать на коне друг за другом’, *tizden-tiz* ‘вскоре’).

9. В наречиях, образованных повторением одного и того же слова, ставится дефис между компонентами, а аффикс *-dan/-den* присоединяется ко второму (*ýyl-ýyldan* ‘с каждым годом’, *gün-günden* ‘с каждым днем’).

10. Слова, обозначающие основные стороны света, пишутся через дефис (*demirgazyk-gündogar* ‘северо-восток’, *günorta-günbatar* ‘юго-запад’, *günorta-gündogar* ‘юго-восток’, *demirgazyk-günbatar* ‘северо-запад’).

11. Слова, образованные с помощью равнозначных понятий, пишутся через дефис (*türkmençe-rusça sözlük* ‘туркмено-русский словарь’, *küşt-damka bölümi* ‘шахматно-шашечная секция’, *et-süýt borçnamasy* ‘мясо-молочный план’).

12. Слова, обозначающие различные оттенки, качества основных цветов или вкусов, пишутся через дефис (*sarymytl-goňur* ‘желтовато-коричневый’, *sarymytl-gök* ‘желтовато-синий’, *ajymtyk-şor* ‘горьковато-кислый’, *süýjümtikturşy* ‘сладковато-кислый’).

13. Наречия, образованные путем повтора того или иного слова, пишутся также через дефис (*ayda-ayda* ‘сказав-сказав’, *göre-göre* ‘увидев-увидев’, *diýe-diýe* ‘говоря-говоря’, *ylgaý-ylgaý* ‘побежав-побежав’, *durup-durup* ‘постояв-постояв’, *oturyp-oturup* ‘посидев-посидев’, *soray-soray* ‘поспрашивая-поспрашивая’).

14. Наречия, образованные путем повторения деепричастий, где второй компонент принимает аффикс отрицания *-man/-män*, пишутся через дефис (*gutaryp-gutarman* ‘пока не завершив’, *gele-gelmän* ‘придя сразу’).

15. Такие слова, как *jan* ‘душа’, *aga* ‘старший брат; дядя; господин’, *eje* ‘мама, мать; тетья по отцовской линии’, *baý* ‘бай, богач’, *beg* ‘бей, бек’, *han* ‘хан’, если они не являются частью личного имени, пишутся раздельно (*Berdi jan* ‘Берди джан’, *Aman aga* ‘дядя Аман’, *Halnazar baý* ‘Халназар бай’, *Gowşut han* ‘Говшут хан’).

Как видно из вышеприведенных примеров, к сложным словам относят различные слова, которые обозначаются разными терминами. Среди них собственно сложные слова, составные сложные слова, парно-повторные слова, парные слова, аналитические формы, перифрастические формы и т. п., связанные со способами образования сложных слов.

В статье мы хотим остановиться только на собственно сложных словах, структуру которых будем определять на основе первого компонента по принадлежности к частям речи.

1. Сложные существительные. Выделяется два типа сложных существительных: 1) первым компонентом сложного существительного является существительное и 2) в качестве первого компонента выступают слова из

других частей речи. Встречаются случаи, где в качестве сложных слов выступают и предложения. Сложные существительные можно расположить по таким моделям:

1) **сущ. + сущ.:** *agyzgapak* ‘крышка’, *kerwensaray* ‘каравансарай’, *daşkömür* ‘каменный уголь’, *golýazma* ‘рукопись’, *aypalta* ‘секира, алебарда’, *almabaş* ‘нырок красноголовый, афганка’, *ayakgap* ‘обувь’, *bilbag* ‘пояс’, *gelneje* ‘невестка’.

2) **сущ. + гл.:** *gözdaňdy* ‘жмурки’, *Gündogdy* — собственное мужское имя, досл. ‘солнце взошло’, *atbakar* ‘конюх, стремянный’, *monjugatdy* ‘название игры’, *ýurtbasar* ‘захватчик’, *baştutan* ‘предводитель’, *açapar* ‘наездник, жокей’, *daşdeşen* ‘дятел’.

3) **прил. + сущ.:** *ajydäne* ‘с горькой косточкой’, *akbaş* ‘карелина’, *ýaşylbaş* ‘селезень’. *gönüburçluk* ‘прямоугольник’, *gyzylguýruk* ‘тугайный соловей’, *gyzylinjik* ‘ходулочник’.

4) **гл. + сущ.:** *akarbaş* ‘язва, нарыв’.

5) **гл. + гл.:** *aldymgaç* ‘разноцветная кайма на воротнике платья или по краям женского халата’, *görüpgaçdy* ‘прятки’, *ýukylanaldy* ‘название детских игр в альчики’.

6) **числ. + сущ.:** *altyburçluk* ‘шестиугольник’, *altyganat* ‘шестикрылая (юрта)’, *birýyllyk* ‘одногодичный, годичный, годовой’, *ýekedaban* ‘молот’, *kyrkayak* ‘сороконожка’.

7) **числ. + гл.:** *altatar* ‘револьвер’, *bäşatar* ‘пятизарядная винтовка’.

8) **простое предложение:** *ikatýok* ‘кукушка’ (досл. *iki at ýok* ‘Нет двух коней’).

9) **сложносочиненное предложение:** *okaraňygetirsüýtberéýin* ‘божья коровка’ (досл. ‘Принеси свою миску, молока дам’).

В образовании сложных существительных особое место принадлежит моделям **сущ. + сущ.**, **сущ. + гл.**, **прил. + сущ.** и **числ. + сущ.**, которые участвуют в создании основной массы собственно сложных существительных туркменского языка.

II. Сложные прилагательные. Как отмечается в тюркологической литературе, «Анализ сложных прилагательных, многие из которых регулярно образуемые, дает возможность вывести общее значение (инвариант), под которое можно подвести отдельные словообразовательные средства. Как известно, в татарском языке многие словосочетания переходят в сложные слова. В некоторых случаях переход словосочетания осуществляется при одновременной суффиксации» [Ганиев 2009: 198].

В «Грамматике туркменского языка» об образовании сложных прилагательных говорится, что они образуются «синтаксическим путем, то есть соединением двух или более самостоятельных слов. Они, как и простые прила-

гательные, выражают признак предмета» [ГТЯ 1970: 144]. В этой грамматике рассмотрены и другие виды сложных прилагательных, не разделенные ни на составные, ни на повторы и т. п.

Здесь хотим привести следующие структурные модели сложных прилагательных:

1) **прил. + прил.:** *ak ýüreкли* ‘чистосердечный’, *ak sakgally* ‘седобородый’, *mele gupakly* ‘с русой косой’, *gök köýneкли* ‘в голубой рубашке (платье)’, *gök gözli* ‘голубоглазый(ая)’.

2) **прил. + сущ.:** *gymmat baha* ‘дорогой’, *ak sakgal* ‘седобородый’, *saragyz* ‘бестолковый, несообразительный’, *ajy labyz* ‘сварливый, злой’, *açgöz* ‘ненасытный’, *irigöz* ‘с крупной сеткой’, *garatal* ‘ива южная, чернотал’, *agraýak* ‘беременная’.

3) **сущ. + прил.:** *demir gapakly* ‘с железной крышей’, *hünji dişli* ‘зубами, как бисер’, *boýnuýogyn* ‘своенравный, своевольный, непокладистый’.

4) **сущ. + сущ.:** *gelinbarmak* ‘дамские пальчики, сорт винограда’, *eşegarka* ‘с черепичной крышей’, *mäşbürünç* ‘начинающий сесть (борода)’, *düyeörküç* ‘бугристый (о песках)’.

5) **сущ. + числ.:** *ganybir* ‘единокровный’.

6) **нареч. + сущ.:** *aňrybaş* ‘очень хороший, самый лучший’.

7) **числ. + прил.:** *ýüz ýaşly* ‘столетний’, *ýediýylyk* ‘семилетний’, *iki günlük* ‘двухдневный’, *iki ýüzli* ‘двуличный, лицемер’.

8) **числ. + сущ.:** *iki gat* ‘двухэтажный’, *alty ganat* ‘шестикрылый’.

9) **числ. + гл.:** *altyaşar* ‘шестилетний (о животных)’.

10) **мест. + прил.:** *özerкли* ‘самостоятельный, независимый’, *özygtyýarly* ‘самостоятельный’, *özbaşdak* ‘независимый’.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что именно по моделям **прил. + прил.**, **прил. + сущ.**, **сущ. + сущ.** и **числ. + прил.** часто образовывались сложные прилагательные в туркменском языке.

III. Сложные глаголы. По своей природе глагол обладает классифицирующим категориальным признаком «процессности», что «является одним из ведущих в семантической системе языка» [Насилов 1989: 51]. Эта особенность сохраняется и в сложных словах.

В «Грамматике туркменского языка» сложный глагол определяется таким образом: «Сложный глагол — это глагол, состоящий обычно из двух слов. Один компонент его — определенный глагол, а другой в основном — имена или глаголы, передающие в большинстве случаев основное значение всего сочетания. Поэтому слово, которое выражает основное значение сложного глагола, называется “основным словом”, второй элемент сложного глагола — “вспомогательным глаголом”» [ГТЯ 1970: 309–310]. Хотя в грамматике не употребляются термины собственно сложные глаголы и составные сложные

глаголы, но о двух видах сложных глаголов говорится так: «Основное слово в сложных глаголах может выражаться именем существительным, именем прилагательным, глаголом, стоящим в определенных формах, и некоторыми другими частями речи. Исходя из значения основного слова, сложные глаголы делятся на две группы: 1) с именными основами, 2) с глагольными основами. Эти две группы сложных глаголов по содержанию, выражаемому действию отличаются друг от друга» [ГТЯ 1970: 309–310]. Первый тип сложных глаголов Ф.А. Ганиев назвал «неглагол + глагол» и выделил их «двойное образование — регулярное и индивидуальное» [Ганиев 2009: 147]. Далее ученый отмечает, что «в регулярном образовании сложных глаголов от неглаголов участвуют вспомогательные глаголы *иту, булу, кылу, ясау*, менее продуктивные *биру, китеру*» [Ганиев 2009: 147]. В индивидуальном образовании, отмечает Ф.А. Ганиев, «участвуют глаголы индивидуального употребления (только в данной комбинации): *салу, кую, чыгу, чигу, кичеру, калу, алу, кыру, тоту, тору* и т. д.» [Ганиев 2009: 148]. Составные глаголы, представляющие собой сочетание «глагол + глагол» (деепричастие + глагол), Ф.А. Ганиев выделяет как третий тип.

Собственно сложные глаголы туркменского языка можно группировать по следующим моделям:

1. Основным словом является существительное, а в качестве вспомогательного глагола участвуют различные вспомогательные глаголы. Их можно разделить на несколько групп:

- 1) **сущ. + всп. гл.** *almak: boýun almak* ‘признавать(ся)’.
- 2) **сущ. + всп. гл.** *bolmak: jem bolmak* ‘собираться’, *boýun bolmak* ‘ручаться, подчиняться’.
- 3) **сущ. + всп. гл.** *bermek: ezyet bermek* ‘мучить’.
- 4) **сущ. + всп. гл.** *çekmek: ezyet çekmek* ‘мучиться’.
- 5) **сущ. + всп. гл.** *çarpmak: el çarpmak* ‘хлопать, аплодировать’.
- 6) **сущ. + всп. гл.** *gaçyrmak: boýun gaçyrmak* ‘отказываться, увертываться’.
- 7) **сущ. + всп. гл.** *egmek: boýun egmek* ‘покоряться, подчиняться’.
- 8) **сущ. + всп. гл.** *etmek: emir etmek* ‘повелевать’, *endişe etmek* ‘тревожиться, беспокоиться’, *endişe etdirmek* ‘беспокоить, вызывать беспокойство, тревогу, опасение’.
- 9) **сущ. + всп. гл.** *sökmek: ýurt sökmek* ‘путешествовать, странствовать’.
- 10) **сущ. + всп. гл.** *ýazmak: aýak ýazmak* ‘потянуться, размяться’, *öýke ýazmak* ‘успокоить, смягчить обиду’, *gaş ýazmak* ‘повеселеть’.
- 11) **сущ. + всп. гл.** *ýaýmak: ganat ýaýmak* ‘парить’.
- 12) **сущ. + всп. гл.** *ýalamak: daban ýalamak* ‘лестить, подхалимничать (букв. лизать пятки)’.
- 13) **сущ. + всп. гл.** *gazanmak: şöhrat gazanmak* ‘прославиться’.

2. Сложные глаголы, где в качестве главного слова употребляются прилагательные, можно разделить также на несколько групп:

- 1) **прил. + всп. гл.** *tutmak*: *eziz tutmak* ‘уважать, любить’.
- 2) **прил. + всп. гл.** *aýtmak*: *ýalan aýtmak* ‘врать, лгать’.
- 3) **прил. + всп. гл.** *çukarmak*: *ýalana çukarmak* ‘опровергать’.
- 4) **прил. + всп. гл.** *goýbermek*: *ýalňyş goýbermek* ‘допускать ошибки’.
- 5) **прил. + всп. гл.** *bolmak*: *şat bolmak* ‘радоваться, обрадоваться’, *wejera bolmak* ‘опростоволоситься’.

6) **прил. + всп. гл.** *etmek*: *şat etmek* ‘радовать, обрадовать; веселить’.

3. Главным словом в сложных глаголах могут быть и наречия. Такие сложные глаголы также можно разделить на несколько групп:

- 1) **нареч. + всп. гл.** *etmek*: *eýle-beýle etmek* ‘ловчить, хитрить’.
- 2) **нареч. + всп. гл.** *diýmek*: *eýle-beýle diýmek* ‘сказать двусмысленность’.
- 3) **нареч. + всп. гл.** *geçmek*: *eýlesine-beýlesine geçmek* ‘хитрить, лукавить, обманывать’.
- 4) **нареч. + всп. гл.** *gelmek*: *ýakyn gelmek* ‘приближаться’.

4. В сложных глаголах в качестве основного слова встречаются и звукоподражательные слова:

подр. сл. + всп. гл. *etmek*: *şart etmek* ‘треснуть’, *şap etmek* ‘чмокнуть’.

Как видно из вышеприведенных примеров, в сложных глаголах в качестве основного слова встречаются слова из разных частей речи, а как вспомогательный глагол используются такие глаголы, как *almak* ‘брать, взять’, *aýtmak* ‘говорить, сказать; сообщать, извещать’, *bermek* ‘давать, отдавать, раздавать, выдавать; вручить; предоставлять; сдавать; задавать’, *bolmak* ‘быть, являться; рождаться; присутствовать; кончать’, *çarpmak* ‘хлопать, аплодировать, рукоплескать’, *çekmek* ‘тянуть, таскать, прокладывать; походить’, *çukarmak* ‘вытаскивать, извлекать, вынимать; снимать; выпускать; добывать’, *diýmek* ‘говорить, произносить, сказать, называть’, *egmek* ‘нагибать; наклонять; гнуть, сгибать, изгибать’, *etmek* ‘делать; выполнять, исполнять’, *gaçyrmak* ‘обращать в бегство; сбивать; ронять; лишать; упустить’, *gazanmak* ‘зарабатывать; подрабатывать; получать доход, прибыль; завоевывать; приобрести, получать’, *geçmek* ‘проходить, проезжать; переходить, переправляться; перемещаться; проходить, протекать; истекать’, *gelmek* ‘приходить; приезжать; прибывать; являться; наступать; весить; тянуть (о весе), идти, подходить по размеру’, *goýbermek* ‘пускать, впускать; отпускать, выдавать; выпускать; отпускать; освобождать; допускать; подпускать; пропускать’, *sökmek* ‘разбирать; пороть, распарывать; проходить, проезжать большое расстояние; пересматривать; ослаблять, расслаблять’, *tutmak* ‘держат; хватать; брать; наполнять, занимать; подносить; нанимать; арестовывать; строить; разводять,

выводить; жить, проживать’, *yalamak* ‘лизать, облизывать; касаться слегка, задевать’, *yaymak* ‘расправлять, разворачивать; распространять, разглашать’, *yazmak* ‘расстилать, стлать; разглаживать’. Определение степени их производительности — дело будущего. В рамках изучения словообразовательного гнезда на *et-* была выявлена производительность только вспомогательного глагола *etmek*, участвующего в образовании более 600 сложных глаголов туркменского языка [Таганова 2015: 100–108].

IV. Сложные наречия. В тюркологии образование многих наречий, особенно сложных, считается продуктом позднего образования. В них словообразовательные значения выражаются «сложением основ и лексикализацией словосочетаний» [Ганиев 2009: 219]. «В качестве компонентов сложных наречий выступают в основном имена существительные, имена числительные, имена прилагательные, наречия, реже — другие части речи. Данный способ считается не менее активным, чем аффиксальное образование наречий, и представлен в разновидностях» [ГТЯ 1970: 391].

Собственно сложные наречия образуются сложением следующих основ:

1. **числ. + сущ.:** *ikiçäk* ‘вдвоем, наедине’, *birigün* ‘послезавтра’, *bireýäm* ‘давно’, *birwagt* ‘одно время’, *birbada* ‘сразу, одновременно’.
2. **нареч. + сущ.:** *öňňin* ‘позавчера’, *öňňil* ‘в позапрошлом году’.
3. **сущ. + посл.:** *ağsamara* ‘вечером’, *günsaýyn* ‘ежедневно’, *yylsaýyn* ‘с каждым годом’, *sagatsaýyn* ‘каждый час’, *minutsaýyn* ‘ежеминутно’.

Сложные слова в туркменском языке образуются от исконно туркменских слов (*günebakar* ‘подсолнух’, *aýakgap* ‘обувь’), от заимствованных слов (*ýerzemin* ‘землянка’, *semawar* ‘самовар’) и посредством полного или неполного калькирования (*sözbaşy* ‘предисловие’, *planetara* ‘межпланетный’).

По грамматическому оформлению компонентов сложные слова разделены на сложные слова, компоненты которых грамматически не оформлены (*okýylan* ‘змея-стрела’), оба компонента оформлены соответствующими аффиксами (*gonanaldy* ‘название детской игры в альчики’ = первый компонент *gonmak* ‘садиться, спускаться, останавливаться’ в причастной форме + второй компонент *almak* ‘брать, взять’ в прошедшем времени) и т. п.

Вышеприведенный анализ показал, что в туркменском языкознании важным является уточнение значения самих терминов, связанных со сложными словами (*собственно сложные слова, составные сложные слова, парноповторные слова, парные слова, аналитические формы, перифрастические формы и т. п.*), а также определение их места в системе словообразования и словоизменения. Это задача будущего.

Литература

- Ганиев 2009 — *Ганиев Ф.А.* Функциональное словообразование в современном татарском литературном языке. — Казань, 2009.
- ГТЯ 1970 — Грамматика туркменского языка. — Ашхабад, 1970.
- Гузев 1987 — *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения. Имя. — Л., 1987.
- Гузев 2015 — *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб., 2015.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. *В.Н. Ярцева*. — М., 1990.
- Наделяев 1998 — *Наделяев В.М.* Современный монгольский язык: Морфология. — Новосибирск, 1988.
- Насилов 1989 — *Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. — Л., 1989.
- Таганова 2015 — *Таганова М.А.* Изучение словообразовательных гнезд в туркменском языке // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. — СПб., 2016. — С. 100–108.
- Azymow 1969 — *Azymow P.* Türkmen diliniň meseleleri. — Aşgabat, 1969.
- Baýlyýew 1981 — *Baýlyýew H.* Saýlanan işler. — Aşgabat, 1981.
- Berdıýew 1958 — *Berdıýew R.* Häzirki zaman türkmen dilinde goşma sözler. — Aşgabat, 1958.
- Borjakow 1993 — *Borjakow A.* Häzirki zaman türkmen dilinde söz ýasalýş. — Aşgabat, 1993.
- TDG 1999 — Türkmen diliniň grammatikasy. Morfologiýa. — Aşgabat, 1999.
- TDOS 1989 — Türkmen diliniň orfografik sözlügi. — Aşgabat, 1989.
- TDOS 2016 — Türkmen diliniň orfografik sözlügi. — Aşgabat, 2015.

Maral Taganova, Ashgabat (Turkmenistan)

Characteristics of compound words in Turkmen language

Summary: Compound words, as one of the productive and ancient ways of word-building, take a special place in the process of renewing the vocabulary of Turkic languages, in particular of the Turkmen language. In Turkology studies there exist rather many researches devoted to compound words, however some questions haven't been analyzed on the base of a certain Turkic language. The author of the article dwells on some peculiarities of compound words in the Turkmen language, the problem being researched upon Dmitry Mikhailovich Nasilov's advice.

Keywords: Turkmen language, compound words, word-building, derivation, Turkic languages, orthography of compound words

Сведения об авторе

Таганова Марал Аннаевна — к.ф.н., докторант Национального института рукописей АН Туркменистана; e-mail: manyeje@mail.ru

Information about the author

Maral Taganova — PhD in philology, doctoral candidate of National Manuscripts Institute of Academy of Sciences of Turkmenistan; e-mail: manyeje@mail.ru

М.Д. ЧЕРТЫКОВА, г. Абакан

Лингвокогнитивная структура перцептивного события (на примере хакасского глагола *kör-* 'смотреть, видеть')

Резюме: Статья посвящена семантико-когнитивному описанию глагола *kör-* 'смотреть, видеть'. В отличие от других базовых перцептивных глаголов, данный глагол, как и в других тюркских языках, развивает социальные, эмоциональные, ментальные и другие смыслы, что связано с физиологической и психологической основой процесса зрительного восприятия. Помимо представленных в «Хакасско-русском словаре» [2006] девяти значений данного глагола мы выделяем еще три его значения. В основе всех его семантических дериваций лежит перцептивная сема, за исключением его грамматической функции в роли вспомогательного глагола со значением 'пробовать делать что-либо'.

Ключевые слова: хакасский язык, глагол, зрительное восприятие, семантика, функционирование

«**Л**ингвокогнитивный анализ языковой категории предполагает нахождение тех концептуальных структур, которые организуют ту или иную категорию путем рассмотрения лингвистических способов выражения тех явлений, процессов и явлений реального мира, которые человек подводит под данную рубрику человеческого опыта в результате своей познавательной деятельности» [Яроцкая 2013: 137]. Данный подход к исследованию языковых категорий включает помимо когнитивного (концептуального) и другие лингвистические методы: функционально-семантический, дефиниционный, контекстуальный и др. анализы текста, поскольку каждая языковая единица представляет собой разнообразие микросистемы языковой картины мира на различных лингвистических и концептуальных уровнях.

Выражение «перцептивное событие» относится к области междисциплинарной категории. Как известно, восприятие, как постоянная связь человека с окружающим миром, изучается не только в лингвистике, но и в психологии, философии, педагогике. «Перцептивное событие выражает изменение (становление, развитие, преобразование) и одновременно сохранение (пребывание, свершение) чувственной данности мира человеку. В ходе события меняется / сохраняется и воспринимающий индивид, и его мир» [Барабанщиков 2007: 5]. Из сказанного следует, что человек, выступая в роли субъекта, взаимодействует и соприкасается с объектом как с окружающим миром, при этом он может сам меняться, в какой-то степени подчиняясь его общим закономерностям.

Зрительное и слуховое восприятия по сравнению с остальными видами восприятия принято считать основными, хотя это положение может быть оспорено. Особенно глаголы со значением зрительного восприятия в разных языках имеют широкий простор для обозначения ситуаций. Исследование этих глаголов в дискурсе позволяет выявить широкий спектр функционально-семантических и грамматических типов. Авторы «Толкового словаря русского языка» (далее — ТСРЯ), исходя из сочетаемостных особенностей глагола *смотреть*, вывели 45 вариантов его значений [ТСРЯ 2003: 1240–1242], например: «23. Если кто-либо смотрит по сторонам, то это означает, что этот человек поочередно оглядывает, бросает взгляды на объекты справа и слева от пути своего следования, а также то, что кто-либо совершает действия, движется куда-либо с повышенным вниманием и осторожностью и т.п.» [ТСРЯ 2003: 1241].

В рамках данной статьи намечается проиллюстрировать результаты лингвокогнитивного анализа многозначного глагола *көр-* ‘видеть, смотреть’ в хакасском языке. Данный глагол в различных фонетических вариантах бытует и в других тюркских языках. «Общетюрк. глаг. основа, отмеченная, в частности, в вариантах *көр-* ~ *гөр-* ‘видеть, смотреть, глядеть’ и подмечен целый ряд производных значений, в том числе близких и тождественных тем, что отмечены у тувинского *көр-* ‘смотреть’ (ЭСТЯ III: 77–79)» [цит. по: Татаринцев 2004: 246]. Семантика тюркских глаголов со значением восприятия, в том числе и базовых, не характеризуется развитой многозначностью. В данном семантическом поле разветвленную сеть употреблений получил лишь глагол *көр-*, развитие семантической структуры которого можно увидеть на примерах: каз. *көрү* ‘видеть; увидеть; просмотреть; заметить; пережить’ [БКР 1999: 252], алт. «*көр-* 1) смотреть; 2) наблюдать *за кем-л.*; заботиться; 3) брать пример *с кого-л.*, считаться *с кем-л.*; 4) осматривать *кого-что-л.*; 5) *в повел. накл.* смотри!» [РАС 2016: 577]; кирг. «*көр-* 1) видеть, увидеть...; 2) испытать, пережить...; 3) считать *чем-л.*, принимать *за что-л.*...; 4) *с предшеств. исх. п.* считать *кого-л.* виновником, причиной *чего-л.*...; 5) *с предшеств. формой деепр. прош. вр.* попробовать, попытаться...; 6) *с предшеств. формой деепр.*

наст. вр. выражает категоричность приказа или настойчивость просьбы...» [КОС 2015: 477–478] и др. Отмеченные здесь переносные значения данного глагола ‘смотреть, ухаживать за кем-л.’, ‘считать кем-л.’, ‘испытывать, переживать’, выходящие за пределы перцепции, характерны и для хакасского глагола: «*көрерге (көр-)* 1) видеть; обладать зрением; 2) смотреть, глядеть, воспринимать зрением *что-л.*; 3) присматривать, ухаживать за кем-л.; 4) испытывать, переносить, претерпевать, переживать *что-л.*; 5) сознавать, понимать *что-л.*; 6) находить, считать кем-л., чем-л., принимать за кого-л.; 7) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы; 8) вводное слово (выражает иронию): *көріңердек се аны* ‘посмотрите-ка на него’; 9) вводное слово (обозначает источник высказываемой мысли; *мин көргенде* ‘на мой взгляд’)» [ХРС 2006: 205–206].

Основное значение зрительного восприятия в глаголе *көр-* обеспечивается его сочетанием с объектной позицией, выраженной придаточным предложением или именами в форме вин. п.: *Алтон часха читкенче мындаг ла читі пастыг хара пасхачыл нимені хачан даа көрбеем* [Хл, 19]. «Дожив до шестидесяти лет, я никогда не видел такое странное, семиголовое существо».

Другой основной признак семантики глагола *көр-* — это ‘направление взгляда’, которое может быть конкретизировано дифференциальными признаками ‘вверх’, ‘вниз’, ‘назад’, ‘в какую-либо сторону’, ‘на все объекты’. В контексте эти признаки уточняются существительным, местоимением или придаточным предложением с главным словом в форме напр. п. (*тагзар* ‘на гору’, *минзер* ‘на меня’, *чолзар* ‘на дорогу’, *тігзер* ‘туда’, *тастыхти турчатхан кізизер* ‘на человека, стоящего в сторонке’ и т.д.) или же наречием (*хыйа* ‘в сторону’, *көні* ‘прямо’ и т.д.). *Хадарчы, хыйа көрібіскенде, үстүнзер атыгыбысхам* [Чкч, 165]. «Когда сторож посмотрел **в сторону**, [я] прыгнул на него».

Понятийная основа реализации прямого значения глагола *көр-* в сочетании с объектом, выраженным придаточным предложением или именем в форме вин. п. и напр. п., заключается в зрительном восприятии субъекта окружающей действительности (или зрительном контакте субъекта с объектом в его динамических и статических состояниях): *Симок, аны көрпін, угаа тың хахап парган, иттіг сковраны сала маңзыри алнына тургысхан* [Х, 24]. «Симок сильно удивился, **увидев его**, торопливо поставил перед ним сковородку, полную мяса».

Глагол *көр-* в лексико-семантическом варианте (далее — ЛСВ) ‘иметь зрение (способность видеть)’ выражает физиологическую способность человека (или других живых существ) воспринимать внешний мир и сочетается с наречиями качества типа *чахсы* ‘хорошо’, *хомай* ‘плохо’, *чадап ла* ‘эле-эле, кое-как’ и т.д.: *Конаң харындас пу чазына ам даа чахсы көрче* — «Брат Конан в своем пожилом возрасте еще **хорошо видит**». Полное отсутствие зрения обозначается глаголом *көр-* в отрицательной форме: *көрбинче* ‘не видит’ или же сочетанием *харах чох* ‘слепой; букв. без глаз’.

Сфера действия глагола *көр-* обширна: помимо основного значения ‘смотреть, видеть’, она охватывает различные сферы жизнедеятельности человека. Н.Д. Арутюнова в своей концепции о нераздельности и взаимодействии зрительного восприятия и окружающего мира отмечает: «Воспринимая мир, человек его “прочитывает”, т.е. получает неизмеримо больше информации, чем та, которая предопределена перцепцией. Видимый мир полон скрытого значения, образуемого нашими опытными и теоретическими знаниями, пониманием механизмов жизни, интуицией, неотчётливыми представлениями» [Арутюнова 1989: 18–19].

По приведенным данным словарной статьи ХРС [2006] мы выделяем следующие сферы действия переносных значений глагола *көр-*:

1. Социальная сфера. Здесь мы выделяем два ЛСВ глагола *көр-*. Значение *көр-(1)* ‘присматривать за маленькими детьми’ предполагает: ‘субъект А постоянно держит в поле зрения объект Б и контролирует все его действия, при нарушении им общепринятых норм исправляет ситуацию, а также при возникшей необходимости приходит на помощь’. *Паланы көр* «Присмотри за ребенком». Значение глагола *көр-(2)* ‘ухаживать за пожилыми людьми, домашним скотом, хозяйством, садом и т.д.’, предполагает понятийную сему: ‘субъект А, постоянно держа в поле своего зрения, предпринимает активные действия для нормального функционирования объекта Б’. *Ооллары кирі ічелерін чахсы көрчелер* «Сыновья хорошо ухаживают за старой матерью». *Чайгызын піске малларны, огородты көрерге кирек* «Летом нам нужно **присматривать** за скотом и огородом» И в том, и в другом случае действия имеют целенаправленный характер, но в обозначаемом *көр-(1)* ситуации субъект менее активен, чем в *көр-(2)*.

2. Эмоциональная сфера. Сочетание глагола *көр-* в ЛСВ ‘испытывать, переносить, претерпевать, переживать что-л.’ с именами негативной семантики, содержащими человеческий фактор, типа *ирее* ‘страдание’, *хыйял* ‘горе, страдание’, *чобаг* ‘горе’, *өлім* ‘смерть’, *чаа* ‘война’ и т.д. могут обозначать определенный длительный период в жизни человека. *Че хайдаг даа хыйял көрзе, ол ибіркізіне чахсы ла идерге сагынчаң* [СкТ, 25]. «Какие бы страдания она **ни испытывала** (букв. ни видела), она всегда старалась делать добро окружающим». *Ол чолда көп ирее көрген* [Чкч, 22]. «Он много **мучений пережил** (букв. видел) в пути». Однако, сочетаясь с именами со значением положительной эмоции, глагол *көр-* обычно принимает аффикс отрицания *-бе-*: *часка көрбе-* ‘не видеть счастья’, *өрініс көрбе-* ‘не видеть радостей’, *хыныс көрбе-* ‘не видеть любви’, *чахсы ниме көрбе-* ‘не видеть ничего хорошего’ и т.д.: *Чылыг сузны ол азып, чахсы даа ниме көрбеен* [Чкч, 23]. «Перейдя теплую реку, он **не видел** ничего хорошего».

Глагол *kör-* может сочетаться с именами, выражающими полярные качества состояний жизнедеятельности человека. *Мин örinicisti dee, чобагны даа, чахсыны даа, хомайны даа көргем* «Я видел и радость, и горе, и хорошее, и плохое». Тем самым при реализации ЛСВ ‘испытывать, переносить, претерпевать, переживать что-л.’ рассматриваемого глагола объект бывает предсказуемым и специализированным.

Однако интересно отметить, что если, например, в русском языковом сознании человек находится в центре переживаемых негативных событий, пропуская через себя негативные эмоции (*горе // страдание + переживать, испытывать, хлебнуть* и т.д.), то использование глагола *kör-* для обозначения подобных ситуаций в хакасском языке говорит о том, что человек старается отстраниться от невзгод, отводя себе роль непосредственного свидетеля. Также использование данного глагола акцентирует внимание на рациональном компоненте: будучи свидетелем тяжелых моментов в жизни, человек получил хороший жизненный урок и опыт. А также считаем, что здесь сказывается связь восприятия (не только зрительного) с физиологическими, эмоциональными и ментальными категориями сложной системы человеческой природы. Непосредственное же переживание страданий субъектом отмечается глаголами *иреелен-* ‘мучиться’, *хыйаллан-* ‘мучиться, страдать’. В предложении эти глаголы могут заменяться с соответствующим сочетанием «сущ. + глагол *kör-*»: *иреелен-* = *ирее көр-* ‘мучиться’, *хыйал көр-* = *хыйаллан-* ‘мучиться, страдать’.

3. Ментальная сфера. Тот факт, что любое из пяти видов восприятия является связующим звеном между реальной действительностью и сознанием человека на лексическом уровне, наиболее ярко отражается в метафорическом переносе значения зрительного восприятия в ментальную сферу. Основанием для реализации глагола *kör-* в качестве ментального является то, что при восприятии любые внешние раздражители осмысливаются человеком. Развитие ментальных значений у глаголов со значением зрительного восприятия исследователи отмечают и в других разноструктурных языках, например в русском языке у глаголов *видеть* и *смотреть* [Падучева 2004; Арутюнова 1989; Апресян 1995, Моисеева 2008]. Ю.Д. Апресян, исследуя вопрос лингвистического сближения систем восприятия и интеллектуальной деятельности, отмечает: «Было давно замечено, что восприятие и мышление настолько уподобляются друг другу и настолько прорастают друг в друга, что основной глагол восприятия — *видеть* — развивает главные ментальные значения» [Апресян 1995: 365]. Е.В. Падучева считает, что процесс зрительного восприятия состоит из двух этапов: на первом возникает зрительный образ предмета, на втором зрительный образ подвергается ментальной обработке [Падучева 2004: 220]. Из сказанного следует, что в семантике базовых глаголов зрительного восприятия содержатся два компонента: собственно визуальный, то есть связанный с физиологическим восприятием, и ментальный, то есть осо-

знание / мыслительная обработка воспринятого. В хакасском языке глагол *көр-* в зависимости от обозначаемой ситуации выражает такие смыслы, как ‘решать’, ‘полагать’, ‘считать’: *Постары көрзіннер, олох минің чоогымны олар истинчелер* «Пусть сами **решают**, все равно они меня не слушают». Помимо ментального, он выражает и оценочное значение: *Хайди син көрчезің, ол мында кирек пе?* «Как ты **считаешь**, он нужен здесь?» Кроме того, глагол *көр-* выступает главным словом вводного предложения: *мин көргенде, минің көрізімнең*, соотв. русск. *по-моему, на мой взгляд*. По свидетельству А.А. Юлдашева, эмоциональное и ментальное значения глагола *көр-* распространены во многих тюркских языках, что объясняется тем, что его «исходное значение охватывает весьма широкое понятие, связанное со множеством других, более частотных, но родственных с ним понятий» [Юлдашев 1961: 303–304].

В рассмотренных случаях употребления, у глагола *көр-* значение зрительного восприятия затушевывается; его функционирование основывается на ассоциативном переносе зрительного восприятия на другие сферы деятельности человека.

Кроме того, в семантике глагола *көр-* мы выделяем еще три его ЛСВ на том основании, что при реализации они сочетаются с определенным классом лексем и имеют достаточно широкую продуктивность:

1) ‘быть зрителем на культурных, спортивных и др. мероприятиях’: *концерт (ойын, айтыс, күрес, атчарызын и т.д.) көрерге* «смотреть концерт (спектакль, состязания *тахпахчы*, борьбу, скачки и т.д.)»;

2) ‘проводить медосмотр пациента’: *Имчі чылдың сай аалдагы палаларның тістерін көрче* «Врач каждый год **проверяет** зубы сельских детей». *Имчі сині көрді бе?* «Врач **осмотрел** тебя?»

Эти два ЛСВ глагола *көр-* выражают целенаправленные действия субъекта, сопряженные с одновременной обработкой получаемых от объекта данных, (т.е. исследуемый глагол актуализирует не только зрительное восприятие объекта, но и концентрацию внимания на объект с определенной целью);

3) ‘встретиться с кем-либо’. *Мин кичее Лизаны көргем* «Я вчера встречала Лизу». *Аалзар парзаң, Семённы көрерзің ме?* «Когда поедешь в деревню, [ты] там **встретишь** ли Семёна?» В данном ЛСВ глагола *көр-* признак ‘восприятие зрением’ отодвигается на задний план, доминирующим же признаком становится ‘осуществить личностный контакт’, следовательно, глагол *көр-* может выступать контекстуальным синонимом глагола *тоғас-* ‘встречаться с кем-л./чем-л.’. Думается, названные ЛСВ глагола *көр-* еще не получили статус самостоятельных лексем, поскольку в них в большой мере сохраняется сема перцептивности. Здесь уместно говорить о моделях семантической деривации, «порождающих производные значения из исходных (или более близких к исходному). Одни и те же деривации должны повторяться в разных словах — что и служит доказательством существования моделей» [Падучева 2004: 149].

Как известно, последней стадией семантической эволюции наиболее частотного слова в силу его крайней семантической изношенности является его полная десемантизация. Пройдя такой путь, глагол *көр-* находится в числе вспомогательных глаголов, выполняющих грамматические функции. Утратив свое исходное значение, он выражает действие, которое совершается для пробы ('пробовать делать что-либо'). *Син адыңны пазох чіке турғыс көрдек* [Чкч, 195]. «Ты **попробуй-ка** опять поставь на дыбы свою лошадь». *Пуўн фашисттер ікі танк пользынаң сыын көргеннерөк* [Чкч, 199]. «Сегодня фашисты с двумя танками тоже **пробовали** сунуться [к нам]». *Че, чараай за, иртен пазох хыгыртып көргейбіс*, — *тіпче пабазы, холл сабызып* «Ну, ладно, завтра опять **попробуем** позвать, — говорит отец, махнув рукой».

Глагол *көр-*, как и в алтайском и шорском языках, возможно, под влиянием русского языка участвует в проявлении волеизъявления, приказа, наказа, предупреждения. В реализации данного глагола в повелительном наклонении ед.ч. (реже, мн.ч.) происходит ослабление (или полная десемантизация?) его исходного значения. *Көр, айаба. Ниме поларын, аннаңар поэң көрерзің* [Хл, 17]. «**Смотри**, не жалея. Потом что будет, увидишь сам». *Көр, хорыхпа* [Хл, 18]. «**Смотри**, не бойся». В подобных предложениях глагол *көр-* выступает как вводное слово и актуализирует значения 'будь внимателен', 'запомни', 'учти' и др. Тем самым глагол *көр-* в таком аспекте повторяет значение русского *смотри*. Н.Р. Добрушина и М.А. Даниэль считают, что типичными для русской частицы *смотри* являются два способа концептуализации ситуации предостережения: «...говорящий, во-первых, может сообщить адресату о том, что тому грозит некоторая опасность, что может произойти нежелательное происшествие... Во-вторых, целью говорящего может быть не столько сообщение об опасности, сколько попытка эту опасность предотвратить. Говорящий призывает адресата не совершать некоторого опасного действия» [Добрушина, Даниэль 2008: 293–294]. Между тем Н.И. Михайлова отмечает, что в подобных конструкциях с глаголами *көр-* 'смотреть' и *тоқта-* 'ждать' в шорском языке наблюдается ослабление императивного значения. «Никто не побуждает в этих конструкциях смотреть или ждать, императив от глаголов *көр-* и *тоқта-* служит средством концентрации внимания адресата на последующей фразе. Пример: *Көр, машина алтынга кирпардың!* "Смотри, не попади под машину!"» [Михайлова 1997: 14–15]. Поскольку такие конструкции выходят за рамки императива, автор, вслед за В.И. Рассадным, считает возможным выделить ее в особое наклонение — превентив (предостерегательное или опасительное наклонение) [Михайлова 1997: 16]. Значение предостережения и опасения в подобных конструкциях дают аффикс совершенного вида, личный аффикс и иногда аффикс отрицания в структуре основного глагола: *Көр, сосха огородха кір пар-ба-зын (паа)* «Смотри, как бы свинья не проникла в огород». Значимым в контексте является порядок следования глаголов: глагол *көр-* всегда предшествует глаголу, выражаемому волеизъяв-

ление, что отражает реальную последовательность номинируемых ими действий. *Көр, чонга пір дее ниме чоохтаба!* «**Смотри**, не говори ничего народу!» Для сравнения пример: — *Көр!* — *порал парган табызынаң чоохтады, — көр, тігіне ниме ит турбыс!* [Хл, 90] «**Смотри!** — хриплым голосом сказал, — **смотри**, что мы делаем там!» Здесь глагол *көр-* в повелительном наклонении выступает в прямом значении.

Таким образом, специфика функционирования хакасского многозначного глагола *көр-* как глагола перцептивного действия состоит в закреплении за ним определенных когнитивных и лингвистических свойств. Зрительное восприятие, номинированное данным глаголом, влечет за собой представление об окружающей действительности, что и отражается на его языковом употреблении. Помимо выражения прямого визуального значения глагол *көр-* развивает социальные, эмоциональные, ментальные и другие смыслы, что связано с физиологической и психологической основой процесса зрительного восприятия. Тем самым, принимая дополнительные оттенки, данный глагол обозначает не столько зрительное восприятие, но и познание и осмысление видимого мира воспринимающим субъектом.

Литература

- Апресян 1995 — *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Арутюнова 1989 — *Арутюнова Н.Д.* ‘Полагать’ и ‘видеть’: (К проблеме смешанных пропозиционных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: [Сборник статей] / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1989. — С. 7–30.
- Барабанщиков 2007 — *Барабанщиков В.А.* Контуры онтологической концепции восприятия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2007. — Т. 4.– № 3. — С. 4–26.
- БКР1999 — *Бектаев К.* Үлкен қазақша-орысша орысша-қазақша сөздік / Большой казахско-русский русско-казахский словарь. — Алматы: Алтын Қазына, 1999.
- Добрушина, Даниэль 2008 — *Добрушина Н.Р., Даниэль М.А.* Русская частица смотри в типологическом освещении // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой. — М.: Языки славянских культур, 2008.– С. 293–309.
- Михайлова 1997 — *Михайлова Н.И.* Формы побуждения в шорском языке: автореф. ... к.ф.н. / Михайлова Наталья Ильинична. Новосибирск, 1997.
- Моисеева 2008 — *Моисеева С.А.* Особенности полисемии глаголов восприятия (на материале западно-романских языков) // Научные ведомости. — № 15 (55). — 2008. — С. 39–50.
- КОС 2015 — Кыргызча-орусча сөздүк: 40 000 сөз / под ред. К.К. Юдахина. — Изд. 4-ое. — Бишкек: УлууТоолор, 2015.
- РАС 2016 — Русско-алтайский словарь. В 2-х томах. Том II (П-Я) / редколлегия: к.ф.н. А.Э. Чумакаев (отв. ред.), к.ф.н. А.Н. Майзина, к.ф.н. А.А. Озонова, к.ф.н. Н.Д. Алмадакова; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2016.
- Падучева 2004 — *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Татаринцев 2004 — *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. (Т. III. К, Л). — Новосибирск: Наука. 2004.

- ТСРЯ 2003 — Толковый словарь русского языка: ок. 7000 словар. ст.: свыше 35 000 значений. Более 70 000 иллюстрат. примеров / под ред. Д.В. Дмитриева. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. (Словари Академии Российской).
- ХРС 2006 — Хакасско-русский словарь / Хакас-орыс сөстiк / О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.И. Боргояков, А.И. Инкижекова-Грекул, Д.Ф. Патачакова, О.В. Субракова, П.Е. Белоглазов, З.Е. Каскаракова, А.С. Кызласов, Р.Д. Сунчугашев, М.Д. Чертыкова. — Новосибирск: — Новосибирск: Наука, 2006.
- Юлдашев 1961 — *Юлдашев А.А.* Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. — М.: АН СССР, 1961. — С. 294–461.
- Яроцкая 2013 — *Яроцкая А.В.* Принципы лингвокогнитивного анализа языковых категорий // Вестник МГЛУ. — 2013. — № 25 (685). — С. 136–147.

Список иллюстративных источников

- Хл — Хакас литературазы. Хрестоматия 4 класса. Тимнеевнер У.Н.Кирбижекова, И.Ф.Коков. Абакан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядагы пöлігі. Абакан. 1977.
- Чкч — Чарых күннiг чирiм. Солнечный мой край. Сб-к художественных произведений хакасских авторов / сост. А.Е. Султреков, Л.В. Челтыгмашева, Н.С. Майнагашева. — Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007.
- Сс — *Шулбаева В.* Сарналбаан сарын. Пьесалар, чоохтар. — Абакан: Абакан: Хак. кн. изд-во, 1987.
- Х — *Тюктиков Н.* Хыстагда. — Аҕбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядагы пöлігі, 1977.

Maria Chertykova, Abakan

Linguistic and cognitive structure of perceptual events (on the example of the Khakas verb *kör-* 'look, see')

Summary: The article is devoted to a semantic and cognitive description of the verb *kör-* 'to look, to see'. Unlike other basic perceptual verbs, this verb, as in other Turkic languages, develops social, emotional, mental and other meanings that are associated with physiological and psychological basis of the process of visual perception. Beside the represented in the Khakas-Russian dictionary [2006] nine meanings of the verb we distinguish further three ones. The basis of all semantic derivations is its sememe of perception, except for its grammatical function as auxiliary verb meaning 'try to do something'.

Keywords: the Khakas language, a verb of visual perception, semantics, functioning

Сведения об авторе

Чертыкова Мария Дмитриевна — д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова; e-mail: chertikova@yandex.ru

Information about the author

Maria Chertykova — Doctor of philology, leading researcher of the Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turcology, Khakas State University named after N.F. Katanov; e-mail: chertikova@yandex.ru

Л.А. ШАМИНА, г. Новосибирск

Тувинский синтаксис в сибирском лингвистическом контексте

Резюме: Основную и наиболее значимую часть бипредикативных конструкций (БПК) тюркских языков Южной Сибири составляют монофинитные с синтетическим показателем связи (инфинитными формами глагола), а среди них центральными являются конструкции причастного предикативного склонения. Аналитический тип представлен БПК со скрепой *dep* и другими средствами союзного типа. В тувинских художественных текстах доминируют монофинитные БПК. Следующими по частотности являются сложносочиненные предложения. Многочленные сложные предложения (сложные периоды) также представлены в романах классиков тувинской прозы. Синтаксис тувинских фольклорных произведений как традиционного жанра остается устойчивым. Прежде всего, сохраняется ядро темпоральных и каузальных конструкций.

Существует связь между типом формальной организации сложного предложения и характером синтаксической семантики этого предложения. Важная закономерность состоит в том, что чем проще формальное устройство конструкции, тем более разнообразное содержание она позволяет выразить.

Ключевые слова: бипредикативная конструкция, диктум-диктумные конструкции, модус-диктумные конструкции, зависимая предикативная единица, тувинский язык, синтаксис

Исследование изменений в структуре, семантике и функционировании БПК с начала XX в. до настоящего времени позволяет заключить, что для художественных текстов тувинской литературы разных периодов характерна тенденция к сохранению употребления БПК.

Лингвистическими ресурсами использования БПК в текстах являются все виды сложного предложения (сложносочиненные, сложноподчиненные и многочленные /усложненные/).

Характерной особенностью тувинского синтаксиса является преобладание БПК синтетического и синтетико-аналитического типа.

В художественных текстах доминируют монофинитные БПК, представляющие основу синтаксиса сложного предложения тувинского языка, следующими по употреблению являются сложносочиненные предложения; многочленные сложные предложения (сложные периоды) представлены в романах классиков тувинской прозы.

Синтаксис фольклорных произведений как традиционного жанра остается устойчивым. Прежде всего, сохраняется ядро темпоральных и каузальных конструкций. Кроме того, в фольклорных и современных текстах тувинского языка также представлены БПК, выражающие диктум-диктумные, модус-диктумные и релятивные отношения.

В контексте языковой сложности тувинские диктум-диктумные БПК с зависимой предикативной единицей (ЗПЕ) времени как определенную систему форм и значений характеризует то, что не все синтаксические формы, выделяемые на основании показателей указанного типа, способны выражать только одно синтаксическое значение. Как одно значение может выражаться несколькими конструкциями, так и наоборот — одна конструкция может выражать несколько значений.

Проведенное нами исследование показало, что существует связь между типом формальной организации сложного предложения с ЗПЕ времени и характером синтаксической семантики этого предложения. Важная закономерность состоит в том, что чем проще формальное устройство конструкции, тем более разнообразное содержание она позволяет выразить. Все это благодаря тому, что большую роль играет аспектуальная характеристика протекания глагольного действия [Насилов 1989: 9] главной предикативной единицы (ГПЕ) и ЗПЕ.

Чем тоньше смысловые оттенки, передаваемые той или иной моделью, чем богаче ее семантика, тем сложнее оказывается и формальная организация как конструкции, так и скрепы, связывающей предикативные единицы БПК [Структурные типы 1986: 15].

Установлено также, что минимальные семантические структуры диктум-диктумных БПК, вследствие обязательного признака двуситуативности, также имеют двуситуативную семантическую структуру, как и конструкции модус-диктумной или другой (сравнительной и т. п.) семантики. Ср., например, фоновое значение обусловленности в темпоральных конструкциях:

(1) *Доңа бергенде, ажылдаары дам баар* (ССА: 227).

доң=а	бер=ген=де	ажылда=ар=ы	дам баар
замерзать=CV	AUX.давать=PP=LOC	работать=PrP=POSS3	еще PRTCL
‘Когда (оттого что) замерзнешь, еще активнее работаешь’.			

или в сравнительных конструкциях:

- (2) *Кызыл-Бөрттүг боостаазынга дүктүг бышкак чыдыпкан дег, харлыгын, чүве чугаалап чадап каан* (Кудажы: 188).

Кызыл-Бөрттүг боостаа=зын=га дүктүг бышкак чыд=ып=кан
 Кызыл-Бөрттүг горло=POSS3=DAT волосатый шкура лежать=PFV=PP
 дег харлыг=ып чүве чугаала=п чада=п
 COMP захлебываться=CV вещь говорить=CV не.мочь=CV
 ка=ан
 AUX.оставлять=PP

‘Кызыл-Бөрттүг не смог ничего выговорить, как будто в горле его застрял комок’.

в конструкциях сопоставления:

- (3) *Хөй кеш тыпканывыс тудум-на, акшаны хөйну алып бис* (ПМА).

хөй кеш тып=кан=ывыс тудум=на акша=ны
 много шкура находить=PP=1P1 чем.тем=PRТCL деньги=ACC
 хөй=нү ал=ыр бис
 много=ACC брать=PrP мы

‘Чем больше мы добудем шкур, тем больше получим денег’.

Модус-диктумные БПК наряду с основным значением часто передают значения обусловленности:

- (4) *«Тавакты» эң баштай көрүп кааш, хей-ле корга бергенимге ол хомудаан* (ШС: 5).

тавак=ты эң баштай көр=үп ка=аш
 тарелка=ACC самый сначала смотреть=CV AUX.оставлять=CV
 хей-ле корг=а бер=ген=им=ге ол
 напрасно=PRТCL бояться=CV AUX.давать=PP=1Sg=DAT он
 хомуда=ан
 огорчаться=PP

‘Он очень огорчился тому (из-за того), что так испугался, впервые увидев «тарелку»’.

Значения обусловленности могут быть выражены определительными и другими типами БПК:

- (5) *Сессиязын эки демдекке дужаан студентилер өстүргөн стипендия ап турарлар* (ПАМ).

сессия=зын эки демдек=ке дужа=ан студенти=лер
 сессия=POSS3 хорошо балл=DAT сдавать=PP студент=PI3
 өс=түр=ген стипендия ап түр=ар=лар
 расти=CAUS=PP стипендия брать.CV AUX.стоять=PrP=PI3

‘Студенты, которые сдают сессию на «отлично», получают повышенную стипендию’.

При наличии общей закономерности широкого употребления БПК в текстах тувинской прозы наблюдается определенная зависимость от особенностей индивидуального стиля писателя. Языковые средства направлены на выполнение функционального задания, и частота употребления является строго мотивированной. Качественная сторона (комплекс средств и характер их функционирования) и количественная (частотность употребления этих единиц) находятся в тесной взаимосвязи, составляя единство, и определяются целью общения, зависят от конкретных экстралингвистических факторов.

Исчисление количества способов построения ЗПЕ диктум-диктумных БПК (темпоральных и обусловленности) и количество синтетических, синтетико-аналитических и аналитических показателей связи свидетельствует о преобладании инфинитных форм, используемых в финитной функции: причастий и деепричастий в роли первого компонента аналитических сказуемых.

Среди нефинитных форм первого компонента аналитического сказуемого абсолютным преимуществом пользуется форма деепричастия на *=n*. Это деепричастие употребляется не только для выражения нефинитного предиката повествовательного предложения, но и для образования аналитических глагольных форм с грамматикализованными и полуграмматикализованными вспомогательными глаголами, обозначающими способы глагольного действия. Деепричастные формы передают тесные семантические отношения между дискурсивными единицами, подчеркивая, что эти отношения носят не только временной, но и каузальный характер.

Развитие синтаксической системы происходит на основе внутренних ресурсов языка, а не путем калькирования русских средств связи или прямого заимствования союзов. Это является свидетельством прогрессивного развития тувинского языка. Происходит адаптация имеющихся языковых ресурсов к потребностям выражения новых смыслов и отношений, возникших в связи с расширением сферы функционирования языка. При этом происходит переориентация построения текста с использованием анафорических стратегий соотнесения ситуаций между собой.

Каждому крупному семантическому типу соответствует определенное множество моделей, конкретных структурных форм, имеющих в изучаемых языках как общие, так и различные черты. Основная роль принадлежит монофинитным БПК с синтетическими и синтетико-аналитическими показателями связи. Аналитический тип представлен БПК со скрепой *dep* и другими средствами союзного типа.

В роли сказуемых ЗПЕ в тюркских языках используются разные инфинитные формы. Это, во-первых, причастия в формах предикативного склонения [Предикативное склонение 1984: 26], во вторых — деепричастия, которых довольно много и каждое имеет свою грамматическую семантику.

- (6) Тув.: *Чоруурунуң мурнунда менди сөзүн солчур дээштиң Кодур-оол чылгычылар орар чыдыгыр кара өгге маңнай берген* (СТ: 86).

чору=ур=у=нун мурнунда менди сөз=үн
идти=PrP=POSS3=GEN POSTP.перед благополучный слово=POSS3.ACC
солчур дэ=эш=тиң Кодур.оол чылгычы=лар
обменяться.RECIP говорить=CV=GEN Кодур.оол табунщик=PI
ор=ар чыдыгыр кара өг=ге маңна=й бер=ген
сидеть=PrP низкий темный юрта=DAT забегать=CV AUX=PP
'Перед тем как уйти, Кодур-оол забежал попроситься в низкую темную юрту, где живут табунщики'.

- (7) Алт.: *Таадазы чайлап отырганда, Тоодыл онын куучынын угарга јилбиркейтен* (ТФ: 129).

таада=зы чайла=п отыр=ган=да Тоодыл
дедушка=POSS3 пить.чай=CV AUX.сидеть=PP=LOC Тоодыл
онын куучын=ын уг=ар=га јилбирке=йтен
он.GEN рассказ=POSS3.ACC слушать=PrP=DAT любить=PrP

'Когда дедушка пил чай, Тоодыл любил слушать его рассказы'.

- (8) *Олар иди үзүргенче Манон Петрович, пір дее тапсабин, ибіре пас чөрген* (ТБ: 18).

олар иди үзүр=генче Манон Петрович пір.дее тапсабин
он.PI так обсуждать=CV Манон Петрович совсем молча
ибіре пас↓ чөр=ген
около прохаживаться=PP

'Пока они так обсуждали, Манон Петрович молчаливо прохаживался около них'.

Особенностью тувинского и алтайского языков является использование большого количества моделей с послелогоми (тувинский) и служебными именами (алтайский) в составе сказуемого ЗПЕ для выражения значения следования. В хакасском языке эти отношения выражаются синтетическими причастно-падежными БПК, как и отношения предшествования. Отношения одновременности представлены примерно одинаково в трех языках конструкциями со служебными именами. Семантика общей временной соотносительности выражается большим количеством моделей причастно-падежного типа в тувинском языке.

Системная организация БПК обусловленности трех тюркских языков характеризуется принципиальной общностью: монофинитные БПК с синтетико-аналитическим подтипом в плане выражения противопоставлены аналитическим. Наряду со сходствами обнаружены индивидуальные особенности этих конструкций. Тувинские БПК обусловленности отличаются от своих аналогов в хакасском и алтайском языках вхождением целого ряда после-

ложных форм и аналитических связующих элементов союзного типа, либо заимствованных, либо созданных из собственных ресурсов языка.

В системе модус-диктумных и релятивных БПК основные типы обнаруживают большую типологическую близость друг к другу.

ГЛОССЫ

- ACC — винительный падеж (аккузатив)
 AUX — вспомогательный глагол
 COMP — компаратив
 CV — конверб
 DAT — дательный падеж (датель)
 GEN — родительный падеж (генитив)
 LOC — местный падеж (локатив)
 PFV — совершенный вид
 Pl — множественное число
 POSS — посессивный показатель
 POSTP — послелог
 PP — причастие прошедшего времени
 PrP — причастие будущего времени
 PRCL — частица
 RECIP — реципрок
 Sg — единственное число
 ↓ элизия деепричастия на =n после основ на шумные согласные

Литература

- Насилов 1989 — *Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность / ред. Э.В. Тенишев. — Л., 1989.
 Предикативное склонение 1984 — Предикативное склонение причастий в алтайских языках / ред. Е.И. Убрятова, Ф.А. Литвин. — Новосибирск, 1984.
 Структурные типы 1986 — Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем / ред. Е.И. Убрятова, Ф.А. Литвин. — Новосибирск, 1986.

Источники

- Кудажы — Уйгу чок Улуг-Хем. Т. 1. — Кызыл, 1989.
 ПМА — Полевые материалы автора.
 ССА — *Сарыг-оол С.* Аңгыр-оолдуң тоожузу. — Кызыл, 1978.
 СТ — *Тока С.* Араттың сөзү. — Кызыл, 1967.
 ТБ — *Боргоякова Т.Н.* Способы выражения временных отношений между двумя событиями в современном хакасском языке. — Алма-Ата, 1987.
 ТФ — *Филистович Т.П.* Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка. — Новосибирск, 1991.
 ШС — *Шаңгыр-оол Суваң.* Хүн-Херелден аалчылар. — Кызыл, 1994.

Ljudmila Shamina, Novosibirsk

Tuvan syntax in Siberian linguistic context

Summary: In Turkic languages of Southern Siberia, bipredicative constructions (BPC) consist primarily of monofinite constructions with synthetic relation markers (infinitive verb forms); among these, the central role is played by constructions with predicates with participles in different case forms. The analytical type is represented by BPC with *dep* and other conjunctive types. In Tuvan literary texts, monofinite BPC are the most frequent constructions, followed by compound sentences. Complex sentences with multiple clauses are also frequent in classic Tuvan novels. The syntax of traditional Tuvan folklore remains stable; more specifically, it continues to preserve the core of its temporal and causal constructions.

The types of formal organization of complex sentences correlate with their syntactic semantics. An important tendency lies in the fact that the simpler the formal organization of a construction is, the more varied content it can express.

Keywords: bipredicative constructions, dictum-dictum constructions, modus-dictum constructions, dependent clause, Tuvan language, syntax

Сведения об авторе

Шамина Людмила Алексеевна — д.ф.н., главный научный сотрудник ИФЛ СО РАН; e-mail: shamina_la@mail.ru

Information about the author

Ljudmila Shamina — Ph.D. in philology, chief researcher of Institute of Philology, Siberian Division, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk; e-mail: shamina_la@mail.ru

С.И. ШАРИНА, г. Якутск

Функционирование аспектуальных форм в нижнеколымском говоре эвенского языка

Резюме: Состав аспектуальных форм в не имеющем системного описания нижнеколымском говоре эвенского языка обнаруживает некоторые особенности. В говоре выявляется отсутствие некоторых форм, относящихся к аспектуальным группам кратности действия, направления действия и интенсивности действия. Фиксируется употребление ранее не отмеченных в грамматических описаниях четырех видовых форм, относящихся к аспектуальным группам кратности действия и интенсивности действия. Материалом для написания данной статьи послужили полевые материалы автора, собранные во время полевых экспедиций в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) в 2013–2015 гг.

Ключевые слова: эвенский язык, нижнеколымский говор, виды глагола, аспектуальность, фаза действия, кратность действия, направление действия, интенсивность действия, деизеративность действия, имитация действия

Как тип аспектуальности количественная аспектуальность выступает как показатель множественности процессов, содержанием которой является счет отдельных разобщенных процессов или частей одного процесса, его повторяемость (кратность), либо протяженность непрерывного во времени процесса (длительность) или мера его проявления (интенсивность) [Насилов 1989: 86].

Глагольные формы, выражающие различные оттенки протекания действия, в научной литературе по эвенскому языку получили название видовых форм глагола. Они не обойдены вниманием во всех грамматических очерках, диалектологических работах, им посвящены и специальные монографические исследования. Однако, несмотря на это, в отдельных диалектах и говорах можно обнаружить некоторые аспектуальные формы, не отмеченные в известных работах.

Нижнеколымский говор эвенского языка еще не имеет систематического описания. В существующих классификациях как отдельная единица он был выделен А.А. Бурькиным только в 2004 г. [Бурькин 2004: 79]. Нижнеколымский говор значительно отличается от восточных говоров эвенского языка, поскольку обладает рядом особенностей на всех уровнях языка, и предварительно может быть отнесен к западному наречию эвенского языка. В области глагольной морфологии говор так же обнаруживает отчетливые различия в инвентаре показателей залога и склонения [Шарина 2015, 2016].

Виды эвенского глагола, выражающие характер протекания действия, по семантическим и грамматическим характеристикам дифференцируются в шесть аспектуальных групп [Роббек 2007: 359]. Арсенал видовых форм в нижнеколымском говоре в соответствии с данными аспектуальными группами представлен достаточно широко.

Аспектуальная группа фазы действия включает видовые формы, выражающие различные этапы протекания действия.

Форма начинательного вида имеет значение начала действия; она образуется посредством суффикса *-л-*, например: *āуадай* ‘открыть’ — *āуалдай* ‘начать открывать’, *дуктай* ‘написать’ — *дукалдай* ‘начать писать’.

Примеры употребления формы начинательного вида в говоре: *Энму алыс гор икэрикэн би икэдникэн һонод̄алгарарам* ‘Когда мама долго пела, я начинала плакать’. *Ноуян нан һадун укчэнэлгэрэн* ‘Она тоже иногда начинает разговаривать по-другому’.

Форма несовершенного вида, выражающая незавершенность действия на момент высказывания или длительность, процессность действия, образуется посредством суффикса *-д/-д’-*: *тиктэй* ‘упасть’ — *тикэддэй* ‘падать’, *илдай* ‘встать’ — *иладдай* ‘стоять’.

Примеры употребления форм несовершенного вида в говоре: *Ноуартан эрэгэл һовноддитан* ‘Они всегда работали’. *Тар курӣн нэ̄кэддэм, алыс наһа̄ эдэн һоуда, ноуянтинкин би кэнэ̄лив эчин бидэн һурдэку* ‘Нарочно так делаю, чтобы сильно не плакал, пусть для него я буду плохой, когда уйду’.

Форма продолженного вида, выражающая длительное состояние, сохраняемое на момент речи или момент отсчета времени относительно другого действия, образуется посредством суффикса *-т/-ч-*: *тэгдэй* ‘сесть’ — *тэгэттэй* ‘сидеть’, *илдай* ‘встать’ — *илаттай* ‘стоять’.

Примеры: *Амму да̄пканмиар надан ануаниуннай иһтала тэгэттин* ‘Отец мой прожил до восьмидесяти семи лет’. *Тар мину боллар амму экэнни иргэттин* ‘А меня воспитала сестра моего отца’.

Аспектуальная группа кратности действия включает специальные показатели разнообразных оттенков многократности, многообъектности действия.

Форма вида неоднократно совершаемого действия, выражающая многократно совершаемое действие, образуется посредством суффикса *-гра/-грэ//-гара/-гэрэ//-ура/-урэ-*: *мāдай* ‘убить, добыть’ — *мāградай* ‘убивать, добывать’, *гэндэй* ‘сказать’ — *гөүгрэдэй* ‘говорить (неоднократно)’. В нижнеколымском говоре суффикс может принимать вариант *-вра-*. Примеры употребления в говоре: *Ирили одакан тала уэнгэрэн, хайтав чикинавраран* ‘С наступлением лета туда едем, сено косим’. *Ноуян боллар бапканмиар тунуан ануанилай истала оран* ‘изсчимэткэрэн’ ‘Он до восьмидесяти пяти лет участвовал в оленьих гонках’.

Форма вида многократного действия обозначает многократное, часто наблюдаемое действие; она образуется посредством суффикса *-кат/ч//-кэт/ч-*, например: *нулгэдэй* ‘кочевать’ — *нулгэкэттэй* ‘кочевать (кочевать непродолжительно, часто или во многих местах)’, *идэй* ‘заходить’ — *икэттэй* ‘заходить часто (во многие дома)’.

Примеры: *Тадук эчин эрэликки унэм оидидур тадук энэнун оралбу мултукатча, йав ок итчир куна эрэ, йак эрэ* ‘Построив чум, с матерью отвязывали оленей, что они могли заметить, дети там, или что’. *Тиниттук һимнэкэттэм, тигэми билгаву йан* ‘Со вчерашнего дня часто кашляю, поэтому горло болит’.

Форма вида обычно совершаемого действия, выражающая относительную регулярность совершаемого действия безотносительно к моменту речи, образуется при помощи суффикса *-ват/ч//-вэт/ч-*: *гадай* ‘взять’ — *гаваттай* ‘обычно брать’, *гэндэй* ‘сказать’ — *гөвэттэй* ‘обычно говорить’.

Примеры употребления в говоре: *Тала учуталаңат гиркавачатгаран* ‘Там учитель наш обычно прохаживается’. *Һан няри һутэлбу бэкэчэн тик пастуктар, стадала һовнадда, нулгэвэчиддэ* ‘Остальные сыновья все сейчас пастухи, работают в стаде, кочуют всегда’.

Форма вида многообъектного действия обозначает действие, направленное на множество объектов, или действие, разбиваемое на разные пространственные сферы. Образуется посредством суффикса *-н/-н̄-*: *мāдай* ‘убить, добыть’ — *мāндай* ‘убить нескольких, добыть нескольких животных’, *нулгэдэй* ‘кочевать’ — *нулгэндэй* ‘кочевать и кочевать (неоднократно, в разных местах)’. Например: *Кутлэн куна эрэк уркэлэ нандан* ‘Маленький ребенок постоянно натывается на эту дверь’.

Форма вида длительно-многократного действия, выражающая длящееся продолжительное время и многократно или постоянно совершаемое действие, образуется посредством суффикса *-с-*, например: *нөдэй* ‘выйти’ — *нөстэй* ‘выходить’, *эмдэй* ‘прийти’ — *эмэстэй* ‘приходить’ (многократно). В нижнеколымском говоре суффикс произносится как *-һ-*. Например: *Һари буйуһгэрэн, буйуһниди, һурми боңкан дован умуврэн* ‘Мужчина охотится, по-

охотившись, приносит внутренности добычи'. Эчин *хунжэ* долан эчин *ймандав* эчин *чоужкоһгарача*, эчин *көйткэрэчэ* тарак *түрлэ* бичэ *биһэн гүүнэчэ* 'Вот так в пургу выгребал снег, всматривался и говорил, где находится'.

Форма вида длительного ослабленного действия обозначает длительное или многократное действие, совершающееся с малой интенсивностью, скоростью. Образуется посредством суффикса *-дян/-дьян'//-ден/-ден'*: *ундэй* 'идти' — *унэдэндэй* 'идти (тихо, медленно, не спеша, с затруднениями)', *гөндэй* 'сказать' — *гөндидэндэй* 'говорить (медленно, неторопливо)'.

Примеры употребления форм вида длительного ослабленного действия в говоре: *Илэ-тала тэгэтникэн ирэв-тарав ичукэткэрэн, эрэгэл укчэнэбдэүгэрэн* 'Садился там-сям и показывал всякое, всегда о чем-то рассказывал, не спеша'. *Эрэк этикэн илдиди нан тэгэһниди коладандан* 'Этот старик, зайдя, сел и стал неторопливо курить'.

Аспектуальная группа направления действия объединяет виды глагола, которые выражают действие, совершение которого сопряжено с пространственным перемещением или смещением во времени относительно места или времени других действий.

Форма отправительного вида указывает на действие, сопровождающееся передвижением действующего лица. Образуется посредством суффикса *-на/-нэ-*, например: *мāдай* 'добыть' — *мāнадай* 'идти добывать', *иттэй* 'видеть, смотреть' — *итнэдэй* 'идти смотреть'.

Примеры употребления в говоре: *Орйрбу итнэдэи нэкэддэн* 'Собирается идти посмотреть на оленей'. *Голу чйкйнадан* 'Дрова рубить идет'.

Вид противоположного действия обозначает действие, противоположное по значению тому действию, которое обозначено исходной основой. Образуется посредством суффикса *-лга/-лгэ-*, например: *алудай* 'запрячь оленей' — *алулгадай* 'распрячь оленей', *ильчадай* 'заплетать' — *ильчалгадай* 'расплетать'.

Примеры употребления в говоре: *Оралчимжа мāvуту учылгаддан* 'Оленевод разматывает аркан'. *Киаба үчаки алалган* 'Дедушка уздечку своего ездового оленя снял'.

Аспектуальная группа интенсивности действия включает две видовые формы — вид ускоренного действия и интенсивный вид.

Форма вида ускоренного действия обозначает действие, протекающее со значительной скоростью и образуется посредством суффикса *-малчи/-мэлчи-*, например: *минэдэй* 'отрезать' — *минэмэлчидэй* 'быстро отрезать', *ундэй* 'идти' — *унэмэлчидэй* 'быстро идти'.

Примеры: *Акму ховнантический хурэмэлчин* ‘Старший брат идет, спеша, на работу’. *Унэ нэгэрникэн бндйлактук бндйв хукумалчин* ‘Бабушка торопливо черпает воду из проруби’.

Форма вида однократного действия выражает однократный характер совершения действия, в эмоционально окрашенных контекстах имеет значение повышенной интенсивности действия. Образуется посредством суффикса *-сан/-сэн/-сн-* (нижнеколымскому говору присущ вариант *-хан/-хэн/-һн-*): *хондай* ‘ударить’ — *хонасандай* ‘ударить один раз, ударить сильно’, *төрэндэй* ‘говорить’ — *төрэсэндэй* ‘сказать (коротко, резко, категорично)’.

Примеры: *Умнэкэн эһэчэдникэн гйркаддам, арай йаһнирам, һимкэһнэм олукаду. Эргидэткн ичэһнэм йту дэгилдэн, протеху* ‘Еду тихонечко, оглядываюсь назад, и в это время вдруг кашлянула. Глянула, зуб вылетает, протез мой’. *Ниари туйум һэпкэһэнчэ-дэ хурчэ* ‘Парень схватил посох и ушел’.

Аспектуальная группа дезидеративности действия включает виды глагола, которые выражают желание и стремление совершить действие.

Форма вида желания совершить действие (оптатив) имеет значение желания, намерения, склонности совершить то или иное действие. Образуется при помощи суффикса *-м-* и показателей индикатива *-са/-сэ-* для настоящего времени, *-си-* для прошедшего времени (в нижнеколымском говоре соответственно варианты *-һа/-һэ/-һи-*), например: *хуклэдэй* ‘уснуть’ — *хуклэмдэй* ‘хотеть спать’, *хуклэмсэм* ‘я хочу спать’; *гөндэй* ‘говорить’ — *гөмдэй* ‘хотеть сказать’, *гөмсэн* ‘он хочет сказать’.

Примеры употребления формы желательного вида в говоре: *Тачйи муту таткаттйтан, тигэми боллар би укчэнгэрэрэм таров обычайу, эр куналтйки би таров таткачамһам* ‘Так нас учили, поэтому я рассказываю об этом обычае и детей хочу научить этому’. *Һули куна һуклэмһин* ‘Младенец хотел спать’.

Форма вида замедленного действия или стремления совершить действие (диминутив) с суффиксом *-счи-* указывает на попытку, стремление совершить действие. Эта форма обозначает и замедленное во времени протекание действия, имеющее ослабленную интенсивность, не достигающее результата или находящееся в начальной фазе, например: *хауандай* ‘шить’ — *хауанасчидай* ‘попытаться шить, шить (медленно, не спеша)’, *удайндай* ‘идти (о дожде)’ — *удасчидай* ‘идти, накрапывать (о небольшом дожде)’.

Примеры: *Дэ, татасчидам һауандай гуми. Дэ, элэкэһ йалдивун бу оһолалбу кочайасчилдам, нандалбу исчилдам* ‘Вот и стала пытаться учиться шитью. Вот начала пытаться выделывать камусы, пытаться обрабаты-

вать шкуры'. *Тарак һагдилти гусчиритэн: «Эдйһил ноуарбутан һундикир. Матми бими букатын мадйижа»* 'Тогда наши старые люди пытались предупредить: «Не надо их (имеются в виду волки) трогать. Если убиваешь, надо добивать»'.

Аспектуальный разряд имитации действия представлен одной видовой формой, указывающей на подражание действию, которое выражено основной смыслового глагола. Вид имитации действия в литературном эвенском языке и говорах восточного наречия образуется аналитической конструкцией: суффикс *-сан/-сон/-сэн* + глагол *бидэй* 'быть', например: *долчисан бидэй* 'сделать вид, будто слушаешь', *колсон бидэй* 'сделать вид, будто пьешь'.

В нижнеколымском же говоре вид имитации действия образуется по следующей схеме: причастная основа + сравнительная форма *-гчин/-вчин* + вспомогательный глагол *бидэй* 'быть'. Основной смысл подражания, имитации действия заключен в причастной основе со сравнительной формой *-гчин/-вчин*, которая не выражает ни лица, ни числа. Морфологическими показателями вида, времени, лица, числа оформляется вспомогательный глагол *бидэй* 'быть'.

Примеры: *Таткачимжа ирэкэн, мут тажадивчин бивэрэрэн* 'Когда заходит учитель, мы делаем вид, будто читаем'. *Этикэн иһчалан, һуличан көкэчэвчин биһин* 'Когда подошел старик, лиса сделала вид, будто мертвая'.

Имеющиеся материалы по нижнеколымскому говору дают основание утверждать, что кроме вышеприведенных аспектуальных форм обнаруживаются и некоторые формы глагольного вида, которые ранее не были отмечены в имеющихся грамматических описаниях эвенского языка. Приводимые ниже формы не фиксировались ни в диалектных описаниях, ни в специальных грамматических исследованиях и статьях, хотя, по нашим данным, они употребительны во многих говорах восточного, среднего и западного наречий.

Аспектуальная форма *-нукан/-нукэн-* передает значение однократности и интенсивности действия. В отличие от вида однократного действия (моментальный вид) выражает еще более крайнюю усеченность совершения действия, его более повышенную интенсивность. Форма однократного интенсивного действия, по нашим данным, используется как в восточных, так и в западных диалектах эвенского языка. Данную форму можно отнести в аспектуальную группу интенсивности действия.

Примеры употребления в нижнеколымском говоре: *Олукаду нууа паһануканни* 'Неожиданно прогремел выстрел'. *Ниарикан эмкэрдук һурунукэнни* 'Парень очень быстро спустился с горы'.

Употребляющийся в нижнеколымском говоре суффикс *-уна/-унэ-* передает значение обычно совершающегося действия. По значению данная форма соотносима с видом обычно совершаемого действия на *-ват//-вэт-*, выражающего относительную регулярность совершаемого действия безотносительно к моменту речи. Данная форма употребительна и в других говорах западного наречия. Ее можно отнести в аспектуальную группу кратности действия.

Примеры употребления формы постоянно совершаемого действия в нижнеколымском говоре: *Адалу тууэррэ илукаунар* 'Рыболовную сеть на озере ставят'. *Тадук эмдэкэттэн болла, хиату эчин эрэ калталдидур, эчин эрэ тарак тар долин бэйил могиладук эмдид'ур илтэнэр* 'Оттуда когда приходят, расщепляют вот так тальник и по нему проходят люди, пришедшие с кладбища'. *Гадун долбини дулокандун өриунэрэп первэй час деки-да* 'Иногда посреди ночи становимся стойбищем, в первом часу'.

В говоре также употребительна форма, которая образуется посредством суффикса *-тна/-тнэ-*. Мы предварительно определяем ее как форму, обозначающую многократное ослабленное действие с дополнительным оттенком самопроизвольного совершения. Данную форму можно отнести в аспектуальную группу кратности действия.

Примеры употребления в нижнеколымском говоре: *Бакарһи буһкэли тикэтнэрит* 'На скользком льду падали и падали (мы)'. *Тйиниттук һиэмкэллиди, никүтнэри* 'Со вчерашнего дня, кашляя, все задыхаюсь и задыхаюсь'.

Форма замедленного действия с модальным оттенком сожаления, характеризующаяся суффиксом *-йат//ч/-йэт//ч-*, обозначает, что действие или динамичный образ проявляются в замедленном темпе и характеризуется модальным оттенком определенной симпатии, ласки, жалости, сожаления по отношению к субъекту действия со стороны говорящего. Форма замедленного действия с модальным оттенком сожаления употребительна и в восточных, и в западных говорах. Данную форму можно предварительно отнести в аспектуальную группу интенсивности действия.

Примеры употребления формы *-йат//ч/-йэт//ч-* в нижнеколымском говоре: *Энму адукутта абдучалби гача, нолимала тэгэйэччэ* 'Мама несколько вещей взяла, на нарты уселась, бедная'. *Амму гудэике муннавриди тар нэктурэми һэпкэниди, күратлийи нукриди, дэ улкуйаттан* 'Отец мой с досады схватив ружье, сняв шапку, стал размахивать, бедный'.

Приведенное дает основание выявить следующие особенности в образовании и употреблении аспектуальных форм в нижнеколымском говоре:

1. Вид имитации действия в нижнеколымском говоре образуется аналитической конструкцией: причастная основа со сравнительной формой *-гчин/-вчин* + вспомогательный глагол *бидэй* 'быть'.

2. В говоре употребительны не отмеченные ранее в грамматических описаниях четыре формы глагольного вида: форма интенсивного однократного действия (суффикс *-нукан/-нукэн-*); форма постоянного действия (*-уна/-унэ-*); форма многократного ослабленного действия (*-тна/-тнэ-*); форма замедленного действия с модальной оценкой жалости (*-йат//ч/-йэт//ч-*).

3. Отмечается отсутствие следующих аспектуальных форм, присущих другим говорам и диалектам: форма редко совершаемого действия (*-ван/-вэн/-ин-*); форма ослабленного действия (*-со-*); форма неоднократного отправления для совершения действия (*-ни-*); форма противоположно направленного действия (*-рга/-ргэ-*).

4. В речи нижнеколымских эвенов отмечается наибольшая частотность употребления форм вида обычно совершаемого действия (*-ват/ч//вэт/ч-*), форм неоднократно совершаемого действия (суффикс *-гра//грэ//гара//гэрэ-*), форм постоянно совершаемого действия (суффикс *-уна/-унэ-*).

Литература

- Бурькин 2004 — Бурькин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. — Санкт-Петербург, 2004.
- Насилов 1989 — Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. — Л., 1989.
- Роббек 2007 — Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. — Новосибирск, 2007.
- Шарина 2015 — Шарина С.И. Формы наклонения глагола в нижнеколымском говоре эвенского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2015. — № 12. Часть 2. — С. 209–214.
- Шарина 2016 — Шарина С.И. Залог в нижнеколымском говоре эвенского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2016. — № 4. Часть 1. — С. 164–166.

Sardana Sharina, Yakutsk

Aspectual forms in Lower-Kolyma dialect of Even language

Summary: The composition of aspectual forms in the Lower-Kolyma dialect of the Even language, not having a systematic description, reveals some specific features. Some forms of multiple, directed and intensive actions are absent, while four specific forms, not encountered in related languages, function in the Lower-Kolyma dialect of the Even language. We have revealed four aspect forms, not previously mentioned in grammatical descriptions and expressing multiplicity and intensity of action.

The data obtained by the author during expeditions to the Lower Kolyma region of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2013–2015 served as material for this article.

Keywords: Even language, Lower Kolyma dialect, verb aspect, action phase, iterativity, direction, intensity, desired action, simulated action

Сведения об авторе

Шарина Сардана Ивановна — к.ф.н., научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск; e-mail: sarshar@mail.ru

Information about the author

Sardana Sharina — Ph.D. in philology, researcher at Institute of Research in Humanities and Problems of Small-Numbered Peoples of North, Siberian Division of Russian Academy of Sciences, Yakutsk; e-mail: sarshar@mail.ru

И.В. ШЕНЦОВА, г. Новосибирск (Россия)

Структура и прагматика акциональных форм глагола в шорском языке

Резюме: Многофункциональная модель «деепричастие знаменательного глагола + вспомогательный глагол (глаголы)» успешно используется для выражения акциональных значений в шорском языке. Состав служебных компонентов акциональных форм регламентирован. Акциональные формы глагола в шорском языке представляют собой сформировавшуюся систему.

Ключевые слова: акциональная форма, акциональные значения, аспектуальная форма, аспектуальные значения, длительность, динамичность, интенсивность, ингрессив, инхоатив, результатив, фазовость

1 Акциональная семантика (связанная с обозначением *Aktionsart*) в тюркских языках реализуется разноуровневыми средствами, основными из которых являются аналитические формы глагола, построенные по модели «деепричастие знаменательного глагола + спрягаемая форма вспомогательного глагола» [Насилов 1988].

Рассматривая проблему грамматической категоризации аспекта и акционарта в тюркских языках, следует отметить взаимосвязь нескольких базовых глагольных категорий в пределах одной грамматической формы [Кормушин 1984], а также прочную тенденцию перехода аспектуальных, акциональных и других (например, модальных) показателей в агглютинативные аффиксы (один из последних обзоров см. [Ооржак 2014]). В шорском языке некоторые аналитические формы акциональной (аспектуальной) семантики закреплены узусом в определенной синтаксической позиции с переходом формы в морфологический класс [Невская 1993], например, сложное деепричастие

=*n чадын* < =*n чат=ын*, *чат*= ‘жить’, ‘лежать’: *угун чадын* ‘слушая’, *көрүп чадын* ‘рассматривая’.

2. Наиболее ярко формы способов действия и особенностей протекания процесса (*Aktionsart*) (а также аналитические модальные формы) представлены глагольными предикатами. Учитывая вовлеченность в обозначение способа действия других членов тюркского предложения, подобные сочетания глагольных форм рассматриваются в рамках *конструкций* [Курпешко, Широкова 1991; Байжанова 2004; Тазранова 2005; Озонова 2006].

Противопоставление терминов «*конструкция*» и «*аналитическая форма*» снимает название «*серийный глагол*», подразумевающее нанизывание глагольных компонентов, создающих новую языковую единицу [Лемская 2017].

В данной работе используется термин «*акциональная форма*», обозначающий морфологический характер регулярных сочетаний глаголов, которые обнаруживаются в составе всех глагольных форм: в составе причастий, деепричастий, инфинитива, финитного предиката, см., например, реализацию формы =*n сал*=, выражающую значение интенсивности и динамичности, направленности на объект:

*иштит*¹ *сал=ган* ‘изготовленный’ (причастие от каузатива на =т), *иште=n сал=ын* ‘изготовив, сделав’ (деепричастие), *иште=n сал=арга* ‘(чтобы) сделать’ (инфинитив), *иште=n сал=ча* ‘делает’, *иште=n сал=ды* ‘сделал’, *иште=n сал=ар* ‘сделает’, *иште=n сал=зын* ‘пусть сделает’, *иште=n сал=айын* ‘сделаю=ка (я)’ и т.д. (Отрицательные основы имеют особенности при акциональной модификации [Шенцова 1994]).

Акционально-темпоральная характеристика немодифицированных форм неопределенна, она устанавливается в контексте: *иште=ген* ‘работающий ~ работавший’, *иште=т=кен* ‘изготовленный’, *иште=n* ‘изготовив, сделав ~ делая, работая’, *иште=ерге* ‘(чтобы) сделать ~ (чтобы) работать’, *иште=n=ча* ‘делает ~ работает’, *иште=ди* ‘сделал ~ делал ~ работал’ (например: *үргедигчи полуп иштеди* ‘учителем работал’), *иште=p* ‘сделает ~ будет работать’, *иште=зин* ‘пусть сделает ~ пусть работает’, *иште=йин* ‘сделаю=ка (я) ~ поработаю=ка (я)’.

3. Дифференциация *аспектуальных* и *акциональных* форм в шорском языке основана на облигаторности и регулярности обозначения характера протекания процесса. Таковым для *аспектуальных* форм в шорском языке является сема «*длительность*», т.е. любая глагольная форма относится к «длительным» или «недлительным» [Шенцова 1998]. Материалом для обозначения длительности служат видо-временные формы глагола и аналитические формы с показателями, образованными от глаголов бытия *чат*= ‘жить’,

¹ Аффикс деепричастия после основ на шумные согласные часто опускается.

‘лежать’, *одур*= ‘сидеть’, *тур*= ‘стоять’, *чөр*= ‘ходить’. В сфере аспектуальных (длительных) форм наблюдаются и способы действия: неинтенсивный (форма =*n одур*=), интенсивный (форма =*n тур*=) [Курпешко, Широбокова 1991: 35, 45].

В составе аспектуальных и акциональных показателей может быть более одного компонента. Таким образом, формы с одним показателем называют бивербальными, формы с двумя показателями — поливербальными.

3.1 Однокомпонентные акциональные показатели.

К акциональным формам в шорском языке отнесены сочетания, реализующие значения *начальной и конечной фазы процесса, динамичности, интенсивности*. Регулярные акциональные показатели 1-й группы =*n ыс*= (< ‘посылать’), =*a пер*= (< ‘давать’), =*a /=n пар*= (< ‘уходить’), =*n кел*= (< ‘приходить’), =*n шық*= (< ‘выходить’) образуют формы с положительной основой глагола.

Например, *сарна=б=ыс=ча* ‘поет’, *сарна=б=ыс=ты* ‘спел (результатив) ~ запел (ингрессив)’, *сарна=б=ыз=ар* ‘споеет, запоеет’, *сарна(=а) пер=ча* ‘начинает петь’, *сарна(=а) пер=ди* ‘запел’ (инхоатив)’, *сарна(=а) пер=ер* ‘запоеет’, *сарна=n кел=ип* ‘запел’, *сарна=n шық=ты* ‘запел’.

Узуально показатель =*n кел*= закреплен в позиции второстепенного предиката, но с глаголами становления используется и в финитном предикате (*ös кел=ди* ‘вырос’). Показатель =*a /=n пар*= менее распространен. Форма =*a /=n пар*= синонимична форме =*a пер*= (инхоатив): *қарбыж=a пар=ды=лар* ~ *қарбыж=a пер=ди=лер* ‘начали драться (хватать друг друга)’. Показатель =*n шық*= употребляется в основном в мрасском диалекте шорского языка.

Интегральное значение регулярных акциональных показателей 2-й группы =*n ал*= (< ‘брать’), =*n сал*= (< ‘класть’), =*n пар*= (< ‘уходить’), =*n /=а қал*= (< ‘оставаться’) — *интенсивность*. Эти показатели материально связаны с семантикой знаменательной основы и образуют семантические оппозиции в сфере, которую можно приблизить к модальности и залоговости [Шенцова 1997, 1998, 1999: 39–41].

=п ал= : =п сал=

көр=үйн ал= ‘увидеть’, *көр=үйн сал*= ‘посмотреть’, *уғ=ун ал*= ‘услышать’, *уғус сал*= ‘донести до сведения, дать услышать’ (дифференциальное значение форм — «активность субъекта, направленность к субъекту» : «направленность на объект»).

=п ал=, =п сал= : =п пар=, =п қал=

көр=үйн ал= ‘увидеть’ (активность субъекта, некоторая степень произвольности), *көр=үйн сал*= ‘посмотреть’ (произвольность действия), *көрин пар*= ‘виднеться’, *көрин қал*= ‘быть видимым’ (непроизвольность процесса).

=п пар= : =п қал=

қур пар= ‘засыхать ~ засохнуть’, *қур қал*= ‘засохнуть совсем, необратимо’ (противопоставление значений «динамика перехода в состояние» : «констатация необратимого состояния»).

=паан сал= : =паан пар= : =паан қал=

көр=беен сал= ‘не увидеть’ (динамичность), *көр=беен пар*= ‘не стать смотреть; прекратить смотреть’ (отсутствие приступа к действию; намеренное прекращение действия), *көрүн=меен қал*= ‘не быть видимым’ (статичность), *көр=беен қал*= ‘не успеть рассмотреть’, *көрзүс=пеен қал*= ‘не успеть показать’.

3.2. Двухкомпонентные акциональные показатели.

Многокомпонентная аспектуальная (акциональная) форма в шорском языке состоит из деепричастия знаменательного глагола и двух вспомогательных глаголов.

1 тип. В составе служебного компонента аспектуально-акциональной формы используется глагол бытия в форме деепричастия на =а и глаголы *пар*= или *пер*= . Таких форм 6: =n чада *пер*= / =n чада *пар*-, =n тура *пер*= / =n тура *пар*=, =n одура *пер*=, =n чөре *пер*=.

Компоненты, связанные своим происхождением с глаголами положения в пространстве, также функционирующими как бытийные, сохраняют свою основную функцию — обозначение длительности процесса, которую они реализуют в бивербальных аспектуальных образованиях. Также они дифференцированы по способу представления длительности: компонент *тур*= сообщает особую интенсивность в ограниченном временном отрезке, *одур*= — особую длительность, размеренность, неторопливость, *чөр*= — динамичность и указание на большой период времени, *чат*= — длительность без указания условий протекания. Конечный компонент *пар*= / *пер*= придает значение инхоатива, который он реализует в бивербальном образовании =а *пар*= / =а *пер*= . Использование поливербальных сочетаний наблюдается в позиции зависимого и, чаще, финитного предиката в произведениях нарративного характера (в художественном повествовании и эпосе). Примеры.

Кебегис қайа пағырында, ийги таш аразында қыстал пар, *чайқыл тура перди*. [ЧШ 88] ‘Наша лодка рядом со скалой, зажата между двумя камнями, покачивалась.’

Алтын өрге қобурак чеп *пырлажып тура парды*. ‘Золотой дворец, подобно дудке борщевника, задрожал.’ [ШГ 242].

Астанчы ол кижини қап алды, *сөртеп чада парды*. ‘Астанчи того человека схватил, *потащил*.’ [ЧШ 87].

Улуйу Ақ Оолдаң пажап, *сой чада парды*. ‘Со старшего, Ак Оола начав, *принялся* [их] *бить*.’ [ШФ 316]

Книгезин ажок таштап, *қыырып одура перген* ‘Книгу открыв, *стал читать*.’ [ШФ 242]

Пег парыбысқан соонда ооллар пазок *ўргўнўжип чўре пердилер*. [ШФ 316] ‘Пег (сборщик налогов) уехал, (и) юноши опять *стали радоваться*’.

2 тип. Акционально-аспектуальные формы с четким фазовым значением. К ним относятся формы =*n ыза пер*= (инхоатив) и =*n пара чўр*= (“финитив”). Данные формы используются в позиции зависимого и финитного предиката. Примеры:

Госпан улуг *тыныбыза перип*, тапқы сала перди. [ЧШ 66] ‘Госпан *вдохнул*, стал набивать трубку (досл.: табак класть).’

Қыс палазы ... эрбектеп кел, *сарнабыза перди*. [ЧШ 58] ‘Девушка, *заговорив, стала петь*.’

Значение и употребление формы =*n пара чўр*= описано Н.П. Дыренковой [Дыренкова 1941: 207]. Эта форма обозначает последнюю фазу процесса, направленного к своему завершению:

Позу изиге *кўйип пара чўр*. [ШФ 324] ‘Сам от жары *сгорает* (вот-вот *сгорит*).’

Пир ай *эрт пара чўр*. [ШГ 207] ‘Один месяц *проходит*.’

Примечание. Количество компонентов акциональной формы увеличивается за счет редупликации знаменательного компонента в форме на =*a =a кел*. Эта форма используется в составе зависимого предиката на =*ганда* и =*ган=ы(н)*:

Чи-чи келгенде, пир чарым кўнге шығара одур чиди. [Баб. 10] ‘*Ел, ел*, полдня сидел и ел.’

Оолақ *тура-тура келгенин* — алты кўнге шығара тутту. [ШФ 186] ‘*Мальчик стоял, стоял*, три дня [чашу] держал.’

Заключение

Акциональные формы глагола в шорском языке сформировали прочную систему выражения динамичности, интенсивности, фазовости, процессности. Каждая из форм имеет свою семантическую нишу и сферу применения. Относительно структуры акциональные показатели делятся на однокомпонентные (имеют один служебный глагол) и двухкомпонентные (имеют в своем составе два служебных глагола).

Однокомпонентные акциональные показатели имеют 2 типа. Формы 1 типа универсальны, не зависят от семантики знаменательного компонента. Формы 2 типа находятся в отношениях дополнительной дистрибуции по от-

ношению к друг другу (например, если основа каузативная, то акциональный показатель — $=n\ sal=$, если основа страдательная, то показатели $=n\ par=$ или $=n\ қал=$, если основа возвратная, то показатель $=n\ ал=$, если основа отрицательная, то $=n\ сал= / =n\ пар= / =n\ қал=$).

Двухкомпонентные показатели, включающие в себя аспектуальные компоненты (глаголы бытия) и акциональные компоненты (глаголы $par=$ или $per=$), реализуют и аспектуальную (длительность), и акциональную семантику (фазовость, динамичность, интенсивность).

Акциональные формы с одним показателем используются в дискурсе и нарративе, в устной и письменной речи. Двухкомпонентные акционально-аспектуальные показатели характерны для повествовательных художественных и фольклорных текстов.

Литература

- Байжанова 2004 — *Байжанова Н.Р.* Модели элементарных простых предложений в алтайском языке: Структурная схема $N1 \Leftrightarrow Vf$. — Новосибирск: Наука, 2004.
- Дыренкова 1941 — *Дыренкова Н.Н.* Грамматика шорского языка. — М.–Л.: АН СССР, 1941.
- Кормушин 1984 — *Кормушин И.В.* Система времен глагола в алтайских языках. — М.: Наука, 1984.
- Курпешко, Широбокова 1991 — *Курпешко Н.Н., Широбокова Н.Н.* Бивербальные конструкции с глаголами бытия –п чат-, -п одур-, -п тур-, -п чөр- в шорском языке. Учебное пособие. — Кемерово: Кузбасский политех. ин-т, 1991.
- Лемская 2017 — *Лемская В.М.* Поливербальные конструкции чулымско-тюркского языка: тенденции к сериализации // Программа Всероссийской конф. «Языки народов Сибири и сопредельных регионов». Новосибирск, 2–5 октября 2017г. — Новосибирск, 2017. — С. 9.
- Насилов 1988 — *Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. — Л.: Наука ЛО, 1988.
- Невская 1993 — *Невская И.А.* Формы деепричастного типа в шорском языке. — Новосибирск: Издательство НГУ, 1993.
- Озонова 2006 — *Озонова А.А.* Модальные аналитические конструкции в алтайском языке. — Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2006.
- Ооржак 2014 — *Ооржак В.Ч.* Временная система тувинского языка. — М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Тазранова 2005 — *Тазранова А.Р.* Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. — Новосибирск: ИД «Сова», 2005.
- Шенцова 1994 — *Шенцова И.В.* Формы результата с отрицанием в шорском языке // Языки коренных народов Сибири. — Вып. 2. — Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1994. — С. 40–42.
- Шенцова 1997 — *Шенцова И.В.* Акциональные формы глагола в шорском языке. — Кемерово: АО Кузбассвузиздат, 1997.
- Шенцова 1998 — *Шенцова И.В.* Шорский глагол. Функционально-семантическое исследование. Автореф. дис... док. филол. наук. — Москва: Ин-т языкознания РАН, 1998.
- Шенцова 1999 — *Шенцова И.В.* Шорский язык. Морфология. — Новокузнецк: НГПИ, 1999.

Сокращения

Баб. — *Бабушкин Г.Ф.* Шор ныбактары. — Новосибирск, 1940.

ГЧ — Избранные произведения А.М. Горького. Перевод на шорский язык Ф.С. Чиспиякова. — Новосибирск, 1936.

ЧШ — *Чистяков Ф.С.* Шолбан. Стихтербе рассказ. — Новосибирск, 1940.

ШГ — *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. — М.–Л.: Ан СССР, 1941.

ШФ — *Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. — М.–Л.: Ан СССР, 1940.

Irina Shentsova, Novosibirsk

Structure and usage of Aktionsart forms in Shor

Summary: The multifunctional pattern “the converb of the notional verb + an auxiliary verb (or verbs)” is used as *Aktionsart* and aspect forms in Shor. The invariant meaning of the aspect forms is the expression of a continuous process. *Aktionsart* meanings are represented by dynamic (static), intensive, ingressive, inchoative or resulting processes. The Shor *Aktionsart* forms make up a harmonious system.

Key words: *Aktionsart* forms, *Aktionsart* meanings, aspect forms, aspect meanings, continuous processes, dynamic processes, intensive processes, ingressive, inchoative, resultative, action phase

Сведения об авторе

Шенцова Ирина Витальевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, Новосибирск; член Российского комитета тюркологов (Новосибирск); e-mail: ivshen@yandex.ru

Information about the author

Irina Shentsova — Doctor of Philology, chief researcher of the Institute of Philology, Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk; member of the Russian Committee of Turcologists; e-mail: ivshen@yandex.ru

Воспоминания

А.С. АВРУТИНА

(к.ф.н., доцент кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета)

Памяти наставника...

Будучи студенткой кафедры тюркской филологии СПбГУ, я очень часто слышала имя Дмитрия Михайловича от своего учителя, Виктора Григорьевича Гузева. Виктор Григорьевич нередко говорил о тех годах, когда Насилов жил в Петербурге, работал на нашей кафедре. В словах В.Г. Гузева ощущалась тоска по тем, давно ушедшим годам. «Как бы повезло нашей кафедре, если бы он не уехал!..» — краешком сознания думала я.

Но жизнь распорядилась по-своему. Впервые я лично познакомилась с Дмитрием Михайловичем на защите своей кандидатской диссертации. Поразительно, он стал моим оппонентом. Почему я пишу «поразительно» — потому что сейчас я сознаю, какого уровня ученым он был. Этот великий человек просто согласился приехать в Петербург и стать оппонентом не самой яркой и далеко не самой безупречной, полагаю, кандидатской диссертации.

В 2009 году в Россию приехал Орхан Памук. Мы с издателями задумали его большую открытую лекцию в ИСАА. По ряду причин визит пришлось организовывать буквально в считанные дни, причем дело было в конце августа, когда все в отпуске, ни с кем невозможно установить связь. Дмитрий Михайлович тогда помог оперативно решить почти все сложные вопросы: выбрать аудиторию, широко заявить о лекции и провести регистрацию посетителей, помочь с аккредитацией журналистов, собрать коллег и студентов, у которых еще продолжались каникулы, оформить всем пропуска и многое другое. Сам он, как обычно, и в тот день скромно остался в стороне. Смутно помню, как он стоял в углу аудитории, в которой толпились студенты и пре-

подаватели... Я едва сумела разыскать его, чтобы поздороваться и поблагодарить.

Уже будучи тяжело больным, о чем я узнала позже, Дмитрий Михайлович согласился стать официальным оппонентом на защите моей докторской диссертации, тщательно работал с ее текстом, указал в ней все, даже мельчайшие, опечатки, написал на нее положительный отзыв; должен был приехать на мою защиту в Санкт-Петербург в конце июня. К сожалению, Небесам было угодно распорядиться иначе: день моей предполагаемой защиты, праздничный, как мне представлялось, день, стал днем горечи и скорби, днем траура, так как совпал с днем его похорон.

Мы часто созванивались с Дмитрием Михайловичем, пока он был в больнице, куда лег, как он говорил, на простое обследование. Никто из нас и представить не мог, что все кончится настолько быстро и так трагично.

Простота, доброжелательность, доброта ко всем без исключения людям и скромность — эти качества отличали Дмитрия Михайловича, его добрый, полный мудрости и спокойствия взгляд помогал справиться с мыслями. Громкая, на весь тюркский мир, слава в науке не помешала остаться ему невероятно простым, скромным и тихим человеком.

Я обязательно посвящу свою будущую защиту докторской диссертации Дмитрию Михайловичу.

Светлая память!

Ш.Х. АКАЛЫН

(д.ф.н., профессор, директор Прикладного
и научно-исследовательского центра лексикографии
Университета Хаджеттепе, г. Анкара)

Памяти драгоценного Дмитрия Михайловича Насилова

Студенты ученого — это не только те, кто слушает его лекции в аудитории и работает вместе с ним... Даже если человек не посещал лекции и не работал с этим ученым, а читал его статьи, книги, пользовался ими и узнавал новое; вдали, в разных местах, в разных временных рамках, он является его духовным учеником.

Я не был учеником Д.М. Насилова. Однако я читал его статьи, доклады, книги о тюркологии и часто использовал эти ресурсы в своих исследованиях, тезисах и публикациях. В этом отношении я считаю себя его духовным учеником.

Впервые я услышал о Насилове в 1975 году, когда начал учиться на факультете турецкого языка и литературы Стамбульского университета. На уроке, где обсуждались справочные источники по тюркологии, наш преподаватель упомянул о «Древнетюркском словаре». Показав нам словарь, он сказал, что этот труд является одним из основных словарей в изучении древнетюркского языка. Мы узнали, что словарь был опубликован в Ленинграде в 1969 году, и был подготовлен в результате коллективной работы. Одним из авторов научного коллектива был Насилов...

После занятий я пошел в библиотеку со своими друзьями, мы взяли ДТС, пытались что-то понять, перелистывали страницы, даже не зная русского языка. С этого дня я не выпускал ДТС из рук. В своих работах, в статьях и книгах я всегда использовал этот труд как основной источник. И продолжаю использовать. Одной из книг, которую я использовал при написании научной статьи, которую вы читаете в данном сборнике, также стал ДТС.

Я также с интересом следил за другими работами Насилова, однако у меня не было возможности с ним встретиться и познакомиться лично, поскольку лишь единичным ученым удавалось приехать в Турцию из Советского Союза, и мы, представители турецкого народа, тоже были лишены возможности посетить Советский Союз.

Уже после распада Советского Союза у меня появилась возможность познакомиться со многими известными советскими/российскими тюркологами, среди которых был и Дмитрий Михайлович Насилов.

Вот каким интересным воспоминанием мне хочется поделиться. Было начало 1992 года. В то время я работал в университете Чукурова в городе Адана. Мой друг кыргызского происхождения, переехавший в Адану в начале XX века, рассказал мне, что к нему приехали гости из Москвы, и пригласил меня на ужин. Я поинтересовался, будет ли среди приглашенных Насилов. Мой друг подтвердил, что семья Насиловых тоже приглашена. Я с большим нетерпением ожидал встречи с этим ученым, но, к сожалению, пришедший гость был не Насилов, а человек со схожей фамилией.

Наша встреча с Насиловым состоялась на международной конференции, посвященной турецкому языку, которая проводилась несколько лет спустя. И в дальнейшем мы неоднократно встречались с Дмитрием Михайловичем на различных конференциях и симпозиумах. Он был очень интеллигентным человеком, прекрасным ученым; необычайно начитанным, обладал широким кругозором, мог поддержать беседу на любую научную тему. Меня всегда поражало его умение формулировать свои мысли, вести научную беседу — каждая его фраза выдавала истинного профессионала, знатока своего дела.

Наше личное и профессиональное общение продолжалась и в Турции, и в России. Для меня было большой честью приглашать профессора Насилова на научные конференции, которые мы проводили в те годы, когда я был председателем Турецкого лингвистического общества. Он всегда выступал на новые и интересные темы, готовил впечатляющие презентации, его доклады всегда слушали с большим вниманием.

Уникальный вклад, который Насилов внес своими научными статьями и книгами в исследование истории тюрских языков, не остался незамеченным и руководством Турецком Республики: в 2014 году он был награжден орденом «Лиякат», который ему вручил лично Президент Турецкой Республики Абдуллах Гюль.

Говорят, что каждая смерть — это ранняя смерть... Смерть Насилова была действительно ранней. Он был в зените своей научной деятельности, благодаря накопленному колоссальному опыту и знаниям мог бы столько сделать на благо тюркологии. Я всегда буду вспоминать о Дмитрие Михайловиче с любовью и уважением.

Э. БАДЖАНЛЫ

(к.ф.н., доцент факультета филологии, лингвистики,
литературоведения и культурологии
Университета Калгари)

Мой учитель Дмитрий Михайлович Насилов¹

Я познакомился с Дмитрием Михайловичем Насиловым, моим учителем и наставником, в 2003 году, когда я приехал в ИСАА, чтобы писать кандидатскую диссертацию. Члены кафедры тюркской филологии собрались на заседание кафедры, которое проводилось раз в несколько месяцев, и профессор Щека сказал: «Вам повезло, что я смог собрать всех наших преподавателей». Когда я рассказывал о сфере своих научных интересов и кратко представлял свою магистерскую диссертацию, все члены кафедры вопросительно смотрели на Дмитрия Михайловича. После того как я закончил свое выступление, он сказал, что хочет сначала прочесть мою диссертацию, написанную на турецком языке, а потом примет решение. Я уехал в Турцию, а через несколько недель получил письмо от Дмитрия Михайловича, в котором он сообщил, что готов работать со мной. Это был один из самых счастливых моментов в моей научной жизни, ведь моим научным руководителем согласился стать один из выдающихся российских тюркологов — и для меня открылись двери Московского государственного университета.

Но мне повезло не только потому, что я стал аспирантом МГУ и получил возможность работать с живой легендой российской науки. Я был счастлив, потому что у Дмитрия Михайловича было золотое сердце, как часто говорили о нем те, кто был знаком с ним. У него было огромное количество друзей, он находил подход ко всем своим ученикам и устанавливал с ними прекрасные отношения.

¹ Перевод с турецкого Верховой К.А и Огановой Е.А.

Будучи учеником Дмитрия Михайловича, я был восхищен не только его выдающимися достижениями в тюркологии и лингвистике, но и его открытостью, скромностью, преданностью великим русским тюркологическим и лингвистическим школам, своим предшественникам, и, конечно же, его остроумием как в дружеских, так и в академических беседах. Он был во всех смыслах этого слова благородным рыцарем российской науки, образцовым ученым.

Круг друзей Дмитрия Михайловича не ограничивался только тюркологами, его связывала крепкая дружба со многими ведущими российскими лингвистами, занимающимися другой проблематикой. В свою очередь мне как его ученику выпала потрясающая возможность познакомиться с именитыми российскими тюркологами и лингвистами, впитать в себя их знания, их идеи.

Все годы, пока я писал диссертацию, Дмитрий Михайлович постоянно приносил мне из своей личной библиотеки книги и статьи для моей работы. Он читал и перечитывал каждую написанную мной строку, неустанно редактировал мой текст. Каждый раз, когда я отсылал ему очередной раздел своей диссертации, он переписывал за меня неудачные, слабые и незвучные фразы ярким и блестящим русским языком.

В день защиты диссертации я чувствовал, что он волнуется не меньше меня.

Наши отношения учителя и ученика не закончились с защитой диссертации. После моего возвращения в Турцию я начал преподавать в университете — и в это время наш научный и дружеский диалог не прекращался. После защиты кандидатской диссертации я — опять же по его рекомендации — заинтересовался проблемой акционсарта. Дмитрий Михайлович продолжал постоянно присылать мне новые источники и профессионально отвечать на все мои вопросы.

Для меня, как и для многих других его учеников, было огромной честью учиться у такого преподавателя, как Дмитрий Михайлович. В какую бы страну мира я ни приехал, в какой бы научной среде ни общался, я всегда ощущал преимущество того, что был учеником Дмитрия Михайловича.

К сожалению, отныне мы — те, кто был лично знаком с Дмитрием Михайловичем, — и будущие поколения тюркологов смогут поддерживать с ним научный диалог только посредством его работ. Я говорю «к сожалению», потому что его знания невозможно было уместить на страницах научных публикаций.

Мой дорогой Учитель Дмитрий Михайлович, Вы прожили жизнь благородного ученого — таким мы Вас и запоем. В Ваших трудах Вы будете жить вечно. Покойтесь с миром.

Ваш ученик Эйюп Баджанлы

А.А. БУРЫКИН

(д.ф.н., д.и.н., ведущий научный сотрудник
словарного отдела Института лингвистических
исследований Российской академии наук)

Вокруг истории алтаистики в Ленинграде–Петербурге в последней трети XX — начале XXI века

Дмитрий Михайлович Насилов (1935–2017) стал одним из первых историографов урало-алтайской и алтайской теории. По сути история научной алтаистики как самостоятельная дисциплина начинается с нескольких статей Дмитрия Михайловича, специально освещающих разные аспекты алтаистики и сравнительно-исторической тюркологии. Понятно, что обращение к работам корифеев в сфере алтайских и уральских языков имело разные цели, где наиболее отчетливо видны необходимость учета проработанного лексического материала, сбор всех явных и приемлемых лексических сближений, а также актуальная и для публикаций последних лет нашего нового века, «работа над ошибками» предшественников, ошибками вольными или невольными, без которых не обходится ни одна сравнительно-историческая дисциплина, не исключая и тюркологии, несмотря на простоту и прозрачность тюркской исторической фонетики.

Эти работы Дмитрия Михайловича — конец 1970-х годов, публикации уже известного ученого, одного из авторов и редактора «Древнетюркского словаря» (1969), теперь приходится говорить — первого издания этого словаря, потому что его второе издание вышло в свет под общей редакцией лично Д.М. Насилова. До них была составительская и редакторская работа над первым изданием ДТС: какая это была замечательная школа для молодого ученого, облеченного столь высоким доверием, как подготовка фундаментального словаря, впитавшего все достижения и опыт российской и зарубежной тюркологии первой половины XX века.

Нынче мало кто помнит ту роль, которую сыграл молодой тогда ученый в издании этого труда, но Вера Ивановна Цинциус (1903–1983), составитель и редактор «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (т. 1–2, Л., 1975–1977), говорила позже своим ученикам: «Это Насилов вытащил на себе весь словарь». Однако ни сам Дмитрий Михайлович, ни другие сотрудники отдела не рассказывали о том, как он и И.В. Кормушин, которые по возрасту должны были составить будущее отдела алтайских языков до сего дня, вдруг покинули отдел: И.В. Кормушин переехал в Москву, а Дмитрий Михайлович оказался в лаборатории структурно-типологических исследований. Сейчас, на большом удалении во времени, надо сказать откровенно: отдел сильно пострадал от этого, собственно — дал первую трещину, в дальнейшем повлиявшую на его судьбу, но два ведущих тюрколога спасли себя от весьма негативного влияния.

О многом, что составляло научную и коллективно-персональную историю отдела алтайских языков, пожалуй, не расскажет уже никто. Здравствующие свидетели могут поведать только о том, что происходило в отделе с середины 1980-х годов. Неожиданно открывшимся источником для истории отдела оказались обзорные публикации 1960-х–1970-х годов, освещающие исследования в сфере тюркологии, монголоведения, исследования тунгусо-маньчжурских языков. В статье «Тюркское языкознание в Академии наук» А.Н. Кононов пишет: «Созданный в 1957 г. Алтайский сектор ЛО ИЯ АН СССР (зав. О.П. Суник), объединивший тюркологов и тунгусоведов, проделал весьма значительную работу в области алтаистических исследований, организовал в мае 1969 г. в Ленинграде первую всесоюзную алтаистическую конференцию, доклады которой опубликованы в сборнике “Проблема общности алтайских языков” (Л., 1971). Одна из больших тем, коллективно разрабатываемых сотрудниками Сектора, нашла свое отражение в сборнике “Очерки по сравнительной лексикологии алтайских языков” (Л., 1972)¹. Закончена и ждет издания коллективная монография “Очерки исторической морфологии алтайских языков”², готовится к печати “Введение в алтаистику”³. Важным событием в истории изучения лексики алтайских языков явится выход в свет коллективного труда “Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков”⁴ под редакцией В.И. Цинциус (в печати). Общеизвестным достижением явилось издание составленного тюркологами Сектора “Древнетюркского словаря” (Л., 1969). Среди работ

¹ Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / отв. ред. В.И. Цинциус. — Л., Наука, 1984

² Очерки сравнительной морфологии алтайских языков / отв. ред. О.П. Суник. — Л., Наука, 1978.

³ Монография, очевидно, была только запланирована: ныне неизвестны ни предполагаемые исполнители, ни план работы. Данная статья А.Н. Кононова — единственный источник информации о ней.

⁴ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II / отв. ред. В.И. Цинциус. — Л., Наука, 1975, 1977.

сотрудников Сектора — тюркологов следует отметить труды А.К. Боровкова (“Бада’и’ ал-лугат”, М., 1961; “Лексика среднеазиатского тefsира XII–XIII вв.”, М., 1963), А.М. Щербака (“Огуз-наме. Мухаббат-наме”, М., 1959; “Грамматический очерк языка тюркских текстов XI–III вв. из Восточного Туркестана”, М.–Л., 1961; “Грамматика староузбекского языка” — Л., 1962; “Сравнительная фонетика тюркских языков”, Л., 1970), а также целый ряд статей Д.М. Насилова, И.В. Кормушина, Л.В. Дмитриевой, С.Н. Муратова, Н.И. Летягиной» [Кононов 1974: 49]. Сейчас, читая свидетельства очевидцев, многое понятно: грандиозные масштабы планов и реальные результаты плановой работы не всегда приносили результат. Во-первых, сказалась неподготовленность многих тунгусоведов и тюркологов (а позже — монголистов), даже специалистов по старым письменным памятникам, к сложным сравнительно-историческим исследованиям. Во-вторых, молодые сотрудники отдела на протяжении всей его истории не имели специальной подготовки в области компаративистики.

Все годы — 15 лет на памяти пишущего, с 1977 до 1992 года, Дмитрий Михайлович был в центре общественной динамики: профсоюзный деятель до председателя профкома, член партбюро, даже секретарь партбюро, и всюду с достоинством и с вниманием к коллегам. В отличие от многих общественных функционеров, делавших таким способом научную карьеру, о нем нельзя сказать ничего плохого. Всегда, и особенно в роли заведующего отделом алтайских языков, Д.М. Насилов был внимателен к научной молодежи, заботился о квалификационном росте молодых сотрудников и тех, кто не сумел подготовить диссертацию во время учебы или сразу после аспирантуры. Он, видимо, на собственном опыте учитывал последствия конфликта поколений и всеми силами старался избежать его.

Маленький штрих: когда в 1979 году вышло в свет первое, бакинское издание «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой⁵, оказавшееся «недоставаемым» до второго издания 1986 года⁶ (да и третье издание не залежалось на прилавках)⁷, именно Д.М. Насилов позаботился о том, чтобы несколько десятков экземпляров этой книги стало доступно его коллегам по институту.

Весной 1988 года, когда создатель отдела и первый руководитель отдела алтайских языков ЛО ИЯ О.П. Суник (1912–1988), находившийся на этом посту более 30 лет, по возрасту и по состоянию здоровья был вынужден оставить руководство отделом, исполняющим обязанности заведующего стал Д.М. Насилов, позже он был единогласно избран на эту должность.

⁵ Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — Баку: Маариф, 1979.

⁶ Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд. — М.: Наука, ГРВЛ, 1986.

⁷ Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М.: Либроком, 2010.

С возвращением Дмитрия Михайловича в отдел алтайских языков научная жизнь оживилась, активизировались научные контакты, расширилась возможность участвовать в конференциях не только по СССР, но и за рубежом, новые качества обрела работа над плановыми темами отдела. Однако при всем этом чувствовался какой-то рок — из завершенных тем был издан только один сборник⁸, об издании плановых тем, завершенных в первой половине 1980-х годов, речь не шла. Новая идея Дмитрия Михайловича — сравнительно-исторические грамматики отдельных тунгусо-маньчжурских языков (по группам и по отдельным языкам) двигалась с трудом, в этом проекте были завершены лишь отдельные части⁹.

В начале 1992 года, когда многие сотрудники ИЛИ и других институтов уезжали временно за границу, я получил приглашение поработать какое-то время («хотя бы полгода!») на Чукотке, в Институте усовершенствования учителей. Дмитрий Михайлович охотно согласился отпустить меня. Полгода или год превратились в три года — не слишком обремененный работой в Анадыре, я получил возможность побывать в районах Чукотки, поработать с местной литературой, побыть в шкуре журналиста — сотрудника сначала национальной, а потом и русскоязычной окружной «Советской Чукотки», в 1993 году сменившей название на «Крайний Север», оформить наблюдения и собрать материалы для моей докторской диссертации «Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка)», завершённой в 1999 г., но защищённой в СПбГУ летом 2001 г. Дмитрий Михайлович с удовольствием согласился быть одним из оппонентов на защите моей диссертации (вместе А.С. Гердом и И.В. Недялковым, Недялковым-младшим). Эта диссертация, вышедшая в виде монографии в 2004 г., как считают, оказалась весьма полезной при решении многих теоретических и практических вопросов, связанных с графикой и орфографией народов Севера России в XXI веке.

Переезд Дмитрия Михайловича из Санкт-Петербурга в Пушкино в 1993 г. и его переход в московские организационные структуры, завершившийся спустя несколько лет приходом в ИСАА МГУ, его Alma mater — это приобретение для одних, студентов ИСАА и его коллег-тюркологов, и большая потеря для других, тех, кто остался на берегах Невы. Как грустно было нам рассуждать эти полтора десятка лет — если бы Дмитрий Михайлович остался заведующим отделом, сам отдел уцелел бы, в нем с определенностью не было бы кого-то из сотрудников, мог бы Дмитрий Михайлович стать директором ИЛИ РАН — за него проголосовали бы многие, а уж его администраторскому опыту можно было бы позавидовать.

⁸ Грамматические исследования по отдельным алтайским языкам. — Л.: Наука, 1989.

⁹ Булатова Н.Я. Местоимения в сибирской группе тунгусо-маньчжурских языков // Acta linguistica Petropolitana, т. 1, ч. 3. СПб., 2003. — С. 171–236; Бурыкин А.А. История и культура эвенов // История и культура эвенов. — Магадан, 1992.

В 1993 г. Дмитрий Михайлович стал руководителем проекта по социолингвистическому изучению языков малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. С энтузиазмом руководитель проекта и его участники начали осваивать новые формы работы — исследовательский грант. Вернувшись с Чукотки в октябре 1994 г., я оказался в центре активности — в дело пошли и итоги исследований, которые я вел, и отчеты по делам, порученным управлением образования, и инициатива собрать библиографию книг на языках народов Чукотки. Итогом коллективной деятельности бывших подчиненных Д.М. Насилова и его единомышленников стал сборник статей по проблемам языковой ситуации на отечественном Севере¹⁰. По счастью, институт тогда имел издательскую лицензию, и работа была издана без проблем (позже наличие собственной издательской лицензии было признано ненужным, и она не была продлена). Над остальными работами отдела навис какой-то рок: сборник по проблемам алтаистики, намечавшим проблемы к общеалтайской реконструкции, не получил поддержки на конкурсе издательских грантов.

В начале 2001 года неожиданно ушел из жизни директор ИЛИ РАН А.И. Домашнев. Само по себе это не было знаком беды, однако в конце 2002 года была озвучена инициатива — слить отдел алтайских языков с отделом палеоазиатских и самодийских языков. Мало этого — вместо выборов заведующего по конкурсу где-то было принято решение назначить и.о. руководителя нового отдела с другой стороны — со стороны палеоазиатоведов. Так — при семи докторах наук, которые могли бы участвовать в конкурсе, руководителем нового отдела стал Е.В. Головкин, тогда — старший научный сотрудник с кандидатской степенью. В итоге структурных изменений и кадровых решений бывшие сотрудники отдела алтайских языков — три доктора и три кандидата наук со стажем от 20 до 15 лет — были лишены главного права, права избирать и быть избранными на руководящие должности в течение 15 лет: с 1993 года, после назначения А.М. Щербака на должность и.о. зав. отделом алтайских языков, по 2002 год — год ликвидации алтайского отдела и с 2003 г. по 2009 год — пока Е.В. Головкин, ставший доктором наук, не был официально избран зав. отделом языков народов России ИЛИ РАН. К этому времени автор этой статьи уже в течение 6 лет работал в Словарном отделе, порвав с «народным язычеством» ИЛИ, а А.Х. Гирфанова (1957–2018) — на кафедре общего языкознания СПбГУ, продолжая заниматься тунгусо-маньчжурскими языками.

В 2000-е–2010-е годы, нам, петербуржцам, осталось только беседовать с Дмитрием Михайловичем по телефону и навещать его в Москве, в Пушкино, на такой уютной Оранжевой улице, 20, в добротном доме из сибир-

¹⁰ Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения и развития языков. — СПб., 1997.

ской лиственницы с прекрасным садом. Странно — Дмитрия Михайловича как будто бы вовсе не приглашали в ИЛИ на научные мероприятия, он оставался оппонентом на защитах востоковедных диссертаций, но и на защиты приезжал не всегда и в основном — на восточный факультет СПбГУ. Мы с удовольствием приглашали Д.М. Насилова на наши мероприятия, обеспечив ему возможность опубликовать его работы или те идеи, которыми он делился с нами, бывал он и на выездных заседаниях Федерального экспертного Совета по учебникам для школ Севера. Зато он раскрылся в новом качестве — как гостеприимный и хлебосольный хозяин, владелец усадьбы, угощавший яблоками из своего сада, домашними напитками, другими пушкинскими яствами. Как жаль, что это ушло безвозвратно...

Все эти годы темой наших разговоров с Дмитрием Михайловичем была алтаистика — общеалтайская реконструкция в фонетике и морфологии, лексические схождения, персоналии — наши коллеги, равнодушные к ее темам. Дружба Д.М. Насилова с В.И. Рассадиным (1939–2017) — факт известный; Дмитрий Михайлович много раз был редактором работ этого тюрколога и монголоведа, открывшего для науки тофаларский, сойотский, уйгуро-уряньхайский языки. К конференции, посвященной 75-летию со дня рождения В.И. Рассадина, мы с Д.М. Насиловым решили поднести юбиляру подарок — первое собрание сойотских слов, опубликованное Г.Спасским, в нашей совместной обработке¹¹. К слову, Дмитрий Михайлович был прекрасным, идеальным соавтором — с этим согласятся многие. Моя собственная статья в этом же сборнике была закончена после многих обсуждений с Д.М. Насиловым алтаистического объяснения проблемы генезиса глагольного отрицания в тюркских языках, и не была бы опубликована без его научного благословения.

Не покидают две мысли: одна — как жалко, как несправедливо — с нами больше нет Дмитрия Михайловича, и другая — как велико и насколько бесценно его научное и человеческое, духовное наследство, свет его личности, который останется в этом мире навсегда.

Литература

Аткнин В.Д., Бурыкин А.А., Гирфанова А.Х., Насилов Д.М., Омакаева Э.У. Петербургская алтаистика: XX век // XXV Международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки»: Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. 22–24 апреля 2009 г. Тезисы докладов. — Санкт-Петербург, 2009. — С. 375–379.

¹¹ Бурыкин А.А., Насилов Д.М. Записи сойотских слов, опубликованные в «Сибирском вестнике» Г.И. Спасского (1819 г.) // Материалы Международной научной конференции «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В.И. Рассадина (г. Элиста, 10–13 ноября 2014 г.). — Элиста: Изд-во КалмГУ, 2014. С.19–25.

- Кононов А.Н. Тюркское языкознание в Академии наук // Вопросы языкознания. — 1974. — № 3. — С. 38–51.
- Насилов Д.М. Об алтайской языковой общности (К истории проблемы) // Тюркологический сборник. 1974. — М., 1978. — С. 90–108.
- Насилов Д.М. Алтаистика XIX в. // Тюркологический сборник. 1977. — М., 1981. — С. 150–155.
- Насилов Д.М. Из истории алтаистики (статья первая) // Советская тюркология. — 1977. — № 3. — С. 77–93.
- Насилов Д.М. В.В. Радлов и проблемы алтаистики // Советская тюркология. — 1978. — № 1. — С. 96–102.
- Насилов Д.М. Из истории алтаистики // Советская тюркология. — 1979. — № 4. — С. 94–100.
- Насилов Д.М. О.Н. Бетлингк как тюрколог-компаративист // Советская тюркология. — 1982. — № 4. — С. 52–66.

К.А. ВЕРХОВА

(магистрант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова)

Вспоминая Дмитрия Михайловича Насилова

Я познакомилась с Дмитрием Михайловичем только в сентябре 2014 года, когда нас с Лизой Котминой распределили на кафедру тюркской филологии. Мы не представляли, чего ждать от этого распределения, как мы будем учить язык, о котором мало что знали на тот момент. Но когда мы пришли на кафедру знакомиться с нашими будущими преподавателями и в первую очередь с Дмитрием Михайловичем, мы поняли почти сразу: это наш дом. Дмитрий Михайлович и в тот день, и каждый раз после тепло встречал нас, всегда поддерживал, давал советы, делился чем-то интересным, когда бы и о чем бы мы его ни спросили.

С третьего семестра начался курс «Введение в тюркологию», который вел Дмитрий Михайлович, и которого мы с нетерпением ждали с самого первого курса. Мне вспоминается карта СССР, по которой Дмитрий Михайлович объяснял нам продвижение тюркских племен, классификацию тюркских языков, особенности быта тюрков. Орхонские памятники, древнеуйгурская письменность, фонетические законы... Сейчас, проучившись семестр в Анкарском университете, я понимаю, насколько сложные и до сих пор актуальные вопросы ставил тогда перед нами Дмитрий Михайлович, но тогда это виделось нам чем-то вроде увлекательной задачи, которую можно и нужно решить.

Мы слушали его невероятно интересные лекции, стараясь запомнить каждое слово; мне и сейчас приходят на ум многие объяснения и примеры, которые приводил Дмитрий Михайлович. Иногда даже было страшно и стыдно переспросить, оборвать мысль, попросить повторить, чтобы можно было записать, но Дмитрий Михайлович всегда останавливался, повторял, если нуж-

но, и всегда просил нас задавать вопросы. Когда мы писали курсовые, он уделял нам время и в учебные часы, и на переменах, и даже в выходные, делился с нами важными источниками, пояснял, как лучше раскрыть ту или иную проблему, и всегда поощрял инициативу, новые идеи и дискуссии.

Огромное Вам спасибо, Дмитрий Михайлович! Я счастлива, что Вы были моим учителем.

П.П. ДАМБУЕВА

(д.ф.н., ведущий научный сотрудник
отдела урало-алтайских языков
Института языкознания РАН)

Памяти Дмитрия Михайловича Насилова

С Дмитрием Михайловичем я встречалась на заседаниях диссертационного совета. Мне как ученому секретарю случалось переписываться с ним, разговаривать по телефону. Дмитрий Михайлович остался в моей памяти человеком высочайшей культуры, всегда очень занятым, стремительным и неизменно приветливым, доброжелательным и внимательным к людям. Часто заглядывал к нам в кабинет, и мы любили его посещения за открытую улыбку, шутливый, лёгкий стиль общения, готовность помочь и умение на ходу дать дельный совет. И ещё я часто видела Дмитрия Михайловича на мероприятиях по линии Института образования. Имея огромный педагогический опыт, он щедро делился им как автор программ по преподаванию национальных языков, участвовал в семинарах, круглых столах, мастер-классах и интерактивных занятиях по тюркским языкам, благодаря чему Дмитрия Михайловича знали и высоко ценили в известных мне вузах, научных центрах и школах Сибири и Дальнего Востока. Думаю, что выражу мнение очень широкого круга людей, если скажу, что в лице Дмитрия Михайловича Насилова наука потеряла крупного ученого, обладавшего высокими человеческими качествами, его труд и жизнь будут вдохновлять новое поколение филологов и служить примером добросовестности, преданности своему делу и порядочности.

А.В. ДЫБО

(д.ф.н., член-кор. РАН,
зав. отделом урало-алтайских языков
Института языкознания РАН)

«Нас так мало...»

Смерть Дмитрия Михайловича продолжает ощущаться как невосполнимая потеря, «дырка» в мироздании. На протяжении всей моей тюркологической жизни это был несомненный авторитет, арбитр, к которому можно было обратиться за помощью в случае недостатка филологической информации. Тюркская филология в узком смысле (т.е. изучение текстов), как и многие другие такие филологии, в значительной степени состоит из неписаной информации, которую филолог набирает из опыта работы с текстами и редко формализует это знание или даже просто излагает его на бумаге (обладание такого рода знаниями по среднеазиатским памятникам письменности хорезмско-тюркской и чагатайской традиций сквозит, например, в работах Э. Наджипа, при том что сами эти фоновые знания в работах изложены лишь частично). Эти знания традиционно не принято эксплицировать, они могут передаваться от учителя к ученику, но, вероятно, не полностью. Чисто лингвистические исследования часто нуждаются в этой информации, но лингвисту как представителю более формальной науки нужна ее экспликация. Дмитрий Михайлович, будучи, с одной стороны, очень талантливым, весьма теоретически «подкованным» лингвистом, с другой — носителем той самой неэксплицируемой богатой филологической традиции, в своих лингвистических работах крайне успешно сочетал эти свойства. Но кроме того, он был вообще очень хорошим человеком, мягким, интеллигентным и добрым, и еще он любил науку. Поэтому он всегда готов был прийти на помощь и разбираться досконально в проблемах других людей, в том числе в научных. Конечно, я этим пользовалась — можно было в любое время дня и ночи за-

дать ему по электронной почте вопрос и получить ответ, который сразу можно вставлять в статью или книжку со ссылкой «Д.М.Насилов, консультация в личном письме», со всеми подробностями, с полной экспликацией оснований мнения. Его совершенно не раздражала «неграмотность» задающего вопрос и потребность спускаться при объяснении к очевидным для него вещам. Сейчас этот лёгкий источник ответов на сложные вопросы исчез; нет возможности отдать лично ему накопившийся моральный долг, как-то возместить ему потерянные на меня время и усилия, можно только стараться не забыть то, что я узнавала от него и следовать по возможности его примеру в научном общении.

Конечно, и личное общение с Дмитрием Михайловичем вспоминается как бесценное. Мы жили — в масштабах московской жизни — недалеко друг от друга, он в Пушкино, в отдельном доме с садом, доставшемся ему когда-то от его дяди, крупнейшего филолога-уйгуриста, я в Мытищах. Мы иногда вместе ехали домой на электричке, несколько раз я бывала у него дома. Общей темой для разговоров были попытки заниматься «сельским хозяйством» — очень успешные и систематические у него, он растил прекрасные цветы и поддерживал существование старого сада и огорода, редкие и сумбурные у меня как начинающего дачевладельца. Тут он тоже делился — давал семена, саженцы; они все выросли у меня, несмотря на то, что я — по его же определению — «котовод, а не земледелец». Коты непременно присутствовали в ночных разговорах по скайпу, приходили общаться и мои, и его — я знала одного его кота, по имени Заяц, он с удовольствием смотрел на моих троих.

В доме у него то и дело получали приют приезжие коллеги, что часто поддерживало возможности тюркологических конференций и круглых столов в Москве.

Уход Дмитрия Михайловича явился для меня полной неожиданностью. Перед тем как ему лечь в больницу — он утверждал, что это плановая госпитализация, — мы поспорили относительно наших отзывов на очередную докторскую диссертацию. Дмитрий Михайлович предлагал поддержать работу, говоря: «Нас так мало...». Отложили окончательный разговор на после больницы и недоспорили. Я так и не знаю, кто был прав.

В.И. КОПУЩУ

(выпускник ИСАА 2014 года,
докторант университета Хаджеттепе)

Мой учитель был человеком со светлой душой

Дмитрий Михайлович Насилов — один из выдающихся российских тюркологов, который сыграл важную роль в моем профессиональном выборе. Другим таким тюркологом была Людмила Александровна Покровская, большинство трудов которой посвящено гагаузскому языку. Именно по ее рекомендации я поступил в Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова в 2010 году. Уже в институте я познакомился с Дмитрием Михайловичем, добрейшей души человеком, который впоследствии стал моим научным руководителем.

Одним из первых удивительных моментов для меня, связанных с Дмитрием Михайловичем, был тот момент, когда я узнал, что это тот Насилов, который участвовал в создании Древнетюркского словаря (1969). Тогда, в конце 1960-х гг., молодой ученый был не только одним из составителей словаря, к которому обращаются тюркологи всего мира, но сыграл важную роль в том, чтобы словарь увидел свет. По свидетельству тех, кто работал тогда в Ленинграде в сфере алтаистики, «Насилов вытащил на себе весь словарь»¹. Его дядя Владимир Михайлович Насилов, видный тюрколог, вероятно, оказал влияние на Дмитрия Михайловича в выборе профессии. В годы массовых репрессий В.М. Насилов был осужден, находился в лагерях, но после реабилитации возглавил кафедру тюркской филологии Института восточных языков МГУ, которую окончил его племянник.

¹ Бурыкин А.А., Соловар Н.Н. Дмитрий Михайлович Насилов. К юбилею ученого // Вестник угроведения, № 1 (20), 2015, с. 126–132.

В институте нам надо было выбрать профиль, по которому далее продолжить образование. Я выбрал лингвистику, и моим научным руководителем стал Дмитрий Михайлович. Его лекции и практические занятия всегда проходили интересно, этому во многом способствовали его педагогический талант и чувство юмора. Мой студенческий опыт, накопленный в стенах учебных заведений и России, и Турции, сейчас позволяет сказать, что успешному преподавателю необходимо иметь чувство юмора, которое помогает не только в работе со студентами, но и в научной деятельности. Чувство юмора способствует развитию самоиронии и самокритики. Теперь я понимаю, что мой научный руководитель обладал этими качествами.

На спецкурсе «Язык древнетюркских письменных памятников», который вел профессор Насилов, мы учили древнетюркскую руническую письменность. Чтобы читать текст, необходимо было выучить рунические знаки. Мы, конечно, читали с трудом, то путая знаки, то давая им неправильную огласовку. Тогда Дмитрий Михайлович делал нам подсказки, чтобы мы правильно прочитали или правильно написали символ. «Стульчик вправо, — говорил он, улыбаясь, — а здесь стульчик влево».

На занятиях по грамматике Дмитрий Михайлович объяснял нам понятия теории функциональной грамматики, в которой важное место занимает понятие ситуации. Например, бытовая ситуация, выраженная простым предложением «Иван рубит дрова». Преподаватель часто повторял после объяснения: «Как ни посмотришь, везде что-нибудь да есть!»

После окончания ИСАА я поступил в магистратуру Стамбульского университета. В апреле 2016 года я виделся с Дмитрием Михайловичем в Москве, это была наша последняя встреча. В том же году я поступил в аспирантуру в Анкаре. В мае 2017 года я написал Дмитрию Михайловичу сообщение, в котором просил совета касательно моей будущей диссертации. Научным руководителем я выбрал профессора Н. Демира. В ответном сообщении от учителя было: «Дорогой Виктор! Поздравляю с Вашей учебой. Нурэддин хороший лингвист, подготовленный, со здоровым подходом. Думаю, он Вам может помочь и по науке». Далее были рекомендации относительно темы работы, а в конце он сообщал, что оставляет должность заведующего кафедрой. Через полтора месяца я узнал, что он покинул наш мир.

В моей памяти Дмитрий Михайлович Насилов останется человеком со светлой душой. Конечно, он был образцовым ученым, профессионалом своего дела, отзывчивым коллегой и педагогом. Но с перспективы вечности самое важное качество, оказывается, быть человеком светлым, отзывчивым и предупредительным. Вечная память дорогому учителю!

И.В. КОРМУШИН

(д.ф.н., профессор,
главный научный сотрудник отдела
урало-алтайских языков Института языкознания РАН)

Краткое слово о Дмитрие Михайловиче Насилове

Мне и сейчас тяжело писать о том, о чем меня настойчиво просят писать люди — наши общие коллеги. Мне не хочется этого потому что, когда я переключаюсь на мысль об уходе Дмитрия Михайловича, я начинаю в бесчисленные разы осознавать, как много я лично потерял в связи с его уходом. Не того, что связано с какой-то выгодой, извлекаемой людьми из тесных, приятельских или дружеских, отношений. Но того, что просто наполняет людей спокойным чувством равнодостоинства от знакомства и общения. И общения по самым разным сторонам жизни — и общественной, и личной. Не думаю, что имею право предавать гласности некоторые деликатные стороны жизни Дмитрия Михайловича, которые он мне поверял в те или иные периоды нашего взаимодействия, но хочу подчеркнуть: во всех этих ситуациях, и в момент моего узнавания о чем-то, и со временем, гораздо позже, я всегда поддерживал его, был на его стороне. Такая позиция была для меня естественной, она не была стремлением угодить «своему человеку», но диктовалась искренней оценкой его правоты и неправоты другой стороны, сочувствием к его обидам и тем или иным неудачам, которые Дмитрий Михайлович долго носил в себе, пока не случалось повода их высказать. У меня есть ощущение, что еще 1–2 человека, но не более, из его старых знакомых по университету, по работе в разных местах, могли быть его конфиденциями, вроде меня. Просто все они уже давно ушли из жизни.

Наши тесные личные взаимоотношения складывались постепенно и были обусловлены рабочими моментами. Дело в том, что Д.М. Насилов был приглашен в 1963 году в Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (ныне самостоятельный в системе Академии наук — Институт лингвистических исследований РАН) по инициативе заведующего Отделом (тогда — Сектором) алтайских языков д.ф.н. О.П. Суника в коллектив составителей Древнетюркского словаря (ДТС) для ускорения работ по нему. Коллективом после внезапной смерти в 1962 руководителя проекта А.К. Боровкова руководил В.М. Надеяев, который делал все тщательно, но неоправданно медленно, и с которым не ладил А.М.Щербак, который не тратил время на тонкости, и потому выполнял огромный объем работы как по ДТС, так и по готовившейся им докторской диссертации. В коллектив основных составителей входили также Л.Ю. Тугушева, Л.В. Дмитриева и Э.Р. Тенишев из Москвы. На договорных началах были привлечены: внештатный редактор Ленинградского отд. изд-ва «Наука» А.А. Зырин, а также группа аспирантов и м.н.с. Сектора — Т.А. Боровкова, Н.И. Летягина и автор этих строк И.В. Кормушин. Приглашение руководством Отдела и Института молодого ученого, прямого специалиста по языку древнеуйгурских письменных памятников, подготовившего к защите кандидатскую диссертацию, было как нельзя более кстати. Во-первых, Дмитрию Михайловичу была поручена объемная составительская работа. Причем она была спланирована в таком порядке, чтобы постепенно заканчивать те буквы алфавита — от *a* и далее, — которые были уже давно в работе у основных составителей, и это следующие отрезки ДТС: по букве *a*, после отрезков буквы *a*, выполненных В.М. Надеяевым, с. 1–37, — у Дмитрия Михайловича с. 37–54; по букве *b*, после отрезков, выполненных Э.Р. Тенишевым, с. 76–106, — у Дмитрия Михайловича с. 106–135; по букве *q*, после отрезков, выполненных И.В. Кормушиным, с. 399–425, и Н.И. Летягиной, с. 425–439, у Дмитрия Михайловича с. 439–475; по букве *t*, после основного массива статей в 60 страниц, выполненных Л.Ю. Тугушевой, с. 525–586, и отрезков в 12 страниц, выполненных Н.И. Летягиной, с. 586–598, у Дмитрия Михайловича с. 598–603, т.е. всего чуть более 100 страниц печатного формата ДТС из общего числа 643 с. опубликованного словарного материала. Во-вторых, Д.М. Насилов стал фактическим шефом четверки «неосновных» составителей — трех молодых и одного ветерана, А.А. Зырина. Мы, двое аспирантов — Т.А. Боровкова и я, а также на 5 лет постарше нас Н.И. Летягина, все выпускники Востфака ЛГУ, занимались у В.М. Надеяева по программе аспирантской подготовки монгольскими языками, очень ценили его глубокие знания тюркских и монгольских языков и поистине энциклопедические познания по многим другим вопросам, не относящимся к языкознанию, и по молодости беззастенчиво эксплуатировали его безотказность. Владимир Михайлович перманентно пил крепкий, свежесваренный чай, с момента прихода на работу до вечера, и только считанные разы мы вытаскивали

его в «академичку», нашу рабочую столовую (теперь там заведение более высокого ранга), находившуюся в 100 метрах от Алтайского сектора через Таможенный переулок, во флигеле позади Кунсткамеры, где располагались экспозиционные залы, хранилища и служебные помещения Института антропологии АН и Музея. Мы тоже «подсели» на чай. Мы естественным образом сдружились с нашим молодым редактором и на почве бесконечного чаевничания, и на почве общего дела — составления словарных статей ДТС, в котором он нам помогал, и на почве общего почтения к В.М. Наделеяеву, который как ребенок кидался на помощь всякому, кто к нему обращался. Скажу сразу, никакого панибратства между нами не было. С 1963 года и до самой его кончины, когда я за несколько дней звонил ему в больницу на мобильный телефон, — более 50 лет — мы всегда были на «Вы» и по имени отчеству, так было заведено раньше в Ленинграде; лишь в последние годы, здесь в Москве, и то только при сугубо личных разговорах, мы часто переходили на имена, но все равно всегда — «Вы». Так же высоко уважительно относились к Дмитрию Михайловичу другие сотрудники Алтайского сектора, по-другому было невозможно: он был истинно интеллигентным человеком — всегда вежлив, доброжелателен, отзывчив. В те времена, пока была жива Т.А. Боровкова, мы иногда собирались у нее, в квартире покойного отца, из окна которой открывался божественный вид на Зимнюю канавку от Мойки до впадения ее в Неву. Огромные подоконники позволяли Татьяне Александровне и Нине Ивановне раскладывать силки, в которых они ловили уличных голубей (как известно голуби тяготеют к культуре, а Эрмитаж и его окрестности как раз такое место) и готовили с ними плов для вечерних посиделок. Я теперь с ужасом понимаю, что мы ходили по острию ножа. Татьяна Александровна была знакома и ходила в компанию Иосифа Бродского, который после выступления Хрущева на пленуме ЦК с разъяснениями народу, какой должна быть настоящая литература, подвергся с конца 1963 года травле, был осужден судом за «тунеядство» и выслан из Ленинграда (что-то подобное в нашем городе уже было). Мы не были знакомы ни с кем из их кружка, и как-то вся эта топорная кампания прошла мимо нас; от Татьяны Александровны доходили отрывочные сведения о судебной стороне дела, но с самим творчеством Бродского мы не были знакомы, и лично я тогда совершенно не представлял новаторского значения его стихов для русской поэзии. Да и с чего представишь-то: стихи, те, что обнародовали, в назидание доморосткам, — ни ямба, ни хорей, а все дольники, да наворот длинных строк, разрывааемых посередине, да рифмы на предлогах, а интонационно — заунывь какая-то; понятно почему: парень недоучился, бегаёт с одной работы на другую, а нередко и косит от нее, ясно дело, ненадежный человек. Только заступничество очень видных деятелей культуры — Шостаковича, Чуковского, Жан Поль Сартра и др. — повлияло на «органы», и Бродского досрочно освободили и вернули из ссылки еще в 1965 году вместо 1969.

Отдельная сага — переезд из Москвы и обустройство семьи Насиловых в Питере (когда наш город был Ленинградом, мы, молодежь, наверное по извечному противостоянию официозу, называли его Питером, а себя — «питерскими»; но когда ему присвоили дореволюционное название Санкт-Петербург, мы почему-то скучаем и тянемся к имени Ленинград). Для того чтобы приступить к работе, получать зарплату и обеспечивать семью — жену и сына, Дмитрию Михайловичу нужна была ленинградская прописка. О.П. Сунику пришла в голову идея, которая редко проходила в то время в таких делах: он решил прописать их всех у себя в квартире, на Литейном, д. 10, рядом с Большим домом, как называли ленинградцы всемогущую контору, которая стояла над всеми прописками и выписками. Туда в конце концов и пришлось пойти Оресту Петровичу, которому требовалось доказывать, что он не берет никаких денег за прописку (поскольку имеет месячный оклад в 500 руб., что товарища впечатлило), а делает это исключительно по производственной необходимости; нет, других аналогичных специалистов в Ленинграде нет, но если ему посоветуют, он может рассмотреть. — Нет, специалистов по древним уйгурам на примете у конторы не было; к тому же, товарищ не член партии! — Ничего, пусть сначала проявит себя, он человек сугубо положительный, уверен, дорастет; ну, так как же? — Ладно, товарищ Суник, под Вашу личную партийную ответственность ... Не сразу, но довольно скоро Институт добился выделения вторичной жилплощади для семьи Дмитрия Михайловича. Помню, это была комната (или две сугубо смежных — ?) в огромной коммунальной квартире на Кировском (ныне Каменноостровском, как и раньше, проспекте), в коммерческом доме дореволюционной постройки начала XX в., с большим числом газовых плит на кухне, необходимостью не задерживаться в «кабинете задумчивости» и стараться недолго говорить по общему телефону. Весь этот район Петроградской стороны я хорошо знал и знаю, т.к. за 2 квартала от дома Дмитрия Михайловича Кировский проспект пересекает улица проф. Попова (вот же! — это возражение моей хорошей знакомой казашке, которая остроумно замечала: у вас в Ленинграде все либо имени Кирова, либо имени Жданова; нет, были у нас, слава Богу, и другие корифеи — и Менделеев, и Павлов, и главный наш бессмертный талисман, о нем двумя строками ниже), на которой находился «почтовый ящик», где я работал слесарем год до поступления в Университет; а еще ближе к центру города, в сторону Большой Невы, на углу Кировского проспекта и Большой Монетной улицы расположено здание Александровского лицея (куда в 1844 г. был переведен Царскосельский лицей, альма матер Пушкина), в пристроенных в советское время к нему двух этажах — 5 и 6, разместили общеобразовательную школу № 68, в которой я учился с 8 по 10 класс, в 1953–1956 гг. Так что места всё знакомые, родные. Именно из этой квартиры на Кировском проспекте Дмитрий Михайлович уехал в свою трехкомнатную квартиру в кооперативном доме на улице Энгельса, 135, когда ряду институтов АН

СССР предложили места в академическом кооперативе. Ибо в 1958 году неугомонный Хрущев, научив народ уму-разуму, решил, что надо дать этому народу и где-то жить, и в стране разворачивается кооперативное строительство жилья. Тогда цены на метры в сравнении с нынешними были «божеские». Сейчас в этой квартире живет со второй супругой сын Д.М. — Алексей Дмитриевич.

Межличностные отношения сотрудников сектора и коллектива ДТС развивались своим чередом. Разногласия по вопросам транскрипции/транслитерации тюркского материала достигли чрезмерного напряжения. О.П. Суник как руководитель сектора организовал совещание, на которое ему удалось пригласить В.М. Жирмунского, А.Н. Кононова, а также Э.Р. Тенишева как одного из составителей. Мы, молодежь, больше понимали позицию В.М. Надеяева. Я даже выступил рьяно в защиту его доводов, что, по-моему, не очень-то понравилось В.М. Жирмунскому: он склонялся в сторону А.М. Щербака. Более тактично и гибко высказывался Дмитрий Михайлович. На мой взгляд, стороны остались при своем мнении. Не помогли и увещевания академика и члена-корреспондента АН СССР. Отголоски этих разногласий отразились во Введении к ДТС, особенно на с. XIII–XVIII, которое я писал уже самостоятельно, но по материалам В.М. Надеяева после его отъезда в Новосибирск летом 1966 г. И противостояние с А.М.Щербаком не было главной причиной его отъезда в Новосибирск. Как мы теперь знаем и понимаем, оба они уже тогда были большими знатоками своего дела, да и замечательными людьми, каждый в своем роде. А.М. Щербак был высокорослым, поэтому в начале войны он прибавил себе год, к своему 1926-му, и был мобилизован, дошел до Венгрии, где был тяжело ранен и долго лечился. В.М. Надеяев, 1912 года рождения, не попал в армию по сильной близорукости, и самую тяжелую, первую блокадную зиму он оставался в Ленинграде. От смерти его спасла объявленная для педагогов Университета, как и для других учреждений, не работавших непосредственно на нужды фронта, эвакуация в начале 1942 г. С Васильевского острова до Финляндского вокзала, места отправки эшелона, — а это 6 км, — надо было дойти пешком, транспорт не функционировал, так что не все назначенные смогли дойти; Владимир Михайлович рассказывал нам, что они договорились идти вместе с Р.А. Будаговым; уже у Литейного моста Владимиру Михайловичу стало плохо и он «осел»; Рубен Александрович всегда был умен, он не кинулся поднимать Владимира Михайловича, — это было бы смертельно и для него самого; как говорил Владимир Михайлович, он «просто постоял и подождал», и это было равносильно помощи. Владимир Михайлович чуть погода оклемался, поднялся, и они продолжили последний километр своего спасительного пути. После окончания блокады Владимир Михайлович вернулся в комнатушку на 1-м этаже, в коммунальную квартиру университетского общежития на 5-й линии Васильевского острова, которую занимали технические работники и неостепе-

ненные преподаватели Университета. А.П. Окладников с подачи Е.И. Убрятовой пообещал Владимиру Михайловичу отдельную квартиру в Академгородке и должность руководителя лаборатории экспериментальной фонетики с персональным окладом. А.П. Окладников выполнил все свои обещания и никогда об этом не пожалел. Чего не сказать о Востфаке ЛГУ. Да и то сказать: крупные ученые в нашей стране всегда плодотворно работали в системе Академии наук, а не в вузах.

К 1967 году трудовголик А.М. Щербак закончил свою докторскую диссертацию. Первый этап ее прохождения по закону — место, где выполнена диссертация. Думаю, О.П. Суник рассчитывал провалить Алексея Михайловича на голосовании. Я не участвовал в этом заседании, так как находился на военных сборах. Щербак большинством голосов прошел. И как я узнал от самого Дмитрия Михайловича, он голосовал «за». Меня это тогда поразило. Я предполагал тогда, что О.П. Суник мог рассчитывать на другое голосование Дмитрия Михайловича, памятуя о своих «заслугах» в деле его устройства и т.д. Перебирая все это в уме и тогда, и позже, я понял, что в этом и была принципиальная позиция Дмитрия Михайловича: нельзя поступаться правдой, чтобы угодить своему благодетелю, рассчитываясь с ним за свои блага злом в адрес недруга благодетеля. Я носил это долго в себе, иногда рассказывал об этом случае в кругу близких товарищей, а теперь хотел бы оставить это на бумаге, чтобы люди могли вспоминать Д.М. Насилова еще с одной стороны. Он, конечно, справедливо остается в памяти знавших его учеников и коллег как человек мягкий, покладистый, неконфликтный, идущий на компромиссы. Но пусть теперь каждый знает, что все эти качества у него были на четком нравственном стержне. Не буду далеко ходить, приведу пример из наших с ним отношений.

За долгие годы раздельной научной жизни после нашего ухода от О.П. Суника в 1974 г. — так потом все сложилось, — неоднократно бывало, что по научным вопросам, в том числе затрагивающим мои интересы — чтение и интерпретация рунических памятников, особенно — енисейских, Дмитрий Михайлович принимал участие в совместных исследованиях с моими, помягче скажу, оппонентами. Да, увидев такую публикацию, я в первый момент обижался. Но потом, хорошо изучив такую публикацию, я понимал, что эти люди обращались к Дмитрию Михайловичу за помощью, в которой — а это я уж знал, — Дмитрий Михайлович не мог отказать, тем более ради кого-то — Кормушина или еще кого-либо. Это для него была бы нечестная игра.

Сейчас жизнь такая, что мы часто становимся на путь компромиссов. Важно знать меру и границы. Их всегда подскажет нам наша совесть. Негромко, но четко. Именно такой негромкой — без шапки об пол, кулаком себя в грудь — совестью в полной мере обладал наш незабвенный учитель, друг и товарищ Дмитрий Михайлович Насилов.

Т.В. ЛОСЕВА-БАХТИЯРОВА

(к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии
Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова)

**Нам Вас не хватает здесь,
Дмитрий Михайлович...¹**

Новость о смерти Дмитрия Михайловича Насилова застала меня в музее кочевой культуры, куда я торопилась на экскурсию. Я забила в ближайшую юрту. Было тепло и тихо. Я смотрела сквозь тундук вверх, в небо, и думала, что это может быть символично. Тюркский мир был миром Дмитрия Михайловича — одного из ведущих тюркологов России, доктора филологических наук, нашего зава. Даже шире — алтайский мир.

Помню, как ещё на первом курсе мы, студенты-филологи нашей кафедры, слыша лекции Дмитрия Михайловича старшекурсникам, консультации коллегам, аспирантам, докторантам и прочим многочисленным страждущим, становясь случайными свидетелями его бесед с гостями, которые приезжали для личной встречи со всего бывшего Советского Союза, удивлялись, как можно знать столько языков и разбираться в стольких дисциплинах.

Позднее, на втором курсе, «Введение в тюркологию» в исполнении Дмитрия Михайловича казалось нам похожим на повествование о Средиземье: народы, религии и языки, о существовании которых мы раньше и не подозревали, захватывающая ранняя и средневековая истории тюркских народов, смелые гипотезы и хитроумные этимологии. А тюркские руны и древнеуйгурское письмо! Мы чувствовали себя первооткрывателями, читая древние тексты под его руководством. В моей тетради осталась надпись: «Дмитрий

¹ Воспоминания опубликованы в журнале «Урало-алтайские исследования». № 4 (27), 2017. С. 155.

Михайлович. Звонить с 22 до 23». И когда мы перестали смущаться звонить (не так поздно, а вообще), в трубке нам неизменно слышалось его бодрое «Привет!»

На том же курсе начались курсовые работы, и Дмитрий Михайлович стал моим научным руководителем. Он поддерживал моё желание писать работы по нескольким тюркским языкам — тем, что являются у нас вторыми восточными. И хотя в магистратуре и аспирантуре у меня сменился руководитель, свеженаписанные главы первому я несла на оценку Дмитрию Михайловичу. Листы со сделанными от руки замечаниями и исправлениями я храню до сих пор.

Дмитрий Михайлович познакомил меня с узбекским языком, который по сию пору остаётся моим самым любимым из тюркских языков. И теперь у меня тоже есть фото на ослике, как те, что показывал нам Дмитрий Михайлович: они с Ириной Васильевной Боролиной в Узбекистане, такие молодые...

А вот и третий курс — время по-студенчески бояться экзамена по общему языкознанию. Но когда знаешь, что есть Дмитрий Михайлович с его разъяснениями и поддержкой, не так страшно. А во время его дискуссий с Юрием Владимировичем Щекой после пар по теории основного восточного языка мы сидели тихо-тихо, учась размышлять и не теряться в многообразии точек зрения.

Потом, закончив институт и приступив к работе на кафедре, я стала называться Дмитрию Михайловичу коллегой, а он навсегда остался моим учителем. Помогал, поддерживал и вдохновлял. Часто улыбался и очень много работал. Был активным, бодрым и никак не выглядящим на свои за 70, а потом и за 80. А прежде чем заговорить о делах, всегда спрашивал: «Ты поела или голодная? Возьми бутерброд!». Дмитрий Михайлович был таким заботливым и отзывчивым, что одна из наших студенток однажды сказала: «Знаете, он ведь мне как дедушка, которого у меня никогда не было».

Жаль, что сад, про который Дмитрий Михайлович много рассказывал, тревожась, не помёрзнут ли саженцы, и радуясь урожаю, я не увидела: «Потом приедешь. Мне будет полегче к лету, тогда и приедешь».

Кочевники верили, что человек после смерти возвращается в большое родное и вечное царство Духа-Тэнгри. Но как нам Вас не хватает здесь, Дмитрий Михайлович!..

И.А. НЕВСКАЯ

(д.ф.н., профессор Института
эмпирических исследований
Франкфуртского университета имени Й. Гете,
главный научный сотрудник
Института филологии СО РАН, Новосибирск)

Воспоминания о Д.М. Насилове

Прошло уже почти два года, как не стало Дмитрия Михайловича, но все ещё сердце не хочет в это поверить. Так получилось, что моя научная и личная жизнь с аспирантских времен и вплоть до преждевременной кончины Дмитрия Михайловича была непосредственно с ним связана, сначала совместными проектами, конференциями и публикациями, а потом и искренней дружбой с ним и его супругой.

А началось все это в начале 1988 года, когда я приехала с коллегой и подругой Сауле Тажибаевой в Москву и Санкт-Петербург для работы в библиотеках (см. также воспоминания С.Ж. Тажибаевой). Это была давняя традиция для всех новосибирских аспирантов-тюркологов, а также часть их аспирантской программы второго года обучения. Также традицией было и то, что научный руководитель моей работы над кандидатской диссертацией по шорским деепричастиям Елизавета Михайловна Убрятова посылала сибирских аспирантов в столичные тюркологические центры и с «просьбой» передать коллегам свои новые публикации с её авторскими подписями. Конечно, это был в первую очередь предлог для представления новосибирских аспирантов великим тюркологам того времени, ведь эти публикации можно было и просто послать по почте. Таким образом, благодаря Елизавете Ивановне состоялась и наша встреча с Д.М. Насиловым.

Дмитрий Михайлович меня сразу поразил не только своим искренним интересом к моей работе, но и его порывом помочь. На тот момент только что

вышел первый том из серии «Функциональной грамматики» под редакцией А.В. Бондарко, где рассматривалась, среди ряда других глагольных категорий, и категория таксиса, которая, конечно же, имеет непосредственное отношение к деепричастиям, которые там определяются как морфологизированный зависимый таксис. В этом томе категория таксиса рассматривалась на материале русского и нивхского языков. Хотя эта категория была впервые выделена ещё Блумбергом, специальных исследований по ней ни в русской, ни в зарубежной лингвистике на тот момент не было. Даже широко известный международный проект EUROTYPE в главах, посвященных деепричастиям (или в иных местах), её не упоминает.

Для меня на тот момент эта категория была также *terra incognita*. Дмитрий Михайлович сказал, что я обязательно должна познакомиться с этим изданием. Но его ещё не было ни в каких книжных магазинах или библиотеках, так как том только буквально на днях вышел из печати. Из-за ситуации в Сибири с книгами вообще, а с научными тем более, мои шансы как-то приобрести эту книгу в Новосибирске были равны нулю. Тогда Дмитрий Михайлович дал мне свой экземпляр книги на один день, чтобы я могла ее прочитать и законспектировать.

Нужно понимать ситуацию в СССР в 1988 году. Книги издавались в ограниченном количестве экземпляров и до Сибири просто не доходили. В то время не было умных телефонов, которыми сегодня можно было бы просто сфотографировать нужные мне страницы, не было и копировальных машин в свободном доступе. Только-только стали появляться в России персональные компьютеры. Что мне оставалось делать? Я, конечно, сидела над книгой всю ночь и поняла, что в ней дается очень важная категория, которая является центральной для описания синтаксических функций деепричастий. Что успела, я законспектировала, а на следующий день понесла книгу Д.М. Насилову. Он на меня посмотрел, всё понял и тут же к моему великому удивлению сказал, что он себе книгу ещё найдёт, а этот экземпляр я могу оставить себе. Я была, конечно, страшно счастлива.

Вдохновленная этой книгой, я сделала описание таксисных значений шорских деепричастий, что было первым описанием категории таксиса на тюркском материале как в России, так и за рубежом. Да и до сих пор об этой категории редко вспоминают зарубежные лингвисты. Она стала более известной после выхода тома по типологии таксисных конструкций под редакцией В.С. Храковского, сначала на русском, а потом и английском языках. Похоже, моё описание шорского таксиса Дмитрию Михайловичу понравилось, так как он пригласил меня участвовать в этом и ряде других проектов В.С. Храковского (в частности, по типологии императивных и уступительных конструкций). Так что в книге по типологии таксиса есть и описание тюркских таксисных конструкций, сделанное мною в кооперации с Д.М. Насиловым и Х.Ф. Исхаковой.

Влияние подаренной мне Дмитрием Михайловичем книги этим не ограничилось. В 1997 году я написала докторскую диссертацию по категории пространственности в тюркских языках Сибири также в рамках функциональной грамматики, а Дмитрий Михайлович был моим оппонентом и прилетел в сорокаградусный мороз из Москвы на мою защиту.

В последующие годы сотрудничество наше ещё более окрепло и переросло в дружбу. Дмитрий Михайлович приезжал с женой к нам, а мы с мужем посещали Насиловых в их гостеприимном доме в Пушкино. Это были незабываемые встречи и, конечно, застолья, которые постоянно прерывались обсуждением каких-то неотложных лингвистических вопросов, для чего перерывалась библиотека, приносились книги, словари и складывались стопами на стол рядом с яствами.

Дмитрий Михайлович и далее по моей просьбе регулярно покупал для меня самые значительные книги по российской тюркологии и лингвистике, которые я иначе не могла бы купить. Когда я приезжала в Москву, то брала с собой отдельный чемодан для книг, а Дмитрий Михайлович учил меня, как их в чемодане уложить, чтобы не повредить. В этом он был большой мастер. На конференции он всегда приезжал тяжело нагруженный книгами и щедро раздавал их коллегам.

Наши встречи в Москве стали особенно регулярными, когда меня выбрали в состав Российского комитета тюркологов и в редколлегиях журнала «Российская тюркология». Поскольку мои поездки на заседания никем не финансировались, то Насиловы часто давали мне приют в Пушкино. Конечно, финансовая сторона не была тут решающей. Для меня это всегда были встречи с необыкновенно добрейшим и умнейшим человеком, который всегда меня поддерживал, как и многих других. Такая доброта, как мне кажется, имеет свойством заражать тех, кто к ней прикоснулся, и менять их жизнь. Её хочется отдать сполна или даже «с процентами» дальше, другим людям.

Я знаю, что желание, не задумываясь, помочь начинающим, да и масти-тым, коллегам всем, чем он только может, было отличительным качеством Дмитрия Михайловича. Когда я бывала в доме у Насиловых, то заметила, что как только Дмитрий Михайлович возвращался домой, их телефон не замолкал ни на минуту, заставляя нервничать Галину Яковлевну, которая беспокоилась о том, что бедный Дмитрий Михайлович даже времени поесть не имеет. Он действительно не думал о себе, о своем здоровье и всегда трогательно заботился о своих близких, о кафедре, о коллегах и друзьях, о журнале «Российская тюркология», главным редактором которого он был до самой смерти.

Он мне позвонил по Скайпу, перед тем как лечь в больницу. Я даже обрадовалась, что он наконец-то займется своим здоровьем, что его подлечат. Не знаю, знал ли он сам, насколько серьезна была его болезнь, но, наверное, чувствовал это и, как я понимаю сейчас, позвонил, чтобы попрощаться.

А я этого не поняла или не хотела даже думать о том, что его может не быть с нами.

Дмитрия Михайловича можно по праву назвать сподвижником науки. Даже в последние месяцы своей жизни, уже тяжело больной, он торопился завершить верстку журнала, чтобы успеть его напечатать к очередному заседанию РКТ. Того, что он успевал делать, хватило бы на десятерых богатырей и больше. При этом он был очень скромным человеком и не хотел, чтобы его чествовали в день его 80-летия. Я в своё время все допытывалась, как он хотел бы отметить свой юбилей, порывалась организовывать конференцию или что-то подобное, пока он в конце концов не признался, что предпочел бы юбилейный сборник научных трудов. Нужно было видеть, с какой радостью откликнулись и российские и зарубежные коллеги на наше приглашение участвовать в этом сборнике! Его название «Alkiš Vitig» предложил Петер Циме, известнейший немецкий тюрколог, опубликовавший массу древнетюркских памятников различного письма, который написал статью и для этого сборника. Достижения Дмитрия Михайловича в области древнетюркского языка также нашли отклик в опубликованной в юбилейном сборнике статье Марселя Эрдала, известнейшего тюрколога, описавшего словообразовательную и грамматическую системы древнетюркского языка. Я очень рада, что Дмитрий Михайлович увидел ту книгу и порадовался ей. Думаю, что и этот сборник будет лучшим свидетельством нашей памяти о Дмитрие Михайловиче.

Ю.В. НОРМАНСКАЯ

(д.ф.н., ведущий научный сотрудник
отдела урало-алтайских языков
Института языкознания РАН)

Выдающийся ученый и очень скромный человек

Впервые имя Дмитрия Михайловича Насилова я услышала на своей защите кандидатской диссертации в 2002 году, когда он был оппонентом у Ильи Грунтова, который защищался одновременно со мной. «А кто такой Насилов?», спросила я. «О, это выдающийся тюрколог и очень скромный человек», ответил Илья. Мне кажется, что это характеристика очень точно описывала те качества, которые мне в первую очередь запомнились в Дмитрии Михайловиче. Еще одним очень важным и редким, с моей точки зрения, качеством была его удивительная доброжелательность и мягкость. Никогда не видела ситуации, в которой Дмитрий Михайлович стал бы отстаивать свое мнение с раздражением, с осуждением оппонента в глаза или заочно. Настаивал бы на своей точке зрения в ультимативной форме. Несмотря на возраст и плохое самочувствие даже в последний год перед кончиной, когда я стала заниматься графикой первых кириллических книг на узбекском языке, он стал активно помогать, принес все авторефераты по узбекским диалектам, которые он собирал на протяжении многих десятилетий. С радостью консультировал, помогал советами и делился опытом. Как выяснилось, практически все самое ценное из этих авторефератов было учтено в его разделе коллективной монографии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. Карлукские языки».

Когда мы с Дмитрием Михайловичем и Игорем Валентиновичем Кормушиным были в командировке на Кипре, мы предприняли путешествие по горам, машина сломалась и заглохла, Дмитрий Михайлович принял активное

участие в ее починке, выяснилось, что он с супругой и сыном объездил весь Советский Союз на своей машине и побывал в разных непростых ситуациях, возникавших на дороге. Оказалось, что и в них он не терял самообладания, спокойствия и мирного духа, радовался жизни, красоте природы, встречам с интересными людьми.

Для меня Дмитрий Михайлович останется образцом ученого-интеллекта, умевшего не подавлять своими знаниями, а поддерживать и вдохновлять на дальнейшую работу.

Е. А. ОГАНОВА

(к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии
Института стран Азии и Африки МГУ
имени М.В. Ломоносова)

Памяти Учителя и друга...¹

Мое знакомство с Дмитрием Михайловичем Насиловым, которое с годами переросло в крепкую дружбу, началось в 1996 году, когда он читал нам, студентам третьего курса ИСАА, лекции по орхоно-енисейским памятникам, а позже проводил занятия по узбекскому языку. С годами, все ближе общаясь с моим учителем, я не уставала удивляться, как в человеке может сочетаться такое величие и такая скромность. Это был человек, который мог, говоря словами Олджаса Сулейменова, «возвысить степь, не унижая горы».

Для нас, коллег, учеников и последователей, Дмитрий Михайлович был не просто блестящим ученым, а человеком с большим сердцем, добрым, чутким, отзывчивым, родным, никому и никогда не отказывающим в помощи — и в академическом, и в бытовом плане. Несмотря на все свои титулы и регалии он был простым и доступным в общении для всех, принимал искреннее участие в наших делах и заботах. Для каждого он находил нужные слова, предлагал решения в, казалось бы, тупиковых ситуациях.

Трогательная, поистине отеческая забота Дмитрия Михайловича о коллегах и учениках, о совершенно незнакомых людях известна всем, кто был с ним знаком. Много лет работая с ним бок о бок на кафедре тюркской филологии, я неоднократно наблюдала, как люди, специально приезжавшие к Дмитрию Михайловичу из всех городов и весей России, — и не только Рос-

¹ Воспоминания опубликованы в журнале «Урало-алтайские исследования», № 4 (27), 2017. С. 156.

сии — с благоговением входили в кабинет, где работал «неприступный великий ученый», а выходили с улыбкой на лице, долго пожимая ему руку, все еще не веря в то, что их приняли как близких друзей, пообещали помочь и — что действительно очень важно — помогли.

Денно и ночью Дмитрий Михайлович читал чьи-то диссертации, статьи и монографии, правил, переписывал, редактировал, писал рецензии, хлопотал, чтобы рецензии написали другие «нужные» люди. Не говоря уже о той колоссальной работе, которую он вел по журналу «Российская тюркология», по сути взвалив на себя весь груз дел, связанных с его изданием. Он любил подшучивать надо мной: «Не становись, как я, человеком читающим, нужно быть человеком пишущим».

К нему буквально толпой ходили студенты, магистранты и аспиранты со всех языковых (и не только языковых) кафедр нашего института. Непересыхающим ручейком тянулись они и во время занятий, которые проводил Дмитрий Михайлович, и после них. И насколько я знаю, каждому Дмитрий Михайлович протягивал руку помощи. Вспоминаются даже моменты, когда он консультировал мало знакомых ему ребят по скайпу в ночное время перед экзаменами по общелингвистическим курсам.

Что же говорить о коллегах — близких и далеких. Не было ни одного важного повода в их жизни (юбилей, защита диссертации и др.), на который бы Дмитрий Михайлович не откликнулся теплым словом, поздравительным адресом.

Не забывал Дмитрий Михайлович и о своих предшественниках: ему принадлежат публикации о В.В. Радлове, С.Е. Малове, О.Н. Бетлингке, П.М. Мелиоранском и др.

На фоне этих бесконечных дел, кутерьмы, звонков, писем и посетителей Дмитрий Михайлович оставался вечно молодым и юным в душе: много шутил, смеялся, высказывал тонкие ироничные замечания, мог мгновенно перестроить свой график, чтобы присутствовать на каком-то заинтересовавшем его мероприятии, всегда расспрашивал и живо интересовался моими впечатлениями после просмотра какой-либо пьесы, поездки куда-либо и пр.

И никто никогда на нашей кафедре не забудет то щемящее чувство, которое мы испытывали, когда каждый год примерно в середине апреля нас встречал на столе кафедры маленький букетик подснежников, собранных лично Дмитрием Михайловичем. А осенью он всегда угощал нас яблоками с собственных яблонь...

Очевидно, что таких людей, как Дмитрий Михайлович, я больше не встречу. Но всю свою оставшуюся жизнь я буду благодарна Богу, что наши пути пересеклись, и что больше двадцати лет я видела его улыбку и слышала его голос. Светлая память Вам, дорогой Дмитрий Михайлович, мой Учитель и друг...

О.Н. ПУСТОГАЧЕВА

(к.пед.н., ведущий сотрудник Института языкознания РАН,
Почетный работник общего образования РФ)

Дмитрий Михайлович Насилов — учитель учителей

В России, наверно, нет региона, где бы не трудились ученики, ученые-педагоги, методисты родных языков, бывшие аспиранты Дмитрия Михайловича Насилова.

Дмитрий Михайлович Насилов внес неоценимый вклад в подготовку национальных научных кадров; в разработку программ, учебно-методических пособий, учебников, школьных двуязычных словарей; в проведении ежегодного Всероссийского конкурса учителей родных языков.

Дмитрий Михайлович был научным руководителем поистине от бога. Обучая своих аспирантов азам исследовательской работы, он подводил их к мысли, что знание родного языка составляет особую значимость в развитии личности, потому они должны осознанно воспринимать ценности родного языка. И вскоре аспирант, начиная работать под руководством Дмитрия Михайловича, четко усваивал, что в структуре любого языка содержатся не только средства выражения, но и сама этническая культура носителя языка, и язык является не только средством общения и познания окружающего мира, но и средством сохранения и трансляции культуры. Руководитель с аспирантом совместно оценивали характерную особенность образовательной системы с учетом языковой ситуации региона, и итогом их кропотливой работы являлись конкретные предложения не только для определенной местности, но в целом для всех регионов. Законченное диссертационное исследование в самом регионе оказывало существенную помощь всем работникам образовательной системы, начиная от чиновников до учителей начальных классов и воспитателей.

Дмитрий Михайлович и после защиты оставался мудрым наставником, оказывавшим теоретическую и методическую помощь в образовательной

деятельности своих учеников. И сегодня результаты диссертационных исследований внедряются в методики обучения и изучения родных языков.

Дмитрий Михайлович Насилов является автором, редактором, рецензентом программ, учебников, учебно-методических пособий, двуязычных школьных словарей, дидактических работ, предназначенных для обучения детей, владеющих и не владеющих родными языками.

Он при работе с авторами всегда подчеркивал, что разработка и издание учебной литературы является одним из основных условий сохранения и развития языков народов России. При этом отмечал, что значимую роль при разработке учебной литературы играют лингвистический и культурологический подходы, которые определяют методику обучения родным языкам.

Дмитрий Михайлович из всей учебной литературы особо выделял учебник, подчеркивая, что учебник — во все времена остается главной учебной книгой, что учебник всегда стоит в центре учебно-методического комплекса и является его основным организующим компонентом.

В связи с утверждением и внедрением Федеральной государственной образовательной программы (ФГОС) он рекомендовал пересмотреть концепцию разработки учебной литературы. В частности, Дмитрий Михайлович предлагал, чтобы учебник родного языка включал в себя то, что сохранил каждый этнос: его язык, традиции, самобытную, уникальную культуру, его древнюю историю из печатных источников и то, что осталось в памяти старшего поколения. Ученик, учащийся, студент через учебник должен воспринимать себя частью своего народа, то есть учебник должен способствовать одновременному выполнению как образовательных, так и воспитательных задач обучения.

Дмитрий Михайлович оказался абсолютно прав, на сегодня учебники нового поколения разрабатываются с учетом традиционной культуры и истории народа.

В начале 2000-х годов, когда снова падала роль родного языка, престиж учителей родных языков, в институте одной из актуальных проблем было, как помочь учителям. На одном из заседаний было решено проводить всероссийский конкурс учителей родных языков. Основной целью конкурса являлось создание в системе образования благоприятных условий для сохранения и развития языкового и культурного многообразия — главного и неповторимого богатства России.

Первый Всероссийский конкурс учителей родных языков провели в 2007 году на базе Федерального института развития образования, в котором приняли участие 35 учителей со всех уголков России. Дмитрий Михайлович Насилов был единогласно избран председателем жюри. И в последующие годы он был постоянным председателем жюри Всероссийского конкурса учителей родных языков, который впоследствии было официально переименован во Всероссийский мастер-класс по родным языкам.

Безусловно, проведение конкурса способствовало и способствует развитию творческой активности педагогических работников в обновлении содержания образования, освоению новых педагогических технологий, росту профессионального мастерства, повышению методической культуры, формированию активной гражданской позиции педагогических работников, повышению статуса учителей родных языков. В конкурсе принимали участия учителя, ставшие победителями региональных конкурсов, то есть «лучшие из лучших». Результатом данного мероприятия становилось распространение ценного опыта учителей родных языков в современных условиях. А самое главное — широкое признание учителей на самом высоком уровне как хранителей и проводников родного языка, что придавало учителям родных языков стимул в дальнейшей работе и осознанную значимость в сохранении родного языка и традиционной культуры своего народа.

В небольшом сообщении мы не перечислили диссертационные работы, имена аспирантов, названия учебной литературы, которые подготавливал Дмитрий Михайлович, потому что перечисление займет несколько страниц. Нам посчастливилось поработать с таким замечательным человеком более 25 лет. В нашей памяти Дмитрий Михайлович Насилов навсегда останется вечным тружеником, бесценным учителем-наставником, которому наше почитание и благодарность выражаем бессмертными словами классика: «Учитель! Позволь смиренно преклонить колени пред тобой».

Ж.С. СЫЗДЫКОВА

(д.и.н., проф., зав. кафедрой
стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА
МГУ имени М.В. Ломоносова)

Дмитрий Михайлович Насилов — всегда на ступеньку выше...

Вот уже почти два года, как с нами нет Дмитрия Михайловича. Но человек остается с нами, пока мы его помним. Что позволяет нам не забыть о нем? Конечно, мы помним его образ, но в первую очередь мы помним о тех делах, которые он совершил, в нашей памяти человек — это, прежде всего, его характер, благодаря которому он и добился в жизни чего-то важного и значительного. Не зря в народе говорят: воспитаешь характер — пожнешь судьбу! Не знаю, как ковался характер Дмитрия Михайловича, где прошли его детство и отрочество. Но нет никакого сомнения в том, что это человек с большой буквы! Мы вспоминаем о Дмитрие Михайловиче как о профессоре, большом ученом, чье имя известно далеко за пределами нашего Отечества. Но в то же время я вспоминаю о нем как о близком для меня и для моих коллег человеке. Таким мы его запомнили: знающим, всегда готовым прийти на помощь каждому из нас — будь то студент или преподаватель, скромным, с неизменным, каким-то особым чувством собственного достоинства. Казалось, вот он рядом, но все же высоко, словно стоит на совершенно иной ступеньке — ближе к вершине, на ступеньке, к которой мы все пытались тянуться...

С профессором Насиловым коллектив кафедры стран Центральной Азии и Кавказа несколько лет работал рука об руку. Наша кафедра была тогда только создана, было очень много сложностей, связанных со становлением нового направления в российском востоковедении, необходимо было быстро

и качественно готовить столь востребованных сейчас специалистов по Центральной Азии и Кавказу.

И Дмитрий Михайлович, не жалея сил и времени, включился в работу нашей кафедры. Он не только читал лекции, вел семинары по широкой проблематике соответствующих стран — по филологии, истории, культурологии, но и, будучи прекрасным специалистом по узбекскому языку, проводил практические языковые занятия, что было особенно ценно в условиях острой нехватки кадров в начале 2000-х годов.

Не нужно забывать, что в то время практически не было учебников и другой учебно-методической литературы по соответствующим странам. И Дмитрий Михайлович сразу же с энтузиазмом, которому могли бы позавидовать молодые сотрудники, включился в процесс, взяв на себя самые сложные участки работы по написанию учебников по азербайджанскому и узбекскому языкам. Несмотря на свою колоссальную загруженность по другим линиям своей работы, он изо дня в день трудился над созданием этих учебников, скрупулезно работая над каждой строкой, каждой фразой. Учебники были изданы, тиражи моментально закончились, книги стали библиографической редкостью. По ним до сих пор учатся студенты не только нашего института, но и многих других учебных заведений России и стран СНГ. Это весомый вклад, который Дмитрий Михайлович внес для развития нового направления в востоковедении.

Мне также хотелось бы вспомнить о Дмитрие Михайловиче как о бесценном редакторе: он никогда не отказывался редактировать сборники материалов наших многочисленных конференций, круглых столов, научные монографии и пр. Если редактором выступал Дмитрий Михайлович, можно было ни о чем не волноваться: в книге не было ни одной ошибки — научной или технической, — ни одной опечатки.

Дмитрий Михайлович и сам всегда участвовал во всех наших конференциях, симпозиумах, круглых столах, которые мы ежегодно проводим в большом количестве. Профессор Насилов всегда выступал с интереснейшими, содержательными докладами, которые не оставляли равнодушными ни студентов, ни преподавателей, ни маститых ученых. Слушая его доклады, я всегда поражалась его эрудиции, умению легко и доступно представлять материал, четкости мысли и логике изложения. Когда многие из наших коллег еще только начали осваивать элементарные навыки владения компьютером, Дмитрий Михайлович уже готовил сложные с технической точки зрения презентации, всегда интересовался компьютерными и технологическими новинками, особенно в области лингвистики. Быстро схватывая все новое сам, он научил и многих моих коллег пользоваться рядом компьютерных программ, необходимых востоковеду.

Особенно мне запомнилось одно из последних научных событий, в котором участвовал Дмитрий Михайлович: в конце 2016 года мы проводили кон-

ференцию, посвященную суфийскому поэту и мыслителю Ахмеду Ясеви. Дмитрий Михайлович, несмотря на то, что уже плохо себя чувствовал, считал для себя важным выступить с докладом. На конференции присутствовали ученые с мировым именем, занимающиеся изучением творчества А. Ясеви. Но все равно доклад Дмитрия Михайловича отличался от всех остальных. В конце выступления Дмитрий Михайлович читал наизусть стихотворения Ясеви — так проникновенно и лирично, что, казалось, они были написаны не в XII веке, а в наши дни. Слушатели долго аплодировали ему. Это было как бы последнее напутствие нам великого ученого, облаченное в мысли великого философа.

Его присутствие на нашей кафедре всех нас умиротворяло, иногда одного его мудрого слова хватало, чтобы намечающийся конфликт или потенциально негативная ситуация были предотвращены. Он обладал уникальным даром просто, как бы невзначай дать человеку стоящий совет, который был по-настоящему необходим.

И сейчас, в трудные минуты, я часто мысленно обращаюсь за советом к Дмитрию Михайловичу, думаю, как бы он поступил в этой ситуации.

Профессор Насилов — поистине человек с большой буквы, который стал примером для подражания для меня и моих коллег и, надеюсь, будет служить примером для подрастающих поколений. Важно всегда видеть перед собой эту ступеньку, ведущую к вершине.

Светлая память, дорогой Дмитрий Михайлович...

М.А. ТАГАНОВА

(к.ф.н., докторант Национального института рукописей
АН Туркменистана)

Meniň ylmy atam.

В память о Дмитрие Михайловиче Насилове

В жизни встречаются люди или происходят события, которые кардинально её меняют, направляя человека в нужное русло. В моей жизни таким человеком стал замечательный ученый-тюрколог Дмитрий Михайлович Насилов, а событием — перевод на учёбу после третьего курса Туркменского государственного университета в Санкт-Петербургский государственный университет.

Дмитрий Михайлович Насилов — человек с большой буквы. Как справедливо отметила в своих воспоминаниях Е.А. Оганова: «Для нас, коллег, учеников и последователей, Дмитрий Михайлович был не просто блестящим учёным, а человеком с большим сердцем, добрым, чутким, отзывчивым, родным, никому и никогда не отказывающим в помощи — и в академическом, и в бытовом плане, в решении насущных житейских вопросов».

Именно Дмитрий Михайлович открыл для меня двери в тюркологию. Он и его супруга Галина Яковлевна стали для меня самыми близкими людьми, и можно сказать, вторыми родителями. Поэтому я с гордостью называю Дмитрия Михайловича по-туркменски *ylmy atam*, т.е. *мой научный отец*.

Немного об истории нашего знакомства. В 1983 году я училась на пятом курсе русского отделения филологического факультета Ленинградского государственного университета. Для своей дипломной работы выбрала тему «Повторяемость действия в русском и туркменском языках», которую начала на материале русского языка под руководством прекраснейшего языковеда из

Туркменского государственного университета Э.А. Давлатовой. Консультации по русской части мне давал мой научный руководитель по кафедре русского языка, а вот по туркменской части у меня не было возможности посоветоваться с туркменскими языковедами. Общее языкознание на пятом курсе должен был вести великолепный лингвист Ю.С. Маслов, но, к сожалению, он заболел. Занятия по этому предмету у нас вёл С.С. Яхонтов — замечательный востоковед, специалист высокого класса по китаеведению. Я обратилась к нему с просьбой посоветовать кого-то, кто смог бы проконсультировать меня по означенной части дипломной работы. С.С. Яхонтов и познакомил меня с Дмитрием Михайловичем Насиловым. Вот отсюда и начинается наше знакомство с моим научным отцом. Я очень благодарна С.С. Яхонтову за эту помощь. Всегда вспоминаю его добрыми словами. Дмитрий Михайлович стал не только моим консультантом, но и оппонентом на защите дипломной работы.

Я на всю жизнь запомнила слова-напутствия Дмитрия Михайловича перед отъездом в Ашхабад: «Я очень хочу, чтобы Вы продолжили заниматься наукой и использовали полученные здесь знания в изучении туркменского языка». Обещал написать письмо члену-корреспонденту АН Туркменистана, профессору, д.ф.н. Б. Чарыярову, чтобы он оказал помощь в утверждении темы. Он действительно написал, и Бяшим Чарыярович — директор Научно-исследовательского института языка и литературы Академии наук Туркменистана — принял меня, только что окончившую вуз. Побеседовав со мной о моей теме, он дал мне добро на продолжение этой работы. Таким образом, эта тема без утверждения осталась за мной.

Прошло некоторое время, и вновь благодаря Дмитрию Михайловичу я получила место на прохождение стажировки на кафедре тюркской филологии восточного факультета ЛГУ (ныне СПбГУ). После стажировки поступила в аспирантуру и написала кандидатскую диссертацию под руководством заведующего кафедрой, профессора, д.ф.н. С.Н. Иванова — прекраснейшего ученого, филолога, переводчика, поэта, подлинного знатока тюркских языков. От него я впервые услышала, что мой родной туркменский язык является одним из богатых языков тюркской группы, ни в чём не уступающим по богатству выразительных средств никакому другому языку. Вместе со студентами кафедры тюркологии я посещала лекции Сергея Николаевича, которые были очень нужны и полезны для русиста. На них он объяснял своим студентам, почему в составлении словарной статьи «Этимологического словаря тюркских языков», в первую очередь, Э.В. Севортян обратил внимание на туркменский материал, и объяснил это тем, что туркменский язык насколько богат, что изучив его диалекты, можно найти ответ на любой вопрос, возникающий в тюркологии. Каково же было удивление экзаменаторов во время сдачи экзамена по туркменскому языку перед защитой кандидатской диссертации, когда они услышали, что сказал С.Н. Иванов по вышеназванному по-

воду. Наши учёные с большим воодушевлением восприняли мнение именитого российского коллеги о туркменском языке.

В годы стажировки и аспирантуры, несмотря на то, что моим научным руководителем был профессор С.Н. Иванов, Дмитрий Михайлович оставался для меня главным консультантом и добрым советчиком не только в науке, но и в жизни, помогая принимать верные решения также по бытовым вопросам. Он никогда не ставил на первое место материальные блага и своих учеников воспитал такими же, интересовался нашими делами не только как педагог и научный наставник, но и по-отечески.

Дмитрий Михайлович никогда не воздвигал преград между собой и учениками, всегда разговаривал с нами на равных. Никогда не говорил: вы этот вопрос не знаете или плохо освоили, а наоборот — вы это знаете, подойдите к тому или иному вопросу таким образом, и советовал, на что и на какую литературу нужно обратить внимание... После его консультаций я всегда уходила одухотворенная, с новыми мыслями и планами.

Да, огромная благодарность Дмитрию Михайловичу за его консультации и советы. Именно они способствовали моему продвижению вперёд на научной стезе. Благодаря Д.М. Насилову я познакомилась с такими замечательными учеными, как С.Н. Иванов, А.В. Бондарко, А.Н. Тихонов, А.М. Щербак, В.Г. Гузев, Э.А. Грунина, И.В. Кульганек, А.Х. Гирфанова, Н.Н. Телицин, А.А. Бурыкин, И.А. Невская, И.В. Кормушин, Е.А. Оганова и многими другими.

Дмитрий Михайлович никогда не стремился к славе. И даже если научными руководителями его учеников впоследствии становились другие ученые, они в любой момент могли рассчитывать на его помощь. В числе этих учеников была не только я, но Н.Н. Телицин — замечательный тюрколог, ныне заведующий кафедрой тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Нашим научным руководителем был С.Н. Иванов. Именно таким образом Дмитрий Михайлович знакомил своих учеников с выдающимися людьми своего времени, открывая им путь в удивительный мир тюркологии.

Дмитрий Михайлович очень хотел, чтобы я подготовила докторскую диссертацию. Но ввиду объективных реалий современной истории этот вопрос был отложен на неопределенное время. Поступление в докторантуру стало возможно только при Президенте Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедове, который, восстановив Академию наук нашей страны, дал «зеленый свет» развитию туркменской науки, активизации научно-исследовательской деятельности по широкому спектру направлений.

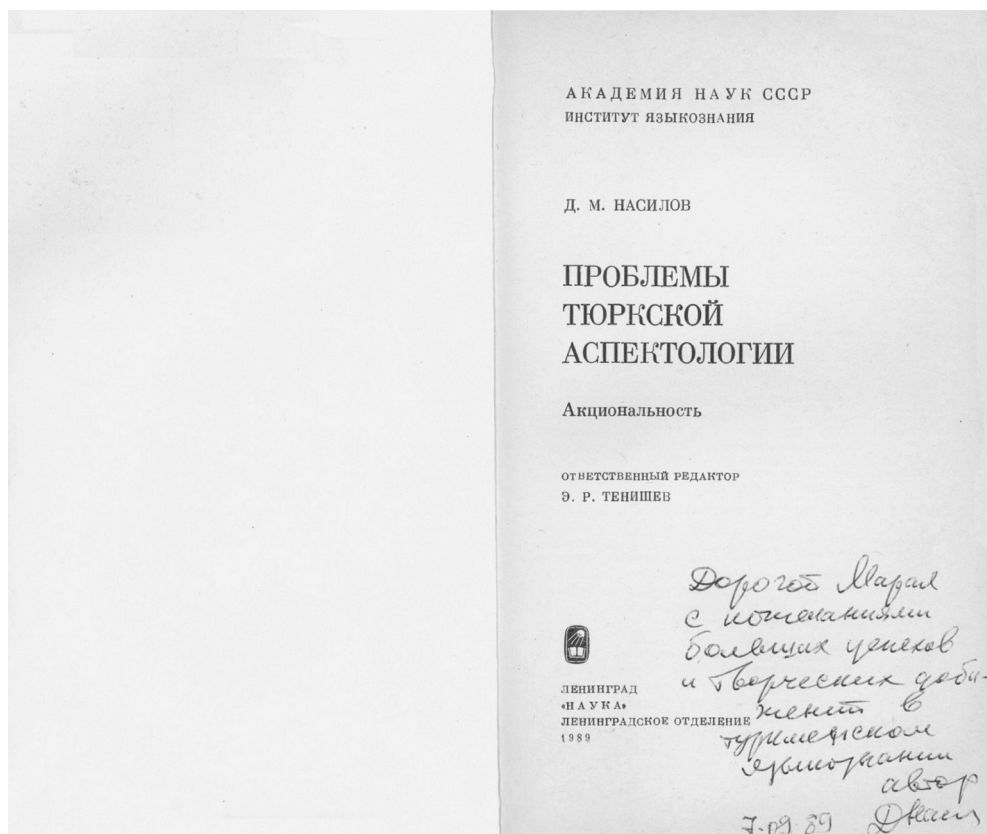
Получив место в докторантуре, я попросила Дмитрия Михайловича стать моим научным консультантом и получила его согласие. Несмотря на свою болезнь (о которой я ничего не знала), он помог мне оформить все необходимые документы. В результате он был назначен научным консультантом моей

докторской диссертации. Но, к сожалению, ему не суждено было увидеть её окончательный вариант. Из-за своей болезни Дмитрий Михайлович в июне попал в больницу. Конечно, мы надеялись на его выздоровление. Но, к сожалению, этого не случилось.

Добрая и вечная Вам память, наш дорогой наставник!

Дмитрий Михайлович Насилов сыграл особую роль в том, что простая девушка из туркменского села открыла для себя огромный и богатый мир тюркологической науки.

Все подписанные им работы и отзыв о теме моей диссертации будут всегда служить для меня напутствием в научно-исследовательской деятельности.

С.Ж. ТАЖИБАЕВА

(д.ф.н., профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева)

Д.М. Насилов — великий вдохновитель и мотиватор

У каждого человека в жизни бывают встречи с человеком, который оставляет неизгладимый след, вдохновляет и мотивирует ваши действия. Таким человеком для меня был Дмитрий Михайлович Насилов.

Моя первая встреча с Дмитрием Михайловичем Насиловым произошла в 1988 году во время прохождения научно-исследовательской практики. Мы (И.А. Невская и я) молодые аспиранты Института истории, филологии и философии СО АН СССР г. Новосибирска были командированы для работы в библиотеках г. Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга).

Научный руководитель И.А. Невской профессор Убрятова Е.И. передала нам свою только что вышедшую монографию по истории тюркских языков и список именитых тюркологов тогда еще Советского Союза, работавших в Москве и Ленинграде (Санкт-Петербурге). Конечно же, мы волновались и переживали о предстоящих встречах с тюркологами, чьи имена были знакомы только по их работам. Благодаря мудрому решению Елизаветы Ивановны, у нас с И.А. Невской была возможность не только познакомиться, но и получить консультации у Э.Р. Тенишева, Н.А. Баскакова, Л.С. Левитской, Э.А. Груниной, А.А. Кокляновой, А.М. Щербака, Л.А. Покровской, Д.М. Насилова. Сейчас, спустя 30 лет, я с большой теплотой вспоминаю, что все к кому мы приходили, нас встречали с большим уважением, интересовались проблемами, над которыми мы работали, давали советы и очень ценные для нас молодых аспирантов рекомендации.

В том же 1988 году проходила (последняя) Всесоюзная тюркологическая конференция в г. Бишкеке (Фрунзе). Каково же было мое удивление, когда

при встрече с Дмитрием Михайловичем он помнил не только мое имя и фамилию, но и тему моего исследования (я занималась исследованием причинно-следственных конструкций казахского языка в сопоставлении с южно-сибирскими тюркскими языками. Моим научным руководителем была профессор Майя Ивановна Черемисина). Он посоветовал прочитать новую литературу по функциональной грамматике, внимательно слушал мои «наивные» размышления и, как настоящий ученый и интеллигентный человек, мотивировал на новый научный поиск и размышления.

К сожалению, в связи с событиями, происходившими на постсоветском пространстве, я снова встретила Дмитрия Михайловича лишь в 2012 году на конгрессе в Берлине. Я выступала с докладом по тюркским миноритарным языкам, функционирующим в Казахстане. В то время мы с Ириной Анатольевной начинали работу над научным проектом, который хотели подать для получения грантового финансирования фонда Фольксваген (Германия). Доклад вызвал большой интерес у коллег, особенно много вопросов задавал Дмитрий Михайлович, присутствовавший на этой конференции. Он отметил его актуальность, перспективность и научную новизну. Дмитрий Михайлович снова мотивировал нас и «благословил» наш проект. В 2013 году мы получили грантовую поддержку от фонда Фольксваген для проведения международного исследования. В международном научном проекте “Interaction of Turkic Languages and Cultures in post-Soviet Kazakhstan” приняли участие преподаватели и студенты двух казахстанских и двух немецких вузов: Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана), Таразского государственного университета им. М.Х. Дулати, Франкфуртского университета им. Й.В. Гете (Франкфурт) и Свободного университета г. Берлина (Берлин).

В 2015 году в Берлинском свободном университете мы проводили симпозиум “Interaction of Turkic Languages and Cultures” в рамках нашего проекта. Дмитрий Михайлович выступал с очень интересным и актуальным докладом по языковой политике в РФ.

Во время конференции в гостинице произошел неприятный инцидент (у меня и у моей подруги были украдены деньги). Дмитрий Михайлович, узнав об этом, был обеспокоен и предложил свою помощь. Это было так трогательно... Щедрость и внимание Дмитрия Михайловича не знали границ....

К сожалению, встреча в 2015 году была последней.

Дмитрий Михайлович — светлый человек, оставивший добрую память о себе как Великий ученый, внимательный и заботливый коллега, великий вдохновитель и мотиватор, добрый и щедрый друг. Его идея о создании Красной книги по исчезающим языкам РФ заслуживает особого внимания и уважения не только научной общественности, но и всех, кому небезразлична судьба любого ЯЗЫКА.

В 2017 году в Германии мы (я, И.А. Невская и Л.Н. Тыбыкова) встречались с профессором Ларсом Йохансоном и профессором Эвой Чато-Йохон-

сон. Они искренне переживали об уходе из жизни Дмитрия Михайловича. Дмитрий Михайлович долгие годы был членом редколлегии журнала “Turkic Languages”, редактором которого является профессор Йохансон. Профессор Ларс Йохансон рассказал нам, что Дмитрий Михайлович был одним из первых ученых в СССР, оценившим его исследование по аспектуальности, вдохновившего его, тогда еще молодого исследователя, на новые поиски и решения.

Светлая память о Дмитрии Михайловиче Насилове всегда в наших сердцах. Мы с теплотой вспоминаем его тонкий юмор, интеллигентность, добрые слова поддержки, гениальность его трудов и то большое научное наследие, которое он оставил для всего тюркского мира.

И.В. ШЕНЦОВА

(д.ф.н., главный научный сотрудник
Института филологии СО РАН, г. Новосибирск;
член Российского комитета тюркологов)

Путеводная звезда (о Дмитрие Михайловиче Насилове)

Мой путь в науке освещен именем Дмитрия Михайловича Насилова, хотя он и не был моим официальным руководителем, но, во-первых, он был теоретиком нового направления в тюркологии 1980-х гг. — аспектологии, в рамках которой я начинала работать над проблемой видовых значений глагола в шорском языке, а, во-вторых, Дмитрий Михайлович курировал мою работу над учебниками для преподавания шорского языка в школе и вузе, обучение которому возобновилось в 1989 году после почти пятидесятилетнего перерыва [Шенцова: 1994; Шенцова: 1999; Шенцова: 1999а; Шенцова: 2003; Шенцова 2003а].

Тему для кандидатской диссертации мне выбрал мой наставник по шорскому языку кандидат филологических наук, доцент Новокузнецкого пединститута Электрон Федорович Чиспияков. Такую же тему, но ранее, он дал преподавателю Кемеровского политехнического института Надежде Николаевне Курпешко. Не зная друг о друге, мы стихийно разделили эту тему на две: Надежда Николаевна стала исследовать формы с глаголами бытия, а я — все остальные, которые относились к формам Aktionsart. С этими темами нас приняла в аспирантуру Института филологии СО АН СССР профессор Елизавета Ивановна Убрятова, хотя она выражала некоторое сомнение в актуальности наших тем, так как сложные формы глаголов в тюркских языках уже были обобщены в монографии А.А. Юлдашева [Юлдашев: 1965]. Тем не менее Елизавета Ивановна увидела перспективы диссертационных исследований в новом материале и в новых аспектах анализа шорских глагольных

форм. В процессе обучения в аспирантуре Елизавета Ивановна поддерживала нас и в итоге дала положительные отзывы на диссертации [Шенцова 1988; Курпешко 1989].

Работа над кандидатской диссертацией у меня проходила сложно: теоретическая база для описания была очень противоречивой, мои выступления на аспирантских конференциях вызывали каверзные вопросы. Понимание проблемы пришло с работами Д.М. Насилова, на которые мне указал Э.Ф. Чиспиков [Насилов 1971; Насилов 1976; Насилов 1978; Насилов, Ризаев 1983; Насилов 1984; Насилов 1985; Насилов 1988].

1970–80 годы были временем формирования теории аспектуальности (акциональности), которая складывалась в основном в русле учений славистов Ю.С. Маслова, Н.С. Авиловой, А.Н. Бондарко. Публикации Д.М. Насилова на материале тюркских языков стали и «зеркалом тюркской аспектологии», которое отразило все стадии развития этой проблематики, и научным продуктом — методологией для разработок в конкретных языках [Шенцова 1997: 18].

Развитие теории функциональной грамматики на материале тюркских языков стало творческим успехом Д.М. Насилова. Внедрённый им подход к семантической и функциональной систематизации разноуровневых образований и их интерпретация в качестве аспектуальных (акциональных) стало настоящим прорывом в тюркологии. Разработка тюркской аспектологии принесла ему истинную славу. Результирующие положения теории акциональности изложены в монографии [Насилов: 1989].

1990-е гг. и первые десятилетия XXI века Дмитрий Михайлович посвятил разработке других разделов функциональной грамматики, работе в разнообразных программах, в том числе в программах ревитализации языков малочисленных народов России [Насилов, Шенцова 1994; Шенцова, Насилов 2002]. В рамках Института языков народов России (директор профессор В.П. Нерознак) и Института национальных проблем образования Д.М. Насилов готовил национальные научные кадры, помогал написанию учебников на родных языках [Насилов, Шенцова 1994а; Насилов, Шенцова 1994б].

Дмитрий Михайлович сотрудничал с нами, шорскими языковедами: выступил оппонентом на защите диссертаций Н.Н. Курпешко [Курпешко 1997], И.А. Невской [Невская 1997], Н.И. Михайловой [Михайлова 1997], А.В. Есиповой [Есипова 2011], работал в соавторстве с И.А. Невской [Насилов и др. 2007]. Дмитрий Михайлович поддерживал меня своими советами во время моей работы над докторской диссертацией [Шенцова 1998].

Дмитрий Михайлович вел преподавательскую работу в Московском государственном университете. Его лекции были востребованы во многих вузах. Нам удалось пригласить его на кафедру шорского языка и литературы в Новокузнецкий государственный пединститут (насколько я помню, это было в сентябре 2001 года). Профессор Дмитрий Михайлович Насилов прочитал не-

сколько замечательных лекций студентам по древнетюркской рунике. Через несколько лет я посетила лекцию Дмитрия Михайловича о проблемах алтаистики в Московском университете. Доступно и с блеском изложенная, эта лекция вызвала интерес и восхищение у студентов, а у меня — сожаление, что не я обучаюсь у этого талантливого ученого.

Возобновление преподавания шорского языка — это, несомненно, эпохальное событие. С 1994 г., года первого выпуска, по настоящее время Новокузнецким пединститутом (вначале в статусе Педагогической академии, позже — филиала Кемеровского государственного университета) подготовлено около 160 специалистов по шорскому языку и литературе [Шенцова 2012]. Современные события показывают, что шорский язык в определенной степени проходит процесс ревитализации, и в этом заслуга многих ученых и общественных деятелей. Будем с великой благодарностью помнить и имя Дмитрия Михайловича Насилова.

Литература

- Есипова 2011 — *Есипова А.В.* Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка). — Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — М., ИЯ РАН, 2011.
- Курпешко 1989 — *Курпешко Н.Н.* Бивербальные конструкции с вспомогательными глаголами чат, одур, тур, чёр в шорском языке. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1989.
- Курпешко 1997 — *Курпешко Н.Н.* Основы обучения родному (шорскому) языку в начальной школе в условиях двуязычия. — Автореф. дис. ... докт. пед. наук. — М., ИНПО, 1997.
- Михайлова 1997 — *Михайлова Н.И.* Формы побуждения в шорском языке. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 1997.
- Насилов 1971 — *Насилов Д.М.* О способах выражения видовых значений в тюркских языках // Проблема общности алтайских языков. — Л.: Наука, 1971. — С. 366–376.
- Насилов 1976 — *Насилов Д.М.* Ещё раз о виде в тюркских языках. К истории вопроса. // *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. — Л.: Наука, 1976. — С. 11–120.
- Насилов 1978 — *Насилов Д.М.* Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках. // *Очерки сравнительной морфологии алтайских языков*. — Л.: Наука, 1978. — С. 88–177.
- Насилов 1983 — *Насилов Д.М., Ризаев Б.Х.* Фаза прекращения процесса в узбекском языке. // *Советская тюркология*, 1983, № 4. — С. 79–91.
- Насилов 1984 — *Насилов Д.М.* Аспектуальные значения аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке. // *Теория грамматического значения и аспектологические исследования*. — Л.: Наука, 1984. — С. 128–165.
- Насилов 1985 — *Насилов Д.М.* Уровни семантической абстракции и соотношение языковой и внеязыковой семантики в функциональной грамматике. // *Проблемы функциональной грамматики*. — М.: Наука, 1985. — С. 120–131.
- Насилов 1988 — *Насилов Д.М.* Взаимосвязи функционально-семантических полей в тюркских языках. // *Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной тюркологической конференции (7–9 сентября 1988 г.)*. — Фрунзе, 1988. — С. 162–164.

- Насилов 1989 — *Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. — Л.: Наука ЛО, 1989. — 208 с.
- Насилов 1995 — *Насилов Д.М.* Алтайский языковой тип и проблемы функциональной грамматики алтайских языков. // *Аборигены Сибири.* — Новосибирск, 1995. — С. 152–154.
- Насилов, Невская, др. 2007 — *Насилов Д.М., Невская И.А., Шенцова И.В., Исхакова Х.Ф.* Эвиденциальность в тюркских языках. // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии.* — СПб.: Наука, 2007. — С. 469–518.
- Насилов, Шенцова 1994 — *Насилов Д.М., Шенцова И.В.* Шорский язык // *Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник.* М.: Academia, 1994. С. 67–68.
- Насилов, Шенцова 1994а — *Насилов Д.М., Шенцова И.В.* Содержание предмета “родной (шорский) язык” и организация его изучения в школе. // *Проблемы профессиональной подготовки учителя в аспекте гуманизации образования (к 50-летию образования пединститута. Тезисы докладов научн.-практ. конф. Ноябрь 1994).* — Новокузнецк: НГПИ, 1994. — С. 172–173.
- Насилов, Шенцова 1994б — *Насилов Д.М., Шенцова И.В.* Шор тилинге үргенчабыс. Изучаем шорский язык (учебное пособие). — Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994.
- Невская 1997 — *Невская И.А.* Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири. — Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Новосибирск, 1997.
- Шенцова 1988 — *Шенцова И.В.* Выражение видовых значений глагола в шорском языке. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1988.
- Шенцова 1994 — *Шенцова И.В.* Шор тили. 3-чи класска ном. — Кемерово: АО Кемеровское книжное изд-во, 1994.
- Шенцова 1997 — *Шенцова И.В.* Акциональные формы глагола в шорском языке / *Научный редактор докт. филол. наук, профессор Д.М. Насилов.* — Кемерово: АОЗТ Кузбассвузиздат, 1997.
- Шенцова 1998 — *Шенцова И.В.* Шорский глагол. Функционально-семантическое исследование. — Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — М.: ИЯ РАН, 1998.
- Шенцова 1999 — *Шенцова И.В.* Шорский язык. Морфология (учебное пособие). — Новокузнецк: НГПТ, 1999.
- Шенцова 1999а — *Шенцова И.В.* Словообразование в шорском языке (учебное пособие). — Новокузнецк: НГПТ, 1999.
- Шенцова, Насилов 2002 — *Шенцова И.В., Насилов Д.М.* Шорский язык. // *Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник.* — М.: Academia, 2002. — С. 74–75.
- Шенцова 2003 — *Шенцова И.В.* Қыырчаң ном. Книга для чтения на шорском языке в 3 классе. Новокузнецк: КузГПА, 2003.
- Шенцова 2003а — *Шенцова И.В.* Шор Черибисте. У нас в Шории. Сказки для детей младшего школьного возраста. Новокузнецк, 2003.
- Шенцова 2012 — *Шенцова И.В.* Язык шорцев — коренного малочисленного этноса — в гуманитарном пространстве Кузбасса // *Материалы Всероссийской научно-практ. конф. «Кузнецкий край и Новокузнецк в историческом и социокультурном измерении. Посвящается 70-летию Кемеровской области и 375-летию г. Новокузнецка».* 29.11.2012. — Новокузнецк, 2012.
- Юлдашев 1965 — *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. — М.: Наука, 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	4
Список основных научных трудов Д.М. Насилова	7

Из неопубликованного наследия Д.М. Насилова

Насилов Д.М. , Кульганек И.В. Тюркские параллели в первых российских грамматиках монгольских языков А.В. Попова, А.А. Бобровникова	27

Научные статьи коллег, учеников и последователей Д.М. Насилова

Аврутина А.С. О тюркской филологии в европейском языкознании	41
Акалын Ш.Х. Образование слов в турецком языке путем обновления	50
Алексеева О.А. К проблеме межязыковых соответствий: перевод русских полупредикативных оборотов на турецкий язык	57
Аникеева Т.А. О некоторых мифологических животных в «Книге моего деда Коркута»	66
Баджанлы Э. Нестандартная лексикализация в тюркских языках (<i>на английском языке</i>)	73
Бурыкин А.А. Д.М. Насилов и алтайские этимологии: статьи «Этимологического словаря тюркских языков» Э.В. Севортына, выпуск 7	97
Глашев А.А. Алтайская гипотеза против алтайской теории	109
Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках	117

Гузев В.Г., Телицин Н.Н. Турецкие залого и понятие «залог»	134
Гусейнов Г.-Р.А-К. Булгарская и средневековая тюркская ономастика и этнонимика в историческом контексте древних ареальных взаимоотношений славянских и северокавказских тюркских языков	145
Дубровина М.Э. О синхронических и диахронических явлениях в языке (на примере турецких форм с показателями -dik и -diği)	157
Есипова А.В. Конверсия в тюркских языках. История вопроса. Концепция А.А. Юлдашева	166
Кадырова О.М. Направление исследований турецких деепричастий в работах турецких авторов	172
Кызласов И.Л. К поискам культурных прототипов азиатских рунических надписей: индоевропейские возможности	177
Лосева-Бахтиярова Т.В. Предикаты горения в узбекском языке	189
Майнагашева Н.С. О влиянии языковой ситуации на развитие литературного процесса Хакасии	194
Муртазалиев А.М. Дагестан в годы гражданской войны в «Кавказских воспоминаниях» турецкого эмиссара Мустафы Бутбая	203
Напольнова Е.М. О некоторых явлениях вторичной номинации в современном турецком языке	210
Невская И.А., Тажибаева С.Ж. Социолингвистическая ситуация тюркских этносов Казахстана: создание базы данных	221
Ниязова Г.Н. Сибирско-татарские и огузские лексические параллели	234
Норманская Ю.В. Первые кириллические учебные издания на узбекском языке и их диалектная принадлежность	239
Оганова Е.А., Воробьева С.Н. Поэтика любовной лирики турецкого певца-ашыка Караджаоглана	255
Ольмез М. Староуйгурское слово <i>körşi</i> (сосед, соседский) и его эквиваленты в современных тюркских и монгольских языках (на турецком языке)	268

Репенкова М.М. Архитектоника повести Айше Кулин «Бесконечное настоящее время»	277
Селютина И.Я. Фонологические системы в тюркских языках Южной Сибири: к проблеме языковой сложности	285
Таганова М.А. Об особенностях сложных слов в туркменском языке	295
Чертыкова М.Д. Лингвокогнитивная структура перцептивного события (на примере хакасского глагола <i>köp-</i> — смотреть, видеть)	305
Шамина Л.А. Тувинский синтаксис в сибирском лингвистическом контексте	314
Шарина С.И. Функционирование аспектуальных форм в нижнеколымкском говоре эвенского языка	321
Шенцова И.В. Структура и прагматика акциональных форм глагола в шорском языке	330

Воспоминания

Аврутина А.С. Памяти наставника... ..	339
Акалын Ш.Х. Памяти драгоценного Дмитрия Михайловича Насилова	341
Баджанлы Э. Мой учитель Дмитрий Михайлович Насилов	343
Бурыкин А.А. Вокруг истории алтаистики в Ленинграде–Петербурге в последней трети XX — начале XXI века	345
Верхова К.А. Вспоминая Дмитрия Михайловича Насилова	352
Дамбуева П.П. Памяти Дмитрия Михайловича Насилова	354
Дыбо А.В. «Нас так мало...»	355
Копушу В.И. Мой учитель был человеком со светлой душой	357
Кормушин И.В. Краткое слово о Дмитрии Михайловиче Насилове	359
Лосева-Бахтиярова Т.В. Нам Вас не хватает здесь, Дмитрий Михайлович... ..	365
Невская И.А. Воспоминания о Д.М. Насилове	367

Норманская Ю.В.	
Выдающийся ученый и очень скромный человек	371
Оганова Е.А.	
Памяти Учителя и друга... ..	373
Пустогачева О.Н.	
Дмитрий Михайлович Насилов — учитель учителей	375
Сыздыкова Ж.С.	
Дмитрий Михайлович Насилов — всегда на ступеньку выше... ..	378
Таганова М.А.	
<i>Meniñ ylmu atam.</i> В память о Дмитрие Михайловиче Насилове	381
Тажибаева С.Ж.	
Д.М. Насилов — великий вдохновитель и мотиватор	385
Шенцова И.В.	
Путеводная звезда (о Дмитрие Михайловиче Насилове)	388

CONTENTS

Editors' preface	4
List of D.M. Nasilov's publications	7

From the unpublished heritage of D.M. Nasilov

<u>Nasilov D.</u> , Kulganek I. Turkic parallels in the first Russian grammars of Mongolian language	27

Articles of D.M. Nasilov's colleagues, students and followers

Avrutina A. Upon Turkic phonology in European linguistics	41
Akalın Ş. Word-formation in Turkish by updating the words	50
Alekseeva O. Upon the issues of interlingual correlations: translation of semi-predicative constructions from Russian into Turkish	57
Anikeeva T. On some mythological animals in «The Book of Dede Korkut»	66
Bacanlı E. Extraordinary lexicalizations in Turkic languages	73
Burykin A. D.M. Nasilov and Altai etymologies: entries of «Etymological dictionary of Turkic languages»	97
Glashev A. Altai hypothesis against Altai theory?	109
Guzev V., <u>Nasilov D.</u> Upon the interpretation of the category of number of nouns in the Turkic languages	117

Guzev V., Telitsin N., Turkic voices and concept of «voice»	134
Guseynov G.-R.A.-K. Bulgar and medieval Turkic onomastics and ethnonyms in historical context of ancient areal relationships of Slavic and North Caucasian Turkic languages	145
Dubrovina M. Upon the issue of synchronic and diachronic phenomena in language (a study of Turkish forms with -dık and -dıđı)	157
Esipova A. Conversion in Turkic languages. History of discussion. Historical background. Conception of A.A. Yuldashev	166
Kadyrova O. Directions of research on Turkish converbs in Turkish Linguistics	172
Kyzlasov I. Searching for cultural prototypes of Asian runic inscriptions: Indo-European opportunities	177
Loseva-Bakhtiyarova T. Predicates of burning in Uzbek language	189
Maynagasheva N. Influence of sociolinguistic situation on development of literary process in Khakassia	194
Murtazaliev A. Dagestan during Russian Civil War in «The Caucasian Memoirs» of Turkish emissary Mustafa Butbay	203
Napolnova E. Some phenomena of secondary nomination in modern Turkish language	210
Nevskaya I., Tazhibayeva S. Sociolinguistic situation of Turkic ethnicities of Kazakhstan: data base creation	221
Niyazova G. Siberian Tatar and Oguz lexical parallels	234
Normanskaya J. The first Cyrillic books in Uzbek language and their dialectal origin	239
Oganova E., Vorobyeva S. Poetics of love lyrics of Turkish ashik Karacaođlan	255
Olmez M. Old Uyghur <i>körđi</i> and its equivalents in Turkic and Mongolian languages	268

Repenkova M. Architectonics of story «Infinite present time» by Ayşe Kulin	277
Selyutina I. Phonological systems in Turkic languages of South Siberia: problem of language complexity	285
Taganova M. Characteristics of compound words in Turkmen language	295
Chertykova M. Linguistic and cognitive structure of perceptual events (on example of Khakass verb <i>kör-</i> ‘look, see’)	305
Shamina L. Tuvan syntax in Siberian linguistic context	314
Sharina S. Aspectual forms in Lower-Kolyma dialect of Even language	321
Shentsova I. Structure and usage of Aktionsart forms in Shor	330
Reminiscences	
Avrutina A. In memory of the mentor... ..	339
Akalın Ş. In memory of highly-estimated Dmitriy Mikhailovich Nasilov	341
Bacanlı E. My teacher Dmitriy Mikhailovich Nasilov	343
Burykin A. About the history of Altaic studies in Leningrad–Saint Petersburg from the last third of the 20 th century to the beginning of the 21 st century	345
Verkhova K. Remembering Dmitriy Mikhailovich Nasilov	352
Dambuyeva P. In memory of Dmitriy Mikhailovich Nasilov	354
Dybo A. «We are so few...»	355
Kopuschu V. My teacher was a kindhearted person	357
Kormushin I. Brief memories about Dmitriy Mikhailovich Nasilov	359
Loseva-Bahtiyarova T. We are missing you here, Dmitriy Mikhailovich... ..	365
Nevskaya I. Memories of Dmitriy Mikhailovich Nasilov	367

Normanskaya J.	
An outstanding scientist and a very modest man	371
Oganova E.	
In memory of Teacher and friend	373
Pustogacheva O.	
Dmitriy Mikhailovich Nasilov — teachers' teacher	375
Syzdykova J.	
Dmitriy Mikhailovich Nasilov — always one step ahead	378
Taganova M.	
<i>Meniñ ylmy atam.</i> In memory of Dmitriy Mikhailovich Nasilov	381
Tajibaeva S.	
D.M. Nasilov — a great inspirer and motivator	385
Shentsova I.	
A guiding light (about Dmitriy Mikhailovich Nasilov)	388

Научное издание

«SÖZÜM MUNDA QALİR, BARİR BU ÖZÜM...»

Scripta in memoriam D.M. Nasilov

Коллективная монография

*Утверждена к печати решением Ученого совета
Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
(протокол № 1 от 27.06.2019)*

Корректоры О.А. Алексеева, К.А. Верхова

Художник Ю.В. Секриер

Оформление оригинал-макета Е.А. Оганова, О.В. Волкова

ООО «Издательство МБА»

Москва, ул. Озёрная, д. 44, стр. 1, тел. (495) 726-31-69;

(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.

e-mail: izmba@yandex.ru

Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Подписано в печать с оригинал-макета 01.07.19.

Формат 70×100 1/16. Тираж 150 экз. Заказ № 370